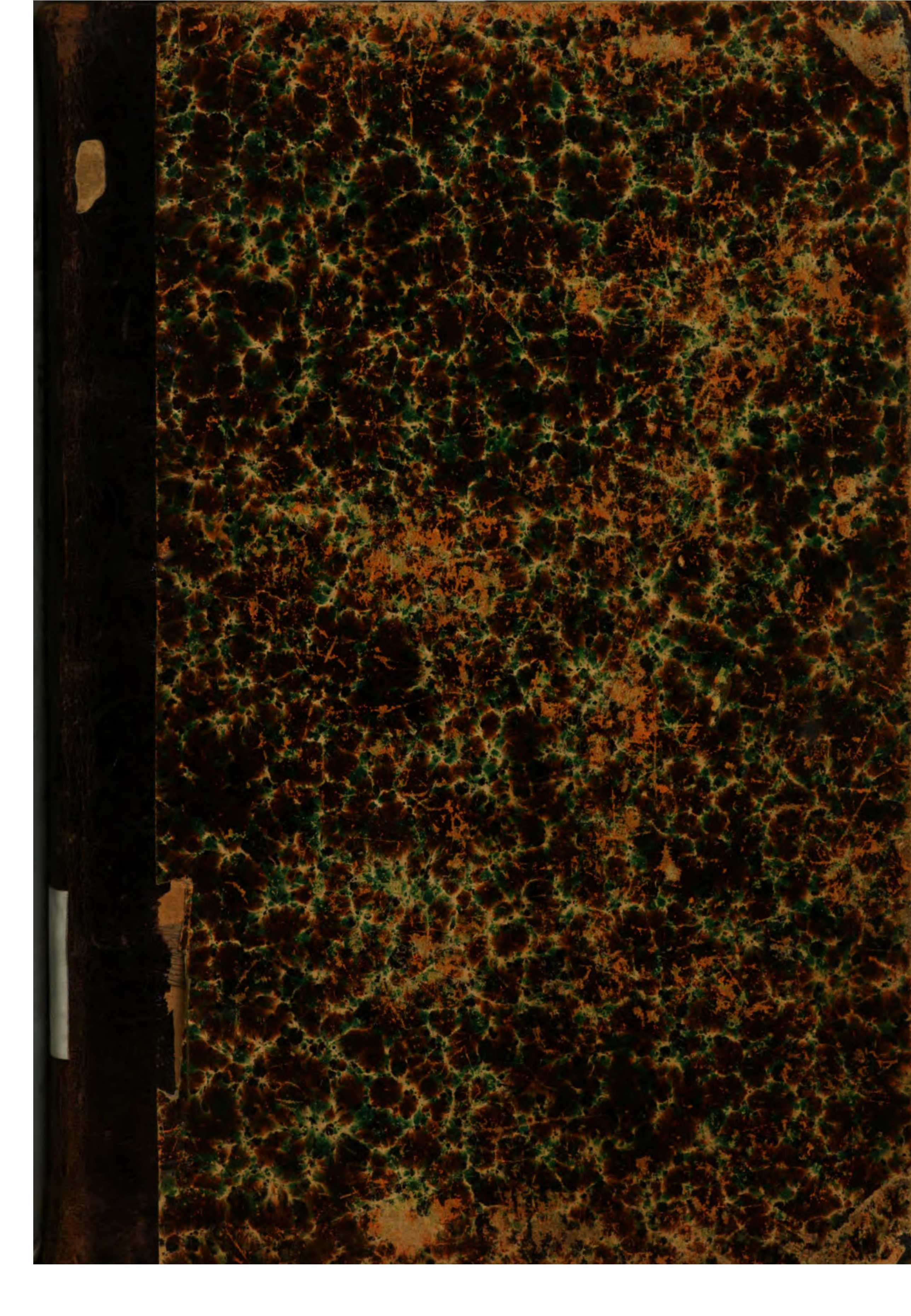
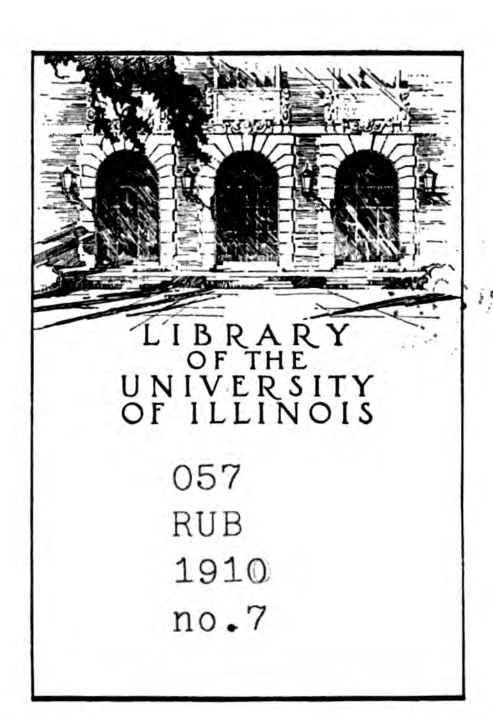
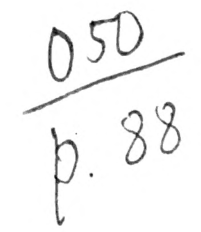

1467
7

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1910 ГОДЪ

(XVIII-ый ГОДЪ ИЗДАНІЯ)

НА ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ и НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

РУССКОЕ БОГАТСТВО,

ИЗДАВАЕМЫЙ **Вл. Гал. КОРОЛЕНКО**

при ближайшемъ участіи **Н. Ѳ. Анненскаго, А. Г. Горнфельда, Діонео, С. Я. Елпатьевскаго, А. И. Иванчинъ-Писарева, Ѳ. Д. Крюкова, Н. Е. Кудрина, П. В. Мокіевскаго, В. А. Мякотина, А. Б. Петрищева, А. В. Пѣшехонова, А. Е. Рѣдько, С. Н. Южакова** и **П. Ф. Якубовича (Л. Мельшина).**

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА съ доставкою и пересылкою: на годъ—**9** р. на 6 мѣс.—**4** р. **50** к.; на 4 мѣс.—**3** р.; на 1 мѣс.—**75** к.

Безъ доставки: на годъ—**8** р.; на 6 мѣс.—**4** р.

Съ наложеннымъ платежомъ отдѣльная книжка **1** р. **10** к.

За границу: на годъ—**12** р.; на 6 мѣс.—**6** р.; на 1 мѣс.—**1** р.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ журнала, *Баскова ул.*, *9*.

Въ Москвѣ—въ отдѣленіи **конторы,** *Никитскій бульваръ, д. 79, Мошкиной.*

Въ Одессѣ—въ книжномъ магазинѣ Одесскія Новости—*Дерибасовская, 20* *).—Въ магазинѣ „Трудъ"—*Дерибасовская ул., д. № 25.*

Доставляющіе подписку КНИЖНЫЕ МАГАЗИНЫ, ЗЕМСКІЕ СКЛАДЫ И УПРАВЫ, ЧАСТНЫЯ И ОБЩЕСТВЕННЫЯ БИБЛІОТЕКИ, ПОТРЕБИТЕЛЬНЫЯ ОБЩЕСТВА, ГАЗЕТНЫЯ БЮРО, КОМИТЕТЫ ИЛИ АГЕНТЫ ПО ПРІЕМУ ПОДПИСКИ ВЪ РАЗНЫХЪ УЧРЕЖДЕНІЯХЪ **могутъ** удерживать за коммиссію и пересылку денегъ по 40 коп. съ каждаго экземпляра т. е. присылать вмѣсто 9 рублей, 8 руб. 60 коп., ТОЛЬКО ПРИ ПЕРЕДАЧѢ СРАЗУ ПОЛНОЙ ГОДОВОЙ ПЛАТЫ.

Подписка въ разсрочку или не вполнѣ оплаченная—8 р. 60 к.—отъ нихъ НЕ ПРИНИМАЕТСЯ до полученія недостающихъ денегъ, какъ бы ни была мала удержанная сумма.

*) Здѣсь же продажа изданій „Русскаго Богатства".

СОДЕРЖАНІЕ:

(*См. на оборотѣ*).

„О Н О“.

I.

Харитонъ изъ Сухого Лога пришелъ однажды въ городъ поискать работишки, да такъ здѣсь и замотался, перебиваясь съ хлѣба на квасъ и еще ухитряясь кое-какіе заработанные гроши отдавать въ семейство. А семейство у него было большое: старикъ-отецъ, жена, сестра-дѣвка, да восемь душъ дѣтей малъ-мала меньше,—и на всю эту ораву шматочекъ земли, на которомъ, если хорошему косарю разъ размахнуться, и то къ сосѣду въ поле попадешь. Жить съ этого обычнымъ крестьянскимъ порядкомъ никакъ невозможно было; поневолѣ Харитону пришлось подаваться на сторону, и жадный городъ, потихоньку да полегоньку, все больше и больше втягивалъ его въ свою ненасытную утробу.

Каждый день рано утромъ, какъ только на всѣ лады заревутъ гудки, Харитонъ надѣвалъ свой полушубокъ изъ семидесяти-семи заплатъ, нахлобучивалъ бурую, когда-то плисовую шапку, за поясъ затыкалъ топоръ, а подъ мышку бралъ пилу и выходилъ на базаръ, поближе къ тому мѣсту, гдѣ продавались дрова. Тамъ, между двумя длинными рядами возовъ съ „охвостьемъ“, швыркомъ, брусьями и досками, уже шныряли ранніе покупатели, приглядывались, прицѣнивались, а за ними по пятамъ ходили такіе же, какъ Харитонъ, голодные и оборванные люди съ пилами и топорами. Они злобно косились другъ на друга, переругивались, толкались и зорко высматривали въ толпѣ покупателя посолиднѣе и одѣтаго побогаче. Когда такой находился, всѣ обступали его, заглядывали въ глаза, вмѣшивались въ торгъ съ продавцомъ дровъ и, если торгъ слаживался, наперебой предлагали свои услуги „порѣзать дровецъ“. Разгорались страсти, завязывалась крѣпкая ругань, дѣло доходило иногда до зуботычинъ. Народъ все

былъ отчаянный, голая бѣднота,—замотавшіеся мужики, мѣщане, потерявшіе свою линію,—однимъ словомъ, такіе люди, которымъ было все равно, которыхъ уже не пугала ни сума, ни тюрьма, потому что они давно перешли за черту всякихъ установленныхъ формъ, обычаевъ и порядковъ.

Среди этой рваной, пьяной и отверженной толпы больше всѣхъ былъ замѣтенъ старый дровоколъ, Степанъ Синій носъ, первый ругатель, драчунъ и безбожникъ, про котораго говорили, что онъ давно забылъ, гдѣ и бога-то стоятъ. Страшный, сѣдой и лохматый, съ огромнымъ, сизымъ отъ пьянства носомъ, онъ, какъ лѣшій, бродилъ по базару въ поискахъ суммы, необходимой для покупки сотки и огурца на закуску. Если не удавалось ничего заработать, онъ просилъ у прохожихъ и, въ случаѣ отказа, разражался такой ядовитой бранью, что у прохожаго душа уходила въ пятки, и человѣкъ спѣшилъ скорѣе унести ноги отъ свирѣпаго старика, съ топоромъ за поясомъ и пилой на плечѣ. Если же день былъ удачный и Синему носу попадала въ руки рублевка, онъ заливался пьянствовать на нѣсколько сутокъ и, напившись, въ самомъ растерзанномъ видѣ, съ пѣснями шатался по улицамъ. Пѣсенъ онъ зналъ великое множество, кажется, даже сочинялъ ихъ и самъ, но самая любимая у него была „про пилу“. Когда Синій носъ былъ благодушно настроенъ, онъ съ особеннымъ чувствомъ заводилъ на высокихъ нотахъ:

Эхъ, пила моя, пила, ты кормилица моя,
Ты и кормишь, и поишь, выручаешь ты меня!
Эхъ! съ тобой, моя пила, неразстанно я хожу,
А коль смерть моя придетъ, въ гробъ съ собою положу...

Но минуты благодушія у него были рѣдки; чаще всего Синій носъ пѣлъ пѣсни непристойныя, и первое удовольствіе ему было — остановиться передъ папертью какой-нибудь церкви, когда тамъ шла служба, и при входѣ или выходѣ благочестивыхъ прихожанъ поразить ихъ слухъ разухабистымъ кабацкимъ напѣвомъ, разнузданность котораго соединялась съ отвратительнымъ безстыдствомъ словъ. Благочестивые прихожане въ ужасѣ шарахались отъ старика и крестились, а онъ хохоталъ и кричалъ въ догонку, пересыпая рѣчь безобразными ругательствами:

— А что, не нравится, постная морда? Потихоньку грѣшить любишь, а на людяхъ преподобнаго корчишь? Хо-хо-хо! Ну-ну, поди, помолись, боженька тебѣ грѣховъ сбавитъ, а попъ маслицемъ помажетъ,—хо-хо!..

Иногда на Степана жаловались, а то самъ попадался на глаза начальству; его отправляли въ участокъ и тамъ не-

щадно били. Но онъ былъ живучъ, какъ кошка, и весь опухшій, съ подбитыми глазами и кровоподтеками на лицѣ, снова появлялся на базарѣ, приставалъ къ покупателямъ, пугалъ прохожихъ, а къ вечеру уже ползъ на четвереренькахъ, сопровождаемый смѣшливой толпой мальчишекъ, которые плясали вокругъ него, тыкали палкой и кричали:

— Синій носъ, Синій носъ, къ вѣдьмѣ спать пополо́зъ

Старикъ безсильно грозилъ кулакомъ, силился подняться, опять падалъ, наконецъ, доползалъ до какого-нибудь забора и засыпалъ зловѣщимъ сномъ, похожимъ на смерть. Прохожіе задѣвали его ногами, собаки обнюхивали и лизали ему лицо. Онъ ничего не слышалъ, ничего не чувствовалъ и былъ, какъ трупъ. Даже вороны, обманутыя его неподвижностью, слетались на заборъ, чистили клювы, нетерпѣливо хлопали крыльями и переговаривались между собой: „пора? пора, пор-ра, порра-а"!..

На базарѣ говорили, что у Степана есть гдѣ-то у рѣки свой домъ, есть жена, есть дѣти. Говорили, что прежде онъ хорошо жилъ, былъ хорошій столяръ и трезвый, богобоязненный человѣкъ. Но отъ самого Степана никогда ничего объ этомъ не слыхали. Можетъ быть, этого и не было вовсе, а можетъ быть и было, да онъ давно забылъ и не хотѣлъ вспоминать.. И пилъ, богохульствовалъ, валялся подъ заборами на потѣху ребятишкамъ... И бродячія собаки лизали его окровавленное лицо, а вороны нетерпѣливо каркали: „пора? Нѣтъ еще, не пора"...

II.

Харитонъ избѣгалъ близкаго общенія съ этими пьяными и буйными людьми, потерявшими въ жизни свою линію. Онъ не любилъ и боялся ихъ. Они были смѣлы, дерзки, часто ругались и дрались,—у Харитона былъ тихій, робкій характеръ, была стыдливая, замкнутая душа. Имъ давно уже было „наплевать на все", а въ душѣ Харитона никогда не угасала надежда какъ-нибудь „поправиться", собраться съ силами, устроить свою жизнь хозяйственно и прочно. Поэтому Харитонъ старался съ ними не смѣшиваться, и на базарѣ, въ то время, какъ Синій носъ съ товарищами нахрапомъ добывали себѣ работу, онъ стоялъ гдѣ-нибудь въ сторонкѣ и смиренно ждалъ своей фортуны. Его кроткое лицо и просящіе, полные голоднаго ожиданія глаза выдѣлялись въ крикливой толпѣ назойливыхъ оборванцевъ, и чаще всего Харитона нанимали женщины съ мягкою, сердобольною душой: бѣдныя старушки-чиновницы въ ста-

ренькихъ ватныхъ салопахъ и смѣшныхъ капорахъ съ полинялыми лентами, кухарки небогатыхъ господъ, простодушныя вдовѣющія купчихи, у которыхъ торговая разсчетливость вѣчно борется съ благочестивыми стремленіями къ добрымъ дѣламъ и бабьей жалостливостью. Маленькій, тихій мужичокъ съ испуганнымъ, покорнымъ взглядомъ трогалъ ихъ чувствительныя сердца. Купивъ возикъ дровецъ, онѣ нанимали рѣзать непремѣнно Харитона и потомъ уже навсегда оставались его постоянными кліентками. Платили, правда, довольно скудно, потому что онъ никогда не торговался, но за то послѣ работы каждый разъ зазывали на кухню, кормили остатками щей и каши, поили чайкомъ, а случалось, и дарили кое что изъ старья для ребятишекъ. И Харитонъ, пригрѣвшись въ теплѣ и уютѣ чужого гнѣзда, за шумящимъ самоварчикомъ, обласканный добрымъ словомъ и женскимъ участіемъ, размякалъ душой и начиналъ думать, что на свѣтѣ вовсе уже не такъ худо жить, что люди, въ сущности, очень добры и справедливы, и если ему самому не больно сладко живется, то это уже не иначе, какъ божіе произволеніе.

Но бывали на Харитоновой улицѣ и большіе праздники, когда ему перепадали не только старушки-чиновницы или кухарки захудалыхъ господъ, а настоящіе „купцы", закупавшіе дрова цѣлыми саженями. Харитонъ долго помнилъ такіе счастливые дни, потому что, кромѣ хорошаго заработка, ему представлялась возможность и поработать всласть, а работу Харитонъ любилъ и отъ невольнаго бездѣлья страдалъ такъ же, какъ и отъ голода. Видъ толстыхъ дубовыхъ плахъ опьянялъ его, какъ вино, мѣрное шипѣніе пилы, впивающейся въ древесину, веселило сердце, хотѣлось самому пѣть и хотѣлось смѣяться. Харитонъ преображался, становился какъ будто бы выше ростомъ, его простое, незначительное лицо пріобрѣтало выраженіе серьезной дѣловитости и спокойнаго сознанія собственнаго достоинства. Работалъ онъ очень добросовѣстно и аккуратно, пригоняя полѣно къ полѣну, и самъ любовался чистотой отдѣлки, когда кто-нибудь выходилъ посмотрѣть на его работу.

— Это ужъ будьте покойны, хозяинъ!—гордо говорилъ онъ.—Это ужъ я не люблю зря дѣлать, работа—аблимантъ! Вотъ извольте поглядѣть, вотъ тебѣ плашки—одна къ одной, чисто сестры родныя! А вотъ подживечки для самовару, это подъ антрацитъ, а здѣсь я щепочки склалъ,—пригодятся на растопку. Все въ аккуратѣ, одно слово—аблимантъ!..

И, нѣжно поглаживая бѣлыя, душистыя полѣнья, онъ прибавлялъ со вкусомъ:

— Эхъ, дрова-то... Чисто пряники!

Получивъ рубля три-четыре, съ прибавленіемъ двугривеннаго на чай, Харитонъ нѣсколько дней послѣ того ходилъ имянинникомъ, и смутно мерещились ему тогда какія-то призрачныя поля, съ жирными, горячими пластами земли, съ желтой рожью, среди которой, звеня, блестѣли косы, красными цвѣтами расцвѣтали костры, пахло дымомъ и кашей, весело и сыто ржали жеребята.

Но это были только сны,—несбыточные сны алчущаго и жаждущаго въ безплодной пустынѣ, а на яву рубли перепадали Харитону очень рѣдко, и если ему удавалось въ обычное время заработать копѣекъ 30-40, онъ благодарилъ Господа-Бога. Изъ этихъ скудныхъ грошей Харитонъ бралъ себѣ ровно столько, сколько было нужно, чтобы не умереть съ голода; а остальное копилъ и тщательно пряталъ въ онучу „для своихъ" и даже въ самыя тяжелыя минуты жизни не тратилъ отсюда ни копѣйки. А приходилось иногда очень туго. Выпадали не только дни,—цѣлыя недѣли, когда Харитоновы руки, пила и топоръ оказывались совершенно никому не нужны. Напрасно онъ толкался во всѣ мѣста, заходилъ въ лѣсные дворы, заглядывалъ на кухню къ знакомымъ кухаркамъ, ловилъ на улицѣ чужихъ людей и съ отчаяніемъ въ глазахъ, какъ милостыни, просилъ какой-нибудь „работенки",—ничего не выходило. Вокругъ Харитона точно смыкался какой-то заколдованный желѣзный кругъ, и онъ въ смертельномъ ужасѣ метался въ немъ, какъ загнанный звѣрь, ища спасенія. Люди становились жесткими, холодными, недовѣрчиво косились на лохматаго, голоднаго мужика и торопились поскорѣе пройти мимо. Дома смотрѣли угрюмо и враждебно, за воротами хрипло рычали цѣпные псы, двери и окна торопливо захлопывались. Небо было далекое и суровое, оно злобно сыпало дождемъ или снѣгомъ или вздымало вѣтромъ клубы ѣдкой, сѣрой пыли, которая слѣпила глаза, забивала ротъ, мѣшала дышать. Хотѣлось лечь и уснуть и никогда не просыпаться... Странныя, темныя мысли путались въ ослабѣвшемъ мозгу... „Вотъ вѣдь на базарѣ надысь про одного сказывали... Шатался—шатался вотъ эдакъ же безъ работы, кусать нечего, податься некуда,—зашелъ парень въ отхожее мѣсто, снялъ оборку съ лаптя, да и похарчился... А то бываетъ,—пойтить на линію, да подъ машину головой... Вразъ порѣшить, по крайности долго не мучиться"... И сладкая одолѣвала истома, и не пугала ни боль, ни смерть, и такъ же смутно, какъ жирныя поля въ какой-то невѣдомой землѣ, мерещился вѣчный покой, который сулятъ мертвецамъ попы въ надгробныхъ молитвахъ.

Но вдругъ эту предательскую, липкую паутину, гдѣ, какъ муха, билась усталая Харитонова мысль, прорывали чьи-то смѣшныя, маленькія рожицы, и Харитонъ вспоминалъ, что вѣдь у него восемь душъ ребятъ, и баба въ деревнѣ, и изба, и за онучей тщательно зашита тяжкими трудами скопленная десятка. Онъ весь встряхивался, точно въ живую воду окунулся, подтягивалъ покрѣпче поясъ, чтобы не ворчало и не жаловалось голодное брюхо, и съ новыми силами устремлялся на поиски хлѣба и работы. Нельзя было ему помирать, и покуда есть у него въ деревнѣ изба, а въ избѣ горластые ребятишки, до тѣхъ поръ надо какъ-нибудь терпѣть и не поддаваться. Этого хотѣлъ Богъ, великій, добрый, крестьянскій Богъ, который съ самаго рожденія незримо стоялъ за плечами Харитона и сопровождалъ его во всѣхъ трудахъ, болѣзняхъ и печаляхъ жизни. Такъ говорили дѣды и отцы, такъ читали попы въ церкви и такъ было написано въ большихъ, священныхъ книгахъ, оправленныхъ въ кованое золото и серебро, хранящихъ въ себѣ тайну божественной мудрости. Харитонъ глубоко въ это вѣрилъ и, бывая въ церкви, съ благоговѣйнымъ умиленіемъ старался вникнуть въ таинственныя слова, важно и торжественно возглашаемыя священникомъ въ голубой мглѣ кадильнаго дыма и золотистомъ трепетаніи жертвенныхъ огней. Смыслъ этихъ словъ былъ для него не всегда ясенъ, но онъ жадно ловилъ ихъ и складывалъ въ сердцѣ, какъ драгоцѣнную святыню. Въ нихъ много говорилось о покорности и смиреніи, о земныхъ страданіяхъ и небесномъ блаженствѣ, и Харитонъ всегда это помнилъ, Харитонъ даже въ самые мрачные, голодные дни боялся роптать. А если мелькали временами какія-то смутныя сомнѣнія и черныя, злыя мысли, онъ считалъ ихъ грѣхомъ! дьявольскимъ навожденіемъ, и спѣшилъ оградиться отъ нихъ именемъ Божіимъ. Особенно утѣшительно для него было то, что самъ Христосъ, лучезарный Сынъ Божій, возсѣдающій на небесахъ въ сонмѣ херувимовъ и серафимовъ, былъ на землѣ такимъ же бѣднякомъ и такъ же страдалъ и терпѣлъ, какъ и онъ, несчастный, убогій мужиченко изъ Сухого Лога. И когда уже очень нестерпимо давила желѣзная лапа нужды, когда дьяволъ нашептывалъ въ уши соблазнительныя слова, Харитонъ шелъ въ церковь, покупалъ пятаковую свѣчу и ставилъ ее передъ образомъ Заступника нищихъ и сиротъ, добраго мужицкаго Бога, распятаго Христа.

III.

Городъ сначала пугалъ Харитона, но потомъ онъ къ нему привыкъ, обжился, присмотрѣлся и нашелъ въ немъ много хорошаго. Любилъ по утрамъ слушать важный звонъ его колоколовъ и въ медлительномъ, текучемъ гулѣ узнавать, гдѣ благовѣстятъ—у Спаса, или у Смоленской, или въ „Успеніи матушки-Богородицы“. Любилъ его вѣчный шумъ и движеніе, его озабоченную, торопливую суету и неугомонность. Ему нравились широкія, чистыя улицы, красивые дома, пестрыя выставки магазиновъ, вечерній блескъ электрическихъ фонарей, музыка на бульварахъ, крикливые базары. Толкаясь въ народѣ, можно было каждый день увидѣть и услышать столько новаго и любопытнаго, сколько въ деревнѣ за всю жизнь не увидишь и не услышишь. То проѣдетъ, пыхтя и фыркая, огромный купеческій автомобиль, нагруженный сытыми купчихами въ огромныхъ шляпахъ съ перьями, то провезутъ богатаго покойника на пышномъ катафалкѣ подъ балдахиномъ, то съ барабаннымъ боемъ и пѣснями пройдутъ куда-то солдаты. Или вора поймаютъ и поучатъ его „собственными средствіями“, или же появится какой-нибудь таинственный странникъ, разскажетъ, что дѣлается на бѣломъ свѣтѣ, и исчезнетъ такъ же таинственно, какъ и пришелъ. И долго въ базарной толпѣ перекатываются и гудятъ разговоры обо всѣхъ этихъ уличныхъ событіяхъ и происшествіяхъ. Дѣлаютъ самыя удивительныя предположенія о томъ, куда и зачѣмъ погнали солдатъ. Ругаютъ полицію за стачку съ ворами, объясняютъ пророчества и разсказы таинственнаго странника, и какое-нибудь словцо, пущенное неизвѣстно кѣмъ, катится по базару, точно снѣжный комъ, обростаетъ подробностями, пріукрашается, пріумножается и въ концѣ концовъ порождаетъ чудовищные слухи о войнѣ, о кончинѣ міра, о всеобщемъ бунтѣ, который своими размѣрами превзойдетъ даже еврейскій погромъ, случившійся въ городѣ года три тому назадъ.

Харитонъ жадно впитывалъ всѣ эти слухи и толки, но по робости самъ въ нихъ не вмѣшивался, а передумывалъ слышанное въ одиночку, по ночамъ, лежа въ своемъ промозгломъ углу, который изъ милости и за помощь въ разныхъ хозяйственныхъ дѣлахъ, отвелъ ему у себя на кухнѣ содержатель мелочной лавочки, Сазонычъ. Многаго Харитонъ не понималъ, многое пугало его и, думая о своихъ горластыхъ ребятишкахъ, онъ еще больше смирялся душой передъ гря-

дущими бѣдствiями. Только бы Богъ далъ дѣтей на ноги поднять, а самъ-то онъ ужъ перетерпитъ какъ-нибудь...

— Вотъ времена-то, Сазонычъ, пришли?—говорилъ онъ иногда вечеромъ, возвратившись съ поденщины и передъ сномъ распутывая оборы промерзшихъ лаптей.—Страсть вѣдь, что дѣлается... а?

Сазонычъ былъ мужчина сытый, ко всему, кромѣ наживы, равнодушный, и, громко икая послѣ плотнаго ужина, лѣниво переспрашивалъ:

— А что?

— Да то-то, говорю, чижолыя времена... Слышь, что нонѣ на базарѣ болтали,—кубыть изъ земли люди какiе-то вылазiютъ, лица у нихъ черныя, головы лохматыя, и всему народу бонбы да ружья раздаютъ. И что такое?

— А такъ... брешутъ все... одна глупость... для смущенiя народу. Живи смирно, ничего такого и не будетъ.

Сазонычъ говорилъ медленно, растягивая каждое слово чуть не въ полъ-аршина, и это дѣйствовало успокоительно на смятенную душу Харитона.

— Во-во-во!.. Это самое!—поддакивалъ онъ, довольный, что слова Сазоныча отвѣчаютъ его мыслямъ.—Я вѣдь и говорю: потише надоть, посмирнѣе...

— Извѣстно...

— Наше дѣло маленькое, только бы, только бы прокормиться, болѣ ничего и не надоть. Сторонкой бы какъ-нибудь проползти. Ты не трожь, и тебя не тронутъ...

— Конечно... Это которые отчаянные... ну, и храпятъ: то не такъ, это не такъ... А чего надо?.. Кажному человѣку свой предѣлъ отъ Господа Бога положонъ... И начальство тоже пекется...

— То-то вотъ и есть! Съ чего храпѣть то? Помилуй Господи! Сколько годовъ жили... и смотри, пожалуйста, бонбы какiя то пошли... Го-осподи!

— А ты слушай больше... тамъ набрешутъ. Бонбы-бонбы! За эдакiя слова тоже не хвалятъ... въ тюрягѣ еще за нихъ насидишься... Лучше возьми-ка-сь завтра лопату, да отгреби ты мнѣ снѣгъ къ заборчику,—вотъ тебѣ и бонбы!.. Богъ труды любитъ.

Сазонычъ длинно, переливчато зѣвалъ, крестилъ ротъ, чтобы въ нутро бѣсъ не вскочилъ, и уходилъ въ крошечную комнатку за лавкой, гдѣ до самаго потолка возвышалась кровать съ пышными перинами. Харитонъ, успокоенный его невозмутимымъ равнодушiемъ, примащивался на голомъ полу у печки и скоро засыпалъ крѣпкимъ сномъ натруженнаго человѣка.

Но наступалъ день, надо было подыматься, идти искать

„работенки“, и шумный базаръ снова втягивалъ Харитона въ бурлящій водоворотъ всевозможныхъ слуховъ, страховъ, опасеній и надеждъ, которыми вѣчно живетъ и питается темная, обездоленная толпа. Ругались и дрались мужики и торговки изъ-за покупателя, ругались и дрались нищіе изъ-за подаянія, волками кидались другъ на друга ищущіе хлѣба и работы. Степанъ-Синій Носъ, спозаранку зарядившись водкой, бросалъ въ толпу скверныя, богохульныя слова; отовсюду, изъ смрадныхъ притоновъ, изъ ночлежекъ и гнойныхъ подваловъ ползли тѣни людей, дрожащихъ отъ голода и похмелья, изъѣденныхъ болѣзнями, озлобленныхъ и въ то же время трусливыхъ, какъ одичалыя, бродячія собаки. А въ церквахъ пѣли утренніе колокола и будили спящихъ, и звали... Тамъ, въ таинственномъ мерцаніи лампады, въ голубыхъ ароматахъ кадильного дыма стройно звучали молитвенные напѣвы, такіе далекіе отъ сумрачныхъ будней жизни съ ихъ суетой, съ ихъ великими страданіями и преступленіями, съ кровавою борьбой за капельку земного счастья...

— Ишь, раззвонились!—острилъ Синій Носъ и передразнивалъ колокольный звонъ.—Дай-блинъ! Дай-блинъ!.. Любишь блины то, длиннохвостая порода, то то и стараешься побольѣ дураковъ заманить! Ну, отъ меня ничего не жди, я самъ блины то люблю, я тебѣ и шапки не сомну. Видалъ—миндаль?

Онъ выкидывалъ непристойное колѣно, въ толпѣ вспыхивалъ смѣхъ, женщины отворачивались, нѣкоторые отплевывались и ругались:

— У, охальникъ старый! Вѣдь сдохнешь скоро, — побоялся бы Бога то!

— А чего мнѣ бояться? Смерть, братцы, для всѣхъ одинаковая! Сдохнемъ,—все равно черви слопаютъ и тебя, и меня, не поглядятъ, что ты святой, а я проклятой!

Харитонъ боязливо косился на безбожнаго старика. Потомъ прислушивался къ благовѣсту, снималъ шапку и благоговѣйно крестился. „У Знаменья звонютъ... Господи, Царица небесная... не введи въ искушеніе и избави отъ лукаваго... Работенки бы какой да нибудь“...

Проходили слѣпые нищіе, и ихъ пѣніе густою струей вливалось въ базарный гомонъ. Впереди шли двѣ старухи съ темными, точно каменными лицами, съ суровой важностью въ насупленныхъ бровяхъ. Онѣ пѣли хриплыми альтами, уставивъ въ небо незрячіе глаза; глухимъ, подземнымъ басомъ жужжалъ за ними мрачный, косматый старикъ, а вороватый, рыженькій мальчишка-поводырь тащилъ на своемъ

плечѣ всю эту компанію и потряхивалъ картузомъ, въ которомъ прыгали и звенѣли мѣдныя деньги.

И алчущихъ ты напита-ателю,
И жаждущихъ ты напоите-елю,
И сирыхъ утѣшите-елю,
И убогихъ исцѣли-телю...

— Примите Христа ради... за упокой души раба Божія Митрофана!..

И во тьмѣ ты насъ води-ителю,
И грѣшныхъ душъ ты искупи-ителю...

гудѣли слѣпцы, и имъ вторилъ дробный звонъ мелкихъ монетокъ, падавшихъ въ мальчишкинъ картузъ.

И казалось, что это сама тьма, вѣчная, могильная тьма кричитъ и плачетъ; и взываетъ къ небу въ тоскѣ о солнцѣ, о безконечныхъ райскихъ поляхъ, гдѣ льется никогда не меркнущій свѣтъ, гдѣ живетъ и цвѣтетъ божественно-юная радость. Смягчались сердца и души, звенѣли въ нихъ нѣжно давно оборванныя, тихія струны. И когда Синій Носъ даже слѣпыхъ принимался высмѣивать и кощунственно дразнить,— грубыя слова дровокола были уже не смѣшны, а досадны.

— Чортъ дикій!—слышалось въ умиленной толпѣ.—Аль ужъ въ тебѣ души нѣту, слѣпенькихъ обижаешь!

Подымалась съ своего мѣста торговка-Клюква и грозила Синему Носу кулакомъ.

— Погоди, идолъ, у самого отъ водки буркалы лопнутъ, поползешь съ рукой, воспомянешь, какъ надъ чужой бѣдой смѣяться! Свинья ты, свинья, скотина бездушная, гдѣ жрешь, тамъ и гадишь!..

Синій Носъ хохоталъ, широко разѣвая черную, беззубую пасть, и, никому непонятный, чужой и враждебный, стоялъ одинъ среди глухо-ворчащей, негодующей толпы.

IV.

Клюква была на базарѣ фигура замѣтная и въ своемъ мірке играла не послѣднюю роль. Высокая, толстая, съ пунцовымъ, оплывшимъ лицомъ и сивыми космами, торчавшими изъ-подъ платка, всегда немножко пьяная и всегда взвинченная, она своимъ зычнымъ голосомъ приводила въ трепетъ не только покупателей и сосѣдокъ-торговокъ, но даже полицейскихъ и санитарныхъ врачей, которые въ базарные дни производили осмотръ продуктовъ. Когда очередь доходила до ея корзины, она такъ кричала, выдумывала такія

сверхъестественныя проклятія и страшныя слова, что враги и полицейскіе смущенно плевались и спѣшили поскорѣе отъ нея отдѣлаться. А Клюква, грозная и страшная, съ видомъ вдохновенной пророчицы, возглашала на весь базаръ, нисколько не стѣсняясь, что полицейскіе ее слышатъ:

— Сельдереи проклятые! Имъ бы только бѣдныхъ людей раззорять, за этимъ и на базаръ ходятъ! Законъ — законъ!.. Нѣту такого закону, чтобы у голоднаго послѣдній кусокъ изъ глотки вытаскивать! У другого и товару то всего на двугривенный, а они его на земь, да еще копытами притопчутъ. Сметана, ишь, ему нехороша, яйца не свѣжія!.. А ты поди по магазинамъ погляди,—тамъ чего продаютъ? Нѣтъ, небось туда носу не сунешь! Въ руку дали тебѣ, вотъ и чисты! Ну, намъ тебѣ давать не изъ чего,—мы и такъ чуть-чуть дыхаемъ,—отъ нашего добра рожу себѣ не нагуляешь!..

Не разъ пробовали ее забирать въ участокъ, но она возвращалась оттуда побѣдительницей, садилась на свое обычное мѣсто, закуривала папиросу и говорила сосѣдкамъ:

— Все страху хотятъ нагнать, да зубья не берутъ, какая была, такая и осталась! Меня не удивишь, я въ семи водахъ мыта, семью вальками бита, что на мнѣ, то и во мнѣ—поди, возьми, ваше благородіе, не больно разживешься!

И, понизивъ голосъ до глубокаго шепота, Клюква многозначительно вѣщала:

— Ишь носы задрали, потому—на ихнее повернуло. Видали мы ихъ, какъ въ подворотню то сигали... Теперича думаютъ: прошло „оно“, и крышка! Анъ нѣтъ, погоди. Колесо-то не назадъ, а впередъ вертится. Это ужъ повѣрьте, милыя мои, опять о н о будетъ... Чую я, чу-ую!..

Хотя отъ рѣзкаго языка и заносчиваго нрава Клюквы доставалось не однимъ „Сельдереямъ“, но на базарѣ ее уважали и въ стычкахъ съ полиціей всегда держали ея сторону. Держали, правда, тайно и молчаливо, но „сельдереи“ даже въ этомъ молчаніи чувствовали угрозу и по возможности старались избѣгать столкновеній съ Клюквой. При совершеніи маленькихъ невинныхъ операцій съ торговками или при взиманіи доброхотныхъ даяній въ видѣ корчажки молока или десяточка яицъ, они соблюдали величайшую осторожность и тщательно обходили Клюкву. Такъ она и сидѣла, величавая и неприступная, точно монументъ, съ вѣчной папиросой въ зубахъ, всегда на стражѣ общихъ интересовъ, всегда готовая на отпоръ, не считаясь ни съ чѣмъ и ни съ кѣмъ. Она назначала цѣны на продукты, и всѣ сосѣди должны были придерживаться той же цѣны. Стоило кому-нибудь смалодушничать и сдѣлать уступочку покупателю, Клюква обрушивалась на измѣнника. Въ кулач-

ныхъ расправахъ она была такъ же стремительна и безстрашна, какъ и въ словесной перепалкѣ, и часто можно было видѣть, какъ она со сбитымъ на сторону платкомъ и растрепанными космами трепала за бороду какого-нибудь жуликоватаго мужичонку, который сбылъ ей тухлыхъ яицъ, вмѣсто свѣжихъ, или, подбоченясь, наступала на свою же сестру-торговку, отбившую покупателя. Но сердце у нея было отходчивое: послѣ жестокой ругани и драки она шла въ ближайшій трактиръ. Дѣло заканчивалось мирнымъ распитіемъ монопольки, а потомъ Клюква снова занимала предсѣдательское мѣсто и, не смущаясь подбитымъ глазомъ, задавала тонъ всему базару. Вокругъ нея сосредоточивались всѣ базарныя событія, отъ нея исходили всякіе новости и слухи. Клюква была постоянно окружена кухарками, мужиками, деревенскими бабами въ полосатыхъ паневахъ, какими то подозрительными странниками въ скуфейкахъ, съ печатью большого жизненнаго опыта на притворно-смиренныхъ лицахъ. Это былъ настоящій простонародный клубъ, гдѣ базарная толпа находила исходъ своей любознательности и жаждѣ новыхъ впечатлѣній. Довѣрчиво и изумленно, съ раскрытыми ртами, прислушивались къ каждому слову, охали, качали головами... Иногда прокатывался сдержанный смѣхъ, иногда вылетало негодующее или язвительное замѣчаніе. А Клюква, попыхивая папиросой, іерихонскимъ басомъ разсказывала про балъ у новаго губернатора, про нападеніе на почту, крушеніе поѣзда, небесныя знаменія и близкую кончину міра. Откуда она почерпала всѣ эти новости, раждались ли онѣ сами собой въ ея пропитанномъ водкой мозгу или дѣйствительно когда то и гдѣ то были ею слышаны и по своему истолкованы,—кто ее знаетъ, но слушатели безусловно вѣрили ей и разносили ея рзсказы по городскимъ кухнямъ и переднимъ, по пригороднымъ слободкамъ и далекимъ деревнямъ. И долго бродили они въ народѣ, возбуждая въ темныхъ глубинахъ его смутную мысль, тревожа тихій сонъ томительно-однообразныхъ будней.

Харитонъ тоже въ дни безработицы любилъ потолкаться около Клюквы и краемъ уха послушать, какъ у богатаго купца, Краюшкина, въ подпольѣ сундукъ съ мертвой старухой нашли, или какъ одинъ важный генералъ изъ царской казны тыщу милліоновъ хапнулъ, а царь ему за это приказалъ серебряный пудъ на шею повѣсить, да такъ съ этимъ пудомъ и ходить до скончанія жизни. Это было любопытно, отъ этого даже духъ захватывало,—шутка ли!..— Но больше всего Харитона занимало таинственное „оно“, которымъ Клюква каждый разъ пророчески заканчивала

свои удивительныя повѣствованія. При этомъ она неизмѣнно понижала голосъ, оглядывалась по сторонамъ, не торчитъ ли гдѣ по близости „сельдерей“, и тянула нараспѣвъ:

— Бу-детъ *оно*, родимые мои, бу-детъ!.. Сверху тихо, а внутрѣ то лихо... Это ужъ попомните мое слово, я врать не стану, мнѣ и всего вѣку-то, можетъ, три дня осталось. Видали: столбы-то красные въ ночное время по небу ходютъ? Вотъ ты и думай, къ чему оно оказываетъ...

— Ходютъ, это вѣрно! — несмѣло заявляетъ какой-нибудь деревенскій мужичокъ, высовывая изъ толпы нечесаную бороду. Ономня я ѣхалъ, стало быть, въ полѣ... глядь, а они такъ и полыхаютъ, такъ и полыхаютъ... Страсть Господня!..

— То-то вотъ и есть! — продолжала Клюква. — На небѣ столбы, а на землѣ моръ, гладъ, смутненье... Я вотъ яичнымъ товаромъ съ-измладости занимаюсь, и завсегда ему гривенникъ, много 12 копѣекъ, цѣна была. А теперича, бери-небери, 30 копѣекъ десятокъ, — когда это было? Народъ особачился, такъ зубы другъ на дружку и скалитъ. Бывало, подерутся, да и помирятся, а нонѣ такъ и норовятъ ножемъ пырнуть. Дескать: не мнѣ, и не тебѣ...

— Правильно, мамаша! Житья совсѣмъ нѣтути... Тамъ палятъ, тамъ рѣжутъ—сроду этого не бывало... Выйдешь ночью на крылецъ, глянешь кругомъ-то—чисто костры подъ свѣтлую заутреню горятъ! Былое время — хучь богатыхъ жгли, а ноне всѣхъ подъ рядъ сравняли, шаберъ шабра палитъ, вотъ какое дѣло!

— Про что же и я говорю! Натравили васъ, дураковъ, другъ на дружку, а сами въ сторонѣ, имъ и горя мало. *Оно* круто закручено, охъ! какъ круто, лопатой не проворотишь! Либо кашу бросъ либо горшокъ врозь! Кому только расхлебывать придется...

„И что „оно“ такое“?—думалъ Харитонъ, томимый непонятнымъ безпокойствомъ. „Будетъ будетъ, а что будетъ,— поди, разбери... Ежели хуже, такъ вѣдь хуже-то теперешняго трудно... Поспрошать бы у людей, да вѣдь какъ спросишь? Ну ихъ къ ляду совсѣмъ, зря мелютъ! Господь-батюшка лучше знаетъ, а наше дѣло: знай-помалкивай...“

Харитонъ уходилъ съ базара, погружался въ подживечки, плашки, щепочки, и только ночью, у Сазоныча за печкой, *оно* всплывало опять, красными столбами ходило по небу, манило и пугало, непонятное, но странно-близкое и живое...

V.

Обычно Харитонъ уходилъ въ деревню раза три въ годъ: на „престолъ"—въ день Архангела-Михаила,—потомъ на Рождество и лѣтомъ, въ страдную пору, когда рабочія руки были нужнѣе не въ городѣ, а въ деревнѣ. Больше всего ему нравилось ходить домой въ праздники: пріятно было являться „ко дворамъ" съ деньгами и гостинцами; пріятно смотрѣть на смѣющіяся, довольныя лица ребятъ и жены, сидѣть за столомъ на почетномъ мѣстѣ, разсказывать городскія новости, быть предметомъ общаго вниманія и общихъ заботъ. Жена не знала, куда посадить; ребята льнули и извивались; старикъ-отецъ запасался водочкой и, дружелюбно подмигивая, подносилъ рюмочку передъ обѣдомъ. Ни хозяйственныхъ дрязгъ, ни домашнихъ ссоръ, неизбѣжныхъ при долгой, совмѣстной жизни, все шло гладко, чинно, по хорошему, и эти короткіе дни были для Харитона настоящими праздничными днями, ярко освѣщая и скрашивая угрюмую тьму длинныхъ скучныхъ будней. Ради этихъ немногихъ, счастливыхъ часовъ Харитонъ отказывалъ себѣ во всемъ, онъ ждалъ ихъ всегда съ болѣзненнымъ нетерпѣніемъ и, когда оставалось уже немного времени до праздника, становился особенно жаденъ до работы и денегъ.

Въ этотъ разъ ему очень повезло. Зима была ранняя и студеная; съ октября пошли здоровые морозы, чуть не каждый день заметала мятель и наносила по улицамъ горы снѣжныхъ сугробовъ. Дрова на базарѣ раскупались не возами, а саженями, дровоколы важничали и набивали себѣ цѣну, Степанъ-Синій носъ не только самъ пьянствовалъ безъ просыпу, но и товарищей водилъ по трактирамъ. У Харитона въ онучѣ было уже зашито цѣлыхъ двѣ десятки, но его обуяла такая жажда накопленія, что онъ даже пересталъ ходить въ дешевую харчевню, гдѣ за пятакъ можно было перехватить горячихъ сѣрыхъ щей съ краюхой хлѣба, а питался одними хлѣбными обрѣзками, запивая голымъ кипяточкомъ изъ трактирнаго куба. Брюхо опять жаловалось и ворчало подъ туго затянутымъ поясомъ, за то душа ликовала и радовалась, а во снѣ снились свѣтлыя праздничныя картины... Тамъ, дома, онъ уже наверстаетъ, а теперь можно и поголодать! Въ душѣ Харитона заранѣе громко и радостно пѣли праздничные колокола.

Въ такомъ веселомъ духѣ вышелъ онъ однажды на базаръ. Послѣ долгихъ морозныхъ и вьюжныхъ дней вдругъ помягчѣло, и сквозь порѣдѣвшую облачную пелену добро-

душно проглядывало желтое, по зимнему тусклое солнечное око. Толстый, плотно сбитый морозный снѣгъ звенѣлъ подъ ногами, какъ стекло, воздухъ блестѣлъ и искрился брилліантовой изморозью, и бѣлый пухъ инея густо висѣлъ на деревьяхъ и телеграфныхъ проволокахъ, серебрилъ бороды и усы, воротники шубъ, хвосты и гривы лошадей: „Благодать!“—думалъ Харитонъ.—„Большіе снѣга—для хлѣбовъ хорошо; то-то, небось, по деревнямъ народъ радуется...“ И было весело смотрѣть на крутящіяся, воздушныя блестки, на деревья въ серебряныхъ кружевахъ, на блѣдное, холодное солнце въ радужномъ кругу.

Въ городѣ было уже замѣтно, что скоро праздникъ. Выставки пестрѣли елочными украшеніями, передъ ними оживленно толпились рѣзвые школяры и липли носами къ стеклу. Елки уже появились на площади, красиво зеленѣли на бѣломъ снѣгу, дышали лѣсною свѣжестью, такой наивной и нѣжной въ грубой суетѣ базара. Было очень многолюдно, и, толкаясь въ толпѣ, Харитонъ примѣтилъ какихъ-то совсѣмъ незнакомыхъ мужиковъ и бабъ, не похожихъ на обычныхъ базарныхъ завсегдатаевъ. Они безъ всякаго дѣла бродили по базару, робко жались другъ къ другу и дикими глазами смотрѣли на бурлящее вокругъ нихъ торжище. Харитонъ приткнулся къ одному высокому, сѣдобородому мужику въ тулупѣ съ огромной бѣлой заплатой на спинѣ.

— Откеда будете?—спросилъ онъ съ простодушнымъ любопытствомъ.

Старикъ недовѣрчиво покосился на Харитона и нехотя пробурчалъ:

— Издалеча мы...

— А ты чей?

— Я изъ-подъ Микитскаго... село Сухіе лога называется.

— Не слыхали...—еще неохотнѣе вымолвилъ старикъ.

Харитонъ опѣшилъ и, потоптавшись около непривѣтливаго мужика, совсѣмъ уже ни къ чему сказалъ:

— Погодка-то добро... Снѣжисто... и солнышко въ ушахъ. Все, стало быть, Господь къ урожаю посылаетъ...

Но мужикъ поглядѣлъ на него безучастными, какими-то мертвыми глазами и молча повернулъ къ Харитону свою спину съ бѣлой заплатой.

„Ишь ты, суровый какой!“ —съ обидой подумалъ Харитонъ, отходя въ сторону.

Покупателей было еще мало, дровоколы, позванивая пилами, праздно блуждали между возами дровъ, и Харитонъ протискался дальше, къ яичнымъ и курятнымъ рядамъ, гдѣ засѣдала Клюква. Около нея, какъ всегда, толпились кухарки, и среди ихъ городскихъ кофтъ и вязаныхъ платочковъ ярко

желтѣли бабьи полушубки, терпко пахнущіе дубленой кожей. Одна изъ бабъ, уродливо повязанная темнымъ полушалкомъ съ торчащими на макушкѣ концами, стояла передъ торговкой и медлительно что-то ей разсказывала, безпрестанно вытирая глаза и носъ шерстяной рукавицей.

— Сколько же ихъ всѣхъ душъ-то? — дѣловито и отрывисто спрашивала Клюква.

— Всѣхъ-то? Да никакъ болѣ полсотни... Я тебѣ сказываю, почитай изъ кажнаго двора повыхватили. Обезлюдѣло село-то,—чисто помеломъ вымело! Бывало, вечерами по улицѣ гомонъ идетъ,—пѣсни, да гармонь, да хороводы... а ныньче выдешь изъ избы, ну ровно, матушка моя, могила! Только и слыхать,—однѣ бабы воютъ... потому, въ кажномъ дворѣ либо мать осталась, либо жена, либо сестры...

Баба всхлипнула, высморкалась и добавила нараспѣвъ:

— Да всѣ молоды-ые! Да ядре-еные!..

— Ежели военнымъ судомъ,—прямо подъ разстрѣлъ!— мрачно сказала Клюква.

Пролетѣлъ молчаливый вздохъ. Баба въ полушалкѣ заплакала.

— Да вѣдь онъ такъ и пиша... „Милые вы мои, мамынька и батенька... прошу я васъ слезно... отслужите по моей душѣ панафидку,—лютой смерти не миновать“...

— То-то вотъ они, дѣтки-то! — укоризненно пробасила Клюква.—Ты ихъ родишь, ты ихъ ростишь, а они замѣсто радости мать свою слезьми поютъ, горемъ кормютъ... Каково матери-то, а?

Она стала свертывать папиросу, но руки дрожали, табакъ сыпался на земь и, съ досадой плюнувъ, Клюква снова обратилась къ бабѣ.

— А урядника-то, говоришь, стало быть, не онъ убилъ?

— И, Господи! Да онъ его и не касался!.. Урядникъ такой звѣрюга былъ, на него все село злобилось. Кто застрѣлилъ, руки не оставилъ. Дѣло въ лѣсу было. А нашъ Павлуха только тѣмъ и виноватый вышелъ, что объ эту пору мимо лѣса скотину гналъ. Наскакали верхами, схватили, давай нагайками пороть,—кричатъ: „это твоихъ рукъ работа, такой-сякой сынъ!“ Да обыскъ, да бумажки какія-то нашли... взвалили на телѣгу, да только мы его и видѣли. А малый-то какой былъ... у-умный, да жела-анный!.. Восемнадцать годковъ всего,—осенью женить хотѣли...

— Ну, а аблакатъ-то что говоритъ?

— Аблакатъ-то? Да нешто мы чего понимаемъ? Говоритъ, — плохо ваше дѣло... „Обчество“ какое-то... супротъ закону... А мы ничего этого и знать не знали... какое обче-

ство... При насъ жилъ, на глазахъ,—да смиренъ, да ласковъ... И, Господи...

И беззвучныя слезы дождемъ лились по темному, обвѣтренному лицу.

— Ну, будя тебѣ, Миколавна!—сказала плачущей старухѣ стоявшая съ ней рядомъ румяная молодайка.—Пойдемъ на постоялый, а то кабы наши въ судъ не ушли.

Баба вытерла слезы рукавицей и покорно поплелась за своими спутницами. Желтые полушубки ихъ скоро затерялись въ пестрой толпѣ, и вмѣстѣ съ ними исчезъ печальный призракъ огромнаго человѣческаго горя, на минуту смутившій беззаботную, предпраздничную суетню базара. Разошлись кухарки, сгибаясь подъ тяжестью нагруженныхъ корзинъ; торговки задорно и крикливо зазывали покупателей, Клюква зычно спорила съ кѣмъ-то, доказывая, что яйца у нея совсѣмъ тепленькія, прямо изъ-подъ курицы, а масло — что твоя помада съ резедой. Гдѣ то дрались, гдѣ-то ловили вора... и отчаянно визжала свинья, которую рѣзали на дворѣ за мясными лавками.

Харитонъ отошелъ къ дровянымъ возамъ и задумался. Было все такъ же,—и воздухъ сверкалъ алмазными искрами, и солнце въ радугѣ, но теперь это не радовало. Точно заноза засѣла въ сердцѣ, и вспоминалось темное, обвѣтренное лицо, вспоминались тихія и покорныя бабьи слезы. Что-то происходило въ молчаливой глубинѣ деревень... а Харитонъ ничего не зналъ, и оттого ему было такъ жутко, тоскливо и безпокойно. Можетъ быть, это и есть то самое *оно*, о которомъ зловѣще каркала Клюква? Можетъ быть, *оно* уже пришло и метлой выметаетъ деревенскія улицы, разгоняетъ пѣвучіе хороводы, черной марой носится по крестьянскимъ избамъ, гонитъ дѣтей крестьянскихъ въ города, подъ разстрѣлъ?..

— Эй, ты, пила?—кричалъ Харитону господинъ въ форменной фуражкѣ.—Что ты, спишь что-ль? Зову-зову... Ну-ка, поди сюда, погляди вотъ, дровъ купилъ. Сколько возьмешь порѣзать?

Харитонъ очнулся и торопливо шарахнулся къ барину.

— Это вы меня? А я и не слышу!—оправдывался онъ.— Заѣвался малымъ дѣломъ... ужъ извините, баринъ... Задумался!

— Чудакъ-братецъ!—снисходительно смѣялся баринъ.— На ногахъ спишь.. эдакъ ты и царство небесное проспишь! Задумчивый какой!

Сторговались за шесть гривенъ, и мужикъ свернулъ лошадь на дорогу. Харитонъ шелъ сзади, смотрѣлъ на дрова и высчитывалъ, сколько ихъ выйдетъ... А изъ головы не

выходила баба въ полушалкѣ и мерещилось обезлюдѣвшее село, надъ которымъ черными крылами вѣяла кладбищенская тоска...

VI.

Въ сумеркахъ, возвращаясь съ работы домой, Харитонъ встрѣтилъ Клюкву. Она была пьяна и съ пустыми корзинами на коромыслѣ, пошатываясь, спускалась подъ гору.

— Мнѣ что?—бормотала она.—Мнѣ много не надо, вотъ я вся тутъ! Расторговалась—и слава-те Господи, на мой вѣкъ хватитъ... Разговѣться есть чѣмъ и выпью тоже на свои кровныя... съ рукой не пойду, небось! А что правды на свѣтѣ нѣту,—это я завсегда скажу. Не рожалась еще она, правда-то... у Бога за пазухой схоронена... И стращать меня тебѣ нечего! Ты, говоритъ, дура старая, за свой языкъ отвѣтишь, Эка!.. Ну, и отвѣчу! Мнѣ наплевать. Правда дороже всего!

Клюква поскользнулась, одна изъ корзинъ свалилась съ коромысла. Харитонъ поднялъ ее и сталъ прилаживать, а торговка и не замѣтила его, продолжая свою бесѣду съ неизвѣстнымъ обидчикомъ.

— То-то и оно! Я, можетъ, помру завтра, такъ мнѣ и врать? Чудное дѣло! Ты, батюшка, мой, тоже не вѣчный, даромъ что золото на брюхѣ! И не увидишь и не учуешь! какъ *оно* тебя пристигнетъ,—всѣ подъ Богомъ ходимъ! Ныньче ты меня судишь, а завтра, можетъ, и тебя будутъ судить... Такъ-то! На брюхо ты не гляди,—хоша оно у тебя и въ золотѣ, а требуха-то такая же, какъ и у насъ, грѣшныхъ... одинаковая! Ты округъ себя болѣ поглядывай, можетъ, *оно* давно ужъ у тебя за плечами стоитъ... Одинъ разъ прошло, а вдругорядь не пройдетъ, — нѣ-ѣтъ! Какъ про мужика одного разсказывали: по гнилой жердочкѣ черезъ омутъ ходилъ. Поправь, говорятъ, обломисся, duракъ, утопнешь! Небо-ось, не утопну,—двадцать годовъ ходилъ, ничего, а упаду,—за корягу уцѣплюсь... Ну, и обломился, и утопъ, и костей не нашли... Такъ-то, милый! А что я выпила, такъ и выпила,—это дѣло мое, за свои выпила, а не чужія...

Харитонъ приладилъ ей коромысло на плечо, и только тутъ она на него воззрилась, удивленная и немного разсерженная.

— Ты тутъ чего? Кто такой? Чего надо?

— Мнѣ ничего, тетенька. Корзиночку вотъ обронила, я поднялъ. Чижало несть то подъ гору.

— Чего чижало? Не чижало вовсе... Ты думаешь, я пьяная? Сроду Клюква пьяная не была... За собой гляди, а на меня глядѣть нечего. Я сама по себѣ... Что за подлые на-

роды на свѣтѣ развелись! Ходятъ, на пятки наступаютъ, подглядываютъ, подслушиваютъ... Смотри, малый, кабы тебя самого не пристукнуло! Ты за мной, а *оно* за тобой...

— Вотъ про это самое я и хотѣлъ тебя, тетенька, спросить... Что *оно* такое, стало быть, означаетъ?

Вмѣсто отвѣта Клюква чертыхнулась и, ворча, поползла внизъ, какъ огромная черная черепаха. Харитонъ долго смотрѣлъ ей вслѣдъ. Нѣсколько минутъ еще грузная фигура торговки колыхалась и маячила въ снѣжныхъ отсвѣтахъ, потомъ расплылась, растаяла и пропала, слившись съ тихими сумеречными тѣнями. Но что то осталось отъ нея и стояло тутъ, около Харитона, — странное, пугающее, тяжелое, какъ лихорадочный бредъ... Онъ и самъ не зналъ, что это было, но *оно* было, *оно* красными столбами подымалось къ небу въ ночное время, звучало въ пророческихъ Клюквиныхъ рѣчахъ, шло изъ темныхъ далекихъ деревень и лилось тихими бабьими слезами на шумныхъ городскихъ улицахъ и площадяхъ.

И въ вечерней тишинѣ глухого переулка Харитону показалось, что сзади кто то неслышно подошелъ и смотритъ на него большими, неподвижными, страшно-печальными глазами. Весь обсыпанный игольчатой дрожью, онъ быстро обернулся... Никого не было. Харитонъ передохнулъ и, крестясь и шепча про себя молитву, неслышно сталъ взбираться на горку.

Сазонычъ уже заперъ лавку и собирался ужинать. Должно быть, хорошо торговалъ сегодня, потому что былъ доволенъ, и сквозь жесткія, равнодушныя черты заплывшаго жиромъ лица выступало наружу что то похожее на человѣческую радость. Онъ даже мычалъ себѣ подъ носъ, не то покаянный псаломъ, не то рождественскую стихиру,— голосъ у него былъ прескверный, и все, что ни пѣлъ, выходило одно на одно. Въ кухнѣ было тепло и уютно; на сковородкѣ въ печи что то скворчало, распространяя острый запахъ жаренаго луку; на столѣ дымилась паромъ чашка прѣлыхъ, вечернихъ щей. Харитонъ пожелалъ хозяину пріятнаго аппетита и скромно забился въ свой уголъ, но ему не сидѣлось тамъ: растревоженныя мысли, какъ мухи, жужжали въ головѣ, и довольное лицо Сазоныча подмывало на разговоры.

— О, Боже мой, Боже мой, Господи!—вздыхалъ онъ.—Ну, и времена! Вотъ времена то какія подошли теперича, а?

— Ты чего это?—спросилъ Сазонычъ.—Аль заработалъ мало?

— Нѣ!.. Заработалъ то я, слава тебѣ Господи! Будя съ

меня. А я вотъ чего, хозяинъ... болтали ноньче на базарѣ: мужиковъ какихъ то судятъ, военнымъ судомъ...

— Это вѣрно. Судятъ... Читалъ я въ газетѣ. Изъ трехъ деревень... Пятьдесятъ семь душъ.

— Пятьдесятъ семь душъ?.. Б-боже мой! Ды-ть это страсть что народищу... А за что?

Сазонычъ закусилъ огромный ломоть хлѣба, послалъ въ ротъ ложку щей и, неторопливо прожевывая, отвѣчалъ:

— А ужъ это... за хорошія дѣла судить не станутъ. Меня вотъ не судятъ, тебя не судятъ... А почему? Потому,—дадено намъ отъ Господа-Бога, тѣмъ мы и довольны. Не ропщемъ, не храпимъ...

— Эго что и говорить. Богъ-то, онъ лучше насъ понимаетъ, что кому...

— Ну, вотъ. А имъ этого мало... За то и судятъ. Супротивничаютъ законному порядку властей. Религію опровергаютъ, самодержавіе...

— Фу ты, батюшки!.. Стало быть, черезъ урядника? А я слыхалъ, сказывали, будто, въ урядникѣ то они не виноваты. Кто убилъ, руки не оставилъ!

— Урядникъ что! Урядникъ — это само собой... Тутъ главная вещь—что вѣдь придумали: „крестьянское братство" какое то! А? Братство, подумаешь... для грабежу... Супротивъ помѣщиковъ, значитъ, чтобы ихъ погромить, а землю которая промежь себя подѣлить. Вонъ вѣдь оно что!

— Да никакъ, хозяинъ, это ужъ было? Отсудили за погромъ-то? Аль, стало быть, опять?

— Не унимаются! Энти хоть господъ жгли даромъ, а вѣдь эти все до чиста хотятъ искоренить. Церкви грабятъ, лавки... и чтобы властей никакихъ. Свободнѣе... Свободы, ишь, достигаютъ.

— Свободы?.. Что такое, Господи!.. И слыхомъ не слыхали, и видомъ не видали... Только бы хлѣбушка досыта, а свобода то—на кой она?

— Про что я и говорю. Дадено тебѣ—и не ропщи. Вотъ я, къ примѣру... Наторговалъ нынче на три бумажки — и благодарю Господа-Бога. А вонъ Самодуровъ на Митрофаньевской улицѣ каждый день на сто цѣлковыхъ торгуетъ. Что же, скажешь, мнѣ эдакъ же не хочется? И всякому хочется! Одначе я не пойду въ Самодуровскій магазинъ товаръ пополамъ дѣлить, потому имѣю страхъ божій въ душѣ и законъ-порядокъ знаю. Все отъ Бога установлено — и власть, и богатство. Трудись—не лѣнись, и будетъ тебѣ дадено. А нахрапомъ не больно достигнешь... не столь пріобрѣтешь, сколь потеряешь. Трудиться надо; кто много трудится, тотъ много и пріобрящетъ...

Харитонъ смотрѣлъ на его желтыя, отвислыя щеки, на аппетитно чавкающія бычачьи челюсти и, хотя не возражалъ, но въ душѣ былъ не совсѣмъ съ нимъ согласенъ. Онъ хорошо зналъ, что Сазонычъ наторговалъ сегодня не на три бумажки, а гораздо больше, потому что главный доходъ его былъ отъ тайной продажи водки, и лавочка существовала только для „прилику", да и торговля въ ней шла преимущественно солеными огурцами, селедкой, саломъ, колбасными обрѣзками и всѣмъ прочимъ, что полагается для закуски. Дѣло вовсе не трудное: купилъ четвертную, разбавилъ водицей изъ самовара, подпустилъ для крѣпости толченаго краснаго перцу—и огребай денежки, сидя на мѣстѣ. Не то, что вотъ онъ: цѣлый день, какъ Антипкинъ кобель, мотался, на вѣтру да на морозѣ, да ногу себѣ топоромъ зашибъ, а заработалъ всего шесть гривенъ съ пятакомъ...

Харитонъ шумно вздохнулъ, стараясь заглушить голодное бурчаніе желудка, раздраженнаго вкуснымъ запахомъ прѣлыхъ щей.

— Что же, хозяинъ, какъ ихъ теперича... подъ разстрѣлъ, аль какъ?

— Ну, ужъ это... Какъ тамъ судъ опредѣлитъ. Разстрѣлъ — не разстрѣлъ, а вѣшалки не миновать. Не самовольничай!

— А можетъ...—началъ было Харитонъ и поперхнулся. Холодное и липкое проползло по сердцу, захлестнуло глотку, стало тѣсно и трудно дышать...

Сазонычъ вытеръ губы, рыгнулъ и сталъ вылѣзать изъза стола.

— Слава тебѣ, Господи, напиталъ еси земныхъ твоихъ благъ... И вѣдь народъ-то какой все: мальчишки, сукины дѣти! Годовъ по 25, по семнадцати... Безъотповщина! Драть бы да драть, небось, забыли бы братство! А то вотъ и достигли свободы: два столба, да перекладина, да с обачья удавка...

Харитонъ молчалъ и смотрѣлъ въ темный уголъ. И видѣлось ему тамъ обвѣтренное лицо, похожее на лицо его покойной матери, и въ ушахъ шелестѣли тихія, плачущія слова: „милая моя мамынька... не миновать мнѣ лютой смерти"...

— Эхъ, дѣла-дѣла, какъ сажа бѣла!.. — закончилъ Сазонычъ и опять рыгнулъ.—А ты вотъ что, Харитонъ... тамъ я охвостья три воза купилъ... такъ ты того... поруби-ка мнѣ его на междѣляхъ, да въ сарайчикъ прибери. Все годится!..

VII

Судъ продолжался нѣсколько дней, и все это время весело-озабоченную толкотню базара омрачали желтые, пахнущіе дубленой кожей, полушубки, тулупы съ заплатами, бараньи треухи мужиковъ, уродливые рога бабьихъ повязокъ. Безучастные, угрюмые, съ невидящими глазами, ходили эти печальные деревенскіе люди по городу, и казалось, отъ нихъ падала на все широкая, пасмурная тѣнь, вѣющая смертельнымъ холодомъ и черной скорбью. Тамъ, гдѣ они появлялись, какъ то сразу тускнѣла яркая, живая пестрота торжища, глохли и смягчались крикливые голоса жадной, суетливой толпы: странно было покупать и продавать, ругаться изъ-за копѣйки, думать о поросятинѣ, о праздничныхъ пирогахъ, о выпивкѣ и закускѣ. Весь базаръ уже зналъ, зачѣмъ пришли сюда изъ дальнихъ деревень заплаканныя бабы и растерянные мужики, и вмѣстѣ съ ними, волнуясь, слѣдилъ за мрачной драмой, которая разыгрывалась въ судѣ. Дѣло разбиралось при закрытыхъ дверяхъ. Ихъ туда не пускали, отгоняли окриками и прикладами, но они каждый день упорно приходили къ охраняемымъ солдатами подъѣздамъ, молчаливою толпой выстаивали здѣсь положенное время и какимъ то чудомъ ухитрялись ловить скудные отрывки того, что происходило тамъ, за толстыми стѣнами стараго, казеннаго зданія. А обрывки эти выносились потомъ на постоялые дворы, на улицу, на базаръ, дополнялись, расцвѣчивались народной фантазіей, передавались изъ устъ въ уста и возбуждали въ однихъ смутный, мертвящій страхъ, въ другихъ—острое, болѣзненное любопытство. И опять всѣ эти разсказы сосредоточивались около Клюквы, которая, какъ старая домовитая пчела, собирала разрозненныя подробности и создавала изъ нихъ цѣльную и стройную картину. Ее приходили слушать, какъ страшную, захватывающую духъ сказку, и распаленное водкой и успѣхомъ воображеніе Клюквы не знало удержу въ направленіи все новыхъ и новыхъ романтическихъ придумокъ, густо и ярко облѣпившихъ простую и печальную быль.

— Парни то всѣ красавцы наподборъ! — разсказывала она.—Смѣлые, да рѣчистые,—судъ имъ слово, а они десять. Мы, говорятъ, себя виноватыми не признаемъ! Хошь ты насъ казни, хошь милуй, а мы не воры какіе-нибудь, мы „братья“, за православныхъ мужиковъ страдаемъ...

— А церкву обокрали,—это какъ?—ехидно спрашивалъ приказчикъ изъ калачной лавки, самъ бѣлый и поджаристый, какъ калачъ.

Клюква напускала свои косматыя брови на глаза и обжигала калачника сердитымъ взглядомъ.

— Какую церкву? Сказать то все можно... Ты видалъ что ль, какъ ее грабили?

— Видать не видалъ, въ газетахъ написано. И церкву грабили, и монополію грабили, урядника опять убили... „братья“ тоже! Тамъ все про ихнія дѣла прописано,—газеты, небось, не врутъ. Ихъ начальство провѣряетъ.

Клюква на минуту задумывалась, выбитая изъ позиціи, и дѣлала видъ, что совершенно равнодушна къ эхидству поджаристаго калачника. Потомъ, осѣненная какой то новой мыслью, опять окрылялась и устремляла на спорщика пронзительный взглядъ:

— А ты слыхалъ, милый, тоже въ газетахъ пишутъ, будто Бога то и совсѣмъ нѣту? Эдакъ же одинъ молодчикъ мнѣ сказывалъ...

Калачникъ мигалъ бѣлыми, точно мукой обсыпанными рѣсницами, и, чувствуя подвохъ, пробовалъ отшутиться.

— Это дѣло десятое! Я тебѣ про судъ говорю, а ты про Бога... Мало чего пишутъ? Тоже и газеты разныя бываютъ.

— Да то то и есть, что разныя...—значительно произносила Клюква.—А я, милый, не грамотная, въ газетахъ не вычитываю, что слышала, то и говорю... Свой глазокъ—смотрокъ, говорятъ, а бумага все терпитъ!

Въ послѣдній день суда по базару быстро разнеслась вѣсть, что восемь человѣкъ приговорены къ повѣшенію,—въ томъ числѣ и 18-лѣтній Павлуха, о которомъ такъ убивалась баба съ темнымъ обвѣтреннымъ лицомъ. Желтые полушубки и тулупы исчезли куда-то и перестали смущать базарную толпу; за то всѣхъ теперь занималъ вопросъ, гдѣ будутъ вѣшать и когда. Это была первая казнь въ городѣ, и никто не представлялъ себѣ, какъ она совершается. Много говорили, спорили и волновались. Кто то пустилъ слухъ, что казнить будутъ на Старо-Конной площади, и будто бы тамъ уже столбы ставятъ; тѣ, которые читали газеты, возражали, что такъ вѣшали въ старину, а теперь просто задушатъ ночью въ острогѣ, никто и не узнаетъ. Клюква не вѣрила никому и трубила свое, что вѣшать не будутъ совсѣмъ.

— Да нешто это мысленное дѣло? Святые дни подходятъ, Батюшка Рождество Христово, всѣ андели на небеси радуются, и ну-ка-ся, людей душить станутъ! Пущай хоша и злодѣи, да душа та, небось, крещеная, не собачья! Нѣтъ, это и думать нечего, не повѣсятъ! Никакъ невозможно! И

кто же это вѣшать то будетъ! Ни у кого и рука на эдакое дѣло не наляжетъ...

— Заплатятъ, небось, наляжетъ! — сомнѣвались слушатели.

— И ни-ни, матушки мои, ни за какія деньги никто не пойдетъ! Православные, небось, не турки какіе-нибудь. Либо отложатъ до другого время, либо совсѣмъ отмѣнятъ. Бознать, что выдумали,—повѣсятъ! Ни за что не повѣсятъ...

Харитонъ прислушивался къ базарнымъ толкамъ и самъ вмѣстѣ съ другими захваченъ былъ вопросомъ: повѣсятъ или не повѣсятъ? Это совершенно чужое для него дѣло совершенно незнакомыхъ людей, которыхъ онъ никогда не зналъ и не видѣлъ, какимъ то острымъ клиномъ врѣзалось въ его жизнь и странно перевернуло привычный строй мыслей и чувствъ. Дрова, онуча съ деньгами, праздникъ въ деревнѣ, всѣ мелкія будничныя дѣла и работы отодвинулись, затушевались, и Харитонъ теперь дни и ночи думалъ о тѣхъ, которые такъ близко отъ него ждали неминуемой и подлой смерти. Просыпался на зарѣ и сейчасъ же вспоминалъ: а вѣдь *они* тоже, небось, не спятъ... тоскуютъ, молятся... на дверь глядятъ,—не позовутъ ли... Шелъ на базаръ, окунался въ шумъ и суТолочь, пилилъ и кололъ дрова, закусывалъ въ харчевнѣ, — а мысль о *нихъ* коломъ въ головѣ сидѣла. Дико и непонятно казалось, что вотъ всѣ люди живутъ, торгуютъ, покупаютъ, смѣются, ссорятся, пьютъ, ѣдятъ, а *тѣ* тамъ сидятъ и... ждутъ! „Молоды-ые, да ядреные“!—вспоминались ему слова бабы въ полушалкѣ, и во всю грудь подымалась нудная, тоскливая боль, точно по сердцу водили тупой, заржавленной пилой...

Когда Клюква рѣшительно заявила, что „не повѣсятъ“, Харитонъ сразу ей повѣрилъ, и тошная муть, въ которой металась его растревоженная душа, стала немного проясняться. Конечно, не повѣсятъ... Ужъ если Клюква говоритъ, значитъ, это вѣрно. Клюква, — она знаетъ... Не допустятъ! Кто не допуститъ,—Харитонъ самъ этого хорошо не зналъ, но думалось, что въ огромномъ городѣ, гдѣ столько церквей, гдѣ въ праздникъ небо дрожитъ отъ колокольнаго звона,—въ такомъ благочестивомъ и православномъ городѣ не будутъ вѣшать людей, да еще наканунѣ Христова рождества. Харитонъ, по безграмотству, Евангелія не читалъ, но въ церкви его часто слышалъ и запомнилъ, что Христосъ на крестѣ и разбойниковъ простилъ. Простятъ и этихъ... Пострадали—и довольно; „небось, теперь и внукамъ и правнукамъ закажутъ бунтовать супроть порядка-закону“. Судъ свое дѣло сдѣлалъ—наказалъ, а тамъ, кто повыше суда — прикажетъ простить, и простятъ.

Харитонъ подѣлился своими мыслями съ Сазонычемъ. Они каждый вечеръ теперь бесѣдовали объ этомъ. Толстый лавочникъ тоже заинтересовался дѣломъ крамольныхъ мужиковъ и слѣдилъ за нимъ по грязной мѣстной газеткѣ, которую иногда приносилъ въ кухню. Уличную болтовню онъ презиралъ, а въ газетку вѣрилъ, считая, какъ и румяный калачникъ, что ужъ если ее само начальство провѣряетъ, значитъ, тамъ пишутъ истинную правду. И когда Харитонъ передалъ ему базарные разговоры, Сазонычъ пренебрежительно оттопырилъ жирныя губы и сказалъ:

— Все брехня! Какъ это не казнятъ? Казнить, конечно, казнятъ, безъ этого нельзя, а то страху никакого не будетъ. Это вѣдь тебѣ не игрушки, а пра-во-судіе!—важно и медленно выговорилъ онъ трудное слово, почерпнутое изъ газетъ.—Ну, конечно, дѣло еще не скоро будетъ. Ты думаешь, это все одно, что борова освѣжевать. Позвалъ мясника—разъ, два и готово! Нѣтъ, тутъ тоже порядокъ требуется. Высшему начальству доложить, да оно провѣритъ, да подпишетъ, тогда и казнь въ исполненіе произведутъ. Это еще сколько время протянется!

— Ну, а простить ежели... какъ, хозяинъ? Не простятъ?

— Простить-то?.. Ну ужъ это... ужъ я не знаю... Бываетъ, конечно, свыше... ну, только наврядъ. Всѣхъ не напрощаешься. Одного прости, другого прости,—да это такое кроволитье пойдетъ, хошь на свѣтѣ не живи!..

— Это-то такъ!.. Извѣстно, посмирнѣе-то лучше... А только, хозяинъ, вѣдь этого прежде не было...

— Чего такого?

— Да вотъ, чтобы вѣшали-то. Ну, урядника убили, это точно... Страшное дѣло! Да вѣдь убилъ-то одинъ, а повѣсятъ восемь душъ... Ихъ-то за что? А прежде, скажемъ, нешто не убивали? У насъ, въ Сухомъ Логу было, одинъ мужикъ пятерыхъ топоромъ зарубилъ,—что-жъ, его присудили на каторгу, а вѣшать—не вѣшали! Почему же это такое, хозяинъ, а?

— Почему-почему!.. То было время, а то—другое!.. Право-су-діе!.. Ты вникни. Сравнилъ тоже: пятерыхъ топоромъ зарубилъ... Да кто они были-то? Простонародье... Такіе же мужики! За нихъ и взыску меньше. А вѣдь тутъ чего хотятъ — все государство порушить, ты взойди въ понятіе! Го-су-дар-ство!.. Всея Руси... Вонъ вѣдь слово-то какое!.. Что-жъ,—за это имъ и спущать?..

Харитонъ молчалъ, опрокинутый и оглушенный огромнымъ, непонятнымъ словомъ, которое представлялось ему въ видѣ безформенной, страшной глыбы, вздымающейся до самаго неба. И смутно чувствовалъ, что какая-то сила под-

катывается подъ эту глыбу, стараясь сдвинуть ее съ мѣста, а онъ ничего не зналъ, онъ всю жизнь ходилъ въ потемкахъ, рубилъ дрова, собиралъ копѣйки въ онучку и прошелъ мимо чего-то важнаго, большого, чего не понимаетъ теперь и не пойметъ никогда...

А Сазонычъ, очень довольный тѣмъ, что огорошилъ Харитона своей премудростью, многозначительно продолжалъ:

— Вотъ ты и подумай, какъ оно выходитъ. Потому они и есть не простые грабители, а государственные преступники. Одно, да не равно, по той причинѣ и суды, стало быть, разные. То есть гражданскій судъ, а то политическій...

Харитонъ вздохнулъ и тоскливо посмотрѣлъ на Сазоныча.

— А ежели... Христа-то ради, хозяинъ... а? По случаю Рождества Христова, напримѣръ, простить... нельзя?

Теперь замолчалъ Сазонычъ, барабанилъ пальцемъ по столу и о чемъ-то думалъ. Его грубое, заплывшее лицо вдругъ какъ-то обмякло и распустилось... точно внутри у него лопнула какая-то скрытая пружина, которая держала это лицо въ вѣчномъ напряженіи окаменѣлой жадности и равнодушія. Можетъ быть, въ тайникахъ души Сазонычъ и самъ желалъ, чтобы простили, но стыдился въ этомъ признаться. И долго ничего не говорилъ.

— Я вѣдь не то, чтобы... я вѣдь, хозяинъ, и самъ знаю!— торопливо бормоталъ Харитонъ, ободренный молчаніемъ Сазоныча.—Ну, виноваты и виноваты... Господи, да я нешто говорю? А простить бы надоть... по божески-то, по христіански-то... дескать, живите, замаливайте грѣхъ свой, а потомъ, на страшномъ судѣ пущай васъ Господь разсудитъ!.. Такъ аль нѣтъ, хозяинъ, а?

— Гм!..—промычалъ Сазонычъ нерѣшительно.—А что-жъ!.. Можетъ, и такъ... Бываетъ... Предать смерти человѣка—это тоже дѣло мудреное. Борова свѣжевать, и то жалость. Живой вѣдь!.. А тутъ люди... По моему,—выдрать бы ихъ хорошенько, чтобъ шкура слѣзла, да только и всего!

VIII.

До праздника оставалось четыре дня. Всѣмъ было некогда, всѣ готовились къ торжественному дню и перестали интересоваться судьбой приговоренныхъ. Кололи и рѣзали кабановъ, одурѣвшихъ отъ жиру, варили, пекли, жарили, украшали елки, тащили изъ магазиновъ кульки и свертки со сластями и закусками, примѣряли новыя платья, проѣзжали застоялыхъ рысаковъ для будущаго катанья по Мит-

рофаньевской улицѣ. Харитонъ успокоился, не чувствовалъ больше тупой, заржавленной пилы, со скрежетомъ впивающейся въ сердце зубьями. Пошабашилъ со всѣми своими дѣлами и сталъ понемногу собираться „ко дворамъ“. Купилъ женѣ платокъ и пунцу на сарафанъ, старику-отцу валенки и шапку, ребятишкамъ—ситчику веселенькаго на рубахи. Сазонычъ расщедрился и подарилъ Харитону старую жилетку съ дырой во всю спину и ватный пиджакъ, который ему самому давно уже не сходился на животѣ. Всѣ эти сокровища Харитонъ, вмѣстѣ съ баранками, чаемъ, сахаромъ и большимъ караваемъ ситнаго хлѣба, заботливо увязалъ въ огромный мѣшокъ съ тѣмъ разсчетомъ, что завтра подыщетъ на базарѣ какого-нибудь попутчика, который довезъ бы его до села Дымокурова верстъ за 30 отъ города, а тамъ уже остальные 15 верстъ онъ какъ-никакъ самъ пѣшкомъ дойдетъ. Завтра же онъ купитъ и сладкихъ гостинчиковъ ребятамъ, — орѣшковъ, жамокъ, карамели въ цвѣтныхъ бумажкахъ. Всѣ эти покупки и сборы въ дорогу всегда нравились Харитону, и теперь, гордо поглядывая на туго-набитый мѣшокъ, онъ уже одной ногой былъ въ Сухомъ Логу и съ удовольствіемъ подумывалъ о цѣлой недѣлѣ отдыха.

— Совсѣмъ собрался?—спросилъ его Сазонычъ, заглядывая въ кухню со стаканомъ чаю въ рукѣ.

— Совсѣмъ, слава тебѣ Господи! Вотъ схожу еще попрощаться въ знакомые дома, гдѣ работалъ,—хорошіе господа, можетъ, на чай дадутъ! А завтра утречкомъ и залькюсь въ Сухіе Лога.

— Чтожъ, и хорошее дѣло! Это, я тебѣ скажу, самый правильный порядокъ, чтобы мужикъ отъ своего хозяйства не отбивался. А то иной придетъ въ городъ, да такъ и замотается.

— Мнѣ, хозяинъ, замотаться никакъ невозможно! Ихъ вонъ у меня восемь душъ, и всѣ по лавочкамъ сидятъ, кашки съ маслицемъ хотятъ... А что, хозяинъ, не слыхать въ газетахъ насчетъ этихъ... не повѣсили еще?

— Не знаю. Не читалъ нынче. Вотъ вечеромъ мальчишка изъ монополіи принесетъ. Да нѣтъ, теперича не будутъ вѣшать! Праздничное дѣло,—когда тамъ?

— Да то-то!.. Нешто можно?.. Хошь бы для праздника то... Народъ молодой, только бы жить, да жить. Парнишка тамъ, сказывали, 18 годовъ... много ли въ емъ и ума-то? Вродѣ Фильки мово... Чтожъ, эдакого и вѣшать?

Харитонъ обошелъ „хорошихъ господъ“, получилъ около рублевки на чай и, довольный, потянулъ обратно. Вечерѣло; порошилъ мелкій снѣжокъ, бѣлыми мухами садился на лицо

и щекоталъ кожу. Въ окнахъ зажигались огни, надъ затихшимъ городомъ переливался колокольный звонъ. Шла всенощная. Проходя мимо церковной паперти, у которой двумя желтыми глазами свѣтились керосиновые фонари, Харитонъ подумалъ, что хорошо бы зайдти помолиться. Церковь была узкая, длинная, и когда Харитонъ вошелъ туда, въ глубинѣ ея стройно и благозвучно пѣли:

„Богъ Господь, и явися намъ"... Серебристо звенѣлъ тонкій и чистый дѣтскій голосъ; густымъ бархатомъ стлалась низкая октава. „Господи, явися намъ"... повторилъ Харитонъ, крестясь и стараясь тихонько переступать сбитыми лаптями. Онъ купилъ за пятачокъ свѣчку, протискался поближе къ амвону и поставилъ ее въ лѣвомъ углу передъ большимъ образомъ Спасителя во весь ростъ. Образъ былъ старый, потемнѣвшій отъ копоти безчисленнаго множества свѣчей, ежедневно возжигаемыхъ усердіемъ прихожанъ. Краски разтрескались и сморщились, — только одни неестественно большіе глаза строго и печально смотрѣли изъ черноты, да едва-едва намѣчался очеркъ высоко-поднятой, благословляющей руки. Харитонъ, встряхивая волосами, принялся торопливо отвѣшивать широкіе кресты. Вокругъ него стоялъ сухой шорохъ поклоновъ, точно сыпались осенніе листья; глухо топотали перебѣгавшіе съ мѣсто на мѣсто ребятишки, слабо потрескивалъ, оплывая, воскъ свѣчей. „Господи, явися намъ"—шепталъ Харитонъ, стараясь уловить чтеніе священника. Но священникъ читалъ скоро и невнятно; доносились только послѣднія, протяжныя слова: „Господу помолимся-а"!.. Хоръ ему отвѣчалъ: „Господи поми-илуй!" И сверкающимъ серебромъ разсыпался высокій дѣтскій голосъ. Неподвижно смотрѣли огромные, скорбные глаза... въ нихъ переливчато отражался желтый блескъ огней... казалось, крупныя слезы набѣгали, скатывались въ тьму тусклыми жемчужинами и набѣгали снова... „Чисто плачетъ!—подумалъ Харитонъ между словами молитвы.—О грѣхахъ нашихъ"... Въ груди стало тепло и сладко. „Небось, онъ то всѣхъ простилъ..." Священникъ кончилъ читать; запѣли что-то тихое, нѣжно-красивое. И плакали жемчугами во тьмѣ неподвижные глаза, вмѣстившіе въ себѣ всю скорбь, всѣ страданія міра...

Дрынь!.. Др-рынь... Церковный староста, плотный мужикъ съ краснымъ носомъ, обходилъ молящихся, и мѣдяки съ непріятнымъ дребезжаніемъ падали на блюдо. Двѣ барышни въ огромныхъ шляпкахъ перехихикнулись и, когда сборщикъ поровнялся съ ними, онѣ отвернулись, дѣлая видъ, что погружены въ молитву. Харитонъ покосился на нихъ непріязненно и началъ креститься еще усерднѣе.

Вернулся онъ домой, весь переполненный свѣтлыми, тихими чувствами. Еще разъ оглядѣлъ мѣшокъ, хорошо ли завязанъ, сѣлъ на припечекъ и сталъ разуваться. Вошелъ Сазонычъ. Въ рукахъ у него была газета, лицо изумленное и какъ будто испуганное. Не глядя на Харитона, онъ сказалъ:

— А молодцовъ то этихъ... Повѣсили вѣдь!

Харитона точно обухомъ по головѣ ударили. Лапоть выскочилъ у него изъ рукъ и шлепнулся на полъ.

— Какъ?

— Повѣсили, говорю. Вотъ... въ газетѣ пишутъ...—Сазонычъ развернулъ сѣрый листъ, нашелъ пальцемъ нужную строчку и съ запинкой прочелъ: „вчера... въ 6 часовъ... ут-ра... въ стѣ-нахъ тюрь-мы... приведенъ въ исполненіе при-го-воръ“...

У Харитона къ горлу подкатился сухой и терпкій клубокъ, стало трудно дышать. Но онъ собралъ всѣ силы, протолкнулъ его куда то внизъ, проглотилъ и странно-пискливымъ голосомъ спросилъ:

— Э... э... и парнишку, стало быть?

— Всѣхъ! Вотъ тутъ прописано по фамиліямъ... Разъ... два... пять... восемь! Всѣхъ до одного!

„Вотъ те и простили“!—хотѣлъ сказать Харитонъ, но клубокъ опять подкатился къ глоткѣ, и что то огромное черной тѣнью встало передъ нимъ, заслонивъ яркій свѣтъ лампы.

Когда прояснилось, онъ увидѣлъ, что Сазонычъ уже сидитъ на лавкѣ и хлебаетъ щи. Однако, ѣлось ему, должно быть, плохо. Проглотилъ ложку, положилъ, подумалъ, потомъ еще проглотилъ, сказалъ „м-да!“ и, убравъ посуду, пошелъ спать. Долго ворочался на своихъ перинахъ, пыхтѣлъ, вздыхалъ и бормоталъ: „фу-фу-фу... м-да! О, Господи, Господи, прости Ты мои прегрѣшенія...“

Харитону безъ него стало немного легче. Ощупью добрался онъ до ушата съ водой, жадно выпилъ двѣ кружки, вернулся къ печкѣ и сталъ думать. Было какъ-то странно и пусто... То тихое, свѣтлое, что принесъ онъ съ собою изъ церкви, ушло въ черную пустоту, исчезло... а можетъ быть, и не было никогда... Или было? Харитонъ старался вспомнить. Горѣли свѣчи и лампады, на клиросѣ пѣли „Господи, явися намъ...“ Молчаливыми слезами плакали строгіе глаза. А *тѣхъ* вѣшали... Вчера еще, когда всѣ спали и видѣли обыкновенные житейскіе сны... Можетъ быть, *они* кричали, плакали, звали отцовъ, матерей, Бога... Простые были, деревенскіе парни, молодые, здоровые, жить хотѣли... Харитонъ представлялъ себѣ ихъ всѣхъ такъ ясно, какъ будто когда-нибудь видѣлъ, особенно Павлуху. У этого, пожалуй, еще

и пуху на бородѣ не было, совсѣмъ мальченка, и глаза у него, должно быть, такіе же свѣтлые, дѣтскіе, какъ у старшаго Харитонова сынишки, Фильки. Всѣ горластые были, веселые, любили похохотать, погулять на улицѣ, съ гармошкой, съ дѣвками, пѣсни орали. И не думали никогда что придетъ часъ, и подымутъ ихъ ночью съ постели, приведутъ къ столбамъ, руки веревкой спутаютъ и повѣсятъ, какъ бѣшеныхъ собакъ...

Ярко всплыло одно воспоминаніе изъ дѣтскихъ лѣтъ... У Харитонова сосѣда сбѣсилась однажды собака. Она была рыжая, большая, сильная и наводила на всѣхъ ужасъ; ее рѣшили убить. Но животное точно чуяло смерть и ни за что не хотѣло даваться въ руки. Не отзывалось ни на ласки, ни на угрозы, забилось подъ телѣгу, скалило зубы и то рычало, то жалобно визжало. Долго возились, наконецъ, сосѣду удалось какъ-то накинуть ей на голову веретье. Тогда собака сразу затихла и вся онѣмѣла. Ее выволокли изъ-подъ телѣги, накинули петлю на шею, перекинули веревку черезъ брусъ въ сараѣ и стали тянуть. Но у мужика такъ тряслись руки, что онъ выпустилъ конецъ веревки, и собака хлопнулась на земь. Въ глазахъ у нея горѣлъ смертельный ужасъ, она тоскливо озиралась и вдругъ, какъ бы прося пощады, страшно, отчаянно завыла... Собравшіеся поглазѣть ребятишки разсыпались въ разныя стороны. И петля снова перехватила ей глотку, вой оборвался... Черезъ минуту на брусѣ висѣло и дергалось огромное, косматое тѣло съ оскаленной, кровавой пастью, изъ которой торчалъ распухшій, пѣнистый языкъ. Ребятишки робко смотрѣли и перешептывались. Мужикъ отвернулся въ сторону, что-то дѣлалъ тамъ, потомъ свирѣпо закричалъ на ребятъ, чтобы уходили. И на глазахъ у него были слезы...

Харитона пробрала дрожь. Мысли спутались; мерещились какія-то чудовищныя картины... Дергались синія, распухшія тѣла, и кто-то протяжно, надрывисто плакалъ: у-у! у-у!.. Тьма клубилась, звенѣла и шептала; высокая тѣнь безъ формы, безъ очертаній отдѣлялась отъ нея, подходила близко, глядѣла въ лицо большими, безсвѣтными, нечеловѣческими глазами... Потомъ вдругъ привидѣлся Филька на брусѣ. Висѣлъ странно, перекинувшись тѣломъ черезъ брусъ, лица у него не было, и черныя, густыя капли медленно падали отъ него внизъ.

— О-охъ!—тяжко крикнулъ Харитонъ и очнулся. Уже гудѣли колокола; безглазая, слѣпая тьма мертво стояла въ окнахъ. Онъ поднялся, опять выпилъ воды, засвѣтилъ лампочку и сталъ торопливо собираться въ путь. Ему хотѣлось какъ можно скорѣе уйти изъ этого страшнаго города,

надъ которымъ, быть можетъ, еще бродятъ темныя души повѣшенныхъ и жалуются, и робко просятъ живыхъ, чтобы молились объ ихъ упокоеніи. Харитонъ умылся надъ ушатомъ, прочелъ „отчу“ и „Богородицу“ и съ внезапнымъ порывомъ громко закончилъ свою молитву: «Господи! Упокой души грѣшныхъ рабовъ твоихъ, насильной смертью помершихъ“...

Сазонычъ услышалъ, заворочался и сонно спросилъ:

— Аль ужъ идешь?

— Пойду, хозяинъ... Счастливо оставаться!

— Ну, ладно. Я и самъ сейчасъ встану... не спится что-й-то. Какъ заведу глаза, такъ сейчасъ и лѣзутъ эти... висѣльники-то... Оказія!

Харитонъ ничего не отвѣтилъ. Взвалилъ на плечи мѣшокъ и вышелъ.

IX.

Было еще темно, но по улицамъ уже скрипѣли полозья тяжело нагруженныхъ возовъ и хриплые голоса грубо звучали въ морозной тишинѣ. Не спавшіе всю ночь люди везли въ городъ дрова, овощи, мясо, молоко. Они озябли, устали и сердито погоняли своихъ голодныхъ и тоже уставшихъ лошадей, отъ которыхъ валилъ густой, блѣдный паръ. И Харитону въ первый разъ не было весело отъ этого привычнаго утренняго движенія, сулившаго ему работу и хлѣбъ, а спящій въ потемкахъ городъ представился ему огромнымъ, ненасытнымъ чудищемъ, которое съ одинаковой жадностью жретъ не только хлѣбъ, овощи и мясо, но и жизнь, и души людей.

Базаръ просыпался и невнятно бормоталъ, приготовляясь къ новому хлопотливому дню. Гремѣли засовы отпираемыхъ лавокъ, мужики переругивались между собою закоченѣвшими языками. Гдѣ-то пронзительно визжалъ поросенокъ; пахло горячимъ хлѣбомъ и паленой свиной щетиной. Холодными, мутными пятнами свѣтились въ синей мглѣ разсвѣта замерзшія окна булочныхъ, харчевень, трактировъ. А вверху, точно невидимыя птицы-вѣщуньи, носились плачущіе звоны колоколовъ.

На углу базарной площади, у столба съ обрывками театральныхъ афишъ, стоялъ Степанъ-Синій-носъ. Онъ весь опухъ, былъ мраченъ и тряся отъ холода и съ похмелья. Увидѣлъ Харитона и сначала по привычкѣ гнусно выругался, потомъ прохрипѣлъ съ натугой:

— Никакъ нашъ братъ Филатка? Куда это пѣшкомъ съ мѣшкомъ идешь?

Въ другое время Харитонъ ни за что не сталъ бы разговаривать со старымъ пьяницей, который былъ ему противенъ, но теперь онъ почти обрадовался встрѣчѣ. Тоска гнала его къ людямъ, хотѣлось забыться, хотѣлось говорить что-нибудь и съ кѣмъ-нибудь, только бы не думать о *томъ*... Онъ остановился.

— Да вотъ... Попутчика ищу. Ко дворамъ.

— Ишь, въ ротъ те коренья! Бываютъ же люди, у которыхъ дворы есть! А у меня вотъ ни двора, ни забора, и между прочимъ весь пропился до голаго пуза. Уважь, товарищъ, дай на сотку, я тебѣ на томъ свѣтѣ угольками отдамъ.

Харитонъ полѣзъ въ карманъ за кисетомъ, отсчиталъ три мѣдныхъ пятака и вдругъ ни съ того ни съ сего сказалъ:

— А слыхалъ?.. Вѣдь энтихъ-то... повѣсили!

— Повѣсили?—переспросилъ Синій носъ, жадно глядя на деньги.—Ну, царство имъ нѣмецкое...

И, схвативши пятаки своей холодной, костлявой лапой, онъ весело добавилъ:

— Вотъ за это спасибо, уважилъ старичка! Покойничковъ помянуть надо. Пойдемъ, колупнемъ по лампадочкѣ!

— Да я вѣдь... не пью я ее! Когда-когда рюмочку праздничнымъ дѣломъ, да и то голова кружится опосля. Слабый я на нее.

— Дура милая! Водки не пьешь, такъ чай будешь пить. Надо помянуть-то! Хорошіе люди были... Сволочь какую-нибудь не вѣшаютъ!

Они очутились въ сыромъ и вонючемъ подвалѣ, гдѣ въ удушливыхъ парахъ, исходившихъ отъ тѣлъ, отъ стѣнъ, отъ куба, сидѣли и пили чай извозчики, торговки, мужики, дровоколы. Синій носъ былъ здѣсь, какъ дома, и сейчасъ же распорядился насчетъ пары чаю. Имъ подали два чайника—большой съ кипяткомъ и поменьше—съ заваркой чая. Старикъ налилъ себѣ и Харитону по чашкѣ желтоватой жидкости, но едва только Харитонъ хлебнулъ изъ своей, какъ у него занялся духъ и въ глазахъ позеленѣло. Въ чайникѣ оказалась водка, настоенная на красномъ перцѣ.

— О, Господи!—прошепталъ Харитонъ, откашливаясь и вытирая слезы.—Ну-ну! Вотъ такъ чай!..

Синій носъ хохоталъ и наливалъ уже по другой.

— Дура милая, да нешто ты сроду его не пивалъ? Чай—первый сортъ, дери-горло, называется! Ну, пей, что ли, по вторичной, смажемъ покойничкамъ дорожку на тотъ свѣтъ, да и закаемся...

Но Харитонъ отказался наотрѣзъ и уступилъ свою порцію Синему носу. Съ непривычки его и отъ глотка сильно разобрало,—голова зашумѣла, все стало легко, призрачно и чудно́. Грязныя стѣны харчевни, покрытыя ослизлой плѣсенью и мокрыми потеками, закачались и куда-то уплыли. Остался одинъ теплый, мутный паръ, и въ немъ, точно въ сонномъ видѣніи, безпорядочно мелькали и путались люди, слова, звуки. Синій носъ казался теперь великолѣпнымъ парнемъ, они сидѣли съ нимъ уже въ обнимку, и Харитонъ видѣлъ близко передъ собой только одни его сверкающіе, острые глаза, налитые кровью и желчью.

— Ты думаешь, Богъ-то есть?—насмѣшливо хрипѣлъ ему въ уши старикъ.—Эхъ, милой, нѣту его, вотъ что я тебѣ скажу! Сколько годовъ живу, смотрю—нигдѣ нѣту... А то бы нешто я такой былъ? Ты думаешь, мнѣ деньги нужны? Хо-хо-хо-о!.. Было у меня, я все бросилъ... Тыщи... милліоны давай — не надо... Бога нѣтъ — вотъ въ чемъ штука! Нѣту его,—молчитъ... то есть, понимаешь ли, знаку никакого не оказываетъ. Я ли не просилъ, я ли не молилъ... Го-осподи Боже мой... Въ монастырь собирался, чортъ старый... А замѣсто того, да мордой въ грязь,—хорошо это, а? Что-жъ я такое, стало быть, гадина ползущая, а не человѣкъ? Ладно... Гадина! Ну, тогда и я на дыбы. А, думаю, ежели такое дѣло, то и пущай гадина!.. Все бросилъ, жену забилъ, дѣтей разогналъ... дѣти вѣдь тоже были у меня... Ничего не надо! Къ чортовой матери!.. Гадина такъ гадина... хуже гадины,—самая расподлая вошь! На, бей, дави, каблукомъ разотри—вотъ какъ! Хо-хо-хо-о!..

— Н-неправильно!..—пытался возражать Харитонъ, опрокинутый и смятый этимъ бѣшенымъ вихремъ отчаянія и тоски о потерянномъ Богѣ. — Н-неправильно говоришь... Богъ—онъ знаетъ, что—зачѣмъ. Наказалъ, стало быть... за грѣхи! Покориться надо... какъ бы потише, да посмирнѣе... припадать къ Ему... со всѣмъ усердіемъ...

— Да вѣдь говорю тебѣ: на карачкахъ елозилъ... Разрази, ну только окажи, что не въ насмѣшку я на свѣтъ порожденъ. И никакихъ! Выходитъ, стало быть, Ему что козявка, что человѣкъ—все одно? Ты видалъ,—на позьмѣ грибы эдакіе растутъ, чортовъ табакъ называется. Сверху бѣлый, ну грибъ и грибъ, честь-честью. А пнешь его ногой,—только одна пыль полетитъ, болѣ ничего. Вотъ и человѣкъ также. Родится, живетъ,—зачѣмъ? Чортъ его знаетъ! А сдохнетъ,—одна пыль останется... Гдѣ же Богъ? И живешь—топчутъ, и помрешь—топчутъ... да на кой же ты мнѣ послѣ этого нуженъ?

— А душа? Душа-то, она, братъ ты мой... завсегда живая...

— Какая душа? Гдѣ? Ты ее видалъ? Покажи! Хо-хо-хо-о!.. Нѣту! Не покажешь! Одна пыль! Чортовъ табакъ!..

— Господи, прости Ты меня!—въ ужасѣ бормоталъ Харитонъ, ища глазами образа, чтобы перекреститься, и въ туманѣ пьяныхъ испареній харчевни нигдѣ не находя его.— Господи, это не я говорю, это онъ говоритъ... грѣхъ-то, грѣхъ-то какой...

Старикъ совсѣмъ близко склонялъ къ Харитону свое безобразное лицо, носящее многочисленные слѣды жесточайшихъ оплеваній и заушеній, и дышалъ въ него горячимъ, смраднымъ шепотомъ:

— Богъ—Богъ!.. Ну, ладно... А гдѣ же Онъ былъ, когда энтихъ-то, парнишекъ-то вѣшали, а? Ты думаешь, они не припадали, когда имъ петлю на глотку засупонивали? Припадали, милой! Какъ еще ждали-то, небось... звали Боженьку, какъ заблудившія дѣти тятьку зовутъ... Что же Онъ—руку помощи протянулъ? Оказалъ лицо свое?.. Э-эхъ, дурочка ты моя милая, да вѣдь оказывать-то нечего! Ты вотъ выди сейчасъ на улицу, погляди на небо-то—ничего тамъ нѣту, пустое оно, вѣрное слово говорю... Звѣзды ходятъ, солнце, мѣсяцъ—все одна видимость. А пни ногой,—пыль посыплется... И церкви эти, кадилы, колокола...

Этотъ разъѣдающій шепотъ горячей смолой вливался въ душу Харитона и жегъ и палилъ его чернымъ огнемъ. Но онъ не сдавался, онъ изо всѣхъ силъ противился злой отравѣ,—между ними разгорѣлся споръ. Въ ожесточеніи другъ на друга они, кажется, выпили еще по чашкѣ перцовки; потомъ къ нимъ подсѣли какіе-то новые люди, и Синій носъ спорилъ уже не съ Харитономъ, а съ ними. У всѣхъ были красныя, потныя лица, мокрые, пахнущіе водкой рты, а одинъ изъ нихъ, тонкій, какъ глиста, съ бѣлыми, выпученными глазами, появлялся какъ-то сразу въ разныхъ мѣстахъ, подскакивалъ, извивался, забѣгалъ спереди, сзади, съ боковъ и пронзительно выкрикивалъ только одно странное слово: „Фертикультяпія! Фертикультяпія!..“ Люди все прибывали и прибывали, неизвѣстно, откуда они брались, наконецъ, произошло что-то дикое, безсмысленное, какъ горячешный бредъ. Вся харчевня ревѣла, качалась и наступала на стараго дровокола. Сверкали въ чаду разъяренные глаза, подымались кулаки, летѣли страшныя ругательства и угрозы. Зазвенѣла разбитая посуда, съ грохотомъ валились столы и табуретки, кто-то неистово вопилъ: „Караулъ!.. Бей его, подлеца, въ нюхало! Въ Бога не вѣруетъ!..“ И среди этой адской суматохи, какъ черный вихрь, бѣшено крутился Си-

ній носъ, разбрасывая направо и налѣво оплеухи и богохульныя слова. Онъ то падалъ, то подымался, онъ билъ и его били,—уже кровь текла изъ беззубаго рта и во всѣ стороны летѣли грязныя клочья одежды.

X.

Когда Харитонъ опамятовался, онъ увидѣлъ себя стоящимъ на улицѣ, и надъ нимъ голубѣло утреннее небо, чуть-чуть подернутое румянцемъ восходящаго солнца. Нѣсколько поодаль стоялъ похожій на глисту человѣкъ, держался за грудь и плевалъ кровью на снѣгъ. Какой-то прохожій остановился около него и спросилъ съ участіемъ и любопытствомъ:

— Что это такое у васъ вышло?

— Ничего! Фертикультяпія...— отхаркиваясь, пробормоталъ глистообразный человѣкъ.— Объ вѣрѣ маленько поспорили...

Харитонъ поспѣшно отошелъ. У него кружилась голова, шею ломило,—должно быть, его тоже ударили въ свалкѣ,— но мысли были ясны, и онъ вполнѣ сознавалъ теперь все окружающее. Осмотрѣлся, ощупалъ себя,—деньги были цѣлы, мѣшокъ висѣлъ за спиной, только въ кисетѣ не хватало полтинника. Но о полтинникѣ онъ не жалѣлъ; онъ смутно чувствовалъ, что оставилъ въ харчевнѣ кое-что гораздо дороже полтинника, и это было особенно горько. „Не надо было ходить... эдакій песъ старый!“—подумалъ онъ съ досадой и раскаяніемъ. А внутри что-то грызло и смѣялось, и нашептывало подлыя слова, которыя хотѣлось бы позабыть. Посмотрѣлъ на небо—и точно въ первый разъ его увидѣлъ: такъ оно поразило его своей пустынностью и холодною, непонятною красотой. Далекое, большое... и молчитъ! Можетъ и *тѣ* также вотъ смотрѣли на него передъ смертью, ждали чего-то—и не дождались.

— И вправду пустое... ничего тамъ нѣтъ! Одна пыль...

Кто это сказалъ? Старикъ? Нѣтъ... старика не было, онъ остался тамъ, въ харчевнѣ. Стало быть, Харитонъ самъ сказалъ... Стало страшно, и, боязливо озираясь, Харитонъ быстро зашагалъ впередъ, будто хотѣлъ убѣжать отъ самого себя и отъ жуткихъ мыслей своихъ.

Торгъ былъ уже въ полномъ развалѣ. Мужики навезли цѣлыя горы мяса и всякой живности, около возовъ густилась сплошная толпа. Люди были озабочены и радостно возбуждены, тащили на плечахъ, везли на извозчикахъ и на салазкахъ кровавые куски свинины, бараньи туши, жир-

ныхъ, безголовыхъ гусей и индюковъ, чистенькихъ, бѣлыхъ, съ перерѣзанными горлышками поросятъ, издали похожихъ на новорожденныхъ младенцевъ. Бывало, Харитонъ съ удовольствіемъ глазѣлъ на праздничное изобиліе всякой вкусной ѣды и даже самъ втихомолку мечталъ о томъ, что хорошо бы вотъ этакъ же купить свѣжинки кусочекъ и отнести въ деревню на розговины. Но сегодня отъ всего этого растерзаннаго мертваго мяса его мутило и, при видѣ бараньихъ, птичьихъ и свиныхъ труповъ, мысль его упорно возвращалась къ тому, что произошло недавно вонъ тамъ, за мостомъ, совсѣмъ недалеко отсюда, на тюремномъ дворѣ. Казалось даже, что въ воздухѣ стоитъ противный запахъ мертвечины... и хотѣлось поскорѣе уйдти отсюда въ бѣлую тишину полей, туда, гдѣ безмятежно спитъ подъ снѣгомъ уставшая земля.

Однако, было нужно еще купить ребятишкамъ гостинцевъ, Харитонъ это хорошо помнилъ. Онъ сталъ пробираться сквозь толпу къ знакомому бакалейщику. Вокругъ него шумѣли, божились, выхваляли товаръ.

— Два съ полтиной, меньше никакъ!

— Да вы поглядите, сколько на емъ сала-то...

— Господи, какъ за дитемъ ходилъ, самъ не жралъ, все ему въ утробу сыпалъ...

— Гусекъ, сударыня, отмѣнный, чисто купецъ—сытый!

— Побойся Бога, какой это заяцъ, это кошка драная, а ты—восемь гривенъ!

И никто не думалъ о тѣхъ, которые гнили теперь въ мерзлой ямѣ, съ веревками на шеѣ. „Все чортовъ табакъ!.. Пни ногой—и полетитъ пыль...“

Харитонъ опять боязливо оглянулся и вошелъ въ бакалейную лавку. Молодой приказчикъ завертывалъ въ бумагу пару селедокъ и вполголоса разсказывалъ пожилому покупателю:

— ...А когда, слѣдовательно, все уже кончилось и они, слѣдовательно, ужъ и трепыхаться перестали, на всѣхъ, сказываютъ, такая жуть напала, въ пору хоть бѣжи. Ну, слѣдовательно, для-ради увеселенія приказали солдатамъ пѣсню играть. Зачали пѣть, а сами плачутъ... честное слово! Просто даже слушать ужасно!

Но, почувствовавъ, что на него смотрятъ чьи-то внимательные и жадные глаза, приказчикъ обернулся, увидѣлъ Харитона и сдѣлалъ суровое лицо:

— Тебѣ чего? Что стоишь, глаза продаешь? Пряниковъ? Такъ бы и говорилъ, что пряниковъ... а то стоитъ тутъ...

И, склонившись къ пожилому господину, прибавилъ съ многозначительной усмѣшкой:

— И сколько теперича этой всякой погани развелось, удивленное дѣло! Сказать даже ничего невозможно,—глядь, ужъ стоитъ, слушаетъ, глаза пялитъ! Газету почитать возьмешь—и то оглядываешься...

Господинъ промычалъ что-то, тревожно покосился на Харитона и вышелъ. Харитонъ купилъ восемь пряничныхъ пѣтуховъ съ сусальными гребешками, полфунта карамели, полфунта орѣховъ и пошелъ черезъ другія двери къ яичному ряду. Еще издали увидѣлъ Клюкву; она уже выпила, и трубный голосъ ея звучалъ особенно вдохновенно.

— Вывели ихъ, матушки вы мои, изъ каморы и поставили всѣхъ въ рядъ. Рубахи на нихъ бѣ-ѣлыя, сами бѣ-ѣлые, одни глаза, чисто угли, чернѣются...

— Плакали, чай... — послышался чей-то несмѣлый голосъ.

— И ни чуточки не плакали. Стоятъ всѣ на вытяжку, ровно солдаты на парадѣ, и хоть бы что... Одного только, сказываютъ, подъ ручки держали... хворый, что ль... Ну, подошелъ къ нимъ, стало быть, священникъ съ крестомъ... не приняли!

— Не приняли?—съ ужасомъ повторилъ тотъ же робкій голосъ.—Да что ужъ это?.. Аль ужъ они совсѣмъ нехристи?

— Не знаю, матушки мои, не знаю, только никто не прикладывался. Одинъ тамъ былъ, молоденькій совсѣмъ, такъ все кричалъ: „Не виноватый я!“ Да по матушкѣ судей-то... Ну, тутъ забили въ барабаны, схватили его—вразъ покончился.

Клюква закурила папиросу, высморкалась въ подолъ и продолжала:

— А другой—такой молодецъ, говорятъ, краси-ивый, да кудрявый!—энтотъ вовсе ничего не боялся. Всѣмъ на прощанье слово сказалъ. „Ну, говоритъ, прощайте, судьи неправедные, а я васъ прощаю! И вы, надзиратели, не поминайте лихомъ! И ты, палачъ, прощай, да смотри, хорошенько вѣшай!“ А потомъ, стало быть, оборотился къ висѣлицѣ, засмѣялся, да какъ крикнетъ: „Ну, а ты, моя веревочка, здравствуй!“ Палачъ туда-сюда, глазомъ не успѣлъ моргнуть,—подбѣгъ онъ къ висѣлицѣ, головой въ петлю,—и поминай, какъ звали. Самъ повѣсился!

— А кто же, тетенька, вѣшалъ?—спросилъ молодой парнишка съ хитрымъ птичьимъ лицомъ и двумя ободранными зайцами, перекинутыми черезъ плечо.

Клюква посмотрѣла на него иронически.

— А не знаю, племянничекъ, не знаю... Я тамъ не была.—

И, отвернувшись отъ него, стала заботливо перебирать яйца

въ корзинкѣ. Подростокъ не отходилъ, вертѣлся около и видимо ждалъ продолженія разсказа. У Клюквы, наконецъ, лопнуло терпѣніе.

— Да тебѣ чего надо-то?—сварливо закричала она.— Чего ты мнѣ на носъ лѣзешь? Ты кто такой? Слухатель, что ль?

— Какой слухатель? — задорно передразнилъ ее парнишка.

— А такой, которые по угламъ-то стоятъ, слухаютъ.. Чего глазами-то виляешь? Не знаешь, что ль?

Подростокъ обидѣлся.

— Да ты чего лаешься? Я тебя не трогаю. Вотъ еще.. какая!

— Какая ни есть, а тебѣ здѣсь слухать нечего. Сопли-то утри... развѣсилъ!..

Окружающіе засмѣялись. Мальчишка смутился, тихонько вытеръ себѣ носъ и отошелъ. Клюква снова начала свой разсказъ пониженнымъ голосомъ.

— Въ маскѣ палачъ-то былъ. Знать, стыдно рожу на свѣтъ показывать. Во святые Христовы дни пошелъ на эдакое дѣло. Сатаиилъ окаянный! Изъ острожныхъ, небось.. изъ самыхъ распроклятыхъ злодѣевъ...

Подростокъ незамѣтно очутился около Клюквы, и остренькіе глазки его блестѣли жаднымъ любопытствомъ.

— Изъ острожныхъ?—воскликнулъ онъ.—Ну, это ему не жить! Пришьютъ обязательно!

Клюква загорѣлась гнѣвомъ и чуть не опрокинула корзины съ яйцами.

— Да ты что же, соплякъ эдакій, меня въ дуры-то рядишь? Ахъ ты, поганецъ! Тебя спрашиваютъ? Да ты самъ-то ужъ не изъ острожныхъ ли? Можетъ, зайцы у тебя глазамъ отводъ, а самъ по карманамъ шаришь? Смотри! Вонъ—онъ, сельдерей-то, стоитъ, сейчасъ кликну, онъ тебѣ покажетъ тятю съ мамой!..

Парнишка фыркнулъ и шмыгнулъ въ толпу. Клюква успокоилась.

— Вонъ они, сосуны то нынче какіе, а?—сказала она.— У него свѣчки подъ носомъ, а туда же: „пришью-ютъ“! Тебя бы самого къ материной юбкѣ пришить, чтобы не лѣзъ, куда не надо. А то глядь поглядь, и самъ на веревочкѣ завертится! Нѣ-ѣтъ ужъ, милые мои, стало быть, о н о ужъ по всему свѣту невидимо ходитъ, коли младенцы въ утробѣ матери вонъ въ какія дѣла вникаютъ. Ему бы, шутенку, еще въ бабки на улицѣ играть, а онъ, смотри-ко-сь,—„пришьютъ“! Нѣтъ, видно, чему быть, того не минуешь! И въ гробъ забили, и схоронили, и крестъ поставили, а о н о все вылазіетъ...

„Вылазіетъ!“ повторилъ про себя Харитонъ. Непонятное, но неизбѣжное, какъ смерть. Дышетъ ужасомъ и кровью. Мерещится огненными столбами въ небѣ, бѣлыми мертвецами съ веревками на шеяхъ. А гдѣ же Богъ?.. Онъ тамъ, въ красивой тишинѣ и сумракѣ церквей, въ таинственномъ сіяніи лампадъ, и плачутъ тусклымъ жемчугомъ его большіе, строго-печальные глаза. Онъ все видитъ и все знаетъ... отчего же молчитъ?

— Да вѣдь нѣту его... Одинъ обманъ!

На Харитона изумленно уставился плотный человѣкъ въ оленьей дохѣ и высокой мерлушковой шапкѣ.

— Ты чего? Мнѣ, что ли, говоришь?

— Кто? Я то? Помилуй Богъ... Нешто я говорю?

Человѣкъ въ дохѣ сердито плюнулъ.

— Вотъ вѣдь народъ! Налимонится съ утра и лѣзетъ ко всѣмъ, городитъ ерунду. Поди, проспись!

Онъ зашагалъ прочь, шурша дохой. Харитонъ съ испугомъ смотрѣлъ ему въ спину. За что онъ на него заругался? Развѣ Харитонъ что-нибудь ему сказалъ?

А можетъ и сказалъ... Все эта перцовка окаянная! Совсѣмъ память отшибла, и все кажется будто во снѣ. Сейчасъ здѣсь была Клюква, разсказывала, какъ палачъ въ маскѣ вѣшалъ бѣлыхъ людей въ бѣлыхъ рубахахъ, и вотъ ея уже нѣтъ, и онъ идетъ мимо какихъ то рыбныхъ лавокъ, откуда несетъ мертвечиной. И страшно, мучительно болитъ голова...

— Все обманъ! Ничего нѣту. Поютъ: „Господи, явися намъ“,—а его нѣту... Парнишекъ вѣшаютъ... Дадутъ крестъ поцѣловать, потомъ на веревочку... какъ бѣшеныхъ собакъ И Господь это допущаетъ!..

Онъ шелъ среди шумнаго базара, гдѣ продавали и покупали, гдѣ пахло кровью и водкой, и мясники въ окровавленныхъ фартукахъ разрубали топорами мерзлыя туши, и изъ дверей трактировъ вмѣстѣ съ сѣрымъ паромъ вылеталъ на улицу пьяный гомонъ, звонъ посуды, трескъ билліардныхъ шаровъ.

Онъ шелъ—и было два Харитона... Одинъ, съ мѣшкомъ за плечами, искалъ попутчика въ Сухіе Лога. Другой—блуждалъ въ какомъ то призрачномъ мірѣ, ничего не понималъ и разговаривалъ самъ съ собою.

XI.

Уже отблаговѣстили къ позднимъ обѣднямъ, когда Харитонъ повстрѣчалъ попутнаго мужичка изъ Дымокурова, и они выѣхали изъ города. Лошадка была сытая, рѣзвая, дорога накатанная, и разлапистыя сани быстро ныряли по ухабамъ. Отъ ѣзды Харитона разморило, онъ все время молчалъ и придремывалъ, но мужичекъ говорилъ безъ умолку. Онъ привозилъ на базаръ корзинки для цвѣтовъ, которыми славилось Дымокурово, въ два дня хорошо расторговался, немножко выпилъ и былъ въ самомъ пріятномъ настроеніи. То запѣвалъ во все горло длинную и нескладную пѣсню, то обращалъ къ Харитону свое круглое, румяное, все въ рыжихъ кудряшкахъ лицо и начиналъ разсказывать о томъ, что видѣлъ и слышалъ въ городѣ. Харитонъ слушалъ и не слушалъ, и разсказы попутчика сплетались въ его головѣ съ дремотными видѣніями, запутанными и странными, какъ облака на небѣ. Какіе то мужики тащили колоколъ на колокольню, а онъ кричалъ: „пустите, не виноватый я!“ Сазонычъ ѣлъ черную кашу, весь горшокъ съѣлъ и все говорилъ: „а рупь тридцать копѣекъ подай!“ Поросенка рѣзали, но онъ былъ вовсе не поросенокъ, а человѣкъ, плевался кровью и визжалъ: „фертикультяпія“!..

Потомъ ему послышалось, что кто то явственно сказалъ: „повѣсили“! Харитонъ открылъ глаза и увидѣлъ передъ собою веселую физіономію своего спутника съ кудрявыми волосиками на щекахъ и бородѣ.

— Кого повѣсили?—дико спросилъ Харитонъ.

— Да нешто ты не слыхалъ? Какъ же! Восемь душъ. Тамъ по всему городу звонъ идетъ, и-и!.. Мужики вѣдь! То господъ вѣшали, а ноньче и до нашего брата добрались. Сроду этого не бывало. Чисто при Иванѣ Грозномъ!

— Занапрасно, сказываютъ... Неправильно обсудили.

— Неправильно? А я не такъ слыхалъ... За большое дѣло!

— Какое дѣло?

Мужикъ, щуря свои свѣтлые, необыкновенно прозрачные глаза, какіе бываютъ только у очень здоровыхъ и очень жизнерадостныхъ людей, пристально посмотрѣлъ на Харитона, какъ будто обдумывалъ, можно ли съ нимъ говорить на чистоту. Потомъ подмигнулъ, нагнулся къ самому уху и многозначительно прошепталъ:

— Рыволюція—во!.. Ты Тихоныча знаешь? Солдата? Онъ земскую почту возитъ...

— Нѣ... Не слыхалъ такого.

— Ну во! А ему полицейскій сказывалъ. Тутъ дѣла, малый, и-и!.. Я бы тебѣ разсказалъ, да вѣтра въ полѣ боюсь...

Помолчали. Харитонъ смотрѣлъ на бѣлую пыль, клубившуюся подъ копытами лошади, и сумрачно о чемъ то думалъ.

— Это все... обманъ!—сказалъ онъ, наконецъ.—Главная вещь, никакъ я не пойму: гдѣ Богъ? Рожество Христово,— а они вѣшаютъ. Это какъ, по Божьему закону то, правильно аль нѣтъ?

— Ну ужъ, малый, я тебѣ не скажу! Это вѣдь такой клубокъ,—съ нашимъ умомъ и не размотаешь! Наше дѣло на землѣ, а Богъ на небѣ, ему оттуда виднѣе.

— Да земля то божья, аль нѣтъ?

— Чудно что-й-то ты говоришь... Какъ-же не божья? Извѣстно, все отъ Бога...

— А ты его видѣлъ... Бога то?—неожиданно спросилъ Харитонъ.

Въ ясныхъ глазахъ мужика вспыхнулъ испугъ.

— Ну это ты, малый... сказалъ тоже! Эко, вѣдь выворотилъ! И глаза у тебя чудные какіе то... Да ты не выпимши грѣшнымъ дѣломъ?

— Выпить—выпили...

— Да то-то я и гляжу. Я хоша и самъ выпилъ двѣ сотки... ну, а ты, знать, здорово на нее навалился!

— Чашку одну... Замѣсто чая въ харчевнѣ подавали.

— Въ харчевнѣ?—съ интересомъ спросилъ мужикъ.—Ну, это ты зря! Въ харчевнѣ они, сволочь, съ табакомъ ее мѣшаютъ. Издохнуть можно!

— Съ табакомъ?

— Истинно! То то тебѣ и заясило... Какія слова выражаешь! Да нешто мы святые, Бога то видѣть? Да у насъ съ тобой грѣховъ то на возу не увезешь! Куда ужъ тамъ!..

Онъ повеселѣлъ, задергалъ возжами и, отвалившись къ задку саней, снова затянулъ свою нескладную пѣсню:

И понапрасну, милой мой, хо-о-дишь,
И понапрасну ножки бье-е-шь!

Не доѣзжая Дымокурова, на бугрѣ у вѣтрянокъ, гдѣ былъ свертокъ на Сухіе Лога, Харитонъ слѣзъ съ саней, распрощался съ веселымъ мужичкомъ и остался одинъ среди мертваго безмолвія бѣлыхъ полей. Съ горки далеко было видно, и все снѣга, снѣга, да небо, такое же бѣлое, такое же тихое и просторное, какъ они. Внизу едва-едва, легкими извивами, намѣчалась малоѣзженная дорога и по закраинамъ чернѣли вѣхи и тихо кланялись подъ вѣтромъ,

точно смиренныя монашенки. Харитонъ всей душой вобралъ въ себя чистую и свѣжую красоту спящей земли и широко вздохнулъ.

— Эхъ... покой-то!

Кто-то чуть слышно засмѣялся сзади... похоже, будто Степанъ - Синій носъ дохнулъ на него пьянымъ дыханіемъ своимъ. Харитонъ вздрогнулъ. Пожался плечами и искоса поглядѣлъ назадъ. Ничего... Все также бѣло кругомъ, приземисто темнѣютъ вѣтрянки, и въ праздно-растопыренныхъ крыльяхъ жужжитъ и посвистываетъ вѣтеръ.

— Тьфу, окаянная сила! Вѣдь какой прилипчивый, старый бѣсъ! И на водку смутилъ, и словами запоганилъ, прости, Господи, и помилуй...

Онъ спустился съ бугра и твердо зашагалъ по извивамъ проселка, стараясь думать о своемъ, о праздничномъ, что ждало его дома, въ Сухомъ Логу. Давно вѣдь своихъ не видалъ,—ребята-то, небось, подросли—и не узнаешь! Филькѣ 13 лѣтъ скоро, парень совсѣмъ большой, ужъ читаетъ, пишетъ и въ хозяйствѣ помогаетъ какъ слѣдуетъ. Одному старику трудно становится, да и ноги у него что-то болятъ, прошлую побывку вовсе хромой былъ, мазью мазался. Всѣ рады будутъ... Какъ придетъ, такъ сейчасъ въ печи выпарится, рубаху смѣнитъ—и спать. Ту ночь ничуть сна не было, оттого, должно быть, и въ головѣ шумитъ, чисто на мельницѣ. А тутъ еще водка, да съ табакомъ... Что люди дѣлаютъ, всякій страхъ забыли, нигдѣ правды нѣту—ни на небѣ, ни на землѣ... Незамѣтно мысль Харитона повернулась назадъ и опять стала путляться около прошедшаго, уже пережитаго. Полѣзли въ голову Клюква, Синій носъ, повѣшенная собака, пахнущія гнилью кучи кроваваго мяса, молодые парни въ бѣлыхъ рубахахъ съ бѣлыми лицами. И палачъ въ черной маскѣ...

— Палачъ съ веревкой, а попъ съ крестомъ!—опять кто-то сказалъ и засмѣялся.

Что же это такое? Или въ головѣ шумитъ... Оглянуться было страшно. Бѣлая пустыня молчала. Харитонъ поправилъ мѣшокъ и прибавилъ шагу. Снѣгъ поскрипывалъ подъ лаптями, сѣрой змѣйкой извивалась дорога, кланялись и шептали что-то непонятное черныя монашенки. Невидимыя руки задергивали небо темной занавѣской, оно стало примеркать.

Вонъ и лѣсокъ обозначился впереди тонкою щетинкой. Сейчасъ за нимъ оврагъ, а тамъ и Сухіе Лога. Скорѣе бы уже! Такъ хотѣлось тепла, покоя, живыхъ человѣческихъ голосовъ, живого человѣческаго привѣта. Хотѣлось уйти отъ этой жуткой ночи, которая грозно шла навстрѣчу и

дышала въ лицо знобящимъ дыханіемъ. Кто знаетъ, что таится въ ея черныхъ глубинахъ? По ночамъ встаютъ мертвецы и съ плачемъ носятся надъ землею и стучатся въ окна и двери къ своимъ отцамъ, матерямъ, сестрамъ, братьямъ. За стѣной отъ нихъ можно спрятаться, забиться въ уголъ, откреститься крестомъ, отмолиться молитвой. Здѣсь въ полѣ нѣтъ защиты. Онъ одинъ, лицомъ къ лицу съ мертвой пустыней. И ночь беззвучно несется къ нему навстрѣчу на дымныхъ крыльяхъ. Вдругъ разверзнется, и изъ тьмы выйдутъ бѣлыя тѣни съ веревками на шеяхъ... Обступятъ, будутъ протягивать руки, захрипятъ перехваченной глоткой...

XII.

— Господи! Господи!—леденѣя, прошепталъ Харитонъ.— Гдѣ же ты, Господи? Явися намъ...

И вдругъ почудилось ему, что онъ въ полѣ уже не одинъ. Кто-то стоялъ за нимъ, крѣпко дышалъ, и отъ этого могучаго дыханія всѣ волосы на головѣ Харитона поднялись, какъ отъ вѣтра.

— Господи!—повторилъ Харитонъ и оглянулся.

Темное, дымное облако клубилось на бѣломъ снѣгу, и глаза, только одни огромные, бездонные глаза смотрѣли Харитону въ лицо, и сіяла въ нихъ только одна огромная, бездонная печаль.

Харитонъ задрожалъ и въ ужасѣ отшатнулся.

— Господи?.. Это ты?—прошепталъ онъ, поднимая руку перекреститься.

И какъ тамъ, въ церкви на образѣ, глаза молча на него смотрѣли и сочились слезами.

„Охъ, страшно!..“—не то думаетъ, не то говоритъ Харитонъ, и хочется ему упасть и слиться съ землей, и не можетъ онъ это сдѣлать, потому что окаменѣлъ весь, а ноги налились свинцомъ и пристыли къ снѣгу.

Облако стало еще гуще, еще чернѣе, строгой печалью горятъ во мракѣ огромные глаза. И глухой, звенящій, точно колоколъ въ ночи, голосъ гудитъ у Харитона въ ушахъ, растекается по жиламъ, крѣпкимъ вѣтромъ обвѣваетъ голову.

— Не бойся, душа живая, ничего не боится. Правду ищи! Потеряли вы правду божью и не ищете! Смотрите мертвыми глазами, когда убиваютъ братьевъ вашихъ — и молчите! Торгуете, проливаете кровь, пьянствуете въ кабакахъ, а не видите, — вотъ онъ, Богъ! Тутъ! Близко!.. Невидимо ходитъ посреди васъ, и слышитъ, и видитъ, и пла-

четъ горючими слезами. И скоро будетъ терпѣнію его предѣлъ...

— Господи-батюшка... —думаетъ Харитонъ, весь сотрясаясь отъ непрерывной страшной дрожи.—Что я сдѣлаю? Куда пойду? Темный я, простой мужикъ, ничего не знаю. За что мальчиковъ повѣсили, — ума не приложу, въ мысляхъ смѣшался... Укажи путь-дорогу!

А въ ушахъ все гудитъ отдаленнымъ колокольнымъ звономъ призывающій голосъ:

— Прямо иди и найдешь правду! Заблудшіе вы, малое собираете, большое потеряли. Все дано вамъ... Земля, небо, солнце, звѣзды! Дано для всѣхъ! И вы все опоганили звѣрствомъ своимъ. Наполнили землю смертной гнилью и вонью... иду и задыхаюсь отъ смрада, посреди мертвыхъ ищу живыхъ—и нигдѣ не вижу. Зачѣмъ обманываете, убиваете, возстаете братъ на брата? Плачете о мѣдномъ грошѣ, а души человѣчьей не жалѣете. Мелкіе стали, злые, слѣпыми щенками ходите по землѣ...

— Истинно, Господи!.. Бездушные мы, какъ черви. Тридцать семой годъ живу на свѣтѣ, а чего я знаю? Только бы, только бы хлѣбушка, болѣ ни о чемъ и заботы не было. Анъ вонъ оно, глядь — и настигло. Запутлялся, какъ овца въ камышахъ, и тропинки не найду. Что я теперь? Куда?

Харитонъ ждетъ отвѣта. Темна земля, темно небо. И сочатся слезами сіяющіе глаза, и голосъ гудитъ, какъ зимняя вьюга:

— Иди, скажи имъ всѣмъ, что правда есть! Ступай къ насильникамъ и обманщикамъ, на площади и въ дома богатые, въ трактиры и кабаки, стучись во всѣ двери,—кричи: „идетъ... уже близко!“ Прямо, прямо иди — и не будетъ страха и увидишь свѣтъ!..

Высоко надъ головой Харитона поднялась темная отъ копоти свѣчей, благословляющая рука. Онъ зажмурился и громко зачиталъ, какъ въ церкви:

— Отче нашъ, иже еси на небеси...

Но дико и чуждо прозвучалъ его одинокій голосъ среди могильнаго безмолвія бѣлыхъ полей. Харитонъ открылъ глаза и оглядѣлся. Онъ стоялъ одинъ на бугрѣ... никого не было. Только далеко впереди что-то темное маячило... а, можетъ быть, это качалась подъ вѣтромъ придорожная вѣшка? Направо, изъ-за черной щетины лозняка, выкатывался повитый туманомъ огромный, красный мѣсяцъ. Налѣво, внизу, на днѣ оврага, рѣдко мигали бѣдные, рѣдкіе огоньки. Это и были Сухіе Лога.

— Господи-Іисусе-Христе! — растерянно пробормоталъ

Харитонъ.—Что же это такое? Аль съ дурману прибредилось... аль и вправду ты, Господи, сошелъ съ небеси?

Никто не отвѣчалъ. Тишина... безлюдье. Безконечная, холодная бѣлизна. Сумрачная тѣнь все дальше и дальше уходитъ... медленно таетъ, расплывается, наконецъ, расплылась совсѣмъ. Или ея и не было никогда? Кто знаетъ... Загадочно молчитъ огромное, вѣчное небо. Тяжко бьется въ виски отравленная кровь, тупо ноетъ голова, лапти мѣрно поскрипываютъ по снѣжку. Мѣсяцъ выпутался изъ лозняковъ, выше поднялся, ткетъ надъ землей серебристую паутину, важно, задумчиво смотритъ, точно прислушивается къ чему. И вѣтеръ шуршитъ по сугробамъ, роется въ нихъ, взметаетъ легкіе, причудливые вихри, точно ищетъ чьихъ-то потерянныхъ слѣдовъ. И въ невнятномъ шепотѣ его чудятся Харитону отголоски повелительныхъ словъ:

— Иди и скажи...

XIII.

Тихій и растерянный вошелъ Харитонъ въ избу, молча снялъ съ себя кошель и молча сѣлъ на лавку. Вокругъ него радостно прыгали и шумѣли ребятишки, развязывали мѣшокъ, дѣлили гостинцы. Жена сбѣгала къ сосѣдямъ за самоваромъ, раздувала угли, звенѣла посудой. Старикъ съ довольнымъ лицомъ пересчитывалъ деньги и что то шамкалъ беззубымъ ртомъ. Все это видѣлъ Харитонъ и все это было какъ во снѣ, — далекое и чужое. И такимъ же далекимъ и чужимъ казалось и во всѣ праздничные дни. Онъ ходилъ, сидѣлъ на лавкѣ, улыбался на ребятъ, а самъ молчалъ и какъ будто прислушивался къ чему то новому, что творилось теперь у него въ душѣ. По вечерамъ спозаранку залѣзалъ на полати и лежалъ тамъ неподвижно, какъ мертвый. Но не спалъ,—глядѣлъ въ темноту и думалъ-думалъ...

— Нишкни!.. — шипѣла на ребятъ Харитонова жена:— Тятька заработался, сердечный, легъ съ устатку, дайте ему хоть наспаться то досыта, демоны горластые!..

Ребятишки затихли, а старый дѣдъ исподтишка имъ грозился, сладко щурилъ красныя, безволосыя вѣки и шепталъ, заливаясь счастливымъ, беззубымъ смѣхомъ:

— Кормилецъ вѣдь!.. Три красныхъ, слышь... Три красныхъ прине-есъ... а? То то и оно!..

Сначала никто не замѣтилъ никакой перемѣны въ Харитонѣ. Все было, какъ всегда, все дѣлалось по заведенному въ прошлые годы порядку. Въ сочельникъ ничего не ѣли до звѣзды, всей семьей поочереди парились въ печкѣ, одѣлись въ чистое бѣлье и ужинали квасомъ съ рѣдькой и

паренымъ горохомъ, вмѣсто кутьи. Утромъ на Рождество, когда въ слѣпыя отъ снѣгу окна забился жиденькій благовѣстъ разбитаго деревенскаго колокола, жена разбудила Харитона.

— Вставай, звенятъ, слышь! Въ церкву пора идтить.

— Нѣ... не пойду!—отозвался Харитонъ и плотнѣе натянулъ на голову дерюжку, которой укрывался, вмѣсто одѣяла.

— Не пойдешь? Что жъ такъ? Завсегда прежде ходилъ.

Харитонъ пробормоталъ что то невнятное и остался на палатяхъ. Слышалъ, какъ старикъ съ ребятами ушелъ къ обѣднѣ, какъ потомъ они вернулись и подъ предводительствомъ Фильки старательно, хоть и не совсѣмъ складно, прославили Христа. Больше всѣхъ сбивался старикъ, путалъ и перевиралъ слова, а иногда затягивалъ такого козла, что Филька начиналъ сердиться.

— Ты, дѣдушка, опять не такъ! Надо говорить: съ небесъ срящите, ты: „съ небезрящите“! Этакого и слова нѣту! И опять тебѣ надо густо пѣть, вотъ такъ: „у-у-у“! А ты вонъ куда завился, чисто пѣтухъ на шесткѣ, весь хоръ испортилъ.

— Ну-ну-ну,—примирительно говорилъ старикъ.—Давай опять. Какъ оно, слово то? Не-без-рящите...

— Съ небесъ, дѣдушка, съ небесъ! На небеси вѣдь Богъ то...

— Во-во-во! Теперь понялъ! Ну, начинай!

Филька давалъ тонъ, какъ настоящій регентъ, стройно начинали, и снова старикъ „завивался“ въ невѣроятную высь, покрывая весь хоръ своимъ дребезжащимъ теноромъ.

Харитонъ прислушивался, и ему было пріятно, что курносый Филька, отъ земли не видать, а ужъ все понимаетъ лучше стариковъ. „Ишь ты, какой... вострый“! Но за этой мыслью явилась другая, отъ которой тяжело ударило въ виски и въ сердце. „А выростетъ—все равно, повѣсятъ“!

Послѣ пѣнія онъ слѣзъ съ палатей, долго смотрѣлъ на Фильку и нерѣшительно спросилъ:

— А что у васъ, въ училищѣ... Евангеліе-то читать учутъ?

— Учутъ!

— А есть оно у тебя?

Филька проворно полѣзъ за божницу и досталъ оттуда маленькую растрепанную книжечку въ голубомъ переплетѣ съ полустертымъ крестомъ,—школьная награда за хорошіе успѣхи! Харитонъ взялъ ее, посмотрѣлъ, осторожно сдунулъ паутинку съ облупленнаго корешка и вернулъ сыну.

— А ну ка, почитай мнѣ!

И хотя Филькѣ очень хотѣлось поиграть на улицѣ съ

ребятишками, онъ до самаго обѣда читалъ евангеліе, а Харитонъ слушалъ старыя, простыя слова, и глаза у него были изумленные и радостные, какъ у ребенка, который въ первый разъ увидѣлъ солнце.

За обѣдомъ подали праздничныя щи со свининой, вкусный, жирный запахъ разлился по избѣ. Ребятишки раскрыли рты и жадно смотрѣли, какъ мать рѣзала мясо кусочками на деревянной тарелкѣ и, сочное, дымящееся, подвинула мужу. Но у Харитона все лицо передернулось белѣзненной судорогой, онъ отодвинулъ тарелку и всталъ.

— Не хочу... Не стану.

— Съ чего это?

— Смердитъ...

— Да ты одурѣлъ?—воскликнула удивленная и обиженная баба.—Съ чего ей смердѣть? Свѣжая, любовинка,—третьевось борова то кололи, сама видала!

— Нѣ... И не говори!.. Опосля дай, — молочка похлебаю.

Отецъ съ чѣмъ то возился въ углу и мигалъ Харитону весело и таинственно, чтобы подошелъ.

— А ты выпей... Я вчерась половиночку запасъ. Для праздничка то можно.

Харитонъ и отъ водки отказался. Огорчился старикъ и выпилъ одинъ.

Въ сумеркахъ вышелъ Харитонъ изъ избы—и пропалъ. Жена обезпокоилась и пошла посмотрѣть, гдѣ онъ. Глядь,— стоитъ посреди двора, задралъ голову кверху, смотритъ на небо и что то бормочетъ.

— Харитонъ!—съ испугомъ закричала она.—Ты чего это?

Харитонъ затрясся, замахалъ на нее руками, и лицо у него стало бѣлое, а глаза странные, какъ будто не свои.

— Уйди! Уйди!.. — зашепталъ онъ.—Зачѣмъ помѣшала? Вотъ *оно* и молчитъ опять... Эхъ какая... Слышалъ вѣдь... а теперича вотъ и нѣту опять ничего...

— Охъ, чтой-то нехорошо говоришь!—сказала жена.—Я ужъ вижу: не такой пришелъ, что-нибудь тебѣ подѣялось! Отчего засмутненый ходишь? Не можется, что-ль? Такъ ты бы сказалъ, я за бабкой схожу. Харитонъ, слышишь?

Харитонъ ничего не отвѣчалъ и на всѣ разспросы и совѣты только головой трясъ.

Скоро и по селу гулы пошли, что у Харитона въ избѣ неладно. Испортили хозяина: пришелъ изъ города и чудитъ. Водку не пьетъ, отъ мясного голову воротитъ. Въ церковь ни разу не ходилъ, а заставляетъ Фильку евангеліе читать, слушаетъ и молчитъ... Эти слухи дошли и до батюшки. Онъ выслушалъ, задумался и сказалъ:

— Не иначе, въ секту какую-то вступилъ. Есть такія

секты богомерзкія, гдѣ, прикрываясь святымъ евангеліемъ, сѣютъ въ народѣ соблазнъ, бунтъ и отвращеніе отъ истинной вѣры. Пришлите ка его ко мнѣ, я его попытаю и эпитемію на него наложу.

Но Харитонъ къ батюшкѣ не пошелъ и на другой день Новаго года собрался въ городъ. Передъ этимъ онъ немного повеселѣлъ, сдѣлалъ распоряженія по хозяйству, со всѣми простился ласково, а отца отвелъ въ сторону и таинственно сказалъ:

— А вы тутъ, тятенька, на всякій часъ готовы будьте! Ждите... можетъ, *оно* ужъ скоро... Невидимо Господь посреди насъ ходитъ, и все откроется...

Старикъ сглуху ничего не понялъ и прошамкалъ беззубымъ ртомъ:

— Ладно, сынокъ, ладно! Покуда живъ, нитки не упущу. А ты того, сынокъ... постарайся... Къ Святой еще деньжонокъ то припаси! Пошлетъ Господь, можетъ, собьемся, подъ яровое сымемъ. Будя тебѣ по чужимъ дворамъ то шататься,— пора свой прибрѣтъ заводить!..

Жена и дѣти провожали его до околицы. Тамъ онъ въ послѣдній разъ махнулъ имъ шапкой и медленно сталъ взбираться на бугоръ,—маленькій, черный, какъ козявка, въ сверканіи солнечнаго дня, въ игристомъ блескѣ бѣлаго простора. За нимъ шла длинная, синяя тѣнь, и когда онъ уже давно скрылся за бугромъ, тѣнь все еще ползла, раскачивалась и кривлялась, точно ее корчило отъ бѣшенаго хохота.

— Вотъ те и тятька! — грустно сказалъ кто то изъ малышей.—Былъ—и нѣту!..

Жена заплакала. Вѣщее бабье сердце пророчило темную бѣду.

XIV.

...И вотъ опять дымный, жадный, грохочущій городъ. Звенитъ по рельсамъ конка, ревутъ заводскіе гудки, скрипятъ безконечные обозы съ хлѣбомъ, дровами, сѣномъ, досками, кирпичами. Гонятъ на бойню понурыхъ быковъ, ведутъ куда то арестантовъ въ сѣрыхъ курткахъ, съ сѣрыми лицами, свищутъ кнуты и виситъ надъ улицами и площадями остервенѣлая ругань. А городъ равнодушно жретъ все—животныхъ, людей, камень, лѣсъ, сердца и души. Ему все равно. И такъ-же благозвучно поютъ колокола и зовутъ въ прохладную сѣнь, озаренную тихимъ свѣтомъ лампады, таящую въ благовонныхъ нѣдрахъ своихъ великое слово Божіе.

Но не откликается на нихъ теперь смиренная Харито-

нова душа и не будятъ они въ ней прежняго, молитвеннаго трепета. Онъ глядитъ на все и ничего не узнаетъ; все старое—и какъ будто другое, точно открылась передъ нимъ душа міра, и онъ ясно видитъ всѣ тайны ея и язвы, безобразіе и красоту. Ходитъ Харитонъ—и тихо улыбается: онъ понимаетъ всѣхъ, его не знаетъ никто. Для людей онъ все тотъ же бѣдный, деревенскій мужиченко, ищущій хлѣба и работы; кто повѣритъ, что онъ видѣлъ Бога и посланъ возвѣстить міру о близкомъ пришествіи вѣчной правды?..

Степанъ Синій-носъ стоитъ на своемъ обычномъ мѣстѣ. Смотритъ исподлобья, хочетъ выпить и злится, что не на что. Харитонъ подходитъ къ нему, пристально вглядывается въ багровое съ кровоподтеками лицо, въ мутные, стоячіе глаза, синія, отвислыя губы, грязную, сѣдую бороду. И видитъ, что старикъ давно уже умеръ, что по землѣ ходитъ только одно его мертвое, гнилое тѣло, а души уже нѣтъ.

— Живъ?—спрашиваетъ его Харитонъ.

Синій-носъ оборачивается и глядитъ на него тускло и враждебно. Тяжело сопитъ и противно дышетъ махоркой, водочнымъ перегаромъ и грязнымъ потомъ. Что то вспоминаетъ и вдругъ начинаетъ смѣяться, обнажая старые, гнилые зубы.

— Хо-хо-хо!.. Ты про энто, что ль? Ну, и здорово же, черти, били, я думалъ, всѣ хряшки отобьютъ! А ничего: провалялся два дня, и опять куда хошь. Ты то цѣлъ ли? Тебя вѣдь тоже никакъ погладили.. Эдакіе подлецы!

Онъ дружески кладетъ Харитону на плечо свою жилистую лапу и хрипитъ:

— А нѣтъ ли у тебя пятачка завалящаго? Смерть сосетъ!.. Я бы выпилъ!

— Пятачка нѣту, — кротко говоритъ Харитонъ.—Брось пить, Степанъ! Ты думаешь, нѣту Бога? А онъ есть! Можетъ, и сейчасъ посреди насъ стоитъ, горькими слезами плачетъ...

— Го-го-го... Откуда ты это знаешь? Въ попы, что ли, посвятился?

— Мнѣ открыто!.. Есть Богъ!

— Ну, и цѣлуйся съ нимъ! — говоритъ старикъ и уже равнодушно отворачивается отъ Харитона. У него сосетъ, хочется выпить и не стоитъ разговаривать съ человѣкомъ который не можетъ дать пятачка.

„Мертвый“!—думаетъ Харитонъ и идетъ дальше. Встрѣчаются разные люди. Чиновникъ проѣхалъ въ картузѣ съ кокардой. Пробѣжали барышни въ безобразно-огромныхъ шляпахъ и обтянутыхъ юбкахъ. Сѣрой кучей провалили мужики, ругаютъ кого-то по матерному. Городовой ведетъ

въ участокъ пьянаго человѣка. Пьяный умоляетъ его отпустить, городовой не хочетъ.

— Иди, иди!.. Самъ скандалишь, а теперь „отпусти“! Зачѣмъ дерешься?

— Когда я дрался? Я не мужикъ, не мазурикъ какой-нибудь... Меня весь городъ знаетъ, я рыбой торгую.

— Да никто тебя жуликомъ не обвиняетъ. А скандалить при публикѣ нельзя. Я тебѣ два раза сказалъ: не скандаль! Тутъ дамы, публика, а ты его по мордѣ...

— Да вѣдь онъ братъ мнѣ!

— А ежели братъ, и вовсе не хорошо! Не по братски поступаешь: трахъ въ морду!

— Да вѣдь за что? Пили мы вмѣстѣ... Я за все заплатилъ, а онъ толкается... Обидно! Я рыбой торгую... Отпусти меня, а? Ангелочекъ!

— Ангелочекъ! Ну, иди, иди, нечего тамъ!..

Еще и еще идутъ и ѣдутъ люди. Много людей. У однихъ лица сытыя и тупыя, у другихъ—больныя и озлобленныя. Теряютъ по дорогѣ обрывки словъ, разговоровъ, мыслей. И мысли и слова — пустыя, и пусто отъ нихъ въ головѣ и сердцѣ. Деньги... ѣда... карты... драка... Всѣ мертвые. Нѣтъ живыхъ. И хочется Харитону закричать всѣмъ, что жизнь ихъ—гниль и вонь, и нельзя обманывать, грабить и убивать, и есть Богъ, есть Богъ!..

Но Харитонъ молчитъ. Еще не время. Его не услышатъ. Всѣ мертвые! Нѣтъ живыхъ...

Подходитъ къ Клюквѣ. Она сидитъ одна, щека у нея обвязана платкомъ, должно быть, болятъ зубы. И смертельный ужасъ одинокой старости, предчувствіе одинокой смерти въ забвеніи и нищетѣ видитъ Харитонъ на ея суровомъ лицѣ.

— Съ прошедшимъ праздникомъ, тетенька! Какъ живешь-можешь?

Клюква угрюмо на него косится и сплевываетъ съ больного зуба слюну.

— А какая моя жизнь? День да ночь, сутки прочь! Надоѣло все, хотя бы помереть скорѣе. Нѣту правды на свѣтѣ, пущай и все хинью пойдетъ!

Харитонъ смотритъ на нее, тихо улыбается. Вотъ она живая! Пьяная, нищая, а душа въ ней тоскуетъ, ждетъ чего то. Живая...

— Зачѣмъ помирать, тетенька? Есть Богъ, есть и правда. Невидимо ходитъ, можетъ, уже близко... вотъ-оно!

Насупленное лицо Клюквы смягчается, изъ нѣдръ широкой ватной кофты она вытаскиваетъ успокоительную папи-

росу, вбираетъ въ себя синій, ѣдкій дымокъ и чувствуетъ, какъ медленно нѣмѣетъ больной зубъ.

— Такъ то оно такъ, малый, да вѣдь не доживешь? Съѣдятъ прежде время птицы съ желѣзными носами...

— А може, и не съѣдятъ? У птицъ носы желѣзные, а у насъ слова золотыя. Ходитъ правда по землѣ, скоро откроется. Потерпѣть малость осталось!

— А ты нешто чего слыхалъ?—встрепенулась Клюква и по привычкѣ воззрилась по сторонамъ, не маячить ли гдѣ „сельдерей“.

Харитонъ присѣлъ на корточки, также оглянулся и таинственно зашепталъ:

— Никому не сказывалъ, а тебѣ скажу... Шелъ я къ праздникамъ домой, да опоздnился въ полѣ, и напала на меня жуть. Охъ, и жуть, тетенька, сроду не случалося! Объ чемъ ни думаю, куда ни гляну,—все они представляются...

— Кто „они“?—тревожно и также шепотомъ спросила Клюква.

— А мальчики энти... которыхъ повѣшали. Идутъ за мною, да бѣлые... глаза кровью налились, и все стонутъ. Ну, я и взмолился: „Го-споди, говорю, гдѣ ты? Только сказалъ,— омрокомъ меня ошибло, и вижу я облако, а изъ облака голосъ могу-учій: „Не бойтеся, говоритъ, ищите правду и увидите свѣтъ! Помрутъ и сгніютъ убивцы, а правда божья во вѣки-вѣковъ жива! Буде вамъ молчать и таиться, идите, не допущайте крови пролитія! Такъ что солому пожгутъ, а зерно завсегда останется... И потаенно ходитъ Господь по землѣ и спроситъ у всѣхъ страшнаго отвѣта...

Клюква пристально вглядывается въ помертвѣвшее лицо Харитона,—онъ весь дрожитъ, и восторгомъ безумія горятъ его широко раскрытые глаза.

Ей хочется вѣрить и боится вѣрить... Спрашиваетъ строго:

— А вѣрно сказываешь? Не врешь?

— Истинное слово, вотъ тебѣ крестъ!.. Какъ тебя слышу, такъ и Его слышалъ. Сказалъ—и дымомъ весь разошелся... ровно его вѣтромъ развѣяло. Испужался я... Пришелъ домой, велѣлъ мальченкѣ своему Евангеліе читать, а оно тамъ все какъ есть прописано, это самое...

— Бываетъ, парень...—задумчиво говоритъ Клюква.—Просвѣщаетъ Господь сирыхъ и убогихъ... Ну, и разутѣшилъ ты меня, ажно зубъ болѣть пересталъ. На тебѣ яичекъ парочку, скушаешь во здравіе.

Тихо улыбается Харитонъ и отходитъ, а передъ Клюквой уже стоитъ мастеровой съ зелеными пятнами на лицѣ и, хрипя отъ кашля, страстно и громко говоритъ:

— Да чей онъ такой? Дайте его мнѣ! Сколько годовъ эдакого человѣка ищу...

...И видитъ Харитонъ, сидитъ онъ уже въ темномъ, низкомъ подвалѣ, гдѣ пахнетъ прѣлью, сапожной мазью и керосиновымъ чадомъ. Вокругъ тѣснятся и напираютъ на него горячiя, тяжелыя тѣла, смотрятъ со всѣхъ сторонъ жадные, не мигающiе глаза. А онъ, свѣтлый и радостный, говоритъ въ чуткой, затаившейся тишинѣ простыя, старыя слова:

— Кровью земля пропиталась... плачетъ Господь о дѣтяхъ своихъ... Въ церквахъ обманъ... крестъ Христовъ почернѣлъ отъ великой скорби... Обираютъ съ народа подаянiе, а законъ и милость забыли... Снаружи то праведники, а внутри лицемѣры... Тѣло казни предаютъ, душу погубляютъ... отворачивается народъ отъ вѣры, креста не примаетъ! А мы молчимъ... собираемъ въ житницы... терпимъ злодѣйство! Виноградъ то Господь для всѣхъ насадилъ, всѣ мы передъ Господомъ равны, всѣ божьи дѣти, работнички!... А имъ хочется въ божьемъ добрѣ самимъ хозяйствовать... разогнали народъ, побили, умертвили лютой смертью. И отымется у нихъ, и дано будетъ народу, приносящему плоды! И упадетъ на головы ихъ чижолый камень!

Странно, по новому, звучатъ во тьмѣ подвала старыя, знакомыя слова. Льются обильнымъ дождемъ, и распираетъ отъ нихъ грудь, и самъ не знаетъ Харитонъ, откуда они у него берутся. Убого коптитъ жестяная лампа; гдѣ то надрывается-плачетъ больной ребенокъ. Но никто не слышитъ плача, и некогда поправить потухающую лампу. Жадно открыты глаза, потемнѣли отъ думы, смотрятъ, не мигая, на корявaго мужика въ рваной шубейкѣ. И духомъ свѣта озарились грубыя, жесткiя лица, изъѣденныя работой и нищетой.

XV.

Былъ крещенскiй парадъ. Колокольный звонъ волнами ходилъ надъ городомъ, стройное пѣнiе сладостно лилось въ небеса, какъ чаша виномъ, налитая до краевъ переливчатымъ золотомъ солнца. Изъ собора на Iордань шелъ крестный ходъ. Сверкали и струились красно-голубыми огнями драгоцѣнные ризы, кресты и иконы. Съ шелковымъ шелестомъ свивались и развивались тонко расшитыя хоругви. Сумрачно и отчужденно смотрѣли темные лики святыхъ изъ жемчуговъ и алмазовъ, изъ литого серебра окладовъ, какъ будто давила ихъ каменная тяжесть земли, и тосковали они о легкихъ крыльяхъ, сотканныхъ изъ лазури и солнечныхъ

лучей. Слышался мѣрный солдатскій шагъ, и лихіе кубанцы въ красноверхихъ папахахъ, съ закинутыми за плечи алыми башлыками, танцуя на своихъ горбоносыхъ скакунахъ, ловко оттѣсняли любопытную толпу къ тротуарамъ, чтобы не мѣшала торжественной процессіи. И вдругъ въ чинный порядокъ и благолѣпіе крестнаго хода ворвался дикій и пронзительный крикъ... Толпа зашаталась; произошло смятеніе. Оглядывались, спрашивали—что такое, искали глазами.

— Вонъ-онъ! Вонъ-онъ! на столбѣ то!—носился встревоженный шепотъ.

Люди устремились къ церковной оградѣ. На одномъ изъ высокихъ столбовъ ея нелѣпо трепался маленькій, оборванный мужичонко, размахивалъ руками и кричалъ.

Но голоса у него не хватало, и только отдѣльныя слова падали въ море головъ и, точно камни въ водѣ, гнали по этому живому морю широкіе круги:

— Братья!.. не вѣрьте!.. Ризы въ золотѣ, а руки въ крови!.. Возлюбили тьму!.. Богъ!.. Ждите!..

Толпа волновалась, всѣ тискались поближе къ мужику, чтобы слышать, давили другъ друга,—послышались стоны, вопли, плачъ. А мужикъ, весь блѣдный, какъ призракъ, съ изступленными, безумнымъ огнемъ горящими глазами, продолжалъ кидать толпѣ изступленныя, безумныя слова:

— Земля для всѣхъ!.. Ищите и обрящете!.. Есть Богъ!

Внизу протяжно зарыдала женщина, кто-то дико захохоталъ, кто-то упалъ въ обморокъ. Появился молодой, щеголеватый и расторопный приставъ. Орлинымъ взглядомъ онъ окинулъ всю картину и, сразу сообразивъ, въ чемъ дѣло, повелительно махнулъ рукой въ обтянутой бѣлоснѣжной перчаткѣ.

— Эт-то что за безобразіе? Кто такой? Убрать!..

И въ мѣдный гулъ колоколовъ, въ сладкозвучные хоры молитвенныхъ пѣснопѣній иголкой впилась острая трель полицейскаго свистка.

Нѣсколько дюжихъ городовыхъ, шумно пыхтя, вдвинулись въ толпу, локтями и колѣнками проложили въ ней широкую дорогу и окружили столбъ.

— Слазій, что-ль... ч-чортъ!.. Юродничаетъ тама!.. Мухинъ, ссаживай его!.. Э-э, да не такъ! Ты за рѣшетку то зацѣпись, а я съ энтого боку...

— Съ энтого боку! Ловкій какой!... Ты самъ чапляйся, а я те поддаржу...

— Ну те въ болото! Солдатъ, а не могитъ... Пусти-ка, я его сичасъ обратаю...

Наливаясь кровью, городовой неуклюже полѣзъ. Но столбъ былъ гладкій и высокій, прутья рѣшетки обледенѣли, сколь-

зили въ рукахъ, между ногами путалась шашка, и онъ грузно свалился на землю. Кругомъ пронесся сдержанный смѣхъ.

— Больно зады чижолые, книзу тянутъ... Отжирѣли на казенныхъ хлѣбахъ...

Приставъ вспыхнулъ, нахмурился и погрозился на толпу бѣлымъ пальцемъ.

— Эй, кто тамъ смѣется? Я его посмѣюсь... Здѣсь вамъ не циркъ. Вы! Живѣй копайтесь! Что т-такое? Пять человѣкъ одного взять не могутъ!

Мужикъ ничего не слышалъ и не замѣчалъ. Вздымалъ къ небу худыя, коричневыя руки, и голосъ его одиноко звенѣлъ вверху, возносясь надъ смѣющимися и плачущими, любопытными и испуганными, надъ смущенными городовыми и разсерженнымъ приставомъ.

— Вонъ она, правда то!.. Все наружу выйдетъ!.. Скрыли Господа во тьмѣ, а онъ ходитъ во свѣтѣ... Возворотится! Возворотится!.. Горе вамъ, обманщики и злодѣи!.. Всѣ въ землѣ сгніете, и проклянетъ васъ милостивый Господь!..

На выручку подоспѣлъ гибкій и ловкій кубанецъ. Молніей влетѣлъ онъ на тротуаръ на своемъ храпящемъ, поджаромъ конѣ, приподнялся на стременахъ и, схвативъ мужика за ногу, рванулъ книзу. Мотнулась лохматая голова, ноги въ драныхъ лаптяхъ мелькнули смѣшно и жалко, и мужикъ исчезъ въ копошащейся кучѣ черныхъ шинелей, шашекъ и раскраснѣвшихся, озлобленныхъ лицъ.

— Ну, теперь накладутъ ему по первое число!—сказалъ кто-то не то съ сожалѣніемъ, не то съ насмѣшкой.—Попалъ въ тихое пристанище.

— Казакъ то молодчина, ка-акъ онъ его!

— Послушайте, господа, да что здѣсь такое?

— Кто его знаетъ! Съумасшедшій какой то.

— Съумасшедшій? А я думалъ—покушеніе...

— Кончину міра возвѣщалъ, милые!—нараспѣвъ разсказывала темненькая старушка съ трясущейся головой.—Видѣніе было; ждите, говоритъ, ждите, скоро упадетъ огонь съ небеси и спалитъ васъ, окаянныхъ!

— Какой огонь? Что вы, матушка, ерунду порете? Не огонь, а передѣлъ земли будетъ.

— Расходитесь, расходитесь, господа! Станьте къ сторонкѣ, покорнище васъ прошу... Чего? Не хочешь? Ну, такъ въ участокъ иди!

Все пришло въ порядокъ, басили соборные колокола, шелковисто трепетали хоругви, и лики угодниковъ высоко вздымались надъ толпой, тоскуя въ своихъ злато-кованныхъ ризахъ, что держитъ ихъ въ плѣну ничтожная персть зем-

ная. Стройно шли солдаты, поблескивая штыками; музыка играла скобелевскій маршъ. И въ шумѣ, въ пестротѣ, въ стремительномъ движеніи вѣчно бѣгущей жизни поблѣднѣлъ и стерся жалкій, смѣшной призракъ, на минуту смутившій своими безумными рѣчами праздничное торжество.

Черезъ нѣсколько дней молодая, краснощекая торговка яблоками, сама похожая на свѣжее и румяное яблоко, съ удивленіемъ сообщала Клюквѣ:

— А знаешь, тетенька, мужикъ то, который на парадѣ выкрикивалъ,—вѣдь это намъ знакомый! Пильщикъ онъ, Харитонъ! Помнишь, бывало, здѣсь все толкался, еще яблоки у меня ребятишкамъ своимъ покупалъ?

— Ну, помню,—угрюмо отвѣчала Клюква.—Ну, а тебѣ то что?

— Да какъ же, вѣдь въ съумасшедшій домъ его отвезли! Мнѣ городовой сказывалъ. Вотъ жалости то! Ребятенки теперь куда дѣнутся? И что такое, милая? Съ чего это? Хоть бы мужикъ то былъ пьющій да отчаянный, а то вѣдь такъ какой то... заб́енный! Стоитъ себѣ, бывало, въ сторонкѣ и не пикнетъ!

— Напущено это на него,—вмѣшалась третья торговка, худая и черная, какъ старый грибъ, съ огромнымъ выпиравшимъ изъ подъ фартука, животомъ.—Со зла кто нибудь напустилъ, есть такія сволочи. Живетъ себѣ человѣкъ здравый, а потомъ вдругъ задумается-задумается и зачнетъ заговариваться. Вотъ и здѣсь тоже сдѣлано! Дали чего нибудь выпить или по вѣтру пустили,—мужикъ и помѣшался!

Клюква презрительно посмотрѣла на ея животъ и сердито крякнула:

— Бреши больше: „помѣшался"! Ничего не помѣшался, правду сказалъ, вотъ и засадили! Правда—это имъ горьчѣй перцу. Кабы всѣ такіе помѣшанные были, да-авно бы *оно* наружу вышло... Можетъ, и мы бы съ тобой, дѣвка, при живности какой ни на есть свѣтъ увидали. А то какая наша жизнь? Нешто это жизнь? Ты вонъ безперечь съ брюхомъ ходишь да мертвыхъ родишь, а я на старости лѣтъ изъ-за пятака цѣлый день языкомъ брешу. Только водочка и спасаетъ: выпьешь ее, подлой, ну маненько и забудешься...

— Да это-то вѣрно, что и говорить...—смущенно пробормотала беременная торговка.—Жизнь наша малиновая!.. Вотъ, чую, опять мертвенькаго рожу; вѣдь каждый день онъ меня бьетъ, ка-аждый день! Какъ и сама то жива—не знаю...

— То-то и оно!.. А ты говоришь: помѣшался! Нѣтъ, онъ не помѣшался, это ему отъ Бога! А у насъ завсегда такъ:

умудритъ Господь человѣка, скажетъ онъ правду,—сейчасъ его либо въ часть, либо въ съумасшедшій домъ. Да нѣ-ѣтъ, всѣхъ, батюшка, не пересажаешь! Сторожей не хватитъ! *Оно* свое возьметъ. Придетъ *ему* время, *оно* и проклюнется, какъ цыплокъ изъ яйца... Ужъ ежели темные, да сѣрые возговорили, значитъ, скоро...

Но въ эту минуту къ ней подошла хорошо одѣтая дама, и Клюква, мгновенно сдѣлавъ умиленное лицо, сладко и нараспѣвъ заговорила:

— Вамъ яичекъ, сударыня? Пожалуйте, пожалуйте!.. Чистенькіе да свѣ-ѣженькіе, одно къ одному, словно орѣшки!..

И мимо стремительно и безучастно неслась широкая рѣка жизни.

В. I. Дмитріева.

Чернышевскій въ Сибири.

(По неизданнымъ письмамъ и семейному архиву).

IX.

Чернышевскій всегда питалъ большую склонность къ исторіи. Рядомъ съ политической экономіей, онъ съ особенною любовью разрабатывалъ историческіе, историко-политическіе и историко-литературные вопросы, всегда стараясь подкрѣплять свои обобщенія, вытекавшія у него изъ его общаго научнаго міросозерцанія, фактами. Онъ, дѣйствительно, обнаруживалъ наибольшую мощь своего ума, кромѣ «Примѣчаній» къ Миллю, въ своихъ «Очеркахъ гоголевскаго періода русской литературы», въ работѣ о «Лессингѣ», равно какъ въ замѣчательныхъ статьяхъ изъ исторіи французской реставраціи, іюльской монархіи и второй республики и, наконецъ, въ своихъ на рѣдкость умныхъ и проницательныхъ политическихъ обозрѣніяхъ.

Это тяготѣніе къ точному изученію историческихъ фактовъ Чернышевскій сохранилъ и въ Сибири, и даже, раздраженный скороспѣлыми обобщеніями историковъ культуры въ родѣ Беджгота и Гелльвальда, не разъ выражалъ свое недовѣріе къ устанавливаемымъ ими мнимо научнымъ законамъ человѣческаго развитія, и постоянно призывалъ читателей на почву фактовъ.

Подъ конецъ своей сибирской жизни, въ письмѣ отъ 3 марта 1882 г., Чернышевскій говоритъ по поводу занятій младшаго сына «всеобщею исторіею»: «Нынѣ въ большой модѣ одна изъ сторонъ ея—исторія быта. Хочешь знать мое мнѣніе объ этой сторонѣ исторіи?—Разумѣется, я вполнѣ согласенъ съ превозносителями этихъ изслѣдованій относительно того, что бытъ народовъ—самый важный предметъ историческаго знанія. Но безъ исторіи въ старомъ смыслѣ слова, въ смыслѣ Геродотовскомъ, Тукидидовскомъ и т. д. хоть до Маколе и до Грота, до Нибура или Сисмонди, исторія быта необъяснима; крупные факты и крупныя отдѣльныя лица, конечно, результаты быта, но черты быта видоизмѣнялись ими. Напр., безъ Персидскихъ войнъ непонятно ничто въ бытѣ Аѳинъ

послѣ нихъ. Такъ все. Вмѣсто быта, возьмемъ одну сторону его, умственную или вообще умственную или нравственную жизнь, въ своемъ высокомъ развитіи выражающуюся поэзіею, искусствомъ, и тому подобными спеціальными проявленіями. Исторія литературы ли вообще, поэзія ли въ частности, живописи ли, чего ли другого подобнаго объясняется только исторіею крупныхъ національныхъ событій, дающихъ тонъ жизни. Потому я не раздѣляю пренебреженія къ такъ называемой «внѣшней» исторіи, проповѣдуемаго многими изъ ученыхъ, занимающихся такъ называемою «исторіею культуры».

Чернышевскій сжато, но очень интересно развиваетъ эту мысль о зависимости творчества отъ жизни и литературы отъ общества нѣсколькими мѣсяцами спустя, въ письмѣ отъ 2-го іюля 1882 г.: «Объ исторіи литературы я думаю, что это предметъ очень важный. Если бы мнѣ привелось обрабатывать ее, я находилъ бы полезнымъ сильнѣе, чѣмъ обыкновенно дѣлаютъ ея историки, показывать зависимость литературной дѣятельности въ каждую данную эпоху жизни данной націи отъ крупныхъ фактовъ собственно такъ называемой «исторической жизни» той націи въ то время. А относительно вліянія литературы, тоже заботился бы показывать точнѣе, нежели обыкновенно дѣлаютъ историки литературы, что изъ литературныхъ произведеній жизнь воспринимала только то, къ чему и безъ литературы влеклась ходомъ событій, и все, что воспринимала, перетолковывала, сообразно этому своему влеченію; это дѣлалось жизнью всегда во вкусѣ афоризма о Гомерѣ: «Гомеръ даетъ каждому то, что берущій захочетъ взять изъ него». Потому, хоть и правда, что вліяніе литературы одинъ изъ главныхъ элементовъ, ведущихъ историческую жизнь впередъ ли, назадъ ли,—бывало, что и назадъ—но это вліяніе, кромѣ того, что оно—вліяніе, дѣйствующее медленно, поддается очень сильной метаморфозѣ отъ крупныхъ фактовъ общаго историческаго хода жизни.—Впрочемъ, вѣроятно, есть ученые, разсуждающіе обо всемъ этомъ правильно».

При разработкѣ частныхъ вопросовъ исторіи, которымъ Чернышевскій посвящалъ не одно письмо, онъ постоянно обнаруживаетъ свое стремленіе къ достаточно уже извѣстному читателямъ интеллектуализму, составляющему его силу и его слабость. Онъ, столь проницательный мыслитель въ оцѣнкѣ фактовъ и критикѣ ихъ причинной зависимости, останавливается, главнымъ образомъ, въ области общественныхъ явленій на тѣхъ событіяхъ, въ какихъ выражается умственная сторона человѣчества въ узкомъ смыслѣ этого слова, и если не игнорируетъ, то крайне умаляетъ значеніе иныхъ крупныхъ явленій, выроставшихъ на почвѣ инстинктовъ, аффектовъ и вообще ирраціональныхъ элементовъ въ человѣческомъ обществѣ.

Очень характеристиченъ въ этомъ отношеніи для Чернышевскаго рядъ писемъ, относящихся ко второй половинѣ 1876 г. и

трактующихъ о значеніи іезуитовъ и о папахъ, въ частности о борьбѣ послѣднихъ съ императорами. Нечего говорить о томъ, что желаніе Чернышевскаго вскрывать въ духовныхъ проявленіяхъ общества жизненную, реальную основу можетъ заслуживать только одобренія. И, напр., указаніе на свѣтскіе мотивы, которые руководили людьми, участвовавшими въ Крестовыхъ походахъ или въ Тридцатилѣтней войнѣ, заключаетъ въ себѣ у Чернышевскаго много вѣрнаго. Такъ, онъ слѣдующимъ образомъ разбираетъ мнѣніе людей, видящихъ въ Крестовыхъ походахъ исключительно религіозный порывъ средневѣковаго человѣчества: «Говорятъ: «Крестовые походы это было религіозное дѣло».—Да, участвовали тутъ и религіозные мотивы. Но подъ ихъ преобладаніемъ совершалъ свои походы чуть ли не одинъ только Людовикъ IX. До его походовъ наибольшую силу религіозные мотивы имѣли въ первомъ Крестовомъ походѣ. Но даже и въ немъ, какими мотивами руководились почти всѣ начальники?—Желаніями завоевать себѣ на Востокѣ обширныя владѣнія и отличиться храбростью. Боэмундъ и Танкредъ были вовсе чужды религіозныхъ чувствъ. Почти всѣ другіе тоже. Исключеніе составлялъ одинъ какой-то—графъ ли Тулузскій, или графъ Фландрскій. Я не умѣю хорошенько вспомнить, который изъ двухъ этихъ. Кто былъ Готтфридъ Бульйонскій, избранный королемъ Іерусалимскимъ?—Самый непоколебимый приверженецъ и самый храбрый боецъ Генриха IV, отлученнаго отъ церкви. Кажется, отъ его руки получилъ смертельную рану анти-король, Рудольфъ Швабскій. Такъ ли, справься; я не ручаюсь, что не обманываетъ меня память. Но то достовѣрно, что когда Генрихъ IV бралъ штурмомъ Римъ, за стѣнами котораго оборонялся отъ Генриха папа, Готтфридъ отличился лучше всѣхъ штурмующихъ; и, кажется, первый изъ нихъ взошелъ на стѣну. Это воитель за вѣру!—Онъ могъ быть благородный человѣкъ и, кажется, дѣйствительно, былъ. Но что онъ дѣйствовалъ по религіознымъ мотивамъ, вѣрить тому — слишкомъ наивная иллюзія.—Это о предводителяхъ. А о толпахъ, шедшихъ за ними, сами лѣтописцы свидѣтельствуютъ, что почти у всѣхъ рыцарей и простолюдиновъ мотивы были чисто житейскіе,—иные дурные, иные хорошіе—но житейскіе.—О слѣдующихъ походахъ даже историки принуждены сознаваться, что это были просто на просто военныя предпріятія по обыкновеннымъ мотивамъ военныхъ предпріятій; между важными походами единственнымъ исключеніемъ изъ этого были походы Людовика IX». (Письмо отъ 30-го октября).

Еще прозрачнѣе обрисованы Чернышевскимъ свѣтскіе мотивы, практическія задачи и жизненные интересы, воплотившіеся въ Тридцатилѣтней войнѣ: «Тридцатилѣтняя война, это—религіозная война, говорятъ историки. Ребяческая иллюзія.—Начало войны, борьба чеховъ за государственную самостоятельность... Съ появленія Густава Адольфа въ Германіи дѣло ужъ такъ ясно, что и

историки, при всемъ своемъ ослѣпленіи иллюзіею религіозныхъ мотивовъ, принуждены сознаваться: да, война какъ будто не совсѣмъ изъ-за религіи; католики-французы помогаютъ протестантамъ. А протестанты саксонцы и бранденбургцы ни мало не желаютъ участвовать въ защитѣ протестантства... Послѣ смерти Густава Адольфа ужъ ровно никто, ровно ничего и не думаетъ толковать ни о католичествѣ, ни о протестанствѣ,—кромѣ только одной наивной души въ цѣлой Европѣ—кромѣ вдовы, управляющей Гессенъ-Касселемъ; и главнокомандующій ея войскъ, Меландеръ, лѣзетъ изъ кожи вонъ, стараясь растолковать ей, что религія тутъ ровно не при чемъ. Она такъ-таки до конца и осталась ровно ничего не понявшей. Историки видятъ: ея примѣръ хорошъ, и усиливаются по возможности подражать ей, стараются не понимать и отчасти успѣваютъ въ томъ» (Ibid.)..

Но одно дѣло вскрывать жизненные мотивы, повидимому, религіозныхъ явленій, и другое дѣло—пренебрегать въ такой степени ирраціональнымъ элементомъ религіи въ исторіи, что отъ наблюдателя ускользаетъ психологическая почва столь крупныхъ явленій среднихъ вѣковъ и періода реформаціи, какъ борьба папъ съ императорами, и какъ значеніе іезуитскаго ордена. Въ письмѣ отъ 15 сентября 1876 г. Чернышевскій резюмируетъ свой взглядъ на исторію іезуитскаго ордена сначала въ двухъ фразахъ: «Значеніе іезуитовъ не ничтожно. Но вообще его преувеличиваютъ». Но, затѣмъ, переходя къ изложенію исторіи ордена и особенности этой организаціи, онъ уже сводитъ роль іезуитовъ почти на нѣтъ. И сводитъ потому на нѣтъ, что не считается въ достаточной степени съ могуществомъ религіозныхъ фантазій и предразсудковъ, которые, какъ все въ мірѣ, несомнѣнно, выростаютъ на почвѣ дѣйствительности, но затѣмъ въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи отрываются отъ нея и ведутъ свое самостоятельное существованіе, въ свою очередь воздѣйствуя уже на жизненные интересы людей и нерѣдко искажая ихъ въ видахъ заключенныхъ въ нихъ духовныхъ задачъ.

Можно, напр., еще согласиться съ Чернышевскимъ въ такомъ взглядѣ на взаимоотношенія между орденомъ и папами: «... Исторія іезуитовъ—исторія усердныхъ агентовъ куріи; важность ихъ, важность любимыхъ агентовъ куріи. Только самобытнаго значенія они не имѣли. Они хвалились, что имѣютъ его. Это лишь хвастовство. Ихъ противники говорили о нихъ, что они господствуютъ надъ куріею. Это клевета на нихъ для оправданія куріи—«курія не виновата, это дурное дѣло сдѣлали іезуиты»; да, они, но во вкусѣ куріи, съ ея одобренія, почти всегда по ея приказанію, и всегда, хоть и для своей, но вмѣстѣ съ тѣмъ и для ея пользы. Это—лакеи, не больше.

«Но лакей бываетъ иногда умнѣе барина. Да. И даже часто, если лакей выбирается изъ сотни кандидатовъ по конкурсу за

умственныя достоинства, онъ будетъ умнѣе хозяина, когда хозяинъ выбирается по другимъ соображеніямъ, а не по конкурсу умственныхъ способностей.

«Папа выбирается обыкновенно по разсчетамъ кардиналовъ господствовать надъ нимъ. Генералъ іезуитовъ выбирается за умъ. Онъ часто умнѣе папы. Но онъ только лакей куріи. Потому-то курія и не опасается того, что іезуиты выбираютъ своего генерала за умъ: они выбираютъ на лакейскую должность.—А что, если умный лакей начнетъ вертѣть бариномъ?—Курія этого не боится: папа безъ кардиналовъ—ничто. По громкимъ фразамъ, папа властелинъ. Да, но между громкихъ фразъ о его власти вставлены въ законахъ куріи маленькія оговорки, дѣлающія то, что власть папы ограничена коллегіею кардиналовъ. Папа это—нѣчто въ родѣ венеціанскаго дожа. Это давно такъ; въ средніе вѣка бывали папы болѣе самостоятельные. Но то было до іезуитовъ.

«Сдѣлаю оговорку. Сравненіе съ венеціанскимъ дожемъ неудачно. У папы все-таки очень много самостоятельной власти. Но нѣтъ нужды; онъ и коллегія кардиналовъ—одна душа; не поссорятся; и никакому,—не то что іезуиту, а хоть бы самому сатанѣ не удастся сдѣлать черезъ папу что-нибудь вредное для коллегіи кардиналовъ».

Повторяемъ, можно, пожалуй, въ общемъ изображать отношеніе между іезуитами и римской куріей такъ, какъ это дѣлаетъ Чернышевскій въ только что приведенной цитатѣ. Но у него и значеніе самихъ папъ сведено почти къ нулю, такъ что читатель недоумѣваетъ, чѣмъ же объясняется та роль, которую римская курія играла не только въ средніе вѣка, но продолжаетъ играть еще и до сихъ поръ,—и, увы! къ сожалѣнію, слишкомъ сильно,—давая чувствовать тяжесть своего вмѣшательства даже во внутреннія дѣла той или другой страны.

Возвращаясь въ письмѣ отъ 19 октября 1876 г. къ вопросу о столкновеніи между папской и императорской властью, Чернышевскій считаетъ необходимымъ прежде всего объяснить, почему у насъ въ Россіи этому вопросу придается несоотвѣтственно крупное значеніе: «Русскіе учебники всеобщей исторіи—экстракты изъ нѣмецкихъ. Нѣмцы, натурально, преувеличиваютъ важность нѣмецкихъ дѣлъ. Потому, и въ русскихъ учебникахъ борьба папъ съ императорами слишкомъ выставляется на первый планъ». Для Чернышевскаго папа былъ однимъ изъ государей Средней Италіи, и при томъ, государемъ маленькимъ, которому, подобно другой мелкой коронованной братіи, приходилось лавировать между болѣе сильными владѣтелями. «Въ средней Италіи важнѣе папы были государи тосканскіе, послѣ—тосканскіе города. И самый городъ Римъ былъ важнѣе папы. Но—одинъ изъ мелкихъ противниковъ нѣмцовъ, папа все-таки не былъ совершенно ничтоженъ. Только: не совершенно ничтоженъ. Но очень, очень не важенъ».

Даже выдающаяся изъ ряду вонъ фигура папы Григорія VII

выходитъ подъ перомъ Чернышевскаго почти ничтожествомъ. А сцена въ Каноссѣ описывается, какъ выраженіе опрометчивости и безразсудности молодого Генриха IV, который, молъ, съ одной стороны, не думалъ, что процедура раскаянія, хотя бы и самаго торжественнаго, къ чему-нибудь обязываетъ, а съ другой—не понималъ, что противникъ его очень слабъ. «Сама по себѣ,—говоритъ Чернышевскій,—сцена въ Каноссѣ была не важное униженіе. Но нѣмецкіе противники Генриха нашли нужнымъ поднять шумъ о ней во вредъ Генриху. Только въ томъ и важность ея. А она—единственное доказательство важности Григорія VII. Это аргументъ фальшивый. Григорій VII хотѣлъ воспользоваться враждою нѣмецкихъ государей противъ императора, и шумѣлъ, шумѣлъ,—но ошибся въ разсчетѣ, и Генрихъ IV, когда понялъ, что дружба съ Григоріемъ не стоитъ мѣднаго гроша, гонялъ его, какъ зайца, по всей Италіи. Это, въ сущности, очень жалкая фигура, Григорій VII. Претензій у человѣка много, а силы нѣтъ, и результатъ—полнѣйшая зависимость отъ Матильды и отъ Роберта Гискара. Побѣдить папу,—Григорія ли VII, Генриха IV, или какого другого изъ слѣдующихъ какому другому изъ нѣмецкихъ императоровъ никогда не было нисколько трудно. Иное дѣло—удержать въ повиновеніи нѣмцамъ Италію. Италія подымается противъ нѣмцевъ,—и папа вылѣзаетъ изъ трущобы, куда спрятался, и опять шумитъ, проклинаетъ. Это, просто, смѣхъ. Ровно никому въ сущности нѣтъ охоты уважать его проклятія,—но, какъ агентомъ, пользуются имъ, кому изъ итальянцевъ охота воевать съ нѣмцами, или кому въ Германіи охота воевать противъ императора».

Предъ этимъ взглядомъ Чернышевскаго на папъ, между которыми онъ не различаетъ, считая ихъ всѣхъ совершенно неважнымъ историческимъ факторомъ, стираются индивидуальныя рельефныя личности иныхъ намѣстниковъ св. Петра, игравшихъ роль въ средневѣковой исторіи. Такъ, по поводу Иннокентія III, онъ говоритъ сыну: «Просмотри исторію Иннокентія III серьезными глазами, и увидишь: то же самое, ровно никому не было охоты слушаться Иннокентія III, и всѣ его претензіи были неудачнымъ шутовствомъ.—Но Альбигойскій крестовый походъ?—Да, это была большая война. Но войну эту велъ Симонъ Монфоръ, чтобы завоевать себѣ царство. Когда Симону Монфору выгодно, то онъ говоритъ, что онъ полководецъ папы, а когда папа вздумаетъ предписать ему что-нибудь не входящее въ собственные его разсчеты, то онъ отвѣчаетъ папѣ: не суйся въ мои дѣла».

Усугубляя этотъ взглядъ на ничтожество папъ въ письмѣ отъ 30 октября 1876 г., Чернышевскій изображаетъ крупное историческое столкновеніе двухъ средневѣковыхъ властей въ очень минимальномъ масштабѣ. Напр.: «До Генриха IV никакой борьбы не было. Когда императоръ бывалъ далеко отъ средней Италіи, тамъ часто бывали ослушанія противъ его распоряженій, присы-

ляемыхъ безъ войска. Такъ бывало тогда повсюду: когда господинъ далеко, то плохо слушаются его... Но это, пока императоръ далеко. Но онъ пріѣзжаетъ (мирно, со свитой, не говоря ужъ о походахъ съ арміею) въ среднюю Италію,—ослушники смиряются, и онъ прощаетъ или наказываетъ ихъ, какъ вздумаетъ. Въ числѣ ослушниковъ бывалъ и римскій епископъ. И его императоръ наказывалъ, какъ хотѣлъ. Совершенно то же отношеніе, какъ къ архіепископу миланскому, майнцскому, кёльнскому.—Такъ было до Генриха IV.—Послѣ Гоэнштауфеновъ тоже нечего найти въ смыслѣ особенной важности папы по отношенію къ императору. Ссоры бывали. Но императоръ—хочетъ, то интересуется буллами папы противъ него, а не хочетъ, то плюетъ на нихъ (Это, напр., смѣняется одно другимъ нѣсколько разъ въ исторіи Людовика Баварскаго: захандритъ Людовикъ—посылаетъ къ папѣ: давай мириться; пройдетъ хандра, говоритъ посламъ папы: убирайтесь подальше, на кой чортъ мнѣ вашъ папа?—Ясно: папа служитъ Людовику матеріаломъ для развлеченія отъ скуки во время хандры».

И, наконецъ, заключительный общій аккордъ Чернышевскаго относительно смысла борьбы папъ съ императорами: «Она кажется историкамъ имѣвшею большое значеніе въ исторіи императоровъ отъ Генриха IV до Конрада, послѣдняго Гоэнштауфена. Это около двухъ сотъ лѣтъ; только двѣсти лѣтъ изъ тысячи лѣтъ средневѣковаго отдѣла исторіи. Историки сами видятъ, что ни прежде, ни послѣ серьезнаго вреда никакой папа не могъ сдѣлать никакому императору, и когда ссорился съ нимъ, то при всемъ своемъ ожесточеніи оставался противникомъ безсильнымъ, не стоившимъ вниманія. Что за чудеса: ничтожество дѣлается силою; и черезъ 200 лѣтъ эта сила снова становится ничтожествомъ?—Объясненіе очень просто: эти дивныя превращенія—иллюзія историковъ.—До Генриха IV власть нѣмцевъ въ средней Италіи была довольно прочна. И папа не смѣетъ шумѣть. Послѣ, Италія 200 лѣтъ бьется противъ нѣмцевъ. И папа шумитъ. Наконецъ, нѣмцы изгнаны изъ Италіи. Папа можетъ шумѣть или не шумѣть, какъ ему угодно, но его шумъ не относится ни къ чему важному для нѣмцевъ и итальянцевъ, и никому не занимателенъ».

Зайдетъ ли рѣчь у Чернышевскаго о свѣтской власти папъ, онъ очень скептически относится къ ея размѣрамъ: «Какъ управитель имуществъ богатой римской эпархіи, а, послѣ, и государь довольно большой области, папа имѣлъ порядочную таки свѣтскую силу. Но какой же, однако, былъ размѣръ этой силы?—Приблизительно такой, такъ у короля Наварскаго, у маркграфа Бранденбургскаго, у герцога Гельдернскаго,—у государей третьей или четвертой степени по силѣ... До силы герцога Саксонскаго или владѣтеля Миланскаго папѣ было далеко. Передъ королемъ Неаполитанскимъ, когда въ Неаполѣ не было междоусобія, папа былъ фигура очень

маленькая, трепещущая, и чуть начинавшая ссориться, то хватаемая королемъ Неаполитанскимъ за шиворотъ».

Станетъ ли Чернышевскій разбирать вопросъ о духовной власти папы, и здѣсь святой отецъ представляется нашему историку очень незначительнымъ факторомъ: «Когда Тридентинскій Соборъ провозгласилъ папу духовнымъ монархомъ, императоръ, короли, всѣ другіе государи католическаго міра приняли за правило: въ государствѣ каждаго получаютъ законную силу лишь тѣ распоряженія папы, которыя одобритъ, провозгласитъ въ своемъ государствѣ государь его». Наконецъ, и «уваженіе къ церкви» было, по мнѣнію Чернышевскаго, въ средніе вѣка очень слабо. Ему представляется, что число людей съ «религіознымъ настроеніемъ» было въ эту эпоху «меньше, чѣмъ въ прошломъ или нынѣшнемъ вѣкѣ. И если въ прошломъ или нынѣшнемъ вѣкѣ ихъ вліяніе на ходъ дѣлъ не очень велико, то прежде было еще меньше». И Чернышевскій указываетъ на множество аббатовъ, епископовъ и т. п. важныхъ лицъ духовной іерархіи, которыя въ сущности были по своему складу глубоко свѣтскими, даже черезчуръ свѣтскими людьми со всею грубостью и низкими наклонностями тогдашнихъ феодаловъ, но лишь внѣшнимъ образомъ принадлежали къ церкви, получая помѣстья, носившія только духовные титулы епископствъ и аббатствъ.

Здѣсь интеллектуализмъ Чернышевскаго достигаетъ кульминаціоннаго пункта, такъ какъ отъ него, отличавшагося необыкновенно здравымъ и яснымъ мышленіемъ, тутъ ускользала цѣлая область религіозныхъ, глубоко ирраціональныхъ, но могучихъ явленій. И въ этомъ отношеніи на его историческихъ построеніяхъ лежитъ своеобразный дальтонизмъ.

И невольно вспоминается Гиббонъ, который самъ былъ глубочайшимъ скептикомъ, раздражавшимъ этою своею стороною христіанскихъ писателей, и который, однако, набросалъ болѣе отвѣчающую дѣйствительности картину папской власти въ исторіи человѣчества. Приведу лишь самыя выдающіяся мѣста знаменитыхъ страницъ, посвященныхъ этому вопросу авторомъ „Исторіи разложенія и паденія Римской Имперіи“: „Изъ двухъ владыкъ императоръ царилъ,—и царилъ непрочно, — на правѣ завоеванія; но авторитетъ папъ былъ основанъ на мирномъ, за то болѣе твердомъ базисѣ вѣрованія и привычекъ. Устраненіе чуждаго владычества возстановляло власть пастыря и дѣлало его болѣе дорогимъ стаду. Вмѣсто произвольнаго или основаннаго на подкупѣ назначенія германскимъ дворомъ, намѣстникъ Христа свободно избирался коллегіею кардиналовъ... Одобреніе властей и народа подтверждало это избраніе; и церковная власть, которой повиновались въ Швеціи и Британіи, въ концѣ концовъ вытекала изъ вотума римлянъ... Повсюду вѣровали, что Константинъ вручилъ папамъ свѣтскую власть надъ Римомъ; и самые смѣлые граждане, самые свѣтскіе скептики были довольны тѣмъ, что могли оспаривать право импе-

ратора и законную силу его дара. Вѣра въ фактъ, въ подлинность этого подарка пустили глубокіе корни на почвѣ невѣжества и традицій четырехъ вѣковъ; и сказочное происхожденіе его терялось въ реальныхъ и постоянныхъ слѣдствіяхъ...

«Владычество папъ, связанное съ предразсудками, не было, однако, несовмѣстимо со свободами Рима; и болѣе критическое изслѣдованіе могло бы раскрыть еще болѣе благородный источникъ ихъ силы: благодарность націи, которую они освободили отъ ереси и гнета греческаго тирана. Въ эпоху суевѣрія должно было казаться, что единство королевской роли и первосвященнической роли будетъ взаимно укрѣплять одна другую; и что ключи рая будутъ вѣрнѣйшимъ залогомъ покорности на землѣ. Святость функціи могла быть, дѣйствительно, унижена личными пороками человѣка. Но скандалы X-го столѣтія были затушеваны строгими и болѣе опасными добродѣтелями Григорія VII и его преемниковъ; и въ честолюбивомъ спорѣ, который они поддерживали за права церкви, и ихъ страданія, и ихъ успѣхи должны были одинаково увеличивать народное почтеніе... Порою, бросая громы изъ Ватикана, они создавали, судили и снова низлагали князей міра: и самый гордый римлянинъ не считалъ себя униженнымъ, подчиняясь первосвященнику, чьи ноги цѣловались и чье стремя держалось преемниками Карла Великаго» (Edward Gibbon, «The History of the Decline and Fall of the Roman Empire»; Лондонъ, 1797, нов. изд., т. XII, стр. 260—262, passim).

И эта тонкая и глубокая оцѣнка папской власти великимъ историкомъ не закрывала, однако, отъ его глазъ самаго характера тѣхъ психологическихъ условій, которыя создавали папскую власть, равно какъ проявленій рѣзко отрицательныхъ чувствъ, прокидывавшихся даже въ вѣка невѣжества среди фанатичныхъ массъ по отношенію къ тому или другому носителю всемірной католической власти. Средневѣковое духовенство,—продолжаетъ Гиббонъ,—«при господствѣ суевѣрія должно было много ожидать отъ невѣжества, но не меньше того бояться инстинктовъ насилія въ человѣчествѣ. Богатство, постоянное увеличеніе котораго должно было превратить лицъ духовной іерархіи въ единственныхъ собственниковъ земли, по очереди то давалось имъ кающимся отцомъ, то грабилось у нихъ его хищнымъ сыномъ: самыя личности ихъ были предметомъ или обожанія, или насилія; и тотъ же самый идолъ, руками тѣхъ же самыхъ поклонниковъ или возносился на алтарь, или попирался во прахъ» (Ibid., стр. 264).

Вмѣстѣ съ тѣмъ, столь близкіе къ папѣ жители Рима вырабатывали глубокій скептицизмъ по отношенію къ тому самому лицу, которое грубо суевѣрныя представленія всего тогдашняго католическаго міра возносили въ облака мистической власти и сверхъчеловѣческаго безгрѣшія. Гиббонъ именно и замѣчаетъ по этому поводу: «Мотивы избранія папы и слабости его жизни подверга-

лись ихъ фамильярному наблюденію; и близость должна была уменьшать почтеніе, которое его имя и его декреты глубоко внушали всему варварскому міру». И тутъ Гиббонъ съ похвалою цитируетъ мнѣніе другого великаго скептика и проницательнаго историка Англіи, Юма („Hume's History of England“, т. I, стр. 419): «хотя имя и авторитетъ римской куріи были столь грозны въ отдаленныхъ странахъ Европы, погрязавшихъ совершенно въ глубокомъ невѣжествѣ и вполнѣ незнакомыхъ съ ея характеромъ и поведеніемъ, однако, папа былъ такъ мало уважаемъ у себя дома, что его заклятые враги осаждали ворота самого Рима и даже контролировали его правленіе въ этомъ городѣ; а послы, которые изъ самыхъ отдаленныхъ угловъ Европы приносили ему смиренное, или, скорѣе, подобострастно низкое выраженіе подчиненія величайшихъ владыкъ эпохи, находили крайнія затрудненія, чтобы добраться до папы и броситься къ его ногамъ» (Ibid., стр. 265).

Вы видите, что вполнѣ свободный взглядъ на исторію религій и ростъ церковныхъ учрежденій можетъ не мѣшать выясненію важнаго значенія этихъ могучихъ ирраціональныхъ явленій, завладѣвающихъ въ эпохи вѣры сознаніемъ людей. Но, конечно, не съ цѣлью критиковать Чернышевскаго, противопоставляя его Гиббону и Юму, указали мы на эту разницу въ оцѣнкѣ, а съ цѣлью еще разъ отмѣтить сильную роль интеллектуализма въ воззрѣніяхъ Чернышевскаго. Онъ неизмѣнно остается могучимъ, необыкновенно здравымъ и сильнымъ мыслителемъ, который обнаруживаетъ эти качества вездѣ, гдѣ ему приходится задумываться надъ тѣми или другими вопросами, и у котораго самые парадоксы не менѣе поучительны, чѣмъ общепринятыя мнѣнія... *).

X.

Намъ, къ сожалѣнію, приходится ограничиваться лишь самыми существенными мѣстами изъ писемъ Чернышевскаго. Но переписка эта пересыпана такимъ количествомъ интересныхъ, а, порою, и прямо замѣчательныхъ взглядовъ, что лишь невозможность исчерпать ихъ въ этомъ журнальномъ этюдѣ мѣшаетъ намъ приводить

---

*) Въ зародышѣ эти взгляды, уменьшающіе значеніе религіи вообще и папства въ частности, находятся у Чернышевскаго уже въ его очень интересной критикѣ ученія Сэнъ-Симона (см. послѣднюю главу его „Іюльской монархіи“, помѣщенной въ „Современникѣ“ за 1860 г., „Собр. Соч.“, т. VI, особенно же стр. 132—124). Вопросъ о папахъ, видимо, продолжалъ занимать Николая Гавриловича и по возвращеніи изъ Сибири. Въ письмѣ отъ 27 сентября 1887 г. онъ сообщаетъ В. А. Гольцеву о своемъ намѣреніи написать для журнала двѣ статьи по „вопросу о томъ, какъ велико было вліяніе папъ на ходъ событій въ періодъ, обыкновенно называемый временемъ всякаго могущества ихъ“ (См. сборникъ «Памяти Виктора Александровича Гольцева»; Москва, 1910, стр. 158).

читателю дальнѣйшіе образчики воззрѣній Чернышевскаго въ различныхъ сферахъ мысли и жизни. Съ сожалѣніемъ, напр., мы оставляемъ въ сторонѣ отзывы Чернышевскаго, — и отзывы по большей части любопытно мотивированные, — о различныхъ писателяхъ, мыслителяхъ и просто литераторахъ, которые, по той или другой ассоціаціи идей, подвертываются въ данный моментъ подъ удары его идейнаго молота. Таковы его мнѣнія о нѣкоторыхъ французскихъ писателяхъ изъ разряда очень цѣнимыхъ, въ родѣ Гюго, или Ренана, или Додэ, подвергаемыхъ имъ, наоборотъ, рѣзкой критикѣ и далеко отодвигаемыхъ имъ на задній планъ передъ нѣмецкими и англійскими писателями и мыслителями: Суинбёрномъ, Диккенсомъ, Штраусомъ, Шпильгагеномъ, и т. п.

Въ заключеніе этихъ цитатъ намъ хотѣлось бы, однако, дать читателю еще одну выдержку, изъ которой видно, какъ Чернышевскій тонко и даже въ данномъ случаѣ художественно трактовалъ съ своей матеріалистической точки зрѣнія психологическіе вопросы. Дѣло идетъ объ отчасти уже затронутомъ нами въ прежнихъ статьяхъ письмѣ Чернышевскаго отъ 3 марта 1882 года къ женѣ по поводу тяжелыхъ сновъ, мучившихъ ее передъ отправленіемъ старшаго сына на войну волонтеромъ. Мы сдѣлали въ первой части нашей статьи кой-какія выдержки изъ этого письма, дающія чисто личныя черты для біографіи Чернышевскаго. На сей разъ мы представимъ его аргументацію цѣликомъ, по скольку она, какъ это у него, впрочемъ, всегда бываетъ, переходитъ отъ частнаго вопроса къ общему и получаетъ научный характеръ.

«Ты разсказываешь, — читаемъ мы въ этомъ письмѣ, — какъ сильно была на довольно долгое время огорчена грустными снами. Что жъ, это фактъ, совершенно удовлетворительно объясняемый физіологіею, — собственно, тѣмъ отдѣломъ ея, который называется психологіею. Тѣ процессы психической дѣятельности, которые во время полной энергіи дѣйствованія другихъ частей нервной системы заслоняются отъ нашего вниманія дѣятельностью этихъ другихъ частей и потому проходятъ мимо нашего сознанія, становятся замѣтны ему, когда эти другія, болѣе важныя составныя части нашей психической дѣятельности, утомляясь, затихаютъ—т. е., когда мы, какъ это называется, впадаемъ въ сонное состояніе. Это похоже на то, какъ слухъ человѣка, живущаго въ большомъ городѣ близъ рѣки, замѣчаетъ шелестъ струящейся рѣки, когда болѣе сильный шумъ городского движенія очень уменьшается, — напр., ночью. Тѣ отдѣлы психическихъ процессовъ, которые, заглушаемые для сознанія нашею болѣе сильною психическою дѣятельностью во время бодрствованія, дѣлаются въ отрывкахъ замѣтны сознанію въ сонномъ нашемъ состояніи, принадлежатъ преимущественно процессу фантазіи. Фантазія, когда ея картины ярки, дѣйствуетъ на чувство съ большою энергіею. Напр., большинство людей испытываетъ сильныя ощущенія отъ поэзіи. Или: когда актеръ, пѣвица

играютъ хорошо, публика театра радуется, скорбитъ, любитъ, ненавидитъ, сообразно ихъ жестикуляціи и голосу, и множество людей въ театрѣ волнуется этими своими фантастическими ощущеніями съ такою силою, какъ будто видитъ и слышетъ не спектакль, а дѣйствительность. Спектакли дѣйствуютъ на насъ сильно. Иной разъ мы остаемся на цѣлыя недѣли, на цѣлые мѣсяцы въ волненіи отъ драмы или водевиля, оперы или оперетки. Наши сновидѣнія это—спектакли, происходящіе на нашей внутренней театральной сценѣ; т. е., какъ это называется, въ нашей фантазіи; что жъ удивительнаго, если иной разъ они бываютъ такъ вліятельны на насъ, что мы остаемся на болѣе или менѣе продолжительное время взволнованы ими?»

Мы здѣсь пропускаемъ уже знакомыя раньше читателю автобіографическія строки и продолжаемъ цитату тамъ, гдѣ она снова принимаетъ общій характеръ: «Итакъ, сны только спектакли. Но театръ даетъ спектакли въ такомъ вкусѣ, какого требуетъ публика, посѣщающая театръ. И наша фантазія старается давать намъ свои спектакли—т. е., сны тоже во вкусѣ нашего душевнаго настроенія. Вотъ и реальное значеніе сновидѣній: изъ своихъ сновидѣній мы можемъ знать, какое душевное настроеніе было у насъ преобладающимъ, когда мы видѣли какой нибудь сонъ: онъ соотвѣтствовалъ нашему душевному настроенію въ то время. Разберемъ съ этой точки зрѣнія твои сны о Сашѣ передъ нашею Дунайскою войною и во время ея. Изъ разговоровъ съ Сашею раньше того, въ твою душу запало впечатлѣніе, что онъ способенъ пожелать участвовать въ войнѣ, которая представлялась русскому обществу благородною, прекрасною. Ты не обращала вниманія на это впечатлѣніе: оно было закрыто отъ твоего вниманія (сознанія) другими мыслями. Но оно лежало въ твоей душѣ. Пошли слухи, что начнется благородная, прекрасная война. Вотъ, твоя фантазія, угождая твоей любви къ Сашѣ, твоей заботливости о немъ, и завладѣла твоимъ впечатлѣніемъ. Ты еще не имѣла фактическихъ свѣдѣній, что Саша хочетъ поступить въ армію. И когда твое вниманіе было подъ властью дѣйствительныхъ свѣдѣній и соображеній,—т. е., въ бодрствующемъ состояніи,—оно не имѣло поводовъ заниматься тѣмъ впечатлѣніемъ: факты не наводили тебя на мысли о немъ. Но ты спишь; фантазія овладѣваетъ твоимъ вниманіемъ (сознаніемъ); и стараясь угодить тебѣ, соединяетъ твою постоянную заботливость о судьбѣ Саши съ интересовавшею все общество—и тебя въ томъ числѣ—молвою о приготовленіяхъ Россіи къ войнѣ; «Саша» и «Дунайская война»—фантазія соединяетъ эти двѣ схемы и разыгрываетъ варіаціи на нихъ; натурально, не можетъ она не ухватиться за то впечатлѣніе, лежавшее въ твоей душѣ: «Саша способенъ принять участіе въ такомъ прекрасномъ предпріятіи», — и на основаніи этого впечатлѣнія разыгрываетъ

для тебя твоя фантазія драмы и трагедіи объ участіи Саши въ предстоящей войнѣ; драмы страшныя, трагедіи ужасныя.

«Но директоры театровъ заботятся при выборѣ спектаклей не о томъ, грустны или веселы будутъ пьесы, а лишь о томъ, чтобы они были наиболѣе интересны для публики. Публика интересуется трагедіею? То и надобно давать ей трагедію. Публика будетъ плакать? Для директора это все равно; ему не жаль слезъ публики; онъ заинтересовалъ ее, и доволенъ.—Такъ и наша фантазія угощаетъ насъ такими снами, которые интересны для насъ; а плачетъ ли, или смѣется человѣкъ, для его фантазіи все равно; лишь бы заинтересовать его своимъ спектаклемъ, объ этомъ одномъ ея забота; наша фантазія безжалостна къ намъ; у нея, какъ у директора театра, одно стремленіе: давать занимательные спектакли. Потому, когда она начинаетъ угощать насъ грустными сновидѣніями, мы должны озаботиться наполнять нашу душу такими впечатлѣніями въ нашемъ бодрствующемъ состояніи, чтобъ и во время, когда мы спимъ, у насъ было пріятное душевное настроеніе. Тогда директоръ нашего внутренняго театра найдетъ, что у его публики запросъ не на грустные, а на отрадные спектакли, и будетъ давать намъ пріятныя сновидѣнія.

«Анализируй, мой дружочекъ, свои сновидѣнія съ этой точки зрѣнія; они всѣ будутъ оказываться вполнѣ объяснимыми. И старайся руководить своимъ бодрствующимъ состояніемъ такъ, чтобы во время сна у тебя было пріятное душевное настроеніе; тогда и сновидѣнія будутъ у тебя отрадныя».

Какъ вамъ нравится это мастерское объясненіе зловѣщихъ сновидѣній, мистическій характеръ которыхъ сейчасъ же разсѣивается подъ яснымъ взглядомъ Чернышевскаго? На этой послѣдней цитатѣ намъ придется прервать изложеніе взглядовъ Чернышевскаго, какъ они выражались въ его письмахъ изъ Сибири.

XI.

Мы покончили со своею задачею и можемъ подвести общіе итоги. Каковы они? Чернышевскій остался и въ Сибири тѣмъ же самымъ могучимъ умомъ, какимъ былъ въ Россіи до ареста, каторги и ссылки. Во всемъ, — соглашаетесь ли вы съ его воззрѣніями, или нѣтъ,—виденъ этотъ громадный умъ. Но въ условіяхъ его дѣятельности произошла необыкновенно большая перемѣна. Логическій аппаратъ Чернышевскаго сохраняетъ по прежнему свой характеръ необыкновенно сильной и чрезвычайно цѣлесообразно устроенной машины, которая какъ нельзя лучше приспособлена для своей задачи просѣиванія и обобщенія конкретныхъ фактовъ, доставляемыхъ жизнью и ея отраженіями въ печати и въ разговорѣ съ людьми. Но въ Сибири приливъ этихъ матеріаловъ изъ внѣш-

няго міра совершенно прекращается. Помните скорбное, несмотря на все свое внѣшнее спокойстіе, восклицаніе Чернышевскаго: «и вся сумма жизни отъ истоковъ Лены до океана составляетъ такую сумму знаній и новостей, которой достанетъ на полчаса разговора въ годъ»? Отсутствіе этого объективнаго матеріала, естественно, и должно было заставлять работать могучія шестерни логическаго механизма, такъ сказать, впустую и зачастую тратить его энергію на безполезное внутреннее треніе логическихъ приводовъ.

Съ другой стороны, у Чернышевскаго уже и безъ того умъ носилъ очень отвлеченный характеръ. И въ этомъ была его сила. Возьмите, напримѣръ, его знаменитый «гипотетическій методъ», которому далъ справедливую оцѣнку А. С. Посниковъ въ своей небольшой, но любопытной статьѣ «Чернышевскій и его комментаріи къ «Политической Экономіи» Милля (см. «Юбилейный Сборникъ Литературнаго Фонда, 1859—1909»; Спб., 1909, стр. 460). Эта сила абстракціи сказывалась и во всѣхъ вопросахъ, которые занимали въ данный моментъ мысль Чернышевскаго. Она ярко обнаруживается не только въ его «Примѣчаніяхъ». Она поражаетъ читателя и въ его замѣчательныхъ статьяхъ, посвященныхъ общинѣ. Нечего говорить, въ какой степени превосходны эти работы именно съ научной точки зрѣнія. Чернышевскій даетъ какъ бы алгебру вопроса, исчерпывающую общими формулами всѣ частные случаи. И неудивительно, если позднѣйшія аналогичныя изслѣдованія, напр., только что упомянутаго г. Посникова въ его «Общинномъ землевладѣніи» (Одесса, 1878 г.) являются какъ бы детальнымъ очерчиваніемъ тѣхъ контуровъ аргументаціи, которые были неизгладимыми чертами прорѣзаны самимъ Чернышевскимъ.

Повсюду его пріемъ болѣе или менѣе одинаковъ: сначала нашъ мыслитель стремится выдѣлить изъ конкретныхъ деталей, изъ жизненныхъ подробностей даннаго явленія его существенные признаки и старается изучить игру этихъ основныхъ факторовъ, отвлекаясь отъ второстепенныхъ и усложняющихъ дѣло обстоятельствъ. Затѣмъ, придя къ извѣстному заключенію, онъ старается разсмотрѣть его на двухъ—трехъ наиболѣе крупныхъ случаяхъ и показать, какія существенныя ограниченія нужно внести въ абстрактную, но въ общемъ совершенно вѣрную формулу. Напр., какъ онъ поступаетъ въ вопросѣ объ общинномъ владѣніи? Онъ беретъ его основныя черты. Параллельно съ этимъ онъ отыскиваетъ основныя же черты въ частномъ владѣніи. Сопоставляя два ряда этихъ экономическихъ явленій, онъ ставитъ своею задачею показать, какимъ образомъ дѣйствіе того и другого отразится на рѣшеніи жизненныхъ задачъ, возникающихъ для людей на почвѣ каждаго изъ двухъ способовъ владѣнія. Конкретныя подробности нужны Чернышевскому лишь для того, чтобы въ своихъ изслѣдованіяхъ отправляться всегда отъ почвы дѣйствительности.

Эта общая замѣчательная тенденція абстрагирующей мысли

Чернышевскаго оказывала ему существенныя услуги, когда онъ примѣнялъ ее къ жизненнымъ вопросамъ своего времени. Ибо, какъ бы отвлеченно ни было изслѣдованіе Чернышевскимъ той или иной проблемы, у него, пока онъ жилъ въ нормальныхъ условіяхъ, было всегда громадное чутье дѣйствительности, заставлявшее его обращаться всякій разъ къ изученію глубоко реальныхъ задачъ. И сама бурно текшая жизнь 60-хъ годовъ, энергія, съ какой вопросы возникали въ сознаніи людей тогдашняго передового общества, общеніе съ лучшими представителями интеллигенціи, работа надъ фактами, доставлявшимися въ изобиліи какъ этими людьми, такъ и необыкновенно отзывчивой въ тó время печатью,—все это давало обильную пищу необыкновенно хорошо организованному уму Чернышевскаго.

Но, вотъ, судьба заноситъ Николая Гавриловича въ далекую Сибирь и окружаетъ его той ужасающей атмосферой заброшенности и одиночества, съ какой читатель могъ познакомиться изъ первой части нашей статьи. Прерывается гальваническій токъ, соединявшій умъ великаго мыслителя съ явленіями жизни и съ думами лучшихъ людей того времени. Теперь у логическаго аппарата Чернышевскаго выдвигается на первый планъ та абстрагирующая сторона, которая раньше, при благопріятныхъ условіяхъ жизни, составляла его силу, а нынѣ, въ тайгѣ Сибири, будетъ составлять его слабость. Умъ, не снабжаемый въ достаточной степени фактами живой дѣйствительности, цѣликомъ устремляется по привычному ему склону отвлеченнаго мышленія. Отсюда преобладаніе у Чернышевскаго вопросовъ, носящихъ очень общій характеръ. И на этомъ пути онъ заходитъ въ своемъ восхожденіи къ основнымъ, какъ ему кажется, принципамъ мірозданія и человѣческаго общества столь далеко, что съ точки зрѣнія этихъ общихъ формулъ стираются конкретныя подробности вопросовъ и ослабѣваетъ сама жизненность ихъ постановки. Такимъ образомъ, въ аргументаціи по прежнему великаго, но увы! уже уединеннаго мыслителя начинаетъ ощущаться все чаще и чаще недостатокъ вниманія къ тѣмъ промежуточнымъ, но существеннымъ задачамъ, которыя могли бы служить мостомъ между общимъ матеріалистическимъ міровоззрѣніемъ Чернышевскаго и непосредственными вопросами дѣйствительности.

Въ особенности, этотъ односторонній, черезчуръ абстрактный характеръ постановки вопросовъ сказывается у Чернышевскаго на подчеркиваніи имъ самыхъ общихъ чертъ своего научно-философскаго міросозерцанія и на пренебреженіи, порою очень рѣзкомъ, тѣхъ общественныхъ условій, изученіе которыхъ придавало такой интересъ прежнимъ произведеніямъ Чернышевскаго. Возьмите, напримѣръ, тѣ явленія, которыя принадлежатъ къ разряду соціально-экономическихъ и политическихъ. Прежде, именно въ сферѣ этихъ задачъ, Чернышевскій былъ по преимуществу учи-

телемъ цѣлыхъ поколѣній, необыкновенно живо и умно бравшимъ вопросы въ ихъ непосредственнной исторической важности для Россіи. Но мы уже видѣли, какимъ скептическимъ соображеніямъ отдается Чернышевскій въ Сибири какъ разъ по поводу изслѣдованія этихъ сторонъ жизни,—теперь, правда, доступныхъ ему лишь въ формѣ печатнаго и очень отрывочнаго матеріала. Его «тошнитъ» отъ всѣхъ тѣхъ книгъ, гдѣ говорится о крестьянствѣ, о землевладѣніи, о налогахъ и, вообще, о тѣхъ реальныхъ условіяхъ дѣйствительности, которыя тяжелымъ гнетомъ легли на русскій народъ, въ первые годы пребыванія Чернышевскаго въ Сибири служившій предметомъ скорбныхъ заботъ и живыхъ чаяній мыслителя.

Какъ объяснить такое настроеніе Чернышевскаго? Разумѣется, мы можемъ лишь сдѣлать предположенія относительно этого состоянія души. Но, въ данномъ случаѣ, намъ нечего чураться гипотезы. Слѣдуетъ вдохновиться примѣромъ самого Чернышевскаго, который и въ лучшую пору своей дѣятельности отнюдь не былъ какимъ-то страннымъ объективистомъ, въ противоположность якобы завзятымъ «субъективистамъ» послѣдующихъ поколѣній, но съ объективнымъ изслѣдованіемъ извѣстныхъ данныхъ связывалъ всегда стремленіе охватить ихъ опредѣленной оцѣнкой и отнюдь не боялся высказывать то или другое убѣжденіе.

Не знаменательна ли, дѣйствительно, слѣдующая мысль Чернышевскаго въ его полемикѣ съ Чичеринымъ: «живой человѣкъ не можетъ не имѣть сильныхъ убѣжденій. Отъ этихъ убѣжденій не отдѣлается онъ, что бы ни сталъ дѣлать: писать исторію или статистику, фельетонъ или повѣсть; все написанное имъ будетъ написано для оправданія и развитія какой-нибудь мысли, кажущейся ему справедливою. Если вы раздѣляете эту мысль, вамъ будетъ казаться, что писатель изображаетъ жизнь безпристрастно; если вы враждуете противъ его образа мнѣній, вамъ будетъ казаться, что онъ изображаетъ жизнь пристрастно и несправедливо. Слѣдовательно, дѣло не въ томъ, проводитъ ли историкъ свои убѣжденія въ своей книгѣ. Не проводить убѣжденій могутъ только тѣ, которые не имѣютъ ихъ; а не имѣть убѣжденій могутъ только или люди необразованные, или люди неразвитые, или люди тупые, или люди безсовѣстные; дѣло только въ томъ, хороши ли убѣжденія, проводимыя историкомъ, т. е., возникаютъ ли они изъ желанія добра, справедливости и благосостоянія людямъ, или изъ какихъ-нибудь принциповъ, противныхъ благосостоянію общества, и ясно ли понимаетъ историкъ, какія учрежденія и событія содѣйствовали, какія мѣшали осуществленію такого порядка дѣлъ, который пользуется его сочувствіемъ. Если убѣжденія историка честны, и если онъ понимаетъ вліяніе изображаемыхъ имъ событій и учрежденій на судьбу народа, тогда заслуживаетъ онъ уваженіе; и, кромѣ честности убѣжденій, другого безпристрастія

никогда не бывало ни въ какомъ историкѣ, если онъ былъ одаренъ человѣческимъ смысломъ, а не писалъ, какъ безсмысленная машина» («Г. Чичеринъ, какъ публицистъ»; «Современникъ», 1859;—«Собр. соч.» т. VI, стр. 478—479).

Итакъ, вдохновившись этимъ совѣтомъ Николая Гавриловича, мы постараемся представить гипотезу и высказать убѣжденіе, основанное нами на изученіи писемъ Чернышевскаго, относительно того, какимъ же состояніемъ духа объясняется его отчужденность, его отвращеніе къ вопросамъ, нѣкогда приковывавшимъ его вниманіе. Съ одной стороны, ясно, что Чернышевскій не могъ касаться въ своей перепискѣ, просматриваемой начальствомъ, какъ разъ тѣхъ задачъ устроенія народной жизни, которымъ онъ придавалъ раньше такое значеніе и изъ-за дѣятельнаго участія въ рѣшеніи которыхъ онъ навлекъ на себя продолжительный гнѣвъ боговъ русскаго туманнаго Олимпа. Съ другой стороны, онъ долженъ былъ и въ Сибири видѣть, какъ плохо складывались дѣла того самаго русскаго народа и, въ особенности, мужика, который заполнялъ всѣ думы Чернышевскаго и его единомышленниковъ въ такъ называемую эпоху реформъ. Что новаго при такихъ условіяхъ могъ ему, напр., сказать Янсонъ своимъ «Опытомъ статистическаго изслѣдованія о крестьянскихъ надѣлахъ и платежахъ», когда самъ Чернышевскій еще въ моментъ выработки положенія 19 февраля ясно видѣлъ, что интересы народа приносятся въ жертву интересамъ помѣщиковъ, и что, стало быть, несоотвѣтствіе между повинностями, ложащимися на освобожденныхъ крѣпостныхъ, и производительностью земли, данной имъ въ урѣзанномъ количествѣ, должно было рано или поздно привести къ глубокому разстройству мужицкаго хозяйства? То, что давно предвидѣлъ Чернышевскій, то, о чемъ писалось теперь, развѣ не было логическимъ выводомъ изъ того самаго рѣшенія аграрнаго вопроса правительствомъ, противъ котораго такъ долго, такъ умно, такъ энергично и самоотверженно боролся вожакъ соціалистической оппозиціи 60-хъ годовъ?

Что иное могъ онъ сказать въ данномъ случаѣ, какъ не то, что, снявши голову, по волосамъ не плачутъ, и что, если правящіе и имущіе классы успѣли обездолить народъ при эмансипаціи, то все послѣдующее было лишь необходимымъ слѣдствіемъ реакціонной политики, измѣнить которую Чернышевскій думалъ одно время, опираясь на живыя силы русской интеллигенціи и русскаго народа? А отсюда, съ одной стороны, ожесточеніе; съ другой—психологическое превращеніе этого чувства въ абстрагирующей головѣ Чернышевскаго въ общую мысль о томъ, что всѣ эти частные, хотя и крупные вопросы соціальнаго настроенія возникаютъ лишь потому, что человѣчество вообще, а русскій народъ въ особенности, не достаточно умѣютъ устраивать жизнь на разумныхъ основаніяхъ. Отсюда же гипертрофія и безъ того всегда бывшаго сильнымъ у Чернышевскаго интеллектуализма, который временно смягчался у

него,—какъ это было уже указано нами,—въ пылу живой общественной дѣятельности соображеніями насчетъ важности чувства и коллективнаго энтузіазма, а теперь, наоборотъ, заслонялъ совершенно всякія такія мысли и предъявлялъ человѣчеству одно основное требованіе: вырабатывать разумныя, лишенныя всякой фантазіи и мистицизма идеи и сообразно съ ними устраивать свое житье-бытье...

Именно здѣсь для насъ возникаетъ другой интересный вопросъ, на который тоже мы можемъ отвѣтить лишь гипотезой. Этотъ вопросъ, имѣющій на первый взглядъ какъ будто частный, а на самомъ дѣлѣ гораздо болѣе общій характеръ, таковъ: какъ объяснить, что Чернышевскій получилъ еще въ 1872 г. «Капиталъ» Маркса и ни словомъ, ни полусловомъ не заикнулся объ этой книгѣ въ своей перепискѣ, да и позже никогда не упоминалъ о ней? Между тѣмъ, этотъ трудъ, составившій, дѣйствительно, эпоху въ развитіи общественныхъ наукъ, а въ частности, политической экономіи, не могъ не вызвать въ сознаніи Чернышевскаго ряда вопросовъ. Опять таки можно на эту проблему отвѣтить лишь предположеніемъ. Съ одной стороны, Чернышевскій, очевидно, не могъ писать ничего о «Капиталѣ», какъ о работѣ, относившейся къ тому самому ряду жгучихъ соціальныхъ вопросовъ, за которые на имя и на сочиненія Чернышевскаго было наложено грозное табу. Съ другой стороны, онъ, слѣдуя своей склонности къ интеллектуализму, могъ и въ этомъ сочиненіи видѣть лишь доказательство и примѣръ того, какъ нелѣпо складывается человѣческая жизнь, если она не основана на проведеніи въ практику здравыхъ понятій. Марксъ просто могъ сильно не понравиться Чернышевскому именно той самой стороной своей книги, что раскрываетъ громадное значеніе въ человѣческой исторіи инстинктивно складывавшихся отношеній производства, въ рамкахъ которыхъ человѣкъ развивалъ свои производительныя силы. И вотъ это-то ученіе о преобладаніи слѣпого, но великаго инстинктивнаго процесса въ выработкѣ людскихъ отношеній, при томъ отливавшихся въ форму жестокой соціальной борьбы, и могло до такой степени оттолкнуть Чернышевскаго отъ книги Маркса, что онъ не счелъ нужнымъ и говорить о ней. Можно прибавить еще одну гипотезу. Во всемъ, что касается не столько соціологіи, сколько политической экономіи, Марксъ могъ показаться Чернышевскому, всегда сильно любившему классическую англійскую школу политико-экономовъ, лишь рикардіанцемъ, но рикардіанцемъ, излагавшимъ не новыя для Чернышевскаго основныя положенія Рикардо въ такой тяжелой непопулярной формѣ, которая всегда вызывала иронію и насмѣшки у Николая Гавриловича. Конечно, все это лишь гипотезы. И каждый изъ насъ воленъ думать объ этомъ, какъ ему угодно. Мнѣ, по крайней мѣрѣ, приходилось встрѣчать такихъ учениковъ Чернышевскаго, которые относились къ «Капиталу» Маркса,

какъ къ книгѣ, воспроизводящей будто бы умышленно-тяжеловѣсно давно извѣстныя истины, добытыя великими англійскими экономистами конца XVIII и начала XIX вѣка...

Но передъ нами возникаетъ другой, уже болѣе общій вопросъ, касающійся возможности эволюціи взглядовъ у Чернышевскаго въ Сибири. Измѣнилось ли по существу его соціалистическое міровоззрѣніе? Конечно, нѣтъ! Припомнимъ, что онъ говоритъ насчетъ предисловія Фейербаха къ лекціямъ о религіи. Припомнимъ и само это предисловіе. Фейербахъ рисуется намъ въ немъ человѣкомъ, скептически относящимся къ германскому движенію, не вѣрящимъ въ чудеса, возникающія изъ голыхъ желаній людей, но тѣмъ не менѣе съ гордостью заявляющимъ, что онъ участвуетъ въ великой исторической революціи, въ результатѣ которой камня на камнѣ не останется отъ «монархіи и іерархіи». Фейербахъ былъ историческимъ героемъ Чернышевскаго. Если сблизить роль того и другого, конечно, при условіяхъ, на столько отличныхъ между собою, на сколько Германія отлична была отъ Россіи, то отсюда должно заключить, что какъ Фейербахъ оставался тѣмъ же, чѣмъ былъ, т. е. радикаломъ въ религіозныхъ вопросахъ, такъ и Чернышевскій оставался тѣмъ, чѣмъ былъ, т. е. соціалистомъ; но что, можетъ быть, лишь измѣнился его взглядъ на возможность для Россіи скоро произвести тотъ самый коренной переворотъ, во имя котораго Николай Гавриловичъ нѣкогда приносилъ себя въ жертву историческому процессу и который, какъ ему казалось, могъ быть осуществленъ, пожалуй, рѣшительнымъ нападеніемъ на правительство и землевладѣльческій классъ. Снова и снова, значитъ, интеллектуализмъ, но уже безъ всякихъ оговорокъ, придавалъ свой отпечатокъ всему міровоззрѣнію Чернышевскаго. И ему теперь могло представляться, что прежде всего надо прилагать свои реформаторскія стремленія къ распространенію общихъ здравыхъ идей на родинѣ, а прочая вся приложатся...

Въ общемъ, сказали мы, Чернышевскій остался и въ Сибири тѣмъ, чѣмъ онъ былъ въ Россіи. Удивительно даже, съ какой энергіей его могучая мысль сопротивлялась ужасающимъ условіямъ искусственнаго оглупленія, въ которыя его ставило правительство. Онъ остался, говоримъ мы, тѣмъ же Чернышевскимъ, какимъ и былъ. Но увы! — онъ и не пошелъ дальше, и не могъ пойти, по самымъ обстоятельствамъ своей изгнаннической жизни, въ выработкѣ тѣхъ замѣчательныхъ идей въ области соціально-экономическихъ наукъ, которыя были брошены имъ въ общественное сознаніе на рубежѣ 50-хъ и 60-хъ годовъ. А между тѣмъ именно для него, уже въ 25 лѣтъ составившаго себѣ стройное міровоззрѣніе, на четвертомъ и пятомъ десяткѣ было бы необходимо въ интересахъ дальнѣйшей работы мысли развивать свои общія идеи непремѣнно въ примѣненіи къ тѣмъ жизненнымъ вопросамъ, изъ которыхъ слагалась русская общественная жизнь. На русскій

режимъ ложится тяжелая отвѣтственность передъ исторіей за то, что и наша наука, и наша общественная жизнь были насильственно лишены могучей оживляющей мысли Чернышевскаго, одного изъ величайшихъ по уму и по характеру русскихъ людей.

Задача наша кончена. Намъ приходится лишь выразить сожалѣніе, что прерывается пока тотъ процессъ общенія съ оригинальнымъ и благороднымъ мыслителемъ, въ которомъ мы находились во время этой работы, и что со многимъ мы не могли познакомить читателей. Но и того, чѣмъ мы успѣли подѣлиться съ ними изъ этого богатства мыслей, порою парадоксальныхъ, но будящихъ, несмотря на свою парадоксальность, сознаніе всякаго непредубѣжденнаго человѣка, — и того, мы надѣемся, достаточно для такихъ непредубѣжденныхъ читателей, чтобы оцѣнить надлежащимъ образомъ необыкновенно крупную и оригинальную фигуру Чернышевскаго.

Хотѣлось бы думать, что русское общество пойметъ важность ознакомленія съ тѣми сторонами личности Чернышевскаго, которыя оставались до сихъ поръ въ тѣни, и предъявитъ достаточно энергичный спросъ на изданіе всѣхъ писемъ его изъ Сибири. Я бы почелъ себя вполнѣ удовлетвореннымъ, если бы эта работа, въ которую я вложилъ всю ту долю писательской добросовѣстности, къ какой я только способенъ, содѣйствовала такому настроенію въ русской читающей публикѣ.

Н. С. Русановъ.

БРАТСТВО.

Романъ *Джона Гэльсуорси.*

Переводъ съ англійскаго Э. К. Пименевой.

XXXIII.

Тиме не выдерживаетъ искуса.

Когда Тиме, въ сопровожденіи Мэри Даунтъ, вышла изъ мрачной бездны (такъ назвала Мэри чердачныя квартиры этого дома), то она не могла выговорить ни слова, щеки ея горѣли, а руки были крѣпко стиснуты. Мэри тоже молчала, но Тиме казалось, что она смотритъ на нее съ сожалѣніемъ, и это еще больше волновало ее. Тиме въ первый разъ окунулась съ головою въ дѣйствительность, да еще какую!

Тиме замѣтила также и взглядъ молодого, брошенный на нихъ, когда Мартинъ присоединился къ нимъ въ дверяхъ. „Двѣ дѣвушки, вмѣсто одной!“ казалось, говорилъ этотъ взглядъ.—Молодой человѣкъ недурно устроился“.

Ужинъ былъ поданъ въ комнату Мэри. Онъ состоялъ изъ мясныхъ битковъ, картофельнаго салата, компота изъ сливъ и имбирнаго пива. Мартинъ и Мэри разговаривали, Тиме же ѣла молча, но хотя она и смотрѣла въ тарелку, тѣмъ не менѣе видѣла каждый взглядъ, которымъ они обмѣнивались и слышала каждое слово, сказанное ими. Ничего особеннаго не было ни въ этихъ взглядахъ, ни въ этихъ словахъ, но Тиме казалось, что тонъ, которымъ произносились эти слова, былъ особенный. „Онъ никогда такъ не разговариваетъ со мной“, думала она.

Послѣ ужина они вышли на улицу, чтобы прогуляться, на Мэри вдругъ раздумала. Она пожала руку Тиме, нѣжно поцѣловала ее въ щеку и быстро побѣжала наверхъ.

— Развѣ вы не пойдете?—крикнулъ ей Мартинъ.

— Нѣтъ, не сегодня,—отвѣтила она сверху лѣстницы.

Тиме терла щеку тыльной стороной руки. Она хотѣла стереть слѣдъ даннаго ей поцѣлуя.

Вечеръ былъ очень теплый, даже душный. Надъ городомъ неподвижно повисли испаренія и ни малѣйшаго движенія въ воздухѣ не было замѣтно. Молодые люди шли молча по безконечнымъ, темнымъ улицамъ, и, когда они, наконецъ, снова повернули домой, то Тиме сказала:

— Къ чему мучить себя? Это страшная, гигантская машина, которая старается всѣхъ насъ раздавить... Люди точно насѣкомыя, которыя расползаются во всѣ стороны. Я ненавижу, я чувствую отвращеніе къ нимъ!..

— Они могли бы быть здоровыми насѣкомыми, разъ они существуютъ,—возразилъ Мартинъ.

Недалеко отъ дома Тиме обратилась къ нему:

— Я не засну эту ночь, Мартинъ. Достань мнѣ мой велосипедъ.

Мартинъ пытливо заглянулъ ей въ лицо, освѣщенное фонаремъ и отвѣтилъ:

— Хорошо. Я тоже поѣду съ тобой.

Было около одиннадцати часовъ, когда они выѣхали на большую дорогу, ведущую въ Гэмпстедъ, и долго ѣхали молча.

— Кажется, мы далеко заѣхали,—сказалъ, наконецъ, Мартинъ.

Тиме покачала головой. Они давно уже выѣхали изъ города и теперь подъѣхали къ длинному, крутому холму, возвышающемуся надъ спящей деревней. Среди темнѣвшихъ полей виднѣлась блѣдная полоса воды, мерцавшая при лунномъ освѣщеніи. Тиме направила туда свой велосипедъ.

— Мнѣ жарко,—сказала она.—Я хочу освѣжить лицо водой. Останься здѣсь. Не ходи за мной.

Она прислонила къ дереву свой велосипедъ, прошла черезъ ворота и скоро скрылась между деревьями.

Мартинъ облокотился на изгородь. Часы въ деревнѣ пробили часъ. Издалека донесся крикъ совы. То были единственные звуки, нарушившіе тишину этой послѣдней майской ночи. Луна тихо плыла по безоблачной поверхности голубого неба, бросая потоки серебристаго свѣта на цвѣтущій лугъ и деревья, растущія группами. Это была такая ночь, которая заставляетъ мечты принимать за дѣйствительность и дѣйствительность превращаетъ въ мечты. Мартинъ чувствовалъ на себѣ ея очарованіе и это злило его: „Все это глупости, происходящія отъ луннаго свѣта", говорилъ онъ себѣ.

Но Тиме не возвращалась. Онъ позвалъ ее, но мертвое молчаніе было ему отвѣтомъ. Кругомъ было такъ тихо, что онъ даже слышалъ встревоженное біеніе своего сердца.

Мартинъ прошелъ черезъ ворота, высматривая между деревьями, но Тиме нигдѣ не было видно.

Онъ разсердился: съ какой стати она продѣлываетъ съ нимъ такія штуки?

Около воды росли кусты, и воздухъ былъ напоенъ ароматомъ майскихъ цвѣтовъ. Ни одинъ листикъ не шевелился. Мартинъ отошелъ отъ воды и началъ прислушиваться. Вдругъ онъ различилъ какіе то слабые звуки, тотчасъ же бросился туда и чуть не споткнулся о Тиме.

Она лежала подъ березой, прижавъ лицо къ землѣ, и все ея тѣло содрогалось отъ рыданій. Сердце молодого врача болѣзненно забилось, и онъ опустился возлѣ нея на колѣни. Она сбросила шляпу, и волосы ея мягкими волнами разсыпались по плечамъ, примѣшивая свой ароматъ къ аромату майскихъ цвѣтовъ, растущихъ въ травѣ, около нея. Мартинъ смотрѣлъ на нее, испытывая чувство, похожее на то, которое онъ испытывалъ въ дѣтствѣ, когда видѣлъ кролика, попавшаго въ ловушку.

Онъ дотронулся до нея. Она сѣла и, закрывъ глаза руками, крикнула ему:—Уйди! Уйди!—

Но Мартинъ не ушелъ, а обнялъ ее за талію и ждалъ. Прошло пять минутъ. Лунный лучъ, пробираясь черезъ темную листву, освѣтилъ траву и цвѣты около нихъ и стволъ дерева, возлѣ котораго они сидѣли, гдѣ-то зачирикала птичка, но скоро опять умолкла. Мартину казалось, что весь воздухъ наполненъ тончайшей вибраціей. Странная близость этого молодого существа въ ночной тиши оказывала на него свое вліяніе, и онъ съ нѣжностью думалъ о ней: „Бѣдняжка! Надо ее поберечь, поддержать!“ Въ его душѣ пробуждалось сознаніе, что и она такъ же страдаетъ, надѣется, чувствуетъ, но только эти страданія, надежды и чувства не такія, какъ у него, а ея собственныя. Онъ понималъ теперь, что они такъ же реальны, какъ и его чувства.

Его рука, охватывавшая ея плечи, сквозь тонкую ткань блузки, ощущала теплоту ея тѣла. Онъ все сильнѣе прижималъ ее къ себѣ. Наконецъ, она отстранилась.

— Я не могу!—заговорила она, рыдая.—Я не такая, какъ ты думаешь! Я не гожусь для этого!..

Горькая усмѣшка скривала губы Мартина. Такъ вотъ оно что!.. Но вѣдь дѣло уже сдѣлано.

— Я думала, что я могу... но я такъ нуждаюсь во всемъ красивомъ!—жаловалась Тиме.—Я не могу выносить этого ужаса, этого безобразія! Я не такая, какъ эта дѣвушка!.. Я... я... я диллетантка!

Голосъ ея прерывался рыданіями.

— „Что, если я поцѣлую ее?“—думалъ Мартинъ.

Она снова упала на траву, закрывъ лицо руками. Ея голосъ доносился къ нему, заглушенный, точно изъ могилы, куда была погребена ея вѣра.

— Я дурная!.. Я никуда не гожусь!.. Я такая, какъ моя мать!...

Но Мартинъ не слушалъ ея словъ; онъ только чувствовалъ запахъ ея волосъ.

— Нѣтъ! Нѣтъ!—шептала Тиме.—Я гожусь только для того, чтобы заниматься этимъ несчастнымъ искусствомъ... Я не гожусь ни для чего другого!

Лунный свѣтъ исчезъ.

Они были такъ близки другъ къ другу въ этой потемнѣвшей рощѣ, что у него явилось страстное желаніе заключить ее въ свои объятія.

— Я—себялюбивое животное!—продолжала она жаловаться.—На самомъ дѣлѣ, мнѣ нѣтъ никакого дѣла до всѣхъ этихъ людей! Я только потому и безпокоюсь о нихъ, что ихъ безобразіе непріятно рѣжетъ мнѣ глаза.

Мартинъ нѣжно взялъ въ руки ея волосы. Если бъ она отскочила, то онъ не выдержалъ бы и схватилъ ее въ объятія, но она точно инстинктомъ почувствовала это и оставила его руку лежать на своихъ волосахъ. Въ томъ, что она такъ внезапно присмирѣла, было что то необыкновенно трогательное, подѣйствовавшее на Мартина. Вспышка страсти, внезапно охватившая его, уле лась, и онъ могъ уже вполнѣ владѣть собой. Обнявъ дѣвушку, онъ поднялъ ее, какъ ребенка, и долго сидѣлъ возлѣ нея, слушая съ горькой усмѣшкой ея жалобы на погибшія иллюзіи.

Утренняя заря застала ихъ сидящими все на томъ же мѣстѣ, въ березовой рощѣ, но Тиме сладко спала, прислонившись головой къ его плечу, а онъ смотрѣлъ на нее все съ той же странной, блуждающей улыбкой, боясь пошевелиться, чтобы не нарушить ея покоя...

XXXIV.

Въ семьѣ Стефана.

Когда Сесилія получила странную телеграмму: „Чувствую себя прекрасно. Адресъ: 598 Истонъ-Родъ, черезъ двѣ двери отъ Мартина. Письмо слѣдуетъ. Тиме“,—то она даже сразу не поняла, въ чемъ дѣло. Она тотчасъ же пошла въ комнату дочери, осмотрѣла всѣ ящики и шкафы и, убѣдившись, что Тиме взяла съ собой очень мало вещей, нѣсколько успокоилась.

„Она взяла съ собой только свой маленькій чемоданчикъ и оставила всѣ свои вечернія платья“, подумала она.

Этотъ актъ независимости со стороны дочери нисколько не удивилъ ее. Домашняя атмосфера была слишкомъ напряжена послѣднее время, и съ тѣхъ поръ, какъ она видѣла Тиме въ слезахъ по случаю смерти ребенка Хюггса, ея материнскіе глаза стали замѣчать въ ней какую-то странную перемѣну. Появилось что-то новое, какая-то непривычная задумчивость, таинственность и слишкомъ явное проявленіе юношескаго сарказма. Она не рѣшалась допытываться, вызывать Тиме на откровенность и не хотѣла повѣрять своихъ сомнѣній мужу.

Перебирая вещи Тиме, она нашла между ея блузками листокъ бумаги, очевидно, выпавшій изъ какой - нибудь тетрадки. Тамъ было написано карандашомъ нѣсколько фразъ рукою Тиме. Сесилія прочла: „Личико этого несчастнаго ребенка было совсѣмъ сморщенное и землистаго цвѣта, и, только взглянувъ на него, я поняла, какъ это ужасно для нихъ! Я должна... я должна... я хочу что-нибудь сдѣлать!..“

Листокъ выпалъ изъ дрожащихъ рукъ Сесиліи. Теперь она поняла, что означало бѣгство ея дочери изъ дому. И ей невольно пришли на память слова Стефана: „Все это очень хорошо до извѣстнаго предѣла, и никто не сочувствуетъ этимъ людямъ больше меня. Но за этимъ предѣломъ сочувствіе уже становится вреднымъ для собственнаго спокойствія и ничего хорошаго это не приноситъ никому!“

Неужели ея дочурка, такая молоденькая и хорошенькая, серьезно задумала погрузиться въ эту работу спасенія и хочетъ жить возлѣ отвратительныхъ трущобъ? Неужели она готова отказаться отъ всего, что украшаетъ жизнь, отъ звуковъ, ароматовъ и красокъ, отъ музыки и искусства, отъ танцевъ и цвѣтовъ? Врожденное отвращеніе ко всякому фанатизму и полное незнаніе той жизни, въ которую теперь окунулась ея дочь, усиливали тревогу Сесиліи. Лучше ужъ она сама займется этимъ, только бы ея дочь не была лишена свѣта и воздуха и той жизненной обстановки, которая соотвѣтствуетъ ея молодости и красотѣ. „Она должна вернуться, должна выслушать меня!—думала Сесилія.—Мы вмѣстѣ будемъ работать. Мы устроимъ хорошенькія маленькія ясли. Или, можетъ быть, мистриссъ Талентсъ Смолльписъ найдетъ для насъ какую-нибудь постоянную работу въ одномъ изъ своихъ комитетовъ?..“

Вдругъ у нея явилась ужасная мысль, отъ которой она вся похолодѣла. Что, если тутъ проявляется наслѣдственность? Что если Тиме наслѣдовала отъ своего дѣда эту способность отдаваться одной идеѣ? Неужели это такъ?

Съ замираніемъ сердца она ждала прихода Стефана, но

несмотря на свое волненіе, она все-таки постаралась смягчить ударъ. Поцѣловавъ мужа, она сказала, какъ будто случайно:

— А у Тиме новая прихоть!

— Что такое?

— Этого можно было ожидать послѣ ея странствованій съ Мартиномъ.

Стефанъ сдѣлалъ презрительную гримасу. Онъ не любилъ своего племянника.

— Она отправилась работать гдѣ-то въ Истонъ-Родъ. Я получила отъ нея телеграмму. А вотъ это я нашла.

Она протянула мужу телеграмму и найденную ею страничку изъ тетрадки Тиме.

Стефанъ замѣтилъ, что она дрожала. Онъ былъ искренно привязанъ къ женѣ, и поэтому первымъ его движеніемъ было ласково обнять ее и успокоить. Но она понимала, какая буря поднялась въ его душѣ.

— Отчего, если ей такъ хотѣлось что-нибудь сдѣлать, она не могла поискать работы обычнымъ путемъ?—заговорилъ онъ, наконецъ.—Вѣдь она могла бы войти въ сношенія съ какимъ-нибудь благотворительнымъ обществомъ. Я бы не сталъ возражать противъ этого. Все это надѣлалъ этотъ молодой идіотъ!

— Мнѣ кажется, Мартинъ состоитъ въ какомъ-то обществѣ. Медицинскій соціализмъ или что-то въ этомъ родѣ. Онъ страшно вѣритъ въ это!—замѣтила Сесилія.

— Онъ можетъ вѣрить во что ему угодно,—сказалъ Стефанъ, стараясь сдерживаться,—только онъ не долженъ заражать своей вѣрой мою дочь!

— Но что же намъ дѣлать, Стефанъ? Отправиться мнѣ туда сейчасъ?

Тѣнь пробѣжала по лицу Стефана. Казалось, онъ теперь только понялъ значеніе свершившагося факта. Нѣсколько мгновеній онъ молчалъ.

— Нѣтъ, лучше подожди ея письма,—сказалъ онъ, наконецъ.—Онъ все-таки ея кузенъ, а что касается мистриссъ Грэнди, то вѣдь ея уже не существуетъ, во всякомъ случаѣ не существуетъ въ Истонъ-Родѣ!..

Въ эту ночь Стефанъ долго не могъ заснуть. Ворочаясь въ постели, онъ не переставалъ думать о дочери. И ему такъ же, какъ и его женѣ, пришла въ голову страшная мысль о сходствѣ между прихотью Тиме и идеями стараго Стона. Она практически хотѣла осуществить идею братства и стать „сестрой“ для каждаго. Пожалуй, это было еще хуже!

Утромъ пришелъ Гилэри. Письма отъ Тиме еще не было,

и поэтому оба, Стефанъ и Сесилія, обрадовались его приходу, какъ отвлеченію.

Гилэри дождался брата въ столовой. Видъ у него былъ разстроенный, но все же онъ, первый, взглянувъ на брата, замѣтилъ въ немъ перемѣну и спросилъ:

— Что случилось, Стиви?

Несмотря на все свое самообладаніе, Стефанъ не могъ скрыть своего волненія, и рука его дрожала, когда онъ протянулъ ее за газетой.

— Нелѣпая вещь,—отвѣчалъ онъ на вопросъ брата.— Этотъ великолѣпный, юный „санитистъ“ такъ набилъ голову Тиме своими теоріями, что она отправилась въ Истонъ-Родъ, чтобы примѣнять ихъ на практикѣ!

На лицѣ Гилэри, выражавшемъ участіе, чуть промелькнула улыбка, которая, однако, не ускользнула отъ Стефана.

— Тебѣ бы не слѣдовало смѣяться, Гилэри,—сказалъ онъ недовольнымъ тономъ.—Всему причиной твоя проклятая сантиментальность. Ты такъ возился съ Хюгсами и съ этой маленькой натурщицей. Я зналъ, что все это кончится какой-нибудь непріятностью.

Гилэри отвѣчалъ на этотъ неожиданный и несправедливый упрекъ взглядомъ, который заставилъ Стефана невольно потупить глаза, какъ будто въ сознаніи своей вины и превосходства брата надъ собой, несмотря на свои здравыя сужденія.

— Дружище,—сказалъ ему Гилери,—я искренно огорченъ, если у Тиме есть хоть частица моего характера!

Стефанъ взялъ руку брата и крѣпко пожалъ. Въ это время вошла Сесилія, и они всѣ трое усѣлись за столъ, на которомъ былъ сервированъ завтракъ. Сесилія сразу замѣтила то, на что не обратилъ вниманія Стефанъ, поглощенный собственными заботами. Она видѣла, что Гилэри пришелъ для того, чтобы сообщить имъ что-то. Но ей не хотѣлось распрашивать его, и потому они стали разговаривать о постороннихъ вещахъ, о концертахъ, театрѣ и т. п. Стефанъ, высказавъ какое-то замѣчаніе насчетъ оперы, вдругъ увидалъ Мартина, стоящаго въ дверяхъ. Молодой врачъ былъ блѣденъ, волосы у него были взъерошены и одежда въ пыли. Онъ прямо подошелъ къ Сесиліи и сказалъ со своею обычной холодной небрежностью:

— Я привезъ ее домой, тетя.

Внезапное облегченіе и радость были такъ велики, что у Сесиліи даже не нашлось словъ выразить волновавшія ее чувства. Но Стефанъ сейчасъ же вскочилъ со своего мѣста и спросилъ:—Гдѣ она?

— Пошла въ свою комнату.

Стефанъ вернулъ свое самообладаніе.

— А теперь вы, быть можетъ, объясните намъ, что это означаетъ?—холодно спросилъ Стефанъ.

— Она намъ безполезна.

— Въ самомъ дѣлѣ?

— Да.

— Въ такомъ случаѣ,—сказалъ Стефанъ, отчеканивая каждое слово,—прошу васъ понять, что и вы намъ не нужны и вообще никто изъ вашего сорта людей!

Мартинъ обвелъ глазами всѣхъ, сидящихъ за столомъ, и спокойно отвѣтилъ:

— Вы правы. Прощайте.

Гилэри и Сесилія встали. Наступила минута тяжелаго молчанія.

— Вы всѣ, со своими новыми идеями и манерами,— очень вредная молодежь,—сказалъ Стефанъ сухимъ, рѣзкимъ тономъ.

Сесилія протянула руки Мартину.

— Ты долженъ понять, дорогой мой, что мы страшно безпокоились,—сказала она.—Твой дядя, конечно, не думаетъ этого.

Мартинъ взглянулъ на нее съ тѣмъ же выраженіемъ нѣсколько презрительной нѣжности, съ которымъ онъ часто смотрѣлъ на Тиме.

— Милая тетя,—возразилъ онъ,—Стефанъ долженъ такъ думать.—Онъ нагнулся къ ней, поцѣловалъ ее въ голову, говоря:—Передай это Тиме отъ меня. Нѣкоторое время я съ ней не буду видѣться.

— Вы никогда не увидите ее больше, на сколько это будетъ зависѣть отъ меня!—сухо замѣтилъ Стефанъ.—Напитокъ вашего ученія слишкомъ бурлитъ и слишкомъ крѣпокъ...

— Для старыхъ бутылокъ!—улыбаясь, отвѣтилъ Мартинъ.

— Самонадѣянный молодой чертенокъ,—пробормоталъ Стефанъ.—Если такова вся молодежь, то Боже избави насъ отъ нея!

Когда Сесилія вышла, торопясь увидѣть дочь, Гилэри тоже поднялся и собрался уходить. Тутъ только Стефанъ замѣтилъ его блѣдность и разстроенный видъ.

— Что съ тобой, дружище? Ты совсѣмъ не похожъ на себя!—сказалъ онъ.

— Теперь, когда Тиме вернулась къ вамъ, я могу сообщить то, зачѣмъ я пришелъ,—отвѣтилъ Гилэри.—Я уѣзжаю завтра за границу. И я не знаю, вернусь ли я назадъ къ Би.

Стефанъ слегка свистнулъ, но тотчасъ же пожалъ руку брату и прибавилъ:—Что бы ты ни рѣшилъ, дружище, я всегда на твоей сторонѣ. Но...

— Я уѣзжаю одинъ,—прервалъ его Гилэри.

Радость, которую Стефанъ почувствовалъ при этомъ извѣстіи, заставила его нарушить обычную сдержанность.

— Слава Богу!—воскликнулъ онъ.—Я боялся, что ты готовъ потерять голову изъ-за этой дѣвушки.

— Я еще не совсѣмъ сошелъ съ ума и понимаю, что эта связь ничего хорошаго не принесетъ. Если бы я взялъ этого ребенка, то вынужденъ былъ бы никогда не покидать его, Стиви.

— Голубчикъ мой, ты слишкомъ добръ! — вскричалъ Стефанъ.—Она вовсе не находка для тебя!

— За исключеніемъ ея преданной любви, которую, самъ не знаю какъ, я пробудилъ въ ея сердцѣ! И при томъ, она вѣдь такъ безпомощна и одинока!..

— Мысль обо всѣхъ этихъ людяхъ преслѣдуетъ тебя,— возразилъ Стефанъ. — Но ты долженъ понять, что это ошибка!

— Имѣй въ виду также, что вѣдь я сотворенъ не изъ льда,—замѣтилъ Гилэри.

Стефанъ серьезно посмотрѣлъ на него и сказалъ:

— Какъ бы ты ни увлекался, но для такого человѣка какъ ты, немыслимо выйти изъ своего класса.

— Изъ своего класса? Да?.. Прощай!

И, крѣпко пожавъ руку брату, онъ вышелъ.

Стефанъ подошелъ къ окну, и какъ-то невольно его взглядъ устремился на темные закоулки узкихъ, грязныхъ улицъ, виднѣвшихся съ лѣвой стороны. Ему казалось даже, что онъ слышитъ запахъ плѣсени и гнили, доносившійся оттуда. Онъ содрогнулся и отошелъ отъ окна.

— Ужасно!—прошепталъ онъ.—Неужели мы никогда не отдѣлаемся отъ этого народа?

Онъ вдругъ почувствовалъ страстное желаніе увидѣть свою дочку, но подавилъ его и отправился въ кабинетъ. Однако онъ не могъ сосредоточить свои мысли на привычной работѣ. Какое-то странное безпокойство овладѣло имъ. Въ умѣ его длинной вереницей мелькали названія разныхъ благотворительныхъ обществъ, о которыхъ онъ слышалъ или которымъ оказывалъ поддержку. И вдругъ онъ засунулъ руку въ карманъ и досталъ оттуда чековую книжку.

Сесилія, проходя мимо, увидѣла въ открытую дверь своего мужа, который сидѣлъ, нагнувшись надъ конторкой, и что-то

надписывалъ. Она тихо подошла къ нему и нагнулась къ его рукѣ.

Стефанъ поднялъ голову. Ихъ глаза встрѣтились. Она обняла его шею и крѣпко прижалась къ его щекѣ.

XXXV.

Испытаніе.

Въ тотъ же день Гилэри, возвращаясь домой черезъ Кенсингтонскій садъ, встрѣтилъ Біанку у круглаго пруда.

Для постороннихъ, гулявшихъ въ этомъ саду, Біанка и Гилэри должны были казаться изящной супружеской парой. Никто не могъ бы замѣтить между ними полное отсутствіе гармоніи, и они сохраняли по внѣшности доброе согласіе, хотя уже стали совсѣмъ чужими другъ другу. Ни тотъ, ни другая неспособны были протестовать, заявлять о своихъ супружескихъ правахъ, обвинять или оправдываться. У нихъ не было священной вѣры въ незыблемость брачныхъ узъ и въ то, что они имѣютъ право дѣлать другъ друга несчастными. И поэтому для ихъ страждущихъ сердецъ не было никакого утѣшенія. Они шли рядомъ, относясь съ полнымъ уваженіемъ другъ къ другу и не выражая своихъ чувствъ, какъ будто ни тотъ, ни другая не испытывали жгучей боли въ сердцѣ; какъ будто между ними не было восемнадцати лѣтъ брачной жизни, начавшейся любовью и окончившейся полнымъ отчужденіемъ, вслѣдствіе какой-то таинственной дисгармоніи, существовавшей между ними,—и какъ будто между ними не стояла эта дѣвушка!

— Я былъ въ городѣ и сдѣлалъ свои распоряженія,— сказалъ Гилери.—Завтра я уѣду путешествовать. Вамъ не зачѣмъ покидать своего отца.

— Вы берете ее съ собой?

Это было сказано просто, безъ всякаго оттѣнка любопытства или показного индиферентизма. Гилери такъ же просто отвѣтилъ:

— Благодарю васъ. Эта комедія уже кончена.

Тоненькая шейная золотая цѣпочка, которую Біанка крутила въ рукахъ, оборвалась. Она быстро засунула ея концы за воротъ платья.

Больше между ними не было сказано ни слова.

Войдя въ кабинетъ, Гилэри увидѣлъ маленькую натурщицу, стоявшую между бюстомъ Сократа и книжной полкой. Онъ невольно отступилъ къ двери, но опять вернулся и сказалъ ей:

— Вы не должны были приходить сюда послѣ того, что вамъ было сказано вчера...

Она быстро отвѣтила:

— Но я видѣла Хюггса, мистеръ Даллисонъ! Онъ узналъ, гдѣ я живу. Онъ сталъ такой страшный. Я боюсь его. Я не могу тамъ оставаться теперь.

Она сдѣлала нѣсколько шаговъ впередъ и стояла, потупивъ глаза и безпокойно перебирая руками.

— „Она лжетъ",—подумалъ Гилэри.

Маленькая натурщица украдкой посмотрѣла на него.

— Я видѣла его,—упрямо повторила она.—Я должна теперь удалиться куда-нибудь. Тамъ оставаться не безопасно для меня, не правда ли?

— „Она пускаетъ въ ходъ противъ меня мое же оружіе,—подумалъ Гилэри, глядя на нее.—Если она даже видѣла этого человѣка, то нисколько не испугалась его. Подѣломъ мнѣ!" И, рѣзко разсмѣявшись, онъ повернулся къ ней спиной.

Маленькая натурщица тихо обошла его и стала между нимъ и дверью. Ея настойчивость страннымъ образомъ дѣйствовала на него. Постепенно имъ овладѣвало то же чувство, которое вызвало у него ея сосѣдство тогда, когда онъ сидѣлъ рядомъ съ нею, въ саду. Всѣми фибрами своего существа онъ ощущалъ теперь ея присутствіе здѣсь, около себя.

— Что вамъ нужно?—проговорилъ онъ съ усиліемъ.

— Вы, дѣйствительно, уѣзжаете, мистеръ Даллисонъ?

— Да.

Она схватилась за грудь, потомъ быстро опустила руки.

Гилэри какъ то безсознательно устремилъ глаза на нихъ. Это были маленькія ручки въ поношенныхъ шведскихъ перчаткахъ, безсильно повисшія по бокамъ ея тонкой дѣвической фигуры. Но она быстро спрятала ихъ и вдругъ спросила своимъ обычнымъ дѣловымъ тономъ:

— Я только хотѣла узнать, могу ли я поѣхать съ вами?

При этомъ неожиданномъ вопросѣ Гилэри испыталъ странное и удивительно пріятное ощущеніе внезапнаго облегченія, какъ будто она предлагала ему все, что ему было нужно отъ нея, безъ всякой примѣси того, въ чемъ онъ вовсе не нуждался. Онъ молча смотрѣлъ на нее. Она покраснѣла, и отъ этого ея синіе глаза стали темнѣе. Она опять заговорила, словно повторяя заученный наизусть урокъ:

— Я не буду мѣшать вамъ, стоять у васъ на дорогѣ. Я не буду стоить вамъ дорого. Я могу дѣлать все, что вы хотите... Я могу научиться писать на машинкѣ. Мнѣ вовсе не нужно жить по близости отъ васъ, если вы этого не захотите, изъ-за людскихъ разговоровъ. Я вѣдь привыкла быть одна. О, мистеръ Даллисонъ, я могу все сдѣлать для

васъ! Я не забочусь ни о чемъ, и я вовсе не такая, какъ нѣкоторыя дѣвушки. Я знаю, что я говорю!

— Знаете?—спросилъ Гилэри.

Маленькая натурщица закрыла лицо руками и воскликнула:

— Если-бъ вы испытали! Вы бы увидѣли тогда...

Чувственное возбужденіе, охватившее сначала Гилэри, вдругъ испарилось. Вмѣсто этого, онъ испытывалъ теперь глубокую жалость.

— Милоя дитя, вы слишкомъ великодушны!—сказалъ онъ.

Маленькая натурщица инстинктивно поняла, что дѣйствуя на его духовную сторону, она теряетъ почву. Она открыла лицо, сильно поблѣднѣвшее, и заговорила быстро, задыхаясь:

— О, нѣтъ, нѣтъ! Я хочу ѣхать съ вами... Я не хочу оставаться здѣсь. Я знаю, что я погибну, если вы меня не возьмете, я знаю!..

— Если бъ я взялъ васъ, что же дальше?—сказалъ Гилэри.—Какими товарищами могли бы мы быть другъ для друга? Вы это прекрасно знаете? Тутъ возможно только одно. Нельзя же утверждать, дитя мое, что у насъ есть какіе-нибудь общіе интересы?

Маленькая натурщица приблизилась къ нему.

— Я знаю, что я такое, и не стремлюсь быть ничѣмъ другимъ,—продолжала она.—Я могу сдѣлать все, что вы потребуете, и никогда не буду жаловаться. Я большаго не стою!

— Вы стоите большаго, чѣмъ я могу дать вамъ, и я стою большого, чѣмъ вы можете дать мнѣ когда-либо!—проговорилъ Гилэри.

Маленькая натурщица хотѣла отвѣтить, но вдругъ схватилась за горло, точно слова застряли тамъ. Она поблѣднѣла, зашаталась и закрыла глаза. Испугавшись, что ей дурно, Гилэри схватилъ ее за плечи, и отъ прикосновенія къ ея мягкому, молодому тѣлу, кровь бросилась ему въ голову и губы его задрожали. Вдругъ она открыла глаза и взглянула на него. И сейчасъ же у него мелькнула мысль, что ей вовсе не было дурно, что это была уловка со стороны этого ребенка-Далилы.

Руки у него опустились. Но какъ только она почувствовала это, то сейчасъ же упала къ его ногамъ и обняла его колѣни, прижимаясь къ нимъ грудью. Все сильнѣе и сильнѣе сжимала она его, точно хотѣла раздавить свое тѣло, содрогавшееся отъ рыданій. Вся сила женской способности отдаваться беззавѣтно выразилась въ ея позѣ. Но именно это удержало Гилэри, и онъ не заключилъ ее въ свои объятія. Она какъ будто не сознавала, что дѣлаетъ, и было бы

слишкомъ грубо съ его стороны воспользоваться своимъ преимуществомъ надъ этимъ ребенкомъ. Она подняла на него свои влажные отъ слезъ глаза, такъ ясно говорившіе ему: „Я не отпущу васъ!.. Я возьму васъ!...“

Гилери освободился отъ нея, и она упала на полъ, закрывъ лицо руками.

— Встаньте, дитя мое! Встаньте, ради Бога, не лежите здѣсь!—вскричалъ онъ.

Она послушно встала, глотая слезы и вытирая лицо маленькимъ, грязнымъ носовымъ платкомъ, сложеннымъ въ комочекъ. И вдругъ она снова сдѣлала шагъ къ нему и, заломивъ руки, воскликнула:

— Я погибну... да, я погибну, если вы не возьмете меня!

Она дышала тяжело, пристально устремивъ на него свои покраснѣвшіе отъ слезъ глаза. Гилэри взялъ со стола книгу и началъ ее перелистывать. Его лицо опять налилось кровью, а руки и зубы дрожали.

— Не теперь! не теперь!—бормоталъ онъ.—Уходите теперь... Я приду къ вамъ завтра.

Маленькая натурщица посмотрѣла на него взглядомъ собаки, спрашивающей у своего хозяина, не обманетъ ли онъ ее? Она даже тихонько перекрестилась и, приложивъ къ глазамъ свой грязный носовой платокъ, вышла изъ комнаты.

Гилэри остался стоять на прежнемъ мѣстѣ, машинально читая открытую передъ нимъ книгу.

Вдругъ онъ услышалъ чье то тяжелое дыханіе. Въ дверяхъ стоялъ Стонъ.

— Она была здѣсь,—сказалъ онъ.—Я видѣлъ, какъ она вышла.

Книга выпала изъ рукъ Гилери. Онъ не владѣлъ своими нервами. Стонъ подошелъ къ нему и спросилъ:

— У нея есть горе?

— Да,—прошепталъ Гилэри.

— Она слишкомъ молода для этого... Вы сказали ей это.

Гилэри отрицательно покачалъ головой.

— Этотъ человѣкъ сдѣлалъ ей непріятность?

— Нѣтъ.

— Такъ въ чемъ же дѣло?

Гилэри не могъ выдержать его пристальнаго взгляда и отвернулся.

— Вы задаете мнѣ вопросъ, на который я не могу отвѣтить,—сказалъ онъ.

— Почему?

— Это частное дѣло.

Кровь стучала у него въ вискахъ, и онъ еще ощущалъ

крѣпкія объятія дѣвушки вокругъ своихъ колѣнъ. Въ эту минуту Стонъ со своими навязчивыми вопросами просто былъ ему ненавистенъ. И вдругъ онъ замѣтилъ въ глазахъ Стона перемѣну. Въ немъ какъ будто пробуждалось сознаніе. Теплая атмосфера, которую внесла съ собой маленькая натурщица, разсѣяла туманъ, созданный вокругъ него его идеей и скрывавшій отъ него дѣйствительность.

Подъ вліяніемъ его взгляда Гилэри отступилъ къ стѣнѣ. Лицо Стона покраснѣло. Онъ началъ говорить, запинаясь, точно отыскивая слова:

— Я больше ничего не буду спрашивать у васъ. Я не могу вмѣшиваться въ частныя дѣла. Это было бы не...

Его голосъ измѣнилъ ему. Гилери, глубоко взволнованный этимъ внезапнымъ возвращеніемъ старика, такъ долго стоявшаго внѣ жизни, къ фактамъ дѣйствительности, и тронутый его деликатностью, низко склонилъ передъ нимъ голову.

— Я не стану вмѣшиваться въ ваши затрудненія, что бы тамъ ни было, — сказалъ Стонъ.—Но я огорченъ, что и вы такъ же несчастны!

Медленно, не оглядываясь на своего зятя, онъ вышелъ изъ комнаты.

XXXVI.

Возвращеніе Хюггса.

Гилэри угадалъ: маленькая натурщица солгала ему, сказавъ, что она видѣла Хюггса. Его выпустили изъ тюрьмы только на слѣдующій день, рано утромъ, и въ сопровожденіи жены и сына онъ прямо отправился домой, черезъ Кенингстонскій садъ. Они шли молча, но не потому, чтобы имъ нечего было сказать другъ другу. Въ сердцѣ швеи тѣснились разнообразныя чувства, среди которыхъ преобладало чувство страха. Она боялась, что мужъ ея заговоритъ, что онъ спроситъ ее... Какъ она будетъ отвѣчать ему? Будетъ ли онъ суровъ съ нею или, наоборотъ, будетъ ласковъ? Забылъ ли онъ эту молодую дѣвушку? Или тамъ, въ тюрьмѣ, среди безмолвія и одиночества, эта прихоть сильнѣе развилась въ немъ? Спроситъ ли онъ ее о ребенкѣ? Скажетъ ли онъ ей хоть одно ласковое слово?.. Всѣ эти вопросы терзали ей душу, но, несмотря на страхъ, испытываемый ею, ея рѣшеніе оставалось неизмѣннымъ: она не отпуститъ его отъ себя, не отпуститъ его къ этой дѣвушкѣ!

Дорогой, не рѣшаясь заговорить съ мужемъ, она нѣсколько разъ обращалась къ сыну и дѣлала ему замѣчанія за то, что онъ отстаетъ.

— Оставь мальчика въ покоѣ, — сказалъ ей, наконецъ, Хюггсъ. — Вѣдь у тебя есть другой ребенокъ, къ которому ты можешь приставать!

Она взглянула на него затуманившимися глазами.

— У меня нѣтъ его,—прошептала она.

— Нѣтъ? Кто же взялъ его?

Слезы хлынули изъ глазъ швеи, и она тихо проговорила:

— Онъ умеръ. Мы похоронили его. Я была на кладбищѣ. Мистеръ Кридъ ѣхалъ со мной въ каретѣ...

Хюггсъ ничего не сказалъ, онъ только приложилъ руку ко рту, точно поперхнулся чѣмъ то. И опять молча они продолжали свой путь.

Мистеръ Кридъ зналъ, что Хюггсъ будетъ освобожденъ рано утромъ, и мысль о его возвращеніи сильно волновала стараго газетчика. Зная вспыльчивый характеръ Хюггса, онъ боялся встрѣчи съ нимъ. „Вотъ что значитъ якшаться съ солдатами и съ людьми низшаго разбора!—говорилъ онъ себѣ. — Мнѣ слѣдовало раньше перемѣнить квартиру. Онъ будетъ меня спрашивать объ этой дѣвушкѣ... Я не удивлюсь, если онъ ни передъ чѣмъ не остановится въ жизни изъ за женщинъ!..“

Для большей безопасности Кридъ ушелъ изъ своей комнаты къ мистриссъ Беджинъ, разбитой параличомъ. Тамъ онъ не могъ подвергнуться нападенію со стороны Хюггса! Онъ стоялъ и разговаривалъ съ нею, какъ вдругъ увидѣлъ всю семью Хюггса у самыхъ дверей. Сердце старика замерло, и на лбу выступили крупныя капли пота. Но онъ старался увѣрить себя, что нисколько не боится Хюггса, и смѣло смотрѣлъ ему въ глаза, дожидаясь, что онъ скажетъ.

Хюггсъ, сильно поблѣднѣвшій въ тюрьмѣ, оглядѣлъ съ ногъ до головы старика и затѣмъ снялъ свою шапку, обнаруживъ свою курчавую голову.

— Я вамъ обязанъ тюрьмой, дѣдушка,—сказалъ онъ. — Но я не питаю зла. Пойдемте съ нами и выпьемъ чаю.

Онъ отвернулся и въ сопровожденіи жены и сына пошелъ на верхъ. Кридъ послѣдовалъ за нимъ по лѣстницѣ, тяжело дыша.

Въ маленькой комнатѣ, въ которой жилъ и умеръ ребенокъ, столъ былъ уже накрытъ скатертью и приготовленъ для чая. На тарелкахъ лежали тонко нарѣзанные ломти хлѣба и масло, а въ маленькомъ кувшинѣ было жидкое холодное молоко. Тутъ же лежалъ букетъ левкоевъ, примѣшивая свой тонкійароматъ къ другимъ запахамъ, носившимся въ комнатѣ.

Кридъ посмотрѣлъ на цвѣты. „Бѣдняжка, она купила

ихъ, чтобы напомнить ему прежніе дни!—подумалъ старикъ.— Вѣроятно, такой букетъ цвѣтовъ былъ у нея въ рукахъ въ день свадьбы"!

Это поэтическое воспоминаніе растрогало старика. Онъ молча пилъ чай и смотрѣлъ на Хюггса, находя въ немъ большую перемѣну. Душа его какъ будто очистилась страданіями. Криду хотѣлось сказать ему что нибудь пріятное, но онъ не находилъ словъ. „Я дурно думалъ о немъ, — говорилъ онъ о себѣ.—Онъ совсѣмъ не такой. У насъ у всѣхъ есть предразсудки. Онъ просто несчастное существо, и обѣ женщины разбили его сердце..."

Послѣ его ухода, Хюггсъ всталъ и улегся на постель. Онъ лежалъ неподвижно, повернувъ лицо къ стѣнѣ и подложивъ подъ голову руки. Жена его, занимаясь уборкой, нѣсколько разъ взглядывала на него. Если бъ онъ набросился на нее съ гнѣвомъ, еслибъ онъ выказалъ какое нибудь негодованіе, ей было бы легче вынести это, чѣмъ его ужасное молчаніе, которое было ей совершенно непонятно. Вся невысказанная тоска, накопившаяся въ ея сердцѣ, вся неутолимая привязанность, которая могла бы внести лучъ свѣта въ ея сѣренькую жизнь теперь, когда умеръ ея ребенокъ,—все это рвалось наружу, стремясь разрушить стѣну глубокаго безмолвія, отдѣлявшую ее отъ этого человѣка, лежащаго на кровати. Она нѣсколько разъ робко обращалась къ нему, но онъ не отвѣчалъ, какъ будто онъ, въ самомъ дѣлѣ, былъ только тѣнью человѣка. И несправедливость этого молчанія казалась ей особенно ужасной. Развѣ она не была его женой? Развѣ она не родила ему пятерыхъ дѣтей? Развѣ она не старалась отвлечь его отъ этой дѣвушки? Развѣ ея вина, что она превратила его жизнь въ адъ своею ревностью, какъ онъ это крикнулъ ей въ тотъ памятный день? Вѣдь онъ же былъ ея мужъ! Это было ея право,—нѣтъ, больше: это былъ ея долгъ!

Но онъ продолжалъ молчать. Швея склонила голову на цвѣты и горько заплакала. Она больше не могла выдержать его молчанія.

Темная фигура человѣка, лежащаго на кровати, только сильнѣе сжала голову руками, точно у нея не хватало словъ для выраженія тяжелой, гнетущей тоски...

XXXVII.

Поединокъ.

Біанка не видала своего мужа съ того момента, какъ они вмѣстѣ вернулись изъ Кенсингтонскаго сада. Въ этотъ день она не обѣдала дома, а утромъ нарочно избѣгала встрѣчи съ нимъ. Когда его багажъ снесли внизъ и позванъ былъ кэбъ, она тихонько проскользнула въ свою комнату. Она слышала его шаги въ коридорѣ. Онъ остановился у ея двери и постучалъ, но она не отвѣтила. Прощаніе было бы насмѣшкой! Пусть все останется невысказаннымъ! Но своими мысленными очами она слѣдила за нимъ, видѣла, какъ онъ садился въ экипажъ, какъ онъ погладилъ Миранду. Горячія слезы хлынули изъ ея глазъ...

Когда кэбъ, увозившій Гилэри, отъѣхалъ далеко, и шумъ колесъ затихъ, мучительное сознаніе чего-то непоправимаго овладѣло Біанкой, и страннымъ образомъ къ сердечной боли, которую она испытывала, примѣшивалось чувство жалости къ несчастной дѣвушкѣ. Что она будетъ дѣлать теперь? Пойдетъ ли она окончательно по дурному пути, пока не превратится въ одно изъ тѣхъ несчастныхъ созданій, которыя, подобно „Тѣни" на ея картинѣ, стоятъ на улицѣ у фонарей и ждутъ? Эти горькія мысли не давали ей покоя, возбуждая то глубокое чувство состраданія, которое заложено въ душѣ каждаго человѣческаго существа. Но, кромѣ того, ей доставляло нѣкоторое удовлетвореніе сознаніе, что она можетъ возвыситься надъ ревностью.

Побуждаемая этими мыслями, она отправилась на квартиру маленькой натурщицы. Сердце Біанки сильно билось, когда она постучала въ ея дверь, но она уже вполнѣ владѣла собой, и лицо ея имѣло прежнее холодное и полунасмѣшливое выраженіе.

Въ комнатѣ былъ безпорядокъ, точно кто-то собирался уѣзжать. Посрединѣ стоялъ завязанный чемоданъ, и одѣяло было уже снято съ кровати. Маленькая натурщица, въ шляпкѣ съ яркими цвѣтами и маленькимъ павлиньимъ перомъ, стояла возлѣ умывальника. Она обернулась на стукъ двери и отпрянула назадъ, какъ человѣкъ, который вмѣсто поцѣлуя получилъ ударъ въ лицо.

— Вы уѣзжаете отсюда?—спросила Біанка.

— Да,—прошептала дѣвушка.

— Вамъ не нравится здѣсь? Далеко отъ мѣста вашихъ занятій?

— Да,—также тихо проговорила маленькая натурщица.

— Вы нашли новую квартиру?

— Я не знаю, куда я отправляюсь.

Повинуясь внезапному импульсу, Біанка откинула вуаль, чтобы лучше видѣть дѣвушку, и проговорила:

— Я пришла сказать, что я всегда готова помочь вамъ.

Дѣвушка не отвѣтила и какъ то бокомъ взглянула на нее, точно хотѣла сказать ей:

— Какъ? Вы будете помогать мнѣ? О нѣтъ, я не думаю!

Біанка почувствовала этотъ взглядъ и сказала съ разстановкой:

— Это мое дѣло теперь, когда мистеръ Даллисонъ уѣхалъ за границу.

Эти слова подѣйствовали на дѣвушку, какъ неожиданный ударъ. Она поблѣднѣла и, казалось, готова была упасть. Глаза ея, точно глаза страдающаго животнаго, блуждали нѣсколько мгновеній по комнатѣ и, наконецъ, остановились неподвижно на посѣтительницѣ. Этотъ взглядъ, ничего не говорившій, производилъ странное впечатлѣніе, какъ будто дѣвушка что-то вычисляла въ умѣ... Наконецъ, когда ея вычисленія привели къ желанному результату, она повеселѣла, и въ ея глазахъ появилась жизнь.

Біанка поняла. Вотъ, что означалъ весь этотъ безпорядокъ въ комнатѣ. Онъ, слѣдовательно, беретъ ее съ собой, несмотря ни на что!

Она могла только проговорить:

— Я вижу!

Этихъ двухъ словъ было достаточно. На лицѣ дѣвушки появилось сначала виноватое выраженіе, потомъ злобное.

Антогонизмъ, существовавшій между ними, вырвался наружу. Гордость Біанки не могла больше скрывать этого. Онѣ стояли другъ противъ друга около чемодана, точно два противника, готовые скрестить оружіе. Біанка первая оправилась.

— Вы... и онъ! — воскликнула она. — Ха! ха! ха!.. Ха! ха! ха!..

Этотъ жестокій смѣхъ, болѣе ужасный, нежели всѣ кастовыя униженія, которыя ей приходилось терпѣть, и всѣ проповѣди и горькія слова, которыя ей приходилось выслушивать, сразили молодую дѣвушку. Она не могла устоять на ногахъ и присѣла на низенькій стулъ у окна, гдѣ она сидѣла раньше, высматривая, не идетъ ли Гилэри? На Біанку ея собственный смѣхъ подѣйствовалъ, какъ запахъ крови на разъяренное животное.

Она потеряла всякое самообладаніе.

— Какъ вы думаете, почему онъ беретъ васъ, дѣвушка?—

вскричала она.—Только изъ жалости! Но это не такое чувство, которымъ можно жить въ изгнаніи... въ изгнаніи... слышите вы? Но, нѣтъ, вы этого не понимаете!

Молодая дѣвушка вскочила. Лицо ея вспыхнуло, и она, захлебываясь, проговорила:

— Я ему нужна!

— Вы ему нужны? Да, конечно,—нужны, какъ обѣдъ. Ну, а когда онъ съѣстъ обѣдъ, тогда что?.. Конечно, онъ никогда васъ не броситъ; онъ обладаетъ слишкомъ чувствительной совѣстью. Но вы будете висѣть на его шеѣ и тянуть его внизъ, вотъ такъ!

Біанка охватила руками свою шею и потянула ее книзу.

— Я буду дѣлать все, что онъ велитъ, все, что онъ скажетъ мнѣ!...—пролепетала дѣвушка.

— И вы думаете, что онъ скажетъ вамъ, что ему нужно? Вы воображаете, что у него хватитъ необходимой грубости, для того, чтобы отвязаться отъ васъ? Онъ будетъ считать себя обязаннымъ держать васъ, пока вы сами не бросите его, что вы, вѣроятно, и сдѣлаете когда-нибудь!

— Я никогда, никогда не брошу его! — вскричала дѣвушка со страстью, всплеснувъ руками.

— Тогда, да поможетъ ему небо!—сказала Біанка.

Глаза маленькой натурщицы широко раскрылись; въ нихъ отразилась сильная внутренняя борьба, происходившая въ ней, но она не находила словъ, чтобъ выразить волновавшія ее чувства. Она могла только пролепетать:

— Я не... Я не... Я хочу...

Она прижала руки къ своей груди.

Біанка усмѣхнулась.

— Я вижу, вы думаете, что способны принести жертву? Хорошо! Вамъ представляется случай. Воспользуйтесь имъ сейчасъ же!

Она прибавила, указывая на завязанный чемоданъ:

— Вамъ надо только исчезнуть!

Маленькая натурщица отступила къ окну.

— Я ему нужна! Я знаю, я ему нужна!..—лепетала она.

— Великолѣпно!—воскликнула Біанка, кусая до крови губы. — У васъ прекрасныя понятія о самопожертвованіи! Если вы теперь уѣдете, то черезъ мѣсяцъ онъ уже не вспомнитъ о васъ!

Дѣвушка всхлипнула, закрывая лицо руками. Что-то безконечно жалкое было въ ея позѣ. Біанка нѣсколько времени молча смотрѣла на дверь, потомъ повернулась къ ней и сказала:

— Ну, что жъ?

Вдругъ лицо дѣвушки сразу измѣнилось. Въ ея заплаканныхъ глазахъ выразилось тупое упорство.

— Вы должны!—повторила настойчиво Біанка.—Возьмите свои вещи и уходите.

Дѣвушка не шевельнулась.

— Такъ вы не хотите?

Дѣвушка вздрогнула и съ участіемъ проговорила:

— Я... я... сдѣлаю это, если... если онъ мнѣ скажетъ!

— Такъ вы думаете, что онъ скажетъ вамъ?

Натурщица упрямо повторяла:

— Но я не хочу... не хочу ничего дѣлать безъ его согласія!

Біанка разсмѣялась.

— Что за собачья привязанность!—сказала она.

Дѣвушка внезапно повернулась къ окну. Губы ея полураскрылись. Она увидѣла что-то, что заставило ее встрепенуться и задрожать отъ радости. Въ этотъ моментъ она напоминала собаченку, увидавшую, что идетъ ея господинъ. Для Біанки этого было достаточно. Она догадалась, что Гилэри вошелъ въ домъ. Она молча прошла въ коридоръ и открыла дверь.

Гилэри поднимался по лѣстницѣ. Онъ былъ блѣденъ и имѣлъ видъ человѣка, котораго мучаетъ лихорадка. Увидѣвъ жену, онъ остановился и посмотрѣлъ ей въ лицо. Но Біанка прошла мимо, не выказавъ ни малѣйшаго признака волненія, и какъ будто даже не замѣтила его.

XXXVIII.

Конецъ комедіи.

Гилэри былъ охваченъ лихорадочной страстью, когда шелъ къ маленькой натурщицѣ. Тотъ элементъ животности, который сохраняется въ каждомъ, даже самомъ культурномъ человѣкѣ, всецѣло овладѣлъ имъ въ эту минуту. Онъ провелъ долгіе, мучительные часы, прежде чѣмъ рѣшился, наконецъ, на этотъ визитъ, отъ котораго зависѣла будущность двухъ лицъ.

Кромѣ Біанки, никого не было въ коридорѣ, и никто не могъ видѣть, но его мужское самолюбіе было уязвлено тѣмъ, что она прочла на его лицѣ. Недовольный собою, онъ съ мрачнымъ видомъ вошелъ въ комнату маленькой натурщицы. Сумрачное выраженіе его лица окончательно лишило самообладанія дѣвушку, ожидавшую иной встрѣчи. Она только что выдержала борьбу съ его женой и теперь уже не могла сдерживаться больше. Она присѣла на чемоданъ и начала капризно плакать, какъ плачетъ школьница, которой поста-

вили дурную отмѣтку, или дѣвушка, бальное платье которой не оказалось готовымъ къ сроку. Ея слезы раздражали Гилэри, нервы котораго были напряжены до послѣдней степени. Раздражалъ его также видъ раскрытой постели, завязаннаго чемодана и всей этой запыленной комнаты, насыщенной рѣзкимъ запахомъ дешевыхъ духовъ и раскрытой постели.

Онъ видѣлъ, что она уже сожгла свои корабли, чтобы сдѣлать для него невозможнымъ отступленіе.

Наконецъ, она перестала плакать и подняла на него глаза. Но то, что она прочла на его лицѣ, было еще менѣе успокоительно, чѣмъ его мрачное выраженіе, замѣченное ею при его появленіи въ комнатѣ. Она встала и подошла къ окну, очевидно, стараясь при помощи носового платка и пуховки съ пудрой стереть съ лица слѣды слезъ. Стоя спиной къ Гилэри, она тяжело дышала и каждымъ движеніемъ своей гибкой молодой фигуры какъ будто отдавалась ему.

Съ улицы доносились звуки шарманки, напомнившіе Гилэри тотъ день, когда Стонъ заболѣлъ. Шарманка играла тотъ же вальсъ, который онъ тогда слышалъ, и мало по малу онъ производилъ свое чарующее дѣйствіе, усыпляя нервную раздражительность и придавая какое то особенное обаяніе стройной фигурѣ молодой дѣвушки, стоявшей у окна. У Гилэри снова кровь прилила къ головѣ, и начали горѣть уши и щеки. Самъ того не замѣчая, онъ приближался къ дѣвушкѣ, и хотя она не смотрѣла на него, но чувствовала его приближеніе и всѣмъ своимъ существомъ звала его къ себѣ.

Звуки вальса прекратились. Дѣвушка повернулась къ нему лицомъ, но очарованіе уже исчезло, и разсудокъ Гилэри снова вступилъ въ свои права и заставилъ видѣть всѣ детали. Дѣвушка тотчасъ же замѣтила перемѣну. Она хотѣла опять прибѣгнуть къ слезамъ, но вспомнила, что слезы не оказали нужнаго дѣйствія, и она просто прижала руки къ глазамъ.

Гилэри смотрѣлъ на ея полныя, не слишкомъ чистыя руки и видѣлъ, что она, сквозь пальцы, наблюдаетъ за нимъ, точно кошка, слѣдящая за птицей. И вдругъ весь ужасъ его положенія представился ему. Онъ содрогнулся при мысли о своемъ будущемъ, о жизни съ этой дѣвушкой, со всѣми ея традиціями, привычками, взглядами, множествомъ разныхъ вещей, которыя ему еще неизвѣстны относительно нея. Прошла минута, показавшаяся ему вѣчностью, такъ какъ онъ чувствовалъ всю силу ея долгаго преслѣдованія, ея инстинктивнаго стремленія ухватиться за что-то

надежное и прочное, чѣмъ онъ являлся для нея, для ея желанія подняться вверхъ и ея медленное обвиваніе вокругъ...

Сознавая все это и содрогаясь при мысли о будущемъ, онъ все же испытывалъ сильнѣйшее чувственное влеченіе къ ней и шатался, какъ пьяный. Вдругъ она вскочила и, обнявъ его за шею, крѣпко прижалась къ его губамъ своими влажными, горячими губами. Запахъ вывѣтрившейся фіалковой пудры пахнулъ ему въ лицо, примѣшивался къ запаху ея горячаго тѣла, и онъ отскочилъ, внезапно почувствовавъ чисто физическое отвращеніе.

Дѣвушка осталась стоять неподвижно. Грудь ея высоко вздымалась, и губы еще дрожали отъ поцѣлуя. Выхвативъ изъ кармана свертокъ банковыхъ билетовъ, Гилэри бросилъ ихъ на постель.

— Я не могу взять васъ! Это безуміе! . Это невозможно! — почти простоналъ онъ и выбѣжалъ изъ комнаты.

Хозяйка квартиры, возвращаясь изъ лавки, видѣла его, и ей бросилась въ глаза его разстроенная наружность. По всей вѣроятности, онъ получилъ дурныя извѣстія и приходилъ сообщить ихъ ея квартиранткѣ! Постучавъ въ дверь комнатки маленькой натурщицы и не получивъ отвѣта, она вошла.

Дѣвушка лежала ничкомъ на кровати, и плечи ея дрожали отъ рыданій. Хозяйка нѣсколько минутъ стояла молча и смотрѣла на нее. Эта дѣвушка никогда не была ей особенно симпатична. Происходя изъ народа и хорошо зная деревенскую жизнь, хозяйка угадывала ея исторію. Такія, какъ она, всегда потомъ идутъ на улицу, рѣшала хозяйка. Но такъ какъ, несмотря на суровую наружность, въ глубинѣ сердца этой пожилой женщины сохранилась еще природная доброта, то видъ плачущей дѣвушки растрогалъ ее. Она ласково притронулась къ ея спинѣ, пробуя ее утѣшить, но дѣвушка только шептала:

— Оставьте меня! Я хочу быть одна!

— Хорошо,—сказала хозяйка, при видѣ, какъ дѣвушка не поддается на ея выраженія сочувствія. — Если я вамъ понадоблюсь, позовите меня, я буду въ кухнѣ.

Маленькая натурщица продолжала лежать, уткнувшись лицомъ въ постель. Но мало по малу ея рыданія становились тише и, наконецъ, совсѣмъ прекратились. Она сѣла и уронила на полъ свертокъ банковыхъ билетовъ.

Видъ этихъ денегъ вызвалъ новый взрывъ горя. Нѣсколько успокоившись, она подошла къ зеркалу и начала внимательно разсматривать свое лицо, опухшія вѣки и пятна на щекахъ, вызванныя слезами. Затѣмъ, усѣвшись на чемоданѣ, она подняла свертокъ: пятнадцать стофунтовыхъ би-

листовъ - всѣ деньги, приготовленныя Гилэри на дорогу. По мѣрѣ того, какъ она считала деньги, глаза ея раскрывались все шире и шире и слезы текли на тонкіе листки бумаги, которые она держала въ рукахъ...

Она медленно разстегнула свое платье и запрятала туда деньги.

Въ тотъ же вечеръ, въ половинѣ десятаго, Стефанъ пришелъ къ брату. Горничной, открывшей ему дверь, онъ хотѣлъ дать письмо для передачи Біанкѣ, которая еще не вернулась, но потомъ сказалъ, что подождетъ въ саду ея возвращенія.

Онъ усѣлся на садовую скамейку и, вертя письмо въ рукахъ, взглянулъ на открытое окно комнаты Стона, откуда падалъ блѣдный свѣтъ на дорожку сада. Стефанъ съ раздраженіемъ посмотрѣлъ на фигуру старика, неподвижно стоявшаго надъ конторкой. „Бѣдняга, какъ онъ опустился!—подумалъ Стефанъ:—Эти идеи губятъ его. Вѣдь онѣ не могутъ осуществиться! Это не въ человѣческой натурѣ. Нельзя не пожалѣть этого стараго идіота!.. Вѣдь, если бы даже домъ былъ въ огнѣ, то онъ не замѣтилъ бы этого!..“

Стукъ двери отвлекъ его вниманіе. Онъ вернулся въ переднюю и увидѣлъ Біанку. Она никогда не пользовалась его симпатіями, но на этотъ разъ его поразило горестное выраженіе ея лица, и онъ точно впервые понялъ, что она несчастна и ничѣмъ не можетъ помочь себѣ.

— У васъ утомленный видъ, Би,—сказалъ онъ.—Мнѣ очень жаль, но я думаю, что все же лучше, если я сегодня покажу вамъ это письмо.

— Оно написано вамъ. Я не хочу читать его,—отвѣтила она, взглянувъ на письмо.

— Но я желалъ бы сообщить вамъ его содержаніе. Пожалуйста, выслушайте, я прочту его вамъ:

„Дорогой Стиви! Я сказалъ тебѣ вчера, что уѣзжаю одинъ. Но потомъ я измѣнилъ свое намѣреніе и рѣшилъ взять ее съ собой. Съ этою цѣлью я отправился къ ней. Но я слишкомъ долго жилъ чувствами, непригодными для такой дѣйствительности. Классъ спасъ меня; онъ восторжествовалъ надъ моими примитивными инстинктами. Я уѣзжаю одинъ,— назадъ, къ своимъ чувствамъ. Я не нанесъ оскорбленія Біанкѣ, но моя брачная жизнь стала насмѣшкой, и я больше не вернусь къ ней. Пришли мнѣ по слѣдующему адресу тѣ вещи, которыми я дорожу, и сообщи Біанкѣ содержаніе этого письма“.

Онъ снова положилъ письмо въ боковой карманъ. „Это

тяжелѣе, чѣмъ я полагалъ, но онъ сдѣлалъ единственно возможное для него!" подумалъ Стефанъ.

Біанка сидѣла неподвижно, отвернувшись лицомъ къ стѣнѣ. Ея молчаніе раздражало Стефана.

— Я чувствую большое облегченіе, — сказалъ онъ.—Я боялся, что это кончится худо.

Біанка не шевельнулась. Стефанъ почувствовалъ, что онъ задѣлъ больное мѣсто.

— Но вы, я думаю... мнѣ кажется—снова заговорилъ онъ. Ему хотѣлось во чтобы то ни стало сказать что-нибудь въ защиту брата:—Гилэри—добрѣйшее существо на свѣтѣ!—воскликнулъ онъ.—Не его вина, что онъ стоитъ внѣ жизни, что онъ не умѣетъ обращаться съ реальными вещами. Онъ—человѣкъ отрицанія!

Рука, которую Біанка протянула Стефану на прощаніе, была лихорадочно горяча. Внезапно ему стало жаль ее.

— Я страшно огорченъ всѣмъ случившимся, страшно огорченъ за васъ...—проговорилъ онъ. Но она вдругъ отдернула руку.

Стефанъ слегка пожалъ плечами. „Что подѣлаешь съ такой женщиной?—подумалъ онъ и холодно сказалъ:

— Спокойной ночи, Би.

Біанка нѣсколько времени сидѣла молча въ креслѣ Гилэри. Потомъ она встала и начала медленно обходить комнату, прикасаясь ко всѣмъ вещамъ, которыя находились въ ней и среди которыхъ „онъ" прожилъ столько лѣтъ!

Дверь скрипнула, и чей-то голосъ сердито произнесъ:

— Что вамъ здѣсь нужно?

Біанка обернулась. Старикъ Стонъ стоялъ возлѣ бюста Сократа. Она бросилась къ нему.

— Отецъ!

— Это ты!—воскликнулъ онъ, пораженный.—А я думалъ, что тутъ воры! Гдѣ же Гилэри?

— Уѣхалъ.

— Одинъ?

Біанка кивнула головой.

— Человѣческое сердце—могила многихъ чувствъ!—прошепталъ онъ.

Біанка обняла его.

— Уже поздно, отецъ,—сказала она, стараясь увести его.—Ты долженъ лечь.

Рука холодная, какъ ледъ, прикоснулась къ ея щекѣ и опустилась на ея плечи. Она едва удержалась, чтобы не вскрикнуть, и схватила его руку своею горячей рукой. Такъ, обнявшись, они подошли къ дверямъ комнаты Стона.

— Покойной ночи, папочка,—прошептала Біанка.

Стонъ какъ будто хотѣлъ заглянуть ей въ лицо, но она уклонилась и, заперевъ за нимъ дверь, побѣжала въ свою комнату.

Біанка долго сидѣла у открытаго окна, стараясь справиться со своими нервами. Наконецъ, она задремала, сидя въ креслѣ, но вскорѣ проснулась отъ испуга. Освѣщенная блѣднымъ, мерцающимъ свѣтомъ, передъ ней стояла маленькая натурщица, такая, какою она изобразила ее на своей роковой картинѣ. Біанка вскочила на ноги, и видѣніе исчезло. Но оно было такъ реально, что Біанка долго не могла придти въ себя.

Уголъ комнаты, гдѣ показалось видѣніе, былъ освѣщенъ луной. Біанка дрожащими руками провела по глазамъ и высунулась въ окно, жадно вдыхая ароматный ночной воздухъ, доносившійся изъ сада. И вдругъ, къ своему ужасу, она услышала голосъ, ясный и дрожавшій, который говорилъ:

— Мой умъ омраченъ... Великая вселенная!.. Я не могу больше открывать моимъ братьямъ, что они составляютъ единое, нераздѣльное! Я не достоинъ больше оставаться здѣсь. Дай мнѣ раствориться въ тебѣ и умереть!

Біанка увидѣла тонкія, обнаженныя руки отца, простертыя въ темноту ночи, какъ будто онъ ждалъ, что молитва его будетъ услышана, и вселенная приметъ его въ свое лоно...

Въ эту торжественную минуту, казалось, все кругомъ притаилось и умолкло, точно въ ожиданіи чего-то. Наступила великая гармонія тишины, въ которой утонули всѣ отдѣльные звуки и слышалось только біеніе великаго сердца вселенной...

И снова въ ночной тиши прозвучалъ голосъ Стона:

— Братья!..

Позади изгороди, обсаженной кустами сирени, Біанка увидѣла каску полисмэна. Онъ стоялъ и со вниманіемъ смотрѣлъ въ ту сторону, откуда раздался голосъ. Поднявъ свой фонарь, онъ освѣщалъ имъ каждый уголокъ сада, отыскивая, къ кому могъ быть обращенъ этотъ возгласъ. Удовлетворенный своимъ осмотромъ и не замѣтивъ ничего подозрительнаго, онъ еще разъ освѣтилъ фонаремъ всѣ стороны и, наконецъ, успокоившись, повѣсилъ его себѣ на грудь и медленно пошелъ дальше по тротуару...

КОНЕЦЪ.

ПО ВОЛЫНИ.

Миніатюры.

I.

„Лѣсъ“.

Нашъ околодокъ—сторона темная: ни школъ, ни церквей верстъ на тридцать. Земля вокругъ мѣстами и плодородная, но все больше панская. Хутора—арендаторы, чиншевики... собственники рѣдко.

Населеніе—поляки „шляхта“, проще—„буцы“. Въ перемежку—нѣмецкія колоніи, но это не тѣ зажиточные нѣмцы, которыхъ когда то надѣляли льготными землями... Можетъ быть, выселки отъ тѣхъ?.. Изрѣдка попадаются и „православные“. Съ мѣстными поляками различіе небольшое: та же исковерканная рѣчь, та же безпрошлая старина!..

Когда то вокругъ росли сплошные лѣса. Старожилы, (хоть такихъ осталось и немного, да мало было тогда и людей) это помнятъ.

Дубы—впятеромъ не обхватишь, сосны такія, что мрачный воронъ казался маленькой пташкой! Въ серединѣ — лѣса шли кругомъ—были распаханныя поля и стоялъ большой палацъ пана.

Сколько было всякаго звѣря!..

Лѣса тянули къ самому Полѣсью и оттуда заходили медвѣди, лоси, дикіе быки...

Теперь не то!..

Къ могучему лѣсу со всѣхъ сторонъ подступили эти маленькія, липкія, грязныя хаты!.. Онѣ бросились на него въ аттаку, со всѣхъ сторонъ обложили палацъ. И темный лѣсъ дрогнулъ, отступаетъ...

Съ трескомъ падаютъ вѣковые стволы, на нихъ съ пилами, топорами бросаются эти жадные, сѣрые люди, увозятъ куда-то, расчищаютъ, вырываютъ коренастые пни, распахиваютъ темныя нѣдра, строятъ свои смрадныя жилища

и такъ дальше и дальше, шагъ за шагомъ вступають въ самую глубину.

Прочно огораживается панъ, окапывается глубокой канавой,—но не надолго: то здѣсь, то тамъ прорвется это сѣренькое' существо, войдетъ клинышкомъ въ заповѣдную часть, за нимъ проберутся и другія и копошатся все дальше и дальше.

Гдѣ мольбой—вымолитъ кровавыми слезами, принесетъ трупъ изголодавшагося дѣтеныша, гдѣ — озлобленный ринется въ безумномъ изступленьи на эту шумящую, живую крѣпость, навстрѣчу нагайкамъ и пулямъ.

Срубитъ, сожжетъ, и ненужный кусокъ уступается ему, или, если погибнетъ,—слѣдующему, чтобы только сохранить остальное.

И снова суживается, переносится загородка, окапывается новой канавой...

И снова—тихо...

Но не надолго: вновь завозятся, закопошатся эти сѣрыя существа, снова имъ тѣсно, снова прорываются за окопы!..

А когда насталъ этотъ памятный годъ, они бросились въ безумный штурмъ!..

Стонъ поднялся на высокой опушкѣ, а въ самой глубинѣ — такой ропотъ гнѣва и такъ страшно насупили прадѣды-дубы темныя брови!..

Сдержаннымъ, глухимъ шепотомъ проводили они, пропуская подъ сводами, закрытую карету съ четверкой вороныхъ лошадей, съ вооруженными людьми по бокамъ: въ темную ночь выѣхалъ панъ, уѣхалъ въ дальнюю сторону, пробирался, какъ звѣрь на облавѣ, по этимъ полямъ, между хатами...

Прошелъ годъ и снова утихло. Одни трупы ужъ истлѣли, а эти великаны-мертвецы еще и теперь разбросаны по всей опушкѣ.

И снова копошатся надъ ними эти сѣрыя существа, пилятъ, разрубаютъ, свозятъ куда-то... Лѣсъ порѣдѣлъ. Заколотили палацъ, пріѣхалъ управитель и самъ повелъ этихъ людей на зеленыя нѣдра!..

И падали дубы, дрожали сосны... Вырубку заволакивала дымомъ паровая лѣсопилка.

Но вотъ ее остановили. Окопались новой канавой, врыли новые столбы и загородки. Снова закопошились по пнямъ сѣрыя существа, взрываютъ плугомъ оголенныя кладбища..

Тѣснѣй и тѣснѣй обступаютъ грязныя хаты... Отъ лѣса осталась одна зеленая ленточка. Прорвутъ ее въ новой схваткѣ—и то-то будетъ раздолье!.. И то ужъ въ одномъ мѣстѣ она такъ узка, что просвѣчиваетъ.

Поредѣлъ темный лѣсъ, обезсилѣлъ, мало въ немъ осталось звѣря!.. То и дѣло рыщетъ вооруженная стража и, словно вмѣстѣ съ ней обороняя эти послѣдыши-дубы, стоитъ новый высокій костелъ рядомъ съ заколоченнымъ палацомъ: построить его догадался новый управитель.

И черный человѣкъ, который живетъ въ немъ, смотритъ сверху: онъ видитъ и лѣсъ, и эти смрадныя хаты!.. Онѣ обступили вокругъ, и въ нихъ словно что-то загадочно и страшно таится!..

Черный человѣкъ поднимаетъ на нихъ руки, словно въ строгомъ приказѣ остановиться!..

На долго ли?

II.

Свобода Денисевичанки.

Ихъ отцу была фамилія Денисевичъ, и ихъ звали — „Денисевичанки". Это двѣ сестры: старшая, несмотря ни на что, румяная дѣвушка. Младшая лѣтъ тринадцати, четырнадцати—худая, блѣдная, съ синими полосками подъ глазами...

Ихъ хорошо знали: обѣ любили носить на головахъ вѣнки изъ цвѣтовъ, или изъ ржи. А младшая плела еще изъ дубовыхъ листьевъ, перевитыхъ ягодами брусники...

Такъ не дѣлалъ никто, а къ ея блѣдному личику шло!..

Матери у нихъ не было давно и, когда вдругъ среди лѣта умеръ отецъ, собрались сосѣди обсудить положеніе.

Пришли не всѣ — которые сродни, или болѣе домовитые и серьезные.

Сидѣли въ хатѣ, совѣтовались.

У Денисевича было хозяйство: четыре десятины чиншевой земли, пара понурыхъ, заморенныхъ, маленькихъ лошадокъ, коровенка, свинья...

Какъ быть дивчатамъ?..

Судили-рядили, порѣшили такъ: однѣмъ оставаться никакъ нельзя: и хозяйство не углядишь, и чиншъ платить „нема чимъ" да и хлопцы одолѣютъ, коли въ хатѣ однѣ дивчата будутъ ночевать.

Надо старшей „принимать" къ себѣ хлопца, выходить замужъ и не медля, теперь же.

Тутъ же сложились на свадьбу.

Всѣхъ больше далъ панъ Тетеря—два рубля.

Панъ Тетеря хорошій хозяинъ, земли у него десятинъ двадцать пять и не разъ онъ по осени скупалъ у Денисевича по нуждѣ послѣдній овесъ „на хендель", на барышъ...

Собрали деньги на пиво, на сало, на то, на сё...

Выбрали человѣка сходить „дюже кланяться“ ксендзу: бѣдная свадьба, не возьметъ ли подешевле?..

Все готово...

Сама Денисевичанка слушаетъ молча, сидитъ смирнехонько въ „куткѣ“, сестрица—рядомъ; конечно, соглашается, да ее никто и не спрашиваетъ.

Вся остановка за женихомъ.

Съ утра запрягутъ коней, поѣдутъ „шукать“. Поищутъ—найдется и женихъ!

И—нашли.

Правда, онъ сватается къ другой, но та „кацапка“, велитъ ему креститься, онъ не хочетъ...

Накупили пива, привезли...

Дѣвка мыкается по-двору, глаза красные...

— „Ховай пиво!..“—Убрала, осторожно, каждую бутылку, чтобы какъ нибудь не разбить...

Завтра и свадьба—чего ждать, время рабочее!..

Съ утра собрались люди.

Обрядилась Денисевичанка во все лучшее... ждетъ жениха...

Видала его раньше раза два, мелькомъ—„хоть бы понравиться“!..

Ждетъ она, ждутъ люди—хлопца нема!..

Запрягли коней, поѣхали навстрѣчу...

Вернулись—бѣда!..

Кацапка согласилась и за католика выйти, какъ узнала, въ чемъ дѣло...

Денисевичанка плачетъ, прижалась къ худенькой сестренкѣ... Что дѣлать?.. Расходиться?.. А пиво?.. Время жаркое—„пропадетъ“!..

Кто-то робко шепнулъ: „а може Стасько“?..

Стасько—парень сирота, живетъ „по-людямъ“; у него—земля, десятины двѣ, хатка при самой дорогѣ. Сдалъ жидку...

Послали бабу.

Ну что-жъ?.. — И женился бы, да упирается: „выходитъ яко-сь срамно“!..

Пошли еще... Привели... Откупорили пиво...

— Что-жъ, панове-люди... Це дило Божье!..

Подошелъ къ дѣвкѣ, взялъ за руку, поклонился вокругъ: „не гнивайтесь“!..

Сестренка смотритъ, молчитъ, знаетъ: будетъ драться!..

Невѣста плачетъ...

Побѣжалъ парень домой: треба обуть чоботы и свитку...

Забѣжалъ къ кузнецу за бритвой...

Порѣзался второпяхъ...

...Пришелъ на дворъ—все ужъ готово!.. Смотритъ... Ударилъ палкой лошаденку въ бокъ—„ну"!..—чтобы знала: хозяинъ!..

Бабы ведутъ и невѣсту...

Поѣхали...

Вечеромъ гуляли, хлопцы „бились", какъ и на каждой свадьбѣ. Пиво не пропало..

И когда всѣ уже разъѣхались или заснули, и мѣсяцъ краснѣлъ низко-низко на западѣ—блѣдная, синеглазая сестренка вылѣзла откуда то изъ сарая, подошла къ хатѣ... обошла тихонько кругомъ, поднялась на цыпочки, заглянула въ окно, но войти побоялась...

III.

Томка.

Трудно вести хозяйство рядомъ съ Томкой, пуститъ скотъ, стравитъ посѣвы... Границу обсадишь—вырубитъ...

У самой дороги у Томки небольшая изба изъ краденаго лѣса. Нужно же ему кормить дѣтей... и по ночамъ то и дѣло Томки нѣтъ дома: тащится гдѣ-нибудь окольными путями въ городъ съ воровскимъ товаромъ: дровами, досками, курами, а то и съ цѣлой свиньей!..

Что Томка воръ, это всѣ знаютъ, но, встрѣчаясь днемъ, здороваются, какъ ни въ чемъ не бывало.

Томку били уже раза четыре. Послѣдній разъ особенно жестоко, когда онъ укралъ зерно у сосѣда.

Въ эту ночь Томкѣ все мѣшали. Пришлось „работать" наспѣхъ, и утромъ всѣ увидали, какъ отъ обворованной клуни (амбара) тянется полоса сыпавшагося зерна къ самой Томкиной хатѣ. Даже птицы кружились надъ дорогой. Томку поймали и били. Привязали къ доскѣ и, опрокинувъ, садились сверху, топтали, по пяти и шести человѣкъ. Привезли родные Томку домой: еле дышетъ, „лицо якъ земля"!.. Но Томка выжилъ.

И хорошо еще, что не воруетъ у нѣмцевъ: не былъ бы живъ давно!.. Нѣмцы поймаютъ вора и бьютъ умѣло: поживетъ мѣсяцъ, другой—умретъ. Не воруетъ Томка и лошадей: тоже убили бы. Нѣмцы конокрада зарываютъ живьемъ, и человѣкъ исчезаетъ съ лица земли.

Слѣдственныя власти никогда не разберутся: всѣ нѣмцы, какъ одно, говорятъ—не собьются.

Судили Томку, выпустили на поруки; въ первое же воскресенье онъ избилъ донесшаго на него!.. И Томки—боятся.

Земли у Томки мало: десятины двѣ, три, и, несмотря на свой промыселъ, онъ бѣдствуетъ.

Къ веснѣ всѣ крыши скормитъ скоту. Лошаденка, корова еле дотянутъ до травки. Дотянутъ—отойдутъ.

Въ религіи Томка скептикъ. Въ костелъ почти не ходитъ: „це не для насъ, це добре якъ брюхо сыто“—зло усмѣхается Томка, оскаливъ крупные, бѣлые зубы.

Въ этомъ онъ противоположность сосѣда зажиточнаго Тетери. Тетеря очень богобоязненъ.

Когда строили костелъ и хитрый помѣщичій управляющій устраивалъ процессіи, чтобы отвлечь вниманіе отъ „бунта“, Тетеря занялся тѣмъ же въ своемъ околодкѣ: поставилъ въ своемъ „садочкѣ“ икону, читалъ на колѣняхъ вслухъ молитвы. Сходились люди и вторили голосомъ. И правда: стало смирнѣе.

А Томка только посмѣивался и зимой, несмотря ни на что, аккуратно, съ хладнокровной размѣренностью рубилъ на дрова Тетерины изгороди: что-жъ дѣлать - зима такая холодная!..

Впрочемъ, если бы Тетеря кусочекъ земли уступилъ Томкѣ,—заборы стояли бы!..

Тетеря увѣренъ,—и это нѣсколько удовлетворяетъ его—что все равно „не будетъ счастья такому человѣку и когда-сь Богъ его покараетъ“!..

И дѣйствительно, рано ли, поздно ли, это, вѣроятно, случится... Но можетъ быть, надѣется Томка, къ тому времени дѣтеныши уже подрастутъ...

IV.

Песокъ.

Дорога—сплошной песокъ. Маленькія лошадки шагомъ, и то съ трудомъ, выгибая спины, тащутъ повозку.

Направо на лѣво тянутся жиденькія сосны, бѣлѣютъ хатенки... кой-гдѣ вспаханные клочки.

Дорога мѣстами обрыта канавой.—Въ сырую пору дюже вода стоитъ,—поясняетъ возница:—такая вода... Все болота...

Вотъ подъѣзжаемъ къ какой-то маленькой, раззоренной хаткѣ: полъ-хаты, полъ-сарая, на всемъ—полъ-крыши!..

Лѣниво тявкаетъ рыженькая собаченка, видно, вѣчно голодная: однѣ кости!..

Немного дальше около самой канавы сидитъ съ длиннымъ прутомъ дѣвочка лѣтъ четырехъ, пяти...

Бѣлое, замазанное платьице, блѣдное, болѣзненное личико, большіе, въ темныхъ кругахъ, синіе глаза...

Передъ ней, шага на два впереди, пасется по дорогѣ, вдоль канавы коровенка.

Дѣвочка стережетъ: за канавой что-то, очевидно, посѣяно!..

— Ничого нема!.—коротко поясняетъ возница, махая кнутомъ въ ея сторону...—Таки бидны люди, таки бидны!.. Одна хатка, да такъ шматокъ огорода...

...Медленно проѣзжаемъ.

Коровенка хмуро щиплетъ рѣденькую запыленную травку, за ней, съ длиннымъ прутомъ, неподвижно сидитъ дѣвочка, провожая насъ только взглядомъ, долгимъ, внимательнымъ взглядомъ!..

V.

Нѣмецъ Тиде.

...— У меня голова вольная, панычу, бо я съ малыхъ лѣтъ при лѣсѣ нахожусь и такъ себѣ хожу, не утруждаюсь... То и думаю, и о томъ, и о другомъ, и все мнѣ очень любопытно... И опять же я грамотѣ умѣю и по русски, и по нѣмецки, и про все могу прочитать. И какъ мы съ вами ходимъ, то что вы говорите, всё мнѣ такъ интересно, и я обо всемъ могу догадаться... Я часомъ и самъ здѣсь разсказываю, но народъ всё такіе дурни, мало что понимаютъ!.. Ему говоришь, а онъ себѣ думаетъ: „брешетъ собака нѣмецъ!..“ И такъ себѣ полагаетъ, что онъ много умнѣй.

Вотъ завтра у нихъ праздникъ... А что за праздникъ?..

У насъ, по нѣмецкимъ колоніямъ—воскресенье, Рождество, Пасха.. и еще одинъ праздникъ по веснѣ, не знаю, какъ по вашему, назвать... И больше нѣтъ.

А имъ что ни тыждень, и окромя воскресенья—до костела!.. Ксендзъ себѣ говоритъ, говоритъ, а они слушаютъ, думаютъ: це всё правда, бо ксендзу папа Римскій сказывалъ, а тому уже и самъ Богъ!..

А черезъ что?.. Черезъ то, что сами они ничего прочитать не могутъ!.. А я знаю. У меня евангеліе и книги апостоловъ, и я самъ, безъ ксендза, всё могу узнать—какъ и что...

Ко мнѣ, знаете, до сторожки часто приходятъ бриться... Я маю бритву, то подъ праздникъ и идутъ...

И что только часомъ говорятъ, даже слушать смѣшно!..

Но уже треба молчать, бо они думаютъ: чи-нѣмецъ, чи-жидъ,—одна собака..

Знаете, они вотъ сказываютъ, есть такое мѣсто, Браиловъ, тамъ у нихъ такой большой костелъ... То будто бы тамъ живетъ Сынъ Божій!.. На видъ будто якъ образъ, а онъ—живой!.. И волосы будто на немъ растутъ, и якъ люди приходятъ, то будто бы онъ такъ смотритъ на нихъ, такъ смотритъ и плачетъ вмѣстѣ съ ними... И слезы, сказываютъ, по немъ текутъ какъ бы и правда...

А я такъ раздумываю: можетъ ли это быть?..

Може тыи ксендзы въ очи на иконѣ какіе пузырьки поставили съ водой, а имъ показывается, будто плачетъ?.. А я знаю, что всё це брехня... Черезъ то знаю, что я читалъ: самъ Сынъ Божій, когда Онъ ходилъ по землѣ и научалъ людей, говорилъ, что Онъ еще только разъ придетъ на землю, когда будетъ уже всему конецъ и Божій судъ. Какъ же теперь онъ будетъ живымъ въ этомъ Браиловѣ?..

Когда бы это правда, то я пошелъ бы въ тотъ Браиловъ и сѣкирой бы ту икону. Коли бъ она разсыпалась, то всѣ бы бачили, яка она жива... А якъ ни, ну, нехай бы я пострадалъ, да уже всѣ бы знали, что это именно такъ!..

Мы дошли до просѣки. Мнѣ надо было свернуть на свой хуторъ, и я остановился.

Мы часто ходили съ лѣсникомъ Тиде на охоту. Онъ былъ очень наблюдателенъ, прекрасно зналъ мѣста и привычки дичи. Около сторожки у него была большая пасѣка. Онъ можетъ цѣлый вечеръ и такъ занимательно разсказывать о пчелахъ. Съ его словъ можно бы написать прекрасное руководство.

Одинъ недостатокъ у Тиде: во время охоты онъ то и дѣло подходитъ то съ тѣмъ, то съ другимъ вопросомъ: то ему разскажи, какъ устроены воздушные шары, то о томъ, что такое звѣзды, то разъясняй, почему это въ банкѣ въ городѣ и въ сберегательной кассѣ можно получить процентъ?.. И интересно: вещи самыя для него неожиданныя и сложныя онъ такъ ясно усваивалъ!.

Въ отвѣтъ на объясненья онъ всегда приводилъ какой-нибудь примѣръ, и было очевидно: понялъ!..

Однажды мы еще до зари отправились на утиное болото. Пока прояснялся востокъ, зажгли въ дубовомъ лѣску костеръ,—пообогрѣться.

Пришлось разсказывать о всякихъ звѣряхъ и „дикихъ“ людяхъ... Заговорились, пока надъ нами пронеслась стая утокъ. Мы вскочили, глядя другъ другу въ глаза, а когда подошли къ болоту, солнце уже пекло во всю, а въ осокѣ только и видѣли, что красноногихъ аистовъ!..

VI.

„Вражда"

Раньше этого люди не помнили, а теперь щедро сѣется утихнувшая вражда: нѣтъ-нѣтъ да и „предастъ анафемѣ" загорѣлый, простоватый попъ то того, то другого,—впрочемъ, чаще женщинъ. Это—„отщепенцы", „проклятые Богомъ и людьми твари, яко жидъ и всякая нечисть",—какъ выражается въ проповѣдяхъ болѣе краснорѣчивый батюшка сосѣдняго села, за послѣдніе годы типичный Волынскій іерей.

Этотъ батюшка „умный" и рѣдкое воскресенье не говоритъ поученій. Въ престольный же праздникъ проповѣдуетъ долго и старательно: и о нынѣшнихъ временахъ поруганья православія, и о Римской ереси о безпорочномъ зачатіи, и о такъ называемомъ „filio-que"!. Люди слушаютъ, и кто постарше, словно сознавая свою безпомощность, горько качаютъ головами: не поняли ничего!.. Такъ и уходили домой... Кто жилъ въ селѣ, тому еще такъ. Хуже чувствовали себя пришлые съ хуторовъ: жили они въ перемежку съ „проклятыми еретиками", жили „по сосѣдски", женились, выходили замужъ, не разбирая, частенько и молиться ходили то туда, то сюда: то поближе въ костелъ, то въ церковь на село.

Было и такъ: православныя повыходили замужъ за католиковъ, попадали въ ихъ среду, тянули „до костела". Когда „вышелъ манифестъ", стали и формально переходить въ вѣру мужей. То же было и съ католичками, выходившими за православныхъ.

Родня перемѣшалась... Какъ теперь быть?

А батюшка еще и на исповѣди донимаетъ!.. Бѣда!.. Ужъ лучше, какъ раньше: были добрыми сосѣдями, никто въ ихъ дѣла не мѣшался!..

Разъ, поздно вечеромъ къ хутору подъѣхала простая телѣжка...—Дозвольте переночевать!..

— Кто такой?

— Да батюшка!..

Удивился: вѣдь недалеко!—Милости прошу!

Дѣло разъяснилось: ѣздилъ, видите ли, увѣщевать по консисторскому приказу: желаетъ тутъ одна вѣру перемѣнить. Уговаривалъ и опоздился. А день праздничный, хутора же вокругъ все „шляхта"... Что-то и боязно стало...

— Да вѣдь тутъ же никогда ничего не бываетъ!..

Ну, на этотъ разъ дѣло особенное: пока попъ въ хатѣ дѣвку увѣщевалъ, родителямъ тоже пригрозилъ, а около хаты собрались хлопцы съ женихомъ...

— Хоть и ничего,—слова не сказали, да смотрятъ какъ-то исподлобья!..

А у конюшни, сидя на корточкахъ, толкують на ту же тему батюшкинъ возница съ работникомъ „еретикомъ“ Гераськой.

— Чорты це дило зробылы!.. Нехай бы ихавъ самъ соби!.. Срамно якось и коней погонять!.. Люди все знакомые, смѣются: за якимъ диломъ?..—Поздраствуешься съ кѣмъ,—пытаеть: кто?..—Ну, а якъ же не поклониться, якъ кони возлѣ самой хаты идуть?.. Все одна дурость!.. Когда я съ тобой живу добре, по сосидски, то бильше ничого и не треба!.. Ну да я добре знаю, черезъ що це зробылось: чи попу, чи ксендзу—все одно треба свiй доходъ глядѣты!.. Вотъ и грызутся!..—Це лито дослужу, а тамъ нехай другого шукае!.. А то ще и выбьють добре!..

— И выбьють,—добродушно гогочеть Гераська, передавая прiятелю табачекъ.

VII.

Панъ Илешковскiй.

Сидитъ по вечерамъ передъ своимъ маленькимъ домикомъ старый панъ Илошковскiй и смотритъ мутными, слезящимися глазами передъ собой.

Видъ знакомый до малѣйшей подробности, и ничто новое не оживитъ его... И вотъ ужъ нѣсколько лѣтъ!..

Прогонитъ пастушенко пару коровенокъ, проѣдетъ съ поля хлопчикъ-работникъ на захудалыхъ лошаденкахъ, протащатся во дворъ, медленно переваливаясь одинъ за другимъ, гуси, поднимаетъ и панъ Илешковскiй свой костыль.

А когда-то жилось ему не дурно!..

Правда, хуторишко у него маленькiй—одна возня; но онъ служилъ у помѣщика лѣсничимъ.

Какiе у него бывали кони! Никто не объѣдетъ, бывало: до самаго города идутъ на вожжахъ.

И все разные: то черные, то бѣлые, то сѣрые въ яблокахъ!.. По всѣмъ ярмаркамъ поспѣвалъ панъ Илошковскiй, во всѣхъ мѣстечкахъ верстъ на сто вокругъ знали его!..

Поговаривали, правда, что знавался панъ Илошковскiй и съ конокрадами... Ну да вѣдь быль молодцу не укоръ, а молодецъ онъ былъ настоящiй!..

Знавали его и дивчата... Эхъ бывало: „Ну, садись, прокачу!..“ И прокатитъ!..

...За лѣскомъ, немножко въ сторонѣ отъ большой дороги, былъ „шинокъ“... Такъ себѣ деревенская корчма, да

шинкарочка ужъ больно хороша!.. Видали тамъ часто и черныхъ, и бѣлыхъ коней!..

Разсказываютъ: вернулся разъ Борухъ-шинкарь не въ урочное время, не одинъ вернулся... Стучитъ къ молодой хозяйкѣ, да крѣпко, видно, спитъ: не отпираетъ.

Слышутъ—во дворѣ кони овесъ жуютъ, фыркаютъ.

Зналъ Борухъ, чьи кони: сказали добрые люди... затѣмъ и вернулся. Горе тебѣ красавица-еврейка, надругаются надъ тобой, блудницей: груди тебѣ проткнутъ невѣрной, изобьютъ въ темномъ сараѣ ремнями твое прекрасное, страстное тѣло, обнажатъ его передъ всѣми!..

...Стучитъ Борухъ. Не отпираютъ.

Привалилась вся ватага къ воротамъ: тутъ и озлобленные евреи, и хлопцы нанятые.

— Добре погуляете, только бы не выпустить!..

Разъ-разъ—подались ворота, распахнулись, да на встрѣчу сѣрые въ яблокахъ!.. Хлопнулъ по могучимъ спинамъ ременный бичъ, разсыпалась ватага.

Ухватилъ было одинъ смѣльчакъ подъ уздцы—вотъ и лежитъ теперь, стонетъ... Злой человѣкъ Борухъ, опасный, текла уже разъ кровь съ широкаго ножа по смуглымъ, скрюченнымъ пальцамъ, а теперь вотъ и онъ отскочилъ, хоть и видѣлъ: сверкнули съ высокой брички огонь-глаза: не одинъ выѣхалъ панъ Плошковскій!..

Выѣхалъ, слѣдъ простылъ!..

Не нашелъ Борухъ своей Сары... Куда увезъ?—Не близко!

А къ утру ужъ дома, самъ урядника водкой угощалъ, надъ Борухомъ посмѣивался, лошадей выводилъ: стоятъ сѣрые въ яблокахъ сухіе, ушами прядутъ, играютъ: видно, цѣлую ночь стояли!..

Жену спрашивали: дома ли былъ?.. Незамѣтно взглянулъ на нее панъ Плошковскій, обжегъ молніей... Отвѣчала покорно: „Какъ же, дома! Гдѣ-жъ ему и быть?..“

...Давно все это было... Охъ, какъ давно!..

Гдѣ теперь Сара?.. Въ Кіевѣ, въ Одессѣ?.. Треплется гдѣ нибудь въ притонахъ прекрасное тѣло!..

Вотъ и самъ панъ Плошковскій потерялъ лѣсничество. Хоть и боялись его, да отказали.

А тамъ—лошади разбили, сломали ногу... И затихъ панъ Плошковскій, сразу осунулся, постарѣлъ. Бѣдность пришла... Не запасено про черный день!..

Живетъ на хуторкѣ. Самъ безъ ноги—не работникъ, да и хозяинъ плохой, держитъ хлопчика-работника, перебивается день за днемъ, годъ за годомъ!.. Проживаетъ, что есть!.. Поѣдетъ съ кѣмъ-нибудь на ярмарку коня выбрать, получитъ „магарычъ“... Лошадей приводятъ—лѣчитъ.

А по вечерамъ сидитъ вотъ съ костылемъ передъ домикомъ, словно забылъ про широкій бѣлый свѣтъ!..

Пройдутъ коровенки, проѣдетъ хлопчикъ на заморенныхъ лошадяхъ, вереницей потянутся гуси...

— Эхъ, панъ Плошковскій, панъ Плошковскій,—соболѣзнуютъ люди, но и укоръ слышится въ этихъ словахъ. Каждый думаетъ про себя:

— Караетъ Богъ лихія дѣла!..

VIII.

За шляхомъ.

Въ домѣ шесть комнатъ, оштукатуренныхъ бѣлымъ. Комнаты не низкія, но крыша соломенная.

Прямо къ крыльцу дорога—поворотъ со шляха. По ней же возятъ осенью съ поля золотые снопы.

Съ одного бока и сзади старый, фруктовый садъ, частый, заросшій; съ другой стороны дворъ и постройки: конюшня, сараи, амбаръ.. Все это по бокамъ заросло сорной травой, крапивой, лопухами...

Хозяйство въ усадьбѣ идетъ само собой, не хуже и не лучше, чѣмъ у людей... Пожалуй, и хуже: съ осени до новаго урожая хватаетъ не всегда!..

Старая пани въ поле не ходитъ... Сидитъ въ саду или на балконѣ... Живетъ одна съ бѣдной племянницей. Въ домѣ распоряжается племянница.

Пани или вспоминаетъ—и тогда рядомъ съ ней помѣщается ея умная, красивая собака, или начинаетъ читать,— и тогда собака уходитъ: лежать тогда рядомъ скучно.

Старая пани вернулась сюда недавно, лѣтъ десять. Уѣхала еще панной, послѣ того, какъ пріѣзжалъ этотъ красивый панычъ... Тогда еще были живы и мать, и отецъ...

Все это знаетъ старый пасечникъ... Вернулась теперь, когда умеръ тамъ гдѣ-то, далеко панъ: вѣдь ей надо еще жить!..

Она еще не очень стара и, если присмотрѣться, въ ней что-то привлекаетъ. Въ этихъ глазахъ живетъ еще былое— молодость, счастье...

Она всегда одна, къ ней почти никто не ѣздитъ, и только изрѣдка, въ старомъ пожелтѣвшимъ фаэтонѣ она выѣзжаетъ въ костелъ... Встрѣчные люди кланяются ей, и не какъ нибудь, а какъ то особенно сосредоточенно, словно въ прежнія времена...

По вечерамъ, особенно осенью, когда сумерки такъ длинны и безпріютны, когда на мокрую, черную землю безшумно

осыпается желтый садъ,—такъ привѣтливъ огонь въ старой гостиной!..

Въ ней витаютъ какія то потерянныя думы... Подъ тонкими и еще не дряхлыми руками звучитъ нѣжная цитра...

И воспоминанія становятся таинственнѣй и мягче, и все прощаешь жизни—все, все, если этотъ насмѣшливый призракъ счастья пересталъ уже дразнить умиротворенную душу...

И тихо окружаютъ осеннія тѣни, тихо наступаетъ покой за воспоминаніями, отлетающими безшумно, какъ желтые листья...

А листьевъ такъ много... И кажется: въ позднюю осень, когда будутъ осыпаться и дубы, которыми обсажена дорога, они засыплютъ, незамѣтно, одинъ за другимъ и поворотъ съ широкаго шляха, и ворота, и низкое крыльцо!..

Владиміръ Пекарскій.

Бюрократическій законъ и крестьянская община.

I.

Субъективныя мнѣнія и объективное изученіе.

Начатая указомъ 9 ноября 1906 года борьба противъ крестьянской земельной общины вызвала уже обширную литературу. Къ сожалѣнію, однако, количеству не соотвѣтствуетъ качество. Главный недостатокъ множества появившихся газетныхъ и журнальныхъ статей, это—преобладающій субъективный партійно-политическій ихъ характеръ. Рѣшительная попытка правительства кореннымъ образомъ передѣлать по своему вкусу исторически сложившееся русское крестьянство, понятно, обязывала каждый политическій оттѣнокъ установить и высказать то или иное отношеніе къ столь крупному факту со своей точки зрѣнія. Но дальше этого преломленія и переотраженія даннаго факта съ партійныхъ точекъ зрѣнія,—часто, благодаря сложности вопроса и фактической неосвѣдомленности, очень причудливаго и даже курьезнаго,—обсужденіе не пошло. Попытки перейти отъ этого высказыванія субъективныхъ мнѣній къ организаціи объективнаго фактическаго и по возможности статистическаго изслѣдованія были до сихъ поръ очень рѣдки и, благодаря общественной апатіи, сравнительно мало результатны. Можно указать развѣ два-три счастливыхъ исключенія (какъ, напр., очерки А. В. Пѣшехонова въ «Рус. Бог.», В. П. Дроздова въ «Рус. Вѣд.» и нѣкотор. др.).

При такихъ условіяхъ, мнѣ кажется, пріобрѣтаютъ особый интересъ выводы организованнаго мною фактическаго и статистическаго изученія общины. Постепенно мнѣ удалось собрать и обработать очень обширный матеріалъ, освѣщающій нѣкоторые, по крайней мѣрѣ, пункты яркимъ свѣтомъ и рѣшающій нѣкоторые, по крайней мѣрѣ, вопросы со всей доступной для соціально-статистическихъ изслѣдованій точностью и объективностью. Заканчивая сейчасъ II томъ «Русской общины», я и предполагаю подѣлиться

вкратцѣ нѣкоторыми изъ этихъ выводовъ съ широкимъ кругомъ журнальныхъ читателей.

Первый вопросъ, который самъ собою выдѣляется въ настоящій моментъ ожесточенной атаки противъ общины, это — вопросъ о томъ, *въ какой вообще мѣрѣ эта община живетъ своей собственной самостоятельной жизнью и въ какой мѣрѣ приходящій извнѣ законъ можетъ вліять на эту хозяйственно-правовую форму?* Страннымъ образомъ,—можетъ быть, благодаря вкоренившейся у русскаго человѣка безсознательной вѣрѣ во всемогущество государственной власти, а можетъ быть, и благодаря той паникѣ, которую успѣла нагнать реакція на интеллигенцію,—но только именно этотъ вопросъ дебатировался въ печати всего меньше. Спорили почти исключительно о томъ, будетъ ли разложеніе общины добромъ или зломъ для крестьянства и вообще для Россіи, т. е. *оцѣнивали* правительственное «общиноборство» со стороны *качественной*, но очень мало останавливались на вопросѣ о томъ, въ какой степени это разложеніе осуществится, т. е. на *количественномъ измѣреніи* возможнаго вліянія бюрократическаго закона на общину. Между тѣмъ, врядъ ли вѣдь кто-либо въ самомъ дѣлѣ считаетъ государственное вліяніе вообще и современной бюрократической власти въ Россіи въ особенности всемогущимъ, безграничнымъ? Для всѣхъ ясно, что для него есть предѣлы, что есть цѣлый рядъ соціальныхъ процессовъ,—преимущественно хозяйственныхъ и культурныхъ,—которые оно можетъ нѣсколько замедлять или ускорять или искажать, но остановить или измѣнить направленіе которыхъ оно совершенно не въ силахъ.

Принадлежитъ или не принадлежитъ община и ея трансформація къ числу такихъ явленій, изъятыхъ изъ рѣшающаго вліянія бюрократической власти, этого мы, очевидно, a priori совершенно рѣшить не можемъ. Можетъ быть, нѣтъ; можетъ быть, да. Ясно такимъ образомъ, что только прямое и непосредственное изученіе, съ одной стороны, силы и характера воздѣйствія власти, а съ другой стороны, степени выработанности, прочности, сознательности и вообще внутренней силы и жизнеспособности общины,—можетъ дать хотя нѣкоторый отвѣтъ на вопросъ огромной важности для Россіи: сохранится ли община? Какъ повліяютъ на нее теперешнія попытки ее подавить и разложить?

Для конкретнаго изученія этихъ вопросовъ наблюденіе и опытъ въ прошломъ даютъ намъ слѣдующій матеріалъ. Во-первыхъ, общее изслѣдованіе степени и силы общинной жизнедѣятельности за пореформенный періодъ дастъ отвѣтъ на вопросъ о степени общей внутренней жизнеспособности общины и, значитъ, о степени ея способности сопротивленія разлагающимъ вліяніямъ извнѣ. Во-вторыхъ, кромѣ общихъ данныхъ, мы имѣемъ въ прошломъ и прямой опытъ законодательно-административнаго воздѣйствія на общину въ законѣ 1893 года о передѣлахъ общинныхъ земель, такъ что

фактическія и статистическія данныя о томъ, какъ прошло примѣненіе этого закона, рисуютъ уже прямо и конкретно картину бюрократическаго воздѣйствія на общинное право и результаты этого воздѣйствія.

Ясно, что хотя изъ одного этого опыта прошлаго еще нельзя дѣлать рѣшительныхъ заключеній для настоящаго и ближайшаго будущаго (вслѣдствіе значительной разницы и въ состояніи самой общины, и въ общей политической обстановкѣ, и въ самомъ характерѣ воздѣйствія), но, съ другой стороны, и игнорировать этотъ опытъ и разсматривать процессы, переживаемые сейчасъ общиной, внѣ всякой связи съ ея предшествующей трансформаціей,—какъ это обыкновенно сейчасъ дѣлается,—тоже, значитъ, закрывать глаза на дѣйствительность. Очевидно, что, только освѣщая настоящее прошлымъ, мы можемъ его ясно понять и хотя отчасти предугадать ближайшее будущее. Эту цѣль и преслѣдуетъ предлагаемый очеркъ.

II.

Крѣпостное государство и крестьянская община.

Въ томъ ходячемъ воззрѣніи на общину, которое было усвоено нашими русскими либералами и марксистами, а теперь использовано реакціонной властью въ ея общиноборствѣ, историческія перспективы рисуются столь простыми, столь же и смѣлыми штрихами. Община *создана* крѣпостнымъ правомъ и крѣпостнымъ государствомъ; теперь государство, поставивъ себѣ задачу «обновленія» и «освобожденія», уничтожаетъ свое собственное порожденіе. Вотъ и вся «философія исторіи» современныхъ отрицателей общины руководимыхъ либо догматизмомъ, либо хищническимъ классовымъ интересомъ. Въ дѣйствительности, однако, дѣло обстоитъ не такъ просто.

Прежде всего, если бюрократическое государство говоритъ теперь общинѣ, какъ патріархальный старикъ-отецъ неблагодарному сыну: «я тебя породилъ, я тебя и убью»,—то вопросъ въ томъ, каковы силы у стараго отца и у молодого дѣтища? Вѣдь даже и допустивши, что община первоначально не возникла бы безъ спеціальныхъ мѣръ сверху, мы этимъ не исключаемъ еще возможности того, что впослѣдствіи она развилась и укоренилась своими собственными корнями, въ то время какъ породившая ее когда то большая сила слабѣла и разлагалась въ процессѣ историческаго развитія.

Но, во-вторыхъ, самое положеніе о созданіи общины крѣпостнымъ государствомъ, преувеличивая одни и преуменьшая другіе историческіе факты, совершенно извращаетъ въ данномъ случаѣ всю историческую перспективу. А именно. Съ одной стороны, въ огромной степени преувеличивается роль крѣпостного государства

въ созданіи общины, а, съ другой стороны, преуменьшается или даже совершенно замалчивается то отрицательное разрушительное вліяніе, которое оказывало *пореформенное* законодательство на трансформацію общины въ послѣднія 4—5 десятилѣтій. Я не могу, конечно, въ предлагаемомъ краткомъ очеркѣ подробно очертить дѣйствительную историческую перспективу трансформаціи общины въ связи съ бюрократическимъ закономъ, но укажу на нѣкоторые, наиболѣе безспорные, факты, которыхъ уже однихъ достаточно, чтобы показать фантастичность ходячихъ либеральныхъ и марксистскихъ воззрѣній на происхожденіе и развитіе общины.

Если читатель, совершенно не входя даже въ выводы историческихъ изысканій, ознакомится только съ трудомъ г. В. В. объ общинѣ у удѣльныхъ крестьянъ и съ недавней работой А. А. Кауфмана: «Русская община въ процессѣ ея зарожденія и роста», то онъ съ полной очевидностью и безспорностью увидитъ, что въ *19-мъ вѣкѣ съ начала и до конца его* общинно-передѣльное владѣніе (т. е. полная, развитая община) возникало на окраинахъ при сокращеніи земельнаго простора изъ семейно-захватнаго (т. е. зачаточно-общиннаго) права *не только при содѣйствіи закона и администраціи, но и при отсутствіи этого содѣйствія,—болѣе того, въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже несмотря на ихъ противодѣйствіе.*

Изъ этого безспорнаго факта мыслимо сдѣлать лишь два вывода. 1) Если община самопроизвольно возникала въ 19-мъ вѣкѣ, то могла самопроизвольно возникать и раньше,—въ 18, 17 вѣкахъ и т. д.—вообще тогда, когда того требовало основное условіе: сокращеніе земельнаго простора; въ такомъ случаѣ рѣдкость и даже отсутствіе историческихъ указаній на развитую передѣльную общину объясняется отчасти,—какъ это очень наглядно показываетъ г. Кауфманъ,—просто характеромъ историческихъ источниковъ, отчасти же господствовавшимъ тогда многоземельемъ, обусловливавшимъ семейно-захватную форму владѣнія. 2) Если же община ранѣе 19-го (и отчасти 18-го) вѣка самопроизвольно не возникала (или почти не возникала), то приходится заключить, что способность къ самопроизвольному зарожденію и развитію общины не уменьшалась (какъ это принято думать), а увеличивалась съ теченіемъ времени. Предоставляю сторонникамъ воззрѣнія на казенно-крѣпостное происхожденіе общины выбрать любой изъ этихъ выводовъ: ясно, что и тотъ, и другой совершенно исключаютъ это воззрѣніе.

Едва ли не еще болѣе яркій выводъ получается изъ сопоставленія трансформаціи общины у двухъ основныхъ, приблизительно равныхъ по размѣру, группъ русскаго крестьянства: бывшихъ помѣщичьихъ и государственныхъ. Къ сожалѣнію, на сколько мнѣ извѣстно, историки слишкомъ мало удѣляли вниманія такому со-

поставленію *). Между тѣмъ, оно напрашивается, казалось бы, само собой, и только оно можетъ рѣшить *общій* вопросъ о роли внѣшняго принужденія въ зарожденіи и развитіи общины.

Въ самомъ дѣлѣ, если современная крестьянская община развивалась не извнутри, — изъ трудового быта и правосознанія,—а извнѣ,—отъ государственно-крѣпостного давленія,—то ясно, что она должна была быть тѣмъ развитѣе, сильнѣе и долговѣчнѣе, чѣмъ сильнѣе было это давленіе. Въ такомъ случаѣ, такъ какъ помѣщичья община испытывала, несомнѣнно, гораздо болѣе сильное, прямое и непрерывное воздѣйствіе, чѣмъ государственная, то, очевидно, она должна бы была сформоваться гораздо законченнѣе и прочнѣе, чѣмъ государственная. Такъ ли это? *Какъ разъ наоборотъ*. Какъ я показалъ уже въ прежнихъ работахъ и какъ еще подробнѣе обрисовывается въ заканчиваемомъ мною сейчасъ 2-мъ томѣ «Русской общины», община у государственныхъ крестьянъ оказывается несравненно прочнѣе и развитѣе, чѣмъ у помѣщичьихъ. Въ значительной части у послѣднихъ общинное владѣніе существуетъ только по имени, а на самомъ дѣлѣ въ правоотношеніяхъ и въ правосознаніи крестьянъ господствуетъ скорѣе подворное или полу-подворное владѣніе. Замѣчу кстати, что, какъ указываютъ географическія сопоставленія, наибольшій процессъ выдѣловъ изъ общины по указу 9 ноября и наибольшее развитіе хуторовъ приходится именно на этихъ чисто фиктивныхъ «общинниковъ».

Но, спрашивается, если не закрывать глазъ на дѣйствительность, могло ли и быть иначе? Вѣдь только либерально-буржуазное и марксистское воззрѣнія изображаютъ народно-трудовые слои пассивной и мертвой массой, которую мѣсятъ экономическія и по-

---

*) Замѣчу кстати, что и вышеуказанный трудъ г. Кауфмана, вообще весьма содержательный и цѣнный, по этому вопросу не даетъ ничего. Не оправдывая, къ сожалѣнію, своего широкаго заглавія «Русская община въ процессѣ ея зарожденія и роста», заставляющаго ожидать, что авторъ разсмотрѣлъ этотъ процессъ во *всемъ* крестьянствѣ и во *всѣ* періоды, т. е. не только по даннымъ настоящаго времени, но и исторически,—эта работа ограничивается только *современной* трансформаціей общины на восточныхъ многоземельныхъ окраинахъ и представляетъ лишь значительно расширенную переработку прежней извѣстной работы г. Кауфмана, касавшейся лишь общины въ Сибири. Ограниченная такъ во времени, работа оказалась тѣмъ самымъ ограниченной и въ самомъ предметѣ: она совершенно не касается цѣлой половины крестьянства—помѣщичьихъ крестьянъ. Между тѣмъ самъ авторъ, навѣрное, согласится, что совершенно невозможно схему развитія государственной общины распространять на помѣщичью. Такимъ образомъ, и этотъ новый очень цѣнный трудъ изображаетъ «Русскую общину въ процессѣ ея зарожденія и роста» *не вообще, а лишь въ настоящее время у государственныхъ крестьянъ* (и у аналогичныхъ имъ группъ) и потому, къ сожалѣнію, не даетъ и не можетъ дать *общей* перспективы развитія русской общины, которая получится лишь изъ *сопоставленія* государственныхъ и помѣщичьихъ крестьянъ и которая еще ждетъ своего изслѣдователя.

литическіе «факторы» въ тѣ или иныя формы. Если бы это было такъ, то, конечно, и община могла бы нѣкоторое время существовать чисто по инерціи, и въ ней, какъ это принято говорить, мы имѣли бы лишь общинные «инстинкты», «привычки» или «традиціи». Но такъ какъ это пассивно-механическое воззрѣніе на исторію глубоко ложно, такъ какъ массы живутъ и жили своей внутренней органической жизнью, только закрытой и временно замирающей подъ внѣшней скорлупой, то ясно, что чѣмъ насильственнѣе формовалась раньше община, тѣмъ быстрѣе она должна была бы разложиться послѣ снятія сдавливающихъ рамокъ и наоборотъ.

Государство давало своимъ крестьянамъ лишь общія нормы, благопріятныя общинному началу, и внутри этихъ нормъ полусвободно, полу-самопроизвольно складывалось народно-трудовое общинное право. Когда государственныя рамки были въ 60-ые годы частью сняты, частью расширены, то государственная община быстро и мощно разрослась, какъ растеніе, высаженное изъ тѣснаго горшка въ грунтъ. Въ крѣпостной общинѣ давленіе и регламентація извнѣ такъ механизировали, автоматизировали общину, что или оставили очень мало, или часто и вовсе не оставили мѣста внутренней правовой самодѣятельности крестьянства. И, вотъ, помѣщичья община явилась на свѣтъ частью слабой, хилой, частью прямо мертворожденной. И эта зависимость до того несомнѣнна и очевидна, что (какъ я показываю во 2-мъ томѣ «Русской общины») оказалась среди помѣщичьихъ общинъ большая разница между бывшимъ барщиннымъ (на югѣ) и бывшимъ оброчнымъ (на сѣверѣ) крестьянствомъ: во второмъ, испытывавшемъ меньше крѣпостного давленія, община гораздо сильнѣе; въ первомъ же община, какъ указано, часто вовсе не живетъ и усиленно разсыпается теперь въ выдѣлахъ и хуторахъ... Въ отдѣльныхъ случаяхъ эта обратная зависимость между крѣпостной механической и народной органической общиной сказывается необыкновенно ярко: земско-статистическіе матеріалы указываютъ, что во многихъ деревняхъ по выходѣ на волю крестьяне спѣшили измѣнить разверсточныя единицы безъ особой какой-либо раціональной цѣли, а только для того, чтобы стереть даже внѣшніе слѣды ненавистнаго «господскаго заведенія». И опять-таки: какъ могло быть иначе, какъ могъ народъ, глубоко ненавидѣвшій гнетъ крѣпостного права, удержать только «по традиціи» общину, если она была только дѣтищемъ и орудіемъ этого гнета?

Суммируя эти общіе факты и соображенія и сопоставляя ихъ съ пореформенной трансформаціей общины (о чемъ ниже), мы должны свести положительную роль государства и крѣпостного права къ слѣдующимъ предѣламъ. Во-первыхъ, какъ общее правило, земельная община была ими *допущена*, какъ легальная правовая форма. Во-вторыхъ, во многихъ случаяхъ развившаяся при

этихъ условіяхъ самопроизвольная кристаллизація общинно-передѣльнаго права была *поощрена*, *усилена и ускорена* тѣми *общими* нормами и *общими* мѣрами, которыя благопріятствовали уравнительнымъ передѣламъ. Въ-третьихъ, наконецъ, въ извѣстныхъ случаяхъ на пользу развитія общиннаго начала пошли и тѣ законодательныя, административныя и помѣщичьи воздѣйствія, которыя шли противъ интересовъ и желаній массы крестьянства, но вмѣстѣ съ тѣмъ допускали и даже вызывали сплоченіе деревенскихъ міровъ «для отбоя отъ враговъ крестьянства» (такъ формулируютъ нѣкоторые крестьянскіе отвѣты на вопросъ моей программы главное, по ихъ мнѣнію, преимущество общины). Правда, и эти положительныя послѣдствія дореформенныхъ вліяній на общину значили уже много. Но рядомъ съ ними были и сильныя отрицательныя вліянія, которыя состояли въ общемъ итогѣ въ томъ, что община была заключена въ скорлупу безправія и принудительности, служившую орудіемъ крѣпостного господства и могшую только подавить внутреннюю правовую общинную самостоятельность, только воспитать отвращеніе къ общинѣ.

Итакъ, крѣпостное государство *не создало* общины, какъ строятъ домъ или складываютъ механизмъ. Самая большая роль, которую ему можно приписать, это—та, что оно *способствовало* ея развитію, какъ выращиваютъ растеніе, при чемъ, однако, также и противодѣйствовало ему, подобно тому, какъ человѣкъ иногда замедляетъ, искажаетъ, даже прямо уродуетъ развитіе растенія.

III.

Пореформенное законодательство объ общинѣ.

Такъ взростила общину тяжелая крѣпостная исторія Россіи. На какую же почву и въ какую атмосферу попала община послѣ «реформъ»? Объ этихъ пореформенныхъ законодательно-административныхъ условіяхъ почему то очень мало говорятъ и думаютъ не только вообще беззаботные насчетъ конкретной дѣйствительности противники общины, но даже и болѣе критическіе и освѣдомленные ея сторонники. Между тѣмъ, если возможны еще разногласія о значеніи дореформеннаго государственно-крѣпостного режима, то по-реформенный режимъ уже безспорно принялъ *опредѣленно-отрицательное* положеніе по отношенію къ общинѣ. Правда, общинное владѣніе не было отмѣнено прямо и сразу, какъ тогда хотѣлось самымъ ярымъ его врагамъ, но составители крестьянскихъ «Положеній», не вѣря въ то, что община будетъ жить и развиваться, и не желая этого, приспособили все не для ея жизнедѣятельности, а для умиранія, «уложили (какъ я формулировалъ это отношеніе въ 1 томѣ „Русской общины“) новорожденную общину не въ люльку, а въ гробъ».

Этотъ коренной поворотъ въ законодательно-административномъ воздѣйствіи на общину проявился двояко. Во-первыхъ, перестали существовать почти всѣ тѣ воздѣйствія, которыя раньше, если не прямо способствовали общинно-передѣльной дѣятельности, то во всякомъ случаѣ отводили ей мѣсто, какъ явленію нормальному, давали ей удобную или, по крайней мѣрѣ, привычную для крестьянина форму. Во-вторыхъ, кромѣ этого прекращенія положительныхъ условій, вмѣсто нихъ были установлены нормы, уже прямо отрицательно вліявшія на передѣльную функцію общины и на правосознаніе общинниковъ. Главная изъ перемѣнъ первой категоріи состояла въ прекращеніи ревизій. Изъ категоріи же прямо отрицательныхъ воздѣйствій наибольшее значеніе имѣла, во-первыхъ, регламентація передѣловъ, крайне ихъ затормазившая, и во-вторыхъ, самый фактъ выкупа надѣльныхъ земель и его условія.

Каково бы ни было общее государственное значеніе ревизій и какъ бы ни смотрѣла на нихъ сама дореформенная бюрократическая власть, во всякомъ случаѣ фактически, въ глазахъ крестьянъ, онѣ стали привычнымъ моментомъ, привычной формой и какъ бы обычнымъ сигналомъ для уравнительныхъ передѣловъ. Ревизіи, во-первыхъ, исчисляли наличное крестьянское населеніе и, значитъ, давали сами собой картину его измѣненія и возникшей благодаря этому земельной неравномѣрности. Во вторыхъ, записанныя ревизіей наличныя мужскія души облагались налогомъ и несеніемъ этого государственнаго «тягла» какъ бы получали ярко подчеркнутое право на соотвѣтственное земельное обезпеченіе. Въ третьихъ, часто при ревизіи государствомъ дѣлались прирѣзки малоземельнымъ крестьянамъ, т. е. какъ бы производилось самимъ государствомъ уравнительное надѣленіе крестьянъ, чѣмъ давался примѣръ къ внутри-общинному уравнительному передѣлу. Надо прибавить, что обычные промежутки между ревизіями (приблизительно около 12—15 лѣтъ) какъ разъ соотвѣтствовали періодамъ, когда въ общинахъ успѣваетъ накопиться замѣтный приростъ населенія и соотвѣтственная неравномѣрность надѣленія. Изъ всего этого понятно, что для государственныхъ, а отчасти, надо думать, и для помѣщичьихъ крестьянъ основной моментъ общиннаго владѣнія,—уравнительный передѣлъ,—постепенно тѣсно связался съ моментомъ ревизіи.

Поэтому вышедшее «на волю» крестьянство по прежнему продолжало ждать для передѣловъ сигнала извнѣ въ видѣ «ревизіи». Долгое время оно даже не знало о своемъ правѣ дѣлать передѣлы самостоятельно или, по характерному мужицкому выраженію, «самовольно». «Ревизская душа», ревизскій надѣлъ оставались чѣмъ то неприкосновеннымъ, какимъ то фетишемъ въ глазахъ крестьянъ. И такъ длилось 20—25 лѣтъ. Земско-статистическое изслѣдованіе, развившееся очень широко въ первой половинѣ 80-хъ годовъ, повсюду обрисовало еще очень значительную силу этого фетиша ре-

визіи и упорное во имя сопротивленіе начавшемуся, наконецъ, послѣ долгаго напраснаго ожиданія «самовольному», «самонатурному» стремленію въ общинахъ къ передѣламъ. Немудрено, что уже этотъ моментъ, когда собственно община впервые вылупилась изъ старой скорлупы и стала на свои ноги, былъ очень труднымъ и часто болѣзненнымъ для неокрѣпшаго ея организма.

Но словно для того, чтобы еще болѣе затруднить это рожденіе на свѣтъ «самовольной» пореформенной общины, законъ поставилъ ему еще прямое препятствіе въ видѣ требованія для передѣла не простого большинства, а большинства двухъ третей общинниковъ (изъ числа всѣхъ имѣющихъ право голоса на сходѣ). Въ этомъ уже рѣзко сказалось полу-отрицательное отношеніе закона къ общинѣ: требованіе двухъ третей голосовъ было установлено не только для конститутивнаго вопроса о переходѣ къ подворному владѣнію, но и для передѣловъ, составляющихъ постоянную нормальную функцію общины. Фактически же это требованіе двухъ третей для передѣловъ (какъ и для ряда другихъ важныхъ функцій общины), казалось бы, просто должно было совершенно затормазить и остановить ея механизмъ. Дѣло въ томъ, что, какъ можно было предвидѣть a priori и какъ показалъ рядъ спеціальныхъ исчисленій при передѣлахъ въ нѣсколькихъ десяткахъ общинъ разныхъ мѣстностей, за 20—30 лѣтъ еле успѣвало накопиться въ общинѣ лишь простое большинство общинниковъ, которымъ передѣлъ былъ бы выгоденъ или, по крайней мѣрѣ, безразличенъ, и, слѣдовательно, онъ могъ произойти лишь при голосованіи за него части теряющихъ отъ него хозяевъ, или же отсрочивался еще на неопредѣленное время и тѣмъ самымъ вообще терялъ всякіе шансы на осуществленіе. Такимъ образомъ, первый же свой шагъ освободившаяся отъ фетишизма ревизіи «самовольная» община должна была продѣлать съ петлей на шеѣ: либо ждать накопленія двухъ третей обдѣленныхъ, либо, добиться согласія на передѣлъ теряющихъ отъ него, либо наконецъ, просто нарушить законъ. Понятно, что если первый шагъ вообще труденъ, то при такихъ условіяхъ онъ былъ еще во много разъ труднѣе; понятно, что сами крестьяне особенно ожесточенно жаловались на этотъ пунктъ пореформеннаго закона объ общинѣ. *)

*) Привожу для примѣра два особенно характерныхъ отзыва крестьянъ-корреспондентовъ земской статистики. «Отказываетъ земскій начальникъ, если не будетъ двухъ третей домохозяевъ, желающихъ дѣлить. Это неправильно, если половина желаетъ, то надо позволить дѣлить (С. Абраменки Порѣчскаго уѣзда, Смоленской губ.). Или вотъ что пишетъ волостной старшина Золотовской волости, Камышинскаго у., Саратовской губ.: «Справедливыя требованія отдѣльныхъ группъ разбиваются о законъ. Положеніемъ о крестьянахъ (54 ст. об. пол.) требуется, чтобы всякій новый порядокъ (или переходъ къ новому порядку) по землепользованію, по установленію мірскихъ капиталовъ, добровольныхъ складокъ и употребленію денежныхъ расходовъ долженъ вводиться лишь съ согласія двухъ тре-

Но едва ли не самымъ сильнымъ и глубокимъ было вліяніе основного общаго условія пореформеннаго надѣльнаго землевладѣнія: выкупа крестьянами отведенныхъ имъ земель. Вышеуказанныя условія—фетишизмъ «ревизской души» и требованіе двухъ третей для передѣла,—распространялись либо на всѣхъ, либо преимущественно на бывшихъ государственныхъ крестьянъ, вынесшихъ изъ дореформеннаго быта болѣе сильную общинную организацію. Между тѣмъ, противо-общинное вліяніе выкупа легло въ наиболѣе тяжелыхъ своихъ формахъ на исторически болѣе слабую помѣщичью общину*). Затѣмъ, въ то время, какъ первыя два условія, будучи разъ преодолѣны общиной, затѣмъ становились уже для нея менѣе опасными, индивидуализирующее вліяніе выкупа съ каждымъ годомъ, съ каждымъ новымъ взносомъ общинника за его надѣлъ должно было все возрастать и возрастать. Наконецъ, традиція ревизской души и двухъ третей для передѣловъ имѣли все таки внѣшній, механическій характеръ, являясь какъ бы извнѣ наложенными путами, между тѣмъ какъ разлагающее дѣйствіе выкупа входило внутрь, въ самое правосознаніе общинниковъ.

Выкупъ, равнозначный въ глазахъ крестьянъ просто покупкѣ, совершался вѣдь не всей общиной,—напримѣръ, на какіе либо ея мірскіе капиталы или доходы,—а каждымъ общинникомъ отдѣльно въ видѣ взносовъ за его надѣлы. При такомъ условіи уплата выкупа первыми поколѣніями освобожденнаго крестьянства на пользу слѣдующихъ поколѣній всей общины въ цѣломъ становилась очевидной и вопіющей несправедливостью: не увеличивающіяся или уменьшающіяся семьи принуждены при слѣдующихъ передѣлахъ уступать свои надѣлы разросшимся семьямъ, и, слѣдовательно, первыя уплачиваютъ выкупъ для другихъ, а не для себя, вторыя же получаютъ надѣлы даромъ или на значительно облегченныхъ усло-

---

тей всѣхъ домохозяевъ, имѣющихъ право голоса; а такъ какъ двѣ трети домохозяевъ по Золотовскому обществу составляется изъ 490 человѣкъ, которыхъ, за проживаніемъ очень многихъ промышленниковъ на сторонѣ (въ разныхъ городахъ), собрать на сходъ нѣтъ никакой возможности, то по необходимости и остаются въ обществахъ старые порядки, приносящіе большинству крестьянъ одинъ только вредъ. Всѣхъ домохозяевъ, имѣющихъ право голоса на сельскомъ сходѣ: по Золотовскому обществу 735, по Морозовскому—96. Если бы, положимъ, собралось на сходѣ двѣ трети, т. е. 490 человѣкъ, и при обсужденіи вопроса один ъ человѣкъ не согласился на установленіе новаго порядка, то на его сторонѣ по закону перевѣсъ, т. е. вопросъ не прошелъ только изъ за одного человѣка, и остальные 489 человѣкъ не имѣютъ никакого значенія; и здѣсь слѣдуетъ кстати сказать, что, благодаря этому вполнѣ устарѣвшему закону, деревня обречена на прозябаніе; всѣ благія начинанія объ этотъ законъ разбиваются въ пухъ и прахъ“.

*) Бывшіе государственные крестьяне переведены на выкупъ лишь съ 1886 года, и при этомъ къ нимъ не было примѣнено правило о выкупѣ отдѣльными общинниками по ихъ желанію надѣловъ безъ согласія общины въ подворную собственность.

віяхъ. Эта явная несправедливость вполнѣ могла бы быть устранена лишь замѣной выкупа безсрочнымъ уравнительнымъ земельнымъ налогомъ, и значительно могло бы ее смягчить только требованіе отъ вновь получающихъ надѣлы извѣстныхъ уплатъ въ пользу прежде выкупившихъ или въ пользу общины. Но вмѣсто этого положеніе о выкупѣ, наоборотъ, сдѣлало огромный шагъ въ сторону уже прямого и насильственнаго разложенія общины: имъ, между прочимъ, предоставлялось отдѣльнымъ общинникамъ право, взнеся досрочно всю оставшуюся сумму выкупа, падающую на ихъ надѣлы, пріобрѣтать тѣмъ самымъ эти надѣлы безъ согласія общины въ подворную собственность. Ясно, что этимъ правиломъ, совершенно почти тождественнымъ съ введенными указомъ 9-го ноября 1906 года выдѣлами общинниковъ безъ согласія общины, собственно совершенно отрицалось право собственности общины на отведенную ей землю, и это право собственности прямо передавалось отдѣльнымъ ея членамъ. Понятно, что какъ самый фактъ выкупа въ индивидуалистической формѣ, такъ это прямое, такъ сказать, право захвата общинной земли отдѣльными членами общины, должны были разрушать самую сердцевину общины, какъ бы медленнымъ ядомъ постепенно все глубже отравлять общинное право и крестьянское правосознаніе.

Указанными основными отрицательными условіями далеко не исчерпываются всѣ тѣ разлагающія вліянія, подъ которыя была поставлена община «освободительнымъ» законодательствомъ. Въ цѣломъ рядѣ болѣе частныхъ проявленій индивидуализующія начала, вложенныя въ это законодательство, въѣдались въ общинный организмъ. Упомяну еще только о томъ, что, напр., всѣ усадебныя земли были прямо объявлены собственностью не общины, а отдѣльныхъ дворовъ. При отсутствіи у крестьянъ точныхъ границъ этихъ земель, при необходимости нерѣдко мѣнять эти границы, при особой важности или доходности въ отдѣльныхъ случаяхъ этихъ земель и т. п.—этотъ какъ бы кристаллъ подворной собственности, вклиненный въ центръ общиннаго организма, долженъ былъ часто и рѣзко нарушать или даже прямо тормазить его функціонированіе...

Если вдуматься во всѣ эти условія, то врядъ ли можно считать преувеличеніемъ вышеприведенное мое сравненіе пореформеннаго законодательнаго ложа новорожденной свободной, «самовольной» крестьянской общины скорѣе съ гробомъ, нежели съ колыбелью. Что же, спрашивается, дала пореформенная законодательно-административная дѣятельность? не внесла ли она какихъ-либо смягченій или улучшеній въ это положеніе? Я могу указать только одно дѣйствительное и серьезное смягченіе: это — отмѣна права выкупа надѣловъ общинниками безъ согласія общины. Практика этого своеобразнаго права экспропріаціи общинной земли дала такія картины, которыя смутили даже и бюрократію (конечно,

тогдашнюю, нынѣшнюю же, понятно, подобныя вещи уже не смущаютъ): оказалось, что досрочнымъ выкупомъ стали закрѣплять за собой надѣлы не только тѣ общинники, которые за нихъ раньше уже заплатили значительную долю выкупа, но и тѣ, кому ихъ только что надѣлила община и кто такимъ образомъ за небольшую оставшуюся часть выкупа пріобрѣталъ надѣлы, полу-выкупленные его сосѣдомъ (по указу 9 ноября такой захватъ выкупленныхъ другими общинниками надѣловъ совершается уже совсѣмъ безъ всякой затраты). Въ виду подобныхъ случаевъ и изъ опасенія обезземеленія части крестьянъ, это право общинниковъ на экспропріацію общины уже не было введено въ положеніе о выкупѣ у государственныхъ крестьянъ (въ 1886 году) и было вообще фактически отмѣнено требованіемъ согласія на него общины (особымъ закономъ въ 1893 году). *) Все, что было сдѣлано въ пореформенный періодъ для общины, свелось къ отмѣнѣ одного такого пункта закона, который прямо отрицалъ общинную собственность, всѣ же остальныя, давящія и разлагающія общину условія остались въ силѣ и въ дѣйствіи. Такимъ образомъ, колыбель, въ которой общинѣ пришлось расти и начинать новую жизнь, во всякомъ случаѣ, какъ была, такъ и осталась ближе всего похожей на гробъ.

Очевидны важные выводы, необходимо вытекающіе изъ этого, почему то обычно игнорируемаго, факта. Ясно, что въ чемъ бы мы ни видѣли условія первоначальнаго зарожденія общины, какую большую роль въ немъ ни отводили бы дореформенному государству и крѣпостному строю, — во всякомъ случаѣ для четырехъ-пяти десятилѣтій пореформеннаго періода уже совершенно немыслимо приписывать законодательно-административнымъ вліяніямъ роль благодѣтельнаго опекуна, няньки, чуть не творца общинно-передѣльнаго владѣнія. Болѣе того, именно, чѣмъ большую и чѣмъ болѣе положительную роль припишемъ мы въ созданіи общины крѣпостному государству, тѣмъ, очевидно, рѣзче окажется это превращеніе государственной власти изъ пестуна въ гробовщика, тѣмъ болѣе гибельныхъ для общины послѣдствій этого превращенія мы должны ожидать.

Ясно, слѣдовательно, что если община достигла извѣстной высоты развитія не внутреннимъ хозяйственно-культурно-правовымъ ростомъ, а лишь вознесена до нея внѣшней политической силой,

---

*) Этимъ исчерпываются собственно законодательныя мѣры, въ которыхъ община нашла себѣ извѣстное признаніе. Административная же дѣятельность въ этомъ направленіи, на сколько знаю, дала лишь циркуляръ, въ половинѣ 80-хъ годовъ разъяснявшій крестьянамъ Сибири ихъ право на передѣлы земли. Но и этотъ циркуляръ, во-первыхъ, только разъяснялъ существующій законъ, а во-вторыхъ, коснулся лишь Сибири, такъ что для основной массы общиннаго землевладѣнія не имѣлъ никакого значенія.

то тогда, когда эта сила повернулась противъ нея, когда община, какъ мы только что видѣли, была поставлена бюрократической властью на крутую наклонную плоскость къ упадку и разложенію,— тогда мы должны ожидать, что она быстро покатится внизъ и скоро отъ нея не останется ничего, кромѣ обломковъ и праха... Но столь же очевидно, что въ случаѣ противоположнаго исхода,— въ томъ случаѣ, если бы община начала не падать, а подниматься даже и на этой наклонной плоскости,—мы не сможемъ объяснить это иначе, какъ выработавшейся и развивающейся въ ней самой внутренней жизненной силой, какъ способностью общиннаго народно-трудового права приспособливаться и къ внутренней своей цѣли, и къ внѣшнымъ условіямъ и преодолѣвать въ разъ начавшемся развитии серьезныя внѣшнія препятствія.

Что же произошло въ дѣйствительности? Каково состояніе пореформенной общины? Какова степень проявленной ею жизнедѣятельности? Наблюдаемъ ли мы въ общемъ ея разложеніе или развитіе?

Резюмирую вкратцѣ основные выводы моего изслѣдованія, предпринятаго для рѣшенія этихъ именно вопросовъ.

IV.

Пореформенная трансформація общины.

Для освѣщенія пореформенной жизнедѣятельности общины мнѣ удалось собрать и разработать статистическія данныя по большей половинѣ общинной Россіи (по 191 уѣзду). Необходимая приблизительная точность этихъ матеріаловъ установлена цѣлымъ рядомъ произведенныхъ мною взаимосопоставленій и взаимопровѣрокъ данныхъ изъ разныхъ источниковъ. Состояніе общины выражается этими цифрами въ основномъ проявленіи ея жизнедѣятельности,—въ степени развитія уравнительныхъ передѣловъ земли (къ 1897—1902 гг. т. е. черезъ 35—40 лѣтъ послѣ реформы). Общіе итоги этого учета общинно-передѣльной жизнедѣятельности были даны уже мною въ печати (въ моей книгѣ «Народное право» и въ кн. г. Веніаминова «Крестьянская община»), а теперь будутъ даны въ гораздо болѣе подробномъ видѣ во II-мъ томѣ «Русской общины». Такимъ образомъ, я возвращался къ этому резюмированію основныхъ итоговъ пореформенной общинной жизнедѣятельности три раза, и каждый разъ не только подвергалъ цифры механической провѣркѣ, но и вносилъ различные варіанты исчисленія. Кромѣ того, въ послѣдній разъ я замѣнилъ старыя общія свѣдѣнія о крестьянскомъ землевладѣніи 1877 года новѣйшими данными изслѣдованія 1905 года. Приведу здѣсь результаты произведенныхъ мною исчисленій для II тома «Русской общины» въ двухъ варіантахъ:

	% семей въ общинахъ съ разверстками:							
	Безпередѣльной наслѣдственной (ревизской).	Съ зачатками уравнительности.	Съ частичными и переходными формами уравнительности.	Съ неясной передѣльной разверстк. по «новымъ душ.».	Съ передѣлами по неопредѣлен. или смѣшан. принципу.	Съ типично-уравнительными по рабочему принципу.	Съ уравнительно-передѣльной по наличн. душамъ муж. п.	Съ уравнит.-передѣльной по потребительному принц. («по ѣдок.»).
	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII
Исчисленіе *а* . .	21,5	5,0	7,4	5,1	5,9	12,5	34,7	7,9
Исчисленіе *б* . .	17,4	4,9	7,3	5,4	5,8	12,4	37,1	9,7

Для правильнаго истолкованія приведенныхъ итоговъ надо имѣть въ виду, что по цѣлому ряду причинъ и соображеній эти цыфры представляются *замѣтно преуменьшающими* % передѣльныхъ, жизнедѣятельныхъ и соотвѣтственно преувеличивающими % безпередѣльныхъ, нежизнедѣятельныхъ общинъ. Укажу, напримѣръ, хотя бы на то, что въ окраинномъ сѣверномъ многоземельномъ районѣ отсутствіе передѣловъ вовсе не означаетъ замиранія общинной жезнедѣятельности, которая, наоборотъ, здѣсь, подобно Сибири, еще не успѣла развиться, но постепенно является и должна развиться въ близкомъ будущемъ; внося только одну эту поправку, мы должны уже исключить изъ категоріи безпередѣльныхъ и почти безпередѣльныхъ общинъ 3,4% семей. Принимая же во вниманіе всѣ вообще поправки, мы должны резюмировать передѣльную жизнедѣятельность общины въ настоящее время въ слѣдующихъ *приблизительныхъ круглыхъ* цифрахъ.

Изъ всѣхъ 60 милліоновъ общиннаго населенія Европейской Россіи приходится на долю вовсе безпередѣльной замершей общины (группа I). . . 10%
зачаточно-передѣльной (группа II) 10%
перех., неясн., смѣшан., и неопред. формъ (гр. III IV V). 15%
типично-уравнительныхъ рабочихъ разверстокъ (гр. VI) 15%
налично-мужскихъ (гр. VII) 40%
потребительныхъ (гр. VIII). 10%

Или, резюмируя итогъ въ двухъ цифрахъ, мы получаемъ: 1/5 (20% въ I и II гр.) населенія въ замершей или почти замершей общинѣ и 4/5 общиннаго крестьянства въ вполнѣ или почти жизнедѣятельной общинѣ.

Ясно, что, только крайне идеализируя общину и вообще русское крестьянство, можно было бы ожидать большаго и считать такой уровень общинной жизнедѣятельности при данныхъ измѣнившихся въ отрицательную сторону условіяхъ низкимъ. Произведенный мною затѣмъ подробный анализъ измѣненія состоянія общины въ четыре пореформенныхъ десятилѣтія, а также разницы ея жизнедѣятельности въ разныхъ районахъ и у разныхъ разрядовъ крестьянъ и при другихъ различныхъ условіяхъ еще гораздо яснѣе и ярче рисуетъ внутреннюю силу и внутреннее развитіе

именно пореформенной, раскрѣпощенной и болѣе или менѣе «самовольной» крестьянской общины. Въ этомъ краткомъ очеркѣ было бы слишкомъ длинно даже только перечислять всѣ эти частные выводы, такъ что укажу лишь нѣкоторые главнѣйшіе изъ нихъ.

Во-первыхъ, сравненіе во времени указываетъ на безпрерывный ростъ внутренней общинно-передѣльной самодѣятельности. Въ 60-ые и 70-ые годы эта самодѣятельность или почти отсутствуетъ, или имѣетъ внѣшне-принудительный характеръ, съ 80-хъ же годовъ и затѣмъ въ 90-ые годы,—т. е. именно тогда, когда интеллигенція отвернулась отъ крестьянства и обрекла общину на разложеніе,—она быстро повсюду пробудилась и затѣмъ, разъ пробудившись, уже не шла назадъ и не останавливалась, а безпрерывно росла и развивалась.

Во-вторыхъ, за это же время община успѣла пережить и преодолѣть цѣлый рядъ отрицательныхъ условій (главнымъ образомъ, частью механизирующее, частью индивидуализирующее вліяніе выкупа), дожила до болѣе нормальныхъ условій (главнымъ образомъ, до нормальнаго положительнаго отношенія къ надѣлу вмѣсто прежняго, нерѣдко равнодушнаго или даже отрицательнаго) и развернула при ихъ наступленіи болѣе самопроизвольную и прочную передѣльную самодѣятельность.

Въ третьихъ, однимъ изъ крупнѣйшихъ и характернѣйшихъ явленій пореформенной жизни общины было то, что на многоземельныхъ окраинахъ индивидуалистическій, такъ сказать, до-общинный режимъ семейно-захватнаго владѣнія безпрерывно и неуклонно перерождался въ уравнительно-передѣльное владѣніе, такъ что не только старая община въ Европейской Россіи продолжала жить и развиваться, но нарождалась и молодая община въ новыхъ заселяемыхъ и просыпающихся къ соціальной жизни окраинахъ.

Въ четвертыхъ, наконецъ,—что для разсматриваемаго нами въ этомъ очеркѣ вопроса о предѣлахъ внѣшнихъ вліяній на общину особенно интересно,—«застываніе» ея въ безпередѣльномъ состояніи (а также—изрѣдка отмираніе ея въ видѣ формальнаго перехода къ подворному владѣнію) наблюдалось въ мало-мальски серьезныхъ размѣрахъ почти исключительно у бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, т. е. именно у тѣхъ, которые испытали наибольшее давленіе извнѣ и при томъ какъ разъ въ западныхъ, черноземныхъ и южныхъ губерніяхъ, гдѣ это крѣпостное давленіе частью имѣло тягчайшую форму,—барщину, а не оброкъ,—частью же прямо таки вовсе исключало внутреннюю общинную самодѣятельность.

Но въ по-реформенный періодъ, т. е. именно тогда, когда изъ-подъ общины былъ вынутъ предполагаемый ея фундаментъ крѣпостного государства, и она была, наоборотъ, поставлена на наклонную плоскость къ упадку и распаденію,—именно въ этотъ критическій періодъ земельная крестьянская община выросла не

только количественно, но значительно повысилась и *качественно*. Опять таки я не могу здѣсь даже полностью перечислить всю массу проявленій этого внутренняго качественнаго прогресса въ общинѣ, такъ какъ для подробнаго ихъ обрисованія потребовалась цѣлая книга. Могу только кратко указать на то, что наиболѣе бросается въ глаза.

Самое первое и общее впечатлѣніе отъ фактически-статистическаго изученія общины въ результатѣ четырехъ десятилѣтій пореформенной ея жизни, это—огромное разнообразіе ея формъ, какъ въ способахъ, такъ и въ принципахъ уравнительныхъ передѣловъ. Это разнообразіе уже было мною выдвинуто и обрисовано въ I томѣ «Русской общины», но тогдашній обзоръ, основанный на матеріалахъ 80-хъ годовъ, какъ оказалось, даетъ только слабое и неполное о немъ представленіе, ибо послѣднія 10-15 лѣтъ явили множество новыхъ разновидностей. Само собой разумѣется, что дореформенная община была гораздо бѣднѣе оттѣнками, была несравненно проще и шаблоннѣе. Ясно, что уже одна эта появившаяся и все растущая многоформенность и многосложность говоритъ ярко и безспорно объ обиліи внутренней жизни въ общинѣ. Анализируя затѣмъ эти вновь появляющіяся общинныя формы по ихъ цѣлесообразности, мы съ очевидностью усматриваемъ, что во всѣхъ отношеніяхъ онѣ выше старыхъ и составляютъ крупный шагъ впередъ, какъ въ смыслѣ приспособленія къ внѣшнимъ условіямъ, такъ, особенно, въ смыслѣ соотвѣтствія основной внутренней цѣли общины,—всесторонней уравнительности владѣнія.

Дореформенная община представляла два типа уравнительнаго движенія: частныхъ передѣловъ («свалокъ-навалокъ») по рабочимъ «тягламъ» (брачно-рабочимъ парамъ) у крѣпостныхъ, и общихъ передѣловъ при ревизіяхъ по наличнымъ мужскимъ душамъ у бывшихъ государственныхъ крестьянъ. Отклоненія отъ этихъ двухъ узкихъ, однообразныхъ и механическихъ, извнѣ установленныхъ типовъ поравненія были, на сколько мы знаемъ, крайне рѣдки и совершенно случайны. Въ пореформенный періодъ массы общинъ въ своихъ уже «самовольныхъ» передѣлахъ чрезвычайно усложнили и обновили эти формы. Однѣ общины замѣнили общіе передѣлы частными, другія, наоборотъ, частные—общими, многіе скомбинировали въ различныхъ сочетаніяхъ и тѣ, и другіе, нѣкоторыя ввели частичныя дополненія и усовершенствованія, какъ оставленіе отдѣльныхъ участковъ «въ запасъ» и т. п. Также и въ принципахъ распредѣленія не только явились десятки видовъ и сотни частныхъ оттѣнковъ двухъ типовъ,—рабочей и налично-мужской разверстокъ,—но и выработался, опять таки въ десяткахъ разновидностей, новый высшій по степени приближенія къ цѣли,—уравнительности владѣнія—типъ чисто потребительныхъ, «ѣдоковыхъ» разверстокъ (т. е. по душамъ обоего пола со множествомъ варіацій въ надѣленіи различныхъ ихъ категорій).

Такимъ образомъ, раскрѣпощеніе общины привело, несмотря на неблагопріятныя его условія, къ тому, что она хотя дѣйствительно въ значительной степени сбросила старую казенно-крѣпостную оболочку, но не для того, чтобы распасться, а наоборотъ, для того, чтобы замѣнить ее высшими, болѣе цѣлесообразными передѣльными формами, болѣе или менѣе самопроизвольно и постепенно выработанными за 30-40 лѣтъ ею самой. При этомъ этотъ процессъ обновленія и усовершенствованія успѣлъ уже захватить не единичныя общины, а массы ихъ,—не сотни, и даже не тысячи, а десятки тысячъ общинъ. Въ частности, напримѣръ, новая потребительная разверстка охватила уже не менѣе 20 тысячъ общинъ и при томъ не въ одной какой либо полосѣ Россіи, а во всѣхъ районахъ (она констатирована болѣе чѣмъ въ трехъ четвертяхъ уѣздовъ)*).

---

*) Естественно, что въ нашей литературѣ, вообще почти совершенно не занимающейся изученіемъ дѣйствительной конкретной общины, а пробавляющейся безконечнымъ повтореніемъ избитыхъ шаблонныхъ апріорныхъ о ней мнѣній, совершенно, какъ общее правило, и не подозрѣваютъ объ этомъ пореформенномъ обновленіи и усовершенствованіи общины. Разительный примѣръ такого игнорированія дѣйствительности представляютъ критическія замѣчанія А. А. Кауфмана по поводу «Крестьянской общины» П. Веніаминова (въ «Московскомъ Еженедѣльникѣ» № 7 и 8, 1908 года). Даже и этотъ выдающійся изслѣдователь современной общины на многоземельныхъ окраинахъ въ «процессахъ ея зарожденія и роста», повидимому, совершенно не освѣдомленъ о процессахъ дальнѣйшаго ея развитія и усовершенствованія въ основной массѣ общиннаго крестьянства Европейской Россіи. Не отрицая указываемыхъ моими матеріалами фактовъ такого усовершенствованія, онъ частью вовсе умалчиваетъ о нѣкоторыхъ изъ нихъ, частью пытается ослабить ихъ значеніе указаніемъ на то, что община функціонировала и въ дореформенный періодъ и что различные способы разверстокъ связаны съ опредѣленными условіями. Ясно, что умолчаніе не есть возраженіе. Указаніе на дореформенную общину тоже есть простое уклоненіе отъ вопроса: вѣдь я не отрицаю дореформенной жизни общины, а указываю на большую разницу между нею и современной: я не представляю себѣ, чтобы у г. Кауфмана хватило смѣлости отрицать эту качественную разницу, но тогда и отъ этого возраженія его ничего не остается. Наконецъ, приспособленность новой общины къ новымъ условіямъ есть, во-первыхъ, само по себѣ проявленіе ея жизни и развитія, а во-вторыхъ, нисколько не исключаетъ, а, наоборотъ, составляетъ лишь необходимое условіе того общаго приспособленія общинныхъ формъ къ ея основной цѣли,—земельному поравненію,—о которомъ опять таки лишь умалчиваетъ, но которое врядъ ли рѣшится отрицать мой уважаемый критикъ... Во II томѣ «Русск. общины» я отвѣчаю подробнѣе г. Кауфману. Здѣсь же отмѣчу только, что въ общемъ замѣчанія его обличаютъ такого эмпирика—скептика, который не повѣритъ, пока самъ «не вложитъ персты». Пожалѣвъ о томъ, что онъ этого не сдѣлалъ, т. е. не изучилъ самолично всѣхъ формъ современной общины, приходится, однако, указать, что такая позиція «Ѳомы невѣрнаго» врядъ ли допустима въ наукѣ. Одно изъ двухъ: если г. Кауфманъ не вѣритъ фактамъ и числамъ моего изслѣдованія, то онъ долженъ это высказать и обосновать; если же онъ вѣритъ имъ, то нельзя о нихъ умалчивать и приходится признать необходимо связанные съ ними выводы.

Но этимъ установленіемъ новыхъ формъ и принциповъ уравнительныхъ передѣловъ далеко не исчерпывалось, да и не могло исчерпываться пореформенное обновленіе общины. При всякихъ основаніяхъ земельнаго поравненія жизнь выдвигала длинный рядъ разнообразныхъ случаевъ, такихъ отдѣльныхъ, говоря юридическимъ языкомъ, «казусовъ», что требовалось частное истолкованіе, детальное развитіе этихъ общихъ основаній. Укажу здѣсь на двѣ категоріи такихъ казусовъ, важнѣйшія какъ по количеству случаевъ, такъ и по внутреннему правовому значенію. Это, во-первыхъ, вопросъ о земельныхъ правахъ различныхъ лицъ, вполнѣ или отчасти лишенныхъ такихъ правъ (приписные безъ надѣла, незаконнорожденные, «зятья» изъ чужихъ общинъ и т. п.) и, во-вторыхъ, о правахъ на надѣлъ хозяевъ, лично имъ не пользующихся (отсутствующіе, бездомовые, безлошадные, безрабочіе и т. п.). Не только практическое значеніе этихъ вопросовъ было значительно, такъ какъ отъ рѣшенія ихъ зависѣла въ общемъ судьба нѣсколькихъ милліоновъ людей, но еще болѣе велико было принципіальное правовое ихъ значеніе, ибо именно на этихъ частныхъ случаяхъ могли и неизбѣжно должны были обнаружиться основные принципы крестьянскаго общиннаго правосознанія, подобно тому, напримѣръ, какъ въ рѣшеніяхъ высшихъ судебныхъ инстанцій, толкующихъ законъ, на частныхъ случаяхъ обнаруживается общій духъ закона и самъ онъ конкретизируется и значительно развивается.

Такое выявленіе и произошло въ дѣйствительности. Въ массѣ разнообразнѣйшихъ фактовъ обрисовалось развитіе того самаго *трудового права*, которое, какъ установлено въ I томѣ «Русск. общины», состоитъ изъ двухъ принциповъ: *права на трудъ*, т. е. права каждаго общинника на землю, какъ на средство существованія, и *права труда*, т. е. права каждаго на полный результатъ вложеннаго имъ въ его надѣлъ труда. Синтезъ этихъ принциповъ и привелъ къ замѣнѣ чисто формальныхъ и безусловныхъ правилъ категорическаго надѣленія или ненадѣленія тѣхъ или иныхъ категорій условными правилами, обезпечивающими надѣленіе всѣхъ, но лишь при условіи трудового пользованія. Такимъ образомъ, то трудовое право, на основѣ котораго, какъ это теперь признано едва ли не единогласно всѣми изслѣдователями, складывалась и складывается община изъ первоначальнаго семейно-захватнаго владѣнія, было тѣмъ центромъ, тѣмъ прочнымъ стволомъ, изъ котораго вѣтвилось и росло общинное право и на дальнѣйшихъ ступеняхъ его развитія и совершенствованія въ новой пореформенной общинѣ.

Но сказаннымъ еще не исчерпывается внутреннее развитіе и обновленіе пореформенной общины, совершавшееся несмотря на рядъ внѣшнихъ законодательно-административныхъ тормазовъ. Едва ли не самымъ важнымъ проявленіемъ этого развитія надо признать не самое установленіе новыхъ, болѣе совершенныхъ, болѣе сообразованныхъ съ условіями и съ цѣлью формъ уравнительности, а то,

что формы эти превращались изъ эмпирически полусознательно сложившихся *фактовъ* въ опредѣленное осознанное *право* и въ обобщенное *правосознаніе*. Этотъ процессъ, если можно такъ выразиться, «юридизаціи» фактическихъ отношеній опять таки уже установленъ мною въ 1 томѣ «Русской общины» для первичнаго фазиса развитія общины: первоначальный «вольный захватъ» скорѣе фактъ, чѣмъ право, и только вмѣстѣ съ его ограниченіемъ и съ развитіемъ общинно-уравнительнаго владѣнія устанавливаются опредѣленныя и осознанныя правовыя нормы. Такой же процессъ пережила община и въ дальнѣйшихъ фазисахъ своего развитія въ пореформенный періодъ. Съ одной стороны, она унаслѣдовала отъ прошлаго нѣкоторыя формальныя правовыя нормы, — главнымъ образомъ право ревизской души и право выкупающаго надѣлъ,— при чемъ эти извнѣ данныя права укрѣпляли личное право противъ общиннаго. Съ другой стороны, развилась внутриобщинная борьба за землю, все болѣе остро, широко и опредѣленно ставившая основные вопросы общиннаго права: кто и почему имѣетъ право на землю? Въ результатѣ, какъ раньше общинные передѣлы побѣдили фактическій личный захватъ, такъ и теперь они побѣдили формальное личное право фактическихъ «державцевъ» надѣловъ, право выкупа и «ревизской души».

Эта побѣда общиннаго *права* надъ *фактомъ* сказалась не только во всей вышуказанной массѣ усовершенствованій общинно-передѣльныхъ формъ, которыя, очевидно, могли осуществляться, только какъ все болѣе осознаваемое право, но и въ рядѣ прямыхъ проявленій. Такъ, статистически установлено, что, какъ общее правило, при передѣлахъ выигрываетъ меньше двухъ третей хозяевъ, нерѣдко выигрываетъ даже меньше половины, такъ что передѣлы осуществляются лишь благодаря тому, что замѣтная часть хозяевъ голосуетъ вопреки непосредственному своему интересу, очевидно, либо дѣйствуя подъ вліяніемъ болѣе далекаго разсчета, т. е. смотря на общинные передѣлы, какъ на земельное страхованіе, либо подчиняясь общему праву, какъ требованію справедливости. Крайне характерно затѣмъ, что только первые передѣлы въ пореформенный періодъ, когда впервые приходилось крестьянству самому «самовольно» обсудить и рѣшить сложнѣйшее столкновеніе интересовъ и правъ различныхъ группъ общинниковъ,—проходили бурно, часто съ затяжной тяжелой борьбой, иногда съ насиліями и даже съ кровопролитіями, повторные же передѣлы, какъ общее правило, шли уже гладко, часто вовсе безъ борьбы или развѣ съ слабой борьбой: они прокатывались какъ по протоптанной колеѣ, какъ по проложеннымъ рельсамъ, согласно уже осознаннымъ и принятымъ общимъ правовымъ основаніямъ. Наконецъ, это осознаніе правового существа общины совершенно ясно выразилось и въ прямыхъ отвѣтахъ крестьянъ на спеціально организованный мною опросъ (въ 1902 г. т. е., когда крестьянство не было еще затронуто никакими «пре-

вратными идеями» извнѣ): всюду значительное большинство высказалось за общину и совершенно отчетливо указало на ея суть и на главныя ея достоинства и недостатки. Такимъ образомъ фактами и цифрами устанавливается, что современная община не есть эмпирическій, случайно оставшійся отъ прошлаго фактъ, а есть результатъ современнаго правового творчества русскаго крестьянства *).

Наконецъ, для правильнаго представленія о степени внутренней жизнеспособности современной крестьянской общины имѣетъ первостепенное значеніе еще одно обстоятельство, которое, на сколько знаю, совершенно игнорируется въ разсужденіяхъ объ общинѣ. Это—тотъ фактъ, что параллельно съ развитіемъ общины шло культурное развитіе крестьянства. Можно, конечно, спорить о степени и темпѣ этого развитія, но то, что современное крестьянство, гдѣ уже лишь выходящіе изъ жизни старики хорошо помнятъ крѣпостное право, рѣзко отличается отъ стараго до-реформеннаго, что земская школа, вліяніе города, отхожихъ промысловъ и т. п., все болѣе просвѣтляли каждое новое поколѣніе крестьянства,—все это явленія безспорныя и очевидныя. Предпринявъ, исходя изъ этихъ явленій, особое изученіе порядковъ на сходахъ крестьянскихъ обществъ, характера обсужденія и рѣшенія дѣлъ, вліянія на нихъ

*) Здѣсь я долженъ также сдѣлать еще одно краткое указаніе въ отвѣтъ на замѣчанія А. А. Кауфмана,—наиболѣе серьезнаго критика моихъ послѣднихъ работъ. Находя выводы моего „Народнаго права" слишкомъ оптимистическими, онъ указываетъ, что помимо анализируемыхъ мною чисто правовыхъ началъ народно-трудового быта, въ народѣ имѣютъ большую силу не-правовыя или даже противо-правовыя явленія: простая, почти физическая борьба, гдѣ одерживаютъ верхъ голая сила и хищничество. Замѣчаніе это составляетъ простое недоразумѣніе. Само собою разумѣется, что я это знаю и этого не отрицаю, какъ не отрицали даже самые крайніе старые народники-идеализаторы. И только именно потому, что это есть сама собой подразумѣвающаяся очевидность, мнѣ не пришло и въ голову дѣлать такія элементарныя оговорки. Конечно, если бы я писалъ политическій трактатъ и въ немъ всесторонне учитывалъ ту соціально-политическую силу, которую представляетъ русское крестьянство, то мнѣ пришлось бы много говорить объ этомъ. Но, поставивъ себѣ задачу *соціологическаго изслѣдованія* обычнаго „народнаго права", я естественно занимался явленіями права, а не безправія, и меня нѣсколько удивляетъ, что изъ этого получился выводъ объ игнорированіи мною явленій безправія. Это тѣмъ болѣе странно, что при внимательномъ отношеніи къ настойчиво выдвинутому мною (слѣдуя Н. К. Михайловскому) разграниченію между *типомъ* и *степенью* въ развитіи соціальныхъ формъ, отпадаетъ уже всякая возможность обвинять меня въ оптимизмѣ: я доказываю высоту *типа*, но самъ же подчеркиваю сравнительно еще низкую *степень развитія* народнаго права. И затѣмъ, если говорю о значительной все таки его силѣ, то не безусловно, а лишь по сравненію съ „бумажнымъ" закономъ. А эти мои указанія относительно безсилія закона подавить, напримѣръ, „самовольное" переселеніе, „самовольную" семью и „самовольную" общину повторяетъ, къ моему удовольствію, и самъ А. А. Кауфманъ.

разныхъ группъ и т. д., я получилъ чрезвычайно яркую картину (для различныхъ мѣстностей Россіи опять таки еще въ 1902 г.) соотвѣтственнаго прогресса въ этихъ «мірскихъ распорядкахъ». Несмотря на преобладающій скептическій и обличительный тонъ корреспондентовъ земской статистики, которымъ были заданы эти вопросы, въ значительномъ большинствѣ случаевъ рисуется съ теченіемъ времени замѣтная перемѣна къ лучшему и въ порядкѣ обсужденія, и въ сознательности и добросовѣстности рѣшенія, и въ степени вліянія на сходахъ «молодыхъ», «грамотныхъ», «толковыхъ» и т. д. Все это бросалось въ глаза самимъ крестьянамъ и другимъ мѣстнымъ наблюдателямъ, повторяю, еще въ 1902 г.; понятно, что за прожитые съ того времени годы это общее повышеніе культурности въ сельскихъ обществахъ, это повышеніе вліянія новаго, молодого, сознательнаго крестьянства сдѣлало еще большіе успѣхи.

Но если все это такъ, то какимъ же образомъ мыслимо говорить о современной общинѣ, какъ объ остаткѣ старыхъ общинныхъ «инстинктовъ», «привычекъ», традицій» (таковы самыя ходячія слова даже у сторонниковъ общины)? Могло ли развитіе культуры въ крестьянскомъ «міру» идти какъ-то параллельно, но отдѣльно отъ развитія общины? Уже апріорно очевидно, что не могло по той простой причинѣ, что вопросы о земельномъ равненіи были главнѣйшіе изъ вопросовъ, обсуждавшихся этимъ міромъ. Но болѣе того, мы знаемъ прямо фактически по тысячамъ описаній наблюдателей земской статистики, что именно въ борьбѣ за передѣлы деревня дѣлилась на стариковъ, кулаковъ и темныхъ, съ одной стороны, и молодыхъ, бѣдныхъ и «сознательныхъ»—съ другой, что именно послѣдніе боролись за общинное уравненіе, а первые противъ него, что, слѣдовательно, пореформенное пробужденіе общины было не только связано съ пореформеннымъ культурнымъ пробужденіемъ крестьянства, но было отчасти прямымъ его либо слѣдствіемъ, либо проявленіемъ. Понятно, что если такимъ образомъ современная община представляетъ не остатокъ угасающей исторической инерціи, а порожденіе слагающейся молодой народной культуры, то мы должны предположить въ ней не минимумъ, а максимумъ внутреннихъ силъ и къ сопротивленію внѣшнимъ разрушительнымъ вліяніямъ, и къ созидательной творческой самодѣятельности.

Итакъ, фактическое и статистическое изученіе современной крестьянской общины со всѣхъ сторонъ приводитъ къ одному и тому же выводу: поставленная при освобожденіи законодательствомъ на наклонную плоскость къ упадку и распаденію, она не только не покатилась внизъ по этой плоскости, но, наоборотъ, двинулась вверхъ, къ укрѣпленію и усовершенствованію *). Ясно,

---

*) Повторяю еще разъ, что въ этомъ краткомъ очеркѣ я лишь пере-

что если этотъ выводъ вѣренъ хотя бы въ нѣкоторой своей части, то этотъ подъемъ и прогрессъ въ пореформенной общинѣ могли быть результатами только внутренняго двигателя, внутренней ея самодѣятельности. Такимъ образомъ, конкретное изученіе приводитъ насъ къ подтвержденію того апріорнаго предположенія, что судьба общины не можетъ зависѣть только отъ внѣшнихъ ея условій и тѣмъ болѣе только отъ одного изъ этихъ условій,—законодательно-административнаго воздѣйствія, что рядомъ съ нимъ, какъ самостоятельная и какъ могущая съ нимъ бороться сила, стоитъ внутренняя трансформація самаго обычнаго общиннаго права, связанная съ борьбой за землю и съ общей хозяйственной и культурной жизнью крестьянства.

Но мы имѣемъ возможность не ограничиваться этими общими сопоставленіями, основанными на всей вообще пореформенной трансформаціи общины; мы можемъ разсмотрѣть вопросъ о сравнительномъ значеніи въ жизни общины закона и обычнаго права болѣе прямо и конкретно на особенно характерномъ частномъ эпизодѣ: на попыткѣ законодательно-административной регламентаціи общины въ 1893 году. Къ этому и перейдемъ теперь.

К. Качаровскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

сказалъ вкратцѣ самые общіе выводы своего изслѣдованія; читатели же, желающіе разсмотрѣть и провѣрить эти выводы, найдутъ соотвѣтственные матеріалы во II томѣ „Русской общины“.

ВЪ СТЕПИ.

I.

На линіи.

— А вы куда?

Молодая женщина осмотрѣла его внимательно, пытаясь угадать, куда можетъ идти этотъ человѣкъ?

Лохматая овечья куртка, раскрытая вверху, обнажала высокую бронзовую грудь. На смуглой головѣ сидѣлъ полинялый картузъ съ потертымъ бархатнымъ околышемъ, и помятый козырекъ торчалъ въ сторону. Колоски и стебельки травъ усѣивали его куртку и пристали къ груди, засохшіе лепестки цвѣтковъ степного сѣнокоса осыпали его голову, слетали съ бровей и рѣсницъ. Задумчиво онъ смотрѣлъ вокругъ, и въ мягкихъ глазахъ его сквозило глубокое, свое, дальнозоркое, какъ въ глазахъ степныхъ птицъ, стороннее людямъ. Это и открытое лицо его влекли къ нему.

Она видѣла днемъ, какъ онъ скитался по станціи съ этимъ же отчужденнымъ отъ людей видомъ. Къ нему подходили станціонные, заговаривали, онъ коротко отвѣчалъ и удалялся въ сторону. А къ ней онъ подсѣлъ и разговорился.

— Тутъ я. При станціи. Съ пассажирами, когда бываетъ, ѣзжу подводой. Духъ отъ васъ степовой... васильки, мяты... чернобривца. Изъ степовой самой балки...

Онъ разсказывалъ о балкахъ, о плавняхъ, камышахъ, о лошадяхъ и овцахъ, и теперь, болтая съ ней и глядя на ея горячо-золотистое румяное лицо, онъ былъ, видимо, доволенъ и этой встрѣчей, и своей осыпанной сѣномъ головой, и картузомъ съ торчавшимъ въ сторону козырькомъ, и тѣмъ, что вотъ онъ ѣздитъ по дорогамъ и можетъ бесѣдовать съ людьми, отъ которыхъ пахнетъ васильками.

Женщина старалась угадать, кто бы онъ могъ быть, этотъ человѣкъ: мужикъ не мужикъ, изъ благородныхъ будто. На станціяхъ всякій народъ попадается, но отъ этого шло

деревенское, знакомое, близкое. Несмотря на то, что онъ сидѣлъ рядомъ, касался, смотрѣлъ на нее, любуясь и точно вдыхая ея свѣжесть, она не смущалась, и глаза и улыбка свѣтились на лицѣ ея довѣрчивой ясностью.

— Что-то встрѣчала будто раньше, видѣла васъ. Не изъ Громоклеи будете?

— Бываю тамъ, можетъ, видали... Одно время жилъ.

— А я работала тамъ. Изъ Марко-Гаюса я. Дивчатъ въ Громоклею на работы брали изъ Марко-Гаюса. А теперь вотъ замужъ пошла въ Андреяшевку, живу тамъ.

Они сидѣли одни у подъѣзда къ станціи на сложенныхъ кирпичахъ. Она проводила свою младшую сестру въ городъ на службу, пришлось ждать поѣзда до вечера. За дальними далями скрывались ненасытные, хитрые, прожорливые города. Они таились, прятались въ невидимыхъ пространствахъ, какъ пауки, а сюда протянули по землѣ свои цѣпкіе черные рельсы, гудящіе телеграфные провода, опоясали степь, охватили и впились въ нее и тащатъ изъ степи вагонами все себѣ, все себѣ: хлѣбъ, скотъ, птицу, травы, плоды. Теперь вотъ людей таскать стали, все молодыхъ. А станція, какъ соглядатай, какъ караульный, хищно сторожитъ степь...

Ей надо было идти. Она вглядывалась въ меркнувшія балки, которыя стелились вокругъ станціи, и медлила. Днемъ жгло и пекло, лучи, переливаясь, звенѣли надъ полями, отъ зноя стояла мгла, и не было замѣтно пустынности степи. А теперь, съ угасаніемъ дня обнажилось, какъ глухо и пусто вокругъ. Гдѣ-то во дворѣ, что раскинулся невдалекѣ станціи, тявкала собака, тявкала безъ нужды, тоскуя по звукамъ въ молчаніи вечера. Стрекоталъ затерявшійся кузнечикъ въ ближней травѣ, и отъ его одинокаго стрекотанія сиротливѣй становилось вокругъ. И ее не тянуло въ дорогу.

— Знаю и Марко-Гаюса. Всѣ мѣста знаю. По настоящему Ангелиновкой называется. Была земля когда-то Марка-Гаюсова. Воеводой былъ. Земли имѣлъ отъ края до края. Потомъ до племянника земля перешла, отъ него до сына, а потомъ нѣмцы землю откупили. Всю округу нѣмцы закупили...

Онъ встрепенулся, и волнующимся голосомъ, дѣлая отрывистыя, во всѣ стороны движенія, продолжалъ:

— Былъ тамъ прудъ, огромный, десятинъ двѣсти, а то и больше, какъ лиманъ. Гребля тянулась версты двѣ, кругомъ гребли вербы, лознякъ. Карасей, карповъ, линей, плотвы сколько тамъ водилось! Щуки—такія вотъ. Карасей руками ловили. Весной, когда листъ яраго дуба развивается, начинаетъ тогда линь биться, плотва на солнышкѣ играетъ, будто серебро ходитъ по водѣ. А когда солнце за степь

зайдетъ, станетъ тихо, тогда черепахи на берегъ вылазили. Дерева росли кругомъ: берестъ, груши, осокорь, дубы, вязъ, тополи. На рединѣ пруда камышъ густой, высокій, темно днемъ, будто въ гирлахъ. Кто не зналъ ходовъ, сгинуть могъ въ камышахъ, не выбраться. Утокъ дикихъ, нырковъ гусей, куликовъ, бекасовъ—чего тамъ не было! Прилетали журавли, залетали лебеди. Рано-рано, до свѣта, еще только звѣзды начнутъ гаснуть, а въ камышахъ стонетъ, плещутся, шарахается, весь камышъ ходуномъ ходитъ, будто живой. Теперь ничего нѣтъ, весь камышъ уничтожили. Плавни высушили—капусту садятъ. Вербы на греблѣ нѣсколько штукъ осталось, трухлявы, и тѣ сохнутъ. А гребля осыпалась, оползла. Все вывелось. Одна капуста на версты тянется. Деньги за ту капусту нѣмцы гребутъ. Вагонъ за вагономъ отправляютъ. Надъ прудомъ стоялъ домъ съ колоннами, балконами, большія окна. Когда, бывало, солнце заходитъ, окна огнемъ горѣли, какъ пожаръ. Старый Марко строилъ. Двери, окна, полы—все дубовые. Сгорѣлъ домъ. Стѣны остались. Камень растаскиваютъ на колодцы, на заборы, мельницу паровую строятъ нѣмцы... Куда Гаюсы подались,—неизвѣстно. Громоклею мужики купили. Всю землю подѣлили и распахали. Сѣнокосы раньше на Громоклейскомъ степу были, въ весну на всю округу цвѣтомъ и сѣномъ пахло. Дрофы ходили стадами. Всякая птица степная гнѣздилась: куропатки, перепела, коростели. По балкамъ, по оврагамъ гущавина разросталась, водились волки, зайцы и лисицы. Какъ подѣлили землю, скотъ все вытопталъ. Плавни скотомъ забили. Все распахали, крутые овраги, что и не въѣдешь, и то распахали. Спустошили все. Степь сохнетъ. Пыль поднимается надъ степомъ, какъ на шляху. Отъ пыли, при вѣтрѣ, и солнца не видать...

Она понимала, что говорилъ этотъ человѣкъ. Все ушло—травы, заросли, птицы, четвероногія, рѣки, воды. Покидали степь, умирали, исчезали навсегда или блуждали, какъ призраки, укрываясь по оврагамъ и лощинамъ, и степь въ одиночествѣ изнемогала. Уходили настоящіе, прирожденные степные люди—у нея ушелъ братъ, сестра, осенью уйдетъ на заработки мужъ. А на ихъ мѣсто набѣжали новые торопливые люди, поглощенные чѣмъ-то своимъ, проложили рельсы, пустили огненные поѣзда, навезли паровыя молотилки, невиданные огромные паровые плуги, строятъ хутора, суетятся, точно трясетъ и гонитъ ихъ лихорадка. Рельсы сосутъ степь, какъ пьявки. То, что не ушло, поникло, разлѣзлось, забилось по угламъ и норамъ...

Знойная мгла уходила все выше и выше, разсѣивалась, и даль и небо становились прозрачными. Зажглась вечерняя

звѣзда. Тихую печаль возносила земля къ небу въ своемъ одиночествѣ, глядя задумчивыми глазами матери, у которой отняли дѣтей. А станція, какъ коршунъ въ поискахъ добычи, выспалась надъ степью, высматривая жертвы, и не отражались въ ея чертахъ ни потухавшее зарево, ни стрекотаніе кузнечика, потерявшагося въ травѣ, ни тихая тоска вечерней степи.

Человѣкъ поникъ головой и заговорилъ глуше:

— Отъ Громоклеи верстъ семь будетъ хуторъ Калмуцкій. Майорское тоже называется. Наша земля была, своя земля. Я вѣдь, Калмуцкій самъ. Дѣдова земля была: майоръ онъ былъ. Какъ пришла эта напасть, и стала степь пропадать, такъ и звѣри, и люди пошли на гибель. Вдругъ стало тѣсно. Земли много, степи краю нѣтъ, а провели дорогу, понаѣхали нѣмцы, и стало тѣсно. Бросался отецъ туда, сюда, ничего не выходило. Я былъ малый, какъ мы уже на чужой землѣ сидѣли, отецъ аренду держалъ въ Сепаритовѣ, въ Шацахъ и по той бокъ Великой балки, на Гетманскомъ хуторѣ. Жили на деревнѣ, по-крестьянски. Тамъ и померъ. Потомъ я уже держалъ землю, сперва сто-двѣсти, потомъ тридцать-сорокъ десятинъ, по разнымъ мѣстамъ. Всю округу знаю... Былъ у насъ въ Майорскомъ и домъ, и садъ надъ рѣчкой, и памятники—въ саду были на дѣдовой могилѣ и на прадѣдовой... И все пропало. Голо тамъ теперь, гладко, вотъ какъ на выгонѣ, слѣда не осталось: скотъ ходитъ деревенскій. Ровно и не было тамъ ни жилья, ни сада, ничего... Сѣялъ я хлѣбъ, овецъ держалъ, оженился, а потомъ цѣны на аренды поднялись, а года пошли худые, степь хлѣба не выдавала. Носилъ меня вѣтеръ по степи, трепалъ, и докатился я вотъ къ этой станціи. Теперь съ пассажирами ѣзжу. Думаю другой разъ,—всталъ бы дѣдъ, посмотрѣлъ... потомство свое...

Калмуцкій оживился и съ блескомъ въ глазахъ продолжалъ:

— Да, всталъ бы дѣдъ майоръ Калмуцкій и посмотрѣлъ! Все вѣдь о родѣ думалъ, склепъ построилъ для себя и для насъ, чтобы и въ гробахъ всѣ при мѣстѣ были, на своей землѣ. Я еще ничего, въ степи остался. А другіе, тоже потомственные, которые были по сосѣдству, тѣхъ и не сыщешь. Есть такіе люди, — могутъ жить всюду. Я не могу. Я вотъ только въ степи и могу жить. Хотя земли у меня нѣту своей, а мнѣ все одно, какъ родное, какъ свое, вся степь, всѣ балки, всѣ левады, и вѣтеръ, и дороги.

Женщина сидѣла и слушала. Онъ о степи говорилъ, какъ о женщинѣ, ей это было понятно и нравилось. Хорошо было возлѣ него, ласково, а когда вспоминала о дорогѣ, что-то

удерживало ее. Томила блуждающая, неопредѣленная смута. Вдругъ она тревожно зашевелилась, точно человѣческій взоръ пронизывалъ ее всю. Изъ-за какихъ то сараевъ сбоку глядѣлъ парень, плотный, плечистый. Потомъ рядомъ выросъ другой.

Оба были въ городскомъ платьѣ, въ распахнутыхъ пиджакахъ, перепоясанные широкими кушаками. Они смотрѣли на женщину и на Калмуцкаго. Пронырливо, по прямымъ линіямъ взглядывали ихъ глаза, и взоры этихъ выслѣживающихъ и ожидающихъ глазъ жестко захватывали и скребли все, на что устремлялись. Въ этихъ темныхъ фигурахъ было что-то, отъ чего вокругъ нихъ потухалъ тихій трепетъ вечера, а въ сумеречныхъ тѣняхъ напрягалось недоброе, подстерегающее...

Ей стало вдругъ стыдно. Она покраснѣла, заметалась, прикрыла обнажившуюся бѣлую шею. Парни прошли и скрылись за стѣной.

— Народу всякаго развелось по станціямъ...—смущенно сказала она:—Ишь какъ зиркаютъ...

— Городскіе,—остро взглядывая на нихъ, сказалъ Калмуцкій:—Подался я разъ тоже въ городъ. Много тамъ такихъ, безпотомственныхъ. Хорошее мѣсто мнѣ дали, богатъ былъ бы теперь. Имѣлъ бы свой домъ и капиталъ. Да вотъ, не могу тамъ жить. И народъ другой, и жизнь другая,—дѣваться некуда. Человѣкъ на человѣкѣ живетъ, а всѣ врозь, никто никого не знаетъ. И сами себя не знаютъ толкомъ, откуда они родомъ, что и куда, и какъ. И живутъ... А меня, какъ волка, все въ степь несетъ. Коней вотъ подкормилъ, теперь уйду. Подамся къ тому краю, къ Ягорлыку...

Изъ глазъ его лучилось это дальнее, степное, блуждающее, уходящее отъ людей. Все измѣнялось, приспособлялось, теряло свой обликъ, но онъ не сдавался и, какъ загнанный отощавшій звѣрь, не уходилъ изъ своихъ мѣстъ, блуждалъ и погибалъ вмѣстѣ съ травами, птицами, звѣрьми и всей степью. Мытарства его сливались съ общей гибелью всего степного. Что ему другая жизнь, гдѣ не было ни вѣтра, ни запаха травъ, ни мерцанія звѣздъ, ни стрекотанія кузнечика, ни этого вѣянія туманныхъ степныхъ далей!

Вздохнувъ, нехотя, поднялась женщина. Она взглянула въ степь и снова сѣла. По лицу ея скользнула печаль, она боролась съ собой. Снова поднялась.

— Идти надо. Дойду до невѣстки, недалеко тутъ, въ Вермишкиномъ хуторѣ. Пойду холодкомъ.—Добавила задумчиво:—Пусто въ степи теперь. Сумеречно.

И разсмѣялась весело, скользя по немъ тѣмъ же дальнозоркимъ взглядомъ, какой былъ у него.

— Если бы всѣ волки были такіе, какъ вы, то жить было бы хорошо на свѣтѣ!.. Есть люди хуже волковъ...

Калмуцкій тоже поднялся и посмотрѣлъ ей въ глаза.

— Буду ѣхать мимо Андреяшевки... можетъ, встрѣтимся,

Она потупилась и не отвѣтила.

Они прошли мимо буфета третьяго класса. Въ сѣрой залѣ было пусто. Прошли водокачку. Темной полосой выдвинулась вдоль рельсоваго пути густая защитная заросль. Женщина вздрогнула,—точно блеснуло оттуда что-то острое, искрящееся. Она отшатнулась и глядѣла туда неподвижно. Каменными и жесткими смотрѣли сумерки въ заросляхъ. Тамъ было тихо.

— Померещилось... Непутевое въ глаза бросается...

Она перекрестилась, и они снова пошли. Дальше начиналась степь. Калмуцкій направился наискось ко дворамъ, гдѣ дымились хатки, а женщина пыльной дорогой свернула къ лощинѣ.

И станція, и дворы скрылись. Сумеречная полоска надъ гранью земли угасала. Впереди лежала извилистая балка съ оврагами, а дальше сплошной бурой тьмой разлеглась степь. Женщина спустилась въ балочку—тамъ было душно. Дорога поднималась вверхъ, шла все прямо, а потомъ сворачивала на Вермищкинъ хуторъ. Женщина рѣшила идти не дорогой, а балкой, напрямикъ къ хутору, лежавшему въ низовьи.

Безмолвно было вокругъ. Ни шороха жизни. Окутанная смутнымъ мерцаніемъ поздняго вечера, насупившись, дремала балка. Женщина задумчиво пробиралась по дну балки вдоль сухого извилистаго русла вешнихъ водъ.

У оврага, заросшаго густымъ бурьяномъ, путница вдругъ остановилась. Будто что-то снова блеснуло въ глазахъ. Безпокойно глянула по сторонамъ.

Двѣ темныя фигуры двигались отъ зарослей. Одинъ отдѣлился и шелъ прямо на перерѣзъ пути женщины, а другой пересѣкалъ дорогу позади. Фигуры росли и приближались.

Сердце женщины дрогнуло и захолонуло.

...Спустилась ночь...

Въ душномъ мракѣ ея и степь, и женщина лежали распластанныя, полумертвыя, оголенныя, неподвижныя и нѣмыя...

II.

Скиталица.

Ев. Н. С—ой.

I.

Закутанная платкомъ поверхъ пальто, въ почтовой телѣжкѣ пробиралась къ себѣ осенней дорогой учительница изъ Андреяшевки.

Смутными призраками вставали дорожныя думы, проникали долгими задумчивыми взорами и напѣвали ей тихія пѣсни объ осеннихъ степныхъ даляхъ, о широкой вязкой дорогѣ, о зябнущихъ стебелькахъ и былинкахъ вдоль межъ и полей. Вились вереницы мечтаній, и въ плавномъ полетѣ сливались грусть и надежда, туманилось неизъяснимое и таинственное, какъ волшебная лиловая даль.

Вспаханная степь во влажныхъ бороздахъ чернѣла отъ края до края, низкія тучи ходили по небу, и пробѣгалъ холодный вѣтеръ. А ей было тепло и хорошо.

Двѣ жизни вставали передъ ней: большая семья, усадьба, ликующее дѣтство, которое вдругъ исчезло, точно въ сказкѣ, и новая жизнь, которая просвѣчивала въ туманныхъ покровахъ впереди. Тамъ должно расцвѣсть ея преображенное дѣтство. А теперь шли дни, какъ черныя и бѣлыя ленты, теперь она въ дорогѣ, осѣненная своими ожиданіями, она на пути къ этимъ далямъ...

Среди тихихъ дорожныхъ думъ ее озаряла радужная ясность. Близкое счастливое, родное плѣняло лаской привѣта... трепетъ пробѣгалъ по ней, и тогда она вдругъ узнавала себя, лошадей, и видѣла, какъ ямщикъ, кряхтя, вытаскивалъ свои сапожища и вновь погружалъ въ вязкую дорожную глину. Онъ то кричалъ на лошадей, то напѣвалъ, то, склонивъ голову, очарованно задумывался, забывая о лошадяхъ, и о телѣжкѣ, и брелъ въ полуснѣ, порой лишь дремотнымъ голосомъ восклицая: „а ну, ледачи“!..

Осеннее праздное раздумье прозябавшихъ полей переливалось въ Опанаса: его тянуло къ блужданію по дорогамъ, остановкамъ по корчмамъ, гдѣ собирались люди, гуторили и разсказывали длинныя были. Телѣжка ползла, вздрагивая на выбоинахъ, степь все ширилась, и нельзя было понять, что пѣлъ Опанасъ. Пѣсня вилась по степи вмѣстѣ съ долгими колеями дороги, кружилась степной птицей надъ за-

рослями въ лощинахъ и качалась по вѣтру съ уцѣлѣвшимъ на межѣ кустомъ буркуна.

Разодранные вѣтромъ клубы тучъ неслись по небу... былинки на поляхъ колыхались и трепались и зябли отъ холода. Одинокая дѣвушка, ѣхавшая въ телѣжкѣ, видѣла такое же одиночество въ природѣ, и душа ея, казалось, скитается съ вѣтромъ и съ задумчивыми пѣснями степи... Хотѣлось ѣхать въ даль безконечно...

Чего она хочетъ? Что ей нужно? Она не въ силахъ угомонить своихъ ожиданій, они постоянно волнуютъ ее.

Вотъ учительница въ Громоклеѣ, гдѣ она мѣняла лошадей, та совсѣмъ иное дѣло. Умѣетъ и запрягать, и править лошадьми. Выросла среди своихъ, дочь здѣшняго волостного писаря изъ Трубачевки. Беретъ въ аренду землю, сѣетъ хлѣбъ. Отецъ подарилъ корову,—она съ работницей сбиваетъ масло и продаетъ на базарѣ. Нескладная, худая, жилистая, скупая.—Какой-то письмоводитель и сидѣлецъ изъ казенной лавки присватываются къ ея садику и коровѣ. Въ Захарьевкѣ учительница тоже здѣшняя, вышла замужъ за молодого пономаря при церкви и тоже разводитъ куръ, гусей, индѣекъ, а онъ ѣздитъ съ батюшкой по деревнямъ и хуторамъ и собираетъ даянія. Въ гости ѣздятъ къ фельдшеру, лавочнику, въ волость. Хорошо имѣть такое маленькое счастье. Но ей мерещится что-то безпредѣльное, большое въ туманной дали...

Смутно звучитъ тихая пѣсня.

Ой у поли, поли, бѣлъ камень лежитъ,
А на томъ бѣлъ камени сивъ орелъ сидитъ...

Ей представляется среди безпредѣльной степи, надъ балками, буераками и курганами, одинокій орелъ. Ему не страшно одиночество: онъ покорилъ его, какъ покорилъ степь, и они лежатъ побѣжденныя передъ нимъ. Сильное и нѣжное вдругъ охватываетъ ее. Гдѣ-то близко сверкаютъ полныя отваги и призыва очи. Ее томитъ, ее влечетъ, она тянется къ нимъ...

Она очнулась отъ своихъ видѣній, и безпокойство зашевелилось на ея блѣдномъ личикѣ. Что-то долго они ползутъ по степи. Земля цѣплялась къ ободьямъ и спицамъ, и вмѣсто колесъ по бокамъ телѣжки тяжело огромныя черныя глыбы.

Съ каждымъ оборотомъ комья увеличивались, ворочались, лошади утомленно останавливались. Опанасъ кнутовищемъ отрывалъ отъ колесныхъ глыбъ увѣсистые пласты, они шлепались въ грязь, но скоро вновь наростали.

— Отъ-то дѣла! Не втикъ, не нагнавъ... ни живе, ни здыхае...—бормоталъ Опанасъ.

— Что вы тамъ говорите, Опанасъ?

Въ его голосѣ она уловила тревогу.

— Та я про коней...—утѣшительно говоритъ Опанасъ:— человѣкъ одинъ бѣжалъ, а другой нагоняетъ. Ну, спрашиваютъ его люди: что, утикъ? „Ни, не утикъ».—Такъ нагналъ его?—„Ни, не нагнавъ“. Ни втикъ, не нагнавъ. Такъ и кони...

Она не разобрала и не поняла, что говорилъ Опанасъ... Вдругъ ей почудилось, что небо и степь почернѣли, взвыли, опрокинулись,—она напряглась, сбросила съ себя налетѣвшее оцѣпенѣніе и увидала все то-же: лошади фыркали, ползли и застряли. Опанасъ махалъ кнутомъ, кричалъ: „а ну, ледачи, а ну!“... Впрягся самъ. Лошадь понатужилась, и веревочныя связанныя узлами постромки лопнули.

— Цыганская справа...

Надъ горизонтомъ густѣли и наливались гряды темныхъ грозящихъ тучъ. Вѣтеръ налеталъ оттуда и обвѣвалъ ея лицо. Накрапывало. Оглянулась назадъ,—отлого поднималась пустынная, зябнущая степь. Прозрачность воздуха была холодная, суровая, точно дневной свѣтъ проходилъ сквозь ржавое коричневое стекло. Рука и спина съ вѣтряной стороны коченѣли, и стыли ноги.

Опанасъ досталъ откуда-то веревки, перевязалъ постромки и снова принялся кричать: „а ну, а ну!“...

Телѣжка двинулась.

Вотъ и верхъ ската. Лошади напряглись. Ихъ спины изогнулись дугой, точно огромныя рыбы. Лѣвая лошадь уперлась ногами, вздрогнула, покачнулась и упала на бокъ. Телѣжка увязла.

— Такъ и есть...

Опанасъ крякнулъ и подошелъ къ дышлу отвязывать шлеи. Потомъ наклонился къ упавшей. Лошадь глубоко дышала, вздрогнула еще разъ и вытянулась. Опанасъ нахлобучилъ шапку и медленнымъ движеніемъ полѣзъ въ карманъ. Раскрылъ заскорузлыми руками жестянную коробку съ табакомъ, скрутилъ папиросу, долго возился со спичками, закуривая на корточкахъ за вѣтромъ, потомъ поднялся и, оглядывая павшую лошадь, проговорилъ:

— Треба пѣшки идти...

— Опанасъ, что вы говорите! Пѣшкомъ... Господи! Что-же это такое...

Опанасъ сталъ вздыхать, стараясь, чтобы это выходило печально.

— А такъ, пѣшки.

Онъ почесалъ голову, повздыхалъ, потомъ, утомившись уже печалиться и вздыхать, приободрился и весело крикнулъ:

— Сейчасъ и другая здохнетъ, накажи меня Богъ!

Дѣвушка обвела взглядомъ нахмуренную степь. Куда хваталъ глазъ, было пусто, вздымалась взъерошенная земля, надъ ней стояли стальныя тучи, и упорное, непреклонное шло отъ нихъ. Черная большая птица, тяжело взмахивая крыльями, какъ недобрый призракъ, пролетѣла низко надъ землей, и отъ нея вѣяло чуждымъ, далекимъ, темнымъ.

— Верхомъ поѣхалъ бы въ Громоклею... Да все одно: на дорогѣ здохнетъ. Пока туды да сюды, тай и ночь. Лучше уже пѣшки до Юрговки добраться. Спуститесь тутъ да поднимитесь разъ, скоро и Юрговку видать.

Дѣвушка слѣзла съ телѣжки, вступила въ грязь и увязла.

— Сюды, барышня, по надъ дорогу. Такъ все идить по кочкамъ, тай идить по надъ дорогою, ажъ до Юрговки.

Онъ помогъ перейти поперекъ шляха, и она поплелась, увязая, по грани между дорогой и вспаханными полями, переступая по комьямъ и грудкамъ, подминая подъ ноги кустики бурьяна. Глина обволакивала башмаки, они отяжелѣли, точно пудовые.

Добравшись до верха, задыхаясь, она остановилась и оглянулась.

За покатостью чуть виднѣлась покинутая телѣжка и мертвая лошадь. Внизу на днѣ балки прильнулъ къ землѣ какой-то сѣрый комокъ, точно кустъ перекати-поля,—это шелъ обратно Опанасъ, а позади другой длинный комокъ—лошадь, которую онъ велъ.

Набрякшіе отвердѣвшіе башмаки терли кожу, ноги были холодны, какъ ледъ. Стало смеркаться, потемнѣло, а деревни не видать. За балкой гора кажется такъ близко, а разстояніе все тоже, будто и гора идетъ впереди. Огромныя бездушныя свислыя тучи ползутъ по верху. Силъ не хватаетъ. Ноги облѣпила тяжелая вязкая глина.

Пусто. Все живое попряталось въ свои логовища. Каждая ящерка, каждый жучекъ сидятъ въ своихъ норкахъ, въ теплѣ и суши. Зябнутъ только былинки у дороги. Стало накрапывать. Темнѣетъ. Это не отъ тучъ, это уже вечеръ наступаетъ. О, Господи! Тьма, холодная, рябая, изъѣденная червями, надвигается со всѣхъ сторонъ. Степь сумеречно колышется и тянется къ тьмѣ.

Пахнуло влагой, полилъ дождь.. Струйки ползли по тѣлу холодными змѣйками...

II.

На дворѣ Юрговскаго почтаря собирались спать. Самого почтаря не было, уѣхалъ на ярмарку и застрялъ тамъ. Въ пустой комнатѣ для проѣзжающихъ темно. А черезъ сѣни, въ другой, чуть свѣтитъ прикрученная керосиновая лампочка. Почтариха прикрыла оконца соломенными щитками, заперла двери на засовъ, уложила дѣтей на широкую кровать, а сама легла на печь. Тамъ было тепло,—сегодня пекли хлѣбъ,—пахло тѣстомъ и дрожжами. Старая вдова Мефтодиха, помогавшая мѣсить и садить хлѣба, прилегла на полу, завернувшись въ тулупъ у печи.

Почтариха ворочалась на тулупѣ и слушала, какъ скрипѣли деревья за окномъ, и вѣтеръ ходилъ по чердаку, шурша въ камышевой крышѣ. Со стрѣхъ бѣжали струи, и налетами вѣтеръ ударялъ ими въ окна. Что-то бухало во дворѣ, у сарайчика, отъ этихъ порывовъ. Работникъ на конюшнѣ спитъ и не слышитъ. Гдѣ-то далеко въ деревнѣ лаетъ собака,—то унесетъ въ сторону, то донесетъ вѣтромъ. Дрема обволакиваетъ почтариху, и она то слышитъ вѣтеръ и лай, то не слышитъ.

Вдругъ сонъ исчезъ, и она подняла голову. На дворѣ Сѣрко и Волчекъ обозленно и стремительно носятся и рявкаютъ. Бросаются на кого-то. Будитъ Мефтодиху. Слушаютъ.

Во дворѣ голоса. Работникъ шлепаетъ по грязи, кричитъ на собакъ и громко переговаривается съ кѣмъ-то. Чужой мужской голосъ. Идутъ къ дверямъ.

Она съ лампочкой выходитъ въ сѣни, и Мефтодиха съ ней.

— Кто тамъ?

— Свои... Отчинить...—говоритъ за дверью работникъ.

— Пускайте, въ хату, не держите на дождѣ... Это я, Степанъ...

Голосъ Степана Таранюка. Отворила, свѣтитъ на пришедшихъ. Ввалился Степанъ, отряхиваясь, въ набухшей отъ дождя свитѣ, капли блестятъ на бородѣ и усахъ, а за нимъ—дѣвушка, посинѣлая, мокрая. Дрожитъ.

— Учителька изъ Андреяшевки,—говоритъ Степанъ:— Кони здохли на дорогѣ... Отъ-то бѣда! А—а—а!.. Пѣшки шла. Подобралъ на дорогѣ. Ну ведите въ хату, треба обогрѣться, а то занеможетъ...

— Вижу... вижу...—вглядываясь, сострадательно бормочетъ почтариха.

Охая, ввела она учительницу въ комнату для проѣзжаю-

щихъ. Дѣвушка опустилась на лавку и большими темными глазами смотритъ. Почтарихѣ стало страшно.

— Я хотѣла-бы лечь...

Мефтодиха и хозяйка засуетились.

— Сейчасъ заготовлю все, барышня... Лягте. Самоваръ поставлю, отогрѣетесь... Ишь какое несчастье... Намъ и то въ такую слѣпую ночь сумно и тяжко по степи блукать, а кто не привыченъ...

Дѣвушка легла.

Въ сѣняхъ Мефтодиха ставила самоваръ, и запахло дымомъ. Слышно, какъ Степанъ неторопливо баскомъ что-то разсказываетъ въ другой комнатѣ.

Тепло, хорошо, но ломитъ голову и тянетъ ноги и руки. Она вытянулась подъ одѣяломъ и спать подобралась. Неудобно что-то. Глазамъ больно. Степанъ все баситъ, и ей пріятно слышать сквозь ломоту и боль этотъ спокойный тихій говоръ и домовитые шаги старухи въ сѣняхъ.

Когда вошла Мефтодиха, она говоритъ ей:

— Жарко здѣсь.

А Мефтодихѣ въ этой нежилой комнатѣ холодно. Степанъ уходитъ. Онъ топчется въ сѣняхъ, отыскивая выходъ, и стучитъ сапогами. Ей не хочется, чтобы онъ уходилъ,— ей пріятенъ этотъ говоръ людей.

— Прощавайте, — говоритъ онъ. За нимъ закрываютъ дверь на засовъ.

Когда самоваръ закипѣлъ, Мефтодиха заглянула въ комнату. Дѣвушка спала, отвернувшись къ стѣнѣ. Старуха тихо спросила: принесть чаю? Отвѣта не было, и она тихо притворила дверь. Спустя полъ часа она снова вошла, не проснулась ли. Спитъ, раскрывшись, тяжело дышитъ и раскраснѣлась... Старуха прикрутила лампочку, поговорила съ почтарихой, и обѣ легли спать.

Во дворѣ слышались голоса. Хлопнула дверь, и кто-то пробѣжалъ въ сѣняхъ босыми ногами. Дѣвушка открыла глаза. Гдѣ она? Въ комнатѣ было темно, а за окномъ мигали полоски свѣта. Ходили съ фонаремъ. Вечеръ это или передъ утромъ?

Снова забылась...

Когда проснулась, было сумеречно. Передъ ней стоитъ почтариха и говоритъ:

— Надо поѣсть, барышня. Нельзя не ѣвши. Яичницу вотъ сготовила... Послали за фельдшеромъ верхового. А можетъ и докторъ пріѣдетъ. Дорога такая, не приведи Господи, не проѣдешь, только верхомъ и можно... и то Господь его знаетъ...

Отъ яичницы и хлѣба во рту стало горько и странно,

точно жесть. Отстранила тарелку. Склонилась къ подушкамъ.

Во дворѣ протяжно мычала корова, и сквозь этотъ ревъ было слышно, какъ хозяйка звонкимъ голосомъ звала птицу: уть, уть, уть... гули-гули-гули... На кого-то кричалъ работникъ, гонясь по двору: Атъ-ту его, геть! Атъ-ту... Дѣти и Мефтодиха ходили изъ сѣней во дворъ, со двора въ другую половину.

Стемнѣло. Тяжелое навалилось на голову; она замирала въ кошмарѣ, потомъ снова очнулась.

Во дворѣ и избѣ все утихло. Хозяйка и старуха вполголоса бесѣдуютъ, и тихій говоръ доносится черезъ сѣни. Старуха умолкаетъ, точно заснетъ, потомъ снова продолжаетъ разсказъ...

— Сама по себѣ живетъ и хозяйство держитъ, невеликое хозяйство, а все-жъ таки доглядать надо...

Почтариха спрашиваетъ:

— Взяла къ себѣ кого?

Мефтодиха зѣваетъ...

— Батюшка, отецъ Захарій, не хочетъ вѣнчать Тита, Бекалюкова сына съ дочкой Илюшки,—продолжаетъ старуха.—Родство нашелъ между ними. Старый, отецъ Захарій, всю парафію свою знаетъ, всѣхъ вѣнчалъ, крестилъ, хоронилъ. Вѣка ему нѣтъ...

Какая прекрасная жизнь! Они вмѣстѣ, ихъ много, они одно, и живые и умершіе. Проходятъ мысли о дѣдахъ, о внукахъ, о семьяхъ, гдѣ всѣ живутъ одной жизнью, больной дѣлается тепло и пріятно. Мысли сплетаются, ростутъ и кажутся комьями, она вспоминаетъ, что она всѣмъ здѣсь чужая, одна. Катятся комья, налѣзаютъ другъ на друга, путаются и снова начинаютъ кататься. Машутъ огромныя крылья. Вся постель наполнена неповоротливыми комьями, которые движутся, сталкиваются, давятъ. Тянется бѣлая лента, потомъ черная... Что-то давитъ... ахъ, это желѣзная степь!.. Вдругъ ясно видитъ, — она на широкомъ балконѣ ихъ стараго дома. Блеститъ рѣчка вдали, посреди луга, а на той сторонѣ бѣлая церковка, а за ней далеко въ синихъ тучахъ идетъ косой дождь. Внизу сирень цвѣтетъ, и отецъ стоитъ, печально смотритъ на нее. — „Не видать, Натушокъ?" — спрашиваетъ онъ. Она высматриваетъ, не покажется ли на дорогѣ среди зеленыхъ нивъ облачко пыли, мама должна пріѣхать. Она маленькая дѣвочка, въ бѣломъ платьѣ, и оттого, что она въ бѣломъ, ей грустно...—Отчего мама не ѣдетъ?—Отецъ говоритъ:—„это желѣзное... пришло желѣзное..." Исчезло.. Дорога широкая, свѣжая, по бокамъ темныя тѣнистыя деревья. Коляска удаляется отъ нея, она бѣжитъ за ней, а коляска все дальше... Она пла-

четъ навзрыдъ, спотыкается, ноги еле двигаются, она протягиваетъ руки, а изъ коляски, обернувшись, смотритъ грустно-грустно мама, плачетъ, все лицо въ слезахъ, и машетъ бѣлымъ платочкомъ... и все дальше, дальше... она бѣжитъ, ноги волочатся, какъ пудовые, и плачетъ: „мамочка, мама...“

Проходили полосы, бѣлыя и черныя, какъ темныя и свѣтлыя ленты, и соединились въ одно. И свѣтъ, и сумерки сливались. И глыбы катились, тяжелыя, неотступныя, что-то скрывалось за ними смутно и не выяснялось. Одна безформенная глыба все выступала изъ груды другихъ, колыхалась, не приближаясь и не удаляясь, и что-то больное роилось отъ нея въ мозгу. Ленты бѣлыя и черныя...

Но вотъ сталъ доноситься отдаленный звонъ почтоваго колокольчика. Онъ то замиралъ совсѣмъ, то звучалъ отрывисто, порывами. Лошади будто несутся вскачь. Временами казалось, что путники удалялись отъ деревни, и колокольчикъ умолкалъ. Внезапно раздавался ближе. Вотъ слышны явственно топотъ лошадей и гулъ телѣжки. И ей стало радостно. Колокольчикъ звенѣлъ мѣрно, и не одинъ, теперь ихъ много звенѣло, и вдругъ умолкли. Лошади во дворѣ. Шумъ въ сѣняхъ и говоръ.

Вотъ онъ входитъ. Красивый, молодой, съ вскинутыми кудрями, глаза горятъ, весь онъ дышетъ отвагой и надеждой, какъ орелъ. Онъ вошелъ,—и вся комната ярко освѣтилась. Такъ много блеска! Онъ идетъ прямо къ ней. Она чуть приподымается на подушкахъ и говоритъ:

— Я давно тебя ждала.

Обнялъ. Какое сильное, жуткое объятіе! Какъ хорошо! Стало покойно, уютно. Разлилась изнемогающая ласка...

— Такъ долго не являлся. Какъ я страдала, одинокая! Какъ тяжело, о Господи, какъ тяжело быть одной, всегда одной. Теперь ты со мной, мой орелъ синекрылый...

Онъ отвѣчаетъ:

— Моя душа не разлучалась съ тобою. И мысль моя была всегда о тебѣ... О, какъ понятна и близка ты мнѣ, дорогая...

Онъ гладитъ ея руки и такъ чудно поетъ. Онъ поетъ о счастьи быть съ ней.

— Какая печаль — воспоминанія. А теперь, съ тобой, легко и вспоминать. Все поле усѣяно лиловыми безсмертниками, бѣлой ромашкой, порхаютъ мотыльки, а въ небесахъ такъ много радости! Какъ я могла думать, что жизнь— страданье, когда жизнь такое счастье. Отчего у тебя слезы? Ты плачешь?

— Отъ счастья...

— Пой, милый... Пой. Такъ свѣтло...

Они въ огромномъ залѣ, блистаетъ масса огней. Все горитъ въ радужныхъ переливахъ. Такъ сильно, такъ полно блаженство, ея душа поднимается, и тѣло ей кажется воздушнымъ и проницаемымъ. Свѣтъ и радость пронизали его, и стало оно легкимъ, какъ лучистое сіяніе. Несутся серебристые тающіе звуки, и съ ними сливается она. Какъ безконечно длится блаженство...

Онъ рядомъ съ ней, а навстрѣчу имъ близится мама, улыбаясь сквозь слезы..

Всю эту ночь бушевалъ вѣтеръ, яростно носился по селу и степи, разгоняя тучи. Къ утру стихло, вѣтеръ умчался, тѣсня хмурые облака, и понесся скитаться за невидимыми далями степного простора.

Сіялъ день въ голубой нарядности осенняго неба, омытаго бурей.

Въ комнатѣ горѣли восковыя свѣчи и пахло ладаномъ.

Женщины, крестясь, тихо вошли въ комнату и остановились у порога.

III.

Степная змѣя.

Тимошка пришелъ на деревню и хвалится съ такимъ видомъ, будто съ нимъ это случается каждый день и въ конецъ надоѣло:

— Въ работники нанялся!..

— Кто?

— А вже-жъ я.

Старый хозяинъ Павло сидитъ на заваленкѣ у хаты, въ сторонѣ отъ другихъ, и куритъ трубку. Лѣниво поглядывая на нескладную фигуру Тимошки, на его заспанное веснушчатое лицо, онъ недовѣрчиво бросаетъ:

— Въ работники?

— А то-жъ.

Солнце точно прорвало его, ливмя заливаетъ яркимъ свѣтомъ деревню. Гора надъ балкой, мелькающій на ней сѣрый и красный скотъ, зеленѣющая левада внизу, камышъ на рѣчкѣ, выбѣленныя хаты, стога соломы,—все поблескиваетъ и золотится въ солнечномъ сіяніи, утопая и сливаясь въ горячей тающей истомѣ, и глазамъ трудно смотрѣть даже на уснувшую въ пыли дорогу. Люди жмурятся и сидятъ, не шевелясь, захваченные августовскимъ полуднемъ.

Тимошка думаетъ, что произвелъ желанное впечатлѣніе, и лѣниво, валится, какъ мѣшокъ съ соломой, на траву въ тѣнь отъ хаты.

— До кого?—спрашиваютъ, не глядя на него.

— А до кацапа.

Кацапъ — старовѣръ арендаторъ, снявшій Буялыкскій хуторъ, верстахъ въ двадцати отъ деревни. Старый Павло еще разъ оглянулъ Тимошку и, видимо, не вынеся ничего утѣшительнаго изъ этого осмотра, перевелъ взглядъ на балку, за рѣчкой, вздохнувъ протяжно съ спокойной тихой грустью:

— Никто не знаетъ, когда бѣда около ходитъ.

— Какая бѣда, дѣду?—покровительственно спрашиваетъ Тимошка.

— А съ кацапомъ съ тымъ: разумъ загубилъ, сердяга. Коли тебя въ работники беретъ, то это ужъ не отъ разума. А добрый человѣкъ былъ, добрый, что и говорить...

Этотъ оборотъ дѣла показываетъ Тимошкѣ, что въ настроеніи окружающихъ заключается что-то неладное, и тайное торжество его падаетъ. Онъ чувствуетъ потребность защитить кацапа и доказать, что тотъ еще въ полномъ разумѣ.

— Та ни! Послухайте, какъ дѣлое было. „Иди ты, Тимохтій, говоритъ кацапъ, на мой хуторъ, на Буялыкскій, и сиди себѣ тамъ, тай сиди черезъ зиму. Що хочь себѣ дѣлай, хошь лежи, хошь ноги задери, хошь спѣвай, хошь танцуй, абы кто не подпалилъ соломы, чи хаты не разломалъ... Мука, соль, пшено, картофеля, рыбы, сала—сколько вгодно! Хошь—ѣшь, хошь—не ѣшь. И шесть карбованцевъ въ мѣсяцъ“... А?

Тимошка доволенъ, что такъ удачно объяснилъ дѣло.

— А чи есть кто на тымъ хуторѣ?

— Ни, никого. Ни души. Самъ себѣ панъ и начальство. И дѣла всего—доглядать...

Старый Павло лукаво киваетъ головой: хитрый кацапъ... Въ толпѣ усмѣхаются, у дѣвокъ коротко звучитъ прыскающій смѣшокъ. Тимошка недоумѣваетъ, молчитъ и думаетъ, что надо перетерпѣть, а зимой, когда имъ ѣсть нечего будетъ, а у него будетъ и сало, и мука, тогда онъ покажетъ имъ, какіе они дурни со своимъ смѣхомъ....

Перекинувъ свиту черезъ плечо, съ палкой въ рукахъ приближался Тимошка по степи къ Буялыкскому хутору кацапа. За нимъ лѣниво, кивая головой и высунувъ безпо-

мощно языкъ, плелась рябая собака, поглядывая по сторонамъ и обнюхивая дорогу.

Хуторокъ лежалъ надъ краемъ мелкой лощинки. Стояла хата, крытая камышемъ, рядомъ длинный сарай; вылѣзала изъ земли низкая землянка и привѣтливо улыбалась Тимошкѣ своими окошками, а поодаль высились стога соломы и сѣна. Въ лощинѣ виднѣлись сѣрые покилившіеся столбики у колодца.

Тимошка бросилъ свиту на землю и присѣлъ отдохнуть послѣ пути.

— Ложись, Рябко, покуримъ... А послѣ за работу...—глубокомысленно сказалъ онъ, скручивая папироску.

Рябко побѣжалъ обнюхивать солому, хату, дворъ.

Голова Тимошки свѣсилась, онъ понемногу вытягивался, потомъ перевалился на спину и уснулъ.

Проснулся Тимошка передъ вечеромъ отъ голода. Онъ спохватился и вскочилъ. Странной показалась вечерняя степь. Ея неподвижность и безмолвіе какъ будто тянулись, доходили до черты двора и здѣсь останавливались, точно не смѣя переступить и только ползая отовсюду, вокругъ. Тимошка сплюнулъ въ сторону и посмотрѣлъ вопросительно на Рябка—что онъ думаетъ утѣшительнаго? Но въ глазахъ Рябка онъ увидалъ, что и Рябко какъ будто недоумѣваетъ. Виляя хвостомъ и силясь радостно смотрѣть въ глаза Тимошкѣ, онъ выражалъ удовольствіе по поводу его пробужденія, но Тимошка явно видѣлъ, какъ за этимъ сквозитъ въ собачьихъ глазахъ тревожное недоумѣніе. Тимошка рѣшилъ прибодриться.

— А вотъ какъ,—сваримъ галушекъ! Эге, Рябко, что оно будетъ, какъ мы сваримъ галушекъ!.. Совсѣмъ иньше будетъ. А тамъ за работу...

Рябко одобрилъ планъ: онъ сталъ прыгать, извиваясь, лаялъ и валялся по травѣ.

Тимошка поставилъ котелокъ на камни, налилъ полъведра воды, бросилъ съ сотню галушекъ, посыпалъ солью, накрошилъ луку и картофеля. Принесъ оберемокъ соломы и разложилъ подъ котелкомъ. Затрещалъ огонь, повалилъ дымъ. Тимошка обвелъ взглядомъ размѣры котелка, почесалъ въ раздумьи затылокъ и добавилъ еще съ полсотни галушекъ.

— О! добре!

Онъ легъ у огня, и Рябко напротивъ.

— Видалъ, Рябко, чтобъ человѣкъ столько галушекъ варилъ? Все одно, какъ у принца...

Рябко облизался и помахалъ хвостомъ. Отъ котелка шелъ вкусный запахъ варева, распустившагося лука и разварен-

наго картофеля. Теплый паръ вился у очага, мягко обволакивалъ лицо Тимошки и щекоталъ его носъ. Онъ втянулъ въ себя сочный духъ галушекъ и привсталъ.

— Ось, Рябко... смачно! Съѣдимъ, а послѣ за работу...

Подумавши, онъ принесъ еще груду галушекъ и добавилъ въ котелъ.

— Добрый духъ, ажъ носъ крутитъ... А ну, у кого на деревнѣ такіе галушки, дурни вы!...

Стемнѣло.

Солома вспыхивала отъ дуновеній вѣтерка, ярко разгоралась, и тогда изъ темноты выступали курносый довольный носъ и красныя щеки, а во мракѣ огненнымъ блескомъ горѣли голодные глаза Рябко.

Когда галушки сварились, Тимошка навалилъ ихъ полную миску, снялъ шапку, перекрестился и, сидя на землѣ, принялся за ѣду. Онъ уплелъ всю миску, наполнилъ другую и съѣлъ. Третью миску онъ ѣлъ уже полулежа, тяжело вздыхая, икая и громко сопя носомъ. Четвертую миску съ галушками онъ поставилъ на землю, легъ передъ ней на животъ и ѣлъ, съ трудомъ проглатывая, останавливаясь для передышки и издавая протяжные, воющіе вздохи.

То, что осталось, онъ вывалилъ на землю для Рябка, а самъ легъ тутъ же въ изнеможеніи. Его распирало и раздувало, тяжелое что-то упиралось подъ ложечку, наваливалось на грудь и давило голову.

— Чуешь, Рябко, чи не чуешь?.. Галушки якись сварились не вдачливыя. Чортяка ихъ знаетъ, что за галушки: мало-мало очи не повылазятъ. И кто-бъ сказалъ, что съѣлъ дуже много, а то и поѣлъ, абы не умереть съ голоду. Ой, Рябко, ратуй, бо очи вылазятъ... И какъ это принцы ѣдятъ столько галушекъ...

Онъ лежалъ, переваливаясь съ боку на бокъ, теръ голову, грудь и бормоталъ:

— Чуешь, чи ни чуешь, Рябко... Когда бы зналъ, что за шесть карбованцевъ да такую штуку терпѣть, я бы и семь не взялъ. Хитрый кацапъ! Хай ему тыи галушки и въ сніданокъ, и въ обѣдъ, и въ вечеру, и на томъ свѣтѣ,

Вызвѣздило, наступила ночь. Тимошка страдалъ, посылая звѣздамъ свои воющіе и икающіе стоны. Когда полегчало, онъ вошелъ въ землянку, разстелилъ на землѣ солому и улегся.

Что-то заглядывало въ оконце и пряталось. Стояла тишина и что-то тихое ползало по головѣ. Онъ схватывался, натягивалъ свиту на голову и призывалъ:

— Рябко! Рябко!

Рябко ударялъ хвостомъ по полу и потягивался. На-

конецъ, стало не въ моготу. Вмѣстѣ они вышли на дворъ, и Тимошка облегченно вздохнулъ. Мигали знакомыя звѣзды, и по нимъ онъ опредѣлилъ, что было около полуночи. Онъ обошелъ хату, стога и около нихъ, ежась отъ ночной прохлады, заснулъ, и Рябко рядомъ.

Днемъ онъ слонялся, спалъ, готовилъ пищу, садился подъ хатой, подъ скирдами и сидѣлъ. Доставая изъ кармана медленно, важно табакъ и скручивая папиросы, онъ говорилъ Рябку:

— Ну, посидимъ, Рябко, покуримъ, а послѣ за работу.

Онъ курилъ, разсматривая свои сапоги, а потомъ, будто нечаянно, валился на бокъ и засыпалъ. Потомъ снова слонялся вокругъ хатъ и сараевъ, лежалъ на травѣ и смотрѣлъ, какъ копошатся по землѣ жучки и ползаютъ по былинкамъ. Но какъ онъ ни старался казаться самому себѣ спокойнымъ, все время что-то поскребывало внутри. Какъ тамъ ни крути, ни верти, а дѣло шло не такъ, какъ слѣдовало. Блукало что-то, съ чѣмъ никакъ нельзя было справиться.

Хлѣбъ есть, картофель есть и—чертяка ихъ возьми—галушки есть. Рябко тутъ. Шесть карбованцевъ въ мѣсяцъ. А все-же не то. Не такъ выходило дѣло. Онъ оглядывалъ хуторъ и, скручивая папиросу, бросалъ небрежно съ скрытымъ довольствомъ невидимому собесѣднику:—„Ось, самъ себѣ панъ и начальство, хочу и затанцюю...“ Но и воображаемое удивленіе невидимаго собесѣдника не дѣйствовало, и совсѣмъ не танцовалось.

На деревнѣ только и думки было, какъ бы поѣсть да лечь. Кажется, води его цѣлый день изъ хаты въ хату, по давай ему въ каждой хатѣ по пяти мисокъ галушекъ—все съѣлъ бы, и еще бы мало. А тутъ выходитъ дѣло поганое. Не разберешь, что это такое. Нечистая сила, что-ли?.. Спохватившись, онъ тихонько оглянулся, перекристился и для бодрости сталъ звать:—„Рябко, а Рябко!“ Мохнатый и всклокоченный Рябко лѣниво приблизился и, помахивая хвостатыми космами, смотрѣлъ изъ-подъ взлохмаченныхъ бровей сочувственно, какъ бы говоря: „ничего, проживемъ, абы не драться“.

По ночамъ не спалось. Тимошка открывалъ глаза—тьма колыхалась по угламъ, а за маленькимъ оконцемъ что-то маячило бѣлесоватое. Будто что-то заглядывало и пряталось. У дверей Рябко громко дышалъ и иногда во снѣ ворчалъ. Тимошка приподнимался, садился и неистово чесалъ голову.

— Отъ и нà тебѣ... не тянетъ совсѣмъ спать! Чи повѣрите, добрые люди, ляжешь, а сонъ не беретъ...

Чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе становилось ясно, что тутъ было *оно*. Оно не блестѣло, не горѣло, не развѣвало космы,

не ревѣло, не шумѣло, но *оно* было тутъ, ползало по землѣ, а главное—смотрѣло на него, смотрѣло всѣми своими неподвижными колдовскими глазами, которыхъ и не видно было. День за днемъ *оно* опутывало его своей незримостью, переворачивало его внутри, точно эти невидимо впивающіеся глаза высасывали Тимохтія, а на его мѣсто поселялся другой, смутный какой-то, растопыренный, нечеловѣческій.

Иногда цѣлый день онъ не ѣлъ, не было охоты. Это никогда невиданное обстоятельство такъ дѣйствовало на него, что онъ сталъ задумываться, чего съ нимъ отродясь не бывало, и уныло бродилъ за Рябкомъ. А Рябко становился неотзывчивымъ, невесело скитался между стогами и выглядывалъ ошалѣлымъ. Насупившіеся стоги и землянка застыли безнадежно мертво, точно огромныя дохлыя животныя.

Все чаще и чаще на разныхъ концахъ хутора онъ и Рябко останавливались въ поникломъ оцѣпенѣніи и подолгу стояли такъ, неподвижные, безжизненные, какъ все на хуторѣ, какъ землянка, какъ стога соломы и холодный очагъ.

Однажды ночью Рябко сталъ выть. Онъ вытягивалъ шею въ темную молчаливую степь и вылъ протяжно, жалостно, точно надъ покойникомъ. Тимошка кричалъ на него, призывалъ къ себѣ,—Рябко скрывался во тьмѣ и снова вылъ. А въ степи стояла такая страшная, глубокая тишина, какъ въ бездонной пропасти...

Когда на разсвѣтѣ Тимошка проснулся, Рябка возлѣ него не оказалось.

— Рябко! А ну, Рябко!

Рябко не отзывался и не появлялся. Тимошка осмотрѣлъ дворъ, хату, за хатой, стога, искалъ среди бурьяна.

— Вылазь, Рябко, чуешь...

Нигдѣ его не было. Присмотрѣлся Тимошка, видитъ: далеко по степи плетется Рябко по тому направленію, куда былъ путь на деревню.

Тимошка во весь голосъ завопилъ:

— Рябко-о! А Рябко! На! На! На! Рябко, на!

Потомъ заложилъ пальцы въ ротъ и засвисталъ. Вѣтерокъ дулъ попутный въ сторону на деревню, и до Рябка донеслись отзвуки Тимошкинаго голоса. Онъ остановился.

— На! Рябко! На!...—протительно и умоляюще взывалъ Тимошка.

Рябко повернулъ голову къ хутору, посмотрѣлъ на него, какъ чувствовалось Тимошкѣ, жалостно и дернулъ, что было мочи на деревню. Онъ распластался по землѣ и мчался во всю, дальше и дальше отъ хутора, и только чуть виднѣлся слѣдъ легкой пыли, поднимавшейся за нимъ. Вскорѣ и пыль скрылась изъ виду.

— Утикъ, сучій сынъ.

Тимошка остался одинъ. Онъ сѣлъ на землю и оглядывалъ мрачно дворъ, холодный очагъ, насупившіеся стога.

— Добро ему: онъ за шесть карабованцевъ не наймался.

Тимошка вперилъ свой взглядъ на дверь землянки, точно ждалъ, что вотъ-вотъ оттуда кто-то выйдетъ... Хоть бы кто выругался, хоть бы побилъ его кто, абы не молчать и не сидѣть такъ...

Щель у дверей хаты все ширилась, ширилась и не могла никакъ расшириться. Вдругъ она замерла, стала пуста и слилась съ неподвижіемъ, стоявшимъ вокругъ, страшнымъ своей безчувственной оцѣпенѣлостью.

Ни шороха, ни звука. Тишина на него со всѣхъ сторонъ, и Тимошка изнемогалъ. Въ отчаяніи онъ вадумалъ затянуть сильную степовую пѣсню. Онъ вытянулся, сбилъ шапку на бекрень и заоралъ во все горло. Но вдругъ среди этой пустыни онъ услышалъ какой-то дикій вопящій голосъ, который выводилъ какую-то вѣдьмацкую шабашную пѣсню. Онъ оборвался, оглянулся, прислушался. Пѣлъ по вѣдьмацки никто другой, а онъ самъ. Это его поразило—сглазили его, переворотили! Гдѣ то былъ дурной глазъ, откуда-то смотрѣлъ на него и портилъ его. Онъ старался не глядѣть туда, гдѣ стояла эта глухая тишина и клятая неподвижность. Если-бы хата вдругъ поднялась, закричала во всѣ свои окна и двери и пошла, переваливаясь, по степи, или скирды соломы закружились въ безшабашной пляскѣ съ гикомъ и свистомъ, это не было бы такъ страшно, какъ эта тишина и неподвижность.

Тимошка настораживался, потомъ впадалъ въ раздумье, вглядывался вокругъ себя и вдругъ не узнавалъ, гдѣ онъ. Вотъ онъ лежитъ, а другой онъ смотритъ, какъ онъ лежитъ. Никогда не казалось ему, что его собственныя ноги могутъ быть такими странными.... лежатъ, какъ шесты, точно у покойника... совсѣмъ невѣроятныя ноги. Можетъ, это и не его ноги. Онъ вскочилъ и озадаченно смотрѣлъ на свои конечности въ чоботахъ, и на преждее мѣсто—лежатъ ли тамъ ноги?.. Тьфу!.. чтобъ тебѣ повылазило... Со страхомъ смотрѣлъ на нихъ и не могъ уже съ очевидностью понять: онъ смотритъ на нихъ, или онѣ на него... Совсѣмъ сбился, снималъ свои чоботы и съ сомнѣніемъ ихъ разсматривалъ. Потомъ вскакивалъ и въ недоумѣніи оглядывалъ самого себя: можетъ, это ноги и его, а смотритъ-то на нихъ кто-то другой. Въ головѣ путалось — онъ вывертывалъ ноги и такъ и этакъ, топалъ чоботами. Ногъ пара, какъ слѣдуетъ быть, но вотъ тамъ какъ будто еще двѣ ноги... его это ноги, можетъ, подмѣненныя? Недоумѣніе росло, онъ

ощупывалъ себя, вытягивалъ ноги и осторожно, боязно оглядывался. Какъ огромное покинутое кладбище, навѣки уснувшее, смотрѣла на него въ рыхлой омертвѣлости черная выжженная степь. Нѣтъ ничего. Все сгинуло. Онъ таращилъ глаза, озирался, а тишина стояла передъ нимъ въ змѣиныхъ извивахъ, устремивъ на него выѣденныя, зіяющія впадины...

Тимошка шелъ, не оглядываясь, будто неизвѣстное что-то тянулось за плечами и съ жадностью подстерегало, чтобы схватить и снова загнать его на хуторъ.

— На черта ему, прости Господи, шесть карбованцевъ, та мука, та сало! И не ѣшь ихъ, все одно, и не спишь, и въ могилу себя самъ кладешь. А нехай сгинетъ и хуторъ, и карбованцы!.. Ну его, съ тымъ кацапомъ. Пусть самъ себѣ сидитъ на хуторѣ и на ноги смотритъ...

На открытой равнинѣ долго-долго виднѣлась движущаяся фигура Тимошки, удалявшаяся отъ хутора. Она все уменьшалась; наконецъ, обратилась въ точку. Въ прозрачной коричневой дали осенняго дня эта точка виднѣлась еще долгое время. Потомъ исчезла.

Землянка и стога остались одни. Ушло странное блуждающее существо, и они свернулись на покой бурыми горбами. Густѣли молчаливыя могильныя сумерки. Въ нихъ безшумно вилась тишина и ползала по хутору и по степи, вдругъ вытянулась до самаго темнаго неба, глянула вдаль, гдѣ скрылся Тимошка, и, успокоенная, снова простерлась по землѣ, наслаждаясь своимъ одиночествомъ.

Когда на деревнѣ подсмѣивались надъ бѣгствомъ Тимошки съ хутора, онъ говорилъ съ видомъ храбреца, видавшаго виды:

— Былъ бы я одинъ, такъ и до этого дня сидѣлъ бы. А то тамъ еще было...

— Кто же тамъ былъ?

Тимошка разсказывалъ.

И хотя надъ Тимошкой продолжали посмѣиваться и, когда спрашивалъ кто: какой это Тимохтій?—то отвѣчали: „да тотъ, что четыре ноги на хуторѣ имѣлъ“ и даже прозвали его „Тимохтій Четыре ноги“,—тѣмъ не менѣе, по вечерамъ старались объѣзжать хуторъ, и молва о поселившейся тамъ скрытой беззвучной степной змѣѣ, которая невидимыми, зіяющими очами сушитъ человѣка и оборачиваетъ его на всякіе лады, переходила изъ устъ въ уста, а хуторъ стали звать „змѣиная степь“.

Л. Петровичъ.

Исторія юной Ренаты Фуксъ.

Романъ Якова Вассермана.

Переводъ съ нѣмецкаго **А. Полоцкой.**

II.

Когда господинъ Самасса съ семичасовымъ курьерскимъ поѣздомъ вернулся изъ города, гроза была еще въ полномъ разгарѣ. Онъ привезъ съ собой гостей: двухъ племянниковъ своего будущаго зятя, одинъ изъ которыхъ былъ ассесоръ, другой—архитекторъ. Это были симпатичные молодые люди, правда, нѣсколько безцвѣтные, но въ нихъ было пріятно то, что они говорили немного и держались очень сдержанно. Смѣшнымъ казалось, что они не отводили глазъ отъ Ренаты, и когда она что-нибудь говорила, слушали съ робкимъ благоговѣніемъ. Госпожа Самасса отъ злости чуть не расплылась, какъ жиръ на горячей сковородѣ. Но скудныхъ знаковъ почтенія со стороны молодыхъ людей, жалкихъ остатковъ прошлаго, было достаточно, чтобы глаза Ренаты просвѣтлѣли. Хозяйка грубо приказала ей пойти въ кухню распорядиться относительно ужина. Она покорно встала и вышла изъ комнаты. Когда она проходила по узкому коридору, изъ одной изъ боковыхъ дверей послышался свистъ. Тамъ стоялъ господинъ Самасса; онъ украдкой сдѣлалъ ей знакъ войти въ комнату. У него былъ торжественный, многозначительный и многообѣщающій видъ, и, когда Рената послѣдовала за нимъ, онъ неслышно заперъ дверь на задвижку, вынулъ изъ кармана маленькій бархатный футляръ и, посмѣиваясь, открылъ его. Онъ громко запыхтѣлъ отъ удовольствія, когда Рената впилась восторженнымъ взглядомъ въ великолѣпную бриліантовую брошь, лежавшую на голубой шелковой подушкѣ. Рената страшно любила брилліанты; еще въ дѣтствѣ она всегда испытывала неукротимое желаніе обладать ими, и теперь она невольна закрыла глаза и сказала, улыбаясь, хотя не понимала всей этой таинственности:

— Это вѣрно для фрейлейнъ Фанни-Элизы?

Господинъ Самасса продолжалъ улыбаться, вѣроятно, отъ смущенія. Затѣмъ онъ приблизилъ губы къ уху Ренаты и прошепталъ.—Нѣтъ, для васъ, очаровательная!

— Для меня?

— Да, для васъ. Конечно, конечно, для васъ, если вы захотите быть милой. Фанни-Элиза тоже получитъ такую же, но только завтра, хи-хи...

— Не хотите ли лучше выпить стаканъ воды?—холодно спросила Рената.

— Ну, цыпленочекъ, не дѣлай вида, будто ты никогда не видѣла мужчины.

Рената почувствовала гулъ въ ушахъ, и ей стало не выносимо жарко.

— Вы негодяй,—сказала она. Счастье, что здѣсь нѣтъ ножа.—Взглядъ, которымъ она обвела комнату, былъ такъ безудержно-дикъ, что господинъ Самасса растерянно захлопнулъ футляръ и нагнулъ голову, какъ будто ждалъ удара.

Рената, прерывисто дыша, вышла изъ комнаты. Когда она вернулась въ гостиную, господинъ Самасса почти одновременно вошелъ черезъ другую дверь. Бросивъ на Ренату ядовитый и угрожающій взглядъ, онъ сказалъ съ паѳосомъ:

— Вотъ, дочь моя, что даритъ тебѣ къ помолвкѣ твой отецъ.—Было забавно видѣть, какъ онъ обиженно чмокалъ губами и въ то же время жадно ждалъ восхищенія подаркомъ. Фанни-Элиза театрально бросилась ему на шею. Молодые люди не могли найти словъ для восхищенія, при чемъ архитекторъ видимо относился ко всему иронически.

— Для фрейленъ Фанни-Элизы это очень мило, но для жены моего дяди едва ли подходитъ,—сказалъ онъ. Фанни-Элиза удивленно посмотрѣла на него, не зная, принять ли это за комплиментъ. Такъ какъ гроза прошла, то и Гретхенъ сошла внизъ и вся позеленѣла, когда увидѣла драгоцѣнность. Отъ зависти и ревности на глазахъ у нея выступили слезы и она сказала дрожащимъ голосомъ:

— Если бы я получила что-нибудь такое, я цѣлый день не переставала бы цѣловать папу и маму.—Всѣ разсмѣялись. Рената забыла о себѣ: съ такой силой охватило ее предчувствіе гибели, ожидающей Гретхенъ; она знала, что эта гибель неотвратима для страстнаго, ложно направленнаго созданія.

Между тѣмъ Фанни-Элиза положила футляръ на подзеркальникъ и, такъ какъ молодые люди настойчиво просили ее что-нибудь сыграть, то она, медленно поднявъ глаза, сѣла за рояль, устало перелистала тетрадь Шопена и начала играть. Такъ какъ она въ такихъ вещахъ была деспотична, то родители и господинъ Горовицъ, думавшій о своихъ

акціяхъ, слушали очень внимательно, архитекторъ восторженно и скромно смотрѣлъ на Ренату, только Гретхенъ намѣренно шепталась съ ассесоромъ. Играла Фанни-Элиза совершенно по ученически и даже съ ошибками. Къ тому же у нея былъ такой видъ, какъ будто ее эта вещь уже не могла глубоко захватить, хотя для слушателей она все еще должна быть праздничнымъ угощеніемъ. Когда она кончила, послышался ропотъ одобренія, но піанистка вздохнула, какъ будто не понимая, какъ можно потратить хоть одинъ звукъ на это ничтожнѣйшее изъ ея достоинствъ. Затѣмъ всѣ перешли въ примыкавшій къ гостиной крытый стеклянный павильонъ, гдѣ стояли пальмы и олеандры, одинъ кипарисъ и одно чахлое апельсинное деревцо.

Рената осталась въ комнатѣ одна. Вопрошавшіе взгляды юнаго архетектора привели ее въ болѣе мягкое, чѣмъ обыкновенно, настроеніе. Въ душѣ ея что-то смутно бродило. Въ ней была жажда рѣшенія, желаніе за что-нибудь схватиться, ожиданіе и готовность,—но все это туманно, неопредѣленно. Она подошла къ роялю, машинально коснулась клавишей и безсознательно начала играть ту же балладу, которую играла Фанни-Элиза. И она нашла въ ней столько близкаго себѣ, своему настоящему и давно прошедшему, что чувствовала, какъ горячо переливаются звуки съ клавишъ въ ея пальцы, въ ея тѣло, и, казалось, и въ ея душѣ прошла гроза, и теперь все было спокойно и полно ожиданія. Архитекторъ и ассесоръ на ципочкахъ вошли въ комнату; за ними вошли и остальные. Лицо Гретхенъ сіяло торжествомъ, какъ будто теперь она одержала побѣду надъ сестрой. Фрау Самасса задыхалась, у Грегора былъ такой видъ, какъ будто онъ выпилъ бутылку уксуса, Горовицъ былъ совершенно равнодушенъ. Фанни-Элиза, блѣдная, какъ смерть, стояла подъ портьерой и дергала шнурокъ. Съ этого момента не было человѣка, котораго она ненавидѣла бы болѣе страстно, чѣмъ Ренату.

Окончивъ, Рената продолжала сидѣть неподвижно, точно окаменѣвъ. Ассесоръ не могъ удержаться отъ восторженныхъ аплодисментовъ. Архитекторъ былъ такъ увлеченъ, что открылъ ротъ, и, когда Рената устало повернула голову и увидѣла его, онъ показался ей смѣшнымъ, и она нахмурилась. Этимъ кончилась пятиминутная греза, къ которой онъ послужилъ поводомъ. Пришла Кэте съ посудой накрыть на столъ, и все общество опять отправилось въ павильонъ. Семья Самасса держала себя такъ, какъ будто Рената была воздухомъ.

Ей не хотѣлось ни ѣсть, ни быть среди людей; она незамѣтно вышла и поднялась въ свою комнату. Тамъ она на-

дѣла шляпу и приказала Ангелюсу, который въ послѣднее время проявлялъ явственные признаки меланхоліи, слѣдовать за собой. Она хотѣла погулять, такъ какъ не могла больше переносить воздухъ этого дома. На дворѣ было хорошо. Яркая, блестящая зелень луговъ сверкала, и съ влажной листвы размѣренно падали капли. Ангелюсъ велъ себя разнузданно, катался по травѣ, съ пронзительнымъ лаемъ ловилъ мухъ и безчисленное количество разъ мчался взадъ и впередъ по дорогѣ. У крестьянина или, какъ его еще называли, трактирщика Бессемера на скамьѣ сидѣлъ Петеръ Грауманъ, передъ нимъ стояла кружка пива. Когда Рената увидѣла его, ее поразило, что она пошла по дорогѣ сюда, именно по этой, тогда какъ было такъ много дорогъ по всѣмъ направленіямъ.

— Какъ я счастливъ, сударыня!—сказалъ Грауманъ, подходя къ ней.

— Это чистая случайность—отвѣтила Рената, покраснѣвъ.

— Случайность, которой я очень благодаренъ. А, бестія Ангелюсъ тоже еще живъ? Это хорошо. А вы, сударыня, вы дѣлаете меня несчастнымъ, если васъ мучитъ то обстоятельство, что вы встрѣтили меня.

— „Мучитъ“ слишкомъ сильно сказано,—съ презрительной улыбкой отпарировала Рената.—Или, если даже и такъ, то это только страхъ передъ вашими разговорами. Я не привыкла къ этому, въ особенности, къ громкимъ словамъ.

— Гм... Вы, вѣроятно, пережили многое съ тѣхъ поръ, какъ мы съ вами видѣлись въ послѣдній разъ. Не правда-ли? Но не пойти-ли намъ немного дальше.

Рената невольно вспомнила Констанцъ, гдѣ она слышала этотъ отчетливый выразительный голосъ, въ которомъ было что-то театрально-демоническое, и въ то же время сдавленное, торопливое внѣшне-покорное лицо Петера Граумана непрерывно подергивалось; то подергивался ротъ, то брови, то все возвращавшаяся морщина на лбу, но, несомнѣнно, краснорѣчивѣе всего былъ ротъ, даже и безъ словъ: краснорѣчивъ выраженіемъ смѣлости, доходившей до наглости, подстерегающей ироніи, широкой самодовольной насмѣшки, обезьяньей похотливости, гнѣва и желчности. Руками онъ жестикулировалъ со сдержанностью опытнаго актера. Это были большія, топорныя руки съ толстыми пальцами. И неуклюжей, плотной тяжеловѣсной была и его фигура; но въ манерахъ его было что-то размѣренное, заученное и ловкое.

III.

— Предположите, что я предложилъ-бы вамъ будущность взамѣнъ вашей ложной добродѣтели и насильственной сдержанности, которыя на меня производятъ впечатлѣніе настоящей карикатуры; предположите, что я предложилъ-бы вамъ богатство, власть, славу, величіе,—словомъ, все, чеговы хотите подъ вѣрной гарантіей,—неужели вы хоть одинъ моментъ колебались-бы, какъ поступить?

— Выслушайте меня, — торопливо прервала Рената. — Я совершенно не понимаю, къ чему вы ведете. Я и не хочу знать этого. То, что вы говорите теперь и говорили раньше, мнѣ кажется—простите!—смѣшнымъ и высокопарнымъ. Я не люблю высокопарности. Вѣдь вы меня совершенно не знаете. Вы хотите приманить меня только потому, что у меня красивое лицо. Почему вы не скажете прямо, чего хотите? Но я не могу ходить тутъ съ вами. Всѣ видятъ меня.

— Ну, я долженъ оправдаться. Я прошу васъ послѣдовать за мной на четверть часа въ бесѣдку Бессемеровскаго сада.

Рената согласилась больше изъ страха передъ возвращеніемъ въ домъ Самасса, чѣмъ изъ желанія продолжать странный и непонятный для нея разговоръ, избѣгнуть котораго ей, однако, мѣшала какая-то тайная сила. Скоро они сидѣли другъ противъ друга въ полутемной бесѣдкѣ, и Рената слушала, машинально гладя собаку, положившую голову ей на колѣни. Глаза Граумана сверкали, какъ далекіе, маленькіе свѣтляки.

— Вы говорите, что я васъ не знаю. Во-первыхъ, я теперь знаю, что у васъ въ прошломъ. Я знаю все изъ вѣрнаго источника. Во-вторыхъ, я думаю, что мое пониманіе вашего характера правильно, такъ какъ все, что вы сдѣлали до сихъ поръ, было только средствомъ къ цѣли, которая, правда, вамъ неизвѣстна, но навстрѣчу которой вы безвольно несетесь, какъ доска по теченію. Вы думаете, что я хочу васъ заманить? Нѣтъ. Быть вашимъ рулевымъ—это, пожалуй. Теченія часто идутъ черезъ мели, дѣлаютъ большіе обходы. И только потому, что у васъ красивое лицо, говорите вы; красивое — неподходящее слово. Вы можете повѣрить мнѣ, что я въ этотъ моментъ не собираюсь дѣлать вамъ комплиментовъ. Вѣдь дѣло идетъ не о кадрили. Ваше лицо для меня — воплощеніе. Вы царица,—да, смѣйтесь,—и при томъ прирожденная. Это чувствовалъ и тотъ герцогъ. Но для того, чтобы вы не считали меня просто болтуномъ, я долженъ изложить вамъ мой взглядъ на эти вещи.

Я дѣлю женщинъ на четыре класса: царицъ, гувернантокъ, кухарокъ и дѣвокъ. Царицы призваны властвовать. Мужчины ихъ подданные. Онѣ непобѣдимы, и ихъ происхожденіе ясно выражается во всемъ, что онѣ дѣлаютъ, и чего не дѣлаютъ, что говорятъ, и о чемъ молчатъ. Гувернантка это—воспитательница, живущая только для дѣтей, женщина-мать, мученица. Кухарка — здоровая натура, хозяйка, помощница, служанка высшаго разряда, ключница, носительница заботъ, вообще, представительница примитивной внѣшней жизни. Что такое дѣвка, объяснять нечего. Это — безхарактерное чувственное существо, являющееся только орудіемъ, нѣчто въ родѣ трутня, не имѣющее назначенія, не имѣющее цѣнности. Конечно, все, это не имѣетъ ничего общаго съ подраздѣленіями общества. Дѣвки могутъ быть на тронѣ, царицы на фабрикѣ, кухарки могутъ носить княжескій титулъ, а гувернантокъ можно встрѣтить среди уличныхъ дѣвушекъ. Чего я хочу—это, чтобы вы, по крайней мѣрѣ, не препятствовали своему назначенію. А въ этомъ назначеніи я былъ твердо убѣжденъ съ первой секунды, когда увидѣлъ васъ, до сегодня. Я думаю, вы понимаете, что я хочу сказать всѣмъ этимъ?

— Все это удивительно, у меня просто мысли путаются,— шепотомъ отвѣтила Рената, качая головой. На дворѣ уже темнѣло, и издали доносилось дѣвичье пѣніе, къ которому Рената прислушивалась съ непонятной, растущей тревогой.

— Представьте себѣ слѣдующее, — продолжалъ Петеръ Грауманъ, и его фанатическій голосъ звучалъ болѣе хрипло и глухо.

— Нѣкто оставляетъ вечеромъ веселое общество, потому что долженъ уйти раньше, чѣмъ остальные. Важныя дѣла заставляютъ его предпринять далекое путешествіе. Онъ возвращается и въ одинъ прекрасный вечеръ принимаетъ рѣшеніе опять посѣтить этотъ домъ. Во всѣхъ комнатахъ темно и тихо, но, къ его изумленію, всѣ двери, черезъ которыя ему надо пройти, открыты. Наконецъ, онъ входитъ въ залъ, который нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ долженъ былъ внезапно оставить и который одинъ еще освѣщенъ. Всѣ сидятъ еще за столомъ, совершенно такъ, какъ сидѣли, когда онъ уходилъ. На лицахъ самыя различныя выраженія веселости, шутливости, удовольствія, смѣха, ироніи. Но онъ подходитъ ближе и дѣлаетъ ужасное открытіе, что все это застывшее, что веселость, шутливость, удовольствіе, смѣхъ неизмѣнно, безвучно, окаменѣло выражаются на лицахъ, сколько-бы онъ ни стоялъ... Что съ вами?

Рената невольно сдѣлала движеніе ужаса. Но Петеръ Грауманъ съ непоколебимой серьезностью продолжалъ:

— Этотъ нѣкто, о которомъ я говорю, вы сами, Рената Фуксъ. Общество, которое вы оставили,—объ немъ мнѣ нечего распространяться. Это вы пережили-бы, если бы вернулись обратно. Вы не нашли-бы ничего, кромѣ гримасъ. А то, что вы дѣлаете здѣсь, въ деревнѣ, къ чему это? Вы хотите насильственно заглушить все то, что дѣлаетъ васъ способной царствовать?

— Но къ чему вы это говорите, къ чему вы это говорите?—воскликнула Рената съ неудовольствіемъ и тоской.

— Поѣзжайте со мной.

Рената презрительно улыбнулась.

— Ахъ, это мнѣ знакомо. Я ужъ лучше согласна быть служанкой.

— Отвѣтъ, котораго я ожидалъ. Но я долженъ сказать вамъ, что я не Ансельмъ Вандереръ и не Стефанъ Гудштиккеръ. О, я знаю все! Я не плету дѣвичьихъ вѣнковъ изъ синяго, какъ фіалки, шелка, не превращаю своихъ чувствъ въ макулатуру. Конечно, въ меня едва-ли можно влюбиться, но со мной можно преуспѣть. Я буду только вашимъ импрессаріо, вашимъ режиссеромъ, вашимъ кассиромъ. Мой братъ передъ уходомъ въ заведеніе оставилъ мнѣ тысченокъ двадцать пять. Мальчишка чертовски глупъ и мѣсяцъ тому назадъ выигралъ въ Монтекарло восемьдесятъ тысячъ франковъ. Такъ вотъ, съ этимъ братскимъ подаркомъ я хочу устроить въ какой-нибудь столицѣ, по всей вѣроятности въ Вѣнѣ, маленькій кабарэ для знатоковъ. Плата за входъ будетъ очень высокая, публики не больше ста персонъ, программа заставитъ говорить о себѣ. Словомъ, вы должны стать гвоздемъ предпріятія.

Рената поднялась съ быстротой молніи и затряслась, какъ въ лихорадкѣ. Она не могла произнести ни слова.

— Не думайте, что я брежу,—сказалъ Грауманъ съ подавленнымъ смѣхомъ.—Отъ васъ не потребуется ничего, чему вы не могли бы научиться въ три дня. Простота дѣла—мой особенный кунштюкъ. Мой другъ, клоунъ Зонненфельдъ изъ Парижа, уже проникся энтузіазмомъ къ этой идеѣ. Я не обѣщаю вамъ ничего, но за то а предлагаю вамъ ключъ, открывающій всѣ входы къ счастью. Правда, это счастье не имѣетъ ничего общаго съ картофельнымъ салатомъ и лирическими стихотвореніями... Но я вижу, что васъ это совершенно не интересуетъ...

— Нѣтъ, я не хочу ничего больше слышать, — дрожа, отвѣтила Рената.—Теперь вы знаете, каково у меня должно быть на душѣ, что я съ самаго начала...—Она сложила руки и отвернула исказившееся лицо. Петеръ Грауманъ вздохнулъ, какъ будто жалѣя, что потратилъ даромъ столько времени.

— Я пробуду здѣсь до послѣзавтра,—сказалъ онъ, провожая Ренату до улицы, поклонился съ изысканной вѣжливостью и, тихо насвистывая, вернулся въ трактиръ.

IV.

Уже стемнѣло. Было душно и сыро. Цвѣты свѣтлыми пятнами выдѣлялись на лугахъ, выглядывали изъ темноты, точно глаза; колосья отяжелѣли отъ хлеставшаго ихъ косого дождя. Бессемеръ жилъ не въ самомъ Брукѣ, а нѣсколько ниже по рѣкѣ. Ренатѣ, на ногахъ которой были туфли, было трудно идти по мокрымъ дорожкамъ. Мелкіе камешки попадали въ отверстія туфель, и у каменнаго изваянія Мадонны, окруженнаго розовыми кустами, она остановилась и вытряхнула ихъ. Ангелюсъ фыркнулъ.

— Что съ тобой, глупая собака?—спросила Рената.

Розы благоухали такъ сильно, какъ будто хотѣли наполнить своимъ запахомъ всю окрестность. Вдругъ Рената у ногъ изваянія увидѣла какую то неподвижную фигуру. Сначаза она испугалась, но потомъ подумала, что это, вѣроятно, кто нибудь молится, подошла немного ближе и въ невѣрномъ свѣтѣ увидѣла профиль молодой дѣвушки, очевидно, служанки или крестьянки.

Лицо было полно горячей мольбы, во всей фигурѣ выражалась тревога. Очевидно, дѣвушка услышала скрипъ песка; она вздрогнула и обернулась. Рената удивилась, увидя здѣсь Кэте, которая обыкновенно цѣлый день распѣвала.

— Что это вы дѣлаете здѣсь, Кэте, почему вы ушли изъ дому?

Рената чувствовала, что это не спокойная молитва послѣ трудового дня, а муки виновной совѣсти. Кэте овладѣла собой и пробормотала, что ждетъ здѣсь своего возлюбленнаго. Въ самомъ дѣлѣ, вдали показалась фигура мужчины, на фонѣ темнаго неба казавшаяся необыкновенно большой. Она быстро приближалась.

Рената ушла. Машинально, погруженная въ мысли, она дорвала розу и заткнула ее за поясъ. Она мечтательно глядѣла передъ собой, подаваясь пріятной иллюзіи. Набожность служанки казалась ей чѣмъ то неприкосновеннымъ. Быть можетъ, она падетъ въ эту же ночь, она знаетъ это, боится, но не можетъ совладать со своей страстью и проситъ чуда у Матери Божьей. А чудо, котораго жаждутъ, часто уже наполовину свершилось. Странно, что эта фраза прозвучала въ воображеніи Ренаты такъ, какъ будто ее произнесъ Петеръ Грауманъ. Она должна была сознаться себѣ, что испы-

тывала по отношенію къ этому человѣку чувство чего-то неизбѣжнаго. Смѣсь страха и почтенія дѣлала представленія о немъ шаткими и туманными. Она больше не знала, какъ онъ выглядитъ, она то смѣялась надъ нимъ, то признавала за нимъ превосходство, даже геніальность. Въ немъ было что то оригинальное и даже утонченное. Рената приняла рѣшеніе обращаться съ нимъ иронически, но сейчасъ же схватилась за голову, потому что такимъ образомъ предполагала возможность дальнѣйшихъ встрѣчъ. Часто люди бываютъ такъ скованы другъ съ другомъ: самое существованіе одного изъ нихъ кажется другому опасностью, уменьшить которую можно только тѣмъ, чтобы никогда не упускать другъ друга изъ виду.

Въ унылом настроеніи отъ этихъ мыслей подошла Рената къ виллѣ. Въ первомъ этажѣ былъ виденъ свѣтъ, переходившій изъ комнаты въ комнату. Когда она вошла въ павильонъ, на большихъ стоячихъ часахъ раздалось десять глухихъ ударовъ. Подъ пальмой сидѣли молодые люди одни. Когда Рената вошла, они встали, точно по командѣ. У нихъ былъ такой видъ, какъ будто они хотѣли взглядами поднять что то съ полу; во всякомъ случаѣ на Ренату они не смотрѣли и дѣлали видъ, что ея появленіе ихъ не особенно интересуетъ. Она незамѣтно покачала головой и немного удивленно оглядѣла комнату, въ которой все еще былъ такой же воздухъ, какъ передъ грозой. Изголодавшемуся апельсинному деревцу было, навѣрно, очень душно, у него былъ такой видъ, какъ будто конецъ его тепличной жизни былъ близокъ. Рената приказала собакѣ лечь въ углу и, выйдя изъ павильона, замѣтила, что архитекторъ послѣдовалъ за ней на разстояніи десяти шаговъ. Она быстро пошла наверхъ, въ свою комнату, такъ какъ вспомнила, что изъ сада видѣла свѣтъ и въ ней. На лѣстницѣ стояла Фанни-Элиза и неувѣренно вглядывалась въ Ренату, точно ли это она. Когда Рената хотѣла пройти мимо нея, она грубо сказалала:

— Остановитесь здѣсь! Въ вашу комнату вамъ нельзя войти.

— Почему? — съ удивленіемъ и негодованіемъ спросила Рената.

— Это вы скоро узнаете,—отвѣтила Фанни-Элиза, надменно скрещивая руки на груди. Видно было, что ей недоставало еще двухъ рукъ и ногъ, чтобы вполнѣ выразить величіе своей позы.

— Прошу васъ говорить со мной другимъ тономъ,—прошептала Рената: она уже едва могла говорить.

— Я думаю, что намъ вообще придется мало говорить другъ съ другомъ,—язвительно отвѣтила Фанни-Элиза. Она

хотѣла быть именно „язвительной“, въ духѣ недоступныхъ героинь своихъ любимыхъ романовъ.

— Но что же случилось?—прошептала Рената почти умоляюще.

— Вашу комнату обыскиваютъ. Мы позвали полицію. Брилліантовая брошь исчезла. Вы согласитесь, что подозрѣніе противъ васъ напрашивается само собой. Лучше будетъ, если вы сознаетесь сами.

Госпожа Самасса, вышедшая на площадку лѣстницы, услышала послѣднія слова. Она была разгорячена; щеки у нея раздувались, рукава были засучены, въ одной рукѣ она держала принадлежавшую Ренатѣ кожаную сумку, въ другой—свѣчу.

— Гдѣ это вы пропадаете?—набросилась она на Ренату.

Вышелъ и Грегоръ, увидѣлъ Ренату и кашлянулъ. Лицо Ренаты съ каждой секундой становилось блѣднѣе; теперь оно имѣло зеленоватый оттѣнокъ. Глаза были широко открыты. „Все это, навѣрно, сейчасъ пройдетъ,—думала она,—можетъ быть, я сейчасъ умру“. Затѣмъ ея мысли спутались, и у нея явилось ощущеніе, что она—уже не она сама, а стоитъ возлѣ себя. Эта вторая, стоявшая возлѣ нея, пошла въ комнату, гдѣ передъ взломаннымъ шкафомъ стоялъ на колѣняхъ какой-то человѣкъ, взяла свой револьверъ, оставшійся у нея отъ временъ охоты, вышла на лѣстницу и прицѣлилась въ семью Самасса. Курокъ только щелкнулъ, но женщины, къ которымъ присоединилась и мертвенно блѣдная отъ волненія Гретхенъ, закричали, зовя на помощь. Рената упала безъ чувствъ, и голова ея ударилась о перила лѣстницы. Архитекторъ захлопалъ въ ладоши, а ассесоръ, привлеченный криками, взывалъ безъ всякой причины:

— Господинъ коммиссаръ! Господинъ коммиссаръ!

— Подумали ли о служанкѣ?—мрачно пробормоталъ архитекторъ. Госпожа Самасса ломала руки и безпомощно смотрѣла на распростертое тѣло Ренаты. Фанни-Элиза восторженно подняла глаза къ мерцавшимъ серебрянымъ звѣздамъ и думала:

„Это точь-въ-точь какъ въ „Тайнѣ лэди Даркгомъ“. Молодые люди занялись Ренатой, они внесли ее въ ея комнату и положили на кровать.

Ночью къ ней вернулось сознаніе. Гретхенъ, которая по натурѣ была довольно добрая, сидѣла у ея постели. Но она не могла избавиться отъ смущенія и только утромъ, медленно и запинаясь, сообщила, что Кэте во всемъ призналась коммиссару. Ея возлюбленный, которому она передала драгоцѣнность, былъ уже далеко. Рената слушала безучастно. Посрединѣ комнаты сидѣлъ Ангелюсъ, онъ тупо смотрѣлъ

на отцвѣтшую розу, которую сорвала Рената, и которая лежала передъ нимъ на коврѣ.

— Я хочу встать,—сказала Рената,—оставьте меня одну.

Гретхенъ вышла. Внизу ее стали разспрашивать, но она отмалчивалась съ важнымъ видомъ, какъ будто знала какую то тайну.

Рената была полуодѣта, такъ какъ съ нея сняли только ботинки, лифъ и корсетъ. Сначала она едва могла ходить, но когда она облила голову и шею холодной водой, къ ней вернулась бодрость. Она торопливо причесалась, одѣлась, уложила свой чемоданъ и дорожныя сумки, заперла все, по своей привычкѣ аккуратно составила все вмѣстѣ, позвала Ангелюса и спустилась внизъ по лѣстницѣ. У воротъ стояла Гретхенъ; она съ изумленіемъ спросила Ренату, куда она идетъ. Трое остальныхъ Самасса слышали, какъ она спускалась по лѣстницѣ: лай Ангелюса заставилъ ихъ насторожиться. Они стояли за дверью и слушали сквозь щелку, какъ школьники, боящіеся встрѣтиться съ учителемъ.

— Я ухожу,—сказала Рената, какъ будто рѣчь шла о прогулкѣ.—Мои вещи уложены. Черезъ часъ придетъ носильщикъ и отнесетъ ихъ на вокзалъ. До свиданія.

Она вышла изъ сада. Ночью, вѣроятно, еще шелъ дождь; листья были мокрые, земля влажная, небо свинцовое. Рената, не колеблясь, пошла по дорогѣ къ Бессемеру, какъ будто это было непоколебимое рѣшеніе, принятое ею послѣ долгихъ размышленій. Но на самомъ дѣлѣ она едва сознавала, что дѣлаетъ, и дѣйствовала изъ смутной потребности что-нибудь предпринять. Если бы кто нибудь схватилъ ее за руку и спросилъ: „Куда ты идешь?"—она не знала бы, что на это отвѣтить.

Петеръ Грауманъ, несмотря на ранній часъ, уже сидѣлъ въ бессемеровскомъ саду за кружкой пива. Рената подошла къ столу и сказала такъ торопливо, какъ будто кто-нибудь могъ вырвать у нея слова, прежде чѣмъ она ихъ произнесетъ:

— Вотъ я. Я ѣду съ вами. Дѣлайте, что хотите.

Лицо Петера Граумана приняло идіотское выраженіе изумленія. Сигара выпала у него изо рта и, шипя, упала въ наполненный до половины стаканъ. Рената, глубоко переводя дыханіе, сѣла на скамью, позвала Ангелюса и машинально прикрѣпила шнурокъ къ его ошейнику.

V.

Все то, что произошло въ послѣдующіе дни, казалось неразрывной смѣсью сна и дѣйствительности. День и ночь со своими красками проходили мимо души, оставляя въ ней не большій слѣдъ, чѣмъ оставляетъ полоса свѣта, расплывающаяся во мракѣ, если внезапно потушить огонь. Одинъ часъ ничѣмъ не отличался отъ другого, такъ какъ не было никакого мѣрила для сравненія. Всѣ они проносились мимо, какъ тѣни. Воспоминаніе ничего не проясняло и ничего не затемняло, и нѣсколько оставшихся еще желаній взлетали, какъ испуганныя птички изъ внезапно открытыхъ клѣтокъ, и исчезали навсегда. Гдѣ-то по близости стоялъ Петеръ Грауманъ; важныя и убѣдительныя рѣчи были для него потребностью. Гдѣ-то былъ и Ангелюсъ, не веселый и не печальный, всегда голодный, всегда завистливо поглядывающій на собакъ, которымъ, очевидно, жилось лучше. Въ Мюнхенѣ у Петера Граумана было много знакомыхъ; въ кафе онъ всегда сидѣлъ до тѣхъ поръ, пока не уходилъ послѣдній посѣтитель, чтобы оставшіеся не могли говорить о немъ, какъ онъ говорилъ объ ушедшихъ раньше. Онъ презиралъ всѣхъ, и на землѣ было, можетъ быть, не больше четырехъ мужчинъ, которыхъ онъ не считалъ ниже себя. Къ женщинамъ у него было совершенно другое отношеніе. По ихъ походкѣ онъ заключалъ объ ихъ чувственныхъ способностяхъ; по ритму ихъ шаговъ онъ узнавалъ самые тонкіе оттѣнки характера. Его неизмѣнная, смиренная, немного торопливая и старомодная вѣжливость прикрывала дьявольскую насмѣшку непоколебимаго скептика; его преувеличенный паѳосъ былъ обоями на дырявой стѣнѣ. Въ теченіе одного часа онъ могъ быть свѣтскимъ человѣкомъ, моралистомъ, авантюристомъ, артистомъ, циникомъ и философомъ. Его ослѣпляло внѣшнее; утонченность была ему ближе, чѣмъ природа. Простыхъ, прямолинейныхъ страданій онъ не понималъ. Чувства, которыя онъ проявлялъ, были не простыми звуками, а октавами. Рената чувствовала себя передъ нимъ совершенно безвольной, и это состояніе безволія измѣнило все ея существо. Три дня была она уже въ городѣ, но не выходила даже изъ комнаты отеля. У нея были книги для чтенія, она часами переворачивала страницу за страницей, но, когда переставала читать, не помнила ничего, кромѣ нѣсколькихъ ничего незначущихъ фразъ, случайно дошедшихъ до ея сознанія. Она стояла у окна, смотрѣла на улицу. Но какая это была улица, въ какомъ домѣ она находилась—

объ этомъ не стоило думать; по улицѣ шли люди, иногда свѣтило солнце, иногда шелъ дождь; лаяли собаки, кричали кучера; у воротъ стоялъ кельнеръ; странно, что она могла видѣть все это. Затѣмъ опять началась ѣзда въ вагонѣ. Колеса грохотали, когда окно было открыто, и глухо стучали, когда оно было закрыто. Лѣса и озера, рѣки и луга проносились мимо, по краю длинныхъ дорогъ плелись быки, а на поляхъ стояли нагруженные возы. На горизонтѣ выросли горы; затѣмъ передъ ней вдругъ очутилось Боденское озеро. Во время переѣзда Рената много смѣялась и болтала, не съ Грауманомъ, а съ нѣсколькими туристами и ихъ дамами, у которыхъ былъ такой видъ, какъ будто они пріѣхали изъ далекихъ странъ, и которые выражали слишкомъ большое удивленіе передъ всѣмъ, что видѣли. Озеро было желтовато-сѣрое, неспокойное. Когда стемнѣло, горы, казалось, надвинулись на самый берегъ. Рената стояла возлѣ будки рулевого и смотрѣла на западъ. Тамъ лежалъ Констанцъ, городъ, опасный для южныхъ мечтательницъ. Можетъ быть, днемъ можно было-бы разглядѣть верхушку какой-нибудь башни, но вечеръ скрывалъ и окутывалъ мракомъ берегъ. Петеръ Грауманъ стоялъ, прислонившись къ мачтѣ, и закуривалъ сигару. Горящая спичка ярко освѣтила его черты, какъ тогда,—Рената отвернулась, судорожно закусила нижнюю губу и посмотрѣла внизъ, на шумѣвшую пѣну у колеса. Попутчики были очень веселы. Молодой франтъ съ изжелта-блѣдными щеками и безстыдно-любопытнымъ взглядомъ побѣдителя кокотокъ читалъ вслухъ изъ газеты расписаніе цюрихскихъ увеселеній, скудость которыхъ давала обильную пищу шуткамъ. Молодой человѣкъ сказалъ, неувѣренно поглядывая на Ренату:

— Мы должны познакомиться тамъ со студентками. Говорятъ, что онѣ очень забавны.

— Непремѣнно!—съ увлеченіемъ воскликнули три дамы.

— Заполучить ихъ нелегко, господа,—вмѣшался въ разговоръ Петеръ Грауманъ.—Но нѣкоторыхъ я могу вамъ показать. Онѣ ѣдятъ у меня изъ рукъ и умѣютъ дѣлать забавные кунстштюки. Одна, напр., умѣетъ высиживать яйца, если только дать ей посидѣть на нихъ достаточно времени, другая знаетъ исторію Возрожденія. Любопытныя существа!

Царившее въ компаніи оживленіе смѣнилось молчаніемъ. Блѣдный франтъ переступалъ съ ноги на ногу, какъ вдругъ Грауманъ взялъ Ренату подъ руку и сталъ ходить съ ней вдоль борта.

Затѣмъ опять ѣзда въ вагонѣ; на этотъ разъ они были одни. Мимо оконъ мелькали всевозможныя физіономіи, злорадныя и сострадательныя, угрожающія и пророческія. За

окнами было темно, какъ въ міровомъ пространствѣ. Рената легла на узкій диванъ и неподвижно смотрѣла вверхъ. Грауманъ сидѣлъ, наклонившись къ ней, и буквально пожиралъ ее глазами.

— Богиня!—прошепталъ онъ.

Рената посмотрѣла на его лицо и его взвѣшивающее, хитрое выраженіе, и взглядъ собственника заставилъ ее покраснѣть.

— Откуда у васъ былъ тогда револьверъ?—спросилъ Грауманъ.

Сначала она не знала, что отвѣтить, такъ она была поражена: какъ разъ въ этотъ моментъ она съ горечью думала о своемъ оружіи.

— Это подарокъ моей сестры,—неохотно отвѣтила она.— Я подарила ей за это двѣ своихъ книги сказокъ.

— Вотъ какъ? Книги сказокъ?

— Это были мои любимыя книги.

— Вѣроятно, съ картинками?

— Если вы и насмѣхаетесь, мнѣ это безразлично.

— О! Я отношусь къ этому съ величайшимъ сочувствіемъ. Въ этотъ моментъ вы дарите мнѣ третью книгу сказокъ, невидимо покоющуюся въ вашей груди, а я даю вамъ взамѣнъ тоже оружіе—вѣрное и надежное: сознаніе вашей красоты, вашей силы, вашей цѣнности.

— Благодарю. Когда ужъ кончится, наконецъ, эта отвратительная ѣзда? Моей бѣдной собакѣ уже совсѣмъ дурно.

— Въ одиннадцать часовъ мы будемъ въ Цюрихѣ. Вы знаете этотъ городъ?

— Нѣтъ.

— Люди тамъ—кормъ для скота. Другія націи выбрасываютъ туда свой соръ. При чемъ иногда по ошибкѣ попадаютъ и жемчужины. Завтра мы начинаемъ работать. Мнѣ нужно будетъ также привести въ порядокъ свои дѣла. О чемъ вы теперь думаете?

Рената покачала головой.

— Возможно, что насъ будетъ встрѣчать Гертруда Веркмейстеръ. Будьте съ ней ласковы.

— Кто это?

— Одна изъ тѣхъ, которыя ѣдятъ изъ рукъ. Изучаетъ политическую экономію, возрастъ —тридцать лѣтъ, очень отцвѣтшая, довольно умная особа. Ея отецъ былъ архитекторомъ и за мошенничества долго сидѣлъ въ тюрьмѣ. Мать была одна изъ извѣстнѣйшихъ кокотокъ Европы. Поэтому душа дочери стала мрачной. Она страдаетъ болѣзненной честностью и исканіемъ Бога. Она близка къ нѣкоей Викторіи Шенау...

Рената съ изумленіемъ и страхомъ посмотрѣла на Петера Граумана: онъ поднесъ руку ко рту, чтобы скрыть саркастическую усмѣшку.

— Да, вы увидите тамъ удивительные экземпляры, людей, которые гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ были-бы немыслимы Мужъ этой Шенау, раззорившійся баронъ, страдающій маніей математическаго вычисленія шансовъ на выигрышъ. Все это люди, утратившіе всякую связь съ міромъ, островитяне. Каждый думаетъ, что онъ въ состояніи произвести революцію или реформировать общество. Держитесь холодно. Не говорите. Будьте таинственны. Не высказывайте никакого интереса. Отнынѣ вы—Ренэ Лузиньянъ. Это звучитъ такъ, какъ будто вы отбросили дворянскую частицу, напоминаетъ о старыхъ французскихъ графскихъ родахъ. Новое имя прогонитъ многія старыя свойства, мѣшающія вамъ. Такія вещи имѣютъ больше значенія, чѣмъ обыкновенно думаютъ.

Рената закрыла глаза и слушала, слушала. Ангелюсъ началъ визжать, какъ будто отъ этого разговора ему стало не по себѣ. Грауманъ приказалъ ему замолчать, но безуспѣшно.

— Что это съ нимъ?—спросилъ онъ Ренату, старавшуюся успокоить Ангелюса лаской.

— Ѣзда, вѣроятно, утомляетъ его,—отвѣтила она съ извиняющей улыбкой. Однако Грауманнъ далъ собакѣ такого пинка ногою, что она въ ужасѣ вскочила и, закативъ глаза, подняла жалобный вой, заглушившій шумъ колесъ. Казалось, ее охватила міровая скорбь или предчувствіе несчастья. Но Петръ Грауманъ взялъ свою палку, сжалъ губы и сталъ изо всѣхъ силъ бить собаку. Рената умоляюще протянула руку, затѣмъ она начала дрожать всѣмъ тѣломъ и безвольно смотрѣла на происходившее. Когда Грауманъ кончилъ, Ангелюсъ затихъ. Когда Рената погладила его, онъ остался совершенно спокоенъ, не выказалъ ни малѣйшей благодарности или радости, не взглянулъ на свою госпожу. Ренату охватила скорбь, но она геройски превозмогла ее.

— Какая это порода?—съ полнымъ спокойствіемъ спросилъ Грауманъ подходя къ ней.

Она сначала не отвѣтила, но его взглядъ мало-по-малу заставилъ ее посмотрѣть на него. Она отвѣтила покорно, какъ ученица:

— Это англійскій сетеръ. Онъ такъ уменъ, что понимаетъ каждое слово.

VI.

Снизу ей былъ виденъ весь городъ, голубой Лиматъ со своими мостами и церкви со своими башнями. Напротивъ лежалъ зеленый Юглиберхъ, и, какъ стекло, тянулось къ югу озеро,—отливая на солнцѣ свинцовымъ блескомъ, серебряное въ свѣтлыя ночи, голубое въ сумерки, золотое вечеромъ. Затѣмъ Альпы, желтовато-сѣрыми снѣжными шапками, касающіяся неба. Все это было видно Ренатѣ изъ окна ея комнаты. Но это не интересовало ея, она была занята другими вещами, поглощена заботами о туалетахъ, и двѣ парижскихъ швеи должны были на нѣсколько недѣль посвятить себя ей. Уже однимъ этимъ Ренэ Лузиньянъ возбуждала любопытство студентокъ, и всѣ искали ея общества. Единственное, что она принимала близко къ сердцу, было то, что Ангелюсъ оставался непримиреннымъ. Онъ былъ послушенъ даже больше, чѣмъ прежде, но не проявлялъ ни малѣйшей нѣжности, не царапался утромъ о кровать и не ворчалъ, когда приходили гости, которые казались ему нежелательными для его госпожи.

— Онъ больше со мной не разговариваетъ,—сказала Рената Герудѣ Веркмейстеръ, улыбаясь. Но глаза ея были влажны.

Гертруда Веркмейстеръ была ежедневнымъ гостемъ. Въ ней было что-то кисло-сладкое. Походка у нея была небрежная (намѣренно переваливающаяся), какъ и все въ ней. На ея тѣлѣ болталось убогое платье, а отъ коротко остриженныхъ волосъ, лицо, несмотря на свою блѣдность, казалось полнымъ и здоровымъ; хороши были только глаза въ спокойныя минуты. Обыкновенно-же въ нихъ неизмѣнно выражалось: „я такъ хитра, что вижу васъ всѣхъ насквозь“. Она усердно посѣщала лекціи, писала, дѣлала опыты, играла въ карты, курила,—все это какъ будто съ засученными рукавами. Она всегда старалась сказать какое-нибудь мѣткое словцо, охарактеризовать людей или событія съ кокетливой краткостью. Она слышала отъ Граумана о первомъ бѣгствѣ Ренаты изъ родительскаго дома и сказала ей:

— Какой невинностью и какой фантазеркой вы должны были быть, чтобы рѣшиться на это.—И она съ материнской лаской улыбнулась ей, показавъ свои бѣлые зубы.

Они шли по берегу озера, на которомъ въ этотъ вечеръ было устроено нѣчто въ родѣ народнаго гулянья. Рената кивнула головой въ отвѣтъ на умную фразу, не переставая

внимательно разглядывать платья нѣсколькихъ англичанокъ, шумно усаживавшихся въ лодку.

— Какой душный вечеръ,—сказала она.

— Смотрите, не прозѣвайте фейерверка,—крикнула сзади юная студентка, носившая смѣшное имя Гольцгетанъ, Элла Гольцгетанъ. Она страдала немножко маніей благородства и одиночества, она безпрестанно усиленно жестикулировала, и хотя ей было не больше двадцати лѣтъ, иногда у нея былъ видъ старухи: такъ измучены были ея черты отъ напряженія, презрительныхъ гримасъ, искусственной любезности, искусственной усталости.

Въ срединѣ озера уже взлетали огненныя ракеты. Мужчины хотѣли нанять лодку, но Грауманъ, боявшійся воды, помѣшалъ имъ сдѣлать это. Они купили цвѣтные фонарики и попытались устроить торжественное шествіе—все это ради Ренаты, вызвавшей въ компаніи настоящую любовную лихорадку. Сама она, казалось, не замѣчала этого, не слышала словъ, которыя шептали ей—льстиво или назойливо, патетически или сантиментально. Она ни поощряла, ни ободряла. Господинъ фонъ-Тирстей называлъ это dégouter l'amour, себя же самого онъ называлъ рабомъ любви и не отходилъ отъ Ренаты. Онъ былъ чѣмъ-то въ родѣ студента, по скольку не былъ искателемъ приключеній, имѣлъ, повидимому, много денегъ; говорили, что его отецъ былъ первымъ золотоискателемъ въ Аляскѣ. Были тамъ и другіе молодые люди: нѣкій Бирнбаумъ, хлѣбный торговецъ, эмигрантъ изъ Баваріи, и двое вестфальцевъ, сыновья владѣльцевъ каменноугольныхъ копей. Они оба должны были оставить родину изъ-за дѣла объ оскорбленіи величества. Кромѣ нихъ, было нѣсколько русскихъ студентовъ. Мужъ Шенау становился наглъ, когда проигрывался, и бросалъ направо и налѣво вызовы, не доходившіе даже до переговоровъ.

Остальныхъ дамъ пришлось подождать у Tonhalle, чему всѣ были очень рады, такъ какъ ходить было слишкомъ жарко. Но пришли только Камилла Шункъ и „Сова". Агнесъ Гейпе осталась дома, ея нельзя было вывести изъ ея апатіи.

— Надо послать ей мужчину,—энергично сказалъ Грауманъ, скаля зубы. Камилла наказала его мрачнымъ молчаніемъ. Въ ней уже не было ничего женственнаго. Ея внѣшность и манеры напоминали не то акушерку, не то стараго астронома. Ничто не интересовало и не воодушевляло ее такъ, какъ женское движеніе. Она часто разъѣзжала по Германіи, читая рефераты, была необыкновенно освѣдомлена, необыкновенно серьезна и убѣждена, необыкновенно лишена пола. Ея подруга „Сова" была совсѣмъ въ

другомъ родѣ. Она довела своего мужа до самоубійства, потому что онъ не могъ стать такимъ знаменитымъ, какъ она хотѣла. Она въ совершенствѣ обладала искусствомъ мечтательно закатывать глаза, была ядовита, остроумна и умѣла одѣватся.

Баронъ Тирстей шутилъ съ Ренатой, и она смѣялась его шуткамъ. Гертруда Веркмейстеръ вела научный разговоръ съ „Совой", русскіе забавлялись тѣмъ, что бросали фонарики въ воду, и покупали новые. Петръ Грауманъ одиноко шелъ впереди съ осанкой тюремнаго надзирателя. Рената, разговаривая, все время смотрѣла на его спину. Она говорила много и быстро, и ей говорили, что она умна и наблюдательна и Богъ знетъ что еще. Она усвоила себѣ странную манеру слушать, придававшуюся лицу выраженіе злой ироніи. Когда она сомнѣвалась въ чемъ-нибудь, что говорилъ ея собесѣдникъ, она прищуривала лѣвый глазъ и высовывала кончикъ языка. Когда она замѣтила, что это некрасиво, она обрадовалась.

— Теперь мы возьмемъ лодку! — воскликнула Рената, подходя къ берегу.

— Намъ надо, по крайней мѣрѣ, пять,—сказалъ хлѣбный торговецъ съ важнымъ и предпріимчивымъ видомъ.

— Для чего? Вѣдь отсюда все видно,—недовольно отвѣтилъ Шенау, криво надѣвая сѣрый цилиндръ. Онъ испытывалъ нетерпѣніе, такъ какъ приближалось время игры.

Тирстей взялъ для себя, Ренаты и „Совы" одну изъ меньшихъ лодокъ.

— Фрейлейнъ Лузиньянъ напоминаетъ мнѣ одну фигуру Гончарова,—сонно сказалъ одинъ изъ русскихъ, когда тѣ плыли уже по озеру.

— Вотъ какъ? Не оставимъ ли мы наши свои литературныя познанія при себѣ? — отвѣтилъ Грауманъ.

Всюду сверкали огни, погружаясь въ воду, взлетая изъ воды, издали изъ какой то лодки доносилась народная пѣсня, изъ другой — игра на мандолинѣ. У противоположнаго берега взрывались уже ракеты, сотни лодокъ молча ползли по ясному зеркалу, увѣшанныя маленькими, огненно-красными фонариками. Тирстей началъ разсказывать въ комическомъ тонѣ о не пришедшей Агнесѣ Гейне. Но вскорѣ онъ смутился, такъ какъ тема оказалась слишкомъ серьезной.

Рената знала, въ чемъ было дѣло съ Агнессой Гейне, знала ее. Это была тихая, кроткая дѣвушка, слѣдущая всякому порыву, который обѣщалъ увеличить внутреннюю свободу ея натуры. Она была совершенно одинока, у нея не было ни родителей, ни братьевъ и сестеръ, только нѣсколько

такъ называемыхъ друзей и подругъ, которымъ она, благодаря своей душевной проницательности, съ основаніемъ не довѣряла. Чуждая окружающему міру, стояла она среди жизни, но непосредственное и сильное чувство помогало ей разбираться въ людяхъ и событіяхъ. Эта дѣвушка знала только одинъ порывъ, одно стремленіе, одно удовлетвореніе, одно счастье: свои занятія. Въ нихъ была ея жизнь, ея мечта и ея опора, и лишенная дара научнаго познанія и даже систематизирующей способности разума, она возмѣщала эти недостатки страстью, съ которой отдавалась изученію естественныхъ наукъ. Великая механика силъ и законовъ приводила ее въ вѣчно новое изумленіе, и каждая математическая или химическая формула была для нея священнымъ чудомъ. Такъ внутреннимъ чувствомъ и проникновеніемъ въ великое она достигала того, что мужской умъ медленно изучаетъ и до чего додумывается съ помощью наблюденія и цѣлесообразной систематизаціи. То, чѣмъ другія студентки были изъ нужды, изъ каприза, благодаря стеченію обстоятельствъ, изъ самообмана или кокетства, тѣмъ она была по призванію. Ни ея молодость, ни красивое лицо и изящная фигура не принесли ей ни одного часа колебанія и неувѣренности.

И вотъ, уже въ теченіе нѣсколькихъ недѣль было извѣстно, что Агнесъ Гейне должна ослѣпнуть. Она сама знала, что это неизбѣжно, и, точно парализованная душевно, ждала катастрофы. Какъ и раньше, горѣла ея рабочая лампа за полночь, но всѣ знали, что она больше не сидитъ за книгами, а уныло глядитъ въ пространство. Когда Рената встрѣтилась съ этой незнакомой студенткой, ея душа пришла въ смятеніе, еще усилившееся, когда она постаралась понять его. Теперь она знала. Она увидѣла самое себя точно въ зеркалѣ, сохранившемъ отраженіе изъ былыхъ временъ. Такой должна быть она, такой мягкой, повидимому беззащитной, полной ожиданія и глубокой вѣры. А теперь? Теперь ночью въ ея комнату входилъ въ войлочныхъ туфляхъ Петеръ Грауманъ, съ остаткомъ сигары въ углу рта, съ невидимой плетью въ рукѣ... А днемъ она бродила, чуждая самой себѣ, видя прежнее свое *я* только изрѣдка и въ туманныхъ очертаніяхъ... Всегда съ ложью наготовѣ, точно съ запасомъ платьевъ и шляпъ...

VII.

Мужчины были приглашены на представленіе, на которомъ Ренэ Лузиньянъ должна была показать свое таинственное искусство. Въ серединѣ сентября предполагался уже отъѣздъ. Рената поселилась за городомъ, на берегу озера; мораль города запрещала ей жить въ одномъ домѣ съ Грауманомъ. Теперь ея домъ лежалъ среди зелени; ей надо было только высунуть изъ окна руку, чтобы сорвать спѣлыя ягоды черешни, росшей у стѣны.

Представленіе состоялось и произвело такое ошеломляющее впечатлѣніе, что объ одобреніи сначала не могло быть и рѣчи. Петеръ Грауманъ стоялъ и тихонько посмѣивался, у него былъ видъ, какъ у кота, возвращающагося съ удачной ночной прогулки. Рената, мертвенно блѣдная, дрожащая всѣмъ тѣломъ, не отводила взгляда отъ его лица и почувствовала облегченіе, увидя, что онъ кажется довольнымъ.

— Какъ сегодня жарко, — съ робкой улыбкой сказала она, когда съ ней заговорилъ Шенау, котораго тянуло убѣдиться, въ самомъ ли дѣлѣ это она,—какъ молодыя дѣвушки бѣгутъ къ выходу со сцены, чтобы увидѣть настоящее лицо актера безъ грима.

— Но вы все таки примете участіе въ сегодняшней прогулкѣ?—сказалъ Шенау.

— О да. Кто будетъ еще?

— Тѣ же, что и всегда. Представьте себѣ, что мы убѣдили пойти съ нами и Агнессу Гейне.

Всѣ собрались въ назначенное время на набережной. На „Совѣ“ была рембрандтовская шляпа съ двумя перьями — желтымъ и бѣлымъ; на Камиллѣ Шункъ и Гертрудѣ Веркмейстеръ были стиранныя и перестиранныя ситцевыя платья, при каждомъ шагѣ скрипѣвшія, какъ бумага. За то мужчины были всѣ въ бѣлыхъ фланелевыхъ костюмахъ, которые были въ модѣ. Агнесса Гейне шла нѣсколько въ сторонѣ отъ всѣхъ, у самаго озера. На ней были очки съ темными стеклами, и въ компаніи не было ни одного человѣка, который отъ времени до времени не бросалъ бы на нее взгляда. Она не обращала вниманія ни на кого, едва отвѣчала на вопросы, старалась избѣгать разговоровъ.

— Будетъ гроза, — сказала Сова, неестественно широко открывая глаза.—Я замѣтила черныя тучи еще нѣсколько часовъ тому назадъ.

— Мы вышли слишкомъ поздно,—проворчала Викторія Шенау.—Уже вечеръ.

— Камилла была на лекціи, Агнессу мы вытащили изъ лабораторіи, даже Аксаковъ былъ сегодня прилеженъ.

Аксаковъ, необыкновенно безобразный субъектъ, по обезьяньи оскалилъ зубы.

Въ озеро уже падали капли. Мѣстность была мрачная и пустынная. Далеко позади лежалъ городъ, озеро во всю ширину было покрыто тяжелымъ туманомъ, горы изчезали въ облакахъ. На голыхъ скалахъ, возвышавшихся на берегу, негдѣ было укрыться, но Грауманъ зналъ домъ, находившійся на разстояніи не больше ста метровъ, у каменоломни. Домъ оказался почти вымершимъ. Изъ сѣней вышелъ древній старикъ, съ неудовольствіемъ глядѣвшій на толпу гостей. Съ трудомъ удалось отъ него добиться, что зданіе, служившее прежде трактиромъ, предназначалось на сломъ. Его дѣти и внуки уже выѣхали, онъ же остается до самаго послѣдняго момента.

— Мы переѣзжаемъ въ Валлисъ,—мрачно прибавилъ онъ.

— Гдѣ можно укрыться въ этомъ замкѣ?—властно спросилъ Тирстей.

— Онъ разыгрываетъ донъ-Кихота, — ядовито замѣтила Камилла.

— Не волнуйтесь, дражайшая Мариторна!

— Намъ слѣдовало бы быть менѣе образованными въ нашихъ ругательствахъ,—устало сказала Сова.

Грауманъ, которому всѣ молча подчинялись, пошелъ впередъ и вошелъ въ большой залъ, гдѣ въ прежнее время происходили танцы. Рената нашла, что здѣсь уныло и душно и темно; каждый шагъ отдавался эхомъ. Дождь лилъ, какъ изъ ведра. Всѣ смѣялись, шумѣли, острили, старались быть любезными и привѣтливыми, но чувствовалось, что всѣ подавлены. Къ этому присоединилось то, что всѣ женщины ревновали къ Ренатѣ, которую мужчины обступили съ нѣмымъ вожделѣніемъ. Каждый хотѣлъ получить отъ нея хоть одно слово, обращенное исключительно къ нему.

Шенау бросилъ на длинный столъ карты. У Граумана тоже были съ собой карты. Гертруда и Камилла ходили по комнатѣ, обсуждая извѣстіе о пріѣздѣ Дарьи Блюмъ-Неандеръ. Викторія Шенау замѣтила, что Агнесъ Гейне исчезла, и эта новость испугала все общество. Рената объяснила, въ чемъ дѣло. Незадолго передъ дождемъ Агнеса сказала ей, что хочетъ вернуться домой, она просила Ренату сообщить объ этомъ позже.

— Но она не могла пойти въ такую непогоду!—воскликнула Викторія Шенау. Мужчины уже начали играть въ банкъ и пригласили принять участіе и дамъ. Но онѣ подошли къ окнамъ и вглядывались вдаль, хотя дождь об-

разовалъ сѣрую стѣну. Аксаковъ принесъ снизу свѣчей, скудный свѣтъ которыхъ бросалъ на полъ причудливыя тѣни. Тирстей поставилъ двѣсти франковъ на двухъ королей и десятку двухъ мастей. Онъ выигралъ.

— Вы раззоряете меня, мой милый милліонеръ,—сказалъ Петеръ Грауманъ, прищелкивая языкомъ.

Рената сидѣла въ сторонѣ, на ступенькахъ эстрады. Ей чудилось, что изъ сумрака къ ней медленно приближается кто то въ маскѣ и спрашиваетъ ее, гдѣ собственно она нанаходится. И она дѣлала усиліе вспомнить, куда она попала. Чужіе люди вокругъ. Какъ странно, что они говорятъ и двигаются, какъ будто въ дѣйствительности. Озеро шумѣло, стучалъ дождь, и за окномъ вставала какая то вѣсть и размѣреннымъ шагомъ переступила порогъ танцовальнаго зала.

„Совѣ" захотѣлось попытать счастья, и она поставила двадцать сантимовъ на два туза. Рената подумала, что всѣ они, можетъ быть, не играли бы, если бы видѣли Агнессу Гейне, когда она уходила. Сквозь черныя стекла очковъ Рената видѣла глаза дѣвушки: если рѣшеніе есть нѣчто осязаемое, то это былъ его образъ и форма. И когда дѣвушка ушла, Рената подумала: это уходитъ Рената Фуксъ и остается Ренэ Лузиньянъ, причудливая фигура, выдумка, тѣнь, рабыня чужой воли. Было несомнѣнно, что Агнесса не пойдетъ домой. И Рената сидѣла и ждала извѣстія, куда пошла Агнесса.

Тирстей выигралъ уже третью тысячу. Шенау сталъ уже наглымъ, надѣлъ шляпу и сыпалъ колкостями, такъ какъ проигралъ. Студентки скучали. „Сова" поставила семь сантимовъ. Движеніемъ, сообщившимся, казалось ей, всему залу, Рената подошла къ столу и сказала, что хочетъ тоже играть. Тирстей взялъ банкъ, сдалъ карты. У Граумана отъ проигрыша была кислая мина. Такъ какъ въ лицѣ Ренаты было что то особенное, Камилла и Гертрудъ невольно подошли къ столу. Викторія Шенау съ ненавистью смотрѣла на мужа. Она разсчитывала на новый осенній костюмъ.

— Тысяча франковъ,—тихо сказала Рената. У нея было два валета и восьмерка пикъ.

— Вы съ ума сошли,—прошепталъ русскій.

Тирстей открылъ семерку пикъ и, добродушно смѣясь, отсчиталъ деньги. При слѣдующемъ оборотѣ Рената удвоила ставку. Она стояла неподвижно, дамы отъ волненія едва дышали. Она выиграла. Петеръ Грауманъ всталъ со своего мѣста и подошелъ къ ней. Она опять удвоила ставку. Она выиграла. Всѣ остальные проиграли. Шенау, закусивъ губы, небрежно облокотился о столъ и пѣлъ.

— Въ банкѣ двадцать тысячъ,—сказалъ Тирстей съ полнымъ спокойствіемъ.

— Двадцать тысячъ,—съ пустой улыбкой сказала Рената. Тирстей поблѣднѣлъ, когда она перебила дамой. Она зябко повела плечами. Слышно было, какъ владѣлецъ „замка" рубилъ во дворѣ дрова. Дождь сталъ слабѣе, вершины горъ опять выглянули изъ тучъ. Рената долгимъ взглядомъ обвела залъ и конвульсивно вздрогнула.

— Вы не слышали крика?

— Да. На озерѣ кто то крикнулъ.

— Продолжайте игру!—крикнулъ Шенау съ налившимися кровью глазами.

— Сонамбула,—насмѣшливо сказала Камилла.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

I.

Неугомонная Элла Гольцгетанъ не могла успокоиться пока не познакомила Ренату со всѣми своими подругами. Среди нихъ были толстыя и худыя, блондинки и брюнетки, старыя и молодыя, и Рената начала проявлять въ обращеніи нѣкоторую холодность и поверхностную иронію, исключавшія всякую возможность сердечной близости. Но среди блондинокъ была и Дарья Блюмъ-Неандеръ, докторъ медицины, а среди брюнетокъ Миріамъ Гейеръ. Обѣ онѣ были здѣсь проѣздомъ; зиму онѣ собирались провести въ Вѣнѣ, гдѣ старшая хотѣла нѣсколько мѣсяцевъ отдохнуть, а Миріамъ Гейеръ слушать лекціи и повидаться съ братомъ. У Дарьи Блюмъ первая молодость была уже позади; ей было тридцать четыре года; она разошлась со своимъ мужемъ, глубокая ученость котораго въ области восточныхъ языковъ соединялась съ поразительнымъ отсутствіемъ физическихъ и душевныхъ способностей. Ея дѣдъ былъ датскимъ сановникомъ, отецъ, эмигрантъ, женился во второй разъ на любекской кухаркѣ и велъ вмѣстѣ съ ней бродячую, полную приключеній, жизнь. Она была недурна собой, хотя черты ея лица были нѣсколько расплывчаты, и любила сниматься въ мечтательныхъ позахъ. Она была поэтическая натура, но сильно склонялась къ философски-лирическимъ абстракціямъ и останавливалась передъ самыми отвлеченными проблемами. Въ ея рѣчахъ была легкая примѣсь причудливаго романтизма, и замѣчанія, которыя она бросала, были часто такъ тонки или такъ отвлеченны, что слушавшій могъ уловить

только схему. При этомъ она любила купанье и гимнастику, какъ и вообще всякій спортъ.

Миріамъ Гейеръ была блѣдная дѣвушка, отличавшаяся необыкновеннымъ спокойствіемъ и положительностью. Ея взглядъ говорилъ, что она преслѣдуетъ одну цѣль, и не намѣрена отклоняться отъ своего пути. Иногда она шутила, но не изъ каприза или веселаго настроенія, а такъ, какъ дѣлаютъ подарки. Она обожала своего брата Агатона.

Онѣ сидѣли втроемъ въ комнатѣ Ренаты. Петеръ Грауманъ, который терпѣть не могъ Дарью, ушелъ. Миріамъ сказала, что если бы не произошла эта исторія съ Агнессой Гейне, она, можетъ быть, осталась бы въ Цюрихѣ до января.

— Для меня это не имѣетъ значенія,—замѣтила Дарья.— Для меня смерть не разбиваетъ ничего. Наоборотъ. Люди, которые были мнѣ милы, становятся мнѣ сразу совсѣмъ близкими. Это то-же самое, что съ музыкой. Въ тотъ моментъ, когда я слушаю, я бываю слишкомъ занята. Нужно только не видѣть въ смерти ничего печальнаго, самое большее—нѣчто трагическое. А вѣдь говорятъ, что и трагическое можетъ быть наслажденіемъ.

— Если-бы можно было такъ оставаться въ сторонѣ, какъ вы,—сказала Миріамъ.

— Я вовсе не остаюсь въ сторонѣ,—удивленно отвѣтила Дарья.—Это вы остаетесь въ сторонѣ. Теряешь только тогда, когда оплакиваешь. Въ тотъ моментъ, когда я выхожу изъ комнаты, она умираетъ для меня, а когда я уѣзжаю изъ города, онъ умираетъ для меня со всѣми людьми, со всѣми друзьями. И въ сущности, я никогда не возвращусь, если даже пріѣзжаю опять, возвращается нѣкто, съ трудомъ разбирающійся въ воспоминаніяхъ, точно путешественникъ въ географическихъ картахъ. Но можно-ли дать объ этомъ какое-нибудь понятіе словами? Слова—грубое изображеніе.

— Не правда-ли? Я часто думаю это,—сказала Рената, безпокойно ходя по комнатѣ. Смеркалось, и когда она смотрѣла на Дарью, ей казалось, что она видитъ ея черепъ, лишенный мяса и кожи. Это смѣшило и волновало ее.

Когда пришла Элла Гольцгетанъ, ей поручили приготовить чай, и она сдѣлала это со свойственной ей угловатой и въ то-же время какой-то змѣиной живостью.

— Кто изъ васъ видѣлъ мертвую Агнессу?—задумчиво спросила Дарья, облокотившись о столъ.—Я никогда не видѣла ничего подобнаго. Ея лицо напомнило мнѣ одно происшествіе изъ моего дѣтства. Я упала съ чердака. Когда я летѣла въ воздухѣ, я думала о мучительныхъ и нелѣпыхъ вещахъ, въ особенности о майскомъ жукѣ, которому мои братья оторвали ноги. Время тянулось безъ конца,

пока я упала внизъ на сѣно. Тогда я испытала такое облегченіе и почувствовала себя такой счастливою, что не хотѣла вставать до вечера. Такъ лежала Агнесса.

— У нея удивительно мягкій голосъ,—подумала Рената. Элла необыкновенно громко стучала ложками и чашками; ей было завидно, что вниманіе все время обращено на Дарью.

— Къ тому-же она была абсолютно дѣвственна,—тихо прибавила Дарья.—Кто наполовину живетъ, тотъ наполовину умираетъ.

— Что вы хотите этимъ сказать? — спросила Миріамъ, краснѣя.

— Я хочу вамъ кое-что показать, господа,—иронически начала Рената и принесла охапку писемъ, которые она небрежно бросила на столъ.—Любовныя письма! Здѣсь такъ и дышетъ разбитыми сердцами и вѣчной страстью. Нашъ Тирстей здѣсь тоже имѣется.

Элла мрачно и недовѣрчиво смотрѣла на бумаги.

— Это неблагородно!—пробормотала она.

— Когда вы уѣзжаете?—спросила фрау Дарья.—Я думала, что завтра. Я, по крайней мѣрѣ, не могу дольше ждать.

Рената пожала плечами.

— Не все-ли равно,—отвѣтила она, роясь въ письмахъ.—Да, да, я думаю завтра. Впрочемъ, это зависитъ отъ Петера Граумана. Почему вы глядите такъ недовѣрчиво, фрейлейнъ Миріамъ?

— Недовѣрчиво?

— Или испытующе?..

Хотя въ чашкахъ дымился чай, мрачное настроеніе все усиливалась.

— Мужчины такіе трусы, такіе трусы!—вдругъ воскликнула Элла Гольцгетанъ, размахивая ложечкою, точно знаменемъ.

Дарья насмѣшливо посмотрѣла на нее.

— Такъ говорятъ дѣвушки, которыми пренебрегаютъ мужчины, милая Элла,—медленно сказала она.

— Это мной пренебрегаютъ? У меня ихъ по десяти на каждую руку. Но я знаю, я некрасива.—Она замолчала, поблѣднѣвъ.

— Все зависитъ отъ одной улыбки,—продолжала Дарья.—Одна улыбка во время можетъ насъ сдѣлать счастливыми, неумѣстная оттолкнуть отъ насъ. Точно такъ-же судьба каждой изъ насъ зависитъ отъ случайной встрѣчи. Большинство мужчинъ представляютъ собой нѣчто неопредѣленное ихъ чувство расплывчато, но мы должны быть къ нимъ такъ внимательны, какъ будто считаемъ каждаго апостоломъ. Мы не свободны, не потому, чтобы мы были недостойны сво-

боды, а потому, что если мы пользуемся ею, мы живемъ еще хуже, чѣмъ въ воздухѣ тюрьмы. Правда, многія вѣрившія въ аиста до брачной ночи, впослѣдствіи убиваютъ свое дитя въ зародышѣ еще прежде, чѣмъ оно рождается. Но чтобы знать и выбирать, для этого нашъ взоръ еще слишкомъ затуманенъ. Мракъ вѣковъ сопровождаетъ насъ, и мы должны бѣжать изо всѣхъ силъ, если хотимъ спастись отъ него. Но тѣ, которымъ удается уйти, оказываются совершенно одинокими.

— Вы должны были бы познакомиться съ моимъ братомъ,—съ дѣтской мечтательностью прошептала Миріамъ.

— Да, мои милыя, вотъ мы бесѣдуемъ обо всемъ этомъ, а можетъ быть, спасительница среди насъ. Я со своей стороны охотно сдѣлалась бы Іудой, чтобы возвысить ея славу,—и Дарья таинственно улыбнулась.

Все это были точно голоса ночи. Это—несчастливицы, думала Рената, изгнанницы, какъ и остальныя. Нѣсколько времени спустя пришли Гертрудъ Веркмейстеръ и Камилла. Первая подняла вопросъ о томъ, можетъ-ли чувственное быть эстетичнымъ. Она была немного разстроена, потому что Викторія Шенау со вчерашняго дня была влюблена въ одного молодого человѣка, блѣднаго Давида, пріѣхавшаго сюда для восхожденія на Монбланъ.

II.

Полчаса спустя всѣ ушли. Тѣ, которые были за эстетичность, шли позади остальныхъ, какъ будто споръ утомилъ ихъ быстрѣе. Спорящіе дошли до вершинъ гегельянства, а вдали зіяли бездны премудрости Спинозы. Элла Гольцгетанъ вертѣлась по комнатѣ, какъ балерина. Она не могла жить, не возбуждая къ себѣ вниманія, хотя мелочами. Она непріятна со своей веселостью, думала Рената, но Гертруда называла это „огнемъ“. Маленькая стоячая лампочка неровно вспыхивала въ сѣняхъ, когда Рената проводила своихъ гостей до лѣстницы, и у нея было такое чувство, какъ будто она должна теперь лечь спать на нѣсколько лѣтъ. Только Миріамъ казалась разстроенной, всѣ остальныя были въ прекрасномъ настроеніи. Взглядъ, которымъ Миріамъ смотрѣла на Дарью, просилъ о чемъ-то, но онъ остался незамѣченнымъ.

Теперь все было тихо. Но въ воздухѣ еще носились слова, какъ носятся послѣ грозы дождевыя капли. Было очевидно, что разговоры были чѣмъ-то призрачнымъ, точно какими то призраками призраковъ, миражемъ, игрой. Каждое слово носило маску и заливалось нѣмымъ смѣхомъ, на-

дѣваясь и изнывая въ мукахъ. За окномъ шумѣли отъ вѣтра и дождя деревья. Внизу былъ обширный паркъ или садъ, на которомъ лежалъ мракъ. Сейчасъ-же за садомъ лежало озеро, на поверхность котораго откуда-то падалъ свѣтъ, сѣрый, какъ свинецъ. На берегу шумѣлъ трактиръ, и окна въ немъ были освѣщены. Оттуда доносились длинныя рѣчи, въ которыхъ патріотизмъ занималъ большое мѣсто, былъ слышенъ голосъ хозяина, приказывавшаго кельнершѣ вымыть стаканы. Затѣмъ кто-то началъ пѣть такимъ хриплымъ голосомъ, какъ будто на языкѣ у него лежали стебли травы. Нельзя было слушать его безъ смѣха. Рената быстро закрыла окна, такъ какъ на узкой полоскѣ свѣта, падавшей изъ кабачка, показался Грауманъ.

Въ углу сидѣлъ Ангелюсъ и спалъ. Онъ заворчалъ, какъ котъ, когда Рената подошла, чтобы вывести его въ другую комнату. Онъ больше не проявлялъ ни особенно веселаго, ни особенно печальнаго настроенія и прозябалъ въ жалкой атмосферѣ равнодушія, сонливости и скептическаго созерцанія. Недовѣріе и замкнутость позволяли ему только скудныя доказательства благоволенія по отношенію къ его госпожѣ. Онъ, казалось, хотѣлъ подождать, къ чему все это приведетъ, и въ присутствіи Петера Граумана его поведеніе отличалось низкимъ смиреніемъ и неискренней покорностью.

Петеръ Грауманъ вошелъ въ комнату съ привѣтствіемъ, которое осталось безъ отвѣта. Онъ съ заученной, подстерегающей медленностью снялъ черныя лайковыя перчатки, при чемъ все время не отрывалъ пристальнаго взгляда отъ какой-то точки на полу. Онъ понюхалъ воздухъ и сказалъ, поднимая кверху брови:

— Вся эта дамская компанія была опять здѣсь. Пора-бы ихъ сплавить.

Рената усталымъ движеніемъ опустилась на стулъ и молчала.

— Завтра мы ѣдемъ, Ренэ,—продолжалъ Петръ Грауманъ.—Къ первому октябрю все будетъ готово. Но сначала я хотѣлъ-бы просить тебя подавить, вѣрнѣе, уничтожить всѣ остатки твоихъ сомнамбулическихъ наклонностей. Пусть веселость будетъ твоимъ лозунгомъ съ утра до вечера. Твоя улыбка во время представленія слишкомъ неподвижна. Сегодня вечеромъ намъ придется еще поработать надъ этой улыбкою, въ которой должно быть что-то демоническое. Движеніе лѣвой ноги слишкомъ академично. Необходимо, чтобы ты вся отдалась дѣлу и стряхнула съ себя свои воспоминанія,

Рената встала, страстно шепча что-то. Грауманъ не двинулся съ мѣста и продолжалъ съ полнымъ спокойствіемъ и звучнымъ пафосомъ.

— Ты думаешь, что я хочу только извлечь изъ тебя пользу. Ты ошибаешься. Мы такъ созданы другъ для друга, что ты должна ненавидѣть меня. Никогда въ жизни ты не сможешь уйти отъ меня. Всѣ остальные были только ступенями ко мнѣ. Какъ восхитительна ты теперь въ своемъ страхѣ, Ренэ! Если бы я былъ даже подлецомъ, не было бы позоромъ быть подлымъ изъ-за тебя. Ты самое совершенное, что природа въ моментъ хорошаго настроенія создала для бѣдныхъ мужчинъ. Ты могла-бы сдѣлать меня дуракомъ и рабомъ, если-бы сознавала величіе своего назначенія.

— Ахъ, каждое изъ этихъ словъ обливаетъ грязью мою руку, мое платье, каждый кусокъ хлѣба,—жалобно сказала Рената.

— Прекратимъ разговоръ. Пора идти.

— Куда? Куда же? Мнѣ очень хочется пить.

— Отлично, пойдемъ къ фрау Хюрли. У фрау Хюрли лучшее вино въ этихъ мѣстахъ. Но сначала еще одну репетицію.

— Сегодня?

— Мы сдѣлаемъ полумракъ и отодвинемъ столъ въ сторону.

— Сегодня я больше не хочу.

— Это необходимо.

— Ты не можешь меня заставить, если у меня нѣтъ желанія,—едва слышно отвѣтила Рената, невольно отступая къ окну.

— Конечно, я заставлю тебя.

Рената засмѣялась. Она быстро оглянулась, ища, кто это засмѣялся. „Это я сама“,—уныло подумала она. Но Грауманъ уже направлялся къ ней, не отрывая взгляда отъ ея шеи. Онъ закусилъ нижнюю губу и потиралъ руки. Рената, широко открывъ глаза, смотрѣла на него съ возрастающимъ страхомъ. Какъ будто въ туманѣ видѣла она его фигуру, и ея очертанія казались ей неестественно большими. Она повернулась и побѣжала къ дивану, потому что тамъ было темнѣе. Подбѣжавъ туда, она остановилась и обернула къ нему свое синевато-блѣдное лицо: онъ слѣдовалъ за ней, какъ рокъ. Она опять повернулась, бросилась къ столу, на которомъ стояла лампа, и, когда Грауманъ подошелъ и туда, побѣжала вокругъ стола. Комната была большая, круглый столъ имѣлъ тоже почтенные размѣры, и они стояли другъ противъ друга, отдѣленные только столомъ. Лицо Граумана было мрачно, взгляды стали жадными, но и Рената была далека отъ улыбки; она съ полнымъ отчаянія вниманіемъ слѣдила за каждымъ самымъ еле замѣтнымъ его движеніемъ. Если онъ дѣлалъ шагъ влѣво, она тоже поворачи-

валась влѣво, хваталась за доску стола, вытягивала шею и наклоняла голову, потому что тѣнь, падавшая отъ лампы, могла обмануть. Достигнуть двери было уже не возможно. Окно было тоже слишкомъ далеко. Грауманъ спокойно взялъ лампу, унесъ ее и поставилъ на платяной шкафъ, такъ что вся комната освѣтилась ровнымъ, яснымъ свѣтомъ. Затѣмъ онъ движеніемъ пантеры вдругъ бросился къ ней, и Рената, не ожидавшая этого, не двинулась съ мѣста, точно парализованная. Когда онъ протянулъ руку, она слегка отступила назадъ, но онъ схватилъ ее за волосы, которые сейчасъ же распустились.

— Теперь ты будешь повиноваться?—пробормоталъ онъ сквозь зубы и такъ нагнулъ ея голову, что она упала. Она почувствовала на своей шеѣ холодную, влажную руку и начала дрожать, но не могла отвести отъ него глазъ.

Но когда Грауманъ поднялъ на нее руку, онъ не могъ перенести взгляда этихъ глазъ, и поднятая рука медленно опустилась. Ея зрачки стояли въ углахъ глазъ, влажно блестѣли и выражали такую своеобразную смѣсь горькой покорности, страстной угрозы, слабости и величія, что Грауманъ, пристыженный и нѣсколько удивленный, оставилъ ее, подошелъ къ окну и, повернушись къ комнатѣ спиной, принялся напѣвать, точно провинившійся школьникъ, принимающій невинный и беззаботный видъ. Рената медленно поднялась, во всемъ тѣлѣ она чувствовала тяжесть и усталость. Она быстро выпила стаканъ воды и стала ходить по комнатѣ. Комната казалась теперь маленькой и душной; совмѣстное пребываніе въ ней, которое могло продолжаться еще цѣлые часы, должно было быть мучительнымъ. Она ходила въ тоскливомъ раздумьѣ; изъ кабачка доносились чиркающіе звуки спички и гудѣніе контрабаса. Какъ это ни странно, ей вдругъ захотѣлось танцовать. Никогда раньше она не любила особенно танцовать, но теперь это было бурное желаніе забыться. Она мягкимъ голосомъ попросила Граумана пойти съ ней въ кабачекъ.

У фрау Хюрли веселье было въ полномъ разгарѣ; она сама съ безмятежнымъ усердіемъ принимала участіе во всѣхъ развлеченіяхъ. Ея супругъ наслаждался политическими разговорами; онъ сидѣлъ съ Грауманомъ и бранилъ „проклятыхъ нѣмцевъ". Ночь была такая темная, что даже огни въ танцовальномъ залѣ, казалось, съ трудомъ боролись съ мракомъ и производили впечатлѣніе маленькихъ станціонныхъ фонариковъ. Кромѣ того, было душно, и всѣ окна приходилось держать открытыми, что пагубно отражалось на сердечныхъ изліяніяхъ ревматичнаго господина Хюрли. Контрабасъ звѣрски гудѣлъ, и такъ какъ его вла-

дѣлецъ находился въ полусонномъ состояніи, то паузъ не было. Труба издавала жалобные звуки, напоминавшіе октябрьскій вѣтеръ, когда онъ играетъ въ каминѣ. У первой скрипки, которая въ то же время была единственной, квинты слѣдовали одна за другой, и особенно пріятнаго впечатлѣнія это созвучіе не производило, по скольку оно зависѣло отъ пьянаго виртуоза. Ничто не можетъ быть отвратительнѣе вальса, когда онъ съ такимъ же правомъ могъ бы служить и похороннымъ маршемъ, и видитъ Богъ, что такимъ именно и былъ этотъ вальсъ въ танцовальномъ залѣ фрау Хюрли; плескъ озера, волны котораго ударялись подъ окнами о берегъ, казался злобнымъ смѣхомъ. Рената танцовала непрерывно, но только тогда, когда музыка заиграла тирольскій танецъ, она почувствовала удовольствіе и улыбнулась своему кавалеру, не безъ смущенія предложившему руку такой изящной дамѣ. Но когда онъ увидѣлъ ея открытый взглядъ, его смущеніе прошло, и онъ подумалъ, что почему бы счастью не улыбнуться ему. Она потребовала вина, съ кѣмъ-то чокалась, кто-то, по ея желанію, заказалъ музыкантамъ мазурку, что трубѣ, повидимому, пришлось совсѣмъ не по вкусу, потому что она не могла разстаться съ до-діэзомъ и путала всѣхъ. Обычныя посѣтительницы кабачка позеленѣли отъ зависти и злости, заключили между собой союзъ, клянясь запереть на мѣсяцъ двери своихъ комнатъ, и были рады, когда Петеръ Грауманъ, выпившій два литра самаго лучшаго вина, собрался уходить. Ритмъ контрабаса, напоминавшій маленькую гудящую машину, сопровождалъ обоихъ на пути домой; надъ горами уже брезжилъ сѣрый день.

— Какъ ужасно, что уже день,—сказала Рената, неподвижно глядя на тучи.—Собственно слѣдовало бы, чтобы всегда была ночь.

— Если вы приказываете, мадонна, — я распоряжусь, чтобы отнынѣ всегда была ночь.

Грауманъ довольно фыркнулъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Изъ записокъ сестры волонтерки.

Отъѣздъ на войну.—Дорога.—Въ Харбинѣ.—Первыя впечатлѣнія.—Хозяйство госпиталя.—Послѣ Ляоянскаго боя.—Поѣздка въ Никольскъ.—Въ передовомъ госпиталѣ.—Бой при Шахе.—Затишье.

Вѣсть о началѣ русско-японской войны застала меня въ тихомъ и захолустномъ провинціальномъ городкѣ глубоко погруженною въ сутолоку обыденной жизни. И, едва пришла эта вѣсть, какъ я сразу, безъ долгаго раздумья, рѣшила ѣхать на театръ войны сестрой милосердія.

Въ средѣ моихъ друзей и знакомыхъ это казалось тогда, въ началѣ войны, небывалымъ подвигомъ. Приходили посмотрѣть на меня, какъ будто не вѣрилось, чтобы обыденный человѣкъ, могъ рѣшиться на такой, какъ имъ казалось, подвигъ.

Наступилъ день отъѣзда изъ Т. Пробилъ второй звонокъ. Плотно окружили меня всѣ, кто зналъ, цѣловали и обнимали крѣпко всѣ — друзья, знакомые, женщины, мужчины, интеллигенты, рабочіе, всѣ были одинаково близки, всѣ, казалось, понимали меня и я ихъ. Счастливая, радостная, взошла я на площадку вагона, внимательно оглядывая толпу, чтобы никого не забыть, всѣхъ окинуть послѣднимъ взоромъ.

До Москвы, гдѣ собирался отрядъ, время прошло незамѣтно, я все еще переживала свое настроеніе. Москва на меня, закоренѣлую провинціалку, не произвела ожидаемаго впечатлѣнія, хотя раньше, какъ Чеховскія три сестры, я нерѣдко мечтала о ней. Знала, конечно, изъ газетъ, иллюстрацій и по наслышкѣ о Третьяковской галлереѣ, Художественномъ театрѣ, музеяхъ и т. п. достопримѣчательностяхъ, но, пріѣхавъ въ Москву, посѣщала лишь учрежденія, которыя необходимо было посѣтить ради моей дальнѣйшей судьбы. Какіе сотоварищи по работѣ? какія сестры? гдѣ будемъ работать? — вотъ что занимало меня. Мнѣ казалось, по дѣтски какъ то, что всѣ должны быть молоды, энергичны, идеально настроены, у всѣхъ должны быть одни и тѣ же чувства.

Наканунѣ отъѣзда изъ Москвы назначенъ былъ на сборномъ пунктѣ молебенъ и парадный завтракъ для членовъ отряда. Съѣха-

лись московскія патронессы, важные чины администраціи, всѣ участники отряда, ихъ близкіе и знакомые. Я ждала этого дня, мнѣ хотѣлось поскорѣе всѣхъ видѣть, со всѣми перезнакомиться, поговорить. Но былъ такой хаосъ, отъ котораго и въ глазахъ, и въ душѣ стояла чуждая пестрота. Насъ облачали въ казенные фартуки и косынки, потомъ водили въ залъ на молебенъ, тамъ надѣвали иконки, потомъ водили въ другую залу завтракать. Было шумно, всѣ возбужденно разговаривали со своими родными, знакомыми. Я казалась себѣ со своимъ огромнымъ чувствомъ такой ненужной никому.

На другое утро, къ указанному часу, я пріѣхала на вокзалъ. Насъ стали отсчитывать по четыре человѣка и размѣщать по купэ. Нѣтъ уже самостоятельности, нѣтъ индивидуальности, а есть лишь третье верхнее мѣсто седьмого купэ. Въ первый разъ послѣ момента рѣшенія ѣхать на Дальній Востокъ я почувствовала себя немного уставшей и нѣсколько охлажденной.

Ну, вотъ мы ѣдемъ не день и не два. По пути публика собиралась на вокзалахъ встрѣчать насъ: крики «ура!», подчасъ цвѣты... Были даже въ честь отряда устроены обѣды, кажется, въ Рязани, Самарѣ, Уфѣ, но все это было оффиціально и натянуто. Въ общемъ мы ѣхали тоскливо, томясь тѣснотою, и изрѣдка развлекались маленькими приключеніями съ поѣздомъ и мелкими недоразумѣніями среди членовъ отряда. Что касается этихъ недоразумѣній, то ихъ было достаточно, чтобы размѣнять, если не уничтожить, то прекрасное чувство, съ которымъ, вѣроятно, каждый прощался со своими близкими.

Быстро мѣнялась погода, мѣстности, впечатлѣнія. Но въ послѣдніе дни дороги было лишь одно отупѣніе и полное равнодушіе ко всему. Съ такимъ настроеніемъ мы подъѣзжали къ Харбину.

Вотъ онъ, харбинскій вокзалъ! Обступили насъ чумазыя фигуры китайцевъ. Какія некрасивыя лица, особенно у чернорабочихъ среднихъ лѣтъ: безъ всякой мысли, равнодушно глядятъ они на новыхъ людей. Но за то молоденькіе китайчата—премиленькія рожицы, ничего не стѣсняются, никого не боятся, подходятъ вплотную, серьезно засматриваютъ въ глаза, трогаютъ платье, волосы, особенно у кого русые: «пенза шибко шанго» (коса очень хорошая).

Конецъ дороги...

Вотъ и нарождающійся, новый госпиталь нашего отряда. Какъ хорошо было сознавать, что мы у себя «дома». Весело набивали мы сѣномъ тюфяки, мечтая отдохнуть на нихъ отъ качки и тряски вагоновъ, затыкали, кто чѣмъ могъ, выбитыя стекла въ нанятомъ, еще неисправномъ помѣщеніи, чистили, мыли, устраивались. Незамѣтно подошла ночь, и мы всласть растянулись, забывая, гдѣ мы и почему здѣсь...

На другое утро встали бодрыя, готовыя къ бою, какъ шутя говорили мы другъ другу. Скорѣе, скорѣе! гдѣ же раненые? куда ихъ будемъ принимать? Хотѣлось сразу настоящей работы, работы до самозабвенія, чтобы не чувствовать для себя никакихъ желаній. «Наивность какая»—подумаетъ читатель. О, да мы были наивны, мы чувствовали себя совсѣмъ юными съ нашимъ вновь наростающимъ чувствомъ, крѣпкимъ, молодымъ. Не тутъ то было. Наши бараки еще не всѣ были достроены, а двухъ-этажный корпусъ, предназначавшійся для офицерскаго и хирургическаго отдѣленій, былъ въ такомъ запустѣніи, что мы съ сокрушеніемъ посматривали на него. «Чтожъ, ничего, давайте приложимъ руки, будемъ мыть, чистить. Благочто нѣтъ боевъ и мы можемъ свободно заняться и этой работой, немного не соотвѣтствующей нашему настроенію.» Прошла недѣлька, другая, а мы все терли окна, двери, подчасъ и полы, а то въ видѣ отдыха травку щипали, даже особое выраженіе у насъ сложилось: «я сегодня въ нарядъ на травку»—это значило раскручивать и трепать морскую травку для больничныхъ тюфяковъ, такъ какъ она была привезена къ намъ плотно скрученными жгутами. Порядочно намъ надоѣла травка, но мы довольно доброушно къ ней относились, безропотно надѣвали плотные, неуклюжіе казенные халаты, закрывали наглухо волосы косынками (много было пыли въ травѣ), шли въ пустой шатеръ и щипали. Наконецъ, всѣ бараки были вымыты. Назначили въ совѣтѣ врачей по баракамъ, а они уже выбрали себѣ помощницъ сестеръ изъ тѣхъ, съ которыми работали раньше или которыхъ знали за опытныхъ сестеръ и фельдшерицъ. Начали готовить каждая свой баракъ для принятія больныхъ. При баракахъ было по двѣ комнаты для четырехъ сестеръ барака, стали устраиваться и сживаться понемногу.

Къ моему великому несчастью, я не была ни фельдшерицей. ни опытной сестрой, а только малоопытной дилетанткой въ нашемъ отрядѣ, и, конечно, я не могла претендовать, чтобы выборъ въ сработницы какого нибудь врача палъ на меня.

Почти всѣ сестры разошлись устраиваться, а я долго еще сидѣла «на травкѣ», жила въ общежитіи, гдѣ помѣщались свободныя сестры. Я была не одна, насъ было двѣнадцать еще нераспредѣленныхъ, но отъ этого мнѣ было не легче. Жили мы по 6 въ 2-хъ большихъ комнатахъ. Я теперь съ содроганіемъ вспоминаю о тѣхъ мелочныхъ дрязгахъ, которыя развелись у насъ отъ скуки, тоски, бездѣлья, у однихъ отъ злобы за неправильную отставку, у другихъ отъ сомнѣній въ себѣ. Впрочемъ, работы не было еще нигдѣ. Барачныя сестры обмѣнивались визитами и угощали другъ друга скромными чаепитіями, иныя увлекались китайскими бездѣлушками, бродили съ утра до ночи по городу и накупали разныхъ разностей. Было и парадное освященіе бараковъ съ высшимъ начальствомъ и соотвѣтствующимъ угощеніемъ.

Начались небольшіе бои въ передовыхъ отрядахъ и изъ Мук-

дона въ Харбинѣ стали эвакуировать больныхъ, очищать госпиталя. Намъ сообщили по телефону, что эвакуціонная комиссія опредѣлила на нашу долю 45 человѣкъ. Забыты были всѣ невзгоды отъ бездѣлья, раздраженье. Всѣ опять казались другъ другу милыми, хорошими, какъ будто при этомъ извѣстіи стряхнули съ себя все оскверняющее.

Меня временно помѣстили сверхштатной сестрой въ ту палату, гдѣ были больные. Трудно-больной былъ лишь одинъ, но и тотъ скоро сталъ на путь къ выздоровленію. Хорошее было это время. Въ палатѣ считалось двѣ сестры. Онѣ дежурили по днямъ попеременно, я же, какъ сверхкомплектная, являлась каждый день утромъ въ палату, и больные больше привыкли ко мнѣ, а я къ нимъ. Всѣ были славные ребята, жизнерадостные, не смотря на раны, всѣ они любили безъ конца вспоминать стычки съ непріятелемъ и твердо вѣрили еще въ великую силу русскихъ и въ нашу побѣду.

Вотъ радостный георгіевскій кавалеръ, молоденькій еще, круглолицый, краснощекій, видно, баловень былъ семьи, попрыгиваетъ на одной ногѣ шаловливо, какъ мальчикъ, въ другой у него засѣла пуля и ему назначена была черезъ нѣсколько дней операція—изслѣдованіе и извлеченіе пули.

Разъ онъ пожаловался, что у него заболѣлъ животъ. Давъ соотвѣтствующее лѣкарство, я пошла за фланелевымъ набрюшникомъ, но, возвратившись, не нашла своего больного на койкѣ, онъ ускакалъ въ другой конецъ палаты и оттуда уже съ комичной рожей умолялъ: «Сестрица милая! ай, сестрица, не неси, бо ей Богу не надѣну, та я больше и говорить не буду, ужъ пересталъ животъ то и отъ лѣкарства...» — «Въ чемъ дѣло?» недоумѣвала я. Онъ долго мялся, наконецъ, выговорилъ: «та то жъ у насъ бабы на деревнѣ только повязываютъ, якъ таки солдатъ боевой». Такъ и не надѣлъ мой Яковъ набрюшника, не смотря на все мое урезониваніе, и долго потомъ косился и пофыркивалъ на злополучный набрюшникъ, а солдаты товарищи поддразнивали его.

А вотъ милое лицо бурята Цырымпылова. Онъ крѣпко прикованъ къ койкѣ; у него пуля вынута изъ живота; слегка задѣтъ мочевой пузырь и, вначалѣ, когда было нагноеніе и воспаленіе, онъ мучительно стоналъ. Всѣ какъ то присмирѣютъ, когда онъ застонетъ, и тревожно вглядывается, какъ бы стараясь выпытать, вытерпитъ онъ свои муки, или будетъ конецъ. Но скоро нашъ Цырымпыловъ повеселѣлъ, ранка его стала принимать болѣе здоровый видъ. Тутъ ужъ у насъ шутки не прекращались. Какъ скажетъ что нибудь своимъ странно-мягкимъ языкомъ бурятъ,—такъ всѣ и покатятся со смѣху. На смѣхъ товарищей онъ сердился рѣдко, развѣ когда начнутъ дразнить, что онъ на японца похожъ, тутъ ужъ онъ выйдетъ изъ себя. Каждый день послѣ перевязки онъ радостно сообщалъ, что скоро будетъ сидѣть, потомъ ходить.

И дѣйствительно быстро поправлялся и скоро уже сидѣлъ со своей неизмѣнной трубкой, которую не выпускалъ изо рта.

Да, хорошее было это время. Мы по цѣлымъ днямъ читали, писали письма и безъ конца разговаривали: бесѣдовали о томъ, что дома дѣлается, строили предположенія о войнѣ, объ ея исходѣ... Легко у всѣхъ было на душѣ: у больныхъ, потому что видѣли о себѣ заботы отъ всего сердца, желаніе ихъ накормить, развлечь, утишить боль, вселить бодрость; у насъ—потому что всѣ шли на поправку, самый труднобольной, который боялся раньше малѣйшаго сотрясенія койки, уже ходилъ, намъ было радостно, потому что мы видѣли продуктивность своихъ заботъ, необходимость нашего присутствія была на лицо и тяжелыхъ картинъ не было. Такъ у насъ перебывали раненые изъ подъ Дашичао, Вафангоу, Тюренчена, небольшими партіями и не тяжело раненые, такъ какъ послѣднихъ оставляли въ ближайшихъ госпиталяхъ Ляояна, Мукдена и др. Работа пошла обычно госпитальная, съ правильнымъ режимомъ. Подправлявшихся отвозили въ Никольскъ, въ Читу, или обратно въ строй, а къ намъ привозили новыя партіи изъ южныхъ госпиталей. Казалось, ничего нѣтъ поражающаго, ничего нѣтъ требующаго самозабвенія. Наоборотъ, мы всѣ себя чувствовали наилучшимъ образомъ. Утромъ встанешь, совершишь свой туалетъ неособенно торопливо—часы показываютъ, что еще ½ часа до твоей смѣны,—выпьешь чаю или кофе и идешь въ свою палату исполнять, правда, нужную, но не экстренную работу. Все назначено въ свое время и дѣлаешь все не спѣша и не забывая себя. Чувствовалось почти довольство, спокойствіе.

Война между тѣмъ разгоралась, стычки учащались, число больныхъ увеличивалось и къ намъ въ госпиталь, то и дѣло, вереницами тянулись носилки съ тяжело-больными. Мою палату эвакуировали и туда положили трудно раненыхъ. Меня стали назначать на ночныя дежурства къ отдѣльнымъ больнымъ. Въ первый разъ, когда мнѣ объявили ночное дежурство у больного, на жизнь котораго не было надежды, я не мало смутилась. Я и раньше забѣгала въ ту палату, гдѣ онъ лежалъ, и помогала палаточной сестрѣ перевернуть или накормить его, но тогда я не чувствовала на себѣ отвѣтственности, такъ какъ тутъ былъ человѣкъ опытнѣе меня. Вдобавокъ на меня слишкомъ дѣйствовалъ видъ этого больного. Это былъ молоденькій, лѣтъ 20, офицеръ, съ худенькой, маленькой фигуркой, блѣднымъ дѣтскимъ лицомъ, съ печальными голубыми глазами. Онъ былъ безпомощенъ, какъ дитя. Раненъ онъ былъ въ нижнюю часть живота и позвоночникъ; пулю вынули и рана заживала, но наступилъ прогрессивный параличъ нижней части туловища и ногъ. Половина туловища у него была точно мертвая, безъ всякаго движенія, тогда какъ голова при полномъ сознаніи. Онъ каждому заходившему къ нему радовался, горячо привѣтствовалъ, подавая руку, и почти все время улыбался, какъ бы загада-

живая этой улыбкой грусть, свѣтившуюся въ его глазахъ. У него образовались глубокіе пролежни на спинѣ, и онъ поминутно просилъ приподнять его голову и спину отъ подушекъ, причемъ держался своими слабыми руками за шею приподнимавшаго. Трудно было удержать слезы при видѣ этого больного, безпомощно и довѣрчиво принимавшаго услуги каждаго. Онъ зналъ, что умретъ, часто говорилъ о своихъ близкихъ, о домѣ. Слушая его разговоры, отвѣчая на его вопросы, нельзя было ни на минуту отдѣлаться отъ тяжелаго сознанія что сегодня или завтра его не станетъ.

Ночь моего дежурства была страшна и мучительна для него. Онъ не выпускалъ моей руки, какъ бы боясь остаться одинъ, то и дѣло просилъ то разсказать что нибудь, то читать письма родныхъ, боялся заснуть, чтобы не уснуть на вѣки. Къ утру онъ сильно ослабѣлъ, сталъ трудно, тяжело дышать, но желаніе жить горѣло въ его глазахъ, и онъ увѣренно, почти весело глядѣлъ на восходъ солнца, просилъ придвинуть его койку къ окну и повторялъ: «Сегодня, я буду жить... я перенесъ самую тяжелую ночь и, видите, я поборолъ ее»... Онъ жилъ до конца моего дежурства. Разсказавъ про состояніе больного пришедшей на смѣну сестрѣ, я ушла къ себѣ и долго давившія слезы прорвались наружу...

На другой день его хоронили. А насъ призывали новыя и новыя жертвы. Все чаще и чаще приходилось проводить безсонныя ночи, особенно въ нижней палатѣ 2-хъ этажнаго корпуса, въ ней помѣщалось до 50 коекъ. Это было тоже хирургическое отдѣленіе. Двѣ стѣны этой комнаты выходили на улицу и представляли собою сплошныя витрины (здѣсь раньше помѣщался магазинъ).

Особенно живо помнится мнѣ одна темная, бурная ночь. Отъ грома дрожали стекла и молнія зловѣще прорѣзывала темноту, освѣщая на мигъ всѣ окна странной палаты, ряды коекъ и на нихъ закутанныя бѣлыя фигуры, чтобы потомъ повергнуть все въ еще болѣе непроницаемый мракъ... Больные вздрагивали, кряхтѣли, иные вскрикивали сквозь сонъ отъ ужаса—должно быть, въ этомъ громѣ и молніи не одному чудились въ тяжеломъ снѣ пальба и орудійный огонь. Было что то жуткое, страшное въ этой ночи, точно природа томилась въ ужасной агоніи... Но некогда было отдаваться ни этому зрѣлищу, ни охватившему жуткому чувству—у меня на рукахъ былъ человѣкъ въ агоніи.

Василій,—такъ звали больного,—молодой и сильный хохолъ, былъ уже нѣсколько дней на моемъ попеченіи. Раненый въ голову довольно глубоко онъ вводилъ въ заблужденіе врачей своимъ здоровымъ видомъ; врачи думали, что рана приняла хорошій оборотъ и дѣло пошло къ выздоровленію, но все же боялись внезапнаго кровоизліянія и потому возлѣ него дежурила отдѣльная сестра. Больной привыкъ ко мнѣ, считалъ своей землячкой, такъ какъ я могла его слушать и отвѣчать ему на родномъ языкѣ и онъ любилъ часто и долго разсказывать мнѣ о своемъ селѣ, семьѣ... Эта

страшная ночь должно быть оказала дѣйствіе на его больной мозгъ: онъ жаловался на боль, безпокоился, старался сдвинуть повязку, дѣлалъ усилія подняться съ койки. Мнѣ приходилось всячески упрашивать его лежать спокойно. Онъ старался быть послушнымъ и, не смотря на сильную боль, крѣпко сдавивъ мои руки, съ какою то мольбою глядя на меня, старался не двигаться. Его руки крѣпко впивались въ меня, отъ усилившейся боли онъ старался сдавить, ущипнуть мою руку, или ломать мои пальцы, скрежеталъ зубами, чтобы заглушить свою боль; казалось, что онъ отдыхалъ, когда причинялъ боль другому, при чемъ зорко слѣдилъ за выраженіемъ лица. Отъ одного рѣзкаго движенія у него хлынула изъ носу кровь. Разбудивъ санитара, я послала за дежурнымъ врачемъ. Кровотеченіе не скоро удалось унять—носъ затомпонировали, кровь полилась ртомъ. Пролежавъ четверть часа безъ движенія, точно набирая силъ, больной вскочилъ съ койки. Опершись на меня и въ то же время таща за собою, онъ подвигался то къ окну, то къ двери. На просьбы вернуться, успокоиться, прилечь, онъ покорно давалъ отвести себя къ койкѣ, но, едва прикоснувшись къ ней, вскакивалъ, какъ ужаленный, стремился уйти, стучалъ въ окно, силясь разбить его. Ему какъ будто казалось, что если онъ вырвется за это стекло, онъ будетъ на свободѣ, будетъ спасенъ. Умоляя жестами пустить его и не имѣя силы двигать свое тѣло, онъ влекъ меня за собою и, полулежа на моихъ рукахъ, все шелъ шагъ за шагомъ къ окну, стучалъ по стеклу, пока, обезсилѣвъ, не падалъ совсѣмъ мнѣ на руки... Но чуть измученное тѣло касалось постели, онъ опять вскакивалъ и все шелъ. Гроза за окномъ продолжалась: все такъ же гремѣлъ громъ, вздрагивали окна, охали больные, сверкала зловѣщая молнія и ярко освѣщала фигуры сестры и безумнаго больного, которые медленно подвигались отъ одного окна къ другому. Мнѣ казалось, что это страшный сонъ, кошмаръ. Хотѣлось крикнуть, проснуться, но безумный ломалъ мнѣ руки, вывертывалъ пальцы, тащилъ снова куда-то, опять падалъ на руки. Страшно становилось,—казалось, покинутъ послѣднія силы и мы оба съ больнымъ свалимся на полъ.

Къ утру мы съ санитаромъ перенесли обезсиленнаго больного на койку и онъ, не приходя въ себя, черезъ нѣсколько часовъ умеръ на моихъ рукахъ...

Черезъ нѣсколько дней въ хирургическое отдѣленіе опять прибылъ транспортъ, рукъ не хватало. Барачныя сестры имѣли довольно работы и у себя въ баракахъ. Всѣ палаты нижняго этажа госпиталя были полны больными. Среди нихъ много тяжелыхъ, то и дѣло появлялись ширмы, которыя служили плохимъ признакомъ: ширмами, обыкновенно, огораживали больныхъ умирающихъ. Въ каждой палатѣ дежурило по 2—3 сестры. Атмосфера палатъ была какая-то нервная: запахъ промокшихъ повязокъ, стонъ, иногда крики изъ-за перегородки перевязочной или бредившихъ—все это

непривычнаго человѣка заставило-бы уйти подальше отъ этого ада. На той половинѣ, гдѣ помогала я, было двѣ ширмы, за каждой сидѣла сестра, наблюдавшая за больнымъ. Мнѣ пришлось быть при раненомъ въ мочевой пузырь.

Больной былъ въ памяти. Глаза, полные ужаса, подозрительно вглядывались въ каждаго. Этотъ взглядъ, казалось, говорилъ: «вы всѣ мои враги! посмотрите, что сдѣлали со мною... и я вѣдь еще такъ недавно былъ цѣлъ и здоровъ»... И глядя на него, дѣйствительно чувствовались укоры совѣсти за свое здоровье, взглядъ опускался, чтобы не встрѣтиться съ его острымъ, пытливымъ взглядомъ. Рану нельзя было забинтовать, огромную, загноившуюся, ее прикрывали лишь марлей и ватой, которую часто мѣняли. Изъ раны безостановочно сочилась разложившаяся жидкость. Не смотря на то, что все время мѣнялась подстилка и повязка, острый запахъ не давалъ покоя больному, онъ то сердился, проклиналъ, грозилъ, то силился примириться со всѣми, молился, спрашивалъ—за что его такъ покарали? Въ чемъ онъ провинился? Призывалъ мать, чтобы она за него помолилась, облегчила его муки. Отъ этихъ мукъ могла спасти только смерть, а она медлила.

Но намъ некогда было останавливаться на одномъ; едва закрывали ему глаза, какъ ширмы уносились для другого кандидата. Чувства окаменѣли, приходилось думать только о томъ, чтобы выполнять свою обязанность. Больные и умирающіе перестали различаться на Васильевъ, Ивановъ; они различались иначе: головной, паралитикъ, съ переломомъ бедра, агонія... Однихъ уносили,—некогда оплакивать, нѣкогда чувствовать, надо беречь свои нервы,—на мѣсто унесенныхъ клали другихъ. Такъ смѣнялись лица, страданья и все это становилось лишь матеріаломъ для заботы, ухода, работы; чувства же ушли на второй планъ. И мы обѣдали, ужинали, спали, опять присутствовали при страданіяхъ и снова спали, ѣли...

Никогда я не смогу забыть лица одного паралитика. Онъ лежалъ въ нижней палатѣ цѣлый мѣсяцъ (потомъ его перевели въ одинъ изъ бараковъ). Это былъ очень высокаго роста, съ красивымъ блѣднымъ лицомъ солдатъ. У него былъ контуженъ позвоночникъ и въ результатѣ получился параличъ всего тѣла. Его помѣстили въ углу на высокую, особо приспособленную койку, обѣ ноги на вытяженіи, плечи подвѣшены, огромное вытянутое тѣло лежало безъ всякаго движенія, онъ не могъ шевельнуть ни однимъ пальцемъ. Онъ, обыкновенно, не произносилъ ни слова, или съ трудомъ отвѣчалъ лишь на самые необходимые вопросы. Ни одинъ мускулъ, ни одно движеніе на его лицѣ не выдавали огромнаго страданья. Спокойное, точно изъ камня изваянное, лицо молчало, угнетало своимъ молчаніемъ... Хотѣлось припасть къ рукѣ этого страдальца, вымолить прощеніе людямъ-злодѣямъ, которые видятъ въ войнѣ долгъ, необходимость.

Разъ, когда сестра, ухаживавшая за нимъ, осторожно вынимала

изъ-подъ него испачканную простыню и бережно мокрой губкой вытирала его выпачканное тѣло, его неподвижные глаза остановились на ней и изъ глазъ покатились крупныя слезы, которыя онъ не могъ даже стряхнуть; онѣ забирались въ носъ, ротъ, капали на грудь, пока сестра не вытерла ему лицо...

Не смогу я также забыть озлобленный взглядъ одного умирающаго. Онъ лежалъ уже за ширмой, былъ въ безпамятствѣ и за нимъ лишь слѣдили, чтобы не свалился съ койки. Услышавъ, что больной безпокойно застоналъ, я подошла къ нему и нагнулась, чтобы разслышать, чего онъ проситъ. Больной приподнялся съ подушки, нагнулся ко мнѣ, глаза его сверкнули нечеловѣческой злобой, съ неестественной силой онъ взмахнулъ сжатой рукой, ударилъ меня по щекѣ и тотчасъ же, обезсилѣвъ, опрокинулся на подушку. Что представилось несчастному, когда онъ увидѣлъ меня? Кому хотѣлъ онъ отомстить за свою смерть? и зачѣмъ столько злобы унесъ съ собою въ могилу?

Лица, страданья, смерти всплываютъ въ памяти и неотвязчиво стоитъ вопросъ: зачѣмъ погибло столько людей? кто виновенъ въ ихъ страданіяхъ?

Кто умеръ, кого эвакуировали, кого отправили въ строй, новыхъ транспортовъ больныхъ не прибывало, такъ какъ въ войскахъ было затишье, готовились и набирали силъ къ большому сраженію, и наши хирургическія палаты почти опустѣли, за то увеличилось число инфекціонныхъ больныхъ—тифозныхъ и дизентерійныхъ. Ихъ всѣхъ размѣстили по баракамъ, куда опредѣлили добавочныхъ сестеръ.

Меня не назначали никуда постоянной сестрой, такъ какъ пошли вскорѣ слухи о выдѣленіи передового подвижного госпиталя и меня, будто бы, хотѣли туда назначить. Мысль о передовомъ госпиталѣ влекла насъ всѣхъ—хотѣлось быть ближе ко всѣмъ ужасамъ войны; опять воспрянули мечты о подвигахъ, о жертвѣ, и всѣ 60 сестеръ нашего отряда считали за счастье попасть въ передовой госпиталь. Однѣ предполагали, что будутъ назначены самыя пожилыя, какъ болѣе опытныя; другія утверждали, что назначатъ болѣе молодыхъ, какъ болѣе выносливыхъ; третьи, что каждый врачъ передового госпиталя выберетъ тѣхъ сестеръ, съ которыми уже работалъ. Много было разспросовъ, предположеній: тамъ кто-то кого-то просилъ, кому-то сказали «по секрету»... Развилась даже зависть и подозрительность. Снаряженіе передового госпиталя называли снаряженіемъ ляоянской экспедиціи, такъ какъ предполагалось выѣхать къ Ляояну, гдѣ въ то время группировались войска и готовились къ бою. Назначеніе врачей и сестеръ держалось, почему-то, въ глубокой тайнѣ. Наконецъ, состоялся совѣтъ уполномоченныхъ и врачей, послѣ чего вывѣсили списокъ врачей, сестеръ и санитаровъ, выбранныхъ въ передовой

госпиталь. Въ спискѣ была и я. Старшій уполномоченный уѣхалъ въ Ляоянъ опредѣлить мѣсто госпиталя, а мы начали готовиться къ отъѣзду—готовили провизію: крупу, муку, сахаръ, консервы и т. п., бѣлье, медикаменты, хирургическіе инструменты, необходимую утварь.

Время уходило, а мѣста для нашего передового госпиталя не опредѣляли и мы не двигались изъ Харбина. Въ это время заболѣла сестра-хозяйка и мнѣ предложили помочь ей, до ея выздоровленія. Но она не поправилась и уѣхала въ Россію. Я осталась завѣдывать хозяйствомъ.

Это было совсѣмъ неожиданнымъ поворотомъ въ моей судьбѣ, и я могла бы впасть въ отчаяніе, если бы не столько было заботъ и работы. Съ хозяйствомъ вообще я мало когда имѣла дѣло и чувствовать на себѣ отвѣтственность за такой запутанный механизмъ, какъ большое хозяйство въ Харбинѣ, было по меньшей мѣрѣ непріятно. Не говорю ужъ о моей личной иниціативѣ въ этомъ дѣлѣ, у меня не было даже достаточно хозяйской изворотливости въ частыхъ неудачахъ при пріобрѣтеніи провизіи или надѣленіи ею палатъ и бараковъ, при конфликтахъ съ поварами и т. п. Но что же дѣлать—отъ хозяйства отказывались всѣ и, конечно, имѣли больше основаній, чѣмъ я, ужъ потому, что были гораздо пригоднѣе меня въ медицинѣ, имѣли больше правъ настаивать на медицинской работѣ. Итакъ, у меня очутились ключи отъ разныхъ кладовыхъ, подваловъ, шкафовъ, шкафчиковъ, и начались мои мытарства въ роли хозяйки. Съ 5 часовъ утра до 9 часовъ вечера приходилось нырять изъ одной кладовой въ другую, разсчитывать хлѣбъ, яйца, молоко, надѣлять этимъ добромъ, по требованію сестеръ, госпитальныя палаты, бараки. При восходѣ солнца меня ужъ обступали разнаго рода китайскіе «ходи»: одинъ съ картофелемъ, другой съ капустою, съ помидорами, цыплятами, яйцами... человѣкъ десять усядутся на корточки и терпѣливо ждутъ каждый своей очереди расчета. Китайцы не запрашивали, цѣну говорили базарную; если не согласны съ его цѣной, онъ молча забираетъ свои корзины и удаляется. Набравъ всякой всячины изъ овощей, зелени къ обѣду, я отпускаю ходей, а меня уже ждутъ новые поставщики: хлѣба, мяса, молока... Еле успѣешь къ 7-ми часамъ наполнить свои амбары провизіей, какъ цѣлая вереница санитаровъ ждетъ дѣлежа: каждый суетъ записку о числѣ больныхъ и по ней надѣляешь хлѣбомъ, молокомъ, сахаромъ... Тамъ являются повара... и такъ часамъ къ 10-ти утра оставляютъ опять мои кладовыя пустыми. Немного передохнувъ и наскоро оправивъ свой туалетъ, спѣшишь на кухню провѣрить заказы; часовъ въ 12 идетъ выдача порцій больнымъ, потомъ санитарамъ, прислугѣ и, наконецъ, обѣдъ персоналу въ 1 часу; приходилось дѣлить обѣдъ на двѣ смѣны, такъ какъ въ нашей столовой заразъ могло обѣдать не больше 40 человѣкъ, а потому обѣдъ

длился часа два. Потомъ являлись снова санитары за свѣчами, стеклами для лампъ, посудой для палатъ, мыломъ и т. п. Все, что требовалось, нужно было достать. Хорошо, если все это было въ нашихъ складахъ, или легко было найти въ Харбинѣ, тогда выдача шла безъ всякихъ инцидентовъ. Но рѣдкій день проходилъ гладко. То вдругъ молоко отъ сильной жары прокиснетъ, свернется; достать нужное количество въ Харбинѣ безъ заказа не возможно, а тутъ сотни тифозныхъ, которые лишь молокомъ и питались. А то, бывало, пекарня не достанетъ муки въ складахъ и не доставитъ заказа хлѣба (заказывалось отъ 15 до 20 пудовъ въ день). Выглядываешь повозку съ хлѣбомъ, санитары уже ждутъ, надо кормить больныхъ; наконецъ, посылаешь гонца верхомъ въ пекарню, а къ ней версты три; оказывается—въ пекарнѣ муки нѣтъ. Собираютъ санитары по всему городу пудовъ 10 и часовъ въ 10—11 удается лишь удовлетворить хлѣбомъ. Бывали и такіе случаи: напьются повара пьяными (надо сказать, у поваровъ работа была адская—съ утра до ночи у котловъ), а кормить нужно 500 и болѣе человѣкъ. То вдругъ ливень пройдетъ такой, что черезъ мостъ нѣтъ переправы, и изъ боенъ, расположенныхъ по ту сторону рѣчки, не возможно мясо доставить... Пока-то насобираешь пудовъ 18—20 на базарѣ. Много за день было волненій, непріятностей, переболѣешь, бывало, за всякій пустякъ. Но досаднѣе всего было считаться съ капризами персонала: не понравится ли меню, вышло ли неудачно блюдо, или опоздавшимъ не хватило порцій—за все достается сестрѣ-хозяйкѣ. Все это дѣлало и безъ того непривычную, трудную работу нестерпимою. Я чувствовала себя нездоровой, крайне нервной, раздражительной. Но не было охотницъ завѣдывать хозяйствомъ, и я продолжала путешествовать изъ погреба въ погребъ, къ вечеру сваливалась съ ногъ и съ ужасомъ думала о завтрашнемъ утрѣ и ожидавшихъ меня новыхъ непріятностяхъ. Мнѣ назначили помощницу, при которой я могла днемъ часа 4 отдохнуть, но отвѣтственность за все лежала на мнѣ. Можно себѣ представить, какъ я стремилась освободиться отъ непосильнаго хозяйничанія, съ какимъ нетерпѣніемъ ждала нашей «ляоянской экспедиціи». Но намъ не суждено было двинуться къ Ляояну: вскорѣ начался бой и отступленіе, и въ это время уже не было возможности ни оторвать рабочія руки отъ госпиталя, уже функціонировавшаго, ни установить передовой подвижной госпиталь до остановки войскъ...

За все время моего хозяйничанія я не могла отлучаться изъ госпиталя и большую часть времени проводила въ большой полутемной, подвальной кладовой, сплошь заваленной мѣшками, бочками, боченками, изъ которыхъ поминутно отвѣшивали, отмѣривали. Лишь когда назначили помощницу, я могла отлучаться часа на 2, и то не далѣе владѣній нашего отряда.

Кстати сказать, эти владѣнія были довольно обширны. Они со-

стояли изъ четырехъ частей. На одномъ изъ участковъ помѣщалось двухэтажное зданіе—хирургическое отдѣленіе госпиталя; тутъ были операціонныя, перевязочныя, стерилизаторы, ванныя, хирургическая бѣльевая, семь хирургическихъ палатъ. На этомъ же участкѣ были помѣщенія врачей, сестеръ, санитаровъ, главная кухня и производились всѣ хозяйственныя функціи. Второй участокъ, черезъ площадь, былъ барачный, гдѣ исподволь построены были уже послѣ установки госпиталя 9 бараковъ, каждый человѣкъ на 40—50 больныхъ. Снаружи эти бараки представляли собою длинныя бревенчатыя казарменныя постройки, но внутри они были очень удобны и хороши: свѣтлая, выкрашенная бѣлою краскою комната, въ два ряда удобныя сѣтчатыя койки, всюду постланныя дорожки, свѣтлыя покрывала, всегда чистое бѣлье, обшитыя одѣяла. По бокомъ больничной палаты шли ванныя, помѣщенія для сестеръ, маленькая буфетная... Кромѣ 9 бараковъ, здѣсь же были устроены позже: барачная кухня, пекарня, электрическая и телефонная станція, баня, аптека, амбулаторная, дезенфекціонная камера, водокачка, водопроводы. Устроить все это стоило очень дорого, но денегъ не жалѣли и устраивали госпиталь на широкую ногу, строились какъ бы на десятки лѣтъ.

Верстахъ въ трехъ отъ госпиталя былъ еще арендованный участокъ, гдѣ помѣщалась ферма съ табуномъ лошадей и муловъ, предназначенныхъ частью для обслуживанія госпиталя, частью для санитарнаго транспорта, который собирались присоединить къ передовому госпиталю. Находились критики, которые считали многое лишнимъ, разсуждали, что госпиталь мѣсяцами стоитъ пустой, тогда какъ содержаніе персонала, рабочихъ, обслуживающихъ весь этотъ огромный механизмъ, обходится слишкомъ дорого,—дѣйствительно, шло до 40 тысячъ ежемѣсячно. Но мы должны были быть готовыми каждую минуту. Вскорѣ была получена телеграмма отъ нашего уполномоченнаго съ юга: «Бой начался. По возможности увеличьте число коекъ. Масса раненыхъ. Готовьте все къ работѣ.»

Къ Харбину стали подходить отъ Ляояна санитарные поѣзда, продвинутые заранѣе на югъ. Съ утра до вечера ихъ разгружали и раненыхъ разносили, развозили, отводили по госпиталямъ; въ Харбинѣ, гдѣ тогда можно было помѣстить лишь 15 тысячъ больныхъ, набили во всѣ госпитали 45 тысячъ... А поѣзда все прибывали, становились рядами и неразгруженные заняли всѣ безчисленные пути за Харбинскимъ вокзаломъ. Жара была нестерпимая, и этотъ лѣсъ вагоновъ, наполненныхъ безпомощными людьми, стоялъ среди смрада и духоты. Помѣстить было больше негдѣ, но какъ-нибудь помогать надо было. Рѣшили набрать перевязочнаго матеріалу и идти на вокзалъ къ санитарнымъ поѣздамъ. Я уговорилась съ помогавшей мнѣ по хозяйству сестрой, которая начала

понемногу оріентироваться въ новомъ дѣлѣ, хозяйничать подежурно черезъ день и съ первой партіей врачей и сестеръ отправилась на вокзалъ.

Мы подошли къ первому попавшемуся поѣзду; съ одной стороны стояли пустые товарные вагоны, должно быть, послѣ перевозки скота, неубранные, измазанные навозомъ; съ другой стороны тянулись ряды такихъ же товарныхъ вагоновъ, наполненныхъ людьми. Между ними были узкіе проходы, засоренные отбросами, марлей, повязками, мѣстами соломой, испражненіями... Стояла жара до 40°, былъ манчжурскій августъ. Отъ лужъ поднимался рой противныхъ зеленыхъ мухъ, а въ душныхъ раскаленныхъ коробахъ томились люди. Нѣкоторые сохранившіе способность двигаться, заползали отъ жары подъ вагоны, но и отсюда ихъ гнало зловоніе. Всѣ они какъ то присмирѣли и угрюмо молчали. Не слышно было ни ропота ни стона. Наше появленіе они встрѣтили равнодушно. На нашъ вопросъ: гдѣ персоналъ, обслуживающій поѣздъ? отвѣтили, что съ утра никого нѣтъ; пріѣхали они еще вчера и о выгрузкѣ не слышно, забрали лишь очень тяжело больныхъ.

Мы раздѣлились на нѣсколько пунктовъ. Одни устроились среди вагоновъ, выбравъ мѣстечко посуше, вытащили доски изъ вагоновъ, перекинули ихъ отъ одного ряда вагоновъ къ другому и такимъ образомъ устроили импровизированный перевязочный столъ. Сюда сходились легко раненые. Другой перевязочный пунктъ былъ передвижной: переходя изъ вагона въ вагонъ, перевязывали тѣхъ, кто не могъ двигаться.

Поздно вечеромъ вернулись мы въ госпиталь. На третій день я ужъ нашла цѣлый лагерь палатокъ, расположенныхъ на пустой площадкѣ за желѣзнодорожными путями. Сюда отводили или относили раненыхъ съ прибывшихъ поѣздовъ. Подъ одной палаткой устроили перевязочную. Поочередно ходили врачи и сестры госпиталей на перевязки, присылали бѣлье, пищу. Такъ продолжалось недѣли двѣ. Это былъ первый большой бой подъ Ляояномъ.

Наплывъ прекратился. Харбинъ сталъ подвигать своихъ больныхъ въ Читу и Никольскъ-Уссурійскъ. Изъ Харбина эвакуировали частью по Сунгари баржами, частью санитарными поѣздами. Къ этому времени изъ Москвы прибылъ нашъ санитарный, оборудованный изъ теплушекъ, поѣздъ. Теплушками назывались товарные вагоны, сдѣланные лишь поаккуратнѣе и съ желѣзной печью по серединѣ; по обѣ стороны приспособлены досчатыя нары въ два яруса. Въ такихъ теплушкахъ перевозили войска по сибирской дорогѣ. Нашъ санитарный поѣздъ состоялъ изъ вагона-кухни, ледника, аптеки, склада и одного класснаго вагона для персонала сестеръ, врачей и уполномоченныхъ. При наборѣ больныхъ оборудовали 20 теплушекъ, которыхъ было много пустыхъ на каждой станціи. Чистили, мыли, дезинфицировали, разставляли и развѣшивали койки по 6 на каждой половинѣ, въ 2 яруса,—такимъ

образомъ въ вагонѣ помѣщалось по 12 коекъ,—набивали мѣшки, служившіе матрасниками, сѣномъ или чумизой, покрывали чистымъ бѣльемъ; въ каждый вагонъ ставили умывальникъ, буфетный ящикъ съ необходимой посудой. Все это при сдачѣ больныхъ свертывали, складывали въ вагонъ-складъ и налегкѣ возвращались за больными.

Поѣздъ нашъ прибылъ со своимъ персоналомъ; онъ попалъ въ самый разгаръ работы; послѣ того, какъ онъ сдѣлалъ одинъ рейсъ на югъ, его безъ передышки въ Харбинѣ разгрузили и назначили въ тотъ же день въ Никольскъ. Персоналъ везъ трудно больныхъ съ юга, былъ крайне измученъ, а потому рѣшили набрать смѣну изъ Харбинскихъ сестеръ...

Я все еще была на хозяйствѣ и, не питая никакой надежды на возможность отправиться съ поѣздомъ, никому не заявляла о своемъ желаніи. Какова же была моя радость, когда старшій врачъ объявилъ мнѣ: мы вамъ предлагаемъ въ этотъ рейсъ отправиться съ поѣздомъ. Больные будутъ легкіе. Вамъ нужно отдохнуть, провѣтриться отъ затхлости кладовыхъ. Поѣзжайте, подышите свѣжимъ воздухомъ.—Я была въ восторгѣ, что не придется мнѣ развѣшивать мясо, считать яйца и т. п. Давъ необходимыя объясненія на случай недоразумѣній помогавшей мнѣ сестрѣ и приведя въ порядокъ счета, я наскоро собралась и къ вечеру отправилась на вокзалъ къ поѣзду. Было 7 часовъ, а въ 9 назначенъ былъ пріемъ больныхъ. Я застала работу въ самомъ разгарѣ: наши сестры съ санитарами, прибывшіе раньше меня, таскали въ свои вагоны бѣлье, сѣно, матрасники, посуду; набивали, мыли, терли, скребли. Мнѣ указали мои два вагона и двухъ санитаровъ и мы принялись за уборку. Санитары добыли горячей воды, соды, мыла; чуть-чуть влили скипидару и вскорѣ наши вагоны не блестѣли, конечно, но были чисты и отдавали освѣжающимъ, легкимъ скипидарнымъ запахомъ. Только успѣли набить матрасники и сложить ихъ по вагонамъ, какъ полилъ сильный дождь съ рѣзкими порывами холоднаго вѣтра. Ливень задержалъ отправку больныхъ изъ госпиталей; уже совсѣмъ стемнѣло, а больныхъ не приводили. Наконецъ, лишь къ 10-ти часамъ стали прибывать партіи больныхъ, не смотря на то, что дождь, хотя и уменьшился, но все же еще шелъ порядочный. Холодно, грязно, темно, вѣтеръ валилъ съ ногъ. Нѣкоторыхъ принесли, другихъ привезли въ фургонахъ, но были и такіе, которые пришли пѣшкомъ. Грязные, уставшіе, иззябшіе и мокрые, что называется, до ниточки, они обрадовались, какъ родному очагу, нашему слабому, но привѣтливому огню въ висячихъ лампахъ по вагонамъ, чистымъ постелямъ, дымящейся лохани только что принесеннаго ужина и огромнымъ чайникамъ съ чаемъ. Живо ихъ переодѣли въ свѣжее бѣлье, уложили на койкахъ и разнесли по мискѣ супу и кружкѣ чаю. Солдаты облегченно вздыхали, крестились, кряхтѣли, благодарили насъ, какъ благодѣтелей какихъ, такъ пріятенъ имъ показался этотъ пріемъ послѣ труднаго путешествія подъ дождемъ въ

темнотѣ къ вокзалу. Послышались свистки, команда уполномоченнаго: «санитары сходни убрать»—это лѣсенки, по которымъ влѣзали въ теплушки. Задвинули двери, и наши вагоны загрохотали, застучали—поѣздъ двинулся. Я осталась въ одномъ изъ своихъ вагоновъ, чтобы помочь санитарамъ убрать посуду и сложить мокрое и грязное платье, сброшенное съ больныхъ. Такъ мы провозились часовъ до 12-ти, а послѣ 12 была моя очередь ночного дежурства, и я спать не ложилась. Дежурство заключалось въ томъ, что на остановкахъ-разъѣздахъ и станціяхъ нужно было обойти всѣ вагоны, но чтобы не мѣшать больнымъ спать, попасть въ теплушку было довольно хлопотно: нужно было разбудить санитара, отодвинуть дверь, спустить лѣстницу. Дверь отодвигалась всегда съ страшнымъ грохотомъ и визгомъ; мы устраивались обыкновенно такъ: оставляли небольшую щель въ двери, завѣшивали ее одѣяломъ, сестра, подходя къ двери, прислушивалась: если больные мирно похрапывали, то шла къ слѣдующему вагону, если же кто-нибудь изъ больныхъ безпокоился, стоналъ, то ужъ взлѣзала въ вагонъ узнать, въ чемъ дѣло. Передъ дежурствомъ каждая сестра предупреждала дежурную о своемъ вагонѣ, есть ли въ немъ слабые больные, и за какимъ больнымъ нужно слѣдить. Въ томъ вагонѣ, гдѣ были слабые, дежурная оставалась сидѣть во время пути. Въ этотъ рейсъ не было слабыхъ больныхъ и потому, обойдя на каждой стоянкѣ всѣ вагоны, я возвращалась въ помѣщеніе сестеръ. Была очень непріятная, темная и холодная ночь, вдобавокъ и дождикъ продолжалъ еще моросить. Халатъ изъ толстой парусины на мнѣ былъ мокрехонекъ, сапоги скользки и измазаны до колѣнъ. На одной изъ остановокъ среди пути (вслѣдствіе размытія насыпи осматривали опасное мѣсто) я чуть не осталась среди поля въ темнотѣ. Воспользовавшись остановкой, я вздумала осмотрѣть вагоны, такъ какъ былъ слишкомъ длинный перегонъ. У одного изъ вагоновъ замѣшкалась, долго прислушивалась къ послышавшемуся мнѣ стону и затѣмъ, дойдя до послѣдняго вагона, вдругъ услышала свистокъ. Такъ какъ здѣсь не было ни станціи, ни разъѣзда, то поѣздъ тотчасъ же двинулся; бѣжать къ вагону сестеръ было поздно, стучаться къ какому-нибудь санитару тоже; по счастью, въ одномъ изъ послѣднихъ вагоновъ была тормозная площадка и я, сдѣлавъ отчаянный прыжокъ, очутилась на ней. Пришлось ѣхать до остановки съ полчаса. Рѣзкій вѣтеръ высушилъ немного мой фартукъ, но было слишкомъ холодно. Поѣздъ домчался до станціи. Близко было утро, а потому я, обойдя на остановкѣ еще разъ больныхъ, вернулась въ помѣщеніе сестеръ, выпила полъ стакана вина, чтобы согрѣться, и, попросивъ проснувшуюся сосѣдку пораньше встать и обойти вагоны, укрылась теплымъ пледомъ, скоро согрѣлась и крѣпко уснула.

Всѣ дни нашего путешествія—мы ѣхали трое сутокъ до Никольска—вѣяло холодомъ и моросилъ дождь, но въ вагонахъ было

хорошо, надоѣдалъ лишь стукъ и плохо было лазить изъ вагона въ вагонъ по грязи и по скользкой лѣстницѣ. Обыкновенно больные мирно разговаривали, вспоминали разные эпизоды боя, не смущались еще отступленіемъ, объясняя его тѣмъ, что у японцевъ силъ больше, такъ какъ они давно приготовились къ войнѣ и имъ ближе. Работы съ больными не было почти никакой, лишь 2—3 перевязки, 2 раза кормили обѣдомъ и ужиномъ и 3 раза давали чай, а то читали вслухъ и писали письма къ ихъ домашнимъ. До Никольска время шло незамѣтно. Въ Никольскъ мы пріѣхали поздно вечеромъ, а потому сдача больныхъ была назначена на слѣдующій день, въ 8 часовъ утра.

У насъ въ поѣздѣ было до 300 больныхъ, и эвакуаціонная комиссія распредѣлила ихъ въ три госпиталя. Съ утра шелъ опять мелкій дождикъ, который снова превратилъ начавшія было здѣсь протаптываться дорожки въ жидкую грязь. Мѣсто было топкое и, очевидно, здѣсь послѣдніе дни также были дожди. Передъ отправкой больныхъ, обыкновенно, переодѣвали въ ихъ бѣлье, свое поѣздное снимали, а по передачѣ больныхъ въ госпиталь снова переодѣвали въ госпитальное. Это была самая непріятная процедура, такъ какъ приходилось надѣвать полуистлѣвшее бѣлье съ неизмѣнными насѣкомыми на больного на какой-нибудь часъ времени, послѣ чего онъ опять переодѣвался. Но такой былъ заведенъ порядокъ, а въ Манчжуріи зачастую придерживались порядковъ, идущихъ въ разрѣзъ съ простымъ смысломъ. На этотъ разъ сестры отвоевали отмѣну этого варварскаго обычая. Ужасная нелѣпица—снимать чистое бѣлье и надѣвать закорузлыя въ крови рубахи или невозможные штаны, чтобы по прибытіи въ госпиталь снова замѣнить ихъ чистыми. Этимъ какъ будто подчеркивали странное отношеніе госпиталя или поѣзда къ своему больному: ты, молъ, не нашъ уже и намъ нѣтъ дѣла до твоей дальнѣйшей судьбы; какъ будто о немъ заботились не потому, что онъ измученный, изстрадавшійся человѣкъ, а потому, что онъ считался на попеченіи такого-то поѣзда или госпиталя; какъ только списки унесли, передали въ другой госпиталь, мы умываемъ руки, съ насъ снята отвѣтственность... Вотъ что проглядывало въ этомъ обычаѣ, какъ и во многихъ другихъ мелочахъ. На этотъ разъ мы не переодѣвали больныхъ, а рѣшили поѣхать по 2 сестры въ каждый изъ трехъ госпиталей и забрать снятое тамъ съ нашихъ больныхъ бѣлье. Дождикъ все моросилъ. Двѣ партіи отправили къ 10-ти часамъ, а за третьей, самой большой, все не являлся персоналъ изъ назначеннаго для этой партіи госпиталя. Госпиталь былъ именной, какого то высокопоставленнаго лица. Про устройство его и богатства разсказывали просто чудеса. Наконецъ, прибылъ врачъ съ госпитальными санитарами. На нашъ вопросъ: какъ въ такую погоду переправить больныхъ, насъ просили не безпокоиться, говоря, что это не особенно далеко, и при томъ на станціи есть крытые

фургоны эвакуаціонной комиссіи. Всѣхъ отпустили. Я съ другой сестрой, наскоро отдавъ распоряженіе санитарамъ свернуть койки и утварь вагоновъ, напившись чаю, такъ какъ съ утра были заняты, отправились за бѣльемъ въ тотъ госпиталь, куда отпустили послѣднюю партію больныхъ. Было 11 часовъ. На вокзалѣ нашелся извозчикъ; назвали госпиталь и поплелись. Каково же было наше изумленіе, когда, проѣхавъ одну улицу, за угломъ мы увидѣли длинную вереницу нашихъ больныхъ. Врачъ куда-то исчезъ; впереди ѣхало 5 подводъ, возлѣ нихъ виднѣлись 3—4 санитара. Оказалось, что подъ 150 больныхъ, опредѣленныхъ въ этотъ заботливый госпиталь, было прислано повозокъ всего человѣкъ на 40. Еще хорошо, что у насъ не было трудно больныхъ. Конечно, и выздоравливающему больному пройти въ хорошую погоду, по сухой дорогѣ не болѣе версты не совсѣмъ легко, но возможно. Но каково же по скользкой дорогѣ, глубокой грязи, при холодномъ вѣтрѣ, не одѣтому (у насъ въ поѣздѣ были лишь больничные легкіе халаты и немного фуфаекъ, а у многихъ не было шинелей), еще слабому, не совсѣмъ оправившемуся человѣку пройти пѣшкомъ нѣсколько верстъ—какъ оказалось, больше трехъ... Но наше возмущеніе было безсильно. На извозчика можно было усадить не болѣе трехъ больныхъ, а ихъ шло больше 100. За каждый шагъ боишься, что можетъ кто-либо поскользнуться, повредить себѣ рану, переломъ. Нѣкоторые потеряли поѣздныя туфли и шагали прямо въ чулкахъ. Всѣ гуськомъ пробирались по какому-то мосту, кто опираясь другъ на дружку, кто на палку, кто охая или останавливаясь передохнуть.

Тяжело, скверно было на душѣ. Дождь не переставалъ. И мы, сестры, пришибленныя своимъ неумѣніемъ, или скорѣе невозможностью помочь, замыкали это печальное шествіе. По дорогѣ мы встрѣтили возвращавшіеся къ вокзалу пустые санитарные фургоны. Конечно, обратились къ нимъ съ просьбой отвезти больныхъ въ назначенный госпиталь. Но увы... фургоны были военнаго вѣдомства, а все военное строго и безпрекословно подчинялось приказаніямъ высшихъ—имъ было приказано ѣхать на вокзалъ... и фургоны проѣхали мимо пустые, а мы около часу плелись, пока добрались до госпиталя. Но и тутъ не сейчасъ кончились наши мытарства. Больные вошли подъ какой-то навѣсъ, а насъ двухъ сестеръ повели въ помѣщеніе. Устройство госпиталя было дѣйствительно комфортабельно, по крайней мѣрѣ, наружно: во дворѣ всюду усыпанныя крупнымъ пескомъ дорожки, передъ окнами чуть ли не клумбы цвѣтовъ; столовая, куда насъ ввели, свѣтлая, большая, съ кисейными нарядными занавѣсями и по-европейски сервированнымъ столомъ. Всѣ сидѣли за третьимъ блюдомъ; сестры чистенькія, въ свѣтлыхъ фартукахъ и косынкахъ, вели оживленный разговоръ. Мы напомнили, что больные продрогли, устали и нуждаются въ немедленномъ уходѣ. Начался пріемъ. Изъ пріем-

ной комнаты стали выкликать по одному человѣку для записи, переодѣванія, распредѣленія по палатамъ и другихъ формальностей. Никакіе протесты съ нашей стороны не повели къ ускоренію формальностей пріема. Тучный полковникъ, должно быть, завѣдующій госпиталемъ, и главный врачъ, нисколько не спѣша, аккуратно разспрашивали и записывали чуть ли не всю біографію каждаго больного. Для нихъ важнѣе былъ заведенный порядокъ, чѣмъ покой измученныхъ людей. Пріемъ закончился въ 5 часовъ.

Опомнились мы только тогда, когда измученныя душой за нихъ всѣхъ и за страданья каждаго, мы вернулись тѣмъ же путемъ около 8-ми часовъ вечера къ себѣ въ вагонъ и старались успокоить себя мыслью, что всѣ они уже въ теплѣ и накормлены.

Къ утру наши пять вагоновъ прицѣпили къ какому-то поѣзду, и мы помчались обратно.

Нѣтъ такого горя, несчастья человѣческаго, которое не смягчалось бы временемъ и природой. На обратномъ пути стояли ясные, теплые дни, и Уссурійская дорога ослѣпляла своей красотой. Масса цвѣтовъ, среди горъ живописные лѣса, не такіе мрачные, какъ въ средней Сибири, но полные щебетанья птицъ, жизни... Линія желѣзной дороги мѣстами поднималась на перевалъ зигзагами, какъ гигантская винтовая лѣстница, съ высоты которой открывался широкій видъ. Мы часто подолгу стояли на разъѣздахъ, ожидая встрѣчныхъ поѣздовъ. Роща ли, лугъ ли, берегъ ли горной рѣчки—все манило къ себѣ, убаюкивало. И среди роскошной природы казалось такимъ невѣроятнымъ существованіе войны со всѣми ея послѣдствіями. Мы вполнѣ ожившими и бодрыми подъѣзжали къ Харбину.

Въ отрядѣ мы застали большой переполохъ—передовой госпиталь спѣшно вызывали на югъ. Не нужно и говорить, какъ поспѣшно мы собирались. Мы отправлялись со своимъ санитарнымъ поѣздомъ, который усылали на югъ набрать больныхъ въ Мукденѣ. Поѣздъ получился огромный: шесть вагоновъ поѣздныхъ, пять съ персоналомъ и скарбомъ «передового», 22 вагона съ лошадьми и скотомъ и 7 платформъ подъ арбами, оборудованными для перевозки больныхъ—всего набралось до 40 вагоновъ. Изъ Харбина мы выѣхали 21 сентября. Составъ «передового» былъ довольно дружный. Уполномоченный былъ молодой и неопытный, бывшій петербургскій чиновникъ какого-то департамента, и, конечно, никогда ни къ какому хозяйству не былъ причастенъ; за его административныя и хозяйственныя способности, которыя долженъ былъ проявлять всякій завѣдывающій отрядомъ, мы вначалѣ нѣсколько опасались, тѣмъ болѣе, что совершенно его не знали. Ѣхало три врача, изъ нихъ одна женщина-хирургъ. Изъ двѣнадцати ѣхавшихъ сестеръ было 7 фельдшерицъ и одна я, диллетантка. Если еще

прибавить, что съ нами ѣхали аптекарь, фельдшеръ, студентъ-медикъ, 20 санитаровъ то будетъ перечисленъ весь составъ передового госпиталя.

На третій день мы прибыли въ Мукденъ, гдѣ насъ встрѣтилъ нашъ старшій уполномоченный съ инструкціями изъ главнаго штаба и съ указаніями, гдѣ остановиться. Оказалось, мы были прикомандированы къ 1-й арміи, къ какому-то корпусу. Первая армія стояла нѣсколько лѣвѣе центра нашего фронта, и намъ нужно было продвинуться въ сторону отъ Мукдена по Фушунской вѣткѣ верстъ 60. Дорога эта не была еще приспособлена для прохода тяжелыхъ классныхъ вагоновъ и паровозовъ, она до той поры обслуживала лишь Фушунскія каменноугольныя копи. По этой линіи ходили лишь товарные вагоны и платформы, передвигаемыя знаменитыми «кукушками». Весь составъ нашего поѣзда невозможно было пустить по расшатанной, запущенной линіи, а потому обозъ, т. е. вагоны съ лошадьми и скотомъ и платформы съ арбами отцѣпили для разгрузки и отправки дальше гужемъ. Остальные вагоны погнали до развѣтвленія, гдѣ вмѣсто паровоза прицѣпили нѣчто странное, въ видѣ желѣзнаго ящика, продымленнаго, чернаго, съ высочайшей неуклюжей трубой. Странный ящикъ неимовѣрно пыхтѣлъ и обдавалъ всѣхъ липкой сажей, которая разлеталась отъ него во всѣ стороны на далекое разстояніе,—это и была кукушка. Кукушка долго набиралась силы, странно застучала, нѣсколько разъ толкнула взадъ и впередъ и, наконецъ, потащила. Нечего и говорить, что добрый ходокъ быстрѣе идетъ, чѣмъ ползла наша кукушка, но за то подъ гору нужно было пускать въ ходъ всѣ тормоза, иначе мы рисковали свернуть себѣ голову. И эта вѣтка вскорѣ должна была обслуживать чуть ли не центръ нашихъ позицій, перевозить войска, раненыхъ, припасы, снаряды и т. п. Можно себѣ представить ея работоспособность, если мы 60 верстъ ѣхали почти сутки. Впрочемъ, потомъ ее немного подправили... Передъ однимъ подъемомъ кукушка остановилась и никакъ не могла сдвинуться съ мѣста—оказалось, не хватило воды въ котлѣ. Благо недалеко отъ линіи была лужа, вродѣ озерка, и нашихъ санитаровъ погнали всѣхъ съ ведрами за водой. Напоили кое-какъ кукушку и она опять заскрипѣла. Все бы ничего, но на этомъ не кончились наши мытарства. На одномъ изъ разъѣздовъ нашъ вагонъ-кухня сошелъ съ рельсъ. Конечно, никакихъ приспособленій для поднятія вагона не было. По счастью недалеко отъ линіи стоялъ военный отрядъ, сбѣжались солдаты и съ нашими санитарами, съ помощью бревенъ и шпалъ, поставили вагонъ на рельсы, и мы задвигались дальше. Намъ эти приключенія были на руку, такъ какъ кругомъ насъ мѣстность представляла собою невиданное еще нами зрѣлище. Вмѣсто прежнихъ полей чумизы и гаоляна, главныхъ китайскихъ хлѣбныхъ растеній, здѣсь былъ приготовленъ рядъ ловушекъ для убійства людей: такъ

называемыя волчьи ямы, чуть-чуть прикрытыя, чтобы поближе заманить противника; хитро сплетенныя загражденія изъ колючей проволоки; цѣлыя десятины колышковъ, набитыхъ остріемъ вверхъ; маленькія крѣпостцы, слегка замаскированныя... Изъ всего этого лабиринта можно было выпутаться лишь съ большой осторожностью. Какъ-то не вѣрилось, чтобы эти западни устраивалъ человѣкъ человѣку... Что думали люди, стараясь позамысловатѣе запутать эти колючія загражденія? Что думали мыслящія существа, когда рыли волчьи ямы для живыхъ людей?.. Неужели это казалось имъ естественнымъ, нужнымъ?.. Впрочемъ, они ничего не думали, а лишь исполняли то, что приказано.

Что-то ждало насъ впереди? Мы ѣхали сюда уже не съ тѣмъ чувствомъ готовности на подвигъ, съ какимъ отправлялись изъ Россіи, а уже потрепанныя всѣмъ видѣннымъ, еще жаждавшія работы, но не надѣющіяся на подвиги, такъ какъ во всемъ, что происходило кругомъ, понимали огромную нелѣпицу, ненужную и вредную людямъ. Наши усилія спасти людей отъ страданій тонули, какъ капля въ морѣ, въ усиліяхъ другихъ причинить эти страданія. И теперь это сопоставленіе насъ, стремящихся уничтожить боль, съ этими волчьими ямами, назначеніе которыхъ одно—породить эту боль, какъ-то невольно наводило на сравненіе нашей работы съ толченіемъ воды въ ступѣ. Но мы старались разогнать свое унылое настроеніе и мысленно призывали свое прежнее воодушевленіе.

Къ вечеру мы прибыли въ Сяосинсинцзы, гдѣ назначена была стоянка госпиталя. Это была небольшая полуразрушенная китайская деревушка. Жители побогаче ушли со своими семьями въ Мукденъ, и въ ихъ роскошныхъ фанзахъ остались одни чернорабочіе. Тѣ, которые побѣднѣе, скучивались по нѣсколько семействъ въ одну фанзу, а освобожденныя фанзы отбирались подъ госпитали, или для другихъ нуждъ нашей арміи. Не смотря на плату за эти помѣщенія, правда, скудную, назначавшуюся скорѣе для отвода глазъ, китайцы неохотно уступали свои помѣщенія и, благодаря лишь запуганности, вѣроятно, небезосновательной, и укоренившимся слухамъ о насиліяхъ русскихъ, они торопливо забирали свой скарбъ, куда-то отвозили, прятали, а сами ютились въ фанзахъ родственниковъ или сосѣдей. Въ этотъ же вечеръ, по пріѣздѣ, мы всѣ гуртомъ пошли выбирать мѣсто. У насъ были прекрасныя палатки, но все же совсѣмъ безъ фанзъ обойтись нельзя было. Выбрали мы довольно большое открытое мѣсто—огородъ, засаженный капустой, рѣпой, лукомъ; тутъ же были три маленькія фанзы—и стали уговариваться съ хозяевами. Перепуганные китайцы тотчасъ же согласились на наши условія и, не смотря на ночь, стали таскать свои сундуки. Посреди капустнаго огорода мы водрузили флагъ Краснаго Креста съ надписью «...скій передовой госпиталь», такъ какъ каждый часъ прибывали какіе-то транспорты, военные госпи-

тали, части войскъ и могли занять выбранное нами мѣсто,—мѣста разбирались съ бою.

Насъ увѣдомили, что на третій день къ намъ пришлютъ раненыхъ, а потому надо было спѣшить съ постановкой госпиталя. Съ слѣдующаго утра принялись за установку палатокъ и чистку фанзъ: кто выкапывалъ капусту, кто уравнивалъ и утаптывалъ площадку подъ палатку; другіе разгружали изъ вагоновъ наше добро и складывали подъ навѣсъ изъ брезента, такъ какъ нашъ поѣздъ грозили каждую минуту угнать обратно; увѣряли, что уже послали за кукушкой, которая была, кажется, одна на этой линіи, а потому и гонялась, если такъ о ней можно выразиться, съ одного конца въ другой. Вотъ взвился верхъ первой палатки—бѣлая, нарядная, съ флагами и крестами, она привела въ восторгъ чумазыхъ китайцевъ, да и мы ей обрадовались. За первой вторая, третья... и мы принялись за уборку внутри. Въ одной палаткѣ сестры устроили свое помѣщеніе, въ другой устроили складъ провизіи, а часть отвели подъ аптеку; въ третьей пока помѣстились санитары. Еще нужно было позаботиться о кухнѣ. Повара превратились въ печниковъ и въ одной изъ фанзъ вставили плиту, котлы. На другой день поѣздъ ушелъ, и мы понемногу стали устраиваться. Съ палатками дѣло шло живо—онѣ росли, какъ грибы. Достали у китайцевъ цыновокъ, сѣна; цыновками устилали землю, сѣномъ набивали матрасники, тутъ же покрывали чистымъ, свѣже-распакованнымъ бѣльемъ, и палатки выходили даже нарядными. Больше возни было съ фанзами: одну нужно было для перевязочной и операціонной, такъ какъ ихъ нельзя было устроить въ темной палаткѣ; складъ бѣлья также необходимо было устроить въ помѣщеніи, которое запиралось бы на замокъ. Не такъ-то легко было убраться китайцамъ съ вѣками насиженнаго мѣста. Тряпки, черепки, все это подбиралось, какъ нѣчто драгоцѣнное. Лишь только китайцы убрались, мы принялись выметать и отстругивать грязь. Спрыснули все сулемовымъ растворомъ; достали извести; я припомнила искусство хохлушекъ, стѣны побѣлила, каны вымазала глиной и устлала бѣлой клеенкой; вмѣсто потолка мы натянули нѣсколько сшитыхъ простынь; рамы и двери мы вымыли сулемовымъ растворомъ и оклеили чистой бумагой, полъ устлали цыновками. Между канами установили складной операціонный столъ; въ углу пристроили стерилизаторъ-кипятильникъ; въ сѣняхъ установили полки съ перевязочнымъ матеріаломъ, завѣсили ихъ простынями... и операціонная сестра стала раскладывать и разставлять свои аппараты, инструменты, растворы. Санитары очищали снаружи. На третій день у насъ стояло 11 палатокъ (сестеръ, врачей, санитаровъ, склада и аптеки, 7 больничныхъ палатокъ) готовыхъ, убранныхъ и всѣ три фанзы были приспособлены. Вечеромъ положили къ намъ 30 больныхъ. Надо было ихъ обогрѣть (стояли пасмурные, холодные дни), перевязать, накормить и на другой день отправить дальше, такъ какъ ожидали

большихъ транспортовъ больныхъ. Въ этотъ же вечеръ мы слышали въ первый разъ тотъ грохотъ, къ которому такъ часто потомъ прислушивались и такъ скоро привыкли; послышался какъ будто отдаленный громъ, потомъ нѣсколько отдѣльныхъ отзвуковъ— трахъ... трахъ... трахъ...—«Ничего,—говорили вокругъ насъ,— это кто-либо нащупываетъ чужую батарею, хочетъ вызвать отвѣтъ, чтобы опредѣлить ея мѣсторасположеніе». Отвѣта не послѣдовало... И этотъ одинокій грохотъ, пропавшій въ темной безмолвной ночи, далъ намъ почувствовать, что тутъ недалеко отъ насъ происходитъ что-то большое, тяжелое, готовится много муки, и ее нельзя предотвратить.

Это былъ конецъ сентября. Лѣто уступало мѣсто осени и погода часто и быстро мѣнялась. Трудно было вначалѣ привыкнуть къ сырой ночи въ палаткахъ. Многіе схватили насморкъ, инфлюэнцу. Къ 1-му октября распогодилось и въ этотъ день мы впервые услышали кононаду. Намъ объяснили: «это батарея нащупала непріятельскую батарею, тревожила и вызывала въ бой». Въ тотъ же день къ намъ стали прибывать длинные транспорты больныхъ, которые были не съ позицій, а изъ госпиталей—бой былъ частичный и не у нашего мѣстоположенія, нѣсколько лѣвѣе по флангу. Изъ госпиталей того района очищали мѣста и больныхъ направляли черезъ нашъ пунктъ для передачи на поѣзда въ Мукденъ, а оттуда въ Харбинъ. Такъ какъ ожидали боя по всему фронту, то больныхъ нельзя было задерживать въ передовыхъ госпиталяхъ, а нужно было накормить и отправлять дальше. Отбирали болѣе уставшихъ, слабыхъ, чтобы положить ихъ въ палатки на сутки, не болѣе, отдохнуть, а остальныхъ даже не распредѣляли по палаткамъ, а тутъ же, среди двора, подъ открытымъ небомъ, у перевязочной дѣлали перевязки, у кухни кормили супомъ, поили чаемъ, и потомъ отправляли на вокзалъ, куда къ тому времени были доставлены теплушки и нѣсколько стародавнихъ, заржавѣвшихъ паровозовъ. Партіи прибывали большія, въ день приходило отъ 300 до 600 человѣкъ.

На моей обязанности лежало ихъ всѣхъ накормить. Кухня не была приспособлена къ такому большому количеству порцій, а потому приходилось варить частью въ котлахъ прямо во дворѣ. Съ утра отваривали крупу, а потомъ, по мѣрѣ надобности, въ котлахъ въ кипяткѣ, который постоянно долженъ былъ быть готовымъ, распускали мясные консервы, прибавляли немного заранѣе приготовленной крупы, приправы и получали въ $^1/_4$ часа странный, но вкусный и сытный супъ. Больные отъ перевязочнаго пункта стекались ближе къ кухнѣ. Кромѣ поваровъ, у меня были на посылкахъ двое китайскихъ мальчугановъ; съ ними то мы и управлялись. Разсаживали своихъ гостей по обѣ стороны дорожки группами человѣкъ по десяти, давали каждому въ руки ломоть хлѣба, ложку, ставили большую лохань съ супомъ. Мои китайчата носи-

лись, какъ птицы, то въ складъ за хлѣбомъ, то въ кухню за супомъ, и звонко, весело покрикивали: «Не обѣдаля, садиса»! Потомъ разносили по кружкѣ чаю съ двумя кусочками сахару. Солдаты крестились, благодарили и съ нашего скорѣе питательнаго пункта, чѣмъ госпиталя, гуськомъ тянулись къ вокзалу, который былъ въ нѣсколькихъ десяткахъ саженей разстоянія; а къ моей дорожкѣ—широкому помѣстительному столу—подходили новые голодные. Часамъ къ 9 вечера прекращалась работа, и мы, утомленныя, шли въ свои палатки на отдыхъ, дѣлились впечатлѣніями дня, отдѣльными маленькими эпизодами, и только иногда отдаленный гулъ орудій напоминалъ, что тутъ недалеко готовятся новыя жертвы... Невольно мы смолкали и каждый со своей думой засыпалъ до утра.

Какъ то на разсвѣтѣ мы вскочили въ ужасѣ отъ орудійнаго залпа, который раздался съ ближайшихъ къ намъ позицій... Бой начался на нашемъ флангѣ. Блѣдныя отъ внутренняго волненія, мы старались не говорить о томъ, что каждый думалъ. Мы какъ-то растерялись передъ этой грозой, и каждый твердилъ про себя: «Не надо! еслибъ перестали!» Хотѣлось кого-то умолять, кого-то убѣдить прекратить этотъ гулъ... Но всѣ мы были маленькіе люди и могли лишь исполнять свои маленькія обязанности.

Нашъ транспортъ вызвали къ линіи перевязочныхъ пунктовъ, и въ тотъ же день намъ стали подвозить раненыхъ прямо съ позицій. Ужасной картиной запечатлѣлся у меня въ памяти первый привезенный съ позиціи транспортъ раненыхъ. Это были жертвы ночной атаки при взятіи какой-то сопки. Почти всѣ пораненія были въ голову, лицо... Раненыхъ было около сотни. Они слѣзли съ повозокъ и расположились, кто лежа, кто сидя, возлѣ перевязочной. Вытекшіе глаза, отсѣченныя уши, носы, раздробленныя скулы, вывороченные, разбухшіе языки, прострѣленныя горла, разбитыя головы... и все это были живые люди, одни не слышали, другіе не видѣли, третьи не могли говорить. Кто далъ право отнимать у человѣка его человѣческій образъ? А вотъ, вмѣсто лица, носа, рта, глазъ, сплошная окровавленная масса... и человѣкъ живетъ еще. Хотѣлось дико кричать, хотѣлось убѣжать отъ этихъ раскрытыхъ мозговъ, вылѣзшихъ глазъ. А раненымъ жить хотѣлось... и ѣсть хотѣлось... Это были молодыя, здоровыя тѣла, истекшія кровью и обезсиленныя безсонной ночью и суточной голодовкой. Я безпомощно стояла съ чашкой супу передъ окровавленнымъ лицомъ солдата, показывавшаго, что онъ голоденъ. Какъ же, накормить его, если во рту отъ языка, выбитыхъ зубовъ сплошная каша? Крупныя слезы неудержимо покатились у меня изъ глазъ, еще секунда, я громко разрыдалась бы и поддалась истерикѣ. Но ко мнѣ быстро подбѣжала сестра, замѣтившая мое состояніе, взяла у меня чашку, осторожно запустила резиновую

трубку, бывшую у нея, въ горло больного, отстранила немного меня и принялась кормить несчастнаго. Я опомнилась, подавила свои чувства и постаралась помогать другимъ.

Проходили дни, и безъ конца шли къ намъ раненые и больные за помощью, тепломъ и пищею. Желѣзная дорога, какъ и слѣдовало ожидать, вскорѣ утомилась и забастовала. Бой не прекращался и въ Сяосинсинцзахъ накоплялось все больше и больше раненыхъ. Погода рѣзко измѣнилась, частые дожди размыли дороги, по утрамъ были крѣпкіе заморозки. У насъ въ палаткахъ давно перестали класть на койкахъ, ихъ выносили вонъ, стлали солому прямо на цыновки и клали больныхъ вповалку. Палатки были полны, когда къ намъ часовъ въ 9 вечера прибылъ еще транспортъ больныхъ. Шелъ дождь, было холодно и отпустить ихъ дальше въ темнотѣ, по размытымъ дорогамъ и голодными нельзя было, тѣмъ болѣе, что ближайшіе госпитали, какъ мы знали, были также заполнены. Положимъ, накормить раненыхъ мы могли, но гдѣ ихъ обсушить и обогрѣть? Начали устраивать импровизированныя палатки—составили въ кружокъ арбы, натянули на нихъ оказавшійся у насъ лишній верхъ палатки, настлали соломы, помѣстили человѣкъ 50... а транспортъ все тянулся и, казалось, ему конца не будетъ. Кормили мы ихъ прямо на повозкахъ—пока однихъ распредѣляли, я, со своими китайчатами, передавала миски съ супомъ отъ повозки къ повозкѣ. Одни изъ прибывшихъ улеглись подъ палатками на вынесенныхъ койкахъ, другіе—на носилкахъ, прикрываясь кусками брезентовъ или соломой. Вдоль забора натянули длинный узкій брезентъ, настлали чумизы, и тамъ тоже улеглись тѣсно другъ къ дружкѣ люди. Брезентъ прикрывалъ ихъ туловища лишь до половины. Когда все затихло во дворѣ, я зашла еще на кухню поглядѣть, не оставили ли уставшіе повара огня непогашеннымъ. У порога кухни я споткнулась о чьи то ноги и, присмотрѣвшись въ темнотѣ, увидѣла нѣсколько фигуръ, зарывшихся въ солому прямо подъ дождемъ. Другого пріюта они не нашли. А на горизонтѣ все гремѣло, и каждый ударъ, вѣроятно, порождалъ, если не сотни, то десятки раздробленныхъ рукъ, ногъ, череповъ. Я дошла до своей палатки и, не имѣя силъ скинуть съ себя мокрые сапоги и пальто, повалилась на койку и моментально уснула. Часовъ въ 6 утра вышла изъ палатки, чтобы посмотрѣть, какъ переночевали раненые. Густой бѣлый иней покрылъ все, вода въ углубленіяхъ брезентовъ замерзла, мѣстами солома лежала кучами, вся бѣлая, и подъ всѣмъ этимъ были живые люди, но они не шевелились, спали тяжелымъ сномъ. Я къ нѣкоторымъ даже наклонялась, чтобы прислушаться, дышатъ ли они, не задохлись ли подъ тяжелымъ брезентомъ. Совѣсть мучила за нихъ. Они брошены, какъ ненужные щенки подъ заборъ въ ненастье, и это тѣ, отъ которыхъ ждутъ подвиговъ, геройства, храбрости. Лишь когда выглянуло солнце, зашевелилась солома,

рогожа, брезенты, и изъ-подъ нихъ начали выползать окоченѣвшіе люди. Мы развели водою спиртъ, какой только нашелся, дали по стакану водки, потомъ напоили чаемъ, надѣлили консервами, хлѣбомъ и отправили на прибывшій, наконецъ, поѣздъ. Больше ничѣмъ мы не могли помочь. Это былъ бой при Шахе. Продолжалось такъ недѣли двѣ.

Лишь когда окончился бой и прекратился подвозъ раненыхъ массами, мы получили возможность реагировать на несчастья отдѣльныхъ людей, на отдѣльные случаи. Смерть насъ уже не потрясала, но мученья живыхъ людей такъ разнообразны и такъ ужасны въ этомъ разнообразіи, что никакая привычка не могла примирить съ ними, и каждый разъ переворачивало душу. Въ одну изъ палатокъ положили офицера, раненаго въ голову. Его доставили на первый перевязочный пунктъ уже безъ памяти, и онъ не приходилъ въ себя во все время. Его положили на свободную койку, прямо противъ входа въ палатку. Неестественно вытянувшееся тѣло, забинтованная верхняя часть головы, заостренный носъ и единственный открытый, живой, лихорадочно блестѣвшій, съ безумнымъ взглядомъ, огромный, черный глазъ, который васъ всегда провожалъ и встрѣчалъ при входѣ въ палатку,—таковъ былъ видъ этого раненаго. Онъ не стоналъ отъ боли, но все время пѣлъ, ясно и отчетливо отдѣлывая мотивы, и иногда только громко бредилъ, лаская въ бреду дѣтей, называя ихъ по именамъ и вспоминая эпизоды изъ мирной семейной обстановки. Его глазъ ни на минуту не закрывался и голосъ не смолкалъ. Помощь ему была не нужна. Онъ съ минуты на минуту долженъ былъ умереть, но организмъ не сдавался, какая-то сила жила въ немъ и онъ все время пѣлъ, призывалъ, ласкалъ... Среди долгой и темной ночи это пѣніе не давало покоя. Оно слышно было во всѣхъ палаткахъ. Забывшись короткимъ сномъ, мы, просыпаясь, снова слышали пѣніе... Некуда было уйти отъ него. На третьи сутки пѣніе смѣнилось хрипомъ, въ которомъ все еще слышались какіе-то мотивы, глазъ углубился и, казалось, горѣлъ какимъ то фосфорическимъ свѣтомъ; бѣлая фигура еще больше вытянулась; черезъ сухія, открытыя, шевелящіяся губы вылетали изъ горла хриплые звуки, которые силились соблюдать тактъ и тонъ. Не было силъ слышать эти хрипы... Сердце ныло, голова затуманивалась, руки опускались и сестра выбѣгала изъ палатки съ истеричными рыданіями, умоляя:—«Да помогите ему умереть... Зачѣмъ онъ мучится!..» Сестру палатки смѣняли, а пѣніе перешло въ шопотъ; по мѣрѣ паденія силъ послѣдній становился все тише, отрывистѣе... На пятыя сутки больной умеръ.

Прошли транспорты больныхъ. Наступило затишье. Понемногу мы всѣ успокоились, вошли въ нормальную колею. Тяжелой работы

въ моменты затишья въ передовыхъ госпиталяхъ не было. Больныхъ не задерживали и не лечили, ихъ лишь принимали на отдыхъ для дальнѣйшей отправки, а такъ какъ тяжелый опытъ заставилъ нашу линію желѣзной дороги исправить, то и больныхъ аккуратно каждый день отправляли дальше; оставались лишь тѣ, которымъ грозило осложненіе отъ тряски.

До тѣхъ поръ мы работали всѣ сообща, распредѣляясь строго по палаткамъ или спеціальностямъ; работа была для всѣхъ. Когда экстренная работа закончилась, мы распредѣлились по занятіямъ: я завѣдывала хозяйствомъ, одна изъ сестеръ бѣльевой, одна считалась операціонной сестрой и девять палаточныхъ (въ 2-хъ большихъ палаткахъ по 2 сестры и въ остальныхъ по одной сестрѣ). На каждую сестру въ нормальное время приходилось не болѣе 15-ти человѣкъ больныхъ; уходъ за ними сводился лишь къ кормежкѣ; если были перевязки, то ихъ дѣлали въ перевязочной. Съ утра отправляли на поѣздъ больныхъ, назначенныхъ наканунѣ врачемъ; въ 12 часовъ кормили обѣдомъ; если прибывалъ послѣ обѣда транспортъ больныхъ, то ихъ переодѣвали, записывали, голодныхъ кормили, и въ этомъ заключалась почти вся работа. У меня по хозяйству немногимъ больше было хлопотъ и то лишь съ утра, пока не выдамъ провизію, не успокоюсь, что у меня достаточно есть и хлѣба, и мяса, и другихъ продуктовъ. Вставъ въ 6 часовъ, нужно было прослѣдить:—есть ли вода въ бочкахъ, достаточно ли дровъ нарублено, во время ли поставили самовары; затѣмъ я смѣняла уставшую ночную дежурную, бѣгала по палаткамъ ставить градусники, будила санитаровъ, чтобы готовили все къ чаю, раздавала имъ сахаръ, чай, хлѣбъ на день. Часамъ къ 8-ми спѣшила въ нашу столовую, которая помѣщалась въ палаткѣ вмѣстѣ съ аптекою и складомъ, а въ хорошую погоду среди двора, подъ открытымъ небомъ, и готовила чай персоналу. Затѣмъ выдавала провизію на кухню. Часамъ къ 10 заказы всѣ покончены. Потомъ выдача обѣдовъ, ужиновъ, для которыхъ хотя и были назначены опредѣленные часы, но во всякое время являлся кто нибудь голодный и нужно было накормить. У насъ въ Сяосинсинцзахъ былъ довольно бойкій пунктъ, черезъ который переправлялись транспорты съ провизіей и фуражемъ на позиціи; переѣзжали съ позицій въ главный штабъ, или въ городъ Мукденъ съ какими-нибудь порученіями и, проголодавшись, поневолѣ заходили въ госпиталь попросить чего нибудь закусить, такъ какъ буфетовъ на маленькихъ станціяхъ не было, а купить было негдѣ. Транспортные провожатые солдаты робко просили горяченькаго супцу' или щепотку чаю, кусочка два сахарцу. Отказать нельзя было: хотя имъ выдавали суточныя, но достать негдѣ, и приходилось имъ по недѣлямъ питаться однимъ хлѣбомъ. Солдатскій хлѣбъ въ буквальномъ смыслѣ былъ, какъ камень. Его пекли огромными ковригами фунтовъ по 10 и больше; ихъ напекали тысячами пудовъ

и сваливали прямо на землю у станцій желѣзной дороги большими стогами. Хлѣбъ для людей и жмыхи для скота стояли стогами рядомъ. Хорошо, если эти горы хлѣба покрывали мѣшками, брезентами, а то неприкрытыя кучи заносило лѣтомъ пескомъ, а зимой снѣгомъ. Высохшій, промерзлый хлѣбъ стоялъ цѣлыми недѣлями въ ожиданіи, пока придетъ очередной транспортъ и заберетъ этотъ хлѣбъ на позиціи. Этимъ-то хлѣбомъ приходилось транспортнымъ солдатамъ кормиться недѣлями. Въ этомъ отношеніи ихъ положеніе было хуже, чѣмъ солдатъ, бывшихъ на позиціяхъ,—тамъ выдавалась казенная пища: щи и каша, чай; транспортные же получали на руки суточныя деньги, которыя, при дороговизнѣ и измѣнчивости цѣнъ на продукты въ то время, часто оставляли ихъ впроголодь, да въ дорогѣ, гдѣ попадаются на протяженіи десятковъ верстъ лишь полуразрушенныя деревушки съ враждебно настроеннымъ населеніемъ, достать изъ съѣстного ничего нельзя было, и приходилось или мародерствовать, или выпрашивать у госпиталей, расположенныхъ по пути. Транспортный народъ былъ большею частью изъ старшихъ запасныхъ; почти всѣ съ хроническими, неизлечимыми болѣзнями. У 40-лѣтняго запасного, измученнаго тяжелымъ трудомъ еще дома на скудной нивѣ, палаточная жизнь сразу подкашивала здоровье, и вотъ ихъ, бракованныхъ, исключали изъ строя, разсылали въ слабосильныя команды, въ транспортные обозы. Обросшіе бородой, еле прикрытые остатками шинели, казеннаго полушубка или лохмотьями китайскаго халата, въ сапогахъ безъ подошвъ или въ лаптяхъ, съ болѣзненными лицами, какъ то по звѣриному выглядывавшими изъ-подъ огромныхъ, лохматыхъ папахъ и отросшихъ, всклокоченныхъ волосъ—эти солдаты представляли собою удручающее зрѣлище.

Я не могу сказать про офицеровъ, что ихъ участь была многимъ лучше: иные раздѣляли удѣлъ своихъ солдатъ. Свѣжія силы на позиціи пробирались, казалось, орлами—въ блестящихъ мундирахъ, съ болѣе чѣмъ храбрымъ видомъ на видныхъ, гарцующихъ коняхъ; они были еще тѣми блестящими офицерами, какими мы привыкли видѣть ихъ на парадахъ, маневрахъ. Но, побывавъ на позиціяхъ, офицеръ терялъ свой блескъ; онъ становился такимъ же сѣренькимъ, изнуреннымъ, подчасъ опустившимся, зачастую оборваннымъ, какъ и солдатъ. Не разъ набиралась кучка офицеровъ у нашей кухни, прося дать чего-нибудь поѣсть, хоть горячихъ солдатскихъ щей. Конечно, подобная просьба нисколько никого не смущала,—всѣхъ ужъ война научила чувствовать обязанность помогать другъ другу. Тутъ же, возлѣ кухни, вокругъ обрубка бревна, располагались офицеры, закусывали солониной, наскоро глотали горячія щи и, довольные своимъ неожиданнымъ обѣдомъ, отправлялись своей дорогой, не зная, какъ и благодарить госпиталь за хлѣбъ-соль...

Госпиталь, стоявшій на пути транспортныхъ дорогъ, долженъ

былъ не только обслуживать больныхъ, но и оказывать гостепріимство здоровымъ. Поэтому на моей совѣсти, какъ хозяйки госпиталя, лежала обязанность дать поѣсть каждому просящему. Правда, заправилы наши могли бы высказать неудовольствіе по поводу такой моей расточительности, такъ какъ въ другихъ госпиталяхъ, особенно военныхъ, велся строгій учетъ провизіи и загоняли экономію даже на собственныхъ больныхъ и низшемъ персоналѣ—санитарахъ, держа ихъ почти впроголодь. Но уполномоченные нашей частной организаціи въ этомъ отношеніи хозяекъ не стѣсняли. Хозяйство въ госпиталѣ велось безъ всякой казенщины, представлялись лишь документы объ истраченныхъ суммахъ и никогда не считались съ тѣмъ, во что обходилось пропитаніе больного посуточно. Пищу старались, по мѣрѣ возможности, разнообразить, не считаясь съ ея стоимостью, хотя, конечно, избѣгая всего лишняго.

Сколько ни приходилось говорить съ солдатами, они всегда съ благодарностью вспоминали частные госпиталя и всегда жаловались на казенщину военныхъ, гдѣ, кромѣ однообразныхъ и неизмѣнныхъ щей и каши, ничего другого больной часто не ѣдалъ, да и тѣ не всегда получалъ въ достаточномъ количествѣ. И тотъ же военный госпиталь не жалѣлъ истратить тысячи двѣ рублей единственно на украшеніе госпиталя. Передъ проѣздомъ какой-то санитарной военной ревизіи сосѣдній намъ военный госпиталь употребилъ 500 руб. лишь на то, чтобы обшить циновками весь баракъ, устроить входы и выходы поэффектнѣе, купить дорожки, скатерти, даже зеркало для офицерскаго отдѣленія, и все это для того, чтобы черезъ какой-нибудь мѣсяцъ, перейдя на другую стоянку, опять дѣлать затраты на обшивку и обивку... А въ то же время для больныхъ считали неэкономнымъ выдавать бѣлый хлѣбъ къ чаю или дать лишнюю чашку чаю съ двумя кусочками сахару. Частные госпитали въ этомъ отношеніи, какъ и во многомъ, впрочемъ, стояли выше военныхъ, такъ какъ были болѣе независимы отъ предержащихъ властей.

О. Пащенко.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

На очередныя темы.

Изъ крестьянскихъ писемъ.

(*Окончанiе*).

IV.

За исключенiемъ гг. Мороза и Сережкина, всѣ остальные крестьяне, отозвавшiеся на мою брошюру, какъ уже сказано, являются рѣшительными противниками новаго порядка владѣнiя надѣльной землей. Почти всѣ они заявляютъ прежде всего о полной своей солидарности съ высказанными въ этой брошюрѣ взглядами и соображенiями. «Я получилъ вашу книгу,—начинаетъ, напримѣръ, свое письмо одинъ изъ крестьянъ Воронежской губернiи,—и съ особеннымъ вниманiемъ прочиталъ ее. Критиковать ваши взгляды на личную собственность я не нахожу возможнымъ. Каждое слово написанной вами статьи острымъ ножомъ проникаетъ въ истрадавшуюся грудь крестьянина. Я совершенно согласенъ съ вами, того же мнѣнiя и мои товарищи, не смотря на то, что мой отецъ, а съ нимъ нѣсколько крестьянъ нашего общества заключили крохи своей надѣльной земли въ личную собственность черезполосно». «Я очень радъ,—пишетъ крестьянинъ Саратовской губернiи,—какъ прочиталъ книгу. Изъ нея увидѣлъ, что самому крестьянину и въ голову не пришло бы. Но еще наше село, благодаря нѣкоторыхъ людей и ихъ старанiю, не перемѣнилось. Я самъ лично ярый противникъ этого осуществленiя, потому что ясенъ ходъ этого дѣла». «Будь малѣйшая возможность,—пишетъ другой крестьянинъ изъ той же губернiи,—читать и разъяснять вашу брошюру среди тѣхъ обществъ, кои намѣрены на выдѣлъ, то можно съ увѣренностью сказать, что желающихъ осталось бы очень мало. Такiе факты, какiе взяли вы, съ ними согласны даже сторонники выдѣла изъ общины, но напоръ начальства и при томъ оффицiальный, личный, затягиваетъ все дальше и дальше выдѣлы». «Мое мнѣнiе,—пишетъ крестьянинъ Екатеринославской губернiи,—идетъ въ согласiи вашей книги; вы ничего не ошибаетесь, и уже все то сбывается, что вы пишете».

«Проведенный въ брошюрѣ взглядъ на земельный вопросъ,—пишетъ крестьянинъ Астраханской губерніи,—вполнѣ вѣренъ и вполнѣ отвѣчаетъ по мѣстнымъ условіямъ дѣйствительности создавшагося положенія въ земельномъ вопросѣ; какъ будто именно вы и имѣли въ виду нашъ край, такъ все затронутое въ брошюрѣ подходитъ къ нашимъ неурядицамъ въ земельномъ вопросѣ». И буквально почти то же самое повторяетъ крестьянинъ Вологодской губерніи. «Все сказанное въ вашей книгѣ относительно общиннаго владѣнія,—пишетъ онъ,—вполнѣ правильно. Нѣкоторыя мѣста, особенно въ III и IV главахъ, настолько вѣрны, точно вы были здѣсь и лично слышали отъ крестьянъ; не только слышали слова, но и изучили ихъ психику»...

Я далекъ, конечно, отъ того, чтобы единство во взглядахъ, оказавшееся почти у всѣхъ моихъ корреспондентовъ, считать доказательствомъ отсутствія въ крестьянской средѣ приверженцевъ и адептовъ новаго порядка владѣнія надѣльной землей; я далекъ даже отъ того, чтобы видѣть въ этомъ признакъ ихъ немногочисленности. Возможно, что на мое письмо отозвались лишь единомышленники, хотя долженъ сказать, что мнѣ лично это предположеніе не представляется особенно убѣдительнымъ, такъ какъ я не вижу причинъ, почему же, словно сговорившись, не откликнулись на мой вызовъ противники, если только у нихъ имѣлись достаточно сильные доводы. У г. Мороза, какъ мы видѣли, имѣлись въ запасѣ не Богъ знаетъ какіе аргументы, но онъ не отказался вступить въ переписку со мною, разъ у него была надежда одержать идейную побѣду. Прибавлю, что сторонникамъ новаго порядка отозваться на мое письмо было даже легче, чѣмъ его противникамъ, такъ какъ они могли сдѣлать это, не опасаясь навлечь на себя какія-либо непріятности...

Болѣе вѣроятнымъ, насколько я могъ уяснить себѣ, представляется другое объясненіе. Сторонники личной собственности въ крестьянской средѣ, конечно, имѣются; можетъ быть, они даже достаточно многочисленны; нѣкоторымъ моя брошюра въ руки, несомнѣнно, попала; но отвѣтить на нее, и тѣмъ болѣе вступить въ полемику, они были не въ состояніи. Для этого необходимо вѣдь было встать или на общечеловѣческую, или на общегосударственную, или на общекрестьянскую—однимъ словомъ, на ту или иную, но общественную—точку зрѣнія. У нихъ же въ запасѣ имѣются только личные, правильнѣе даже сказать, только противообщественные доводы. Новый порядокъ имъ лично выгоденъ, но идейно воодушевить даже тѣхъ, кому онъ выгоденъ, онъ не можетъ.

Правда, правительство прилагаетъ всѣ усилія, чтобы оправдать свою земельную политику нѣкоторой идеологіей и популяризировать таковую въ массахъ. Оно увѣряетъ, что личная собственность можетъ превратить «сыпучіе пески въ золото и голыя скалы въ цвѣтущій садъ», что его политика обогатитъ крестьян-

ство и возвеличитъ Россію. Оно засыпаетъ крестьянъ листками и брошюрами, оно посылаетъ къ нимъ нарочито содержимыхъ для этого пропагандистовъ и агитаторовъ, онъ предписываетъ всѣмъ властямъ, начиная отъ губернатора и кончая десятскимъ, лично «разглашать указъ о закрѣпощеніи». Но и за всѣмъ тѣмъ его усилія пріобрѣсти въ крестьянской средѣ идейныхъ и безкорыстныхъ друзей своей политикѣ оказываются безрезультатными. Даже наиболѣе обоснованныя построенія теоретиковъ новаго порядка не выдерживаютъ очной ставки съ русской дѣйствительностью, даже наиболѣе сильные его идеологи оказываются смѣшными въ глазахъ крестьянъ и вызываютъ ироническое къ себѣ отношеніе. «Были у насъ землемѣры,—говорится, напримѣръ, въ одномъ изъ полученныхъ мною писемъ,—все совали намъ подъ носъ о землеустройствѣ соч. Кофода, но съ Кофодомъ они только конфузили себя. Сейчасъ агрономъ Гарціаловъ разсылаетъ брошюры о посѣвѣ тыквы и зимней вспашкѣ снѣга (?), но результатъ тоже мертвый».

Я вовсе не хочу сказать, что новый строй земельныхъ отношеній, если онъ установится, такъ и останется безъ идейнаго оправданія. Можетъ быть, потомъ пріемлемая для крестьянъ идеологія и явится. Но до сихъ поръ, если новый порядокъ и находилъ себѣ приверженцевъ въ средѣ крестьянъ, то не потому, конечно, что они увидѣли новую правду въ немъ. Правительство находило себѣ сторонниковъ въ этой средѣ лишь постольку, поскольку ему удавалось пробудить въ ней индивидуально-хищническіе инстинкты.

По крайней мѣрѣ, мои корреспонденты очень согласно указываютъ на эту причину достигнутыхъ правительствомъ результатовъ, какъ на одну изъ основныхъ и важнѣйшихъ. «Дѣло началось,—какъ выражается одинъ изъ саратовскихъ моихъ корреспондентовъ,—съ подлостей... Совѣты укрѣпить землю даются такимъ, у которыхъ въ теченіе 10 лѣтъ умерло нѣсколько человѣкъ. Дабы показать всю выгоду укрѣпленія, земскій предоставляетъ право на землю въ любомъ мѣстѣ; тѣ, конечно, не упускаютъ случая поживиться на счетъ другихъ». «Ни одинъ порядочный домохозяинъ,—говорится въ письмѣ, полученномъ мною изъ Таврической губерніи,—не оказался сторонникомъ новаго закона, хотя, правда, есть и сторонники новаго закона, но таковой элементъ ничего общаго съ благомъ общества не имѣющій, это—элементъ отрицательный, это—пьяницы, тунеядцы и вообще не строители общественные». «На выдѣлъ въ частную собственность надѣльной земли,—пишетъ третій корреспондентъ,—идутъ люди, проматывая все остальное свое хозяйство, ему уже не къ чему дома жить. Во-вторыхъ, мелкіе редецывисты, конокрады; какъ только вышелъ этотъ законъ, то они завозились, какъ майскія мухи, съ прошеньями къ земскимъ начальникамъ»...

Надо сказать, что тѣ же самые корреспонденты проявляютъ несомнѣнную чуткость къ справедливости, когда именно ея добиваются или ее отстаиваютъ укрѣпляющіе надѣльную землю. Такъ, только что цитированный корреспондентъ указываетъ и еще одну категорію лицъ, поспѣшившихъ воспользоваться указомъ 9 ноября: «это—женщины съ ихъ дѣтьми безъ мужескаго пола». «Вотъ въ этомъ положеніи,—говоритъ онъ,—жалко женщинъ: если нѣтъ дѣтей мужескаго пола, то и земли ей нѣтъ. Интересно бы знать,—прибавляетъ онъ,—есть ли у насъ въ Россіи такія мѣста, чтобы женщины, которыя занимаются хозяйствомъ, получали бы надѣльную землю». О разверсткѣ надѣльной земли по ѣдокамъ (по наличнымъ душамъ обоего пола), которая практикуется уже во многихъ мѣстностяхъ, мой корреспондентъ, очевидно, не слышалъ даже, но его мысль уже работаетъ въ этомъ направленіи и уже подходитъ къ этой болѣе справедливой формѣ. Другой корреспондентъ, упоминая о томъ, что землю укрѣпляютъ переселяющіеся въ Сибирь, видимо, не считаетъ возможнымъ укорять ихъ за это, хотя и видитъ, что «въ этомъ случаѣ новый порядокъ имѣетъ свойства непріятной гноянки на тѣлѣ общины». «Общества,—прибавляетъ онъ,—не допускаютъ покупки надѣловъ отдѣльнымъ лицамъ, а покупаютъ сами и пока сдаютъ въ арендное пользованіе».

Единодушно отмѣчая развитіе хищническихъ тенденцій на почвѣ указа 9 ноября, корреспонденты столь же согласно указываютъ и другую, едва ли не болѣе важную причину правительственныхъ успѣховъ. Это—давленіе со стороны власти, производимое въ самыхъ разнообразныхъ формахъ, начиная отъ прямыхъ требованій и угрозъ и кончая самыми разнообразными формами косвеннаго воздѣйствія.

Требованія и угрозы, при всей ихъ беззаконности, нерѣдко производятъ впечатлѣніе и даютъ нужные правительству результаты. И это, конечно, вполнѣ понятно при той зависимости, въ какой находится отъ власти населеніе. «Жаловаться — пишетъ одинъ изъ корреспондентовъ — идти некуда, старшина и староста боятся земскаго, не знаемъ, какъ и жить, не слезами умываемся даже, кровію вѣнчаемся». «Земскій начальникъ у насъ — пишетъ другой корреспондентъ—плохой, пьяница, послѣднюю кожу съ мужиковъ деретъ; священникъ у насъ тоже плохой, не знаетъ церковнаго правила, а братъ его исправникъ тоже шалапутного происхожденія. Вообще плохія дѣла нашихъ мужиковъ».

Прежде всего давленіе производится, конечно, на должностныхъ лицъ крестьянскаго самоуправленія. «Я слышалъ самъ—разсказываетъ одинъ изъ корреспондентовъ, — какъ земскій начальникъ, напирая на старосту, говорилъ: а почему вы не выходите изъ общины, и что вамъ въ ней нравится? Староста не растерялся и заявилъ, что мы сами выдѣляться погодить хотимъ, посмотримъ,

какъ будутъ жить другіе выдѣлившіеся. Земскій на это отвѣтилъ: ты первый долженъ выдѣлиться... Потомъ пріѣхалъ въ волостное правленіе предводитель Петровскаго дворянства, Кропотовъ, и напустился на старшину: почему ты плохо сбиваешь людей къ выдѣлу? это твоя задача. Старшина въ оправданіе заявилъ: я ваше выс—іе, самъ укрѣпляюсь и другимъ говорю... Словомъ, дѣло шло подъ сильнымъ давленіемъ власти». «Мѣстное начальство въ лицѣ земскаго начальника и губернатора—разсказываетъ одинъ изъ екатеринославскихъ корреспондентовъ — всѣ силы напрягаетъ, чтобы закрѣплялись. Въ 1908 году предписалъ губернаторъ должностнымъ лицамъ дать объясненіе, почему старшины, старосты и писаря не закрѣпляются. Наше мѣстное начальство чуть не умерло отъ страха: что дѣлать? какъ отвѣчать? Мой отецъ былъ тогда сборщикомъ податей: что дѣлать? вѣдь надо объяснять земскому начальнику... Но сколько я имъ ни говорилъ, что не бойтесь и не проявляйте желанія закрѣпляться, но нѣкоторые не согласились со мной. А отца земскій спрашуетъ: ну, а ты сборщикъ? Отецъ отвѣтилъ: мій сынъ бувъ у думі, такъ не вылыть. Онъ его напужавъ и тотъ пришелъ мертвый домой».

Но въ распоряженіи властей имѣются и болѣе сильныя средства, чѣмъ эти требованія, разсчитанныя на то, что тѣ, къ кому они направлены, побоятся ослушаться. Самое сильное средство, имѣющееся въ рукахъ у начальства, —это возможность распоряжаться по своему усмотрѣнію чуть не всей землей, входящей въ кругъ крестьянскаго хозяйства. Въ полномъ распоряженіи властей находятся прежде всего банковскія земли, удѣльныя. казенныя,— и онѣ этимъ конечно пользуются. «На сходахъ — пишетъ одинъ изъ корреспондентовъ — земскій начальникъ совѣтовалъ крестьянамъ выходить изъ общины, такъ какъ это, говорилъ онъ, для васъ будетъ благопріятнѣе, къ тому же цѣльному обществу крестьянскій банкъ не будетъ содѣйствовать въ пріобрѣтеніи земли, а будетъ помогать вышедшимъ изъ общины; передѣлъ земли, говорилъ онъ, будетъ у васъ послѣдній, чрезъ два года все равно силой и плетьми, а заставятъ заключить землю въ личную собственность, такъ лучше сдѣлать это добровольно. А такъ какъ — прибавляетъ корреспондентъ — крестьяне имѣютъ острую нужду въ землѣ, то волей-неволей, ради пріобрѣтенія земли, хотя не въ большомъ числѣ, выходятъ изъ общины». Въ слоб. Николаевской (Астрах. г.). въ которой насчитывается 7572 души, крестьянамъ, какъ сообщаетъ мнѣ одинъ изъ нихъ, удалось было отстоять общину отъ натиска на нее хищническихъ элементовъ изъ своей среды. Большинство — и «при томъ большинство дѣйствительно земледѣльческаго населенія», замѣчаетъ корреспондентъ,—воспользовалось тѣмъ обстоятельствомъ, что надѣльная земля слободы была смѣшана съ купчей (такіе случаи не были сначала предусмотрѣны правительствомъ). «Послѣ этого—пишетъ корреспондентъ—начались къ намъ

наѣзды разнаго рода инструкторовъ и землеустроителей-чиновниковъ. Эти господа пускали всѣ средства въ ходъ, чтобы угодить господствующему вожделѣнію въ высшихъ сферахъ... На просьбы крестьянъ о землѣ для своихъ малолѣтокъ землеустроительная коммиссія опредѣлила, что земля можетъ быть дана лишь тѣмъ малолѣткамъ, отцы которыхъ цѣлымъ обществомъ выйдутъ на своихъ надѣльныхъ земляхъ на отруба. И такимъ давленіемъ администраціи удалось вынудить наше общество раздѣлить свою надѣльную и пріобрѣтенную землю разъ навсегда на тѣ души, кои получили надѣлы 12 лѣтъ тому назадъ».

Еще болѣе сильное средство, имѣющееся въ распоряженіи властей, это—право распоряжаться надѣльной землей, которое они присвоили себѣ, выхватывая лучшіе куски общественной земли укрѣпляющимъ ее въ личную собственность. Стоитъ только представить себѣ положеніе остающихся въ общинѣ, у которыхъ кусокъ за кускомъ отбирается лучшая земля и сами они перегоняются со своимъ хозяйствомъ все на болѣе и болѣе худшія полосы, чтобы понять охватывающій ихъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ужасъ.

Но едва ли не главныя усилія администраціи направлены на то, чтобы подавить всякое сопротивленіе землеустроительной политикѣ, зажать ротъ ея противникамъ, не допустить коллективныхъ дѣйствій, такъ или иначе разбить крестьянскія силы. «Пріостановить отъ выхода—пишетъ одинъ изъ корреспондентовъ—легко, но не возможно: администрація не даетъ разинуть рта, отправляетъ въ тюрьму». Другой корреспондентъ, разсказывая, какъ ихъ деревня (Таврич. губ.) перешла къ новому порядку, пишетъ: «Общее согласіе къ переходу на отруба достигнуто врядъ ли было бы, если бы вопросъ сей относился исключительно къ крестьянамъ, а то когда былъ собранъ сельскій сходъ и когда раздались рѣчи недовольныхъ крестьянъ, то непремѣнный членъ землеустроительной коммиссіи во всеуслышаніе заявилъ: я недовольныхъ отправлю туда, куда Макаръ телятъ не гонялъ. Послѣ чего довольные и недовольные старались воздержаться отъ неумѣстныхъ возраженій». «Все это дѣлается—пишетъ третій корреспондентъ—противъ воли народнаго большинства. Не смѣй и пикнуть противъ этого 9 ноября: сію же минуту административно высылаютъ въ Томскую, Олонецкую и т. д.». «Провергать явно личную собственность—пишетъ четвертый—не возможно». Сообщая, что въ ихъ селѣ вышедшихъ въ собственность немного, корреспондентъ прибавляетъ: «наше село—подозрительная деревня начальству, даже 6 человѣкъ имѣется высланныхъ за предѣлъ губерніи».

Для общей характеристики мѣръ, предпринимаемыхъ властями, и того настроенія, какое въ результатѣ этихъ мѣръ получилось въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, приведу in extenso одно изъ саратовскихъ писемъ, до сихъ поръ мною нецитированное.

«Милостивый Государь, Алексѣй Васильевичъ! — пишутъ въ немъ крестьяне. — Книжку вашу мы прочли съ удовольствіемъ и все написанное въ ней мы признаемъ полезнымъ для крестьянъ. Мы съ великою радостью принялись бы за осуществленіе изложенныхъ въ вашей книжкѣ пунктовъ, но, къ великому нашему несчастью, мы, навѣрно, стоимъ съ вами на очень, очень разныхъ ступеняхъ, чего вы, навѣрно, не подозрѣваете. Это видно изъ тѣхъ пунктовъ, которые изложены въ вашей книгѣ. Если бы вы побывали въ деревнѣ, да еще немного пожили, то вы убѣдились бы, что означенные пункты въ вашей книгѣ являются для насъ, живущихъ въ деревнѣ, невыполнимыми. Тамъ сказано, что сдѣлать то и другое могутъ только сами крестьяне и не иначе, какъ общими силами. Но какъ собрать общія силы, на это отвѣта тамъ нѣтъ. Мѣстныя обстоятельства у насъ таковы:

«Всѣ незаконныя сборища немедленно наказываются трехмѣсячнымъ арестомъ при полиціи, а иниціаторамъ этого собранія — административная высылка въ Сибирь. А въ настоящее время до этого недалеко, потому что кромѣ сонма полиціи въ нашихъ деревняхъ проявилось изъ нашихъ же мѣстныхъ крестьянъ много доносчиковъ, которые, желая выдвинуть себя передъ начальствомъ, доносятъ на помѣченныхъ у полиціи неблагонадежныхъ крестьянъ въ политическомъ отношеніи голую ложь. Начальство, вѣря этимъ кровожаднымъ звѣрямъ, назначаетъ внезапные обыски, разслѣдованіе полицейское, а полицейскія разслѣдованія, намъ кажется, всѣмъ извѣстны, которыя за очень рѣдкими исключеніями кончаются безъ нагайки.

«Ко всѣмъ этимъ шпіонамъ за послѣднее время въ нашихъ деревняхъ организовываются союзы истинно-русскихъ людей подъ покровительствомъ нашего саратовскаго епископа Гермогена. Организовываютъ ихъ такъ: пріѣзжаетъ организаторъ, является къ священнику или въ волостное правленіе, предъявляетъ свои документы на право организаціи; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ священники съ амвона говорили о пользѣ этого союза, мотивируясь, главнымъ образомъ, тѣмъ, что Государь проситъ защиты у крестьянъ, потому что его заполонили жиды, которые хотятъ и вѣру нашу христіанскую превратить въ жидовскую. Послѣ этого ясно, что организаторы пользуются громаднымъ успѣхомъ среди неграмотныхъ и до фанатизма религіозныхъ крестьянъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ съ организаторомъ ходятъ дьяконы, урядники, староста и сельскіе сотники. Возраженій никакихъ не допускаютъ, немногимъ пришлось отвертѣться отъ записи въ союзъ. Хотя отъ такой организаціи правильныхъ союзныхъ дѣйствій ожидать нельзя, но все-таки нѣкоторые изъ записавшихся сдѣлались ярыми сторонниками полицейскаго гнета, которые ни на какіе доводы противъ союза и собственности не обращаютъ вниманія, но къ каждому слову приди-

раются и, того и гляди, наговорятъ какую-нибудь чушь полиціи, которая страшно слѣдитъ за противниками собственности.

«Вотъ вамъ небольшой примѣръ. Въ селѣ К. одна треть населенія вышла изъ общины и подала о выдѣлѣ своей земли къ одному мѣсту, намѣтивъ, конечно, любой бокъ земли. Общество же даетъ имъ въ другомъ мѣстѣ. Земскій съѣздъ уважилъ просьбу собственниковъ, утвердилъ за ними любую землю. Общинники обжаловали постановленіе уѣзднаго съѣзда въ губернское присутствіе, но къ собственникамъ уже пріѣзжалъ землемѣръ, велѣлъ имъ готовить столбы для нарѣзки участковъ, гдѣ облюбовали собственники, не дожидаясь рѣшенія губернскаго присутствія.

«Собственники, сгоняя свой скотъ въ общее стадо, предупредили пастуховъ, что если ихъ скотъ издохнетъ или пропадетъ, то съ пастуховъ будетъ взыскано въ три стоимости скотины, показывая при этомъ будто бы предписаніе земскаго начальника. Перепуганные пастухи отказались въ виду этого пасти скотъ. К—скіе общинники собрались на сходъ и рѣшили не принимать скотину собственниковъ, пусть собственники наймутъ для себя болѣе надежнаго пастуха. Но за этотъ приговоръ К—скихъ крестьянъ и по настоящее время гоняютъ на разные допросы то къ приставу, то къ земскому начальнику. Чѣмъ кончится это дѣло, пока неизвѣстно, но, по слухамъ, хотятъ болѣе видныхъ наказать административно. Вотъ какъ намъ даютъ защищать свои интересы.

«У О—скихъ крестьянъ тоже отрѣзали любую землю для собственниковъ, а крестьянамъ общинникамъ оставили самую плохую. Глядя на такое снисхожденіе со стороны начальства къ собственникамъ, день ото-дня укрѣпить землю въ собственность охотниковъ становится все болѣе. Не далекъ тотъ день и часъ, когда всѣ крестьяне единодушно заявятъ объ укрѣпленіи земли въ личную собственность, потому что никому не охота остаться на плохой землѣ, которая почти никогда не окупаетъ затраченнаго на нее труда. Хотя я увѣренъ, что въ душѣ каждый проклинаетъ законъ о собственности.

«Изъ всего вышеприведеннаго видно, что защищать намъ свои интересы невозможно:

«за неразрѣшенныя сборища арестовываютъ;

«за недозволенный приговоръ арестовываютъ;

«говорить крестьянамъ въ одиночку о пользѣ общины—доносятъ полиціи.

«До тѣхъ поръ, пока не дадутъ намъ право сказать открыто, не боясь доносовъ и шпіонства, въ свою защиту, то дѣлу не поможешь, а самъ насидишься до сытости, да еще угонятъ въ Сибирь.

«Вы пишете въ своей брошюркѣ, что свѣдѣнія эти вамъ нужны для защиты интересовъ крестьянъ. Напишите намъ, ради Бога, много ли защитниковъ крестьянъ, могутъ ли они хоть сколько-нибудь вліять на ходъ государственной жизни? Намъ здѣсь совер-

шенно нѣтъ возможности защищать свои интересы. Хотя законъ о собственности мы и ненавидимъ всей душой, но приходится терпѣливо смотрѣть на окружающія происшествія и на красивыя рѣчи г.г. членовъ землеустроительныхъ коммиссій, которые, на чемъ свѣтъ стоитъ, раскрашиваютъ новый законъ о собственности, не встрѣчая никакихъ возраженій со стороны крестьянъ. Кабы побольше свободы, мы могли бы тогда защитить общину, тогда бы красота рѣчи членовъ землеустроительныхъ коммиссій посѣрѣла бы. Но, навѣрно, мы этого не дождемся, а когда это будетъ, насъ уже не будетъ, а дѣти наши уже не будутъ помнить нашего общиннаго владѣнія.

«Отвѣтьте, пожалуйста, намъ на эти вопросы.

«Неужели вамъ тамъ свободнѣе нашего, что вы пишете такія книги?

«Нѣтъ ли какого-либо пути для выполненія изложенныхъ вами пунктовъ?..

«Просимъ немедленно сообщить по слѣдующему адресу...»

Настроеніе, какъ видятъ читатели, безнадежное, полное муки и отчаянія. Земельный вопросъ переплелся, слился съ политическимъ. Авторы письма ясно видятъ эту неразрывную связь двухъ проблемъ, они ощущаютъ ее на каждомъ шагу: безъ воли не отстоять имъ землю. Они «ненавидятъ», «проклинаютъ» навязываемый имъ институтъ, и въ то же время сознаютъ полное свое безсилие освободиться отъ насильниковъ. Едва лишь мелькаетъ мысль: нѣтъ ли какого-либо пути? нѣтъ ли гдѣ-нибудь на сторонѣ у крестьянъ защитниковъ, которые могутъ хоть сколько-нибудь повліять на ходъ государственной жизни? Но и то трудно сказать: дала ли себя знать въ этихъ вопросахъ неумирающая надежда, или же это только горькая усмѣшка надъ наивными людьми, которые пишутъ «такія книги», которыя собираютъ какія то свѣдѣнія, которые еще хотятъ отстаивать крестьянскіе интересы...

Необходимо, однако, замѣтить, что это настроеніе нельзя считать характернымъ для всѣхъ крестьянъ. Въ полученной мною корреспонденціи найдется лишь два-три письма, проникнутыхъ такимъ же безнадежнымъ пессимизмомъ. Имъ можно противопоставить значительно большее число совершенно бодрыхъ писемъ, авторы которыхъ не утратили вѣры ни въ общія, ни въ свои силы. И общее положеніе дѣлъ они рисуютъ въ совершенно иномъ свѣтѣ. Между прочимъ, нѣсколько такихъ писемъ получено мною изъ Вологодской губерніи. Это, конечно, и понятно: здѣсь выдѣлы во многихъ мѣстахъ имѣютъ единичный характеръ, помѣщики не имѣютъ такого засилья, какъ въ черноземныхъ губерніяхъ, давленіе администраціи значительно слабѣе. Крестьяне здѣсь, какъ мы видѣли, обсуждаютъ еще такіе вопросы: просить ли имъ 15-десятинный надѣлъ на ревизскую или наличную душу...

«Во всемъ нашемъ уѣздѣ,—пишетъ одинъ изъ вологодскихъ

моихъ корреспондентовъ,—какъ у удѣльныхъ, такъ и у государственныхъ крестьянъ землепользованіе общинное, а о подворномъ никто и не помышлялъ. По крайней мѣрѣ, мнѣ во всю мою жизнь, при обширномъ знакомствѣ съ уѣздомъ, не приходилось ни отъ кого слышать о выдѣлѣ земли на подворные участки. О томъ, что община приноситъ вредъ крестьянскому землепользованію, никто и не подозрѣвалъ, а, напротивъ, находили, что при общинѣ земля между жителями распредѣляется равномѣрно по числу населенія и что никто безъ земли не останется. Но кому то пришла блажная мысль нарушить общинное землевладѣніе и всѣ невзгоды крестьянской бѣдности стали объяснять и сваливать все на общину... Указъ 9 ноября,—продолжаетъ корреспондентъ,—у насъ не вызвалъ сочувствія и желанія воспользоваться его благами. Правда, въ послѣднее время, по открытіи землеустроительныхъ коммиссій, коегдѣ удѣльные крестьяне заявляли о выходѣ изъ общины. Но многіе на сходахъ отказались отъ своего намѣренія, такъ какъ общества относятся къ такимъ хозяевамъ злобно и избираютъ ихъ въ разныя общественныя должности». То же сообщаетъ и другой корреспондентъ. «Ко всѣмъ заявившимъ о своемъ выходѣ изъ общины (онъ приводитъ 4 случая такихъ заявленій на общество въ 1000 домохозяевъ) крестьяне относятся съ какой то затаенной злобой и угрозой. Напримѣръ, было заявлено о выходѣ изъ общины одной престарѣлой вдовой, имѣющей лишнихъ 2 ѣдоковъ (земля раздѣлена по ѣдокамъ). Сосѣди, не стѣсняясь присутствіемъ сельскаго старосты, угрожали ей смертью и въ ту же ночь были выбиты всѣ рамы въ окнахъ, начали раскрывать крышу на избѣ, что и заставило взять заявленіе обратно. Въ общемъ,—продолжаетъ корреспондентъ,—здѣсь $^2/_3$ противниковъ закона 9 ноября, а остальные ждутъ, что будетъ дальше, сомнѣваются, что будетъ лучше, да и боятся мести недовольныхъ сосѣдей». «Въ нашей мѣстности,—пишетъ третій корреспондентъ,—случаевъ выхода изъ общины и укрѣпленія надѣльной земли въ личную собственность не было, да и въ будущемъ предвидится очень немного, такъ какъ наиболѣе сообразительные крестьяне сразу поняли губительную силу указа 9 ноября. Съ изданіемъ этого закона появилось сильное движеніе къ выходу изъ общины, но, благодаря стараніямъ нашего кружка, противодѣйствующаго этому закону, все движеніе въ волости притихло и теперь ждутъ болѣе справедливаго закона».

Любопытно отмѣтить,—и для землеустроителей это послужитъ, быть можетъ, назиданіемъ,—что какъ разъ изъ тѣхъ же мѣстъ идутъ сообщенія о вводимыхъ улучшеніяхъ въ хозяйствѣ и объ успѣхахъ коопераціи. Такъ, только что цитированный корреспондентъ пишетъ: «Наши односельцы мало развиты, но все-таки среди нихъ есть и довольно сознательные люди, которые, прочитавъ чтолибо полезное, руководствуются сами и передаютъ другимъ. При такомъ положеніи вещей намъ удалось внушить своимъ сосѣдямъ

выгоды четырехпольной системы съ посѣвомъ клевера, которое съ успѣхомъ ведется уже нѣсколько лѣтъ. Въ 1907 году удалось учредить сельскохозяйственное общество съ общественной торговлей, а въ 1909 году—кредитное товарищество. Въ виду этого никто изъ членовъ всего общества уже не помышляетъ о выходѣ изъ общины». Другой вологодскій корреспондентъ сообщаетъ, что двумъ деревнямъ, повидимому, удастся прикупить земли «безъ посторонней помощи» (т. е. безъ содѣйствія крест. банка): идутъ на сдѣлку съ продавцомъ, обѣщая уплату въ 3 года, и даютъ 2.500 руб.; кажется, сторгуются и вмѣстѣ съ этимъ, приговоромъ отъ 3 декабря, рѣшаютъ конецъ трехпольной системѣ обработки, переходятъ къ шестипольной и травосѣянію. Первый починъ въ нашей волости». Констатируя этотъ починъ, самъ корреспондентъ предлагаетъ цѣлый рядъ проектовъ, какъ слѣдовало бы усовершенствовать общинные порядки, какъ должно организовать мѣстное самоуправленіе, какія мѣры нужно принять, чтобы улучшить крестьянское хозяйство и т. д. Вообще онъ полонъ всяческими планами.

Но и этотъ бодрый оптимизмъ и отмѣченный выше безнадежный пессимизмъ являются, въ сущности, полюсами крестьянскаго настроенія, поскольку таковое сказалось въ полученныхъ мною письмахъ. Въ большинствѣ своемъ мои корреспонденты чужды и тому, и другому. Сознавая всю серьезность положенія, они не считаютъ его окончательно безнадежнымъ; предвидя рядъ испытаній, какія придется пережить, они не впадаютъ въ отчаяніе. Многіе изъ нихъ, видимо, не вѣрятъ, что новый порядокъ въ состояніи одержать полную побѣду, что онъ можетъ пріобрѣсти безраздѣльное господство. Нѣкоторые предполагаютъ, что даже тамъ, гдѣ онъ уже восторжествовалъ, ему, быть можетъ, не удастся упрочиться. Указываютъ и признаки.

«Взрывъ укрѣпленія надѣловъ,—говорится въ письмѣ, полученномъ мною изъ Курской губерніи,—прошелъ, съ августа очень рѣдки стали. Хватитъ этого дѣла на 100 лѣтъ». Тотъ же фактъ, хотя и съ меньшею увѣреностью, отмѣчаетъ одинъ изъ саратовскихъ корреспондентовъ. «Боевое время къ выдѣлу въ нашей мѣстности — пишетъ онъ — какъ бы проходитъ. Въ началѣ сильно интересовались и можно было думать, что общину придется похоронить, но на дѣлѣ оказалось, что это не такъ; есть теперь случаи, что поданныя заявленія къ выдѣлу берутся обратно».

Другіе отмѣчаютъ недовольство, какое наблюдается въ нѣкоторыхъ случаяхъ среди перешедшихъ къ новому порядку. Такъ выше я упоминалъ о переходѣ къ отрубному землепользованію слободы Николаевской (Астрах. губ.). Разсказавъ исторію этого перехода, корреспондентъ пишетъ. «Въ настоящее время раздѣлъ законченъ. Вслѣдствіе недовѣрія къ чиновникамъ, раздѣлъ производился самими крестьянами. И теперь между ними сильное броженіе въ пользу возвращенія опять къ общинному землеполь-

зованію. Главная причина къ этому тяготѣнію трудность уравненія душевыхъ надѣловъ и боязнь суда въ будущемъ, такъ какъ межъ и записей, кому, гдѣ и сколько принадлежитъ земли, нѣтъ. Если бы не административное давленіе, то общество Николаевской слободы уже теперь снова постановило бы приговоръ о возвращеніи къ общинному землепользованію».

Другой корреспондентъ (Таврич. губ.) сообщаетъ слѣдующія свѣдѣнія о томъ, какъ ихъ село перешло къ новому порядку и что въ результатѣ получилось. «Начался—пишетъ онъ—споръ и нестроеніе въ обществѣ и въ концѣ концовъ было рѣшено перейти отъ общиннаго землепользованія къ подворно-наслѣдственному всѣмъ обществомъ. И едва былъ постановленъ общественный приговоръ и представленъ по начальству, какъ явились три казенныхъ землемѣра и разверстали на отруба землю. И вотъ послѣ передѣла земли (5 октября 1909 года состоялось принятіе проекта отрубовъ) какъ будто остались довольны, но не прошло и трети года послѣ владѣнія отрубами, какъ недовольство снова появилось. Какое это землеустройство!—кричали мужики 18 ноября на сельскомъ сходѣ,—то былъ у насъ выгонъ для пастьбы скота, а теперь и это отняли, и теперь намъ приходится держать на привязи не только теленка или поросенка, но даже и курицу, чтобы, не дай Богъ, не перескочила къ владѣльцу—сосѣду, чтобы затѣмъ не таскали горемыку по судамъ да съѣздамъ. И еще гдѣ весна съ посѣвомъ, а мордобитіе начинается; а что будетъ, когда другъ у друга передъ порогомъ посѣютъ хлѣбъ, то едва ли можно будетъ обойтись нынѣ существующимъ комплектомъ судебнаго персонала».

Третій корреспондентъ (изъ Пензенск. губ.) разсказываетъ такую исторію. «Недалеко отъ меня, въ селѣ Ч., одинъ кулакъ смутилъ одиночекъ идти на выдѣлъ. За одиночками потянулись и семейные. Начальство, конечно, не замедлило нарѣзать имъ изъ общественной земли участки. Участки получились небольшіе: въ двѣ, три десятины. Для одиночекъ и такіе участки находка: они уже начинаютъ продавать; но семейные тутъ почувствовали, что они сдѣлали непоправимую глупость. Ну, какъ тутъ будешъ жить—говорятъ они—ни скотины тебѣ развести, ни хлѣба посѣять побольше. И при этомъ прибавляютъ пожеланье смутившему ихъ кулаку: ни дна бы ему, ни покрышки. Семейные уже не прочь были бы опять вернуться въ общину, но община не принимаетъ ихъ и гонитъ ихъ изъ села на участки; ужъ очень озлилось противъ нихъ общество и старается мстить имъ при всякомъ случаѣ».

Само собой понятно, что при наличности такихъ фактовъ,—а они, повидимому, довольно многочисленны уже—«красивыя рѣчи» землеустроителей и безъ возраженій со стороны тѣхъ, кому они ротъ заткнули, становятся сѣрѣе. И нѣтъ ни чего удивительнаго, если охотниковъ соблазниться этими рѣчами,—по крайней мѣрѣ, среди трудового крестьянства,—дѣйствительно становится меньше.

V.

Что именно трудовое крестьянство, «истинно земледѣльческое большинство» является наиболѣе упорнымъ противникомъ новаго порядка владѣнія надѣльной землей,—объ этомъ говорятъ довольно многіе корреспонденты. «Былъ я,—пишетъ между прочимъ одинъ изъ нихъ,—нынѣшнее лѣто, по выходѣ изъ тюрьмы, въ нѣсколькихъ деревняхъ, находилъ по своему характеру людей подѣлиться съ ними мнѣніями о выходѣ изъ общины. Получается такая вещь, что охотно среднее крестьянство и думать не хочетъ ни въ коемъ образѣ о выдѣлѣ изъ общины, такъ держатся крѣпко общиннаго владѣнія и ждутъ чего-то въ будущемъ, лучшаго устройства, справедливаго и законнаго». Почему именно эта часть крестьянства больше всего противится «новому порядку», понять не трудно. Выигрышъ его отъ землеустройства болѣе, чѣмъ проблематиченъ; проигрышъ же, и очень крупный проигрышъ, несомнѣненъ.

Любопытно, что даже тѣ, казалось бы, наиболѣе обезпеченныя культурныя выгоды, которыя обѣщаютъ землеустроители, крестьянству представляются сомнительными. Взять хотя бы черезполосицу и мелкополосицу. Очевидно, вѣдь, что послѣ перехода къ отрубамъ или на хутора эти неудобства исчезнутъ. Но нѣтъ... «Пагубное дѣйствіе укрѣпленія земли въ личную собственность—пишетъ мнѣ одинъ изъ корреспондентовъ,—у насъ доказывается владѣніемъ купчей земли, которая первоначально, въ началѣ 1810 года, была подѣлена крупными кусками на 6 долей, а въ настоящее время до того мелко разбита, что полосы шириною въ $1^1/_2$ аршина, а многіе домохозяйства уже совсѣмъ лишились». Земля стародавней покупки имѣется въ довольно многихъ мѣстахъ, и крестьяне, которые своевременно не присоединили ее къ общинной, по опыту знаютъ, что собственность не только не предохраняетъ полосы отъ измельчанія, а, напротивъ, дѣлаетъ при нѣкоторыхъ условіяхъ почти неизбѣжнымъ превращеніе земли въ пыль.

Чтобы понять это, даже опыта со стародавней землей не требуется, достаточно хоть немного всмотрѣться въ будущее. «Въ нашемъ мѣстѣ—пишетъ другой корреспондентъ—рѣдкость, если женившіеся братья проживаютъ въ одномъ семействѣ 5 или 6 лѣтъ, въ среднемъ 1—2 года не болѣе, а черезъ 20—25 лѣтъ получившіе отруба уже подѣлятъ на болѣе мелкія части; каждый отдѣлившійся черезъ 20 лѣтъ уже будетъ готовъ ко второму раздѣлу и въ концѣ 40-хъ годовъ со времени выдѣла, если и сохранятся кой-какіе участки, то будутъ мельче, чѣмъ въ общинѣ полосы».

Между тѣмъ, не обѣщая вѣрныхъ выгодъ въ будущемъ, новый порядокъ сразу требуетъ крупныхъ, прямо таки непосильныхъ затратъ и переходъ къ нему связанъ почти съ неизбѣжными и круп-

ными убытками. Про затраты—на переносъ построекъ, постановку изгородей и т. д.—нечего, конечно, и говорить. Что касается убытковъ, то одинъ изъ моихъ корреспондентовъ, принадлежащій къ обществу, подѣлившему землю на отруба, приводитъ слѣдующій расчетъ. «Встрѣча закона 9 ноября—пишетъ онъ—обошлась не дешево, а именно земли осталось незасѣянной въ силу межевой пертурбаціи болѣе 100 десятинъ. Оцѣняя десятину озимей въ 50 руб., что доказано у насъ на озимяхъ арендныхъ, значитъ убытки есть обществу около 5000 рублей». Въ обществѣ же 65 домохозяевъ, стало быть въ среднемъ на каждаго приходится около 80 рублей. «Къ этому прибавится—продолжаетъ корреспондентъ—убытокъ отъ некультурной ломки полей, потому что придется по одному полю ярового сѣять яровымъ еще разъ, а за вторымъ посѣвомъ ярового придется сѣять яровымъ и 3-й разъ. Это отразится на нашемъ хозяйствѣ довольно скверно, что доказано у насъ банковскими участками. Прошлый 1909 годъ у насъ въ смыслѣ дождливой погоды былъ очень благопріятный и по полю ярового, засѣянному яровымъ же, не получилось и половины противъ тѣхъ, которые сѣяли по жнивѣ».

Надо сказать, что въ этомъ обществѣ переходъ къ новому порядку совершился, повидимому, безъ особыхъ треній. Но бываетъ и хуже. Въ одной изъ прежнихъ статей *) мнѣ приходилось упоминать о Вознесенкѣ (Екатеринославской губ.), которая оказалась вынужденной поддаться землеустройству. Земля теперь подѣлена, остается взять жеребья. Но «общество—писалъ въ срединѣ зимы одинъ изъ сосѣднихъ крестьянъ—никоимъ образомъ не хочетъ переходить къ хуторскому владѣнію и дѣлежъ земли пріостановленъ, почему никто изъ вознесенцевъ не сѣялъ хлѣба». Я не имѣю дальнѣйшихъ свѣдѣній, но нѣтъ ничего невѣроятнаго, что и яровое поле могло остаться незасѣяннымъ. Чѣмъ и когда кончатся разногласія, возникшія уже во время перехода къ новому порядку, неизвѣстно, а вмѣстѣ съ тѣмъ неизвѣстны и убытки, которыми можетъ сказаться этотъ переходъ.

Выгодъ не предвидится, затраты и убытки очевидны. Въ такомъ свѣтѣ рисуется переходъ къ новому порядку тѣмъ крестьянамъ, въ расчеты которыхъ не входитъ торговля землей, т.-е. которые не намѣрены продавать своей земли, такъ какъ они сами думаютъ на ней работатать, и которые не намѣрены покупать чужой земли, на которой сами работать не будутъ. Но не этимъ только опредѣляется ихъ отношеніе къ новому порядку. Они ясно видятъ тѣ бѣдствія, которыя несетъ послѣдній и отъ которыхъ никто изъ нихъ не можетъ считать себя застрахованнымъ.

«Какой это порядокъ!—пишетъ мнѣ крестьянинъ Костромской губ., съ большимъ, видимо, трудомъ выводившій своими заскоруз-

*) См. «Русское Богатство», 1909 г. октябрь.

ными руками буквы на бумагѣ:—какъ жить, гдѣ возьметъ молодой народъ земли? купить не на что». Но не въ этомъ только дѣло, не въ томъ только, что «молодому» народу не откуда будетъ взять земли. При новомъ порядкѣ и «старые» очень легко могутъ ея лишиться. Это обозначилось уже достаточно явственно.

«Въ с. М-скомъ—пишетъ одинъ изъ корреспондентовъ — 450 дворовъ, изъ нихъ закрѣпилось 84 домохозяина, изъ нихъ, не смотря на урожай, уже продали по 2, по 3 и по 4 десятины, такихъ уже 18 домохозяевъ. Это только за одинъ годъ». Въ Николаевской слободѣ, только что подѣлившей землю, не оставлена еще мысль о возвращеніи къ общинному землевладѣнію, идетъ по этому поводу сильное браженіе. «И на ряду со всѣмъ этимъ—пишетъ корреспондентъ—идетъ продажа надѣловъ въ 15—30 десятинъ, дающихъ годового дохода отъ 70 до 100 руб., за 500 — 800 — 1000 руб. Большинство продаетъ отъ пятисотъ до восьмисотъ руб. за надѣлъ и въ видѣ исключенія нѣкоторые продали за 1000 руб.». «Мы желаемъ упомянуть вамъ, милостивѣйшій государь,—пишутъ крестьяне села А. (Екатеринославской губерніи),—что наши отцы, а также и мы, какъ ни было трудно, а могли удержать по старому закону въ теченіе семидесяти лѣтъ землю молодому нашему поколѣнію, а по новому же закону изъ числа восьмидесяти домохозяевъ, укрѣпившихъ въ личную собственность, въ теченіе полтора года лишились навѣчно земли 16 домохозяевъ, какъ они, такъ и дѣти ихъ, при среднемъ урожаѣ, а не дай Богъ, недородъ, то укрѣпившіе землю врядъ ли останутся, мелкій народъ, съ землей; тогда вся земля бѣдныхъ и среднихъ крестьянъ попадется въ руки только богачамъ» *). «Словомъ—замѣчаетъ по тому же

*) Въ поясненіе этой цитаты скажу, что авторы письма, упоминая о 70 годахъ, ведутъ счетъ съ 1841 года, когда государственные крестьяне разныхъ губерній (Харьковской, Полтавской и Кіевской) были поселены на этомъ мѣстѣ, на участкѣ въ 5872 десятины (теперь насчитывается въ селѣ около 500 домохозяевъ при 2414 наличныхъ душахъ, на которыя раздѣлена земля). Въ своемъ письмѣ крестьяне разказываютъ скорбную повѣсть своего села за эти 70 лѣтъ и сообщаютъ о тѣхъ мукахъ, какія имъ пришлось пережить, благодаря высокой оброчной подати, которою они были обложены и для собиранія которой „по распоряженію окружныхъ начальниковъ назначали среди себя вообще грубыхъ людей". „Страшно и упомянуть—говорится между прочимъ въ письмѣ—прошедшую грубую жизнь, что дѣлали эти понудители, назначенные для взысканія оброчныхъ податей, принимали строгія мѣры по своему невѣжеству, обрывали волосы на головахъ до гола, привязывали къ столбу на дворѣ босыхъ въ зимнее время и посылали безъ шапки вдоль по улицамъ гонять недоплатившихъ подати". Легко понять, съ какимъ ужасомъ они вступаютъ теперь въ новую полосу жизни, когда имъ придется, быть можетъ, потерять столь дорогой цѣной оплаченную землю. Оставшіеся въ общинѣ, какъ видно изъ письма, «постановили приговоромъ на сельскомъ сходѣ, по разрѣшенію земскаго начальника, покупать землю у своихъ крестьянъ, укрѣпившихъ за собою въ личную собственность; уже и купили десятинъ двадцать по 200 рублей за десятину, и всѣ расходы — общественные,

поводу крестьянинъ, удержавшійся въ общинѣ и увѣренный поэтому, что онъ удержитъ землю, — земелька ходко пошла въ продажу и получится то, что у общинниковъ будетъ земля, а у закрѣпленныхъ дураковъ у многихъ не будетъ».

Одинъ изъ корреспондентовъ—тотъ, который далъ вышеприведенный расчетъ убыткамъ, сопровождавшимъ въ ихъ селѣ переходъ къ новому порядку,—предвидитъ для укрѣпившихъ свою землю и еще одну опасность, въ родѣ только что указанной. Соображенія его по этому поводу я передамъ такъ, какъ онъ самъ ихъ излагаетъ.

«Самымъ пристанищемъ начальства — пишетъ онъ — это была наша деревня, въ которой живу я. Деревня наша состоитъ изъ 65 домохозяевъ и вся поголовно укрѣпила въ собственность свою землю и межеваніемъ привела въ отдѣльные отруба, на душу вырѣзанъ участокъ 2 дес. 10 саж. казенной мѣры съ отмежеваніемъ въ отруба. Начальство намъ предложило свои услуги въ ссудахъ и пособіяхъ. Крестьяне нашей деревни довольно зажиточные люди и нужду имѣли въ ссудахъ человѣкъ 15, включая сюда элементъ самый неустойчивый, т.-е. игроки, пьяницы и другіе; остальные 50 домохозяевъ ни въ какой ссудѣ не нуждались, но деньги соблазнили и поэтому всѣми безъ всякой нужды и надобности взято ссуды было 2000 руб. Съ этой точки зрѣнія я смотрю такъ, и смотрятъ болѣе сознательные крестьяне. Не дай Богъ, широко пойдетъ это дѣло, т.-е. выдѣлъ въ сосѣднихъ, окружающихъ насъ, деревняхъ; деревни страшно бѣдны и съ выдѣломъ, прямо съ увѣренностью можно сказать, земля будетъ банковская, удержатъ ее очень и очень немногіе. За свою деревню я сказать могу, что она вытерпитъ, хотя возьметъ 5 разъ по 2000 руб., судя, конечно, по настоящему. Но за другихъ этотъ законъ, т.-е. законъ 9 ноября, прямо сказать можно, что этотъ законъ страшный».

Операціи крестьянскаго банка по выдачѣ ссудъ подъ залогъ надѣльныхъ земель развиты пока слабо. Однако и за всѣмъ тѣмъ опасность, которую предвидитъ для крестьянъ мой корреспондентъ нельзя считать всецѣло призрачной. Правительсто, видимо, стремится развить эти операціи, — хотя бы для того только, чтобы облегчить переходъ къ новому порядку, безъ особо большихъ затратъ со стороны казны на выдачу пособій. При томъ «соблазнѣ», какой представляютъ для массы крестьянъ деньги, и при той склонности, какая вырабаталась въ ихъ средѣ, что если одинъ беретъ, то и всѣмъ брать нужно, а главное при отсутствіи у громаднаго большинства крестьянъ какихъ-либо запасныхъ рессурсовъ, съ одной стороны, и при неизбѣжности крупныхъ затратъ и убытковъ, съ какими связано землеустройство, съ другой, — нѣтъ ничего невѣроятнаго, что ссудныя операціи подъ залогъ надѣль-

---

сколько будетъ причитаться на десятину». Но скупить всю землю, которая будетъ мобилизована, имъ едва ли, конечно, будетъ по силамъ.

ныхъ земель могутъ получить очень быстрое развитіе. Положеніе, которое получится при этомъ, объяснять нечего: крестьянамъ придется въ такомъ случаѣ опять «выкупать» свою землю и вновь всѣ ихъ силы будутъ уходить на то, чтобы «оправдать» себя и удержать землю.

Но для большинства крестьянъ эта перспектива остается, повидимому, пока закрытой. За то они ясно видятъ, что кромѣ возможности лишиться надѣльной земли путемъ продажи, которая легко можетъ оказаться для многихъ изъ нихъ неизбѣжной, новый порядокъ несетъ съ собою и другое бѣдствіе, которое уже надвинулось, которое ихъ уже охватило и уклониться отъ котораго не мыслимо. Это — вражда, безконечныя ссоры и тяжбы, потравы, поджоги, мордобитія и даже смертоубійства. «Законъ 9 ноября — пишетъ одинъ изъ корреспондентовъ—ведетъ къ разрозненію крестьянъ, вѣчнымъ раздорамъ, мести и междуусобицѣ». «Вѣками — съ горечью восклицаетъ другой корреспондентъ — старались люди общими силами и вмѣстѣ соединиться, чтобы легче бороться съ ненавистью и темнотою и за экономическое состояніе, а тутъ на тебѣ»!.. Не мало удѣляютъ мѣста тому же предмету и крестьяне села А. въ своемъ письмѣ, уже цитированномъ мною выше. Приведу изъ него лишь непосредственно относящіеся сюда пункты *). Они таковы:

„11) Почему такъ понадобилось правительству выпустить законъ выходить изъ общины, тогда какъ сказано апостоломъ Павломъ въ нашей религіи: живите, братья, вкупѣ и другъ друга любите; и въ словѣ Божіемъ сказано: любите другъ друга, яко Я васъ возлюбилъ.

„12) А теперь что творится среди нашего общества, не понимая твердо новаго закона, и никто не объясняетъ правильно онаго, какъ поступить лучше, по старому или же по новому; укрѣпившіе свои надѣлы въ личную собственность ненавидятъ общинниковъ, а общинники въ свою очередь ненавидятъ собственниковъ, и другъ противъ друга встаютъ, какъ враги.

„13) Что сдѣлалось въ общей тишинѣ? впредь непреполагаемая ненависть другъ къ другу; прожившіе наши отцы и мы семьдесятъ лѣтъ, поселенные на вышеупомянутомъ участкѣ, какъ одна семья, переносившіе всѣ тяжбы и трудности вышеупомянутыхъ податей, жили во всемъ селѣ спокойно и весело, какъ одно семейство.

„14) А теперь что творится, упреки другъ къ другу разными непріятными словами, и не находитъ спокоя, какъ первый, укрѣпившій, такъ и второй, неукрѣпившій, гоняются за жизнью, какъ за тѣнью, не знаютъ оба, гдѣ остановиться, на старомъ порядкѣ или на новомъ»...

*) Письмо имѣетъ довольно своеобразную форму: и исторія села, и современное положеніе дѣлъ въ немъ, и взгляды крестьянъ, и ихъ недоумѣнія, и вопросы,—все это изложено въ видѣ ряда пунктовъ.

Атмосфера вражды, озорства и ненависти уже окутала деревню.

Изъ приведенныхъ сейчасъ и раньше выдержекъ видно, сколь тягостной представляется она крестьянамъ. Почувствовавъ, что вступаютъ въ нее съ переходомъ къ новому порядку, они изъ за этого только нерѣдко готовы немедленно отпрянуть отъ него. Но не всѣмъ, быть можетъ, это приходитъ въ голову, да и не всегда это удается...

Въ ядовитомъ туманѣ, который напущенъ на русскую землю, крестьяне «гоняются за жизнью, какъ за тѣнью». «Укрѣпившіе свои надѣлы въ личную собственность ненавидятъ общинниковъ, а общинники въ свою очередь ненавидятъ собственниковъ, и другъ противъ друга встаютъ, какъ враги». Сшибаются лбами двѣ породы людей, въ равной мѣрѣ, быть можетъ, несчастныхъ...

И никто не можетъ сказать, когда же этотъ туманъ разсѣется, когда онъ прояснится хоть на столько, что братья узнаютъ братьевъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и враги встанутъ другъ противъ друга.

Указъ 9-го ноября прекратилъ свое существованіе. И Государственная Дума, и Государственный Совѣтъ, какъ извѣстно, разсмотрѣли его, одобрили и даже усовершенствовали. Въ этомъ усовершенствованномъ видѣ онъ уже санкціонированъ и опубликованъ: временный указъ уступилъ такимъ образомъ мѣсто постоянному закону.

Нынѣшняя сессія нашихъ «законодательныхъ палатъ» была вообще очень «плодотворной». «Finis Finlandiae!» съ злорадствомъ провозгласилъ г. Пуришкевичъ. Конецъ общинѣ!—провозглашаютъ другіе (охотно допускаю, что съ инымъ чувствомъ). Въ печати уже появились описанія «послѣдняго боя за общину», происшедшаго будто бы въ Государственномъ Совѣтѣ *).

Въ качествѣ публициста и мнѣ предстояло этотъ моментъ отмѣтить. Я счелъ за лучшее раскрыть въ этихъ видахъ папку съ собираемыми мною матеріалами и, пользуясь ими, приподнять хоть краешекъ завѣсы, показать читателямъ хоть маленькій уголокъ той жизни, гдѣ до сихъ поръ дѣйствовалъ указъ 9 ноября и гдѣ отнынѣ будетъ дѣйствовать законъ 14-го іюня. Я ограничилъ свою задачу и воспользовался лишь небольшою частицею своихъ матеріаловъ. Мнѣ хотѣлось познакомить читателей съ тѣмъ, что думаютъ о новомъ порядкѣ сами крестьяне, какъ они себя чувствуетъ съ его появленіемъ, какъ къ нему относятся. Къ счастью, у меня имѣлась возможность говорить ихъ собственными словами...

Читатели могутъ разно оцѣнить предложенные имъ мною матеріалы, разные изъ нихъ сдѣлать выводы, но въ одномъ, думаю,

---

*) См. „Русскую Мысль“ за май.

они согласятся: «послѣдняго боя» за общину еще не было. Не будемъ гадать, чѣмъ идущая внизу борьба кончится...

Фактъ—тотъ, что трудовому народу нанесена глубокая, мучительная и затяжная рана, и нанесена она, завѣдомо, отравленнымъ оружіемъ.

Въ результатѣ на народномъ организмѣ получилась «гноянка», какъ ее называетъ одинъ изъ моихъ корреспондентовъ. И, конечно, не тотъ, кто нанесъ рану, вылѣчитъ эту «гноянку». Единственная надежда на живыя силы, какія имѣются въ крестьянствѣ и какія, будемъ вѣрить, начнутъ опять стекаться изъ другихъ соціальныхъ слоевъ къ самому больному, быть можетъ, мѣсту въ народномъ организмѣ.

А. Пѣшехоновъ.

Соціальный католицизмъ во Франціи.

I.

Подъ общее названіе соціальнаго католицизма подводятъ во Франціи нѣсколько общественныхъ направленій, различающихся своими средствами борьбы, но одинаково стремящихся къ перестройкѣ общества, въ соотвѣтствіи съ моральными принципами католической вѣры.

Въ настоящее время, когда воинствующіе французскіе католики пригагаютъ всѣ усилія, чтобы отстоять свои позиціи, расшатанныя ударами республиканскаго «блока», ознакомленіе съ названными направленіями, съ ихъ характеромъ и причинами, которыя ихъ вызвали къ жизни, получаетъ особенный интересъ.

Тѣмъ болѣе, что такое ознакомленіе даетъ возможность выяснить косвеннымъ образомъ крайне знаменательную эволюцію, которую вынуждена была совершить въ теченіе послѣдняго столѣтія католическая церковь въ области католическихъ и соціальныхъ вопросовъ.

Но для того, чтобы дать читателямъ правильное представленіе объ идейной и практической сущности соціально-католическихъ направленій, намъ необходимо, раньше всего, напомнить вкратцѣ то положеніе, въ которомъ очутился католицизмъ во Франціи послѣ великаго переворота 93-го года и которое обусловило исторически ихъ возникновеніе.

Великая революція нанесла тяжелый ударъ католицизму, не столько матеріальный, сколько моральный, отвергнувъ категорически авторитетъ церкви *въ соціально-политической жизни.* Вмѣ-

сто традиціонно-религіозныхъ началъ въ основу новаго общественнаго зданія, возникшаго на развалинахъ дворянско-абсолютистской Франціи, были положены начала чисто раціоналистическія.

Источникъ власти перенесли съ неба на землю, народъ былъ объявленъ самодержцемъ, за личностью признаны неотъемлемыя *естественныя* права на свободу и равенство, на развитіе, на неограниченное распоряженіе принадлежащими ей матеріальными благами.

Молодое буржуазное общество сразу разорвало такимъ образомъ съ воззрѣніями церкви на власть и общественныя отношенія.

И между нимъ и церковью неизбѣжно образовалась съ силу этого глубокая идейная пропасть.

Но церковь, которая въ теченіе длиннаго ряда вѣковъ привыкла видѣть свой золотой крестъ побѣдоносно возвышающимся надъ соціальной пирамидой, архитектура которой была освящена и узаконена ея ученіемъ, не могла примириться, конечно, съ такимъ положеніемъ вещей, отодвигавшимъ ее на задній планъ и создавшимъ прочный базисъ для враждебныхъ ей философскихъ міросозерцаній.

Ради самосохраненія ей было необходимо сейчасъ же, не теряя времени, начать борьбу для измѣненія этого положенія, для возстановленія своего прежняго авторитета, создавшаго ея могущество и силу. И церковь начинаетъ эту борьбу.

Этотъ основной фактъ доминируетъ во взаимоотношеніяхъ церкви и общества во Франціи, начиная съ конца XVIII вѣка, и, не имѣя его постоянно въ виду, трудно понять истинный смыслъ политическихъ и соціальныхъ выступленій французскаго католицизма за послѣдніе сто съ лишнимъ лѣтъ. Мы изложимъ здѣсь въ нѣсколькихъ словахъ исторію этихъ выступленій, до образованія направленій, описаніе которыхъ составляетъ предметъ настоящей статьи. Такимъ образомъ станетъ яснѣе тотъ этапъ, который послѣднія отмѣчаютъ въ тактикѣ защитниковъ интересовъ и авторитета церкви.

Какъ я уже говорилъ, послѣ революціи католицизму было необходимо начать борьбу. Передъ нимъ лежало два пути: или выработать компромиссъ, который могъ бы его связать идейно съ новымъ обществомъ, и затѣмъ, можетъ быть, медленно и постепенно, но всетаки съ шансами успѣха, добиваться своего прежняго моральнаго господства; или же, отбросивъ всякія дипломатическія тонкости, объявить крестовый походъ всѣхъ истинно-вѣрующихъ противъ тѣхъ правовыхъ тезисовъ, которые революція начертила въ своей безсмертной декларации, и тѣхъ общественныхъ отношеній, въ которыхъ они нашли свое выраженіе.

Католицизмъ избралъ второй путь.

Современникъ революціи, папа Пій VI въ специальной энцикликѣ открыто и рѣзко осудилъ всѣ революціонныя идеи и требо-

ванія и объявилъ ихъ «jura religioni et societati adversantia». Съ нимъ согласилось большинство высшаго, а послѣ кратковременнаго демократическаго увлеченія, и низшаго католическаго духовенства Франціи.

Среди свѣтскихъ католиковъ идеологомъ реставраціи во имя попраннаго пріоритета религіи и церкви выступилъ Жозефъ де Мэстръ, пріобрѣвшій большую извѣстность въ свое время, реакціонный писатель.

Въ его сочиненіяхъ можно найти точное отраженіе взглядовъ, которые ревностно пропагандировалъ католицизмъ въ тотъ мрачный періодъ, когда революція, обезглавленная и обезкровленная, доживала свои послѣдніе дни.

Политическія и общественныя учрежденія, доказывалъ де Мэстръ, могутъ быть лишь тогда жизнеспособными и долговѣчными и содѣйствовать повышенію моральнаго уровня человѣчества, если они воплощаютъ принципы религіи и при посредствѣ церкви получаютъ, такъ сказать, божественную санкцію.

Человѣческій разумъ, ложно называемый философіей, — доказывалъ онъ, — не способенъ создать что-либо положительное, которымъ можно было бы замѣнить традиціонныя основы человѣческихъ объединеній.

«Философія, наоборотъ, есть сила исключительно дезорганизующая... Ея торжество разрушило всѣ моральныя скрѣпы, связывавшія людей...» *).

Подавить философію, возстановить прежній строй, «l'ancien regime», сметенный революціонной бурей, вотъ къ чему призывалъ де Мэстръ, а вмѣстѣ съ нимъ и оффиціальный католицизмъ, всѣхъ истинно-вѣрующихъ католиковъ. Де Мэстръ не скрывалъ отъ себя и другихъ, что расчитывать въ этомъ предпріятіи на поддержку народныхъ массъ нѣтъ основанія, что церкви и ея вѣрнымъ послѣдователямъ, поскольку они пойдутъ по тому пути, который онъ указывалъ, придется заключить тѣсный союзъ съ ненавидимой всѣми дворянской аристократіей. Но это его не смущало. Онъ разсматривалъ народъ, низы, какъ quantité negligeable. «Но, скажутъ, народъ не желаетъ, народъ никогда не согласится, народу это не понравится. Какіе жалкіе аргументы! Народъ не играетъ никакой роли въ революціяхъ; онъ участвуетъ въ нихъ лишь какъ пассивное орудіе. Четыре-пять человѣкъ дадутъ короля Франціи» *).

Таково было, за нѣкоторыми исключеніями, отношеніе къ народу и всего французскаго католицизма ***).

Его активныя выступленія на политической аренѣ въ началѣ

*) Joseph de Maistre, «Consideration sur la France», стр. 67 и 77.

**) Тамъ же, стр. 138-я.

***) Подъ католицизмомъ я разумѣю не всѣхъ католиковъ вообще, а лишь церковь и тѣхъ вѣрующихъ, которые ставятъ выше всего защиту ея интересовъ и этимъ опредѣляютъ свое политическое поведеніе.

XIX-го столѣтія носятъ рѣзко выраженный контръ-революціонный и антидемократическій характеръ. Недаромъ возвращеніе Бурбоновъ во Францію разсматривалось въ буржуазныхъ классахъ и въ низахъ народныхъ, какъ, въ извѣстной степени, дѣло рукъ церкви, и вызвало сильное озлобленіе противъ духовенства.

Лишь къ концу реставраціи среди католиковъ появился человѣкъ, геній котораго предвидѣлъ грядущую побѣду демократіи и который поэтому счелъ нужнымъ рѣзко выступить противъ реакціонной политики католицизма. Человѣкъ этотъ былъ аббатъ Ламенэ.

Ламенэ также стремился къ упроченію могущества католической церкви, какъ и де Мэстръ. Такъ же, какъ этотъ послѣдній, онъ глубоко и искренно вѣрилъ, что только верховенство церкви въ жизни и приведеніе всѣхъ политическихъ и общественныхъ отношеній въ соотвѣтствіе съ основной моральной доктриной католицизма можетъ оздоровить человѣчество. Но Ламенэ считалъ, что къ этому можно и должно придти другимъ путемъ, не выступая подъ знакомъ контръ-революціи.

Ламенэ проповѣдывалъ необходимость признанія политическихъ идеаловъ 93-года,—идеаловъ, которые, по его мнѣнію, вполнѣ можно было примирить съ принципами католицизма,—и предлагалъ церкви бороться рука объ руку съ народными массами во имя осуществленія этихъ идеаловъ. Такимъ образомъ, доказывалъ онъ, церковь добьется усиленія своего слабѣющаго вліянія на народъ, который, въ противоположность развращеннымъ высшимъ классамъ, сохранилъ еще достаточно моральнаго здоровья, чтобы проникнуться дѣйствительно христіанскимъ духомъ. И тогда преобладаніе церкви въ жизни станетъ нерушимымъ, ибо оно будетъ основано на гранитномъ фундаментѣ народной вѣры; а рано или поздно народъ неизбѣжно сдѣлается хозяиномъ исторической сцены.

Идеи Ламенэ встрѣтили широкое сочувствіе не только среди свѣтскихъ католиковъ, но и въ рядахъ низшаго духовенства. Его газета «l'Avenir» насчитывала нѣсколько тысячъ однихъ только подписчиковъ священниковъ.

И одно время можно было думать, что въ политикѣ католицизма подъ вліяніемъ пламенной проповѣди Ламенэ произойдетъ рѣзкій переворотъ.

Но Ламенэ выступилъ слишкомъ рано.

То, что онъ провидѣлъ, не было еще ясно для руководителей католической церкви.

Для нихъ торжество демократіи казалось маловѣроятнымъ. Они попрежнему лишь въ монархіи и въ дворянствѣ и отчасти въ крупной буржуазіи видѣли дѣйствительныхъ творцовъ исторіи и наиболѣе вѣрныхъ и могущественныхъ своихъ союзниковъ.

Съ другой стороны, церковь считала недопустимымъ для себя

подписаться подъ требованіями свободъ, такъ не мирившимися съ ея вѣковой политикой, съ ея традиціями и іерархіей.

Напрасно Ламенэ доказывалъ, что «когда общество раздѣлено идейно, когда различныя міросозерцанія заняли мѣсто древней вѣры, истинный католицизмъ можетъ восторжествовать лишь въ результатѣ свободной борьбы идей».

Напрасно доказывалъ онъ, что сомнѣваться въ конечной побѣдѣ католицизма, при режимѣ свободы, не приходится, «ибо одинъ только католицизмъ обладаетъ божественной истиной и божественной любовью» *). Церковь не раздѣляла такой увѣренности.

И вотъ въ отвѣтъ на проповѣдь Ламенэ папа Григорій XVI издаетъ энциклику Mirari vos, объявившую «абсурдными и ошибочными или, вѣрнѣе, безумными» всѣ политическія требованія, носившія печать революціоннаго происхожденія, которыя Ламенэ въ яркой талантливой формѣ и съ могучимъ, чисто библейскимъ паѳосомъ защищалъ въ своихъ статьяхъ и книгахъ *).

Эта энциклика заставила Ламенэ выйдти изъ католической церкви. Но она имѣла еще другое болѣе важное слѣдствіе: она положила конецъ тому демократическому движенію въ католицизмѣ, котораго Ламенэ былъ вдохновителемъ и руководителемъ.

Всѣ демократы католики, въ томъ числѣ ближайшіе сотрудники и друзья Ламенэ, Монталамберъ и Лакордеръ, очень извѣстные впослѣдствіи, подчинились папскому слову. И католицизмъ продолжаетъ шествовать по пути реакціи попрежнему въ тѣсномъ союзѣ съ врагами демократіи.

Католики во главѣ съ духовенствомъ изо всѣхъ силъ содѣйствуютъ развитію того ретрограднаго движенія, которое охватило Францію послѣ іюльскихъ дней, и подготовляютъ почву для наполеоновскаго coup d'Etat.

Возстановленіе имперіи привѣтствуется ими съ энтузіазмомъ, и нѣкоторые епископы доходятъ до того, что въ своихъ пастырскихъ посланіяхъ (mondements) называютъ «маленькаго Наполеона» посланникомъ Бога.

Тѣсный союзъ католицизма съ реакціей не прекращается, въ общемъ, въ періодъ второй имперіи. Знаменитый «Sillabus» Пія IX, изданный въ 1864 году, могъ лишь укрѣпить этотъ союзъ. Когда же, послѣ разгрома 1871 года, изъ кроваваго водоворота событій возникаетъ слабая и анемичная республика, католики идутъ въ авангардѣ роялистовъ, дѣлавшихъ въ продолженіе семи лѣтъ самыя невѣроятныя усилія, чтобы возстановить монархію.

---

*) Цитирую по книгѣ G. Well. «Le catholicisme liberalen France» Paris 1909.

**) См. Ernest Renan. «Essai de morale et de philosophie. M. de Lamennais», стр. 160—161.

II.

Въ началѣ семидесятыхъ годовъ два офицера, графъ де-Мэнъ и маркизъ дю-Пэнъ де ля Туръ, бывшіе вмѣстѣ въ плѣну въ Германіи и познакомившіеся тамъ съ ученіемъ нѣмецкаго епископа Кетлера,—истиннаго духовнаго отца соціальнаго католицизма,—кладутъ начало, по возвращеніи на родину, соціально-католическому движенію. Піонеры этого движенія раздѣляли вполнѣ реакціонные принципы де Мэстра и съ первыхъ же шаговъ своей дѣятельности открыто написали на своемъ знамени: контръ-революція.

Они выдвинули однако новый планъ дѣйствій для достиженія этой цѣли.

Де Мэнъ, дю Пэнъ и ихъ сторонники исходили въ своихъ взглядахъ, раньше всего, изъ того основного факта, что политика *исключительнаго союза* съ высшими классами, которую практиковалъ до тѣхъ поръ католицизмъ, имѣла результатомъ утерю послѣднимъ моральнаго руководительства массами, перешедшаго къ республиканцамъ и соціалистамъ.

Между тѣмъ массы неуклонно завоевываютъ первое мѣсто на исторической сценѣ и укрѣпляютъ основы демократическаго режима, при которомъ религіозная идея, какъ и всякая другая, можетъ восторжествовать лишь при помощи народа.

Необходимо поэтому выработать новую тактику, которая *не порывая съ высшими классами,* вѣрной опорой церкви, вмѣстѣ съ этимъ давала бы возможность католикамъ выступить въ качествѣ защитниковъ интересовъ труда.

Основатели соціальнаго католицизма доказывали также, что свѣтская дѣятельность католиковъ послѣ революціи была слишкомъ поверхностна. Католики выступали лишь на аренѣ политической борьбы, воюя во имя осуществленія контръ-революціонныхъ политическихъ идеаловъ, и совершенно оставляли въ сторонѣ *соціальныя отношенія,* которыя начиная съ XVIII вѣка, являются однако полнымъ воплощеніемъ антирелигіознаго правосознанія.

Но, утверждали новые теоретики, соціальныя отношенія гораздо важнѣе политическихъ, ибо не послѣднія опредѣляютъ характеръ первыхъ, а наоборотъ. Необходимо поэтому поставить себѣ цѣлью «возсозданіе соціальныхъ органовъ, которые были разрушены революціей, необходимо возстановить религіозное общество, домашній очагъ и профессіональную организацію».

Для того же, чтобы завоевать массы, *не порывая съ высшими классами,* и для того, чтобы перестроить общество на христіанскихъ началахъ, соціальные католики рекомендовали всѣмъ истиннымъ ревнителямъ вѣры, отодвинувъ на задній планъ политику, двинуться въ низы народные и приняться за организацію,

подъ эгидой католицизма, *корпорацій*, объединяющихъ хозяевъ и рабочихъ, на почвѣ ихъ общихъ профессіональныхъ интересовъ, какъ въ доброе старое время. «Католическая корпорація въ христіанскомъ государствѣ»,—таковъ былъ лозунгъ, провозглашенный ими. Поскольку корпорація, вызванная къ жизни иниціативой католиковъ и *скрѣпленная религіозной идеей*, будетъ давать выгоды рабочимъ, утверждали они, послѣдніе увидятъ, что церковь заботится о нихъ, что она содѣйствуетъ улучшенію ихъ матеріальнаго положенія и что христіанская мораль не потеряла ни своей добродѣтели, ни своей цѣлесообразности. «А народная психологія подчиняется вліянію логики, даже тогда, когда она ее не любитъ» *).

Поскольку же вообще корпораціи будутъ развиваться, въ нѣдрахъ современнаго индивидуалистическаго общества выкристаллизуются элементы общества христіанскаго, ибо въ корпоративномъ строѣ, въ основу котораго положены не изолированныя личности, а соціальные организмы, стремящіеся къ высшей цѣли, моральные принципы католицизма находятъ свое полное выраженіе.

Выдвигая такимъ образомъ средневѣковый идеалъ, соціальные католики всегда цитировали слѣдующія слова одного изъ своихъ нѣмецкихъ предшественниковъ, барона Фогельзинга. «Общественный христіанскій порядокъ среднихъ вѣковъ является въ нашихъ глазахъ величественнымъ порожденіемъ ума. Къ несчастью, человѣческіе грѣхи не дали этому порядку развиться до совершенства. Развратъ проникъ въ него и послужилъ разлагающимъ факторомъ. Но разложилась однако лишь внѣшняя его форма, духъ его живъ и стремится создать новыя формы. Задача католиковъ—содѣйствовать созданію такихъ формъ». Но кромѣ обще-теоретическихъ, соціальные католики доказывали необходимость организаціи корпорацій еще практическими соображеніями.

«Мы выдвигаемъ католическую корпорацію для объединенія хозяевъ и рабочихъ еще по тремъ слѣдующимъ причинамъ,—писалъ де Мэнъ.—Во первыхъ, потому, что только при такомъ условіи профессіональные союзы могутъ служить орудіемъ мира и не превратиться въ орудіе войны. Во вторыхъ, въ силу того, что корпорація явится очагомъ христіанской дѣятельности, ибо въ ней профессіональный интересъ будетъ доминировать надъ интересомъ частнымъ, антагонизмъ между хозяиномъ и работникомъ уступитъ мѣсто патронату, христіански выполняемому, а права всѣхъ найдутъ въ исполненіи взаимныхъ обязанностей законное удовлетвореніе. И наконецъ, въ третьихъ, ибо только католическая корпорація можетъ ограничить конкуренцію и *возложить на работодателей обязанность улучшить положеніе рабочихъ*» **).

Отъ осуществленія послѣдняго условія зависѣла, конечно, прежде

---

*) Goyan. „Autour du catholicisme social», стр. 2.

**) A. de Mun. «Discours», Tome I, p. p. 301.

всего возможность выполненія того плана, который начертили соціальные католики.

Въ дѣйствительности, для того, чтобы имѣть возможность привлечь рабочихъ въ корпораціи матеріальными выгодами, необходимы, вѣдь, болѣе или менѣе существенныя жертвы со стороны патроновъ для этой цѣли.

Де Мэнъ обращался поэтому къ патронамъ съ спеціальной проповѣдью, доказывая имъ необходимость такихъ жертвъ.

Сначала онъ аппелировалъ къ ихъ моральному чувству.

«Существованіе высшихъ классовъ законно,—говорилъ де Мэнъ. — Мало этого, соціальное неравенство есть одно изъ основныхъ условій прогресса. Но религія учитъ, что превосходство однихъ накладываетъ на нихъ обязанности по отношенію къ тѣмъ, которые стоятъ ниже».

Этимъ, однако, де Мэнъ не ограничивался; онъ приводилъ и болѣе убѣдительные аргументы, доказывая «хозяевамъ дня», что, помогая соціальному католицизму въ осуществленіи его плановъ, они будутъ защищать свои же собственные интересы.

Въ мрачныхъ краскахъ рисовалъ онъ имъ современное положеніе. «Патроны забыли о своихъ обязанностяхъ по отношенію къ рабочимъ и рабочій, невѣжественный и развращенный, отдался во власть страстей... Корыстолюбіе и жажда матеріальнаго прогресса превратились въ универсальную доктрину. Сверху — эгоизмъ и страхъ, внизу—ненависть и насиліе». Такой режимъ грозитъ, конечно, лишь катастрофами и потрясеніями. Только католическая корпорація можетъ предотвратить такія гибельныя послѣдствія. Можетъ предовратить, кромѣ всего, однимъ только тѣмъ, *что подчинитъ рабочія массы вліянію церкви* и остановитъ развитіе атеизма. Ибо «рабочій, потерявшій вѣру въ небо, идетъ слѣпо за революціонерами, обѣщающими ему царство на землѣ. И именно это обстоятельство явилось причиной революціонныхъ взрывовъ въ прошломъ и безпорядка въ настоящемъ».

Католицизмъ, вообще, единственная сила, могущая остановить напоръ революціи. «Католицизмъ достаточно вооруженъ, чтобы вступить въ борьбу и выйдти изъ нея побѣдоносно. Только католицизмъ можетъ сказать революціи, что она основана на ложномъ принципѣ суверенной независимости человѣчества, потому что онъ отрицаетъ этотъ принципъ категорически и безусловно и внушаетъ людямъ *необходимость подчиняться авторитету*» *).

Планъ соціальнаго католицизма сводился, какъ видимъ, къ тому, чтобы привлечь на свою сторону низшіе и высшіе классы, улучшая положеніе первыхъ и гарантируя соціальную безопасность вторыхъ.

Католицизму такимъ образомъ выпала бы роль высшаго ар-

*) Тамъ же, стр. 93—94.

битра. Онъ примирилъ бы классы, обезпечилъ бы порядокъ и, подчинивъ своему вліянію всѣ соціальныя группы, создалъ бы господство церкви надъ обществомъ. Планъ—довольно остроумный, если бы онъ не находился въ полномъ противорѣчіи съ тенденціями историческаго развитія Франціи.

III.

Прежде чѣмъ приступить къ организаціи корпорацій, соціальные католики принялись за образованіе католическихъ рабочихъ кружковъ, «Cercles ouvries catholiques».

Каждый такой кружокъ объединялъ группу рабочихъ и комитетъ, въ которомъ участвовали люди высшихъ классовъ и которому принадлежала руководящая роль.

При кружкахъ имѣлись капеллы и духовники и велась систематическая пропаганда идей соціальнаго католицизма и католицизма вообще.

Рабочихъ привлекали въ эти организаціи дешевыми квартирами, различными кассами взаимопомощи, устройствомъ развлеченій и т. п.

По плану вожаковъ, рабочіе кружки должны были превратиться впослѣдствіи въ смѣшанные синдикаты хозяевъ и рабочихъ съ смѣшанными коммиссіями во главѣ для рѣшенія всѣхъ спорныхъ вопросовъ, возникающихъ на профессіональной почвѣ. Это должно было въ дальнѣйшемъ развитіи привести и къ настоящей корпораціи.

Движеніе соціальнаго католицизма первое время развивалось довольно быстро, благодаря поддержкѣ значительнаго числа капиталистовъ-католиковъ.

Къ началу восьмидесятыхъ годовъ во Франціи насчитывалось уже 310 соціально-католическихъ комитетовъ, 525 таковыхъ же рабочихъ кружковъ и всякаго рода примыкающихъ къ нимъ ассоціацій.

Но вскорѣ успѣхи движенія прекращаются.

Причинами этого были: начавшаяся развиваться въ странѣ соціалистическая пропаганда, ростъ сознательности рабочихъ массъ и антиклерикальная политика республиканскаго правительства, давшая толчекъ давно накопившемуся въ народѣ недовольству противъ католическаго духовенства.

Соціальный католицизмъ дѣлаетъ тогда шагъ влѣво и почти одновременно съ возрождавшимся радикализмомъ провозглашаетъ принципъ вмѣшательства государства въ соціально-экономическія отношенія для защиты интересовъ низшихъ классовъ и выдвигаетъ программу *рабочаго законодательства*.

Въ недавно вышедшей книжкѣ «La Conquête du peuple» графъ

де-Мэнъ слѣдующимъ образомъ объясняетъ эволюцію, продѣланную въ этомъ отношеніи соціальнымъ католицизмомъ.

«Въ 1885 году борьба сдѣлалась болѣе трудной и поле дѣйствія болѣе обширнымъ. Религіозная война (де-Мэнъ подразумѣваетъ антиклерикальную политику республиканцевъ. Е. С.) продолжалась уже шесть лѣтъ. Противъ христіанской школы выдвинули свѣтскую, противъ священника—учителя; конкордатъ безъ стѣсненія нарушался, нейтралитетъ государства отошелъ въ область прошлаго. Католикамъ нужно было напречь всѣ силы, чтобы отстоять религіозныя свободы, а они могли надѣяться на успѣхъ, лишь опираясь на сочувствіе массъ. А такъ какъ вопросы организаціи труда все болѣе и болѣе выдвигались на первый планъ, то католицизмъ, чтобы завоевать популярность, долженъ было выступить въ пользу соціальныхъ реформъ. Поэтому мы и выработали въ 1885 году программу рабочаго законодательства» *).

Де-Мэнъ излагалъ слѣдующимъ образомъ свой взглядъ на роль государства.

«Мы, католики, одинаково отвергаемъ антихристіанскій индивидуализмъ, какъ и государственный соціализмъ. Мы не желаемъ ни индиферентизма государства, отрекающагося отъ исполненія своего соціальнаго долга, ни деспотизма его, который далъ бы ему возможность поглотить всѣ живыя силы націи. Мы требуемъ лишь законодательства для защиты слабыхъ и для охраненія правъ каждаго».

Де-Мэнъ доказывалъ, приводя цитаты изъ извѣстнаго сочиненія св. Ѳомы Аквинскаго, что такое требованіе именно обусловливается христіанской концепціей государственной власти, видящей въ ней блюстителя соціальной справедливости.

Точка зрѣнія де-Мэна и его сторонниковъ вызвала было большіе раздоры въ католическомъ лагерѣ.

Католики-консерваторы ополчились противъ нея съ необычайнымъ жаромъ, упрекая де-Мэна въ соціализмѣ, въ тайной симпатіи къ революціи и т. п. На сторону консерваторовъ стали также нѣсколько видныхъ епископовъ.

Но де-Мэнъ получилъ вскорѣ авторитетную поддержку со стороны папы Льва XIII, издавшаго какъ разъ въ это время свою знаменитую энциклику «Rerum novarum». Левъ XIII, обладавшій проницательнымъ умомъ и съумѣвшій понять духъ новаго времени, давшій, между прочимъ, свидѣтельство своей политической мудрости предыдущей энцикликой, въ которой онъ совѣтовалъ французскимъ католикамъ принять республиканскій режимъ, въ «Rerum novarum» всецѣло сталъ на сторону де-Мэна.

Осудивъ соціализмъ и провозгласивъ законность частной собственности, папа заявлялъ, вмѣстѣ съ этимъ, что необходимо,

*) A de Mun. „La concquête du peuple“, стр. 55.

однако, отдать должное труду. Ибо «спекулировать на нуждѣ рабочихъ есть одно изъ самыхъ возмутительныхъ преступленій». Для улучшенія же положенія трудящихся массъ, необходима координація усилій церкви, частной инициативы и государства.

«Государство,—поучалъ вѣрующихъ Левъ XIII,—должно вмѣшаться въ общественныя отношенія, когда нарушаются общіе интересы, въ особенности интересы какого-нибудь класса, и когда для устраненія этого зла не остается другихъ средствъ» *).

То же самое проповѣдывалъ, въ общемъ, и де-Мэнъ.

Вождь соціальнаго католицизма торжествовалъ такимъ образомъ побѣду надъ своими противниками, получивъ высшую санкцію своимъ взглядамъ отъ верховнаго и непогрѣшимаго главы церкви.

Послѣ признанія принципа вмѣшательства государства направленіе самого католицизма, во главѣ котораго стоялъ де-Мэнъ, не дѣлаетъ дальнѣйшихъ шаговъ влѣво и въ области теоріи и тактики застываетъ на одной точкѣ. Его программа подвергается лишь незначительной переработкѣ въ 1895 году и съ тѣхъ поръ не терпитъ измѣненій.

Чтобы читатели получили полное представленіе объ этомъ соціальномъ католицизмѣ первой формаціи, сущность котораго мы здѣсь излагали, приведемъ нѣсколько наиболѣе важныхъ пунктовъ этой крайне характерной программы.

Вотъ эти пункты.

1) Что касается вопроса о семьѣ, то мы будемъ бороться противъ попытокъ нарушить неразрывность брака, прочность семейнаго очага и права отцовъ семейства.

2) Будемъ стремиться къ возстановленію религіи и требовать свободы для церкви, для ея проповѣди и преподаванія.

3) По отношенію къ гражданскому обществу наша задача осуществлять объединеніе профессій въ автономные организмы, поддерживать корпоративныя формы въ тѣхъ профессіяхъ, которыя ихъ сохранили, и содѣйствовать ихъ образованію тамъ, гдѣ онѣ уже исчезли.

4) За синдикатами мы признаемъ: a) право собственности, настолько широкое, насколько этого требуютъ интересы ассоціаціи; b) право профессіональной юрисдикціи надъ своими членами; c) право представительства. Для тѣхъ синдикатовъ, которые приближаются къ типу корпораціи (хозяева и рабочіе, землевладѣльцы и арендаторы), мы предложимъ учрежденіе примирительныхъ камеръ и третейскихъ судовъ для предупрежденія и разрѣшенія конфликтовъ и для выработки регламентовъ профессій, которые будутъ получать силу послѣ утвержденія ихъ референдумомъ и засвидѣтельствованія государственной властью.

---

*) См. Max. Turman. „Le Catholicisme Social", стр. 97—99. Paris, 1909

5) Въ области индустріи эти регламенты должны будутъ, въ согласіи съ рабочимъ законодательствомъ, осуществлять защиту женщины и ребенка, ограниченіе рабочаго дня, сообразуясь съ условіями данной отрасли производства, и запрещеніе работъ въ воскресные дни на фабрикахъ и въ мастерскихъ.

6) Корпоративный режимъ долженъ будетъ обезпечить минимумъ заработной платы въ такомъ размѣрѣ, чтобы ея хватало на содержаніе средней семьи и для взносовъ въ кассы взаимопомощи на случай увѣчья или старости.

7) Въ области земледѣлія наша дѣятельность выразится въ содѣйствіи развитію потребительныхъ, производительныхъ и кредитныхъ товариществъ на основѣ взаимопомощи и солидарности.

8) Мы заявляемъ, наконецъ, что никакая экономическая реформа не дастъ положительныхъ результатовъ, если не будутъ приняты мѣры противъ ростовщической спекуляціи, которая является кражей въ полномъ смыслѣ слова, ибо она состоитъ въ легальномъ захватѣ продуктовъ чужого труда.

Приведенные пункты программы вполнѣ отражаютъ основныя черты характеризуемаго направленія.

Благодаря своей новой тактикѣ, требованію рабочаго законодательства, соціальный католицизмъ снова дѣлаетъ нѣкоторые успѣхи.

Въ 1898 году во Франціи уже насчитывалось 184 смѣшанныхъ синдиката съ 35.000 членовъ.

Но въ дальнѣйшемъ его прогрессирующее движеніе опять останавливается и начинаетъ медленно идти на убыль.

Изъ организацій соціальнаго католицизма направленія де-Мэна, прочно держится и энергично дѣйствуетъ «Ассоціація католической молодежи», объединяющая почти исключительно интеллигенцію и занимающаяся пропагандой соціально-католическихъ идей. Рабочіе же кружки его хирѣютъ и еле подаютъ признаки жизни. Вообще, вліяніе соціальнаго католицизма въ пролетарскомъ мірѣ теперь ничтожно.

IV.

Во второй половинѣ 90-хъ годовъ зарождается новое направленіе соціальнаго католицизма, принявшее названіе «христіанской демократіи». Оно было вызвано къ жизни двумя основными причинами.

Первая причина, — это усилившійся ростъ демократическихъ идей въ массахъ, что, какъ понимали проницательные католики, закрывало пути къ народу для соціальнаго католицизма де Мэна съ его средневѣковымъ идеаломъ корпорацій и классовой іерархіи, съ его лозунгомъ контръ-революціи.

Вторая причина — идейная эволюція передовой католической интеллигенціи, хотя сохранившей твердо свою вѣру, но не устоявшей передъ новыми общественными вѣяніями.

Въ чемъ же заключалась сущность христіанской демократіи?

Она заключалась и заключается, главнымъ образомъ, въ стремленіи примирить католицизмъ съ современнымъ обществомъ, какъ это совѣтовалъ Ламенэ, для того, чтобы такимъ путемъ сдѣлать возможной и вѣроятной реализацію завѣтной цѣли всѣхъ воинствующихъ католиковъ: утвержденія церкви на ея прежней, до-революціонной позиціи.

Всѣ люди обладаютъ равными правами,—таковъ основной тезисъ христіанскихъ демократовъ. Это, утверждаютъ они, есть вопросъ не принципа, а факта. Равенство людей—простой фактъ, который было бы нелѣпо отрицать.

Главнѣйшими изъ правъ личности являются: 1) право на гражданскую и политическую свободу, 2) право на существованіе, 3) право на трудъ. Послѣднее право логически вытекаетъ изъ предыдущаго, ибо трудъ есть единственный способъ для добыванія средствъ существованія *).

Основнымъ условіемъ развитія личности является реализація названныхъ трехъ правъ ея. Обязанность каждаго христіанина, руководящагося принципомъ любви къ ближнему, содѣйствовать такой реализаціи.

Но послѣдняя можетъ имѣть мѣсто лишь при такомъ режимѣ, въ основу котораго положена забота *о равной* охранѣ интересовъ всѣхъ гражданъ. Такимъ режимомъ является демократія. Католики могутъ и должны, поэтому, признать демократію. И это тѣмъ болѣе, что она въ сущности является выраженіемъ чисто христіанской идеи о всеобщемъ братствѣ.

Христіанскіе демократы ставятъ поэтому своей задачей не борьбу съ демократіей, а содѣйствіе тому, чтобы въ рамкахъ демократическаго строя права личности получили болѣе дѣйствительную, чѣмъ въ настоящемъ, защиту, и чтобы при помощи разныхъ средствъ парализовать вліяніе нѣкоторыхъ отрицательныхъ послѣдствій экономической свободы, которая является основнымъ базисомъ современнаго общества.

«Дѣйствуя такимъ образомъ,—пишетъ лидеръ христіанскихъ демократовъ, аббатъ Гэро,—мы будемъ организовывать демократію, согласно христіанскому принципу братства и справедливости» **).

Христіанскіе демократы должны постоянно подчеркивать, что въ своей дѣятельности они руководятся именно этимъ принципомъ и что они послѣдовательно выводятъ свою соціально-по-

---

*) L'Abbé Gayraud. „Les democrates chretiens". Стр. 78.

**) L'Abbé Gayraud „La Democratie chretienne". Стр. 153.

литическую программу изъ своихъ религіозныхъ убѣжденій, иллюстрируя тѣмъ самымъ наглядную прогрессивность послѣднихъ.

Поэтому то они и назвали себя не просто демократами, а *христіанскими* демократами.

Для выполненія своей задачи христіанскіе демократы выдвигаютъ два главныхъ средства: синдикальную организацію и вмѣшательство государства, расходясь по отношенію къ первому средству съ точкой зрѣнія соціальныхъ католиковъ, идущихъ за де Мэномъ.

Такъ, исходя изъ своего основного взгляда о равенствѣ всѣхъ людей, они категорически отрицаютъ корпоративный идеалъ и не для осуществленія этого идеала считаютъ они нужнымъ синдикальную организацію.

Классовую іерархію въ обществѣ, защищаемую де Мэномъ, мы не признаемъ, — писали христіанскіе демократы.—Только внутри каждаго класса люди могутъ занимать болѣе или менѣе высокое положеніе, но опять-таки лишь благодаря своимъ особеннымъ качествамъ,—моральной цѣнности и услугамъ, оказаннымъ обществу, а не въ силу привиллегій, даваемыхъ рожденіемъ или богатствомъ.

«Мы не говоримъ, — писалъ другой теоретикъ христіанскихъ демократовъ, аббатъ Нодэ,—мы не говоримъ, что въ обществѣ не должно быть никакой іерархіи. Іерархія необходима; но іерархія, основывающаяся на трудѣ и заслугахъ личностей. Такимъ образомъ исчезаютъ правящіе классы,—остаются лишь правящія личности. Такими личностями будутъ тѣ, которыя, въ силу разныхъ причинъ обладая большей возможностью, чѣмъ другія, быть полезными обществу, пожелаютъ использовать эту возможность» *).

Не признавая классовой іерархіи и корпоративнаго строя, христіанскіе демократы ставили поэтому синдикальной организаціи задачу, рѣзко отличающуюся отъ тѣхъ цѣлей, которыя намѣчалъ для нея де Мэнъ.

Въ то время, какъ для послѣдняго она должна была постепенно образовать соціальные организмы, которые лягутъ въ основу будущаго строя,—христіанскіе демократы, признающіе лишь съ нѣкоторыми оговорками индивидуалистическіе тезисы революціи, утверждаютъ иное.

«Профессіональные союзы, организованные согласно принципамъ справедливости и братства, являются орудіями соціальнаго преобразованія. Но подъ соціальнымъ преобразованіемъ мы подразумѣваемъ не возсозданіе національнаго организма, въ которомъ люди и группы будутъ играть роль органовъ. Мы желаемъ, чтобы между личностями и государствомъ стали новыя естественныя группировки, безъ которыхъ общество аморфно и дезорганизовано» *).

---

*) L'abbé Naudet „Democratie et democrates chretiens". Стр. 227. Paris.
**) L'abbé Gayraud „La Democratie chretienne". Стр. 150.

Не желая толкать развитіе синдикальнаго движенія въ сторону корпораціи, христіанскіе демократы отвергали смѣшанные синдикаты хозяевъ и рабочихъ и предлагали *самостоятельную* профессіональную организацію каждой изъ этихъ соціальныхъ категорій.

Хозяева и рабочіе, утверждали они, должны быть организованы отдѣльно. Единственное, что они допускали, — это смѣшанныя комиссіи, въ каждой профессіи, составленныя изъ равнаго числа представителей хозяйскихъ и рабочихъ союзовъ.

Для доказательства правильности своей точки зрѣнія христіанскіе демократы приводили еще слѣдующій, крайне характерный аргументъ.

«Исторія учитъ, писали они, что никогда классъ или профессія не заботились объ интересахъ другого класса или другой профессіи».

Тѣмъ не менѣе христіанскіе демократы безъ оговорокъ отрицали классовую борьбу, признавая ее противной христіанской морали. Если они рекомендовали самостоятельные синдикаты хозяевъ и рабочихъ, то лишь для того, чтобы создать мирныя отношенія между тѣми и другими на болѣе основательномъ фундаментѣ. Христіанскіе демократы, такъ же, какъ и соціальные католики первой формаціи, звали не къ борьбѣ классовъ, а къ классовому примиренію, но лишь при помощи иныхъ средствъ.

Въ своемъ обоснованіи необходимости государственнаго вмѣшательства христіанскіе демократы также отличаются отъ старыхъ соціальныхъ католиковъ, но далеко не въ такой степени, какъ во взглядахъ на задачи и цѣли синдикальнаго движенія.

Здѣсь разница заключается, главнымъ образомъ, въ томъ, что первые аппелируютъ не столько къ религіозной морали, сколько къ здравому пониманію общественныхъ интересовъ и подчеркиваютъ свое признаніе законности экономической свободы.

«Роль государства, писалъ уже цитированный мною аббатъ Гэро, опредѣляется *цѣлью гражданскаго общества.* Роль его—не позволять людямъ вредить другъ другу, эксплуатировать другъ друга и координировать усилія всѣхъ во имя общаго блага. Кромѣ этого, государство должно заботиться объ интересахъ коллективности, гдѣ отсутствуетъ частная иниціатива. Государство—не душа общества, но оно необходимо для защиты личности и для обезпеченія ея свободнаго развитія». Вмѣшательство государства не будетъ угрожать ничьей свободѣ, какъ думаютъ либералы доктринеры. «Вмѣшательство государства не уничтожаетъ свободу, а лишь исправляетъ злоупотребленія, которыя режимъ свободы не могъ предупредить».

Программа рабочаго законодательства, которую выдвинули христіанскіе демократы, отличалась большей опредѣленностью и

большей прогрессивностью, чѣмъ таковая же программа соціальныхъ католиковъ стараго толка.

Они требовали, между прочимъ, запрещенія ночныхъ работъ, ограниченія рабочаго дня десятью часами, ограниченія рабочаго дня для молодыхъ дѣвушекъ, страхованія рабочихъ на случай безработицы, инвалидности и старости и настаивали на организаціи національнаго представительства труда.

Христіанскіе демократы считали допустимымъ и возможнымъ выступленія и на политической аренѣ и участіе въ избирательныхъ компаніяхъ. Но они разсматривали этого рода дѣятельность, какъ второстепенную.

«Мы не представляемъ собою политической партіи, — пишетъ аббатъ Гэро. — Я подразумѣваю подъ этимъ, что конституціонные вопросы о формѣ, организаціи и функціяхъ государственной власти не стоятъ для насъ на первомъ планѣ. Хорошей политикой мы считаемъ ту, которая вводитъ въ соціальныя отношенія больше справедливости и больше братства. А конституцію мы находимъ лучшей, если она даетъ правительство, способное проводить такую политику» *).

Поэтому христіанскіе демократы предоставляли своимъ группамъ полную свободу въ рѣшеніи вопроса объ участіи или неучастіи въ чисто политической борьбѣ.

Но разъ рѣшивъ этотъ вопросъ въ положительномъ смыслѣ, группы обязаны были выступать подъ знаменемъ республики. Аббатъ Гэро объясняетъ необходимость этого слѣдующимъ образомъ.

«Теоретически можно считать и монархію и республику одинаково способными организовать государство и хорошо управлять имъ. Но республиканскій идеалъ у насъ, можно сказать, укоренился въ народномъ сознаніи и республика признается всѣми, какъ естественная форма демократическаго самоуправленія. Почему же мы станемъ возставать противъ ясно выраженной воли народа?»

Итакъ, политическое и гражданское равенство, право на жизнь и право на трудъ, признаніе современнаго общества, самостоятельная синдикальная организація хозяевъ и рабочихъ, прогрессивное рабочее законодательство и республиканская форма правленія,—вотъ основное содержаніе соціально-политическихъ воззрѣній христіанской демократіи.

Между этими воззрѣніями и основными идеями соціальныхъ католиковъ стараго толка трудно перекинуть какой-нибудь объединяющій мостикъ.

Но, тѣмъ не менѣе, какъ я уже говорилъ въ началѣ главы, несмотря на огромную разницу во взглядахъ, оба эти направленія, столь глубоко антагонистичныя на первый взглядъ, стремятся въ общемъ къ одной и той же цѣли.

---

*) Тамъ же стр. 148.

Этого не скрываютъ, конечно, христіанскіе демократы.

«Насъ упрекаютъ въ томъ, писалъ Гэро, что мы не выступаемъ для защиты религіозныхъ требованій католиковъ, что мы не добиваемся уничтоженія репрессивныхъ законовъ, изданныхъ противъ церкви, что мы не оспариваемъ у антиклерикализма его побѣдъ. Я отвѣчаю съ полной откровенностью, что это не составляетъ спеціальной цѣли христіанской демократіи, но *что это будетъ предвидимый нами результатъ ея дѣятельности*» *).

Ту же приблизительно мысль высказалъ одинъ изъ практическихъ лидеровъ христіанской демократіи, Гармель, въ рѣчи, произнесенной на пріемѣ у папы Льва XIII-го.

«Христіанская демократія, сказалъ онъ, понимая въ ея истинно католическимъ смыслѣ, можетъ встрѣтить сопротивленіе со стороны тѣхъ, которые ее не знаютъ. *Но она вернетъ въ лоно церкви народныя массы, которыя удалилъ отъ нея революціонный соціализмъ*».

И на эти слова непогрѣшимый глава церкви, отъ имени которой столь же непогрѣшимые Пій VI, Григорій XVI-ой и Пій IX такъ рѣзко и категорически осудили всѣ демократическія требованія, отвѣтилъ слѣдующее:

«Если демократія руководится доводами разсудка въ согласіи съ вѣрой, если, остерегаясь опасныхъ и предосудительныхъ теорій, она съ религіозной покорностью принимаетъ, какъ необходимый фактъ, классовыя различія, если въ поискахъ осуществимыхъ рѣшеній для многочисленныхъ проблемъ, выдвигаемыхъ ежедневно соціальной жизнью, она будетъ проникаться духомъ милосердія, если, однимъ словомъ, демократія желаетъ быть христіанской,—она можетъ дать вашему отечеству миръ, благополучіе и счастье!» ***).

Какъ видите, новыя времена—новыя пѣсни. Измѣнилось положеніе вещей, общественная жизнь приняла иное направленіе, на исторической аренѣ появились опасныя для католицизма силы, и церковь поняла, что необходимы новыя средства борьбы.

Подобно соціальному католицизму стараго толка, христіанская демократія въ первый періодъ своей дѣятельности дѣлаетъ значительные успѣхи.

Къ 900-ымъ годамъ ей удается организовать болѣе 20,000 рабочихъ и провести въ палату двухъ депутатовъ. Но затѣмъ ея дальнѣйшій ростъ также останавливается.

Дѣло въ томъ, что христіанская демократія не встрѣтила никакого сочувствія въ капиталистическихъ кругахъ.

Не будучи политической партіей въ строгомъ смыслѣ слова,

*) Тамъ же стр. 150.
**) Тамъ же стр. 153.
***) См. Maurice Eblé „Les Ecoles Catholiques" стр. 193—199. Paris, 1908.

и выдвигая, въ первую голову, дѣятельность на почвѣ профессіональной организаціи, — она должна была разсчитывать почти исключительно на рабочихъ.

Бороться же здѣсь съ революціоннымъ синдикализмомъ и съ соціализмомъ, безъ матеріальной поддержки со стороны имущихъ классовъ, при растущемъ безвѣріи массъ во Франціи,—христіанской демократіи не подъ силу.

Въ настоящее время ея силы и вліяніе также идутъ на убыль.

V.

Неудачи соціальнаго католицизма стараго толка и второй его разновидности,—христіанской демократіи,—въ ихъ стремленіи завоевать вліяніе и добиться руководительства массами, вызвали среди католиковъ новое направленіе, организація котораго приняла названіе «Сильонъ» (Sillon—борозда).

Направленіе это занимаетъ крайній лѣвый флангъ соціальнаго католицизма.

Основатель «Сильонъ», Маркъ Санье, объясняетъ слѣдующимъ образомъ его raison d'être.

«Старое и вредное недоразумѣніе, слѣдствіемъ котораго является раздѣленіе страны на два враждебныхъ лагеря, до сихъ поръ еще остается въ силѣ.

«Одинъ лагерь характеризуется уваженіемъ національныхъ традицій, желаніемъ защитить церковь и враждебнымъ отношеніемъ къ демократическимъ идеаламъ, такъ же, какъ и къ республикѣ. Другой—имѣетъ цѣлью республиканскую оборону, что сливается для него съ торжествомъ иррелигіозной и антикатолической философіи, и отрицаетъ всѣхъ тѣхъ, которые, обладая позитивной вѣрой, желаютъ остаться въ подчиненіи авторитету церкви. Мы, какъ разъ, думаемъ, что такое положеніе вещей глубоко противорѣчитъ духовнымъ запросамъ Франціи. Мы думаемъ, что все честное, законное, великодушное, заключающееся въ республиканскихъ и демократическихъ стремленіяхъ, является неизбѣжно христіанскимъ тою или иною своею стороною. Это не значитъ, что мы считали бы возможнымъ заставить католиковъ принять республиканскій режимъ во имя религіи. Нѣтъ, религія доминируетъ надъ всѣми партіями, какъ и надъ всѣми націями. Мы утверждаемъ лишь, что ростъ сознанія гражданской отвѣтственности, уваженіе къ личности, готовность ставить общій интересъ выше частнаго,— безъ чего нѣтъ дѣйствительной демократіи, а лишь безсильная и тиранническая демагогія, — что все это требуетъ огромнаго запаса моральныхъ силъ, отсутствіе которыхъ было бы далеко не такъ чувствительно для политической организаціи, менѣе возвышенной и болѣе грубой, чѣмъ республика. Какъ же не при-

знать, послѣ этого, безуміемъ тактику республиканцевъ, выражающуюся въ попыткахъ изсушить самый могучій источникъ моральной силы, какимъ является религія. И какъ не сожалѣть, что обладатели моральныхъ богатствъ, имѣющіе возможность, раздавая эти богатства, создать моральныя привычки, при наличности которыхъ сдѣлалось бы возможнымъ существованіе истинной демократіи, слишкомъ часто лишь проклинаютъ послѣднюю и отказываютъ ей въ духовной пищѣ, въ которой она нуждается. Желаніе измѣнить это положеніе и вызвало къ жизни «Сильонъ» *).

Задача «Сильонъ» сводится такимъ образомъ къ тому, чтобы *примирить республику съ католицизмомъ*, а католицизмъ съ республикой.

Первая часть указанной задачи стоитъ, однако, на первомъ планѣ дѣятельности «сильонистовъ», и для осуществленія ея они выдвигаютъ иные аргументы и средства борьбы, чѣмъ родственные имъ по духу христіанскіе демократы. Въ этомъ именно заключается ихъ отличіе отъ послѣднихъ и ихъ оригинальность. Въ то время, какъ христіанскіе демократы утверждаютъ, что *можно быть*, безъ всякаго противорѣчія, вѣрующимъ католикомъ и республиканцемъ-демократомъ, «сильонисты» доказываютъ, что *нельзя быть* искреннимъ и послѣдовательнымъ сторонникомъ республики и демократіи, *не стремясь къ защитѣ и укрѣпленію вѣры*.

Убѣдить въ этой, по ихъ мнѣнію, истинѣ католическую массу, составляющую огромное большинство французскаго народа, но постепенно отворачивающуюся отъ религіи подъ вліяніемъ развитія раціоналистическихъ идей, — вотъ что «сильонисты» считаютъ вѣрнымъ средствомъ для поддержанія падающаго могущества церкви, для поднятія ея престижа до той высоты, когда передъ нею склонялись закованные въ желѣзо рыцари и коронованные властители народовъ.

Вотъ почему также «сильонисты» ставятъ смѣло и открыто во главу угла своей программы: республика и демократія.

«Церковь вѣчна, пишетъ Санье. Но именно поэтому она должна обладать необходимой гибкостью, чтобы приспособляться къ нарождающимся цивилизаціямъ. И это тѣмъ болѣе необходимо, что каждая изъ нихъ можетъ найдти въ церкви ту внутреннюю силу, которая дастъ ей возможность познать самое себя и осуществить свои цѣли» **).

Но одно голое признаніе республикански-демократическихъ идеаловъ сильонисты считаютъ недостаточнымъ для успѣха своей дѣятельности. Они идутъ дальше и выясняютъ, какое соціальное содержаніе вкладывается ими въ понятія республики и демократіи.

Во первыхъ, они выдвигаютъ законодательное дѣйствіе.

---

*) Marc Sangnier „Les Idées du Sillon".

**) Marc Sangnier „Le Sillon. Esprit et methodes", стр. 21—22 Paris 1905.

»Не только потому, что въ капиталистическомъ обществѣ, гдѣ царствуетъ usura vorax, имѣютъ мѣсто возмутительныя злоупотребленія, которыя можно искоренить лишь при помощи законовъ, но и потому также, что республикѣ, для того, чтобы быть дѣйствительно республикой, а не грубымъ обманомъ, необходимо обезпечить каждому гражданину такія матеріальныя условія жизни, при которыхъ онъ могъ бы сохранить свободу и достоинство и обладать достаточнымъ досугомъ для выполненія своей гражданской функціи».

Но одно законодательное дѣйствіе безсильно привести къ торжеству соціальной справедливости. Отдавая дань синдикалистскимъ идеямъ, сильонисты утверждаютъ, что было бы безуміемъ расчитывать на государство для реализаціи соціальныхъ преобразованій. Такія преобразованія могутъ быть результатомъ самодѣятельности гражданъ, ибо государство, по своей природѣ, консервативно.

Поэтому, «рядомъ съ законодательнымъ дѣйствіемъ, необходимо дѣйствіе экономическое, съ его двумя инструментами: синдикатомъ и коопераціей».

Свои соціальные взгляды «сильонисты» точно формулировали въ рядѣ резолюцій, принятыхъ ихъ конгрессами. И характерно, что въ нихъ они умышленно говорятъ языкомъ, приближающимъ ихъ къ крайнимъ теченіямъ общественной мысли.

Первая резолюція, касающаяся синдикальнаго вопроса, показываетъ, что въ этой области «сильонисты» порываютъ не только съ соціальнымъ католицизмомъ стараго толка, но и съ христіанской демократіей.

Ни о смѣшанныхъ союзахъ, ни даже о союзахъ хозяевъ и рабочихъ, объединенныхъ общими коммиссіями, здѣсь нѣтъ ужъ рѣчи.

«Конгрессъ, говорится въ резолюціи, убѣжденный, что дѣйствительное разрѣшеніе соціальныхъ проблемъ предполагаетъ реорганизацію труда на профессіональныхъ началахъ, предлагаетъ сильонистамъ употребить все свое вліяніе для содѣйствія развитію синдикальнаго движенія».

Въ другихъ резолюціяхъ мы знакомимся съ воззрѣніями сильонистовъ на кооперацію, государство и отечество.

«Что касается коопераціи, то, принимая во вниманіе, заявляютъ сильонисты, что индустріальная коммерческая концентрація является основнымъ фактомъ современной экономической эволюціи, что эта концентрація можетъ приносить выгоды лишь предпринимателямъ капиталистамъ и группамъ соціально-организованныхъ потребителей, что захватъ рынка кучкой капиталистовъ представляетъ постоянную опасность для всѣхъ,—опасность, отъ которой демократія, сознающая свой долгъ и свою силу, обязана избавиться, конгрессъ выражаетъ пожеланіе, чтобы всѣ группы «Сильона» не щадили усилій для развитія коопераціи».

По поводу государства мы читаемъ у нихъ слѣдующее:

«Государство должно быть ничѣмъ инымъ, какъ выраженіемъ живыхъ силъ націи, дисциплинированныхъ и координированныхъ во имя общаго интереса. Поэтому экономическія группировки, какъ синдикатъ и кооперація, должны стремиться къ тому, чтобы превратиться въ основы могущества государства. Наше идеальное государство не поглощаетъ свободныхъ экономическихъ организацій, а, наоборотъ, послѣднія поглощаютъ его».

Кромѣ этого, сильонисты требуютъ вмѣшательства государства въ соціально-экономическія отношенія для защиты интересовъ труда.

Въ вопросѣ объ отношеніи къ отечеству сильонисты пытаются какъ можно ближе подойти къ крайнимъ общественнымъ теченіямъ, обосновывая любопытнымъ образомъ такую позицію.

«Что касается территоріальнаго отечества, защита котораго является для націоналистовъ единственной цѣлью, то мы, со своей стороны, не находимъ современную форму его необходимой и неизмѣнной. Въ эпоху римской имперіи и даже въ средніе вѣка представленіе объ отечествѣ было инымъ, болѣе широкимъ. Весьма вѣроятно также, что быстрое развитіе путей сообщенія, экономическіе и соціальные конфликты и капиталистическіе интересы, основной чертой которыхъ является ихъ интернаціональность, вызовутъ глубокое измѣненіе въ старой концепціи патріотизма. И, по правдѣ говоря, мы не думаемъ, чтобы католицизмъ могъ на это пожаловаться. Вѣдь церковь всегда выступала, какъ всеобщій, т. е. интернаціональный учитель справедливости и любви *).

Каковъ же основной соціальный идеалъ «Сильона», формулирующаго такіе взгляды?

Раньше всего, теоретикъ сильонистовъ утверждаетъ, что режимъ наемнаго труда долженъ быть замѣненъ болѣе справедливымъ соціальнымъ строемъ.

Это утвержденіе—крайне знаменательное. То же самое, какъ помнятъ читатели изъ моей предыдущей статьи о радикализмѣ, утверждаютъ и радикалы.

Намъ ясно обнаруживается такимъ образомъ сила вліянія соціалистической критики капитализма, заставляющей отрекаться отъ наемнаго труда общественныя направленія, которыя стремятся завоевать руководительство демократіей.

Но, осуждая режимъ наемнаго труда, «саларіатъ», сильонисты, подобно радикаламъ, не признаютъ и коллективизма.

Ихъ идеалъ наиболѣе прогрессивныхъ общественныхъ отношеній, въ общемъ, тождественъ съ таковымъ же идеаломъ радикализма. Сильонисты лишь больше подчеркиваютъ элементъ ассоціи и, кромѣ этого, обращаются усиленно съ проповѣдью своего идеала къ имущимъ классамъ.

---

*) Marc Sangnier „Le Sillon etc“ стр. 64—65.

Всякія попытки примирить пролетаріевъ съ ихъ современнымъ положеніемъ путемъ словесной пропаганды идей соціальнаго мира, путемъ филантропіи и т. п. заранѣе обречены на неудачу,—говорятъ они имъ.—Рабочій классъ настроенъ теперь воинственно противъ хозяевъ,—онъ ненавидитъ филантропію, онъ хочетъ борьбы. Но должны ли хозяева вступить въ борьбу, практикуя при этомъ правило «зубъ за зубъ», какъ предлагаютъ нѣкоторые? Отнюдь не должны. Это можетъ привести лишь къ потрясеніямъ и разрушенію общества. Принять такую тактику—вредно и нецѣлесообразно. Есть другая тактика.

«Кто изъ васъ,—говоритъ Санье, обращаясь къ патронамъ,—кто изъ васъ станетъ отрицать за рабочимъ право стремиться въ свою очередь къ патронату? Кто изъ васъ можетъ помѣшать пролетарію, желающему подражать вашему благородному (sic) примѣру? А если доказано, что развитіе современной индустріи не даетъ возможности изолированному пролетарію сдѣлаться собственникомъ, что онъ долженъ прибѣгнуть для этой цѣли къ коллективной организаціи, то вы согласитесь тогда, что, если мы желаемъ помочь ему, то должны обратиться къ посредству коллективно организованнаго патроната».

Основная ошибка революціоннаго синдикализма, утверждаетъ Санье, заключается въ томъ, что онъ презираетъ патронатъ. Синдикализмъ, наоборотъ, долженъ былъ бы уважать его, требуя и для синдикатовъ права превратиться въ владѣльцевъ индустріальными предпріятіями.

«И тогда изъ среды хозяевъ, какъ и изъ среды рабочихъ, вышли бы піонеры новой цивилизаціи, піонеры желающихъ не разрушать патронатъ, а, наоборотъ, *умножить число патроновъ*, превративъ пролетаріевъ въ собственниковъ» *).

Санье предлагаетъ такимъ образомъ работодателямъ организоваться параллельно съ рабочими для того, чтобы коллективными усиліями помочь послѣднимъ превратиться въ собственниковъ и тѣмъ самымъ упрочить навсегда режимъ частной собственности, ибо собственность, даже синдикальная, все же является собственностью частной и противоположна общественной.

Такимъ путемъ, утверждаютъ сильонисты, можно будетъ рѣшить мирно соціальный вопросъ, и притомъ такъ удачно, что и волки будутъ сыты и козы цѣлы: патроны останутся патронами, но и рабочіе не будутъ уже пролетаріями.

Нельзя сказать, чтобы здѣсь было много ясности. Да и уничтоженія саларіата тутъ не видно. Вѣдь, если патроны останутся патронами и не раздадутъ своихъ капиталовъ, не ликвидируютъ всѣхъ своихъ предпріятій, — этого имъ сильонисты не предла-

*) Marc Sangnier „A propos de la barricade" стр. 234. Sillon. Mars. 1910.
**) Тамъ же.

гаютъ,—то кто-нибудь долженъ будетъ на нихъ работать. Значитъ, останется и наемный трудъ...

Но мы не станемъ подробно разбирать соціальные взгляды «Сильона»,—это выходитъ изъ предѣловъ нашей задачи...

Если мы теперь попытаемся срезюмировать основное содержаніе программы «Сильона», то оно сводится къ слѣдующему.

Примиреніе республики съ католицизмомъ и католиковъ съ республикой, государственное вмѣшательство въ интересахъ труда, содѣйствіе развитію синдикальнаго и кооперативнаго движенія, преобразованіе государства на базисѣ экономическихъ организацій, интернаціонализмъ, хотя не вполнѣ опредѣленно формулированный, уничтоженіе саларіата и замѣна его общественнымъ строемъ, основанномъ на синдикальной собственности хозяевъ и рабочихъ.

Всю эту программу сильонисты обосновываютъ соображеніями, выведенными изъ принциповъ католицизма (нѣкоторые изъ этихъ соображеній приводились выше), доказывая вмѣстѣ съ этимъ, что ея осуществленіе создастъ истинно-христіанское общество. Ибо вмѣсто борьбы и розни оно приведетъ къ установленію мира и братства въ общественныхъ отношеніяхъ.

Но демократическій блескъ программы «Сильона» сразу тускнѣетъ, когда мы знакомимся съ его отношеніемъ къ церкви, отношеніемъ, выражающимся въ безусловномъ подчиненіи церковной іерархіи. «Церковь непогрѣшима, — пишетъ Санье, — и миссія ея проповѣдывать догмы и хранить мораль. Мы принимаемъ съ покорностью эти догмы и эту мораль. Мало этого, въ церкви имѣются авторитетъ и іерархія,—мы имъ подчиняемся съ уваженіемъ и съ любовью» *). И замѣтьте, что это подчиненіе церковнымъ авторитету и іерархіи не ограничивается областью вѣры.

«Церковь имѣетъ безусловное право контроля,—пишетъ въ другомъ мѣстѣ Санье.—Церковь—хранительница морали, а мораль неотдѣлима отъ соціальныхъ и политическихъ вопросовъ» **).

Нужно ли доказывать, что *безусловное* подчиненіе чужому авторитету и чужой іерархіи въ соціально-политической дѣятельности исключаетъ основное условіе всякой демократіи: свободное самоуправленіе.

Мы не говоримъ уже о томъ, что такое подчиненіе создаетъ непреодолимую преграду для развитія свободной мысли и свободной критики, безъ чего не возможенъ никакой демократическій прогрессъ.

---

*) M. Sangnier «Le Sillon etc.», стр. 22.

**) См. «L'Eveil Democratique» № отъ 27 марта 1910 г.

VI.

Переходя къ практической дѣятельности «Сильона», необходимо указать раньше всего, что организація его не носитъ характера политической партіи.

«Мы не выступаемъ на аренѣ непосредственной политической борьбы,—пишетъ Санье.—Мы полагаемъ, что современная политика, требующая защитительныхъ дѣйствій, оказалась бы вредной для нашей подготовительной работы и задавила бы подъ своей тяжестью нашу соціальную дѣятельность, которая приведетъ въ будущемъ къ выработкѣ точной программы законодательныхъ реформъ, результатомъ которыхъ будетъ именно политическое обновленіе» *).

Иными словами, сильонисты не желаютъ принимать участіе въ политической борьбѣ, такъ какъ такое участіе вынудило бы ихъ, какъ католиковъ, выступить для защиты ближайшихъ интересовъ церкви вмѣстѣ съ консерваторами и реакціонерами противъ демократіи.

Это разрушило бы всѣ планы «Сильона». Результаты его кампаніи противъ «свѣтскихъ законовъ» явились для него въ этомъ отношеніи хорошимъ урокомъ.

Вотъ почему «Сильонъ» придерживается иной тактики, надѣясь путемъ широкой пропаганды своихъ идей укрѣпить свое вліяніе въ массахъ и затѣмъ ужъ при наличности серьезныхъ шансовъ успѣха выступить, какъ политическая организація.

Пока же планъ дѣятельности «Сильона» заключается въ слѣдующемъ.

«Сильонъ» организуетъ кружки пропагандистовъ. Пропагандисты изъ этихъ кружковъ направляютъ свои усилія для завоеванія общественнаго мнѣнія въ пользу сильонистскихъ идей, выступая въ открываемыхъ «Сильономъ» народныхъ университетахъ и на созываемыхъ имъ митингахъ и собраніяхъ.

Кромѣ этого, каждый сильонистъ обязанъ вступать въ синдикаты, кооперативы, общества взаимопомощи и т. п. и въ нѣдрахъ этихъ организацій вести неустанную проповѣдь сильонизма и вербовать большинство для проведенія тактики, согласной съ принципами «Сильона».

«Такимъ путемъ,—пишетъ Санье,—мы пустимъ корни въ народной средѣ, покажемъ на дѣлѣ соціальную цѣлесообразность католицизма и начнемъ организовывать вокругъ себя будущее общество» **).

Сильонисты высказываются противъ образованія самостоятель-

---

*) Marc Sangnier «Le Sillonete», стр. 28—29.

**) Тамъ же. Стр. 23—24.

ныхъ сильонистскихъ синдикатовъ, кооперативовъ и вообще всякаго рода экономическихъ союзовъ. Такой образъ дѣйствій они считаютъ вреднымъ, такъ какъ это отдѣлило бы ихъ отъ широкой массы, въ которую они желаютъ проникнуть. Поэтому членовъ «Сильона» можно встрѣтить теперь, между прочимъ, въ рядахъ многихъ синдикатовъ, примыкающихъ къ Генеральной Конфедераціи Труда.

И въ большинствѣ случаевъ синдицированные сильонисты стараются не отставать отъ своихъ товарищей революціонеровъ во время забастовочной борьбы. Отчасти, впрочемъ, это объясняется тѣмъ, что въ подобныхъ случаяхъ тѣхъ и другихъ объединяютъ общіе экономическіе интересы.

Самъ вождь «Сильона», Санье, старается при каждомъ удобномъ случаѣ показать себя прогрессивнымъ общественнымъ дѣятелемъ, поскольку это не идетъ въ разрѣзъ съ интересами католицизма. Такъ, онъ выступалъ между прочимъ на митингахъ протеста, устраивавшихся во Франціи по поводу погромовъ въ Россіи и по поводу русскихъ займовъ...

Организація «Сильона» насчитываетъ въ настоящее время, кромѣ пропагандистскихъ кружковъ и народныхъ университетовъ, имѣющихся въ цѣломъ рядѣ городовъ, еще соціальное бюро и генеральный секретаріатъ, гдѣ сосредоточиваются всѣ необходимыя свѣдѣнія для дѣятельности сильонистовъ.

Кромѣ этого, при «Сильонѣ» существуетъ такъ называемая «молодая гвардія», задача которой—наблюденіе за порядкомъ на собраніяхъ, охрана сильонистскихъ ораторовъ, которыхъ иногда не совсѣмъ дружелюбно принимаютъ, наконецъ, распространеніе сильонистской литературы.

«Сильонъ» издаетъ также двухнедѣльный журналъ «Le Sillon» и еженедѣльную газету «L'Eveil Democratique».

Послѣдняя газета, какъ утверждаютъ ея руководители, насчитываетъ 50.000 подписчиковъ.

Въ скоромъ времени «Сильонъ» начнетъ также издавать ежедневный органъ—«Democratie». Дѣятельность «Сильона» пока развивается прогрессирующимъ темпомъ.

Къ нему между прочимъ присоединилось много молодыхъ священниковъ и не мало интеллигентовъ: профессоровъ, врачей, адвокатовъ.

Что касается рабочей среды, то тамъ, за рѣдкими исключеніями, вліяніе «Сильона» пока весьма слабо.

Въ заключеніе нѣсколько словъ о томъ, какъ относится къ «Сильону» церковь.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ папа далъ аудіенцію Марку Санье и отнесся къ нему очень благосклонно. Среди французскаго же епископата, по поводу сильонистской дѣятельности, въ особенности въ послѣднее время, возникли большія разногласія. Часть

епископовъ во главѣ съ архіепископомъ города Бордо, кардиналомъ Андріэ, считаетъ дѣятельность «Сильона» вредной и опасной,—другая же часть, группирующаяся вокругъ архіепископа города Альби, Миньо, одобряетъ эту дѣятельность.

VII.

Папа Пій X, принимая делегацію сильонистовъ, обратился къ ней съ слѣдующей рѣчью.

«Когда вы вернетесь на родину и снова приметесь за свою общественную работу, вы неизбѣжно встрѣтитесь на аренѣ вашихъ выступленій съ другими католиками, такими же убѣжденными, какъ и вы, но примѣняющими другіе способы дѣйствія. Вы не будете считать ихъ своими противниками,—вы отнесетесь къ нимъ, какъ къ братьямъ. Помните, что, не смотря на всѣ ваши разногласія, *вы боретесь во имя общей цѣли.* И мы поэтому даемъ вамъ всѣмъ одинаковое благословеніе. Ибо всякая армія составлена изъ различныхъ категорій войска: изъ пѣхоты, кавалеріи и артиллеріи; но всѣ эти категоріи, различаясь существенно между собою, должны осуществлять одну и ту же основную задачу». При оцѣнкѣ теченій соціальнаго католицизма необходимо всегда помнить эти слова.

Они подтверждаютъ то, что я нѣсколько разъ подчеркивалъ на протяженіи настоящей статьи. Такъ какъ общая цѣль «различныхъ категорій войска» соціально-католической арміи—возстановленіе господства церкви въ народной жизни,—то, какъ бы глубоко и искренно ни считали себя демократами передовые солдаты соціальнаго католицизма, объективно это движеніе представляетъ собою попытку остановить побѣдоносное развитіе человѣческаго разума, попытку снова вдвинуть его въ желѣзные тиски авторитета и догмы, изъ которыхъ онъ высвободился лишь послѣ такихъ долгихъ и невѣроятно трудныхъ усилій.

Передъ этимъ основнымъ фактомъ характеръ средствъ борьбы тѣхъ или иныхъ фракцій соціальныхъ католиковъ получаетъ второстепенное значеніе.

Но во Франціи, благодаря ея историческимъ и политическимъ условіямъ, названныя попытки не могутъ привести даже къ временной побѣдѣ.

Мы видѣли, что ни соціальный католицизмъ стараго типа, ни христіанская демократія не оправдали тѣхъ надеждъ, которыя на нихъ возлагали.

Не надо быть большимъ пророкомъ, чтобы предсказать «Сильону», еще не охватившему пока всей доступной ему сферы вліянія, что его ждетъ такая же участь, точно также, какъ и всякую партію или направленіе, которыя выступятъ подъ знаменемъ католицизма.

Не надо забывать прежнюю роль католической церкви во Франціи.

Церковь эта слишкомъ давила и угнетала народъ, слишкомъ долго выступала рука объ руку съ эксплуататорами всѣхъ видовъ и ранговъ, чтобы масса теперь повѣрила вдругъ въ ея народолюбіе, въ народолюбіе и демократизмъ ея защитниковъ.

И французская масса имъ дѣйствительно не вѣритъ, она видитъ въ нихъ лишь волковъ, временно нарядившихся въ овечью шкуру.

Не надо забывать также тѣхъ огромныхъ успѣховъ, которые сдѣлала во Франціи свободная мысль за послѣдніе сорокъ лѣтъ.

Постоянное одобреніе, которое получала отъ страны антиклерикальная политика республиканскихъ правительствъ,—мало этого необычайный энтузіазмъ, который вызывала эта политика, являются лучшимъ тому доказательствомъ.

Необходимо, наконецъ, принять во вниманіе, что соціальный католицизмъ всѣхъ оттѣнковъ въ силу своей христіанской морали любви и *покорности*, а также въ виду нежеланія отдалить отъ церкви господствующія соціальныя группы, вынужденъ проповѣдывать единеніе классовъ.

А въ настоящее время, при все сильнѣе разгорающемся во Франціи пламени междуклассовыхъ конфликтовъ, такая проповѣдь не можетъ встрѣтить сочувствія ни съ одной, ни съ другой стороны...

Но если мы смѣло можемъ предсказать неудачу даже самому крайнему направленію соціальнаго католицизма, то все-таки весь онъ, въ своей совокупности, представляетъ интересъ и на немъ стоило остановиться. Его эволюція самымъ яснымъ и убѣдительнымъ образомъ иллюстрируетъ взаимоотношеніе силъ въ борьбѣ стараго и новаго міра. И то обстоятельство, что защитники перваго вынуждены въ погонѣ за успѣхомъ дѣлать все большія и большія уступки въ пользу идеаловъ второго, показываетъ неоспоримо, на чьей сторонѣ дѣйствительная мощь и кому предстоитъ полная и окончательная побѣда...

Е. Сталинскій.

Бласко Ибаньесъ.

(Окончаніе).

V.

Мы видѣли отношеніе испанскаго романиста къ «непредолимымъ» препятствіямъ. Посмотримъ, что онъ говоритъ о препятствіяхъ «преодолимыхъ», поставленныхъ на пути человѣчества отчасти природой, но больше всего самими же людьми. Бласко Ибаньесъ дѣлитъ эти препятствія на три категоріи. Испанцамъ приходится перешагнуть по пути къ счастью черезъ три барьера,—говоритъ романистъ:—черезъ неустройства политическія и соціальныя и черезъ «черный рубежъ» (самый трудный).

Достиженіе политической свободы ставится теперь въ Испаніи въ первую голову всѣми прогрессивными партіями, отъ самыхъ умѣренныхъ до самыхъ крайнихъ. Дѣло это представляется испанцамъ неизмѣримо болѣе легкимъ, чѣмъ лѣтъ 40—45 тому назадъ. Мнѣ приходилось уже писать про любопытныя политическія условія, сложившіяся въ Испаніи. Мы, съ одной стороны, имѣемъ бумажную конституцію, крайне либеральную, а съ другой—«кацикизмъ» и вмѣшательство администраціи въ выборы и въ дѣла мѣстнаго самоуправленія. Мы имѣемъ свободу печати, дающую возможность появленія въ большихъ городахъ такихъ періодическихъ изданій со «страшными» названіями, какъ «El Motín» (Мятежъ), La Rebeldia» (Возстаніе), «El Defansor» (Защитникъ), «El Pueblo» (Народъ). Все это изданія—республиканскія. Чтобы познакомить съ ихъ характеромъ, приведу выдержки изъ одной статьи. Называется она «Necesidad de la revolución» (Необходимость революціи) *).

«Настоящій моментъ очень серьезенъ и крайне благопріятенъ для того, чтобы люди, одушевленные общественнымъ благомъ, ринулись въ борьбу. Положеніе дѣлъ до такой степени обострилось, что не только одинъ пролетаріатъ, но всѣ рѣшительно соціальные классы жаждутъ радикальной перемѣны государственнаго строя. Монархія болѣе не имѣетъ жизненныхъ силъ. Она не въ состояніи обновиться, чтобы стать исполнительницей воли народа, стремящагося къ свѣту. Вслѣдствіе этого совершенно безполезно просить у монархіи уступокъ въ области свободы. Совершенно безполезно поручать современному правительству дѣло исправленія политическаго строя. Ибо церковь, въ рукахъ которой фактически находятся судьбы нашей націи, не допуститъ, чтобы свобода была

*) «El Pueblo», 22 de Junio 1910.

декретирована законами. Церковь отлично знаетъ, что всякій законъ подобнаго рода является покушеніемъ на привилегіи, захваченныя ею. Людямъ, которымъ дѣйствительно дорога свобода, не слѣдуетъ думать о томъ, чтобы подпереть старое, разрушающееся зданіе новыми избирательными законами, устраняющими «кацикизмъ». Защитники свободы должны идти впередъ, не взирая ни на какія препятствія, перешагнуть черезъ пропасти и побѣдить всѣ коалиціи между монархистами и клерикалами. Они обязаны осуществить миссію, порученную имъ прогрессомъ. Не смотря на то, что испанскій народъ жаждетъ свободы и желаетъ исчезновенія современнаго режима, свобода,—эта заря полнаго дня, который намъ такъ необходимъ,—повидимому, теперь удаляется отъ насъ. Вмѣсто нея впередъ еще болѣе выступаютъ іезуиты. *)... Подготовимъ всѣхъ путемъ революціонной пропаганды. Пусть столкновенія сторонниковъ республики и монархіи станутъ все болѣе и болѣе острыми, покуда дряхлая монархія не падетъ подъ напоромъ новыхъ силъ». Заканчивается статья такъ: «Революція во имя свободы необходима, но революція великая, творческая, которая окончательно ликвидировала бы старый режимъ. Революція, которая не созидаетъ, а только разрушаетъ, снова открыла бы путь іезуитизму».

Какъ видите, въ Мадридѣ, въ Валенціи и въ Севильѣ, гдѣ выходитъ El Pueblo, свобода печати не пустой звукъ. На ряду съ этимъ однако возможны случаи въ родѣ того, о которомъ недавно разсказалъ El Radical. Въ Сантандерѣ, гдѣ введена усиленная охрана, выходитъ маленькая газетка. Она помѣстила замѣтку, приблизительно, слѣдующаго характера. (Цитирую по памяти).

«Въ Россіи недавно смѣстили губернатора за то, что онъ подписывалъ, не читая, всѣ предложенныя ему бумаги. Разъ подчиненные поднесли ему бумагу, въ которой говорилось: «Симъ объявляю, что я совершенно не пригоденъ и не способенъ для губернаторскаго поста». Начальникъ губерніи, по своему обыкновенію, подмахнулъ бумагу, не читая ее. Бумага дошла до предсѣдателя совѣта министровъ, и губернаторъ былъ смѣщенъ». Замѣтка заканчивалась глухимъ намекомъ на то, что блаженно (benitomente) невинные въ дѣлахъ губернаторы имѣются не въ одной Россіи. Губернаторъ Сантандера, Benoto, усмотрѣлъ въ послѣдней фразѣ намекъ на себя и приговорилъ редактора за «компрометированіе власти» къ штрафу въ 500 песетасъ.

Испанцы знаютъ, что престолы не прочны, что первое народное движеніе унесетъ непопулярную монархію. Связи между династіей и народомъ давно уже порваны. Республиканская партія быстро растетъ. На послѣднихъ выборахъ она выставила въ Мадридѣ шесть кандидатовъ. т. е. столько, сколько есть депутатскихъ мѣстъ въ столицѣ. Во главѣ этихъ кандидатовъ стоялъ знаменитый рома-

---

*) Мы дальше увидимъ, что имѣетъ въ виду испанская газета.

нистъ Бенито Пересъ Гальдосъ; потомъ мы находимъ здѣсь вождя свободныхъ мыслителей въ Испаніи доктора Хосе Марія Эскердо, рабочаго вождя Пабло Инглесіасъ и «соціальныхъ реформаторовъ» (пользуюсь англійской терминологіей), хорошо извѣстныхъ въ Испаніи—Родриго Соріано и Рафаэля Салильяса. «Жители Мадрида,—говорилось въ выборномъ воззваніи республиканцевъ,—выбирайте между безполезными представителями монархіи и между выразителями дѣйствительной воли народа». «Если всѣ граждане нашей столицы, ненавидящіе порядокъ, введенный правительствомъ, которое опозорило насъ въ іюлѣ прошлаго года (когда былъ разстрѣлянъ Ферреръ), проявятъ свое чувство 8 мая (въ день выборовъ), дѣяніе это будетъ прославлено всѣмъ испанскимъ народомъ и послужитъ грознымъ напоминаніемъ для монархіи»,—писала не задолго до выборовъ радикальная газета. *)... «Потерпитъ ли населеніе Мадрида, чтобы прошли сторонники стараго режима? Допуститъ ли оно, чтобы его считали за сторонника монархіи, реакціи и клерикализма, когда оно, въ дѣйствительности, противъ короны и радикально во всѣхъ отношеніяхъ?.. Будетъ постыдно и позорно, если представителями столицы явятся люди, одобрявшіе убійство Феррера и разбойничью политику въ Мелильѣ». И Мадридъ послалъ въ конгрессъ только республиканцевъ. То же самое повторилось во всѣхъ большихъ, культурныхъ городахъ, гдѣ администрація не смѣла вмѣшиваться въ выборы. Мало того, во многихъ сельскихъ округахъ, какъ, напримѣръ, въ Андалузіи, Аррагоніи и Валенціи прошли республиканцы, не смотря на совмѣстныя усилія администраціи, духовенства и «касиковъ».

Необходимость устраненія политическихъ препятствій не приходится особенно сильно доказывать въ Испаніи. Республиканская партія имѣетъ много сторонниковъ среди массъ. Въ прошлой статьѣ я указывалъ на отраженіе этого явленія въ литературѣ. Бласко Ибаньесъ далъ намъ нѣсколько подобныхъ типовъ. Таковъ тореадоръ Себастіанъ, по прозвищу El Nacional (Sangre y arrena), таковъ продавецъ газетъ донъ Мигуэль (La Horda). Клерикальная партія говоритъ постоянно, что за нее «весь народъ», подразумѣвая подъ этимъ крестьянъ. Въ дѣйствительности, консервативная партія безусловно можетъ разсчитывать теперь только на невѣжественныхъ басковъ.

Поэтому, быть можетъ, Бласко Ибаньесъ сравнительно мало касается въ своихъ произведеніяхъ «устранимыхъ препятствій» политическаго характера. За устраненіе этихъ препятствій онъ выступаетъ не столько въ своихъ романахъ, сколько въ парламентѣ, гдѣ онъ является республиканскимъ депутатомъ отъ родной Валенціи.

---

*) Espana Nueva, 30 de mayo 1910.

VI.

Гораздо больше вниманія романистъ удѣляетъ соціальному закрѣпощенію. Въ Испаніи мы находимъ тѣ же экономическіе вопросы, которые поставлены ребромъ въ остальныхъ странахъ. Въ прекрасной Андалузіи, гдѣ, по увѣренію поэтовъ, всѣ только пляшутъ и поютъ, въ грозной формѣ выдвинутъ земельный вопросъ. Газеты тамъ много говорятъ про тяжелое положеніе странствующихъ сельскихъ работниковъ, про массовую эмиграцію въ южную Америку цѣлыхъ деревень, вслѣдствіе земельнаго голода, тогда какъ въ Андалузіи имѣются громадныя пространства земли, изъ которой помѣщики не умѣютъ извлечь пользы. Въ Валенціи мы опять видимъ земельный вопросъ, но только въ другой формѣ. Въ Андалузіи земля принадлежитъ немногимъ помѣщикамъ, обрабатывающимъ ее кое-какъ при помощи странствующихъ рабочихъ. Въ Валенціи чиншевики превратили всю провинцію въ сплошной садъ (huerta). Трудно представить себѣ что-нибудь болѣе красивое, чѣмъ померанцевые, гранатовые и оливковые сады въ окрестностяхъ Валенціи. Использованы скалы, обожженныя солнцемъ, и болотныя низины. Всюду растетъ что-нибудь, какъ разъ подходящее для даннаго мѣста. Гдѣ остается между деревьями аршинъ свободной земли, тамъ растутъ розы, гвоздики, лиліи, отправляемыя на цвѣточный рынокъ въ Валенцію. «Huerta»—почти идеалъ человѣческаго трудолюбія, настойчивости и любви къ землѣ. Но съ ростомъ города повышается пропорціонально и арендная плата. И крестьяне изъ «huertas» жадно знакомятся теперь съ экономическими теоріями, доказывающими, что земля принадлежитъ тому, кто работаетъ на ней, тому, кто своимъ трудолюбіемъ превратилъ голую скалу въ виноградникъ, а стоячее болото, поросшее очеретомъ, въ рисовое поле или въ плантацію сахарнаго тростника. Три романа Бласко Ибаньеса посвящены жизни крестьянъ.

Въ испанскихъ большихъ городахъ выдвигаются вопросы, созданные эксплуатаціей труда. Капитализмъ въ Испаніи сравнительно новое явленіе. Въ своемъ первомъ романѣ «Arroz y Tartana» Бласко Ибаньесъ описываетъ трагическую гибель небольшихъ производствъ въ Валенціи подъ вліяніемъ столкновенія съ иностраннымъ капиталомъ и происшедшую въ связи съ этимъ перемѣну въ характерѣ города.

«Здѣсь, въ этихъ опустѣвшихъ мастерскихъ,—объясняетъ своему племяннику донъ-Хуанъ,—были богатство и слава Валенціи. Здѣсь работали velluters (ткачи на шелковыхъ фабрикахъ). По своимъ привычкамъ они были олицетвореніемъ педантизма, но они являлись также вѣрными хранителями старинныхъ преданій. То были тѣ веселые, умѣренные во всемъ, жизнерадостные валенціанцы,

которые теперь почти исчезаютъ. Что за люди то были! Они, Хуанито, имѣли свои недостатки; но, тѣмъ не менѣе, я охотно обмѣнялъ бы молодежь на стариковъ. Характеръ ткачей былъ деликатенъ и нѣженъ, какъ шелкъ. Вслѣдствіе привычки къ трудной, тщательной и сложной работѣ, ткачи были рачительны во всемъ и такъ добросовѣстны, что на этой почвѣ создалась даже такая легенда. Говорятъ, во время религіозной процессіи, въ которой, по обыкновенію, принимали участіе gremios (цехи), одинъ изъ участниковъ остановилъ процессію, чтобы поднять упавшую блестку съ плаща. Послѣдній принадлежалъ цеху, т. е. составлялъ общественную собственность. Это смѣшно, но меня это приводитъ въ восторгъ. Среди такихъ людей нечего было бояться обмана. Между хозяевами и мастерами существовало тогда полное довѣріе. Ткачъ поступалъ ученикомъ въ какую-нибудь мастерскую и оставлялъ ее только тогда, когда его отвозили на кладбище. Всѣ наши ткачи помнили меня еще ребенкомъ. Мы жили одной большой семьей. Что за время было тогда»!

«И донъ-Хуанъ, одушевленный своими воспоминаніями про былыя времена, выкатывалъ глаза какъ бы для того, чтобы лучше видѣть прекрасную картину минувшаго.

— Теперь,—продолжалъ донъ-Хуанъ,—нервно стуча рукой по станку,—все мертво по винѣ проклятаго Ліона. Французы, чтобы имъ провалиться! разорили насъ своими діавольскими машинами. Теперь въ huertas (садахъ) больше не разводятъ тутовыхъ деревьевъ. Въ домикахъ чиншевиковъ (las barracas) забыты даже тѣ времена, когда выкармливали шелковичныхъ червей и собирали коконы. Погибла промышленность! Нѣтъ, не промышленность даже, а искусство, которое мы, христіане, унаслѣдовали отъ нашихъ предковъ, мавровъ. И въ этомъ состоитъ прогрессъ? Въ томъ, что одинъ народъ отнимаетъ у другого средства къ существованію? Если такъ, то плевать хочу на защитниковъ прогресса».

«И старикъ, сдержанный до тѣхъ поръ, сильно оживился, какъ бы стараясь жестами выразить всю силу своей ненависти къ прогрессу.

— Ты не думай, что я ужъ такой безусловный защитникъ всего прошлаго,—прибавилъ старикъ, какъ бы извиняясь. — Мнѣ, напримѣръ, очень нравится, что теперь въ Мадридъ можно попасть меньше чѣмъ въ одинъ день, тогда какъ раньше требовалось девять. И какихъ мучительныхъ! Меня приводитъ въ ярость, что сеньоръ Прогрессъ въ своемъ стремленіи революціонизировать все, разгромилъ и хорошее въ своемъ родѣ. Я не сказалъ бы ни слова, если бы издѣліе шелковыхъ тканей выиграло что-нибудь отъ нашего разоренія; но меня приводитъ въ ярость, что побѣдили совсѣмъ не лучшіе товары. Наши ткани вытѣснены дешевкой, обманомъ! Гдѣ теперь тѣ шелковыя матеріи изъ самаго чистаго матеріала, которыя нельзя было пробить ударомъ кинжала? Гдѣ тотъ бархатъ,

который переходилъ отъ бабушки къ внучкѣ въ такомъ видѣ, какъ будто только что снятъ со станка? Все это отошло въ область преданія. Теперь всюду проникаетъ только ліонскій шелкъ, на которомъ слѣдовало бы прикрѣпить ярлыкъ: «смотри, но не трогай». Шелкъ этотъ наполовину состоитъ изъ бумаги. Онъ выдерживаетъ лишь годъ. И этой дрянью такъ гордятся дамы!» *).

Въ тѣхъ округахъ Испаніи, куда нахлынулъ внезапно капиталъ, какъ, напримѣръ, въ Бильбао, можно наблюдать такія же сцены, какъ въ лагеряхъ пріискателей. Люди разбогатѣли съ головокружительной быстротой. Деньги внезапно выбили новыхъ капиталистовъ изъ старыхъ привычекъ, сложившихся вѣками. Новые богачи рѣшительно ума не приложатъ, что сдѣлать со своими деньгами. И послѣдствіемъ являются нравы, описанные Бласко Ибаньесомъ въ его романѣ «El Intruso». «Докторъ зналъ сыновей новыхъ богачей, не знавшихъ другого занятія, кромѣ переодѣванія восемь разъ на дню въ новое платье. Другіе безцѣльно мчались по улицамъ Бильбао въ автомобиляхъ, останавливались у дома, гдѣ жили знакомые, а затѣмъ мчались снова, подгоняемые смертельной скукой» **). Отъ скуки и отъ полной неспособности придумать что-нибудь болѣе интересное, новые капиталисты, стремительно разбогатѣвшіе на желѣзныхъ рудникахъ Бильбао, изобрѣтали спортъ въ родѣ слѣдующаго.

— Они интересовались вопросомъ, кто больше можетъ съѣсть молочнаго супа: голодныя гончія или забойщики. Послѣдніе представляли собою дюжихъ парней изъ Кастиліи съ бездонными желудками, повидимому, никогда не знавшими насыщенія. Всѣ праздные люди округа сошлись, чтобы посмотрѣть на зрѣлище. Зрители съ ожесточеніемъ бились объ закладъ. Ставились пригоршнями банковые билеты, какъ будто то были не деньги, а бумажки, не имѣющіе никакой цѣнности. Одни ставили на собакъ, другіе—на забойщиковъ. А тамъ наверху, въ каменоломняхъ, шла упорная работа. Стадо оборванныхъ галиційскихъ каменьщиковъ долбило кирками упрямыя скалы. И вотъ подали въ большихъ мискахъ молочный супъ. Голодныя собаки жадно накинулись на пищу и стали лакать ее, боясь остановиться хоть на мгновеніе. Казалось, что чашки супа исчезаютъ въ брюхѣ голодныхъ собакъ, какъ письма, опускаемыя въ почтовый ящикъ. Забойщики между тѣмъ ѣли медленно, не торопясь. И такъ прошло нѣсколько часовъ.

— И кто выигралъ?—спросили разомъ гости, съ любопытствомъ слушавшіе доктора.

— Кто долженъ былъ выиграть? Люди, конечно. Тотъ, кто поставилъ на нихъ, сказалъ мнѣ потомъ съ философіей деревенскаго обывателя: «Я за моихъ ребятъ былъ увѣренъ. Когда живот-

*) «Arroz y Tartana», paginas 177—179.
**) «El Intruso», p. 211.

ное утолить свой голодъ, оно не можетъ уже больше ѣсть. Что же касается человѣка, то изъ самолюбія онъ будетъ ѣсть, покуда не лопнетъ». И философъ не ошибся, — продолжалъ докторъ; — два забойщика доставили мнѣ потомъ много хлопотъ въ госпиталѣ. Двухъ другихъ черезъ нѣсколько дней свезли потомъ на кладбище *).

Устраиваются пари между двумя рудниками. Каждый выставляетъ своего забойщика. Выигрываетъ тотъ, кто въ опредѣленное время выдолбитъ въ камнѣ наибольшее число дырокъ. На состязаніе съѣзжается не только населеніе рудниковъ, но прибываютъ горожане изъ Бильбао. Ставятся безумныя ставки.

Эксплуатація чужого труда и экономическое порабощеніе теперь только начинаетъ принимать въ Испаніи такой же характеръ, какъ въ остальныхъ капиталистическихъ странахъ. Бласко Ибаньесъ постоянно поднимаетъ въ своихъ романахъ важные соціальные вопросы. Назову романы «La Horda», «Arroz y Tartana», «La Barraca» и др. Въ своихъ произведеніяхъ испанскій романистъ не разъ описываетъ дикія, стихійныя вспышки, обусловленныя грубой эксплуатаціей. Обвалился громадный домъ, выведенный кое-какъ съ цѣлью получить возможно больше денегъ. Каменьщики предвидѣли катастрофу, но продолжали работу, побуждаемые голодомъ и нуждою. И подъ развалинами теперь погибло нѣсколько человѣкъ.

«Возлѣ обломковъ стояли группы людей въ бѣлыхъ блузахъ и женщины съ засученными рукавами. Онѣ только что прибѣжали изъ прачешенъ.

«Всѣ комментировали катастрофу. Слышались гнѣвные крики и проклятія. Наиболѣе смѣлыми и шумными были женщины. Онѣ глядѣли по направленію къ городу, сжимали кулаки и произносили угрозы.

— Разбойники! Грабители! Вы грабите работниковъ, чтобы нажиться! Вамъ дороги только барыши. Что вамъ до того, что люди дохнутъ, какъ собаки!

Затѣмъ женщины напали на мужчинъ, большею частью, каменьщиковъ, прибывавшихъ на работу съ мѣшечками на шеѣ, заключавшими обѣдъ.

— Мямли! И вы теперь еще спокойны!—кричали женщины.— Вы станете терпѣливо ждать, покуда васъ самихъ задавятъ! Если бы мы были мужчинами! Если бы мы могли вмѣшаться въ это дѣло! Было бы совсѣмъ другое!

Каменьщики отвѣчали жестомъ, выражавшимъ отчаяніе. Что дѣлать? У нихъ нѣтъ оружія. Ихъ избиваютъ на улицахъ при малѣйшемъ протестѣ.

— Оружія вамъ надо?—иронически кричали нѣкоторые молодые каменьщики, у которыхъ горѣли глаза отъ возбужденія. —

*) «El Intruso» paginas 125—126.

Зачѣмъ вамъ оно? Оно совершенно безполезно. Чортъ возьми! Надобенъ тутъ динамитъ! Слышите: бомбы и динамитъ! *)

Затѣмъ происходятъ похороны задавленныхъ каменьщиковъ.

«Гробы на плечахъ каменьщиковъ поплыли по морю — изъ головъ работниковъ. Когда Исидро вышелъ изъ мертвецкой вслѣдъ за гробомъ, онъ увидалъ сплошную массу работниковъ въ бѣлыхъ блузахъ, въ шляпахъ и колпакахъ. Толпа стояла стѣной до самаго Толедскаго моста. Когда приближались гробы, всѣ снимали шляпы. На мосту, между двумя каменными пирамидами, похожими на гигантскіе ночные столики, виднѣлась сплошная живая стѣна, состоявшая изъ людей со сверкающими саблями. То полиція загородила путь процессіи. Похоронный кортежъ тѣмъ не менѣе приближался. Женщины, слѣдовавшія за гробами, то плакали, то проклинали, какъ будто палящее лѣтнее солнце вселило безуміе въ ихъ головы съ растрепанными волосами.

— Разбойники! Грабители!—вопили женщины.—Въ Мадридъ! Надо задушить убійцъ!

Другія, какъ древнія плакальщицы, съ трагическимъ жестомъ указывали на гробы. Онѣ никогда не видали дона Хосе (архитектора), но проклинали, тѣмъ не менѣе, теперь его и родню.

— Вотъ какъ поступаютъ на этомъ свѣтѣ съ честными людьми!— голосили женщины. Что за хорошіе люди-то были! И тѣ, которые ихъ убили, теперь набьютъ себѣ карманы! Бѣдные блузники! У васъ отняли жизнь, чтобы другіе могли набить себѣ пузо вкусными кусками!

И вотъ голова похоронной процессіи столкнулась на мосту съ живымъ барьеромъ, устроеннымъ полиціей. Капитанъ вступилъ въ переговоры съ манифестантами. Онъ предложилъ имъ пойти кружнымъ путемъ. Они могутъ слѣдовать берегомъ рѣки, дать кругъ и войти потомъ въ Мадридъ, никого не стѣсняя. Таковъ, впрочемъ, точный приказъ, полученный капитаномъ отъ своего непосредственнаго начальства. Манифестантамъ ни въ коемъ случаѣ не будетъ разрѣшено пройти черезъ Алькала (одна изъ главныхъ улицъ Мадрида). Они могутъ кричать, плакать, вопить сколько угодно. Полиція не допуститъ, чтобы процессія, взывающая къ мщенію, прошла бы по центральнымъ улицамъ, нагоняя страхъ на мирныхъ обывателей.

Надъ сплошнымъ моремъ головъ поднялась палка съ прикрѣпленной къ ней черной тряпкой. То было знамя, символизировавшее гнѣвъ и горе толпы. Оно явилось результатомъ изобрѣтательности подростковъ.

Женщины протестовали противъ распоряженія полиціи и проклинали ее.

— Такъ вотъ какъ поступаютъ съ нами!—кричали онѣ.—Намъ

*) «La Horda», pagina 271.

надо идти задворками, какъ стаду овецъ. Бѣдняжки! Насъ тоже гонятъ въ хлѣвъ! По улицамъ Мадрида можно провозить только трупы богачей, околѣвшихъ отъ обжорства или отъ дурныхъ болѣзней. Улицы—для автомобилей и для каретъ. Для насъ—заднія улицы, потому что отъ насъ скверно пахнетъ! Смерть разбойникамъ! Задушить ихъ надо! Въ Мадридъ! Въ Мадридъ!

И женщины кинулись впередъ, ухватились за носилки, на которыхъ лежалъ гробъ и стали подталкивать рабочихъ, чтобы тѣ прорвали цѣпь полицейскихъ.

Живая стѣна поперекъ моста немного подалась впередъ, но не распалась. Инстинктивно полицейскіе, вложившіе было раньше сабли въ ножны, вытащили ихъ снова, не дожидаясь команды своего начальника.

Въ глазахъ многихъ полицейскихъ виднѣлась досада по поводу того, что капитанъ только теряетъ понапрасну время, ведя переговоры съ манифестантами.

«Надо бить, а не разговаривать!—говорили эти глаза.—Вѣдь именно для нанесенія побоевъ привели сюда военную силу.

«Исидро не зналъ, какъ произошло столкновеніе. Онъ увидѣлъ вдругъ, какъ впереди гроба люди завертѣлись, подобно водѣ въ мельничномъ колесѣ. Послышались крики, раздались удары, производившіе звукъ подобно встряхиваемому платью. Надъ головами толпы сверкнули, какъ бѣлыя искры, тяжелыя сабли. И толпа разорвалась. Люди начали разсыпаться въ разныя стороны. Въ одно мгновеніе появилась та трагическая пустота, которая образуется между тѣми, что бѣгутъ, и тѣми, что бьютъ. На землѣ валялись колпаки. Чернѣло еще тѣло упавшаго работника, пытавшагося подпереть рукой окровавленную голову. Неохотнѣе всѣхъ убѣгали женщины. Нѣкоторыя изъ нихъ время отъ времени останавливались и, подбоченившись, осыпали полицейскихъ ругательствами.

— Негодяи! Разбойники!

Дальше слѣдовалъ потокъ грубыхъ, циничныхъ словъ. Женщины, какъ будто, знали семейную исторію каждаго полицейскаго и теперь швыряли ее ему въ лицо». Женщины останавливали также бѣгущихъ мужчинъ, у которыхъ къ тому же страхъ началъ вытѣсняться гнѣвомъ. «Больше еще, чѣмъ сабельные удары, участниковъ манифестаціи раздражали удары палочные, наносимые какими-то индивидуумами безъ формы. Эти лица вначалѣ шныряли въ толпѣ, прислушиваясь къ разговорамъ отдѣльныхъ группъ. Когда же полиція начала бить работниковъ, неизвѣстные индивидуумы напали на нихъ съ тыла съ палками въ рукахъ. Толпа осыпала проклятіями «секретныхъ», т. е. агентовъ тайной полиціи.

И вотъ группа подростковъ, стоявшая на сосѣднемъ пустырѣ, напала съ дерзостью молодости на полицейскихъ. То были смѣльчаки, появляющіеся внезапно при каждомъ мятежѣ; тѣ уличные

герои, которые восторженно воспѣваются поэтами, когда революція торжествуетъ, и идутъ на каторгу, какъ послѣдніе преступники, когда мятежъ подавленъ.

— Ружья бы!—кричали подростки, какъ будто имѣли какую-нибудь возможность достать оружіе. — Если бы у насъ были ружья!

И въ этомъ восклицаніи чувствовалась сила. Несомнѣнно, эти могли бы восторжествовать надъ непріятелемъ и погнать его до центральныхъ улицъ Мадрида. За недостаткомъ оружія молодежь схватила съ мостовой камни, обломки кирпича, куски заржавленнаго желѣза, старые башмаки. Все это было превращено въ метательное оружіе. Полицейскіе, привыкшіе бить безнаказанно невооруженную толпу, остановились въ нерѣшительности передъ непріятелемъ, который теперь началъ наступать. Раздался звукъ, подобный щелканью бича. Капитанъ выстрѣлилъ изъ револьвера.

— Стрѣлять!—крикнулъ капитанъ и прибавилъ грубое ругательство» .*).

Покуда есть обойденные, имъ безполезно говорить о морали, выработанной состоятельными классами и приспособленной для ихъ пользы. Инстинктъ самосохраненія и стремленіе выбраться на поверхность со дна внушаютъ наиболѣе талантливымъ изъ обойденныхъ другую, звѣриную мораль. И безполезно осуждать ее, покуда существуютъ условія, создающія ее,—говоритъ Бласко Ибаньесъ. Молодой сынъ каменщика, Исидро Мальтрана, богато одаренный и случайно получившій хорошее образованіе, которое, тѣмъ не менѣе, не спасло его отъ самой крайней нищеты,—держитъ на рукахъ своего маленькаго сына. Мать только что умерла въ госпиталѣ.

«Исидро чувствовалъ себя способнымъ ограбить и убить кого-нибудь ради сына. Мальтрана не имѣлъ другого инструмента, кромѣ своего пера, но зналъ теперь, что сдѣлаетъ изъ него кинжалъ, разрывную гранату, нѣчто непреклонное, которое будетъ служить для убійства и грабежа. То, чего онъ, Исидро, не смѣлъ дѣлать ради возлюбленной, онъ совершитъ для сына. Исидро ринется въ самую гущу схватки съ дерзостью наемнаго ландскнехта. Прощайте идеалы, вѣра, энтузіазмъ! Все это иллюзіи! Чистыя иллюзіи. Исидро презиралъ свое недостаточное образованіе и намѣревался теперь воспользоваться имъ, чтобы добыть лучшую плату за свой трудъ. Деньги и власть теперь имѣли новаго наемника. Судьба Мальтрана теперь была рѣшена. Онъ будетъ унижаться, наслаждаться этимъ, продастъ себя въ неволю, лишь бы его сынъ былъ свободенъ. Исидро чувствовалъ свое сходство съ солдатомъ во время штурма крѣпости. Солдатъ падаетъ въ ровъ съ сознаніемъ, что трупъ поможетъ брату по оружію добраться до бреши. Онъ, Исидро Мальтрана, погибнетъ въ грязи, но зато другой Маль-

*) La Horda, paginas 273—275.

трана, идущій за нимъ, пройдетъ побѣдителемъ въ непріятельскую крѣпость по трупу отца!

«И глядя на глазки сына, лишенные покуда всякаго выраженія, Мальтрона мысленно говорилъ ему:

— Малютка, ты пройдешь въ ряды побѣдителей! Я поползу на четвереньках впереди тебя. Я языкомъ вылижу дорогу въ грязи, чтобы ты могъ идти впередъ, не запачкавшись. Не бойся, что я остановлюсь въ пути и что у меня не хватитъ духа? Я тебя не оставлю въ нищетѣ, какъ твою бѣдную мать! Любовь, родившаяся у меня къ тебѣ, выкована изъ желѣза. Я теперь другой. Я... твой отецъ». (*) Мальтрана съ спокойной совѣстью беретъ своеобразный заказъ, который даетъ ему опора клерикальной партіи и будущій министръ, маркизъ де Хименесъ. Маркизу надо, чтобы на него обратили вниманіе въ спеціальныхъ кругахъ. Для этого самымъ подходящимъ онъ считаетъ книгу. Надо было написать основательную, солидную, толстую, ученую книгу, съ массой цитатъ. Но у маркиза «нѣтъ времени» для этого. И вотъ онъ обращается къ Исидро (бывшій воспитанникъ тетки маркиза). Будущій министръ, прежде всего, разсчитываетъ на скромность молодого человѣка. Затѣмъ Исидро, вѣроятно, съ удовольствіемъ возьмется «развивать мысли» титулованнаго заказчика.

«Мое сочиненіе, другъ мой Мальтрана, должно развивать соціалистическіе взгляды... Не пугайтесь, пожалуйста. Оно должно заключать въ себѣ настоящій соціализмъ, примѣнимый въ дѣйствительной жизни. Онъ долженъ соединять требованія нашего времени со священными традиціями, отстаиваемыми нами».

Молодой литераторъ проситъ заказчика изложить тѣ идеи, которыми долженъ руководствоваться при составленіи книги. Мальтрана желалъ бы, чтобы маркизъ намѣтилъ ему основу будущей книги. Но заказчикъ имѣетъ самъ очень смутное представленіе о томъ, чего онъ желаетъ. «Книга,—говоритъ онъ,—можетъ называться Дѣйствительный Соціализмъ; но если вы найдете другое, болѣе красивое заглавіе, то можете смѣло выставить его. Въ этомъ отношеніи у меня нѣтъ авторскаго самолюбія. Поступайте такъ, какъ найдете лучшимъ. Чѣмъ больше вы проявите инициативы, тѣмъ лучше». Сбиваясь постоянно и путаясь, маркизъ объясняетъ, что книга должна явиться гимномъ благотворительности. Надо сказать бѣднымъ, чтобы они чтили богатыхъ. Надо доказать, что и богатые и бѣдные обязаны въ этомъ отношеніи довѣриться церкви, которая вотъ уже много вѣковъ постоянно имѣетъ въ виду интересы трудящихся классовъ. Святой отецъ, въ дѣйствительности, является проповѣдникомъ настоящаго соціализма.

— «Надѣюсь, я вамъ далъ достаточно указаній для того, чтобы

*) *La Horda*, pagina 384—385.

написать книгу,—продолжаетъ маркизъ.—Вамъ остается только написать ее, что уже очень легко. Я самъ бы это сдѣлалъ, но потребуется время, котораго у меня нѣтъ... Книга должна быть толстая, очень толстая. Не бойтесь выйти изъ размѣровъ: на типографскіе расходы я не поскуплюсь. Каждой главѣ должно предшествовать содержаніе. Послѣднее мнѣ всегда нравилось въ книгахъ. Содержаніе придаетъ главѣ характеръ серьезности и методичности. Затѣмъ, я хочу, чтобы внизу каждой страницы были бы примѣчанія, много примѣчаній. Желательно было бы, чтобы послѣдніе занимали столько же мѣста, сколько и текстъ. Всѣ серьезныя сочиненія скрѣплены примѣчаніями. Это тоже свидѣтельствуетъ о серьезности автора и объ его эрудиціи. Надо цитировать возможно больше авторовъ, какъ испанскихъ, такъ и иностранныхъ. Тутъ количество совершенно не можетъ вредить. Надо порыться возможно старательнѣе въ національной библіотекѣ. Если бы только у меня было достаточно времени» *).

И Мальтрана принимается за работу. Книга вполнѣ удовлетворяетъ заказчика: она толстая и скрѣплена многочисленными выдержками изъ книгъ на разныхъ языкахъ. Мальтрана безъ зазрѣнія совѣсти цитируетъ очень часто даже несуществующихъ иностранныхъ авторовъ.

Какъ соціологъ, Бласко Ибаньесъ знаетъ причины, создающія уродливыя и безнравственныя явленія. Какъ оптимистъ, онъ глубоко вѣритъ, что люди въ состояніи, если трудятся, устранить всѣ эти причины и создать себѣ красивую, разумную, счастливую жизнь. Покуда не устранены внѣшнія условія, нѣкоторыя явленія, сами по себѣ отрицательныя, имѣютъ за собою, по его мнѣнію, извѣстныя положительныя достоинства.

Возьмемъ, напримѣръ, фанатическую нетерпимость, которую въ одинаковой степени проявляютъ теперь въ Испаніи, какъ клерикалы и ихъ защитники, такъ и крайніе радикалы. Въ одномъ изъ своихъ романовъ Бласко Ибаньесъ касается послѣдняго явленія.

«Въ нѣсколько лѣтъ не возможно вытравить свирѣпую религіозную нетерпимость, складывавшуюся вѣками,—говоритъ герой романа, докторъ Арести. Въ особенности не возможно это сдѣлать тогда, когда и теперь Испанія не живетъ еще разумной и сознательной жизнью. Въ каждомъ испанцѣ сидитъ до сихъ поръ инквизиторъ (Todo espanolé leva dentro un inquisidor). Достаточно для этого видѣть, какъ послѣ каждаго, самаго ничтожнаго террористическаго покушенія наиболѣе культурные и прогрессивные классы требуютъ вмѣшательства силы и введенія исключительныхъ законовъ. Богатые сочувствуютъ жандармамъ, вводящимъ въ тюрьмахъ пытки и практикующимъ свирѣпый способъ дознанія, употреблявшійся инквизиціей. Бѣдняки, въ свою очередь, восхищаются грубой силой и

*) La Horda, paginh 139—140.

смѣлостью. Они вполнѣ сочувствуютъ методамъ борьбы, опирающейся на бомбы и динамитъ. При каждомъ малѣйшемъ проявленіи неудовольствія, правительство начинаетъ питать отвращеніе къ свободѣ, какъ къ яду. Было время, когда правовѣрные католики представляли доказательства, что въ ихъ жилахъ нѣтъ ни капли еврейской или мавркой крови. Кто изъ испанцевъ можетъ доказать, что въ его жилахъ не течетъ кровь монаха или члена священнаго трибунала»?

И докторъ, побывавшій на многихъ митингахъ, принялся описывать послѣдовательную скалу настроеній массъ. По привычкѣ, безъ энтузіазма, массы аплодируютъ ораторамъ, когда они обличаютъ политическій строй. Короли находятся такъ далеко! Массы думаютъ о нихъ, какъ о бѣдствіи, которое уже почти отошло въ область преданій. Правда, зло еще не исчезло совершенно, но, полагаютъ массы, оно обязательно должно рано или поздно сгинуть безслѣдно. Для этого не потребуются даже большія усилія. Массы интересуются и соціальными вопросами, какъ чѣмъ то положительнымъ, долженствующимъ непосредственно улучшить ихъ матеріальное положеніе. Но, какъ бы краснорѣчиво ораторы ни восхваляли будущій строй, основанный на гармоніи и абсолютной справедливости, испанскіе работники видятъ въ соціализмѣ только средство увеличить на нѣсколько реаловъ свой дневной заработокъ и возможность сократить на часъ или на два рабочій день. Но пусть ораторъ заговоритъ объ іезуитахъ, монахахъ или о священникахъ, и вниманіе толпы моментально захвачено всецѣло. Въ глазахъ загорается огонь ненависти, въ нихъ видна жажда мести. Аплодисменты принимаютъ бурный, бѣшеный характеръ. Толпа сжимаетъ кулаки и ищетъ своего традиціоннаго врага, «чернаго человѣка», властвующаго надъ Испаніей. Стачки рабочихъ, требующихъ лучшей платы, всегда кончаются тѣмъ, что толпа начинаетъ бить камнями церковныя окна. Во время каждой народной манифестаціи непремѣнно освистываютъ монаха или священника, попавшихся по дорогѣ. И когда крестьяне какого-нибудь округа бунтуютъ противъ налоговъ на съѣстные продукты *), дѣло всегда кончается тѣмъ, что сжигаютъ какой-нибудь монастырь. Народъ инстинктивно чуетъ, кто его ближайшій врагъ, съ которымъ необходимо покончить раньше всего при пробужденіи... При малѣйшемъ мятежѣ теперь народъ пытается поджечь зданія, служащія пристанищемъ для представителей ненавистнаго прошлаго. Наступитъ день, когда монастыри будутъ сожжены со всѣмъ населеніемъ. Это будетъ свирѣпо, но логично для страны, въ кото-

---

*) Consumos—одинъ изъ налоговъ, который болѣе всего раздражаетъ испанцевъ. При взиманіи его проявляется особая назойливость. Путешествующаго по Испаніи раздражаетъ постоянно то, что его чемоданъ осматривается не только на границѣ, но и въ каждомъ городѣ для взиманія consumos.

рой людей еще нѣтъ. Люди населяютъ культурныя страны западной Европы. У насъ они еще не народились. Человѣкъ появится только въ обновленной Испаніи. Но нынѣшнему населенію Испаніи, представляющему собою законныхъ потомковъ инквизиторовъ, придется еще много эволюціонировать. Инквизиторы воспитали въ испанцахъ полное презрѣніе къ чужой человѣческой жизни и увѣренность, что ее можно принести въ жертву, разъ того требуетъ вѣра. Почему же жалуются тѣ, которые завтра станутъ жертвой народной ярости, если они сами отравили душу народа, создавая его въ теченіе вѣковъ по образу и подобію своему?..

Докторъ вспомнилъ молюсковъ, которые, выдѣляя сокъ изъ своего тѣла, образуютъ раковину, служащую имъ покровомъ и защитой. У испанца нѣтъ другого сока, кромѣ нетерпимости и насилія. Таковымъ его создали и таковъ онъ есть. Когда-то раковина испанца была черная, теперь она красная. Но въ ней живетъ тотъ же молюскъ. Передъ инквизиторомъ, представляющимъ прошлое, стоитъ теперь «ненавистникъ», представляющій будущее. Впослѣдствіи придетъ человѣкъ, чистый отъ всякаго желанія мести, свободный отъ страха передъ своимъ традиціоннымъ врагомъ. Человѣкъ этотъ будетъ добръ и преисполненъ братской любви. Онъ возведетъ новое зданіе на старыхъ развалинахъ (El Intruso, paginas 161—165).

Въ обществѣ, устроенномъ на болѣе справедливыхъ началахъ,— говоритъ Бласко Ибаньесъ,—полезными членами будутъ тѣ, которые теперь отметаются въ сторону, какъ враги порядка. Все дѣло заключается въ томъ, чтобы умѣть использовать страсти и темпераментъ отдѣльныхъ индивидуумовъ. Современное испанское общество признаетъ преступниками такихъ людей, которые три вѣка тому назадъ нашли-бы примѣненіе своимъ силамъ и были бы героями. Таковъ, напримѣръ, смѣлый браконьеръ, выведенный въ романѣ «La Horda». Онъ говоритъ Мальтранѣ, что родился для сильныхъ ощущеній. Ему по душѣ только такая жизнь, гдѣ приходится постоянно рисковать шкурой. Зачѣмъ же ему жить въ городѣ и проводить на фабрикахъ цѣлые дни въ складываніи свинцовыхъ листочковъ? Это—бабья работа, а не мужская. Ему люба борьба. Ему нравится каждый день играть со смертью. По стильному выраженію браконьера, ему любо толкнуть ее и выхватить у ней изъ подъ ноги свой насущный хлѣбъ. «Я былъ бы знаменитымъ солдатомъ, другъ мой Исидро,—говоритъ онъ Мальтранѣ.—Но теперь уже нѣтъ болѣе войнъ, настоящихъ войнъ, какъ въ былыя времена, когда каждому участвующему въ нихъ приходилось напрягать всю силу своихъ рукъ и пускать въ ходъ всю свою хитрость. На придачу, я ни за что на свѣтѣ не надѣну мундира. Терпѣть не могу ни шутовскихъ маскарадовъ, ни

дисциплины... Сколько насъ теперь въ каторжныхъ тюрьмахъ такихъ, которые въ другое время были бы героями.

Браконьеръ мечталъ о дикихъ, откровенныхъ войнахъ, не скрашенныхъ лицемѣрной гуманностью и не прикрытыхъ маской цивилизаціи; о войнахъ, во время которыхъ участвующіе убиваютъ другъ друга во имя славы, грабятъ дома въ непріятельской странѣ, жгутъ поля и насилуютъ женщинъ. Но браконьеръ съ грустью признавалъ, что опоздалъ явиться на свѣтъ. За неимѣніемъ лучшаго примѣненія своихъ силъ, браконьеръ на окраинѣ большого, культурнаго Мадрида велъ жизнь доисторическаго человѣка, охотился на звѣрей, чтобы добывать себѣ пищу, и на людей, если того требовала самозащита. Всѣ королевскіе заповѣдные лѣса онъ призналъ своими и не питалъ никакого уваженія ни къ стѣнамъ, через которые можно перескочить, ни къ законамъ, составленнымъ такими же смертными, какъ онъ самъ *).

Я упомянулъ выше, что капитализмъ въ Испаніи, сравнительно съ остальными странами Западной Европы,—новое явленіе. Испанскій капиталистъ только что разбогатѣлъ и не знаетъ, куда дѣвать деньги. Но новое явленіе выдвинуло уже и другіе типы. Таковъ, напр., милліонеръ Санчесъ Моруета, выведенный въ романѣ El Intruso. Передъ нами человѣкъ, вышедшій изъ народа, всегда молчаливый, серьезный, сдержанный. Онъ любитъ деньги не ради нихъ самихъ. Это—энтузіастъ своего рода. Къ капиталу онъ питаетъ почти религіозное чувство. «Арести зналъ холодный и твердый энтузіазмъ, внушаемый его двоюродному брату капиталомъ, который, выдвинувъ техническія усовершенствованія, революціонизировалъ міръ. Милліонеръ былъ своего рода поэтомъ капитала. Стряхнувъ свою обычную сдержанность, онъ принялся слагать хвалебный гимнъ той почти безграничной силѣ, которая дана въ руки посвященнымъ. Безъ сомнѣнія, трудъ, являющійся необходимымъ помощникомъ, терпитъ теперь всевозможныя лишенія. Но неужели изъ-за этого должно отречься отъ прогресса, являющагося законнымъ сыномъ промышленнаго капитала? Великая современная революція является результатомъ господства новой вѣры—денегъ. И однимъ изъ вѣрныхъ адептовъ этой вѣры является онъ—Санчесъ Моруета. Воспользовавшись научными открытіями, капиталъ умножилъ фабрикаты, понизилъ ихъ стоимость и сдѣлалъ ихъ доступными для всѣхъ. Нынѣшній работникъ пользуется такими удобствами, которыхъ въ прошлые вѣка не знали и богачи. Капиталъ, состоя на службѣ у промышленности, пріобщилъ къ культурѣ дикія страны, разрушилъ историческія границы и установилъ рынки во всѣхъ краяхъ земнаго шара. Капиталъ проложилъ въ некультурныхъ странахъ желѣзныя дороги; проведя телеграфные кабели, онъ устранилъ моря. Онъ побѣдилъ гнѣвъ природы, направивъ

*) La Horda, pagina 83.

продукты одного полушарія въ другое. Такимъ образомъ устраненъ массовой голодъ, какъ послѣдствіе неурожая, т. е. то великое бѣдствіе, отъ котораго такъ страдало человѣчество въ былое время. Историческіе властелины становятся маленькими и унижаются передъ капиталомъ. Коронованные вожди народовъ, гордые, какъ полубоги, имѣющіе въ своемъ распоряженіи многочисленныя войска, вынуждены просить денегъ у капиталистовъ, сидящихъ въ своихъ прозаическихъ конторахъ. За сильными властелинами, гордыми своею божественной властью, скрываются дѣйствительные повелители страны. Они побѣждаютъ также природу, вырывая у ней ея сокровища. Молчаливая, смиренная по наружности республика капиталистовъ, безъ сомнѣнія, является хозяйкой міра и вершительницей ея судебъ. Санчеса Моруету больше всего восхищало то, что доступъ въ эту тайную секту, пользующуюся всемірнымъ вліяніемъ, открытъ только для талантливыхъ людей. Свѣтская власть передавалась и передается по наслѣдству. Она достается какъ способному, такъ и дегенерату. Тоже самое можно сказать о привилегіяхъ, созданныхъ въ былые вѣка. Тутъ на первый планъ выступаетъ право рожденія. Оно даетъ абсолютно бездарному дегенерату преимущество надъ талантливымъ человѣкомъ, вышедшимъ изъ народа. Совсѣмъ другое мы видимъ въ сферѣ капитала. Бездарный сынъ капиталиста, неспособный вести дѣла, теряетъ свою связь съ тайной всесильной сектой. Является новый, энергичный и талантливый индивидуумъ, который, воспользовавшись обломками состоянія, добивается пріобщенія къ сектѣ. Гдѣ еще можно видѣть институтъ такой великій, могущественный и въ тоже время такой демократичный и скромный, какъ капиталъ?—восторженно восклицаетъ Санчесъ Моруета.—И есть еще безумцы, требующіе смерти или реформы силы, которая измѣнила поверхность земли *)!»

VII.

Подобно всѣмъ современнымъ испанскимъ писателямъ, Бласко Ибаньесъ считаетъ самымъ серьезнымъ изъ «устранимыхъ препятствій» не соціальное неравенство, а «hombre negro», «чернаго человѣка», т. е. монаховъ и священниковъ. Они, по мнѣнію испанцевъ, довели великую страну до послѣдней степени паденія. И теперь, когда въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Испаніи возрождается новая жизнь, «hombre negro» стоитъ наготовѣ, чтобы захватить власть въ свои цѣпкія руки. Богатѣетъ и развивается Барцелона въ зависимости отъ роста въ ней фабричной промышленности, и немедленно туда являются монахи.ココересъ накопляетъ громадныя богатства вслѣдствіе всемірной славы его винъ. И тотчасъ же

*) El Intruso, paginas V, 119—121.

надъ крышами винныхъ погребовъ начинаютъ выростать купола церквей, принадлежащихъ iезуитамъ. Населенiе Бильбао открыло желѣзные рудники въ окрестностяхъ своего города. И вотъ является iезуитъ, возводящiй здѣсь свой храмъ и свой университетъ. Параллельно создаются фабрика для изготовленiя живыхъ автоматовъ и лавка, въ которой торгуютъ вѣчнымъ спасенiемъ. На картѣ бѣдной Испанiи нѣтъ такого благодатнаго угла, куда бы не наползли немедленно монахи и, въ особенности, iезуиты. Они представляютъ собою тоже, что тростникъ въ степяхъ, показывающiй присутствiе воды. Тамъ, гдѣ появляются iезуиты, несомнѣнно, существуетъ богатство» **). «Черный человѣкъ» не интересуется совершенно массами. Онъ цѣнитъ богатство, какъ отличное орудiе борьбы. Богатство же, необходимое «hombre negro», должны накоплять другiе. Монахи, и въ частности iезуиты, нашли вѣрный способъ, какъ воспользоваться имъ. Испанское духовенство постоянно повторяетъ, что католическая церковь стоитъ за народъ. Въ самомъ дѣлѣ,—говоритъ оно,—развѣ папа не писалъ энциклики въ пользу рабочихъ? Теперь, когда вся Испанiя захвачена борьбой, о которой дальше, католическiя газеты не перестаютъ твердить, что «народъ» за церковь. Но подъ словомъ «народъ» клерикалы подразумѣвали не городскихъ работниковъ, а только крестьянъ, чтящихъ «куру» и почтительныхъ къ помѣщику. Клерикалы совершенно основательно не любятъ работниковъ. Мы видѣли, что тѣ ненавидятъ «чернаго человѣка». Но и на «aldeanos (крестьянъ) монахи и священники не особенно могутъ разсчитывать. Крестьянинъ изъ политики посѣщаетъ церковь, тѣмъ болѣе, что въ испанской провинцiи она является клубомъ, биржей труда и пр. Въ глубинѣ души валенсiйскiй, аррагонскiй, андалузскiй или кастильскiй крестьянинъ также ненавидитъ «hombre negro», какъ и работникъ. Духовенство это отлично знаетъ и махнуло рукой на «aldeanos», тѣмъ болѣе, что крестьяне бѣдны земными благами, а послѣднiя нужны «черному человѣку» для борьбы за власть. Изъ крестьянъ на сторонѣ духовенства безусловно только темные, крѣпкоголовые, упрямые баски. И духовенство копошится теперь въ сѣверныхъ, горныхъ провинцiяхъ, пробуя, не удастся ли снова поднять невѣжественныхъ крестьянъ, какъ во время карлистскихъ войнъ.

«Черному человѣку» народъ не надобенъ. Всѣ усилiя направлены на захватъ среднихъ классовъ. Въ тѣхъ округахъ, которые начинаютъ богатѣть, появляются немедленно iезуиты, пытающiеся пробраться въ семьи наиболѣе влiятельныхъ по имущественному положенiю людей. Захватывается средняя школа. И горе тому, кто вздумаетъ учить народъ! Краснорѣчивымъ доказательствомъ служитъ судьба несчастнаго Феррера. Теперь, какъ мы увидимъ сей-

**) Ib. 167.

часъ, правительство задумало самыя скромныя реформы въ области свободы совѣсти и секуляризаціи народнаго воспитанія. И тѣмъ не менѣе «hombre negro» грозитъ Испаніи возстаніемъ. Онъ поднялъ противъ каждаго либерала членовъ его собственной семьи, его жену, мать, дочерей. «Черный человѣкъ» грозитъ проклятіемъ Рима. Не только среднюю школу захватилъ «hombre negro». Въ его рукахъ находятся университеты. Всюду въ Европѣ врачъ или адвокатъ—синонимъ извѣстной степени культуры. Католическіе университеты выпускаютъ врачей, ополчающихся противъ науки и подтверждающихъ чудеса, совершенныя разными чудотворными «Virgens». Университеты выпускаютъ адвокатовъ, доказывающихъ, что свобода совѣсти—діавольское изобрѣтеніе. Въ одномъ изъ романовъ Бласко Ибаньеса мы находимъ описаніе знаменитаго іезуитскаго университета близъ Бильбао. Профессора тамъ организуютъ любопытныя литературныя публичныя состязанія между студентами, изъ которыхъ выйдутъ столпы католической партіи. Выставляются два студента, которые должны защищать и опровергать какой-нибудь тезисъ. Аргументы pro и contra внушаются заранѣе профессорами—іезуитами. Когда темой диспута бываетъ какой нибудь религіозный догматъ, аргументы противъ него поражаютъ своею нелѣпостью и глупостью. Студенту-защитнику ничего не стоитъ разсѣять «доводы науки» въ прахъ и доставить такимъ образомъ торжество религіи. Студенты и посторонніе, присутствующіе на диспутѣ, получаютъ такимъ образомъ представленіе о лживости и нечестивости современной науки. Къ слову сказать, такъ какъ вопросъ о раскрѣпощеніи умовъ стоитъ теперь на первой очереди въ Испаніи, то на книжный рынокъ выпущена масса переводныхъ книгъ, преслѣдующихъ совершенно опредѣленную цѣль, борьбу съ «догматизированной метафизикой». Тутъ книги, хорошо знакомыя хотя бы по заглавію только, намъ, русскимъ: Дарвинъ, Спенсеръ, «Столкновенія между религіей и наукой» Дрэпера, «Міровая загадка» Геккеля, «Круговоротъ жизни» Молешота, «Сила и Матерія» Бюхнера. Тутъ также никогда не переведенныя на русскій языкъ, какъ «Моисей, Іисусъ и Магометъ» барона Гольбаха, «Философскіе опыты» Дидро, «Детерминизмъ и отвѣтственность» Гамона, и пр. Всѣ книги эти отлично переведены спеціалистами, которые, помимо предмета, знали хорошо еще свой родной языкъ. Затѣмъ книги дешево изданы (по 4 реала, т. е. по 32—33 коп. за томъ) крупной фирмой (F. Sempere y C° въ Валенціи). Судя по тому, что большинство этихъ книгъ выходитъ уже пятымъ и шестымъ изданіями, надо думать, что ихъ усердно читаютъ. Нечего говорить, что профессора въ Бильбао не называютъ своимъ студентамъ ни одного изъ тѣхъ аргументовъ, которые приводятся въ упомянутыхъ книгахъ. Чтобы побѣдоноснѣе разбить противника, надо сперва вложить ему въ уста какой-нибудь идеально глупый аргументъ.

«Разъ Урніола (молодой человѣкъ, котораго католическая партія считаетъ своею восходящею звѣздою), который тогда былъ на послѣднемъ курсѣ, покрылъ себя въ университетѣ славой на публичномъ диспутѣ. Студентъ защищалъ тезисъ, предложенный профессорами послѣ долгихъ колебаній: «Бурбоны, возведенные во Франціи на эшафотъ, искупали ли этимъ великій грѣхъ преслѣдованія членами этой династіи братства Іисуса?» Урніола отвѣтилъ на этотъ вопросъ утвердительно и доказывалъ, что гильотина косвенно была указана самимъ Богомъ, чтобъ наказать королей, дерзнувшихъ изгнать изъ своихъ владѣній іезуитовъ. Смерть и адскія мученія уготовлены для всѣхъ, дерзающихъ выступить противъ истинныхъ представителей Іисуса на землѣ! Оппонентъ возражалъ слабо, приводя аргументы, придуманные профессорами же...» *). Когда профессора говорятъ о современной наукѣ, то отдѣлываются очень не хитрымъ аргументомъ, который перенятъ у насъ теперь нашими философами, расплодившимися вдругъ, какъ тараканы за печкой: «современная наука—суевѣріе», «она совершенно обанкротилась». «Современная наука—суевѣріе, выдуманное революціонерами и массонами,—учатъ профессора Деусты (католическаго университета въ Бильбао). Она беретъ катехизисъ католической вѣры и говоритъ нѣтъ тамъ, гдѣ онъ говоритъ да, и да тамъ, гдѣ катехизисъ говоритъ нѣтъ» (escribiendo no donde el catecismo dice si y si donde dice no). Вотъ вкратцѣ вся дѣятельность современной, такъ называемой, науки»!

Іезуиты въ Испаніи наползли всюду; они страшно сильны; но знающіе люди говорятъ, что не слѣдуетъ слишкомъ преувеличивать эту силу.

«Я не вѣрю ни въ таинственную власть іезуитовъ, ни въ ихъ мстительность,—говоритъ одинъ изъ героевъ Бласко Ибаньеса.— Здѣсь, въ Бильбао, никто не дерзаетъ такъ открыто выступать противъ нихъ, какъ я. И, какъ видишь, со мной не случилось никакой бѣды. Какъ только я оставилъ домъ, въ которомъ жена, находившаяся подъ вліяніемъ іезуитовъ, мучила меня, и какъ только я поселился среди людей, презирающихъ братство Іисуса,— я въ полной безопасности. Іезуитовъ должно страшиться тамъ, гдѣ имъ помогаетъ глупость, тамъ, гдѣ люди идутъ къ нимъ на встрѣчу. Какъ тебѣ лучше выразить мою мысль? Іезуиты похожи на микробовъ, которые сами по себѣ не имѣютъ никакого значенія, но тѣмъ не менѣе могутъ породить эпидемію. Если они попадаютъ въ слабый организмъ, подготовленный къ ихъ воспріятію, то убиваютъ его. У іезуитовъ нѣтъ силы, чтобы самимъ, безъ посторонней помощи, захватить что-нибудь. Тѣ, которые готовы встрѣтить іезуитовъ лицомъ къ лицу, могутъ быть увѣрены, что «черные люди» уступятъ. Но іезуиты страшно сильны, когда опи-

*) «El Intruso», paginas 220—221.

раются на глупцовъ и на страстность женщинъ. И тѣ, и другія идутъ навстрѣчу братству Іисуса и говорятъ ему: «Властвуй надъ нами! Дѣлай съ нами все, что хочешь! Только дай намъ взамѣнъ царство небесное!»

Докторъ Арести не вѣрилъ подобно врагамъ ордена, жившимъ въ прошлые вѣка, въ величіе и во всемогущество іезуитовъ. Ученость ихъ принадлежитъ къ области легендъ.

Среди іезуитовъ были люди, выдвинувшіеся въ области науки или искусства, но всѣ они не больше, какъ добросовѣстныя посредственности. Орденъ существуетъ уже нѣсколько вѣковъ, располагаетъ неисчислимыми богатствами и путешествуетъ по всему свѣту; между тѣмъ прославленные ученые іезуиты не обогатили человѣчество ни однимъ сколько-нибудь значительнымъ открытіемъ. Орденъ имѣетъ особый талантъ выставлять передъ невѣждами своихъ немногихъ посредственныхъ ученыхъ, какъ міровыхъ геніевъ, и прятать своихъ безчисленныхъ сочленовъ въ тѣни такъ, чтобы не видно было ихъ феноменальное невѣжество. Докторъ глумился также надъ всемогуществомъ іезуитовъ. Они держатъ въ своихъ сѣтяхъ только тѣхъ, которые сами попадаютъ туда, т. е. тѣхъ, которые идутъ въ исповѣдальни. Кто прерываетъ всякія сношенія съ іезуитами, можетъ безнаказанно смѣяться надъ орденомъ. Іезуиты страшны только тѣмъ, что прячутся постоянно въ тѣни... Въ католическомъ мірѣ іезуиты представляютъ теперь единственную силу. Точнѣе сказать, католицизмъ только терминъ. Настоящей религіей является іезуитизмъ. Папа, благословляющій вѣрующихъ, живетъ въ Ватиканѣ; но дѣйствительнымъ папой, декретирующимъ и властвующимъ надъ совѣстью вѣрующихъ, является генералъ ордена *).

VIII.

Кто же главный помощникъ «чернаго человѣка» въ Испаніи, при помощи котораго онъ властвуетъ надъ несчастной страной? Кто доставляетъ іезуитамъ власть? Для отвѣта на этотъ вопросъ надо вспомнить рядъ яркихъ и специфическихъ испанскихъ типовъ, какъ донья Перфекта у Гальдоса и донья Христина у Бласко Ибаньеса. Главной соучастницей, помогающей «hombre negro» держать въ закрѣпощенномъ состояніи Испанію, является женщина. При помощи исповѣдальни «черный человѣкъ», въ частности іезуитъ, властвуетъ надъ нею. «Hombre negro» пользуется страстнымъ темпераментомъ испанки и ея глубокимъ невѣжествомъ. Испанка изъ среднихъ классовъ считаетъ любовь грѣхомъ даже тогда, когда она освящена церковью. Земная жизнь служитъ только для того,

*) El Intruso, paginas 150—151.

чтобы подготовиться къ царству небесному. Надо видѣть тѣ душеспасительныя книги, которыя выпущены іезуитами въ Испаніи спеціально для женщинъ! Вотъ, напр., выдержки изъ «Ejercicios espirituales de San Ignacio», составленныя отцомъ Кларетомъ. Сперва составитель книги стремится отпугнуть читательницъ своихъ отъ жизни. Для этого подчеркивается мимолетность ея и рисуется страшная картина смерти и разложенія.

«Смотри,—говоритъ padre Claret,—что творится съ этимъ тѣломъ! Оно только что было прекрасно и вызывало восторгъ; теперь оно умерло, положено въ склепъ, разлагается. Облипаютъ его песьи мухи, могильные жуки и жабы. Для нихъ гніеніе тѣла — наслажденіе. Приближаются крысы, прогрызаютъ саванъ, впутываются въ волосы, вползаютъ въ ротъ, объѣдаютъ языкъ и шныряютъ между платьемъ и тѣломъ. А между тѣмъ тлѣніе идетъ. Безчисленное множество червей облипаетъ раздувшійся трупъ. Они объѣдаютъ мышцы на лицѣ, животѣ и на всемъ тѣлѣ. И кончается ихъ пиршество. Черви подохли съ голода, оставивъ только почернѣйшія кости, которыя со временемъ превратятся въ прахъ. Тѣла не стало, но душѣ только начинаютъ предъявлять страшный счетъ за грѣхи.

«Pour expier une heure, il faut l'éternité»,—жалуется Альфредъ Мюссе. И какого искупленія!

«Огонь въ аду такъ силенъ, что одна лишь искра его сжигаетъ въ пепелъ мельничный жерновъ,—продолжаетъ padre Claret.— Если эта искра падаетъ на бронзовый шаръ, то мгновенно расплавляетъ его, какъ будто бы былъ воскъ. И если она упадетъ на промерзшее до дна озеро, оно мгновенно закипитъ. Грѣшники чувствуютъ этотъ огонь въ мозгу, въ зубахъ, въ языкѣ, глоткѣ, печени, ляжкахъ, кишкахъ, животѣ, сердцѣ, кровеносныхъ сосудахъ, нервахъ, въ костяхъ, въ крови и даже въ самой глубинѣ души». Описавъ всѣ эти мученія, padre Claret спрашиваетъ: «За кѣмъ же ты желаешь пойти? За діаволомъ ли, сулящимъ призрачное наслажденіе, продолжающееся мгновеніе, и безконечныя муки, или же за Богомъ?».

И трепещущая, невѣжественная испанка слѣдуетъ «за Богомъ», т. е. за hombre negro. Она исполняетъ всѣ его приказанія, хотя бы для этого пришлось пойти противъ мужа, отца, противъ собственныхъ дѣтей. Примѣръ теперь на лицо, но предварительно сдѣлаю одно замѣчаніе. Власть «hombre negro» распространяется въ Испаніи исключительно на женщинъ, принадлежащихъ къ среднимъ и выше-среднимъ классамъ. Всѣ недавнія попытки монаховъ и поповъ захватить умы женщинъ изъ народа кончались неудачей. Крестьянки и работницы въ Испаніи питаютъ къ «черному человѣку» такое же недовѣріе, чтобы не сказать больше, какъ и ихъ мужья, возлюбленные и братья. Вотъ, напримѣръ, выдержки изъ «Memorias de un jesuita» (Воспоминанія іезуита), появившихся

въ журналѣ El Motin. Авторъ ихъ—бывшій членъ братства Іисуса. Не такъ давно,—разсказываетъ авторъ,—іезуиты рѣшили обратить вниманіе на многочисленныхъ папиросницъ (cigarreras) въ Мадридѣ. Постановлено было въ церквахъ de las Pennelas и San Lorenzo устроить курсы катехизиса для дѣвушекъ. Преподаваніе происходило приблизительно такъ. Отца-іезуита окружала сотня-другая папиросницъ.

— Гдѣ живетъ папа?—спрашивалъ духовникъ.

— Въ Римѣ,—повторяли выученный отвѣтъ дѣвушки.

— Какъ онъ живетъ въ Римѣ?

— Въ плѣну.

— Кто его держитъ въ плѣну?

— Либералы.

— А что такое либералы?

— То же, что и черти.

«Въ другой разъ,—разсказываетъ цитируемый авторъ,—слышалъ я, какъ отецъ-іезуитъ такъ пояснялъ значеніе креста. «Зналъ я благочестивую дѣвушку, вся семья которой впала въ ересь либерализма. Мало того, родители хотѣли также совратить съ пути истиннаго и благочестивую отроковицу. Что же сдѣлала она? Связала изъ камыша нѣсколько крестовъ и запрятала ихъ вечеромъ подъ подушки всѣхъ членовъ семьи. И свершилось чудо: къ утру вся семья была обращена. Въ этомъ домѣ болѣе не появлялись уже орудія діавола, которымъ названіе либеральныя газеты. Вся семья ни разу не забыла больше перебирать четки и молиться».

Наступила весна,—продолжаетъ бывшій іезуитъ.—Рѣшено было демонстрировать полученные результаты. Съ этою цѣлью всѣмъ папиросницамъ предложили исповѣдаться и причаститься. Затѣмъ проектировалось раздать всѣмъ работницамъ подарки: косынки, платки, нижнія юбки. Cigarreras пошли на исповѣдь. Автору записокъ пришлось тоже исповѣдывать.

— Ave Maria purissima!—зашептала дѣвушка у окошка исповѣдальни и тотчасъ же прибавила: «безгрѣшна».

— Грѣшны въ томъ то?—спросилъ духовникъ.

— Нѣтъ.

— А въ томъ то?

— Нѣтъ.

И такъ дальше: на всѣ вопросы духовника папиросница отвѣчала отрицательно.

— Ну, чадо мое, вы не нуждаетесь въ отпущеніи грѣховъ,—прибавилъ, наконецъ, духовникъ,—вамъ собственно не для чего приходить на исповѣдь.

— А дадутъ ли мнѣ подарокъ?—живо спросила папиросница. Истина открылась передъ авторомъ. Работницы пришли на исповѣдь и согласились причащаться только въ расчетѣ на косынки и платки. Рѣшительно то же самое повторилось со всѣми молодыми

работницами. Онѣ всѣ отвѣчали, что совершенно безгрѣшны и прибавляли: «а подарочки намъ дадутъ!» «Выходя потомъ изъ церкви,—заканчиваетъ авторъ,—я замѣтилъ, что возрожденныя св. причастіемъ папиросницы гуляли обнявшись со своими «novios» (возлюбленными) и что-то съ хохотомъ разсказывали имъ: должно быть про то, какъ провели іезуитовъ» *). Итакъ, мы видимъ, что вліяніе «чернаго человѣка» ограничивается только кругомъ женщинъ средняго и выше-средняго классовъ. За то тамъ оно безгранично. Въ Испаніи теперь, какъ извѣстно, жестокое, тупое консервативное министерство Мауры, прославившееся барцелонскимъ усмиреніемъ 1909 года и мелильской авантюрой, смѣнилось министерствомъ либеральнымъ Каналехаса. Уступая необходимости, оно предложило законопроектъ о свободѣ совѣсти въ Испаніи и объ ограниченіи власти конгрегацій. Проектируемыя мѣры крайне робки и нерѣшительны. Дѣло сводится къ слѣдующему. Иностраннымъ культамъ разрѣшается выставлять на своихъ церквахъ и молитвенныхъ домахъ символы ихъ религій. Такимъ образомъ протестанты (hombre negro увѣряетъ своихъ духовныхъ дочерей, что «протестантъ», «либералъ», «атеистъ», «революціонеръ», «массонъ», «діаволъ» — синонимы) получатъ возможность выставить крестъ, магометане—полумѣсяцъ, евреи—щитъ Давидовъ и т. д. Запрещеніе устраивать имъ религіозныя процессіи и носить на улицахъ хоругви—остается въ силѣ. Индивидуальное отдѣленіе отъ католической церкви признается правомъ каждаго испанца; но отступничество коллективное составляетъ уже преступленіе и наказывается, какъ таковое. Теперь о конгрегаціяхъ. Тутъ законопроектъ менѣе робокъ. Испанію наводняетъ безчисленная армія монаховъ, высасывающихъ у населенія соки и вмѣшивающихся рѣшительно во все. Законопроектъ предлагаетъ монашескимъ орденамъ ограничиться только тою дѣятельностью, которая указана въ ихъ уставахъ. Такимъ образомъ францисканцы и капуцины должны замкнуться въ своихъ монастыряхъ за предѣлами городовъ, кармелиты — удалиться въ убѣжища (retiros), іезуиты—ограничиться преподаваніемъ въ безплатныхъ школахъ. Для монаховъ прекращается доступъ къ каѳедрамъ, исповѣдальнямъ и свѣтскимъ дѣламъ. Имъ рекомендуютъ запереться въ келіи, поститься и сокрушаться по поводу грѣховъ міра, лежащаго за предѣлами монастырскихъ стѣнъ.

«Hombre negro» завопилъ, что гибнетъ католическая вѣра и что либералы хотятъ предать церковь «атеистамъ» и «протестантамъ». Духовенство подняло противъ либеральнаго министерства Римъ, который грозитъ отвернуться отъ Испаніи. Оно подняло всѣхъ консерваторовъ, грозящихъ гражданской войной. «Пришла революція и вслѣдъ за нею, по обыкновенію, гражданская война, — пишетъ

*) El Motin, 22 de junio, 1910, paginas 5—6.

академикъ Александро Пидаль-и-Монъ.—Дѣянія, совершаемыя при крикахъ: «да здравствуетъ свобода совѣсти и культовъ!»—дѣянія, совершаемыя противъ свободы совѣсти и культа подавляющаго большинства населенія небольшой партіей фанатиковъ-сектантовъ, невозможно достаточно заклеймить. Эти тиранническія покушенія неминуемо вызываютъ понятный протестъ. Естественнымъ послѣдствіемъ покушенія на вѣру и на свободу большинства населенія явится вооруженная защита нашихъ традицій» *).

«Надо, чтобы министерство хорошо поняло слѣдующее,—говоритъ въ передовой статьѣ одна изъ самыхъ вліятельныхъ клерикальныхъ газетъ.—Прежде, чѣмъ станутъ закономъ дерзкія и провокаторскія злоумышленія противъ католической вѣры, Испанія переживетъ кровавое потрясеніе, отвѣтственность за которое падетъ всецѣло на провокаторовъ-министровъ. Нѣтъ теперь католика въ Испаніи, который не предпочелъ бы гражданскую войну свободной школѣ и свободѣ культовъ. Для Испаніи проектируемыя мѣры были бы не только позоромъ, но и гибелью. Чѣмъ это,—лучше гражданская война! (Autes que eso, la guerra civil). Такъ думаютъ теперь самые благоразумные» **).

Черный человѣкъ не только поднялъ Римъ и грозитъ новой карлистской войной. Онъ возстановилъ женщинъ противъ ихъ мужей, братьевъ и сыновей. Со всѣхъ сторонъ отъ женскихъ союзовъ поступаютъ на имя премьера протесты противъ законопроекта. «Свобода совѣсти погубитъ Испанію,—заявляютъ женщины въ своемъ протестѣ. Раньше, чѣмъ будутъ ограничены права конгрегацій, мы выйдемъ съ оружіемъ въ рукахъ на улицы городовъ, чтобы поддержать защитниковъ католической вѣры».

«Испанская женщина должна многое сдѣлать теперь,—пишетъ въ своемъ воззваніи донья Росалія Барнуево де Агиларъ, предсѣдательница сорока шести женскихъ союзовъ (Asociaciones de senoras).—Необходимо протестовать немедленно, энергично, настойчиво и единодушно. Протесты слѣдуетъ направлять однако не къ его святѣйшеству папѣ Пію X, не къ нунцію, не къ епископамъ (они и безъ того знаютъ, какъ сильно преданы мы церкви), а къ правительству, къ сеньору Каналехасу и его министрамъ. Слѣдуетъ послать протесты ко всѣмъ виднымъ дѣятелямъ, стоящимъ за законопроектъ. Всѣ эти люди имѣютъ матерей, женъ и дочерей. Онѣ должны вспомнить Бога, который не преминетъ покарать своимъ гнѣвомъ всѣхъ сторонниковъ преступныхъ и нечестивыхъ мѣръ» ***).

«Будемъ протестовать энергично, настойчиво, смѣло, какъ подобаетъ испанкамъ и католичкамъ, противъ всего того, что огор-

*) El Correo Espanol, 28 de junio 1910.
**) El Correo Catalan, 30 de junio 1910.
***) La Semana Catolica, 26 de junio 1910.

чаетъ нашихъ епископовъ и папу, — пишутъ представительницы 27 женскихъ союзовъ центральныхъ провинцій. И если правительство откажется внять голосу нашего общаго отца, мы будемъ знать, какъ поступить. Пусть знаетъ папа, пусть вѣдаютъ епископы, что за ними стоитъ вѣрующій, доблестный народъ, дожидающійся только сигнала для выступленія. Испанская женщина, съ своей стороны, готова броситься въ ровъ львиный, какъ искупительная жертва и какъ мученица, если то потребуется. Съ крестомъ въ одной рукѣ и со шпагой въ другой испанка пойдетъ на защиту святой католической вѣры. Пусть папа и епископы знаютъ, что покушенія на вѣру встрѣтятъ дружный отпоръ» *). Всюду въ Испаніи женщины устроили митинги съ цѣлью протеста противъ законопроекта о свободѣ совѣсти и ограниченіи власти конгрегацій. El Radical иллюстрировалъ женскій протестъ такимъ образомъ. Палачъ (Каналехасъ) пришелъ съ удавкой въ рукахъ, чтобы повести жирнаго монаха на казнь. Испуганный «fraile» припалъ къ ногамъ дородной дамы съ большимъ крестомъ на груди. «Не бойся,—говоритъ дама монаху, — покуда ты возлѣ меня, — ты въ безопасности».

Радикальныя и республиканскія газеты стараются поддержать министерство. Въ отвѣтъ на угрозы, что Римъ отвернется отъ Испаніи,—газеты напоминаютъ, что въ эпоху наибольшаго могущества страны короли поссорились съ папой, но никакой бѣды отъ того ей не было. Монахамъ, грозящимъ гражданской войной, радикальныя газеты напоминаютъ судьбу строптиваго епископа, повѣшеннаго по распоряженію Карла I. Въ отвѣтъ на манифестаціи радикалы отвѣчаютъ контръ-манифестаціями, неизмѣримо болѣе внушительными. Вотъ, напр., воззваніе, выпущенное отъ имени всѣхъ республиканскихъ депутатовъ въ конгрессѣ. Подписавшіеся, во главѣ которыхъ стоитъ Пересъ Бенито Гальдосъ, призываютъ прогрессивные элементы Испаніи, безъ различія партій, собраться во всѣхъ городахъ въ одинъ и тотъ же день (3 іюля) и высказаться за «секуляризацію жизни государства» и противъ «дерзкихъ посягательствъ духовенства, стремящихся ограничить главенство народа». «То, что теперь требуетъ испанскій народъ,—читали мы въ воззваніи,—и чего намѣренъ добиться, во что бы то ни стало, является первымъ условіемъ прогресса. Въ Испаніи должна властвовать демократія. Она одна можетъ повести страну къ прогрессу и возрожденію. Крайне прискорбно, что въ такой серьезный моментъ, какой переживаетъ теперь Испанія, вмѣшивается посторонняя, враждебная прогрессу сила, стремящаяся захватить все въ свои руки». «Граждане, которымъ дорога свобода, прогрессъ и культура!—заканчивается воззваніе республиканскихъ депутатовъ:—соберитесь на митингъ для того, чтобы ослабить, прежде чѣмъ разорвать

*) La Semana Catolica, 19 de junio 1910.

окончательно, цѣпи теократизма. Только сбросивъ окончательно эти цѣпи, мы выйдемъ на свѣтъ. Только тогда Испанія пріобщится къ культурѣ».

Среди радикаловъ находятся и такіе, которые утверждаютъ, что у «чернаго человѣка», помимо женщинъ, есть еще и другіе защитники. На это намекаетъ каррикатура, помѣщенная въ Espana Nueva за 27 іюня. Іезуитъ спрятался подъ корону и оттуда показываетъ «носъ» Каналехасу, грозящему кулакомъ. Подпись гласитъ: «Попробуй-ка меня здѣсь поймать!» Надо сказать, что хотя испанскіе бурбоны никогда не отличались ни особенной проницательностью, ни спеціальной любовью къ либеральнымъ идеямъ, Альфонсъ XIII, повидимому, понимаетъ всю серьезность положенія и настоятельную необходимость ограниченія власти «чернаго человѣка». Но «hombre negro» имѣетъ, какъ говорятъ испанцы, могущественнагo защитника при дворѣ:—мать короля.

IX.

Не всѣ безусловно женщины въ Испаніи заполонены іезуитами. Въ радикальныхъ газетахъ мы встрѣчаемъ теперь постоянно замѣтки въ родѣ слѣдующей. «Представитель въ конгрессѣ отъ Малаги получилъ отъ мѣстныхъ женщинъ покрытую многочисленными подписями телеграмму съ просьбой передать ее председателю совѣта министровъ. «Мы, нижеподписавшіяся,—говорится въ телеграммѣ,—испанки всѣхъ классовъ, христіанки, но не клерикалки, высказываемся противъ того протеста, который отъ имени всѣхъ малагскихъ женщинъ посланъ министерству. Мы, напротивъ, настоятельно просимъ васъ продолжать борьбу съ клерикализмомъ. Мы пришлемъ вамъ еще заявленіе многочисленныхъ малагскихъ женщинъ, сочувствующихъ свободѣ совѣсти и выступленію противъ конгрегацій» *). Въ Сарагосѣ женщины (большею частью работницы) выпустили манифестъ, обращенный «A las mujeres en general, y espicialmente a las obreras» (Къ женщинамъ вообще и къ работницамъ въ частности). «Мы прочитали въ газетахъ,—говорится въ манифестѣ,—что папа получилъ телеграмму, въ которой, будто бы, отъ всѣхъ испанскихъ женщинъ безъ различія званія и состоянія выражается протестъ противъ министерскаго законопроекта. Это категорическое заявленіе совершенно не вѣрно и не можетъ соотвѣтствовать дѣйствительности. Испанскія работницы, терпящія всѣ ужасы нищеты и видящія, какъ богатые монастыри вырываютъ у нихъ и ихъ дѣтей кусокъ хлѣба **), не

*) El Pais, 29 de junio 1910.

**) Одна изъ жалобъ противъ монастырей заключается въ томъ, что они обезцѣниваютъ трудъ.

могутъ протестовать противъ министерства за намѣреніе сократить власть духовенства. Напротивъ, работницы жалѣютъ о томъ только, что мѣры, намѣченныя министерствомъ, недостаточно радикальны. Церковь всегда унижала женщину и глумилась надъ нею, сравнивая ее съ наиболѣе низкими и гнусными животными. И вотъ теперь церковь ищетъ ту, которую постоянно готовила. Вслѣдствіе отсутствія образованія, женщина готова принять всякаго рода обманъ и ложь за святую истину. Испанская женщина! Теперь монахи и попы всячески заискиваютъ передъ тобою и льстятъ тебѣ, называя ангеломъ хранителемъ семейнаго очага. Знай же, что эта самая церковь гнушалась и презирала тебя! Святые ея избѣгали говорить даже со своими матерями, потому что онѣ женщины. И если теперь тебѣ льстятъ и превозносятъ твои заслуги, то только по одной причинѣ. Мужчины по мѣрѣ того, какъ пріобрѣтаютъ знанія, все меньше изъявляютъ желаніе быть союзниками церкви. И вотъ она желаетъ, чтобы мы затормозили движеніе мужчинъ къ свѣту и чтобы мы воспитывали нашихъ дѣтей въ невѣжествѣ, столь необходимомъ церкви».

Дальше въ воззваніи говорится про то, что монастыри, являясь мастерскими, гдѣ даромъ работаютъ послушницы,— вырываютъ хлѣбъ у работницы и обрекаютъ ее на нищенство. Но и здѣсь она встрѣчаетъ конкуррента, стоящаго въ привиллегированномъ положеніи,—нищенствующихъ монаховъ. Несчастныхъ, доведенныхъ до нищенства, наказываютъ за прошеніе милостыни. Много ли наказано здоровыхъ монаховъ, которые всю жизнь только и дѣлали, что просили милостыню, хотя могутъ работать? Нищенствуя у другихъ, монахи сооружаютъ для себя великолѣпные монастыри и живутъ въ довольствѣ. «Работницы!—заканчивается воззваніе,— помните слѣдующее. Если мы станемъ теперь на сторонѣ религіозныхъ конгрегацій, то этимъ мы передадимъ имъ всѣ мастерскія и школы. Монахи будутъ имѣть для себя великолѣпныя зданія. Они будутъ отдыхать отъ бездѣлія въ роскошныхъ садахъ. Вашимъ удѣломъ будетъ улица. Держа въ своихъ рукахъ школы, монахи будутъ притуплять дѣтей, чтобы блаженство духовенства продолжалось возможно дольше» *).

Надо сказать, что женщинъ, одобряющихъ походъ противъ религіозныхъ конгрегацій, неизмѣримо меньше, чѣмъ тѣхъ, которыя ополчились въ защиту монаховъ и священниковъ. Эти послѣднія пользуются, кромѣ того, гораздо большимъ общественнымъ вліяніемъ, чѣмъ тѣ, которыя подписали только что приведенный манифестъ. И многіе семейные очаги превращены теперь въ арену борьбу. Жены ненавидятъ своихъ мужей; матери ставятъ ультиматумы своимъ сыновьямъ. И невидимымъ полководцемъ, направляющимъ армію разъяренныхъ амазонокъ, является «hombre negro» въ

---

*) El Pais, 29 de junio.

коричневой рясѣ францисканца, а еще чаще въ черной іезуитской шляпѣ съ загнутыми полями. Тѣ испанскія газеты, которыя склонны видѣть, по англійской поговоркѣ, «серебряную подкладку каждой грозовой тучи», усматриваютъ нѣчто хорошее даже въ походѣ испанской женщины противъ свободы совѣсти. «El feminismo no es un mito! (Феминизмъ не миѳъ)—восклицаетъ видный испанскій журналистъ.—Тѣ женщины, которыя теперь протестуютъ, собираютъ подписи, печатаютъ манифесты и посылаютъ телеграммы папѣ—несомнѣнно феминистки, но только на свой ладъ», «de la extrema derecha» (т. е. крайне правыя). «Чувствовать, думать, желать, ненавидѣть, протестовать—значитъ доказывать, что живешь. То, что дѣлаютъ теперь «правыя феминистки»,—продолжаетъ журналистъ,—все же лучше, чѣмъ печальный квіетизмъ, заволакивающій мысль густымъ облакомъ». Вкусы и оцѣнки явленій бываютъ разные!

Бласко Ибаньесъ посвятилъ борьбѣ съ «чернымъ человѣкомъ» два романа: La Bodega и El Intruso. Въ послѣднемъ произведеніи испанскій романистъ съ особенной силой изобразилъ «hombre negro», неслышно пробирающагося въ семью, какъ таинственный «Intrus» въ пьесѣ Метерлинка того же названія. «L'Intrus»,—началъ врачъ,—это смерть, которая незамѣтно входитъ въ домъ, хотя всѣ чувствуютъ ея присутствіе... Арести, разсказавъ содержаніе произведенія Метерлинка, нѣкоторое время молча глядѣлъ на своего двоюроднаго брата (милліонера Санчеса Моруета, о которомъ выше), повидимому, не понимавшаго аналогіи.

— Въ твоемъ домѣ случилось то же самое, — началъ докторъ послѣ продолжительной паузы. — Ты думаешь, что врагъ (hombre negro) не пробрался еще сюда и не сидитъ за столомъ, потому что ты его не видишь? Между тѣмъ онъ давно уже властвуетъ даже надъ твоею спальней. Ежедневно онъ невидимо слѣдуетъ сюда за твоею дочерью и женою, возвращающимися изъ церкви іезуитовъ. И ты не чувствуешь еще присутствія невидимаго врага? Ты не слышишь шелеста его сутаны? Между тѣмъ послѣдній изъ твоихъ слугъ видитъ его. И ты слѣпъ! Невидимый врагъ, пробравшійся сюда, постоянно наблюдаетъ за тобой и знаетъ всѣ твои движенія. Онъ наблюдаетъ глазами твоего секретаря и того молодого барчука (Урніола,—см. выше), который думаетъ жениться на твоей дочери и забрать твои милліоны. Невидимый врагъ дѣйствуетъ черезъ посредство твоей жены и дочери. Онѣ заберутъ тебя въ руки въ минуту слабости. Онѣ воспользуются тогда твоимъ подавленнымъ настроеніемъ, чтобы толкнуть тебя въ объятія «Intruso». Ты думаешь, что никогда не столкнешься съ «hombre negro», а между тѣмъ онъ невидимо постоянно бродитъ возлѣ тебя» *).

По отношенію къ «черному человѣку» нельзя быть толерант-

---

*) El Intruso, paginas 154—156.

нымъ,—говоритъ Бласко Ибаньесъ. «Преступленія, совершенныя имъ въ прошлые вѣка, и честолюбивые замыслы, питаемые имъ теперь, заставляютъ вести съ нимъ упорный бой. Надо, конечно, уважать его вѣру, но необходимо также зорко слѣдить за нимъ, какъ за буйнымъ душевно-больнымъ. Важно, чтобы онъ былъ постоянно слабъ и безсиленъ, иначе въ припадкѣ бѣшенства онъ будетъ ужасенъ. Намъ говорятъ объ уваженіи къ чужому мнѣнію и о свободѣ совѣсти,—продолжалъ докторъ. Когда все это говорится по отношенію къ «hombre negro», мнѣ представляется безумный членъ общества покровительства животнымъ, который въ звѣринцѣ возмущается тѣмъ, что черную пантеру держатъ въ клѣткѣ. «По какому праву держатъ за рѣшеткой бѣдное животное?—спрашиваетъ любитель пантеры.—Оно родилось для того, чтобы быть свободнымъ. Оно имѣетъ неотъемлемое право на привольную жизнь въ лѣсахъ, такъ какъ это его естественное право. Наслаждайся же твоею свободою, бѣдная пантера!»—заканчиваетъ гипотетическій членъ общества покровительства животнымъ и отпираетъ клѣтку. И животное, выскочившее однимъ прыжкомъ, проявляетъ свою благодарность къ освободителю тѣмъ, что сбиваетъ его съ ногъ и запускаетъ въ шею свои когти. Освободи же черную пантеру нашей исторіи!—воскликнулъ докторъ.—Дай ей свободу послѣ того, какъ цѣлое столѣтіе потребовалось для того, чтобы поставить передъ ней рѣшетку, сквозь прутья которой черная пантера постоянно, при каждой возможности, протягиваетъ лапы, вооруженныя острыми когтями. Ты увидишь, чѣмъ отблагодаритъ тебя дикій звѣрь за традиціонный либерализмъ!

— Чего же ты хочешь?—спросилъ Санчесъ Моруета. — Убить «черную пантеру»? Думаешь ли ты, что это возможно сдѣлать однимъ ударомъ?

— Такъ должно было бы быть. Необходимо совершенно устранить безполезныхъ и опасныхъ дикихъ животныхъ, — отвѣтилъ Арести. Наступило молчаніе.

— Убить черную пантеру было бы самое лучшее, — началъ врачъ.—Но такъ какъ это не возможно, то необходимо хоть держать ее въ крѣпкой желѣзной клѣткѣ. Надо ослабить ее, подпилить ей когти и вырвать клыки. И когда отъ старости и слабости черная пантера превратится въ смирную собаку, тогда можно отперетъ двери и дать звѣрю полную свободу. И тогда если старые инстинкты пробудятся въ ней, достаточно будетъ пинка, чтобы призвать ее къ порядку» *).

Бласко Ибаньесъ, подобно Лукрецію, энциклопедистамъ и всѣмъ прогрессивнымъ испанцамъ, знаетъ только одну причину, почему «черная пантера» существуетъ. Испанскій романистъ отказывается признавать, что она порождена особой потребностью человѣческой

*) El Intruso, paginas 168—169.

души. «Черную пантеру» породила извѣчная трусость человѣческой мысли, страхъ передъ болѣзнью, старостью и, въ особенности, передъ смертью.

X.

Борясь съ «черной пантерой», какъ съ коллективной силой, Бласко Ибаньесъ жалѣетъ отдѣльныхъ священниковъ. Передъ нами разсказъ «Noche de bodas», помѣщенный въ сборникѣ «Cuentos Valencianos». Къ вопросу, затронутому въ этомъ разсказѣ, подходили не разъ уже французскіе романисты, въ особенности Гюи де Мопассанъ, Марсель Прево, Поль Маргеритъ и Октавъ Мирбо. Это не мѣшаетъ испанскому беллетристу быть оригинальнымъ. Въ Валенцiйской деревнѣ Белимаккетѣ большой мѣстный праздникъ. Торжественно служилъ свою первую мессу молодой священникъ, сынъ тетки Паскуалы и дяди Нело, по уличному Больо (Колобокъ). Всѣ въ деревнѣ помнили босоногаго запачканнаго мальчишку Висантета. Теперь послѣ долгихъ лѣтъ учебы онъ превратился въ дона Винсенте. Въ церкви было торжественно. Тетка Паскуала плакала навзрыдъ отъ счастья. Дядя Колобокъ сопѣлъ носомъ, закрывъ лицо руками. Молодой священникъ тоже былъ глубоко взволнованъ. «Онъ былъ охваченъ благороднымъ порывомъ. Донъ Винсенте думалъ о томъ, какъ онъ будетъ кротокъ, снисходителенъ и какъ воспользуется своимъ образованіемъ, чтобы помогать другимъ. И однимъ безконечно ласковымъ взглядомъ онъ окинулъ всѣ знакомыя лица въ церкви. Вонъ крестная мать его, дядя Колобокъ, тетка Паскуала и цвѣточница Тонета, подруга его дѣтства. Ея смуглую головку такъ легко замѣтить въ церкви! Дѣвушка съ глубокимъ изумленіемъ наблюдаетъ службу и какъ будто бы никакъ не можетъ привыкнуть къ мысли, что Висантетъ, съ которымъ она обращалась, какъ съ братомъ, превратился теперь въ серьезнаго священнослужителя, имѣющаго право исповѣдывать и отпускать грѣхи. Послѣ мессы слѣдуетъ большой банкетъ, устроенный богатой покровительницей дона Винсенте, которой пришла фантазія отправить крестьянскаго мальчика въ духовную семинарію.

Единственнымъ серьезнымъ человѣкомъ на обѣдѣ былъ новый священникъ. Онъ вспоминалъ свою прошлую жизнь, работу въ «huertas» (садахъ), трудно дававшееся ученіе. Вспоминалъ маленькую Тонету, поддерживавшую его въ трудныя времена, какъ сестра. Наконецъ наступили лучшія времена. Какъ любилъ онъ Тонету! «То не была грѣховная, мірская любовь: Тонета для него была все время сестрой, другомъ, словомъ, всѣмъ, но только не женщиной. И такъ велика была его иллюзія, что теперь ежеминутно онъ поднималъ глаза на Тонету. И ему казалось, что ея смуглое лицо просвѣтлено небеснымъ выраженіемъ и сіяетъ, и что ея косынка

съ изображеніемъ птицъ и цвѣтовъ превращается въ лазоревое покрывало, какъ у той, для прославленія которой употребляются самыя красивыя и возвышенныя слова, существующія въ каждомъ языкѣ»*). Мать Тонеты сообщаетъ священнику важную семейную новость. Въ домѣ надобенъ работникъ. Одна мать съ дочерью никакъ не могутъ справиться съ садомъ. Рѣшено поэтому обвѣнчать Тонету съ парнемъ Чернявымъ, который давно уже липнетъ къ дѣвушкѣ. Вѣнчать молодыхъ людей долженъ донъ Винсенте. Вѣдь, онъ почти членъ семьи. И черезъ два мѣсяца молодой священникъ дѣйствительно обвѣнчалъ цвѣточницу Тонету съ Чернявымъ. Но что это стоило дону Винсенте? «Онъ ненавидѣлъ теперь Чернявaго, своего товарища дѣтства. То былъ хорошій парень, но молодому священнику невыносима была мысль, что это грубое животное соединено теперь навсегда съ цвѣточницей. Какъ жалѣлъ донъ Винсенте, что именно онъ вѣнчалъ молодыхъ людей! И тотчасъ же онъ устыдился своихъ собственныхъ мыслей. Онъ покраснѣлъ при сознаніи, что раздраженіе его явилось результатомъ зависти». Дону Винсенте приходится присутствовать на брачномъ пиру. Этотъ вечеръ является для священника рядомъ безконечныхъ мученій. «Чернявый, нисколько не стѣсняясь, шутитъ въ его присутствіи съ друзьями по поводу того, что должно случиться ночью. Новобрачный дѣлалъ при этомъ такія комментаріи, что женщины за столомъ взвизгивали и называли его свиньей и животнымъ. Затѣмъ, какія мученія причиняла священнику Тонета. Она переодѣлась въ домашнее платье съ открытыми руками и плечами. И когда Тонета такъ близко подходила къ священнику, что онъ чувствовалъ ея теплое тѣло; когда онъ дружески спрашивала, что онъ думаетъ о ея свадьбѣ,—дону Винсенте казалось, что черные глаза его подруги дѣтства заглядываютъ ему въ душу... Какой дорогой цѣной заплатилъ онъ за сутану и за избавленіе отъ нищеты, въ которой родился! Онъ, самый почетный гость на свадьбѣ, священикъ, донъ Винсенте, съ завистью глядѣлъ теперь на грубыхъ парней въ пеньковыхъ альпаргатасъ (родъ лаптей). Онъ желалъ бы быть такимъ же какъ они. Онъ хотѣлъ бы, чтобы и къ нему остерегались приближаться женщины изъ боязни щипка или удара по спинѣ. И больше всего донъ Винсенте хотѣлъ бы не внушать сожалѣнія. Теперь на него всѣ глядѣли какъ на своего рода священную мумію, въ присутствіи которой можно говорить какія угодно страстныя слова, не заставляя ее трепетать». И мученія молодого священника становятся такъ сильны, что онъ оставляетъ свадебный ужинъ. «Донъ Винсенте чувствовалъ себя больнымъ. Лицо у него горѣло отъ прилившей крови. Ему казалось, что горячій вѣтеръ душной іюльской ночи проникъ въ вены, священникъ дышалъ тяжело, возбужденный воздухомъ, насыщеннымъ страстью». Дома

*) «Cuentos Valencianos», pagina 107.

донъ Винсенте тоже преслѣдуютъ видѣнія. «Несчастный, глядя изъ своего окна на черныя поля, видѣлъ вдали не смутныя очертанія бѣлаго домика, гдѣ происходилъ теперь пиръ, а погруженную въ сладострастный полумракъ брачную опочивальню, видѣлъ огромную постель, которую ему показывала и восхваляла тетка Тона... Что онъ видѣлъ дальше, для всѣхъ другихъ составляло блаженство, а для него, священника, смертный грѣхъ. То, чего донъ Винсенте никогда не зналъ и не узнаетъ, влекло теперь его неудержимой силой... Священикъ вспомнилъ про лукаваго, искушавшаго отшельниковъ: вспомнилъ св. Антонія, какъ его изображаютъ на картинахъ. Пустыникъ закрылъ глаза рукою, чтобы не видѣть прекрасныхъ, обнаженныхъ діаволицъ... Но донъ Винсенте не видалъ діавола въ эту знойную іюльскую ночь, напоенную сладострастіемъ»*). Молодымъ священикомъ овладѣваетъ чувство глубокой печали. Онъ сознаетъ, что мысли, прогнанныя теперь, возвратятся завтра и потомъ еще и еще. Онѣ отравятъ ему существованіе по мѣрѣ того, какъ огонь здоровой молодости будетъ разгараться сильнѣе и сильнѣе. Въ какомъ мрачномъ свѣтѣ представилось ему теперь будущее. Бороться вѣчно противъ природы, жить муміей въ мірѣ, гдѣ все отъ насѣкомаго до человѣка руководствуются любовью,—казалось дону Винсенте величайшимъ несчастьемъ. Честолюбіе и стремленіе избавиться отъ нищеты довели его до того, что онъ похороненъ заживо. Въ тотъ самый моментъ, когда донъ Винсенте думалъ, что вознесся на завидную высоту, онъ полетѣлъ въ мрачную пропасть. Товарищи дѣтства, терпящіе голодъ и гнущіе спины на бороздахъ, гораздо счастливѣе его. Они знаютъ величайшее счастье, отъ котораго долгъ велитъ отвергнуться дону Винсенте. Какою дорогою цѣною заплатилъ молодой священникъ за свое возвышеніе. Да будетъ проклята мысль, пришедшая въ голову доброй покровительницѣ сдѣлать изъ дюжаго деревенскаго парня священника!... «Разсвѣтало. Въ томъ направленіи, гдѣ было море, покровъ ночи разорвался, и показалась свѣтлая лазоревая полоса. Задымились поля и острые зубцы горъ. Звѣзды бросали свой послѣдній трепетный свѣтъ. И пѣніе жаворонковъ возвѣстило наступленіе дня. Какое великолѣпное утро! Быть можетъ, въ этотъ самый моментъ Тонета, свернувъ волосы жгутомъ и покрывъ грудь, которую молодой мужъ покрывалъ страстными поцѣлуями, поднялась съ постели и открыла окно въ спальнѣ, чтобы заря освѣжила воздухъ, насыщенный сладострастіемъ. Священникъ поднялся со скамьи, на которой просидѣлъ всю ночь. На лбу его залегла глубокая морщина, какъ воспоминаніе о томъ днѣ, когда подруга его дѣтства познала любовь, а онъ сочетался съ отчаяніемъ. Священникъ застоналъ. Онъ чувствовалъ вокругъ себя холодную пустоту. Донъ Винсенте думалъ о томъ, что если бы его руки и теперь знались съ мотыкой, быть

*) Cuentss Valencianos paginas 118—121.

можетъ, онъ, а не Чернявый лежалъ бы теперь рядомъ съ Тонетой... Бѣдный священникъ заплакалъ, какъ ребенокъ. Онъ плакалъ до тѣхъ поръ, покуда дребезжащій церковный колоколъ зазвонилъ, призывая къ мессѣ» *).

Бланко Ибаньесъ, какъ всѣ прогрессивные испанцы, питаетъ такую же глубокую вѣру въ человѣка, какъ энциклопедисты или какъ французскіе радикалы начала сороковыхъ годовъ. Онъ отказывается допустить, что «догматизированная метафизика» когда-либо чѣмъ-нибудь облегчила страданія человѣка. Она требовала, напротивъ, чтобы страдающіе мирились съ самой страшной несправедливостью, обѣщая имъ за это награду въ призрачномъ царствѣ. Эта доктрина, полагаетъ Бланко Ибаньесъ, слишкомъ примитивна для современнаго ума. «Мораль заключается не въ томъ, чтобы, унижая себя, становясь смиреннымъ и отрекаясь отъ естественныхъ инстинктовъ, искать узкую и каменистую дорогу въ призрачное царство, а въ томъ, чтобы принять жизнь таковою, какъ она есть, и любить ее во всей ея полнотѣ. Человѣкъ долженъ стремиться не къ эгоистической жизни въ самомъ себѣ для отвлеченнаго божества, а къ коллективной жизни во всемъ человѣчествѣ. Современному человѣку нечего терять время надъ вопросомъ о происхожденіи зла или о томъ, испорчена ли природа людская первороднымъ грѣхомъ. Достаточно знать, что природа измѣняется вслѣдствіе работы. Какое намъ дѣло до происхожденія зла? Насъ интересуетъ, какъ бороться съ нимъ и какъ побѣждать его. Мы не должны быть ни оптимистами, ни пессимистами, человѣкъ обреченъ дѣлать все для самого себя. У него нѣтъ никакихъ таинственныхъ закулисныхъ покровителей. Трудъ — законъ для человѣка, который можетъ разсчитывать только на одну опору — на науку. Современный человѣкъ сознаетъ границы познаваемаго. Ему чужды, какъ чрезмѣрная гордость, такъ и отчаяніе и самоуниженіе. Онъ не претендуетъ знать ни абсолютное, ни причину вещей. Но вѣдь и вѣра ничего этого не знаетъ... Надо принять жизнь таковою, какъ она есть, и изжить ее всю, въ полномъ объемѣ... Вмѣсто того, чтобы держать руки сложенными для молитвы, надо взять въ нихъ грубыя орудія труда, надо вести вѣчную борьбу съ землей, преобразовать ее и украсить. Наша мораль имѣетъ мозолистыя руки (nuestra moral tiene callos en las manos), а не бѣлыя и пухлыя, какъ у монаховъ, складывающихъ ихъ на груди, въ то время, какъ глаза обращены въ пустую высь» **). Приведу теперь заключительную страницу изъ романа Бланко Ибаньеса «El Intruso», которая выясняетъ вполнѣ взглядъ испанскаго романиста на величайшее (по мнѣнію испанцевъ) «устранимое препятствіе».

Дѣло происходитъ въ Бильбао послѣ народныхъ безпорядковъ,

---

*) ib. P. 124.
**) El Intruso, paginas 324—326.

завершившихся, какъ это обыкновенно бываетъ въ Испаніи, нападеніемъ на монастыри. Разъяренная толпа выволокла изъ церквей статуи и бросила ихъ въ рѣку.

«Солнце уже закатилось. На водѣ, казавшейся бронзовой отъ алаго заката, плавало послѣднее изображеніе святого. Докторъ Арести думалъ о закатѣ боговъ и о послѣднихъ сумеркахъ культовъ. О, если бы наступающая ночь была послѣдней длв старыхъ идоловъ! Если бы вновь взошедшее солнце озарило землю, освобожденную отъ легендъ, созданныхъ слабой и трусливой человѣческой мыслью, испугавшейся черной тайны смерти! Врачъ слѣдилъ глазами за идоломъ, уносимымъ теченіемъ, и думалъ о славномъ днѣ искупленія человѣчества. Исчезнутъ тогда всѣ большіе и малые идолы мужскаго и женскаго рода, державшіе въ теченіе многихъ вѣковъ въ рабствѣ все человѣчество. Оно слагало въ честь ихъ гимны, въ которыхъ говорилось объ отвращеніи къ жизни, о рабскомъ примиреніи съ земными несправедливостями для достиженія призрачнаго царства. Идолы десятки вѣковъ обманывали дни человѣчество и должны поэтому сгинуть. Они еще живутъ, но дни ихъ сочтены уже. Человѣчество начинаетъ уже протестовать противъ идоловъ и протягиваетъ къ нимъ сжатые кулаки. Оно не можетъ простить имъ, что они вѣками были защитниками насилія. Идолы должны сойти съ своихъ алтарей, какъ сдѣлали это раньше болѣе прекрасные языческіе боги. Мѣсто имъ удѣлено въ историческихъ музеяхъ; но тамъ идолы, вслѣдствіе своего безобразія, не вызовутъ такого восторга, какъ гармоничныя божества эллинскаго міра. Сверженные идолы будутъ стоять рядомъ съ причудливыми фетишами первобытныхъ народовъ. На смѣну имъ явятся наука и соціальная справедливость» *).

Діонео.

Изъ хроники соціальной борьбы въ Германіи.

(Локаутъ въ строительной промышленности).

Исполинскій двухмѣсячный локаутъ, парализовавшій весной и лѣтомъ текущаго года всю строительную промышленность Германіи, принадлежитъ, несомнѣнно, къ числу замѣчательнѣйшихъ соціальныхъ столкновеній послѣдняго времени. Причины, вызвавшія этотъ грандіозный конфликтъ, его размѣры, формы и характеръ такъ своеобразны, полны такого глубокаго интереса и значенія, что

*) El Intruso, paginas 419- 420.

позволяютъ говорить о наступленіи новой полосы, новой эпохи въ исторіи пролетарскаго движенія Германіи. Представляя, наряду съ прошлогодней шведской стачкой, послѣднее слово техники въ области соціальной войны, — нѣмецкій локаутъ 1910 г. является въ то же время прообразомъ грядущихъ столкновеній, еще болѣе грозныхъ и упорныхъ, навстрѣчу которымъ быстро идетъ лихорадочно-развивающаяся имперія «крови и желѣза». Никто не можетъ точно предсказать ни дня, ни формъ этихъ предстоящихъ битвъ труда и капитала, но что онѣ близки, что ихъ тревожнымъ дыханіемъ уже насыщена атмосфера нашихъ дней,—это прекрасно чувствуетъ и сознаетъ всякій, кто дышетъ воздухомъ современной Германіи. Тѣмъ большій интересъ,—интересъ не только европейскаго, но и русскаго читателя—долженъ возбуждать первый крупный конфликтъ, первая серьезная аванпостная стычка обоихъ борющихся классовъ.

На послѣдующихъ страницахъ мы попытаемся развернуть картину этого замѣчательнаго столкновенія.

I.

По количеству занятыхъ лицъ и по сферѣ распространенія строительная промышленность занимаетъ первое мѣсто среди другихъ отраслей народнаго хозяйства Германіи. Согласно даннымъ послѣдней промышленной переписи 1907 г., въ строительномъ дѣлѣ занято 1.568 тыс. рабочихъ и 100 тысячъ техниковъ, архитекторовъ, служащихъ управленія и т. п Вмѣстѣ съ семьями число лицъ, существованіе которыхъ связано съ областью строительной промышленности, достигаетъ огромной цифры 4,9 милл. человѣкъ, т. е. почти $^1/_{12}$ всего населенія Германіи. Самую крупную и вліятельную группу строительныхъ рабочихъ представляютъ каменщики, насчитывающіе 542 тыс. человѣкъ, далѣе идутъ плотники съ 183 тыс., маляры—съ 146 т., кровельщики—съ 29 т. и нѣкоторые другіе. Число строительныхъ чернорабочихъ опредѣляется приблизительно въ 550 тыс. человѣкъ, однако въ виду крайней текучести и непостоянства данной категоріи рабочихъ всю эту массу трудно причислять исключительно къ строительному пролетаріату.

Не смотря на столь широкіе размѣры, строительная промышленность Германіи отнюдь не принадлежитъ къ числу тѣхъ крупно-капиталистическихъ отраслей производства, наиболѣе типичными образчиками которыхъ являются горное дѣло и металлургическая индустрія. Согласно тѣмъ же даннымъ переписи 1907 г., число предпринимателей въ строительной промышленности достигаетъ громадной цифры 215 тыс. человѣкъ, число самостоятельныхъ предпріятій—208 т. Такимъ образомъ въ среднемъ на одно пред-

пріятіе приходится лишь 7,5 рабочихъ. При этомъ слѣдуетъ имѣть еще въ виду, что изъ общаго количества 208 т. предпріятій 75 т. или свыше одной трети приходятся на долю одиночныхъ предпріятій и только въ 133 тыс. заведеній занято по нѣсколько человѣкъ (въ среднемъ на одно заведеніе 11,2 рабочихъ). Однако и среди этихъ 133 тыс. подавляющее большинство предпріятій принадлежитъ къ разряду мелкихъ и среднихъ, т. е. съ числомъ рабочихъ до 50 чел., и лишь самое незначительное количество заведеній относится къ категоріи крупныхъ и гигантскихъ и насчитываетъ по нѣсколько сотъ, а иногда и тысячъ занятыхъ лицъ. Это преобладаніе мелкаго и средняго производства представляетъ характерную черту строительной промышленности Германіи, и ниже мы увидимъ, какое значеніе именно это обстоятельство имѣло въ развитіи и исходѣ описываемаго локаута.

Переходя къ изображенію экономическаго положенія строительныхъ рабочихъ, мы прежде всего должны указать на то, что это положеніе весьма далеко отъ совершенства, значительно дальше, чѣмъ положеніе цѣлаго ряда другихъ категорій рабочихъ, напр., печатниковъ, металлистовъ или рабочихъ по дереву. Трудовой день строительныхъ рабочихъ еще и понынѣ отличается необыкновенной продолжительностью: въ Восточной Пруссіи и Силезіи онъ составляетъ $10^1/_2$—11 час., въ большинствѣ мелкихъ, среднихъ, а отчасти и крупныхъ городовъ остальной Германіи—10 ч., и лишь въ нѣсколькихъ крупнѣйшихъ центрахъ страны, какъ Берлинъ, Гамбургъ, Кёльнъ, Нюрнбергъ и др., опускается до 9—$9^1/_2$ час. 8-часовой рабочій день въ строительной промышленности Германіи явленіе почти совершенно неизвѣстное, и начатая три года тому назадъ берлинскими рабочими борьба за это требованіе окончилась плачевной неудачей.

Не лучше обстоитъ дѣло и съ заработной платой. Правда, въ лѣтніе мѣсяцы, когда работа идетъ полнымъ ходомъ, каменщикъ или плотникъ нерѣдко зарабатываетъ по 60, 50, 90 и больше пфениговъ въ часъ, т. е. отъ 6 до 9 мк. *) въ день; однако, если принять во вниманіе зимнюю безработицу и частые перерывы въ лѣтней работѣ, вызываемые состояніемъ погоды или несвоевременной доставкой матеріала, то эта яркая картина быстро потеряетъ свои радужныя краски. Въ самомъ дѣлѣ, вотъ что говоритъ безпристрастная статистика. Согласно анкетѣ 1905 г., произведенной союзомъ каменщиковъ и охватившей 205 т. рабочихъ,—12 т. (6%) всѣхъ опрошенныхъ имѣли годовой доходъ не свыше 100 мк., 70 тыс. (34%) — отъ 700 до 1000 мк., 61 т. (29%)—отъ 700 до 1200 мк. и только 62 т. (31%)—свыше 1200 мк. Такимъ образомъ, почти 70% каменщиковъ имѣли годовой доходъ не свыше 1200 м. (555 р.)—цифры, по германскимъ масштабамъ, со-

*) Марка=100 пф.=46,3 коп.

вершенно недостаточной. Заработная плата плотниковъ равняется приблизительно заработной платѣ каменщиковъ, заработная плата строительныхъ чернорабочихъ нѣсколько ниже.

Это вообще неблагопріятное экономическое положеніе сильно ухудшается еще тѣмъ обстоятельствомъ, что заработокъ строительнаго рабочаго распредѣляется на протяженіи года крайне неравномѣрно. Въ теченіе 7—8 мѣсяцевъ строительного сезона онъ зарабатываетъ и проживаетъ,—никакихъ сбереженій обычно не дѣлается,—по меньшей мѣрѣ, три четверти своего годового дохода, но за то въ зимніе мѣсяцы, когда наступаетъ жестокая безработица, въ двери его тѣснаго жилища начинаетъ громко стучаться самая неприглядная нужда.

Профессія создаетъ человѣка—это старинное изреченіе, какъ нельзя болѣе, оправдывается въ примѣненіи къ строительному рабочему. Низкая заработная плата, длинный трудовой день, частая безработица, бродячая жизнь, тяжелый трудъ на открытомъ воздухѣ, рѣзкіе переходы отъ сравнительнаго благосостоянія къ полной нищетѣ и наоборотъ—всѣ эти специфическія черты существованія любого каменщика или плотника накладываютъ на нихъ своеобразный отпечатокъ, создаютъ изъ нихъ совершенно особый типъ пролетарія, рѣзко отличающійся отъ типа печатника, столяра или металлиста. Какъ общее правило, строительный рабочій отличается меньшей культурностью по сравненію со своими болѣе квалифицированными собратьями, и это сказывается рѣшительно во всемъ: въ образѣ жизни, костюмѣ, манерѣ держать себя, разговорѣ, грамотности. Въ Германіи, какъ извѣстно, уже много лѣтъ существуетъ всеобщее обученіе, и однако рѣдкій каменщикъ или плотникъ пишетъ вполнѣ правильно по-нѣмецки. По своему характеру строительный рабочій простъ, общителенъ и добродушенъ, однако по внѣшности рѣзокъ и даже грубоватъ, пьетъ много пива и отличается большой вспыльчивостью и экспансивностью. Элементъ чувства въ немъ вообще развитъ сильнѣе. чѣмъ въ другихъ представителяхъ пролетаріата; поэтому собранія строительныхъ рабочихъ очень часто принимаютъ весьма бурное теченіе, и рѣдкая стачка каменщиковъ или плотниковъ обходится безъ такъ называемыхъ «эксцессовъ», т. е. кулачныхъ расправъ и жестокихъ избіеній штрейкбрехеровъ.

Впрочемъ, эти профессіональныя черты характера не помѣшали строительнымъ рабочимъ рано оцѣнить значеніе организаціи. Уже въ 60-хъ годахъ прошлаго столѣтія, въ періодъ зарожденія современнаго рабочаго движенія Германіи, мы встрѣчаемъ первые союзы плотниковъ и каменщиковъ, быстро крѣпнущіе и развивающіеся въ атмосферѣ политическаго и экономическаго оживленія той эпохи. Въ послѣдовавшіе затѣмъ тяжелые годы тессендорфской эры и исключительнаго закона организаціи строительныхъ рабочихъ раздѣляютъ общую судьбу профессіональныхъ

союзовъ Германіи: онѣ распускаются, закрываются, подвергаются всевозможнымъ гоненіямъ и преслѣдованіямъ, десятками гибнутъ и сотнями возраждаются снова. Паденіе исключительнаго закона противъ соціалистовъ, послѣдовавшее въ 1890 г., приноситъ, наконецъ, союзамъ строительныхъ рабочихъ, наряду со всѣмъ остальнымъ германскимъ рабочимъ движеніемъ, нормальныя условія существованія и развитія. Съ этого момента начинается ихъ быстрый ростъ и усиленіе. Общее количество членовъ «свободныхъ» (соціалистическихъ) союзовъ каменщиковъ, плотниковъ и строительныхъ чернорабочихъ измѣнялось слѣдующимъ образомъ:

Годъ.	Каменщики.	Плотники.	Строительные чернорабочіе.
	(В ъ т ы	с я ч а	х ъ).
1891	10,2	9,8	2,5
1894	12,5	8,1	2,2
1897	42,6	17,6	4,3
1900	82,9	25,3	17,9
1903	101,2	27,3	22,6
1906	183,5	50,5	70,6
1908	175,0	51,1	55,5
1909	179,5	53,8	67,0

Въ настоящій моментъ число соціалистически организованныхъ рабочихъ составляетъ около 20% всего строительнаго пролетаріата Германіи. Лучше всего организованными являются каменщики, союзъ которыхъ охватываетъ 33% всѣхъ германскихъ каменщиковъ, далѣе идутъ плотники съ 28% и, наконецъ, строительные чернорабочіе съ 13% организованныхъ. Впрочемъ, эти цифры не совсѣмъ точно передаютъ дѣйствительное значеніе рабочихъ организацій. Союзы строительныхъ рабочихъ, какъ и всѣ вообще профессіональные союзы Германіи, распредѣлены по странѣ весьма неравномѣрно. По меньшей мѣрѣ, три четверти ихъ членовъ концентрируется въ крупныхъ городахъ и промышленныхъ центрахъ, какъ Берлинъ, Гамбургъ, Мюнхенъ, Дрезденъ, Лейпцигъ и др., и тутъ союзы объединяютъ уже не 25—30, а 70, 80, 90 и даже 100% всего количества строительнаго пролетаріата. И такъ какъ всѣ широкія столкновенія труда и капитала разыгрываются не въ селахъ и мѣстечкахъ, а именно въ этихъ крупнѣйшихъ средоточіяхъ промышленности и торговли, то реальная сила рабочихъ организацій на практикѣ далеко выходитъ за тѣ, казалось бы, неширокіе предѣлы, на которые даютъ имъ право сравнительно скромныя среднія цифры.

Въ настоящее время союзы строительныхъ рабочихъ принадлежатъ къ числу крупнѣйшихъ экономическихъ организацій нѣмецкаго пролетаріата. Могущественный союзъ каменщиковъ со своей

строгой организаціей, желѣзной дисциплиной и блестящимъ вождемъ Т. Бёмельбургомъ во главѣ является гордостью и красой соціалистическаго профессіональнаго движенія Германіи. О финансовой мощи союзовъ строительныхъ рабочихъ можетъ дать представленіе слѣд. небольшая таблица (данныя 1908 г.):

	Число членовъ (въ тыс.)	Доходы.	Расходы.	Имущество.
		(въ тысячахъ марокъ).		
Каменщики	175,0	3.670	1.602	5.860
Строит. чернораб. . .	55,5	1.483	1.079	1.293
Плотники	51,1	1.500	1.303	1.807
	281,6	6.653	4.984	8.960

Въ интересахъ полноты къ тремъ перечисленнымъ организаціямъ слѣдуетъ прибавить еще четвертую—«Христіанскій союзъ строительныхъ рабочихъ» *) съ 35 тыс. членовъ, 685 тыс. мк. дохода, 554 т. мк. расхода и 583 т. мк. имущества. Тогда общее количество организованныхъ строительныхъ рабочихъ возрастетъ до 317 тыс., сумма годового дохода четырехъ союзовъ достигнетъ $7^1/_3$, сумма годового расхода—$5^1/_2$ и размѣръ имущества—$9^1/_2$ милл. мк. Такова организація труда въ области строительной промышленности.

Присмотримся теперь къ организаціи капитала. Главнымъ представителемъ объединенныхъ предпринимателей въ строительной промышленности является, «Arbeitgeberbund für das Baugewerbe» («Союзъ работодателей строительной промышленности»), возникшій въ 1899 г. изъ соединенія 40 мѣстныхъ и областныхъ предпринимательскихъ организацій. Задачи, которыя ставилъ себѣ Arbeitgeberbund при своемъ возникновеніи, въ общихъ чертахъ сводились къ слѣдующему: объединеніе существующихъ и созданіе новыхъ областныхъ и мѣстныхъ предпринимательскихъ организацій, защита интересовъ работодателей по отношенію къ государству, общинамъ, домовладѣльцамъ и рабочимъ, созданіе предпринимательскихъ биржъ труда (рѣчь о нихъ у насъ будетъ ниже), борьба со стачками, главнымъ образомъ, путемъ бойкота бастующихъ рабочихъ, суммированіе и популяризація опыта членовъ, вынесеннаго изъ столкновеній съ рабочими и т. д. И справедливость требуетъ сказать, что эта обширная программа, особенно въ части ея, касающейся борьбы съ рабочимъ движеніемъ, отнюдь не осталась только на бумагѣ, но получила самое послѣдовательное, самое безпощадное осуществленіе въ жизни.

*) «Христіанскій союзъ», возникшій въ 1899 г., примыкаетъ къ партіи католическаго центра и объединяетъ болѣе отсталые элементы строительнаго пролетаріата. Во все время описываемаго локаута онъ неизмѣнно шелъ однако рука объ руку съ соціалистическими организаціями.

На протяженіи своего 11-лѣтняго существованія Arbeitgeberbund все время оставался неуклонно-вѣренъ разъ принятому курсу, курсу самаго грубаго, самаго неприкрытаго классоваго эгоизма. Въ Вюртембергѣ Arbeitgeberbund велъ энергичную, но, къ счастью, безуспѣшную кампанію противъ введенія на постройкахъ рабочихъ контролеровъ; въ особой петиціи рейхстагу онъ протестовалъ противъ введенія страхованія отъ безработицы; во всѣхъ крупнѣйшихъ центрахъ Германіи онъ пытался основать и отчасти основалъ предпринимательскія биржи труда; онъ агитировалъ за установленіе однообразныхъ увольнительныхъ свидѣтельствъ для рабочихъ; велъ отчаянную борьбу противъ проникновенія въ строительную промышленность коллективнаго договора и, наконецъ, искусственно инсценировалъ нынѣшній исполинскій локаутъ съ явнымъ намѣреніемъ нанести смертельный ударъ рабочимъ организаціямъ. Эта политика рѣшительной, ни передъ чѣмъ не останавливающейся защиты узко-классовыхъ предпринимательскихъ интересовъ создала Bund'у въ глазахъ общественнаго мнѣнія страны столь же нелестную репутацію, какъ и организаціямъ металлическихъ королей или угольныхъ бароновъ, но за то доставила горячія симпатіи въ кругахъ работодателей. Мы уже видѣли, что при своемъ возникновеніи Arbeitgeberbund насчитывалъ въ своихъ рядахъ 40 областныхъ и мѣстныхъ организацій. Ростъ его въ теченіе дальнѣйшихъ 10 лѣтъ совершался слѣд. образомъ.

Годъ,	Число организацій.	Число членовъ организацій.
1901	82	3.500
1903	124	6.365
1905	159	8.465
1907	388	18.300
1909	434	22.000

Если принять во вниманіе, что общее количество предпринимателей, могущихъ войти въ составъ Bund'а, опредѣляется, приблизительно, въ 45.000 чел., то придется признать, что организація капитала въ строительной промышленности уже въ настоящее время находится на очень высокой ступени развитія: она объединяетъ почти половину всѣхъ работодателей страны и при томъ половину, экономически наиболѣе сильную и вліятельную.

Такова та соціальная среда, въ которой разыгралось одно изъ крупнѣйшихъ, пережитыхъ Германіей, столкновеній труда и капитала; таковы тѣ исполинскія соціальныя силы, единоборство которыхъ приковало къ себѣ напряженное вниманіе всей страны весной и лѣтомъ текущаго года.

Перейдемъ теперь къ самому столкновенію.

II.

Для того, чтобы понять причины, вызвавшія локаутъ 1910 г., необходимо бросить бѣглый взглядъ на развитіе внутреннихъ отношеній въ строительной промышленности въ теченіе минувшаго десятилѣтія.

Выше мы уже указывали, что съ самаго момента своего возникновенія союзъ предпринимателей велъ отчаянную борьбу противъ проникновенія коллективнаго договора въ область строительнаго производства. И въ этомъ поведеніи союза, въ сущности, не было ничего удивительнаго. Признаніе коллективнаго договора предполагаетъ признаніе равноправности обѣихъ договаривающихся сторонъ, т. е. въ данномъ случаѣ организацій рабочихъ и предпринимателей. Но Arbeitgeberbund объ этомъ меньше всего думалъ. Въ современномъ профессіональномъ движеніи онъ видѣлъ не естественное, всѣмъ ходомъ соціально-экономическаго развитія вызванное явленіе, а дерзкій мятежъ наемниковъ противъ законной власти капитала, мятежъ, который долженъ быть безпощадно подавленъ. При такомъ настроеніи предпринимателей ни о какомъ «смягченіи» классовыхъ противорѣчій, конечно, не могло быть и рѣчи. Когда осенью 1899 г. центральное правленіе союза каменщиковъ обратилось къ генеральному собранію Arbeitgeberbund'а въ Карлсруэ съ письмомъ, въ которомъ выражало пожеланіе, чтобы регулированіе условій труда и улаживаніе столкновеній въ строительной промышленности производилось совмѣстно обѣими сторонами,—собравшіеся предприниматели пришли въ сильное негодованіе. И предсѣдатель Bund'а, Фелишъ, только выражалъ общія чувства, когда, при бурномъ одобреніи слушателей, рѣшительно заявилъ слѣдующее:

«Пока мы не проведемъ побѣдоносно хотя бы одной серьезной «пробы силъ»,—мы не добьемся мира и спокойствія въ промышленности. Такая «проба силъ» должна быть вызвана. Долженъ быть инсценированъ локаутъ въ крупныхъ областяхъ, а если возможно, то и во всей Германіи, для того, чтобы невозможнымъ требованіямъ рабочихъ разъ навсегда былъ положенъ конецъ».

Одинадцать лѣтъ спустя угроза, высказанная въ Карлсруэ, была приведена въ исполненіе.

Но какъ враждебно ни относился Arbeitgeberbund къ коллективному договору, онъ не могъ помѣшать естественному ходу развитія. Съ ростомъ профессіональныхъ организацій, съ усиленіемъ ихъ вліянія на условія труда рабочей массы этотъ договоръ превращался просто въ экономическую необходимость и властно пробивалъ себѣ дорогу. Иронія судьбы хотѣла, что-бы, какъ разъ въ тотъ моментъ, когда Фелишъ произносилъ свою угрозу на

генеральномъ собраніи въ Карлсруэ,—организація предпринимателей въ Берлинѣ заключала первый крупный коллективный договоръ въ строительной промышленности, въ теченіе послѣдующихъ 8 лѣтъ дважды возобновлявшійся лишь съ самыми незначительными измѣненіями. Примѣру Берлина вскорѣ послѣдовали Гамбургъ, Мюнхенъ, Лейпцигъ, Дрезденъ и цѣлый рядъ другихъ крупнѣйшихъ центровъ Германіи. За крупными центрами естественно потянулись средніе и мелкіе, и въ короткое время коллективный договоръ завоевалъ себѣ полное право гражданства въ области строительнаго производства. Какъ широко было его распространеніе, лучше всего можно судить по тому, что къ концу 1907 г. въ строительной промышленности существовало свыше 1,200 тарифныхъ (коллективныхъ) соглашеній, подъ дѣйствіемъ которыхъ находилось 11,000 мѣстъ и 270 тыс. рабочихъ.

Побѣдоносное шествіе коллективнаго договора оказало чрезвычайно сильное, но, на первый взглядъ, не совсѣмъ понятное дѣйствіе на руководителей Arbeitgeberbund'a. Ихъ позиція внезапно и круто измѣнилась: изъ ожесточенныхъ враговъ тарифныхъ соглашеній они вдругъ превратились въ ихъ горячихъ сторонниковъ и въ періодъ 1905—7 гг. приложили не мало энергіи и старанія для расширенія сферы дѣйствія коллективныхъ договоровъ. Но при заключеніи каждаго новаго договора Arbeitgeberbund ставилъ неизмѣннымъ категорическимъ условіемъ, чтобы срокъ истеченія соглашенія падалъ на одинъ опредѣленный день, именно 31 марта 1908 г. И эта настойчивость Bund'a въ установленіи однообразныхъ сроковъ истеченія договоровъ давала ключъ къ пониманію внезапной перемѣны въ его тактикѣ и къ разгадкѣ его истинныхъ намѣреній. Расчетъ Bund'a былъ совершенно ясенъ: искусственно расширяя кругъ рабочихъ, возобновленіе тарифовъ для которыхъ приходится на одно и то-же число, онъ ставилъ профессіональныя организаціи въ случаѣ столкновенія съ предпринимателями передъ трудной задачей оказывать денежную поддержку многимъ тысячамъ и десяткамъ тысячъ лицъ. А объ этомъ столкновеніи Bund усиленно мечталъ и заранѣе подготовлялъ для него необходимую почву.

Обстоятельства, казалось, Bund'y благопріятствовали. Большая 10-недѣльная стачка берлинскихъ строительныхъ рабочихъ, начатая въ маѣ 1907 г. съ требованіемъ повышенія заработной платы и введенія 8-час. рабочаго дня, окончилась полной неудачей. Въ экономической жизни Германіи надвигался тяжелый промышленный кризисъ со своими обычными послѣдствіями—сокращеніемъ производства, паденіемъ заработной платы, массовой безработицей, голодомъ и нищетой. И въ той мѣрѣ, въ какой подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ событій ухудшались шансы для побѣдоносной борьбы рабочихъ организацій,—въ той же мѣрѣ росли самоувѣренность, задоръ и несговорчивость предпринимателей. Казалось, всѣмъ

своимъ поведеніемъ они громко хотѣли сказать: наконецъ-то пришелъ и нашъ часъ.

31 марта 1908 г. истекалъ срокъ 483 тарифовъ, подъ дѣйствіемъ которыхъ работало около 120 тыс. человѣкъ. И вотъ, когда за 4 недѣли до истеченія срока между обѣими сторонами начались переговоры о возобновленіи договоровъ,—Arbeitgeberbund выдвинулъ готовый проектъ «образцоваго тарифа», въ рамкахъ котораго отнынѣ должны были заключаться всѣ мѣстныя и областныя соглашенія. Этотъ «образцовый тарифъ», содержавшій цѣлый рядъ серьезныхъ ухудшеній по сравненію съ ранѣе дѣйствовавшими тарифами (уплата нормальной заработной платы только «дѣльнымъ» рабочимъ, запрещеніе профессіональнымъ организаціямъ бороться противъ примѣненія сдѣльной работы и т. д.), вызвалъ крайнее негодованіе въ рабочихъ кругахъ и, такъ какъ предприниматели упорно отказывались пойти на уступки, то гигантская борьба казалась неизбѣжной. Но какъ разъ въ тотъ моментъ, когда всякая надежда на миръ, повидимому, была потеряна, на помощь внезапно пришло постороннее вмѣшательство: издатель извѣстнаго журнала «Soziale Praxis», проф. Франке, обратился съ письмомъ къ союзамъ рабочихъ и предпринимателей, въ которомъ предлагалъ имъ передать улаживаніе спорныхъ вопросовъ на разрѣшеніе трехъ безпартійныхъ лицъ. Это предложеніе было принято обѣими сторонами, и въ третейскіе судьи, по взаимному соглашенію, намѣчены слѣд. лица: членъ берлинскаго магистрата д-ръ Шульцъ, предсѣдатель мюнхенскаго промысловаго суда д-ръ Преннеръ и бургомистръ г. Эссена—д-ръ Видфельдтъ. Съ послѣдними двумя лицами намъ еще придется встрѣтиться впослѣдствіи. Въ двухдневномъ засѣданіи 25—26 марта третейскому суду удалось, хотя и съ большимъ трудомъ, достигнуть соглашенія враждующихъ сторонъ: предпринимателямъ пришлось пожертвовать всѣми опасными нововведѣніями «образцоваго тарифа», за то и рабочимъ пришлось отказаться отъ сокращенія рабочаго времени и сколько-нибудь существеннаго повышенія заработной платы.

Рѣшеніе третейскаго суда, принятое представителями обѣихъ сторонъ, вызвало сильное неудовольствіе въ рабочихъ кругахъ. Вождямъ профессіональныхъ союзовъ, прекрасно понимавшимъ невозможность успѣшной борьбы въ періодъ жесточайшаго промышленнаго кризиса, стоило огромныхъ усилій убѣдить рядовую массу членовъ подчиниться рѣшенію суда и отложить открытое столкновеніе до болѣе благопріятнаго времени. Какъ велико было раздраженіе рабочихъ, можно судить, напр., по тому, что въ такомъ крупномъ центрѣ строительной промышленности, какъ Мюнхенъ, на собраніи каменщиковъ представителю центральнаго правленія союза не дали говорить, и что среди присутствовавшихъ въ залѣ сторонниковъ и противниковъ тарифа дѣло едва не дошло до кулачнаго столкновенія. Аналогичныя явленія происходили и въ

другихъ городахъ. Однако желѣзная дисциплина, господствующая въ германскихъ профессіональныхъ союзахъ, въ концѣ концовъ сдѣлала свое дѣло, и, не смотря на сильную оппозицію, новые тарифы были повсюду приняты рабочими.

Тарифы были приняты, но грозовыя тучи не исчезли съ горизонта. Яснѣе, чѣмъ когда-либо, событія 1908 г. показали, что гигантская борьба между трудомъ и капиталомъ въ строительной промышленности совершенно неизбѣжна и что наступившее двухлѣтнее спокойствіе (тарифы были заключены до 31 марта 1910 г.) есть не прочный миръ, а лишь временное перемиріе передъ битвой. И обѣ стороны прилагали всѣ усилія къ тому, чтобы какъ можно лучше использовать эту полосу зловѣщаго затишья для цѣлей военной подготовки.

Рабочіе строили и укрѣпляли свою организацію, пріучали широкія массы къ мысли о неизбѣжности грядущаго столкновенія, стягивали разрозненныя силы (какъ разъ въ этотъ періодъ было рѣшено сліяніе союзовъ каменщиковъ и строительныхъ чернорабочихъ) и въ особенности заботились о пополненіи и усиленіи боевыхъ фондовъ и кассъ. Именно съ этой послѣдней цѣлью еженедѣльный взносъ у каменщиковъ былъ повышенъ на 10 пф., а у строительныхъ чернорабочихъ почти удвоенъ. Плотники постановили не повышать обычнаго членскаго взноса и ограничились единовременнымъ экстреннымъ взносомъ въ размѣрѣ отъ 3—8 мк.

Не дремали, съ своей стороны, и предприниматели. Наряду съ усиленной вербовкой новыхъ членовъ, Arbeitgeberbund заручился обѣщаніемъ поддержки на случай борьбы со стороны другихъ предпринимательскихъ организацій, вступилъ въ соглашеніе съ иностранными союзами работодателей въ цѣляхъ уничтоженія конкурренціи съ ихъ стороны во время стачки или локаута и бойкота ими борющихся нѣмецкихъ рабочихъ и, наконецъ, принялъ цѣлый рядъ экстраординарныхъ мѣръ для созданія внушительнаго боевого фонда. Со свойственной ему развязностью Arbeitgeberbund передъ началомъ локаута urbi et orbi объявлялъ, что въ его распоряженіи находится 50 милл. мк., однако, какъ выяснилось впослѣдствіи, эта громадная сумма оказалась лишь продуктомъ горячаго воображенія его руководителей.

Въ этихъ лихорадочныхъ военныхъ приготовленіяхъ прошли незамѣтно почти два года, и, когда за 4 мѣсяца до истеченія срока договоровъ—въ ноябрѣ 1909 г.—между рабочими и предпринимателями начались переговоры о возобновленіи тарифовъ, оба противника стояли другъ противъ друга съ сосредоточенными лицами въ полной боевой готовности. Предприниматели и на этотъ разъ, какъ въ 1908 г., выступили въ роли нападающей стороны: они потребовали отъ рабочихъ признанія новаго «образцоваго тарифа», представлявшаго самое беззастѣнчивое покушеніе на существованіе профессіональныхъ организацій и на важнѣйшія эконо-

мическія завоеванія, сдѣланныя строительнымъ пролетаріатомъ въ предыдущіе годы. Такъ какъ все исполинское столкновеніе 1910 г. выросло на почвѣ именно этого «образцоваго тарифа», то мы должны здѣсь познакомиться съ нимъ нѣсколько внимательнѣе.

III.

Главнѣйшіе пункты новаго тарифа сводились къ слѣдующему:

1) рабочій день ни въ коемъ случаѣ не можетъ быть сокращенъ ниже 10 ч.;

2) вмѣсто прежней *минимальной* заработной платы вводится такъ называемая *средняя* заработная плата, при чемъ предпринимателю предоставляется право, по собственному усмотрѣнію, назначать рабочему ту или иную плату въ зависимости отъ его «дѣльности» и степени «обученности» *);

3) допускается примѣненіе сдѣльной работы, при чемъ профессіональнымъ организаціямъ строго воспрещается какъ бороться съ самымъ введеніемъ сдѣльной работы, такъ и оказывать какое бы то ни было вліяніе на установленіе высоты сдѣльныхъ платъ;

4) вмѣсто сотенъ мѣстныхъ и областныхъ тарифовъ устанавливается единый для всей Германіи тарифный договоръ, заключаемый на 3-лѣтній срокъ центральными правленіями рабочихъ и предпринимательской организацій;

5) рабочіе признаютъ предпринимательскія биржи труда и обязываются пользоваться исключительно ихъ услугами.

Значеніе первыхъ трехъ пунктовъ предпринимательскихъ требованій—о рабочемъ днѣ, средней заработной платѣ и сдѣльной работѣ—на столько ясны, требованія эти проникнуты такимъ откровеннымъ соціально-реакціоннымъ духомъ, что о нихъ много говорить не приходится. Для всякаго совершенно очевидно, что рабочіе могли на нихъ отвѣтить только категорическимъ: нѣтъ!

Сложнѣе обстоитъ дѣло съ двумя другими требованіями—о единомъ центральномъ тарифѣ и о предпринимательскихъ биржахъ труда. И такъ какъ эти требованія играли доминирующую роль въ движеніи нынѣшняго года, то мы должны остановиться на нихъ нѣсколько подробнѣе.

На первый взглядъ, требованіе единаго для всей Германіи тарифнаго договора кажется чрезвычайно разумнымъ и цѣлесообраз-

*) Для того, чтобы иллюстрировать значеніе «среднихъ» платъ на практикѣ, мы приведемъ слѣдующій примѣръ. Допустимъ, что въ городѣ А, гдѣ средняя плата установлена въ размѣрѣ 50 пф. въ часъ, предприниматель имѣетъ 30 рабочихъ. Пятнадцати изъ нихъ онъ платитъ по 44 пф., восьми—по 48, двумъ—по 50 и пяти—по 70. Требованіе тарифа онъ исполнилъ совершенно точно—средняя заработная плата у него 50 пф.—и, однако, подавляющее большинство рабочихъ получаетъ ниже установленной нормы.

нымъ. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ не упрощаетъ подобная система сложную сѣть отношеній между трудомъ и капиталомъ, развѣ не создаетъ она большаго равенства, устойчивости и однообразія въ положеніи рабочаго? И развѣ практика не доказала возможности подобныхъ тарифовъ? Развѣ не существуетъ единый тарифъ у рабочихъ текстильной промышленности въ Англіи, у типографскихъ рабочихъ въ Германіи? И развѣ все развитіе соціально-экономической жизни современности съ ея могучими централизаторскими тенденціями не ведетъ вполнѣ естественно и неизбѣжно къ созданію большихъ центральныхъ тарифныхъ договоровъ, охватывающихъ всю страну?

Да, несомнѣнно, развитіе идетъ именно въ эту сторону, несомнѣнно, мѣстные и областные тарифы постепенно замѣняются національными. Но для того, чтобы эта замѣна произошла, необходима такая степень организованности труда и капитала, которая въ строительной промышленности Германіи еще далеко не достигнута. Въ 1908 г., по настоянію предпринимателей, въ Рейнской провинціи и Вестфаліи былъ заключенъ рядъ тарифовъ въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ организаціи и рабочихъ и работодателей находились еще въ пеленкахъ, и результатомъ этого легкомысленнаго шага было систематическое нарушеніе тарифовъ обѣими сторонами. Тотъ же результатъ получился бы въ настоящее время, если бы исполнено было требованіе предпринимателей и для всей Германіи былъ заключенъ единый коллективный договоръ. При нынѣшней организованности сторонъ въ строительной промышленности ни рабочіе, ни работодатели фактически не могутъ поручиться за точное выполненіе взятыхъ на себя обязательствъ. А между тѣмъ всякая неточность въ этомъ отношеніи имѣла бы поистинѣ неисчислимыя послѣдствія: малѣйшее нарушеніе тарифа въ какомъ-нибудь захолустномъ уголкѣ Германіи лишало бы юридической силы договоръ во всей странѣ и неизбѣжно приводило бы къ величайшимъ осложненіямъ въ области промышленности. Но этого мало. Согласно недавнему рѣшенію высшаго гражданскаго суда, тарифъ представляетъ собой юридическую сдѣлку, и сторона, нарушившая его, обязана противной сторонѣ возмѣстить убытки. При такомъ положеніи нарушеніе *національнаго* договора со стороны рабочихъ имѣло бы послѣдствіемъ страшное опустошеніе союзной кассы. Наоборотъ, нарушеніе тарифа со стороны предпринимателей оставалось бы для послѣднихъ совершенно безнаказаннымъ, ибо профессіональные союзы, какъ организаціи, лишенныя правъ юридическаго лица, даже не могли бы обжаловать въ судъ дѣйствія работодателей.

Уже одной этой перспективы совершенно достаточно для того, чтобы заставить рабочихъ сопротивляться заключенію центральнаго тарифа до послѣдней крайности. Но противъ единаго тарифа имѣется и еще одно очень важное соображеніе. Чѣмъ шире сфера распространенія тарифа, тѣмъ больше число лицъ, срокъ истече-

нія договора которыхъ приходится на одинъ и тотъ же день. Но чѣмъ больше число такихъ лицъ, тѣмъ труднѣе положеніе рабочей организаціи въ случаѣ столкновенія съ предпринимателями на почвѣ заключенія новаго соглашенія, ибо тѣмъ большія массы борющихся рабочихъ ложатся бременемъ на союзную кассу. «Если бы въ данный моментъ,—говорилъ на дрезденскомъ съѣздѣ предпринимателей 1910 г. фактическій руководитель Arbeitgeberbund'а, мюнхенскій инженеръ Феллермейеръ—если бы въ данный моментъ тарифъ истекалъ во всей Германіи, то, какъ я думаю, стачечная касса рабочихъ должна была бы поддерживать около милліона человѣкъ. Это потребовало бы такихъ исполинскихъ суммъ, что самое большее въ теченіе 10 недѣль всѣ деньги союзовъ были бы израсходованы». Отсюда Феллермейеръ дѣлалъ выводъ о безусловной необходимости заключенія именно центральнаго тарифа, такъ какъ, по его мнѣнію, вмѣстѣ съ этимъ пунктомъ рождается или умираетъ власть предпринимателей въ промышленности.

Конечно, на очень высокой ступени организованности опасность, вытекающая изъ слишкомъ большой концентраціи борьбы, теряетъ значительную часть своей остроты и значенія, однако въ настоящее время эта ступень въ строительной промышленности Германіи еще не достигнута, и потому мѣстный тарифъ, съ точки зрѣнія рабочихъ, имѣетъ въ ней всѣ преимущества предъ центральнымъ.

Не менѣе серьезенъ и вопросъ о предпринимательскихъ биржахъ труда. Предпринимательскія биржи труда—это, въ сущности, лишь усовершенствованная система знаменитыхъ «черныхъ списковъ». Суть подобныхъ биржъ въ главныхъ чертахъ сводится къ слѣдующему: въ крупныхъ городахъ и промышленныхъ центрахъ предпринимательскими организаціями создаются посредническія конторы по пріисканію работы, находящіяся въ полномъ и исключительномъ вѣдѣніи самихъ работодателей. Каждый «организованный» предприниматель можетъ получать рабочихъ *только* черезъ эту контору, и каждый рабочій можетъ найти работу, *только* пройдя черезъ горнило той же конторы. Но контора при этомъ пропусканіи рабочихъ силъ интересуется не столько задачами дѣйствительнаго посредничества, сколько тщательнымъ контролемъ надъ образомъ мыслей и дѣятельностью рабочихъ. Для каждаго рабочаго даннаго города въ конторѣ имѣется особая именная карточка, въ которую вносятся всякія свѣдѣнія, такъ или иначе характеризующія ея оригиналъ. Когда рабочій въ поискахъ за занятіемъ является въ предпринимательскую контору, служащему послѣдней достаточно лишь взять въ руки карточку просителя для того, чтобы безошибочно знать, съ кѣмъ онъ имѣетъ дѣло. И горе просителю, если онъ былъ дѣятельнымъ членомъ профессіональнаго союза или имѣлъ какое-нибудь столкновеніе съ предпринимателемъ, или же просто перешелъ границу 40—45-лѣтняго возраста,—онъ не получитъ изъ конторы необходимаго свидѣтельства, а безъ свидѣ-

тельства онъ не найдетъ ни у одной «организованной» фирмы работы. И не только въ данномъ городѣ, но и во всей остальной Германіи, такъ какъ биржи труда отдѣльныхъ городовъ любезно обмѣниваются между собой «черными списками». И рабочему, попавшему въ подобный списокъ, предстоитъ диллемма: или умереть съ голоду, или перемѣнить профессію.

Эти предпринимательскія биржи труда, впервые появившіяся лѣтъ 20 тому назадъ въ металлической индустріи, постепенно распространились въ другихъ отрасляхъ производства, въ томъ числѣ и въ строительной промышленности, и создали тамъ, гдѣ предприниматели хорошо организованы, настоящее царство ужаса. Вполнѣ естественно поэтому, что рабочіе ведутъ самую ожесточенную, самую непримиримую борьбу съ этими «Massregelungsbüreau» — «бюро репрессій», и отклики этой борьбы вы найдете во всякомъ болѣе крупномъ экономическомъ столкновеніи послѣднихъ лѣтъ. И вотъ теперь работодатели строительной промышленности требуютъ, чтобы рабочіе оффиціально, въ особомъ пунктѣ тарифа, признали правомѣрность существованія предпринимательскихъ биржъ труда, чтобы они обязались пользоваться исключительно ихъ услугами и отказались отъ всякой борьбы съ этими глубоко реакціонными учрежденіями! До такой смѣлости до сихъ поръ не доходила еще ни одна группа предпринимателей.

Ноябрскіе переговоры 1909 г. съ полной очевидностью показали что соглашеніе между обѣими сторонами въ этомъ пунктѣ возможно меньше, чѣмъ въ какомъ-либо другомъ. Во время этихъ переговоровъ предсѣдатель союза каменщиковъ Бемельбургъ, обращаясь къ предпринимателямъ, отъ имени рабочихъ заявилъ:

«Если недостатки нынѣшней системы посредничества въ строительной промышленности должны быть уничтожены, то это является задачей не только одной изъ сторонъ;—надъ разрѣшеніемъ столь важнаго вопроса должны работать обѣ стороны. И мы готовы дѣлать это совмѣстно съ вами, мы готовы создать вмѣстѣ съ вами, на равныхъ правахъ, одну общую биржу труда и постепенно работать надъ ея усовершенствованіемъ. Но никогда и ни при какихъ условіяхъ мы не согласимся признать «одностороннюю» биржу труда, основанную только предпринимателями.

На это товарищъ предсѣдателя Arbeitgeberbund'а, Гойеръ, отвѣчалъ:

«Никогда и ни при какихъ условіяхъ мы не согласимся основывать съ вами одну общую биржу труда. Право давать работу есть право предпринимателя, и мы ни въ какомъ случаѣ отъ него не откажемся... Милостивые государи, вы требуете введенія общихъ, основанныхъ предпринимателями и рабочими, на равныхъ правахъ, биржъ труда,—вы обломаете себѣ зубы, какъ о гранитъ, объ это требованіе. Никогда, никогда, ни при какихъ условіяхъ мы на него не согласимся! Мы требуемъ созданія чисто предпринимательскихъ,

«одностороннихъ» биржъ труда, и мы сумѣемъ ихъ провести... Вопросъ о биржахъ есть принципіальный вопросъ, и наши мнѣнія въ этомъ вопросѣ слишкомъ расходятся.. Отъ своего мнѣнія во всякомъ случаѣ мы ни въ коемъ случаѣ не отступимся». (Возгласъ среди рабочихъ: «время научитъ!»).

При столь рѣзкой противоположности точекъ зрѣнія ни о какомъ примиреніи, конечно, не могло быть и рѣчи.

Таковы важнѣйшія нововведенія, вносимыя «образцовымъ тарифомъ» предпринимателей въ существующее положеніе. Если ко всему сказанному еще прибавить, что, согласно новому тарифу, обширная группа земляныхъ рабочихъ вообще выводится изъ подъ дѣйствія коллективнаго договора, что агитація въ пользу союзовъ воспрещается на постройкахъ не только во время работы (это было и раньше), но и во время перерывовъ, и что предсѣдатель третейскаго суда, имѣющаго разбирать различныя столкновенія, возникающія на почвѣ тарифа, долженъ назначаться вполнѣ опредѣленнымъ лицомъ, именно нынѣшнимъ директоромъ шарлоттенбургскаго политехникума (Arbeitgeberbund, конечно, не безъ основанія его предложилъ),—то легко себѣ представить, какое впечатлѣніе на рабочихъ должно было произвести выступленіе предпринимателей. Вдобавокъ, вопреки установившемуся въ Германіи обычаю, правленіе Bund'а дало пароль по организаціямъ при возобновленіи тарифовъ отказывать въ какомъ бы то ни было повышеніи заработной платы и тѣмъ довело настроеніе рабочей массы до состоянія бѣлаго каленія.

При такомъ положеніи дѣлъ нисколько не удивительно, что ноябрскіе переговоры между предпринимателями и рабочими протекли совершенно безрезультатно. Та же участь постигла и вторичные переговоры, состоявшіеся въ началѣ марта текущаго года. Обѣ стороны упорно стояли на своихъ требованіяхъ и, такъ какъ при полной противоположности ихъ точекъ зрѣнія никакіе компромиссные выходы не были возможны, то для всякаго стало ясно, что исполинская борьба въ строительной промышленности, борьба, которой ожидали, которую давно уже предвидѣли, сдѣлалась совершенно неизбѣжной.

Первый шагъ къ нападенію и теперь былъ сдѣланъ предпринимателями. 22 марта въ Дрезденѣ состоялось генеральное собраніе Arbeitgeberbund'a, на которомъ присутствовало до 100 человѣкъ работодателей, съѣхавшихся со всѣхъ концовъ Германіи. Настроеніе собранія, происходившаго какъ это обычно бываетъ у предпринимателей, при закрытыхъ дверяхъ (тѣмъ не менѣе стенографическій протоколъ собранія попалъ въ руки рабочихъ и былъ ими опубликованъ) отличалось крайней возбужденностью и воинственностью. Тщетно болѣе благоразумные элементы изъ Гамбурга, Бремена и Магдебурга (берлинцы въ видѣ протеста вообще не явились на собраніе) пытались внести примирительную ноту и

доказывали опасность и ненужность затѣваемой борьбы,—ихъ увѣщанія оставались гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Подавляющее большинство собранія, наэлектризованное демагогическими рѣчами руководителей Bund'a, клявшихся, что въ 10—12 дней кассы союзовъ будутъ опустошены до дна и вся борьба закончится въ какихъ-нибудь 3—4 недѣли, бурно апплодировало лозунгу Феллермейера: теперь или никогда! и рѣшило не идти ни на какія уступки. «Образцовый тарифъ» почти безъ всякихъ измѣненій былъ принятъ огромнымъ большинствомъ голосовъ и, въ случаѣ отказа профессіональныхъ организацій признать этотъ тарифъ, было постановлено начать съ 15 апрѣля общій локаутъ строительныхъ рабочихъ Германіи. Руководители Bund'a вполнѣ увѣренно разсчитывали, что подъ дѣйствіе локаута попадутъ отъ 300 до 350 тыс. рабочихъ.

Предприниматели такимъ образомъ сказали свое рѣшительное слово,—теперь очередь была за рабочими. На 4 апрѣля четыре союза строительныхъ рабочихъ (каменщики, плотники, строительные чернорабочіе и христіанскій союзъ) созвали въ Берлинѣ свои экстренные съѣзды для того, чтобы обсудить положеніе. Всѣ очевидцы этихъ съѣздовъ единогласно свидѣтельствуютъ о глубокой серьезности и въ то же время объ огромномъ воодушевленіи собравшихся делегатовъ. Всѣ чувствовали и понимали, что предстоящая борьба есть историческая борьба и что въ настоящемъ столкновеніи рѣчь идетъ не о повышеніи заработной платы и не о сокращеніи рабочаго дня, но о самомъ «быть или не быть» рабочихъ организацій. И это сознаніе сказывалось на характерѣ и настроеніи собраній.

Вступительная рѣчь на съѣздѣ каменщиковъ была произнесена Бёмельбургомъ. Изложивъ исторію переговоровъ съ предпринимателями и охарактеризовавъ создавшееся положеніе, онъ закончилъ свою рѣчь словами: «У насъ нѣтъ выбора—мы должны принять борьбу. Но мы сумѣемъ ее провести, и мы будемъ ее вести по извѣстному выраженію: пощады не давать!» Бурныя рукоплесканія и громкіе возгласы были ему отвѣтомъ.

То же настроеніе господствовало и на съѣздахъ другихъ союзовъ, не исключая и христіанскаго. Послѣ краткой дискуссіи, во время которой выяснилось полное единодушіе делегатовъ по отношенію къ «образцовому тарифу», всѣ четыре собранія *единогласно* постановили отклонить требованія предпринимателей и смѣло поднять брошенную перчатку.

Но въ виду того, что предстоящая борьба какъ по своимъ размѣрамъ, такъ и по значенію, далеко выходила за рамки обыкновеннаго, союзные съѣзды непосредственно за отклоненіемъ тарифа приняли рядъ исключительныхъ постановленій, обусловленныхъ исключительностью момента: обычные виды пособій были временно отмѣнены или урѣзаны; для членовъ союзовъ, продолжающихъ во время локаута работать, установлены обязательные экстренные

взносы въ размѣрѣ отъ 10 до 20% заработной платы (10—100 пф. *въ день*); служащимъ союза вмѣнено въ обязанность въ теченіе перваго мѣсяца локаута отдавать въ стачечную кассу 50%, въ дальнѣйшіе мѣсяцы—25% жалованія (постановленіе это было принято по иниціативѣ самихъ служащихъ); въ интересахъ экономіи выдача стачечныхъ пособій въ теченіе первыхъ 14 дней борьбы была отмѣнена, а для послѣдующаго времени высота пособія въ зависимости отъ продолжительности членства и высоты обычнаго взноса установлена въ слѣдующемъ размѣрѣ: 6—16 мк. въ недѣлю для холостыхъ и 7 — 18 мк. для женатыхъ, сверхъ того на каждаго ребенка по лишней маркѣ въ недѣлю *). Наконецъ, въ цѣляхъ поддержанія трезвости и дисциплины въ рядахъ борющихся рабочихъ съѣзды провозгласили полное воздержаніе отъ спиртныхъ напитковъ на все время локаута.

Эти суровыя рѣшенія, продиктованныя крайней серьезностью положенія, были встрѣчены рабочими массами съ огромнымъ сочувствіемъ и вплоть до послѣдняго момента строго приводились въ исполненіе.

Только теперь, когда опасность исполинскаго столкновенія сдѣлалась уже почти осязательной, имперское правительство, до сихъ поръ остававшееся пассивнымъ зрителемъ разыгрывавшихся событій, внезапно зашевелилось и рѣшило выступить въ роли посредника. Уже извѣстный намъ д-ръ Видфельдтъ получилъ отъ правительства спѣшное порученіе вступить въ сношенія съ обѣими сторонами и попытаться уладить надвигающійся конфликтъ. Однако, благопріятный моментъ былъ уже упущенъ. Arbeitgeberbund зашелъ въ своихъ приготовленіяхъ слишкомъ далеко и возвратъ назадъ для него психологически былъ больше не возможенъ. Предложеніе Видфельдта, по примѣру 1908 г., поручить разрѣшеніе спорныхъ вопросовъ безпартійному третейскому суду было принято рабочими, но рѣшительно отклонено предпринимателями. Было совершенно очевидно, что Arbeitgeberbund сознательно искалъ не мира, а войны.

Такимъ образомъ исчезла послѣдняя надежда на предотвращеніе столкновенія, и для всякаго стало ясно, что теперь сложный узелъ нерѣшенныхъ вопросовъ въ строительной промышленности можетъ быть разрубленъ только силой.

IV.

15 апрѣля начался локаутъ, и для всякаго, имѣющаго очи, сразу же стало ясно, что надеждамъ предпринимателей не суждено осуществиться. Arbeitgeberbund сдѣлалъ въ силахъ человѣческихъ все возможное: тысячи предпріятій были закрыты, постройки опу-

*) Средняя норма стачечнаго пособія, какъ выяснилось на практикѣ, составляла 15 мк. въ недѣлю.

стѣли и массы рабочихъ были выброшены на улицу; въ цѣломъ рядѣ мѣстъ предприниматели, нарушая тарифы, примкнули къ локауту и уволили своихъ рабочихъ; уволили рабочихъ многіе предприниматели другихъ отраслей производства, возводившіе какія-либо постройки; эльзасскіе текстильные фабриканты изъ чувства «солидарности» уволили даже женъ строительныхъ рабочихъ, подвергшихся локауту. Противъ инакомыслящихъ предпринимателей была открыта настоящая «террористическая» кампанія. Вождь мюнхенскихъ работодателей Феллермейеръ далъ пароль: «кто не закроетъ предпріятія,—будетъ выморенъ голодомъ», и этотъ пароль нашелъ себѣ широкое примѣненіе въ жизни. Штрафы, взысканіе векселей, угрозы бойкотомъ, запугиванія и т. п.—всѣ мѣры насильственнаго воздѣйствія, строго караемыя § 153 германскаго промышленнаго устава, были пущены въ ходъ (и, конечно, совершенно безнаказанно) для того, чтобы принудить къ участію въ локаутѣ. Въ цѣляхъ искусственнаго расширенія сферы столкновенія Arbeitgeberbund вошелъ въ соглашеніе съ поставщиками строительныхъ матеріаловъ о временной пріостановкѣ продажи этихъ послѣднихъ: не получая матеріаловъ, многіе предприниматели, даже не примкнувшіе къ локауту, волей-неволей вынуждены были прекратить работы и тѣмъ самымъ увеличить массу безработнаго строительнаго пролетаріата.

Прекрасно сознавая роль общественнаго мнѣнія въ наше время, Arbeitgeberbund съ самаго начала борьбы обратилъ серьезное вниманіе на информацію прессы въ желательномъ для него направленіи: редакціямъ 150 крупнѣйшихъ нѣмецкихъ газетъ канцеляріей Bund'а ежедневно доставлялись замѣтки, статьи и отчеты о состояніи локаута, съ редакторами наиболѣе вліятельныхъ органовъ по нѣсколько разъ въ недѣлю велись личные переговоры. Излишне, конечно, прибавлять, что всѣ эти замѣтки и статьи носили вполнѣ опредѣленный специфическій характеръ и что правда и ложь въ ней были сплетены въ самыхъ фантастическихъ сочетаніяхъ. Не преминулъ Arbeitgeberbund прибѣгнуть и къ помощи государственной власти, требуя въ цѣломъ рядѣ городовъ запрещенія стачечныхъ пикетовъ рабочихъ,—однако, въ этомъ отношеніи онъ не имѣлъ особеннаго успѣха. Всѣ могущественнѣйшія силы и вліянія капиталистическаго міра были пущены Bund'омъ въ ходъ для достиженія поставленной цѣли, и однако локаутъ не удался. Его погубила разрозненность предпринимателей.

Болѣе опытные и осторожные предприниматели Берлина, Гамбурга, Бремена и нѣкоторыхъ другихъ городовъ, протестовавшіе еще на генеральномъ собраніи въ Дрезденѣ противъ политики обостренія отношеній, отказались принять участіе въ локаутѣ и къ концу апрѣля возобновили старые тарифы со своими рабочими, обезпечивъ послѣднимъ достаточное повышеніе заработной платы. Тѣмъ самымъ два крупнѣйшихъ центра германской промышленности вы-

ходили изъ боевой фаланги предпринимателей, нанося тяжелый моральный и матеріальный ударъ Arbeitgeberbund'у. Но и въ остальной Германіи, примкнувшей къ локауту, энергія проведенія и размѣры послѣдняго оставались далеко позади ожидаемаго. Въ большинствѣ мѣстъ мелкіе и средніе предприниматели продолжали спокойно работать. Въ Рейнской провинціи и Вестфаліи, гдѣ локаутъ былъ проведенъ полнѣе, чѣмъ въ какой бы то ни было части Германіи, увольненію подверглось лишь около половины строительныхъ рабочихъ, въ Мюнхенѣ — этой твердынѣ Arbeitgeberbund'a—лишь около трети, приблизительно та же пропорція сохранилась въ Нюрнбергѣ, Лейпцигѣ, Дрезденѣ, Франкфуртѣ на М. и другихъ крупныхъ городахъ страны. Какъ велика была разрозненность предпринимателей, можно прекрасно судить, напр., по тому, что самъ предсѣдатель вюртембергской организаціи работодателей, нѣкій г. Бушъ, не только не уволилъ своихъ рабочихъ, но даже, пользуясь временнымъ бездѣйствіемъ коллегъ-конкурентовъ, сильно расширилъ свое предпріятіе. Болѣе совѣстливые предприниматели не отличались столь похвальной откровенностью и предпочитали продолжать работу подъ фирмой мастеровъ и т. п. подставныхъ лицъ. При такомъ положеніи, конечно, нисколько не удивительно, что общее количество подвергшихся локауту рабочихъ сильно отличалось отъ той фантастической цифры, которой жонглировали руководители Arbeitgeberbund'a передъ началомъ борьбы. Первыя извѣстія, исходившія отъ организація работодателей, гласили о 240 тыс. уволенныхъ рабочихъ, затѣмъ эта цифра была понижена до 200 и, наконецъ, до 186 тыс. Однако и въ этой послѣдней редакціи она все еще оставалась значительно выше дѣйствительности. Согласно статистикѣ профессіональныхъ союзовъ, локауту подверглись 70 т. каменщиковъ, 24 т. строительныхъ чернорабочихъ, 22 т. плотниковъ и 13 т. членовъ христіанскаго союза, а всего 129 т. организованныхъ рабочихъ. Принимая однако во вниманіе, что наряду съ организованными была уволена и нѣкоторая часть неорганизованныхъ рабочихъ, контроль надъ которыми представлялся довольно затруднительнымъ, можно допустить, что общее количество подвергшихся локауту рабочихъ достигало 150 тыс. человѣкъ. Иными словами, едва половина того, на что расчитывали предприниматели въ Дрезденѣ.

Но если локаутъ съ точки зрѣнія Arbeitgeberbund'a совершенно не удался, то онъ принялъ все-таки достаточно широкіе размѣры для того, чтобы внести глубокое разстройство въ строительную промышленность Германіи и поставить профессіональные союзы предъ разрѣшеніемъ цѣлаго ряда крупнѣйшихъ организаціонныхъ и тактическихъ задачъ. И тутъ-то съ особеннымъ блескомъ и красотой обнаружилась поразительная мощь рабочихъ организацій.

Едва ли не самой замѣчательной чертой германскаго локаута

были желѣзная дисциплина и спокойствіе борющихся рабочихъ. Столь шумные и несдержанные въ обычное время, каменщики и плотники точно внезапно переродились. Огромныя стачечныя собранія,—собранія безъ столь обычнаго въ Германіи пива,—проходили необыкновенно сдержанно, серьезно и дѣловито. Уволенные предпринимателями рабочіе дважды въ день аккуратно являлись въ союзъ для контроля. Стоящіе на работѣ члены организаціи безропотно платили свои громадные экстренные взносы, равныхъ которымъ до сихъ поръ еще не знало германское рабочее движеніе. Особые отряды велосипедистовъ ежедневно объѣзжали мѣста работъ и слѣдили за положеніемъ дѣлъ на постройкахъ. Три-четыре раза въ недѣлю для подвергшихся локауту и потому «свободныхъ» рабочихъ устраивались, по шведскому образцу, лекціи, чтенія съ волшебнымъ фонаремъ, посѣщенія музеевъ, театровъ, картинныхъ галлерей и т. п. Залы подобныхъ собраній обыкновенно ломились отъ наплыва слушателей, жадно ловившихъ каждое слово лекторовъ и руководителей. Въ теченіе всей 9-недѣльной борьбы, потребовавшей отъ ея участниковъ огромныхъ матеріальныхъ жертвъ и величайшаго напряженія силъ, со стороны рабочихъ не было зарегистровано ни одного случая сколько-нибудь серьезныхъ эксцессовъ, не слышно было ни одного звука протеста или ропота!

И это поразительное единство въ настроеніи массы естественнымъ образомъ накладывало особый отпечатокъ на всѣ дѣйствія рабочихъ организацій въ періодъ локаута, придавая имъ ту увѣренность, спокойствіе и силу, которыя такъ импонировали и предпринимателямъ и общественному мнѣнію Германіи. Тактика профессіональныхъ союзовъ въ это время была тактикой обороняющейся стороны, и—надо отдать имъ справедливость—они сумѣли превосходно использовать свою выгодную позицію. Начать съ того, что въ отвѣтъ на предпринимательскій тарифъ союзы совершенно не выдвинули никакихъ собственныхъ требованій и въ отвѣтъ на локаутъ не провозгласили всеобщей стачки строительныхъ рабочихъ, на чемъ такъ настаивали нѣмецкіе анархо-синдикалисты. Тѣмъ самымъ они сильно ограничили число лицъ, нуждающихся въ поддержкѣ изъ союзной кассы, и въ то же время, лишивъ предпринимателей возможности кричать о «невѣроятныхъ» требованіяхъ рабочихъ, переложили въ глазахъ общественнаго мнѣнія страны отвѣтственность за гигантское столкновеніе на плечи Arbeitgeberbund'а. Но этого мало. Во все время борьбы союзы систематически демонстрировали свою полную готовность къ примиренію: мы уже выше упоминали, что рабочіе представители приняли предложеніе д-ра Видфельдта о назначеніи безпартійнаго третейскаго суда, и въ теченіе послѣдующихъ недѣль столкновенія они неизмѣнно соглашались на всѣ предложенія о посредничествѣ, дѣлавшіяся въ Мюнхенѣ, Бреславлѣ, Франкфуртѣ на М. и др. городахъ. И такъ какъ пред-

приниматели на первыхъ порахъ всѣ попытки примиренія систематически отклоняли, то позиція рабочихъ организацій въ глазахъ широкихъ слоевъ населенія вырисовывалась въ еще болѣе благопріятномъ свѣтѣ.

Но, придерживаясь въ общемъ тактики пассивной обороны, союзы не упускали изъ виду и нѣкоторыхъ болѣе активныхъ формъ борьбы съ предпринимателями. Такъ, въ цѣляхъ борьбы со стачкой поставщиковъ строительныхъ матеріаловъ они открыли въ нѣкоторыхъ крупныхъ городахъ собственные склады этихъ матеріаловъ и широко снабжали ими по заготовительной цѣнѣ, т. е. значительно ниже нормальнаго уровня, всѣхъ предпринимателей, продолжавшихъ работать во время локаута. Въ Мюнхенѣ въ самомъ разгарѣ борьбы одна фирма, доставлявшая вначалѣ союзамъ песокъ, подъ давленіемъ Arbeitgeberbund'а отказалась отъ выполненія взятыхъ на себя обязательствъ. Тогда союзы заарендовали собственныя песчаныя ямы, поставили своихъ рабочихъ и стали доставлять песокъ въ удвоенномъ количествѣ. Тѣ же союзы въ цѣломъ рядѣ городовъ создали особыя товарищества рабочихъ, которыя, совершенно игнорируя предпринимателей, вступили въ непосредственныя сношенія съ собственниками домовъ и брали на себя заказы по возведенію зданій. Какъ видитъ читатель, рабочимъ организаціямъ подъ вліяніемъ необходимости приходилось довольно глубоко вдвигаться въ сферу производства. Эта остроумная «экономическая» тактика искусно дополнялась выступленіями и интерпелляціями соціалъ-демократическихъ представителей въ парламентахъ и коммунахъ, требовавшихъ въ виду наступленія локаута, расторженія контрактовъ съ участвующими въ борьбѣ фирмами и продолженія работъ на государственныхъ и общинныхъ постройкахъ хозяйственнымъ способомъ.

Въ такой атмосферѣ недѣли проходили за недѣлями, а конца исполинской битвѣ не предвидѣлось. Надежды Arbeitgeberbund'а на быстрое истощеніе статечныхъ фондовъ рабочихъ, какъ и слѣдовало ожидать, оказались совершенно фантастическими. Не говоря уже о доходахъ, поступающихъ изъ экстренныхъ взносовъ и о собственныхъ весьма значительныхъ капиталахъ, строительные союзы во все время борьбы получали широкую поддержку со стороны всѣхъ остальныхъ профессіональныхъ организацій Германіи. Грандіозное столкновеніе въ строительной промышленности возбудило чувство глубокой солидарности во всѣхъ группахъ и слояхъ пролетаріата и, по призыву «Генеральной комиссіи» профессіональныхъ союзовъ, началась энергичная помощь деньгами подвергшимся локауту рабочимъ: во всей странѣ были открыты сборы пожертвованій, въ большинствѣ союзовъ введены экстренные взносы въ размѣрѣ 20—70 пф. въ недѣлю, въ цѣломъ рядѣ организацій единовременно ассигнованы значительныя суммы для передачи въ кассы борющихся союзовъ. Не остались въ сторонѣ и рабочіе

кооперативы: во многихъ городахъ они помогали уволеннымъ рабочимъ хлѣбомъ, продуктами и даже деньгами. Въ этотъ моментъ, когда пишутся эти строки, финансовые отчеты еще далеко не закончены, и точная цифра всѣхъ пожертвованій пока неизвѣстна, но она должна быть громадна. Есть основанія думать, что общая сумма пожертвованій и экстренныхъ взносовъ строительныхъ рабочихъ покрываетъ отъ половины до трехъ четвертей всѣхъ расходовъ союзовъ на борьбу, т. е. колеблется между 6 и 9 милл. мк. И это было только начало: въ случаѣ крайности къ услугамъ строительныхъ рабочихъ имѣлись кассы всѣхъ остальныхъ союзовъ Германіи. При такихъ условіяхъ нисколько не удивительно, что спустя 7 недѣль послѣ начала локаута Бёмельбургъ могъ увѣренно заявить о способности рабочихъ держаться до глубокой осени.

Но чѣмъ болѣе затяжной характеръ принималъ локаутъ, тѣмъ сильнѣе становилось разложеніе въ лагерѣ предпринимателей. Строительный сезонъ проходилъ, недоконченныя зданія стояли и портились подъ вліяніемъ непогоды, многіе домовладѣльцы, наскучивъ ожиданіемъ, передавали заказы товариществамъ рабочихъ или сами принимались за постройку, цѣлый рядъ муниципалитетовъ, связанныхъ срочными работами, перешелъ къ возведенію зданій хозяйственнымъ способомъ. Съ середины мая начались крахи менѣе состоятельныхъ фирмъ, и это еще болѣе увеличивало замѣшательство въ рядахъ предпринимателей. Буржуазная пресса, въ подавляющемъ большинствѣ своемъ, не смотря на всѣ усилія Arbeitgeberbund'а, съ самаго начала относившаяся къ его тактикѣ довольно отрицательно, теперь стала энергично совѣтовать политику примиренія. Вдобавокъ и организаціи работодателей, раздраженныя неудачныхъ ходомъ локаута, очень недвусмысленно дали Bund'у понять, что онѣ не желаютъ выбрасывать денегъ на вѣтеръ, тѣмъ болѣе, что своей легкомысленной затѣей Bund только компрометируетъ ихъ общее предпринимательское дѣло. Все это были грозные симптомы, и они сейчасъ же были прекрасно учтены въ разстроенныхъ рядахъ Arbeitgeberbund'а: мелкіе и средніе работодатели, вовлеченные въ борьбу почти исключительно насильственными мѣрами, подняли настоящій бунтъ противъ своихъ руководителей и тѣмъ самымъ дѣлали положеніе предпринимательской организаціи со дня на день все болѣе критическимъ.

Во второй половинѣ мая выяснилось съ полной очевидностью, что исполинская битва предпринимателями окончательно проиграна, и имперское правительство сочло этотъ моментъ вполнѣ подходящимъ для того, чтобы выступить снова съ иниціативой примиренія. По его порученію трое безпартійныхъ, признанныхъ также обѣими сторонами,—дрезденскій бургомистръ д-ръ Бейтлеръ и уже знакомые намъ Видфельдтъ и Преннеръ,—созвали на 27 мая въ Берлинѣ совѣщаніе представителей рабочихъ и предпринимателей и, послѣ двухдневныхъ безплодныхъ попытокъ примирить вражду-

ющія стороны, предложили имъ собственное компромиссное рѣшеніе.

Суть этого рѣшенія заключалась въ слѣдующемъ: въ строительной промышленности Германіи устанавливаются два вида тарифныхъ договоровъ—центральный, заключаемый правленіями центральныхъ организацій обѣихъ сторонъ, и мѣстные, заключаемые правленіями мѣстныхъ или областныхъ организацій рабочихъ и работодателей. *Центральный* договоръ предусматриваетъ общее для всей страны пониженіе рабочаго времени до максимальной нормы въ 10 ч., удерживаетъ старыя формы заработной платы (иными словами, запрещаетъ введеніе «среднихъ» платъ), допускаетъ примѣненіе сдѣльной работы, но съ оплатой по особому тарифу, заключаемому обѣими сторонами, оговариваетъ недопустимость репрессій за принадлежность къ организаціи или за участіе въ настоящемъ локаутѣ, а также воспрещаетъ введеніе *обязательныхъ* предпринимательскихъ биржъ труда (требованіе «признанія» этихъ биржъ вообще вычеркнуто изъ тарифа). Кромѣ того, центральный тарифъ устанавливаетъ новую форму улаживанія столкновеній: для этой цѣли въ каждомъ городѣ въ качествѣ первой инстанціи создаются изъ равнаго количества рабочихъ и работодателей примирительныя комиссіи; если соглашеніе въ комиссіи оказывается недостигнутымъ, дѣло переходитъ на рѣшеніе второй инстанціи—мѣстнаго третейскаго суда, предсѣдатель котораго выбирается обычнымъ порядкомъ, т. е. путемъ обоюднаго договора сторонъ. Рѣшенія этого суда окончательны. Однако на случай отказа одной изъ сторонъ подчиниться его рѣшеніямъ устанавливается еще одна послѣдняя инстанція—центральный третейскій судъ, состоящій изъ равнаго количества представителей (по 3 съ каждой стороны) отъ центральныхъ правленій союзовъ рабочихъ и работодателей и трехъ выбираемыхъ ими по взаимному соглашенію безпартійныхъ лицъ. Только отказъ подчиниться рѣшенію центральнаго суда влечетъ за собой расторженіе заключеннаго тарифа.

Наконецъ, центральный тарифъ категорически заявляетъ о недопустимости для сторонъ какихъ бы то ни было денежныхъ притязаній за нарушеніе договора и устанавливаетъ трехлѣтнюю длительность соглашенія, вплоть до 31 марта 1913 г.

Что касается *мѣстныхъ* тарифовъ, то они охватываютъ всю область вопросовъ о высотѣ заработной платы, сокращеніи рабочаго времени ниже 10 ч., допущеніе сдѣльной работы, сроковъ расплаты, улаживанія недоразумѣній и т. д. При этомъ обширная группа земляныхъ рабочихъ снова подводится подъ дѣйствіе коллективнаго договора, а каучуковыя понятія «дѣльный» и «обученный» рабочій совсѣмъ исключаются изъ тарифа. Носителями мѣстнаго договора, отвѣтственными за его выполненіе, категорически объявляются не центральныя, а мѣстныя организаціи.

Въ заключительной части рѣшенія добавлялось, что въ случаѣ

безрезультатности мѣстныхъ переговоровъ, предусмотрѣнныхъ даннымъ тарифомъ, на 13 іюня въ Дрезденъ созывается центральный третейскій судъ въ составѣ 9 человѣкъ (по 3 представителя отъ сторонъ и трое безпартійныхъ—Бейтлеръ, Видфельдтъ и Преннеръ), который и рѣшаетъ всѣ спорные вопросы въ окончательной инстанціи.

Не трудно видѣть, что это компромиссное рѣшеніе являлось уничтожающимъ приговоромъ для предпринимательской организаціи. Ни одно изъ ея важнѣйшихъ требованій—центральное заключеніе тарифа, установленіе средней заработной платы и т. д.- не были исполнены и тѣмъ не менѣе обстоятельства вынуждали ее подчиниться.

На 6 іюня снова были созваны экстренные съѣзды рабочихъ организацій въ Берлинѣ, Arbeitgeberbund'а—въ Лейпцигѣ для выясненія ихъ отношенія къ предложеніямъ третейскаго суда Къ этому времени положеніе обоихъ противниковъ выяснилось съ полной опредѣленностью и много дебатировать на съѣздахъ не приходилось: обѣ стороны, но съ разными чувствами, единодушно приняли компромиссное рѣшеніе суда и тѣмъ самымъ сдѣлали первый шагъ къ ликвидаціи гигантскаго столкновенія.

Однако борьба еще далеко не закончилась. Атака предпринимателей на профессіональныя организаціи была по всей линіи блестяще отбита, но теперь начиналось наступленіе рабочихъ. «Борьба за нашу свободу—писалъ органъ каменщиковъ «Grundstein»—кончилась, отнынѣ начинается борьба за нашъ хлѣбъ».

Согласно берлинскому рѣшенію безпартійныхъ, тотчасъ же послѣ принятія тарифа должны были начаться переговоры между предпринимателями и рабочими на мѣстахъ для заключенія мѣстныхъ соглашеній. Эти переговоры начались, но, какъ и слѣдовало ожидать, протекли во всей Германіи почти совершенно безрезультатно. Слѣдуя паролю, данному Arbeitgeberbund'омъ въ Лейпцигѣ, предприниматели рѣшительно отказывались обезпечить рабочимъ сокращеніе рабочаго времени и хоть какое-нибудь повышеніе заработной платы. Благодаря этому соглашеніе, за вычетомъ двухъ-трехъ мѣстъ, нигдѣ не состоялось, и предъ центральнымъ третейскимъ судомъ, собравшимся 13 іюня въ Дрезденѣ, встала исполинская задача постановить рѣшенія по 700 несостоявшимся мѣстнымъ договорамъ.

Не смотря на крайнюю сложность этой задачи, судъ полагалъ вначалѣ постановлять рѣшенія по каждому отдѣльному тарифу. Первыми городами, тарифы которыхъ подверглись обсужденію, были Мюнхенъ и Нюрнбергъ, и рѣшеніе суда для нихъ гласило: въ Нюрнбергѣ повышеніе заработной платы на 4 пф. въ часъ, въ Мюнхенѣ—повышеніе заработной платы на 8 пф. и сокращеніе рабочаго времени на 1/2 часа. Однако въ дальнѣйшемъ очень скоро выяснилась полная непригодность подобнаго метода работы: если

бы судъ захотѣлъ разсматривать каждый случай въ отдѣльности, ему пришлось бы потратить на разрѣшеніе всѣхъ конфликтовъ минимумъ 3—4 недѣли. Это было, очевидно, не возможно. Тогда, подъ давленіемъ необходимости, судъ склонился къ мысли вынести одно общее генеральное рѣшеніе по двумъ кардинальнымъ вопросамъ—о заработной платѣ и рабочемъ днѣ—и предоставить рѣшеніе болѣе мелкихъ разногласій мѣстнымъ органамъ для улаживанія столкновеній. Сущность этого генеральнаго рѣшенія, принятаго вопреки протестамъ представителей работодателей, заключалась въ слѣдующемъ: въ городахъ съ населеніемъ свыше 5000 жителей часовая заработная плата повышается на 5 пф., въ остальныхъ городахъ—на 4 пф.; кромѣ того въ пяти городахъ—Франкфуртѣ на М., Оффенбахѣ, Висбаденѣ, Мангеймѣ и Людвигсгафенѣ—рабочее время сокращается съ 10 до $9^1/_2$ ч.

Еще одинъ экстренный съѣздъ рабочихъ организацій, принявшій послѣ блестящей рѣчи Бемельбурга подавляющимъ большинствомъ голосовъ рѣшеніе третейскаго суда, еще двѣ недѣли сложныхъ и кропотливыхъ переговоровъ о заключеніи тарифовъ на мѣстахъ, и гигантское столкновеніе было, наконецъ, ликвидировано. Къ 1 іюля работы въ строительной промышленности Германіи возобновились въ полномъ объемѣ.

Исполинская двухмѣсячная битва труда и капитала закончилась,—закончилась блестящей побѣдой рабочихъ. Конечно, эта побѣда не обошлась безъ тяжелыхъ матеріальныхъ жертвъ: общая потеря рабочихъ на заработной платѣ за время локаута опредѣляется минимумъ въ 35 милл. мк., общая сумма расходовъ профессіональныхъ союзовъ на борьбу—въ 13 милл. мк. Но за то и результаты этихъ жертвъ очень серьезны: 140 тыс. каменщиковъ, 70 т. чернорабочихъ и около 40 т. плотниковъ, а всего 250 тыс. рабочихъ строительной промышленности получили повышеніе заработной платы на 5 пф. въ часъ или въ среднемъ на 12—13 м. въ мѣсяцъ. 30 тыс. рабочихъ сверхъ того получили еще сокращеніе рабочаго времени на $1/_2$ часа.

Важнѣе этихъ матеріальныхъ завоеваній огромное моральное значеніе пролетарской побѣды. Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что локаутъ въ строительной промышленности былъ только нащупываніемъ почвы, только пробнымъ шагомъ, за которымъ, въ случаѣ его успѣха, послѣдовало бы общее наступленіе капитала. Теперь воинственнымъ стремленіямъ предпринимателей сдѣлано первое серьезное предостереженіе. Это не значитъ, конечно, что отнынѣ перестанутъ повторяться попытки капитала отнять назадъ сдѣланныя пролетаріатомъ завоеванія—о, нѣтъ!—для этого интересы обоихъ борющихся классовъ слишкомъ противоположны, но это значитъ только, что серьезная атака капитала на профессіональное движеніе Германіи въ ближайшіе годы едва-ли возможна. О болѣе же отдаленномъ будущемъ намъ заботиться пока

не приходится. Исполинскій ростъ германскаго рабочаго движенія служитъ вѣрной порукой за то, что въ случаѣ новаго нападенія объединенный капиталъ найдетъ еще болѣе стойкое и упорное сопротивленіе, чѣмъ это имѣло мѣсто въ 1910 году.

В. Майскій.

Собиратели славянства.

(*Письмо изъ Болгаріи*).

Всеславянскій съѣздъ или, какъ его называютъ оффиціально, второй подготовительный славянскій соборъ, только что закончился. Ему предшествовало и его сопровождало такъ много шума въ печати и обществѣ, что мнѣ кажется умѣстнымъ подвести итоги громкой дѣятельности соборянъ. Во многихъ отношеніяхъ она поучительна для всѣхъ, въ комъ живетъ смутная вѣра въ „славянскую идею“ и такая же смутная надежда на славянское объединеніе.

I.

За сравнительно короткій промежутокъ времени, отдѣляющій пражскій конгрессъ отъ софійскаго собора, въ жизни славянскихъ народовъ произошло много крупныхъ событій. Аннексія Босніи и Герцеговины, провозглашеніе независимости Болгаріи, серьезныя распри между Сербіей и Черногоріей и политика Турціи, опять обострившая національную вражду между сербами и болгарами въ Македоніи, а слѣдовательно, и въ Сербіи и Болгаріи,— все это усилило среди южнаго славянства разладъ и создало много новыхъ затрудненій для объединенія даже этой отдѣльной, наиболѣе близкой между собою и по культурѣ и по экономическому положенію, группы славянскихъ народовъ.

Съ другой стороны—торжество реакціи въ Россіи и усиленіе гнета русской центральной власти на поляковъ и украинцевъ ни въ коемъ случаѣ не могли способствовать разрѣшенію польско-русскаго и украинско-русскаго вопросовъ.

Наконецъ, усиленіе непримиримой вражды между польскими помѣщиками и украинскими крестьянами въ Галиціи и расчлененіе украинцевъ въ Галиціи на двѣ партіи, или, что еще страшнѣе, на двѣ народности („украинцы“ и „русскіе изъ Прикарпатской Руси“) дѣлали положеніе еще болѣе сложнымъ, а не прекращающаяся

борьба чеховъ съ поляками въ Силезіи дополняла эту картину „войны всѣхъ противъ всѣхъ“.

Не удивительно, поэтому, что творецъ и вдохновитель неославизма, г. Крамаржъ, былъ настроенъ чрезвычайно пессимистически. Въ своихъ рѣчахъ въ Петербургѣ и въ Вѣнѣ во время предварительныхъ совѣщаній этотъ представитель и идеологъ чешскихъ промышленниковъ и банкировъ очень опредѣленно говорилъ, что лучше отложить съѣздъ, чѣмъ поставить на карту идею неославизма.

Но опасенія Крамаржа и его предложеніе отложить съѣздъ или измѣнить его программу столкнулись съ страстнымъ желаніемъ части болгарскаго общества во чтобы то ни стало устроить съѣздъ въ назначенное время.

Дѣло въ томъ, что реакціонная по своему существу партія болгарскихъ народняковъ, находясь вотъ уже двѣнадцать лѣтъ въ оппозиціи, дошла до открытаго столкновенія съ Фердинандомъ. Лидеръ партіи Ив. Гешевъ былъ лично оскорбленъ Фердинандомъ, и съ тѣхъ поръ народняки объявили себя врагами личнаго режима и чуть ли не республиканцами. Понятно, что дѣло борьбы съ правительствомъ и съ личнывъ режимомъ, предпринятое Гешевымъ и его друзьями, не могло вестись въ плоскости демократическихъ реформъ и радикальныхъ идей. Будучи съ самаго начала дѣломъ совершенно личнымъ, оно велось и ведется въ области мелкихъ нападокъ, споровъ и понятныхъ только болгарамъ намековъ. Славянскій съѣздъ, который долженъ былъ собрать въ Софіи видныхъ представителей славянства и который долженъ былъ рѣшать судьбы всѣхъ славянскихъ народовъ, обратилъ на себя вниманіе народняковъ, такъ какъ онъ былъ, пожалуй, единственнымъ крупнымъ козыремъ въ ихъ игрѣ съ «неславяниномъ», «ставленникомъ австрійцевъ», «Бурбономъ» Фердинандомъ. Согласиться на го, чтобы соборъ былъ отложенъ или чтобы его программа была урѣзана,—значило для народняковъ отказаться отъ демонстраціи передъ болгарскимъ народомъ своихъ славянскихъ преимуществъ надъ «чужденцомъ» («иностранцемъ»; такъ называютъ народняки Фердинанда).

Руководимые жаждой возможно шире использовать этотъ шансъ, обладающіе громадными матеріальными средствами и самой прочной въ Болгаріи организаціей, держащіе въ своихъ рукахъ и «Книжовное Дружество»—эту будущую Болгарскую Академію Наукъ,—и самый богатый въ Болгаріи банкъ, и нѣсколько газетъ и журналовъ, народняки уполномочили своего партизана С. С. Бобчева, стараго славянофила, взять на себя организацію и осуществленіе конгресса. У послѣдняго и въ его прошломъ, и въ настоящемъ было и есть достаточно энергіи и безцеремонности, чтобы осуществить любое предпріятіе, если только оно нужно для партійныхъ цѣлей. Должно быть, поэтому даже невзыскательные въ нравственномъ отно-

шеніи болгарскіе политиканы дали ему эпитетъ «византійца» и другое, еще менѣе двусмысленное, прозвище.

Получивши отъ своей партіи полномочія и обѣщаніе самой широкой матеріальной поддержки съѣзду, г. Бобчевъ развилъ безконечно кипучую дѣятельность, успѣлъ убѣдить Крамаржа и стоящихъ за нимъ чеховъ, и достигъ того, что съѣздъ былъ окончательно назначенъ въ Софіи. Ему не было дѣла до того, что даже такіе неославиcты, какъ Маклаковъ и Ал. Стаховичъ, не находили возможнымъ принять участіе въ съѣздѣ. Ему не было дѣла до того, что поляки, во главѣ съ Романомъ Дмовскимъ, категорически отказались отъ этого участія. Народнякамъ нуженъ съѣздъ,—и съѣздъ долженъ состояться.

Уже мѣсяца за два до открытія съѣзда всякому, кто интересовался поднятымъ по этому поводу шумомъ, было ясно, что соглашеніе между чешскими промышленниками и болгарскими народняками состоялось черезъ головы русскихъ прогрессистовъ и поляковъ. Чехи успѣли уже оріентироваться въ русскихъ дѣлахъ и оцѣнили удѣльный вѣсъ нашихъ либераловъ. А болгарскіе руссофилы никогда не заблуждались на этотъ счетъ, такъ какъ русская дипломатія всегда держала и держитъ ихъ въ курсѣ своихъ видовъ и намѣреній.

Отсюда—всѣ тѣ недоразумѣнія съ приглашеніемъ однихъ и неприглашеніемъ другихъ, отсюда—обида московскаго общества славянской культуры, отсюда, наконецъ, тѣ протесты, которыми еще до открытія съѣзда Ал. Стаховичъ дебютировалъ въ болгарской печати.

II.

Агитація за съѣздъ, которую подняли Бобчевъ и его партійные друзья въ болгарской печати, почти въ теченіе двухъ мѣсяцевъ не встрѣчала ни въ болгарскомъ обществѣ, ни въ мѣстной прессѣ никакой оппозиціи. Ходили глухіе слухи, велись частные разговоры о томъ, что лучшая (увы, малочисленная) часть болгарскаго общества отказывается отъ какого бы то ни было участія въ дѣлахъ съѣзда. Но эти разговоры были весьма неопредѣленны, и потому не доходили до широкихъ слоевъ населенія, а если и доходили, то въ извращенномъ народняками видѣ.

Поэтому выступленіе въ печати и на публичныхъ собраніяхъ такихъ выдающихся, такихъ дѣйствительно крупныхъ дѣятелей въ области болгарскаго искусства и науки, какъ директоръ національной библіотеки, поэтъ Пенчо Славейковъ, какъ писатель Петко Тодоровъ, какъ извѣстный соціологъ и публицистъ Кр. Раковскій и помощникъ директора національнаго театра поэтъ П. Яворовъ, произвело впечатлѣніе грома при безоблачномъ небѣ.

Позиція, занятая ими, даже съ точки зрѣнія неославизма была неуязвима.

— Хорошо!.. соглашались протестанты.—Въ Прагѣ состоялось постановленіе о томъ, чтобы свобода, равенство и братство были единственными лозунгами въ дѣлѣ междуславянскаго единенія. Но развѣ эти лозунги проводятся въ жизнь тѣми, кто устраиваетъ этотъ съѣздъ?.. Но развѣ отъ Россіи пріѣдутъ на съѣздъ тѣ представители ея науки и искусства, которые являются красой и гордостью не только русской, но и европейской культуры?.. Пріѣдутъ сюда представители той Россіи, которая ведетъ борьбу съ другими славянскими національностями, той Россіи, которая во всѣхъ областяхъ духовной жизни выступаетъ противъ принциповъ пражскаго конгресса... Имѣютъ ли право болгаре поддерживать дѣло, которое явно сводится къ тому, чтобы возстановить скомпрометированную репутацію нравственно падшихъ людей?..

Протестовали, и протествовали громко, болгарскіе соціалисты; но ихъ точка зрѣнія не понятна для громаднаго большинства болгарскаго населенія, еще не затронутаго соціалистической пропагандой.

Очень слабо протестовали оффиціальные руссофобы—партія стамбуловистовъ.

А въ газетныхъ статьяхъ и въ публичныхъ выступленіяхъ гг. Славейкова, Тодорова и Яворова, наконецъ, позже, уже наканунѣ съѣзда, въ выступленіи представителей болгарскаго студенчества и болгарскихъ народныхъ учителей, была мысль, доступная всякому прогрессивному человѣку. Положеніе вещей они разсматривали и критиковали не съ соціалистической, а съ обще-культурной точки зрѣнія.

Понятно, что кампанія, начатая этими, насквозь проникнутыми любовью къ прогрессивной Россіи, писателями и общественными дѣятелями, встрѣтила бурю негодованія въ кругахъ народняковъ. Вдохновляемая г. Бобчевымъ пресса подняла настоящій вопль и, такъ какъ вопросъ сводился въ концѣ концовъ къ русскимъ дѣламъ, то и термины пошли въ ходъ русскіе: слово «хулиганъ» заполнило столбцы болгарскихъ газетъ. Хулиганомъ оказался Славейковъ; хулиганомъ, бродягой, космополитомъ-бездомникомъ ругали Раковскаго; не находили достаточно грубыхъ словъ и выраженій, чтобы оклеветать, запятнать репутаціи этихъ нѣсколькихъ храбрецовъ, выступившихъ противъ сильной, могучей и, главное, «патріотической» организаціи.

И, въ то время, какъ въ газетахъ во главѣ съ г. Страшемировымъ, который изъ революціонера сталъ народнякомъ, велась эта кампанія, г. Бобчевъ организовывалъ дѣло. Съ каждымъ днемъ расширялась программа съѣзда, и въ концѣ концовъ оказалось, что въ Софіи состоится цѣлая серія торжествъ и празднествъ. Славянскіе журналисты, славянскіе медики и пчеловоды, наконецъ,

славянскіе гимнасты—все было мобилизовано, всѣ были приглашены на отдѣльные конгрессы, которые должны были служить декораціей для второго подготовительнаго славянскаго собора.

III.

Торжества начались.

Невѣсомыя «славянскія чувства болгарскаго народа», которыя якобы были оскорблены агитаціей Славейкова и его друзей, проявлялись болѣе, чѣмъ умѣренно. И только громадная сумма вѣсомаго металла, вложенная въ это дѣло отчасти правительствомъ, но, главнымъ образомъ, все тѣми же народняками, спасла положеніе. Въ слабо освѣщенной по буднямъ Софіи каждый вечеръ расходовалось невѣроятное количество электрической энергіи. Въ ресторанахъ, въ которыхъ скромный болгаринъ ѣстъ по праздникамъ свои національныя «шиши» и «кебапчи», запивая ихъ «чашей бира», комитетъ угощалъ пріѣзжихъ гостей самыми изысканными питьями и яствами. Военные и частные оркестры почти безпрерывно играли въ садахъ и въ городскомъ казино. Пестрая толпа болгарскихъ селяковъ, дѣйствительно, глазѣла на это невиданное въ Софіи зрѣлище, а неутомимый г. Бобчевъ торжествовалъ: гостямъ онъ разсказывалъ о чувствахъ «собравшагося здѣсь народа», народу—о чувствахъ пріѣхавшихъ сюда гостей. Искусственно создавалась та повышенная атмосфера празднества, въ которой патріотическій паѳосъ и слова о національномъ величіи всегда находятъ такъ много слушателей.

Уже въ первый день выяснился составъ этого собора:

Почетный предсѣдатель—Крамаржъ.

Предсѣдатель—С. Бобчевъ.

Вице-предсѣдатель отъ русской группы—Ал. Ив. Гучковъ.

Въ тріумвиратѣ Крамаржъ—Бобчевъ—Гучковъ ярко отразилось новое теченіе въ славянофильствѣ, новая группировка, новое соотношеніе силъ.

Но на сколько ярка и опредѣленна была физіономія президіума, на столько неопредѣлененъ и безформенъ былъ составъ членовъ съѣзда.

Представитель хорватской делегаціи—поэтъ Тресичъ-Павичичъ говорилъ мнѣ много и долго о томъ, какъ окончательно упрочилось сербо-хорватское сближеніе, и какъ вреденъ для Россіи польскій и украинскій сепаратизмъ.

— Намъ нужна великая, сильная, единая Россія, такая, какою она была во время освобожденія Греціи, такая, какою она освобождала Болгарію. Все, что разъединяетъ, ослабляетъ эту Россію,— противъ всего этого мы высказываемся горячо и категорически.

Такъ говорилъ мнѣ хорватъ изъ сербско-хорватской коалиціи... Другой членъ той же коалиціи, сербъ, проф. Кошутичъ, очевидно,

не хочетъ высказаться до конца. Но чувствуется, что онъ не вѣритъ во все то, что происходитъ здѣсь. Я не знаю, какою онъ хотѣлъ бы видѣть Россію, но онъ говоритъ мнѣ прямо, безъ обиняковъ, что свободные и рабы не могутъ идти вмѣстѣ, такъ какъ у нихъ разныя цѣли и разные пути.

И вотъ въ то время, какъ одинъ членъ сербско-хорватской коалиціи, г. Т.-Павичичъ, въ своей заключительной рѣчи при закрытіи съѣзда пожелалъ возстановленія «Симеоновой» Болгаріи, его коллега по юго-славянской группѣ и по коалиціи, проф. Кошутичъ, не уставалъ заявлять, что сербскій народъ не забудетъ Босніи и Герцеговины.

Характерно, что Ал. Ив. Гучковъ останавливаетъ Кошутича и не протестуетъ противъ рѣчи Павичича. Очевидно, мечты о Босніи—это политика, а мечты о Симеоновой Болгаріи—это что-то уже другое.

Докторъ Саввичъ изъ Бѣлграда растерялся, запутался въ этой славянской неразберихѣ и, въ разговорѣ со мной, жалуется:

— Какъ же опредѣлить, кто хорошій славянинъ, и кто плохой... Аѳанасій Васильевъ или Крамаржъ?.. Проф. Бехтеревъ или Черепъ-Спиридовичъ?.. Гдѣ критерій?.. Приходится каждому изъ нихъ вѣрить на слово, потому что нѣтъ мѣрки славянскихъ убѣжденій...

Тѣмъ не менѣе, тотъ же д-ръ Саввичъ на одномъ изъ банкетовъ заявилъ, что каждый изъ делегатовъ, вернувшись со съѣзда домой, обязанъ начать пропаганду славянской идеи среди широкихъ народныхъ массъ.

— Расчленилось славянство, въ разныя стороны пошло, каждый народъ своей жизнью зажилъ,—говоритъ мнѣ одинъ изъ членовъ чешской делегаціи,—но это ничего. Мы соберемъ его, мы не пожалѣемъ для этого нашихъ силъ.

И собрали... Особенно любопытный видъ имѣла русская делегація.

Легендарный генералъ Черепъ-Спиридовичъ и старый аксаковецъ Аѳанасій Васильевъ, Милютинъ, Кулаковскій, Башмаковъ, Флоринскій, Филевичъ, Вергунъ, бывшій военный судья ген. Кардиналовскій изъ Одессы, Бобринскій, Гижицкій... Какой-то нелѣпостью кажется среди нихъ фигура проф. Бехтерева. Пріѣхали зачѣмъ-то Ал. Стаховичъ, Погодинъ и д-ръ Луценко изъ Одессы, хотѣли протестовать противъ кого-то или чего-то, но все это вышло такъ слабо, жалко и несуразно, что они только испортили хорошій ансамбль, который лучше всякихъ рѣчей и протестовъ указывалъ на то, кто у насъ является бордами славянской идеи. Дополняла картину выдержанная, стильная фигура высокаго, сутоловатаго старика Хлѣбороба, делегированнаго на съѣздъ Союзомъ Михаила Архангела и представившаго легитимаціи отъ самого Владиміра Митрофановича Пуришкевича.

IV.

Такъ какъ политическіе вопросы считались оффиціально исключенными изъ программы съѣзда, то центромъ тяжести его былъ вопросъ о культурномъ сближеніи славянъ.

Этимъ занимался не только соборъ, но и тѣ конгрессы, которые происходили параллельно съ нимъ.

И надо отдать справедливость гг. Бобчеву и Крамаржу. Они до такой степени спутали, перемѣшали все вмѣстѣ, что тѣ безусловно здоровыя идеи, которыя высказывались отдѣльными членами съѣзда, потонули въ морѣ благоглупостей и политиканства.

Напр., организація славянскаго книжнаго рынка—вещь без условно полезная; смѣшно и глупо, что болгарскимъ гимназіямъ, библіотекамъ, правительственнымъ и общественнымъ учрежденіямъ приходится выписывать на десятки тысячъ франковъ русскія изданія черезъ фирму Брокгауза въ Лейпцигѣ. Но благопожеланіями тутъ ничего не сдѣлаешь. При томъ хаосѣ, который существуетъ на внутреннемъ книжномъ рынкѣ въ Россіи, нѣтъ ничего удивительнаго, что онъ не можетъ избавиться отъ посредничества лейпцигской фирмы. Что-же касается ввоза въ Россію книгъ другихъ славянскихъ народовъ, то пришлось бы говорить и о нашей цензурѣ, которая никогда не была благосклонна ну хотя бы къ львовскимъ и краковскимъ изданіямъ поляковъ и украинцевъ.

А вопросъ о славянскомъ почтово-телеграфномъ агентствѣ, которое освѣдомляло бы европейскую прессу о славянскихъ дѣлахъ, подымался уже не разъ, но всякій разъ сталкивался съ непримиримостью интересовъ отдѣльныхъ славянскихъ народностей. Въ повышенно-примирительной атмосферѣ конгресса говорить о такомъ агентствѣ легко, но, если оно осуществится на дѣлѣ, то это будетъ нѣчто чрезвычайно оригинальное: Какъ оно будетъ «освѣщать» ну хотя бы македонскій вопросъ?.. Съ сербской, или съ болгарской точки зрѣнія?.. Или галицiйскія событія?..

Вопросъ объ университетахъ, особенно въ славянскихъ земляхъ Австріи, конечно, вопросъ больной. Печально, что австрійскіе сербы не имѣютъ своего университета, а австрійское правительство не признаетъ дипломовъ бѣлградскаго университета. Но и этотъ вопросъ не можетъ быть разрѣшенъ славянскими конгрессами.

Въ интересахъ науки славистики весьма желательно болѣе близкое общеніе между высшими учебными заведеніями и учеными учрежденіями всѣхъ славянскихъ странъ. Но вѣдь это дѣло спеціалистовъ, а не Черепъ-Спиридовичей.

Обсуждались еще вопросы объ изданіи славянской энциклопедіи объ уравненіи правъ, даваемыхъ аттестатами зрѣлости въ разныхъ славянскихъ странахъ, объ изданіи образцовой славянской анто-

логіи, объ обязательномъ преподаваніи кирилицы въ тѣхъ славянскихъ школахъ, гдѣ оффиціальнымъ шрифтомъ является латинскій. Говорилось объ учрежденіи славянскаго почтоваго союза и объ учрежденіи въ Прагѣ славянскаго театральнаго агентства, которое, между прочимъ, должно стараться и о томъ, «чтобы славянскія пьесы переводились на всѣ европейскіе языки и попадали въ репертуаръ европейскихъ театровъ».

Болѣе практическій характеръ имѣла работа экономистовъ. Центральнымъ былъ вопросъ объ устройствѣ всеславянской выставки. Какъ извѣстно, пражскій конгрессъ принялъ постановленіе объ устройствѣ въ 1911—1912 гг. въ Москвѣ грандіознаго всеславянскаго собора и не менѣе грандіозной всеславянской выставки.

Но, очевидно, русскимъ «сферамъ» не очень улыбается эта идея. Должно быть, выгоднѣе поддерживать славянскую идею въ Прагѣ и въ Софіи, чѣмъ пропагандировать ее въ Москвѣ и Петербургѣ.

Поэтому московскую выставку рѣшено отложить ad calendas graecas. Но чехи, при благосклонномъ содѣйствіи А. И. Гучкова, разработали новый проектъ и настояли на его принятіи съѣздомъ. Въ 1912 году въ Прагѣ будетъ устроена грандіозная выставка славянскаго искусства и промышленности и, какъ дополненіе къ ней, музыкальное торжество, на которое будутъ приглашены всѣ выдающіеся славянскіе пѣвцы, композиторы, музыканты. Вопросъ о всеславянскомъ соборѣ какъ то отпалъ самъ собой.

Вторымъ не менѣе крупнымъ практическимъ вопросомъ былъ вопросъ объ организаціи славянскаго банка. Изъ всѣхъ славянскихъ народностей серьезно заинтересованы въ этомъ вопросѣ только чехи. Они уже начали развивать банковскія операціи за предѣлами своей страны и не безъ успѣха.

Въ 1898 г. въ Вѣнѣ открылось маленькое отдѣленіе Чехо-Моравскаго Промышленнаго Банка, которое поставило себѣ цѣлью финансировать возникавшія тогда въ Вѣнѣ чешскія ссудо-сберегательныя кассы. Въ этомъ отдѣленіи съ болѣе чѣмъ скромными оборотами было всего 13 чиновниковъ и служителей. Да и сберегательныхъ-то кассъ (чешскихъ) въ Вѣнѣ было только всего двѣ или три. Въ 1908 году ихъ насчитывается уже десять съ годовымъ оборотомъ около 50 милл. кронъ. Число служащихъ въ отдѣленіи Чехо-Моравскаго Промышленнаго Банка поднимается до 220 человѣкъ, и въ то же время отдѣленіе это пріобрѣтаетъ два большихъ дома въ центрѣ Вѣны. Сберегательныя кассы теперь живутъ уже самостоятельной жизнью, а отдѣленіе финансируетъ слѣдующія предпріятія:

1. *Люблянскій Банкъ.*

2. *Адріатическій Банкъ* въ Тріестѣ съ отдѣленіями въ Спалато и Сараево.

3. *Хорватскій Банкъ въ Дубровникѣ* съ отдѣленіями въ Спалато, Шибеникѣ и Зарѣ.

4. *1-е Хорватск. Общество сахарной промышлен.* } въ Осѣкѣ.
5. *Акціонерный Банкъ* }

Такъ своими собственными средствами чехи «освобождаютъ» венгерскихъ словаковъ и юго-славянъ изъ-подъ власти нѣмецкихъ и венгерскихъ капиталовъ. Возможно, что подъ громкой фирмой «Всеславянскаго Банка» чехи широко разовьютъ эту «освободительную» дѣятельность. Неизвѣстно, будутъ ли въ выигрышѣ освобождаемые, но чешскіе финансисты выиграютъ несомнѣнно, и потому понятно, что гг. Крамаржъ и Голечекъ со всей энергіей поддерживаютъ инициативу своего соотечественника д-ра Прейса.

Резолюція, предложенная послѣднимъ, принята цѣликомъ. До 1-го ноября 1910 года должно быть окончательно выяснено, какой капиталъ вложитъ въ предпріятіе каждый изъ славянскихъ народовъ, и съ декабря начнется организаціонная работа.

Третьимъ экономическимъ вопросомъ, разсматривавшимся на съѣздѣ, были мѣры, необходимыя для развитія торговли между славянскими странами.

До сихъ поръ таварообмѣнъ между ними былъ очень незначителенъ, прямо ничтоженъ. Такъ, ввозъ и вывозъ Сербіи въ періодъ 1903—1905 гг. представлялся въ слѣдующихъ цифрахъ (тысячи франковъ).

	1903 г.	1904 г.	1905 г.
Австро-Венгрія, ввозъ	35,362	36,583	33,373
» » вывозъ	51,314	55,351	64,712
Турція, ввозъ	1,860	1,965	2,602
» вывозъ	2,118	1,707	2,245
Болгарія, ввозъ	886	2,103	2,325
» вывозъ	779	1,012	1,220
Черногорія, ввозъ	72	60	34
» вывозъ	1	—	3

А для Болгаріи мы имѣемъ слѣдующія среднія цифры за пятилѣтіе 1903—1907 гг. (тоже въ тысячахъ франковъ).

Австро-Венгр., ввозъ . .	31,305	и вывозъ	11,779
Турція, ввозъ	16,364	» »	23,820
Россія, »	4,530	» »	234
Сербія, »	1,274	» »	1,078

Всѣ тѣ попытки, которыя были сдѣланы русской промышленностью для завоеванія славянскихъ (въ частности балканскихъ) рынковъ, кончались полной неудачей.

Резолюція, принятая по этому вопросу съѣздомъ, носитъ характеръ туманныхъ пожеланій.

V.

Едва ли второй подготовительный соборъ въ Софіи будетъ имѣть какіе-нибудь реальные результаты,—развѣ только тѣ, надъ осуществленіемъ которыхъ работаютъ члены партіи Крамаржа и, въ болѣе широкомъ смыслѣ, чешскіе промышленники.

Цѣлый рядъ культурныхъ начинаній врядъ ли сможетъ быть осуществленъ, такъ какъ каждое изъ этихъ начинаній наткнется, если не на препятствія со стороны австрійскаго и русскаго правительствъ, то на тренія и недоразумѣнія между славянскими народами.

Какъ бы то ни было, народняки свое дѣло сдѣлали и теперь торжествуютъ. Ихъ органъ («Рѣчь»), сейчасъ же послѣ закрытія съѣзда, въ номерѣ отъ 28 іюня, помѣстилъ весьма характерную статью подъ заглавіемъ: «Нашъ царь и Россія», въ которой, между прочимъ, говорится слѣдующее:

«Единственной полезной политикой, особенно для маленькихъ народовъ вродѣ нашего, является искренность въ иностранной политикѣ и полное торжество истинныхъ народныхъ чувствъ и желаній въ политикѣ внутренней.

«До тѣхъ поръ, пока царь Фердинандъ не дастъ Россіи полнаго доказательства *на дѣлѣ* (курсивъ газеты), что онъ не является орудіемъ ея враговъ, онъ не сможетъ одержать никакихъ побѣдъ, и только погубитъ дорогіе интересы Болгаріи.

«Россія принесла громадныя жертвы въ своей внѣшней политикѣ, чтобы добиться преобладающаго вліянія на Балканахъ. И, получивши уже это преобладающее вліяніе, она впредь будетъ вести *реальную политику* нашихъ «націоналистовъ» (читай народняковъ), т. е. всѣми средствами будетъ отстаивать свои интересы. А интересы Россіи вполнѣ совпадаютъ съ интересами Болгаріи...»

Любопытно, что органъ цанковистовъ «День», въ номерѣ отъ того же 28 іюня, опубликовалъ интервью-манифестъ Ал. Гучкова, въ которомъ говорится о блестящемъ международномъ положеніи Россіи, о мудрости и либерализмѣ Столыпина, о его врагахъ слѣва и справа и, наконецъ, о томъ, что если либеральный и гуманный Столыпинъ вынужденъ будетъ въ концѣ концовъ уйти, то Россіи придется пережить новыя потрясенія.

Похоже на то, что тріумвиратъ Крамаржъ-Бобчевъ-Гучковъ и укрѣпится...

Упомяну еще о заключительномъ засѣданіи съѣзда, въ которомъ секретарь Вергунъ читалъ письмо, полученное съѣздомъ отъ Льва Толстого. Приведу изъ этого письма кое-какія выдержки.

«Я признаю—пишетъ Толстой—только единеніе всѣхъ людей, основанное на религіи...

«Единеніе отдѣльныхъ племенъ и народовъ не только не помогаетъ а, наоборотъ, противорѣчитъ тому единенію, которому я служу...

«Потому что всякій народъ или племя, притѣсняемое въ разрозненномъ состояніи, какъ только объединится, неизбѣжно начнетъ притѣснять другіе народы и племена...

«Единеніе—могучая сила. Объединенная шайка мошенниковъ сильнѣе отдѣльныхъ разбойниковъ...

«И потому объединеніе, противорѣчащее объединенію всѣхъ людей на началахъ религіи, я считаю особенно вреднымъ...

Въ теченіе нѣсколькихъ секундъ чувствуется, что вышла какая-то неловкость, какое-то непростительное недоразумѣніе. Но Бобчевъ подаетъ знакъ, и весь залъ разражается громомъ аплодисментовъ. Съѣздъ постановляетъ благодарить Толстого...

Вл. Викторовъ-Топоровъ.

Вмѣсто хроники внутренней жизни.

I. Автомобильная гонка.—II. Дѣло Глускера.

I.

Автомобильная гонка.

У Октава Мирбо есть книга, озаглавленная автомобильными знаками: «628—Е-8». О происхожденіи этой книги не трудно догадаться по слѣдующему, разсказанному въ ней «анекдоту», который, по словамъ автора, «не лишенъ философскаго интереса».

Однажды,—разсказываетъ Мирбо,—я послалъ въ Journal статью, гдѣ по поводу одного недавняго научнаго открытія говорилъ о примѣненіи, которое можно было бы сдѣлать изъ него въ цѣляхъ общественной пользы. Эжень Летелье возмутился... Онъ сказалъ мнѣ:

— Я не могу напечатать вашу статью...

— Почему?

— Это что же, вы хотите у меня вырвать кусокъ хлѣба изо рта?

Мнѣ и въ голову это не приходило. Это была бы, къ тому же, очень трудная операція, которая меня вовсе не соблазняла. Я отвѣтилъ:

— Не понимаю васъ...

— Да вѣдь это реклама!—воскликнулъ Эжень Летелье.—Реклама на первой страницѣ!.. Я могъ бы получить за вашу статью пять тысячъ франковъ...

— Семь тысячъ,—поправилъ управляющій конторой, который присутствовалъ при разговорѣ.

— И вы воображаете, что я.. ни за что, ни про что... уступлю...

— Простите,—перебилъ я его...—Не можете ли вы сказать, какіе, по вашему, сюжеты статей не соприкасаются съ областью рекламы?

Эжень Летелье долго думалъ... Этотъ вопросъ сильно его смутилъ. Наконецъ онъ рѣшился отвѣтить:

— Есть... увѣряю васъ,—сказалъ онъ. — Есть очень много... безъ конца.

— Какіе?

— Господи Боже мой!..

И вдругъ, хлопнувъ себя рукой по лбу, онъ воскликнулъ:

— Да вотъ что... Порнографія!.. Великолѣпно!.. И безъ всякихъ ограниченій... Порнографія для писателя съ воображеніемъ... Такъ вотъ вамъ, я нашелъ отличный сюжетъ.

Но неограниченной порнографіи Октавъ Мирбо предпочелъ, повидимому, откровенную рекламу,—тѣмъ болѣе, что это допускается французскими нравами. Какъ бы то ни было, изъ подъ его пера появилась вышеназванная книга, посвященная «милому Шарону», «который задумалъ, построилъ и одушевилъ дивной жизнью дивный автомобиль». Въ обширномъ посвященіи и во многихъ мѣстахъ самой книги Мирбо прославляетъ дивныя свойства автомобилей вообще и тѣхъ, которые производитъ Шаронъ, въ особенности. Если для этого нужны спеціальныя познанія, которыхъ не полагается художнику, то Мирбо, какъ «писатель съ воображеніемъ», не затрудняется, конечно, вводить для этого въ свой разсказъ особыхъ дѣйствующихъ лицъ, — вродѣ, напримѣръ, американскаго «стального короля», который осматриваетъ вмѣстѣ съ авторомъ мастерскую Шарона. «Помню,—пишетъ Мирбо,—какъ онъ бралъ каждую отдѣльную частицу въ руки, разсматривалъ, взвѣшивалъ и говорилъ:—Вотъ это такъ сталь!.. это я понимаю... это сталь настоящая!»

Такія вставки не помѣшали, однако, книгѣ извѣстнаго писателя сохранить характеръ литературнаго произведенія, которое, помимо всякихъ затратъ со стороны автомобильныхъ заводчиковъ, получило распространеніе не только на французскомъ, но и на другихъ языкахъ *). Едва ли какой другой продуктъ капиталистическаго производства удостоился такой завидной publicité...

Я счелъ не лишнимъ напомнить о книгѣ Мирбо, желая показать, что автомобиль—это сюжетъ, очень близко соприкасающійся съ рекламой и способный придавать ей очень тонкія, даже художественныя, формы. И автомобильные заводчики—по части рекламы народъ ловкій...

Нечего, конечно, и говорить, что международный автомобиль-

*) Имѣется и русскій переводъ, каковымъ (въ изд. «Шиповника») выше я и пользовался. Къ слову сказать, печатаются въ русскихъ газетахъ и объявленія прославленной французскимъ писателемъ фирмы. Такъ какъ извѣстность ея автомобилямъ уже обезпечена, то объявленія ея очень лаконичны: «автомобили Шарронъ» тамъ-то, и все тутъ (см. напримѣръ, «Биржевыя Вѣдомости», «Новое Время», «Рѣчь» и др. газеты за 10—11 іюля).

ный пробѣгъ «С.-Петербургъ-Кіевъ-Москва-С.-Петербургъ» тоже былъ устроенъ съ цѣлью рекламы. Теперь, когда онъ кончился, даже тѣ газеты, которыя доходили въ своихъ описаніяхъ до пафоса, никакихъ «осязательныхъ результатовъ» отъ пробѣга, кромѣ рекламы, не находятъ. Какъ только пробѣгъ кончился, спортсмены отошли на задній планъ и на авансцену выдвинулись заводчики. Въ газетахъ уже появились ихъ объявленія. Эти объявленія будутъ, конечно, распространены во всемъ мірѣ: ужъ если на русскихъ дорогахъ ихъ автомобили ходили и не испортились, то, стало быть... это сталь настоящая... И машины ихъ для самыхъ глухихъ мѣстъ вполнѣ подходящія.

Не въ мѣру усердствовавшимъ газетамъ приходится уже разоблачать эту рекламу и доказывать, что на нее нельзя полагаться.

Прежде всего, — пишетъ, напримѣръ, «Рѣчь», подсчитывая «осязательные результаты»,—поговоримъ о машинахъ... По виду это типичныя гоночныя, страшно быстрыя машины, но по провѣркѣ оказывается, что всѣ требованія выполнены ими въ точности и *въ обрѣзъ*, и не мудрено: эти коляски спеціально построены для такого пробѣга. Серіями ихъ ни одинъ заводъ не выпускаетъ, обходятся онѣ страшно дорого и практическаго примѣненія имѣть не могутъ... Итакъ, лучшія мѣста заняли далеко не лучшія съ практической точки зрѣнія машины, и этотъ результатъ... многихъ собьетъ съ толку, многихъ заставитъ думать, что именно эти машины представляютъ идеалъ для нашихъ дорогъ *).

Такимъ образомъ, «Рѣчь» полагаетъ, что машины были подогнаны къ условіямъ состязанія. А «Новое Время» чуть ли не заподозрило, что, наоборотъ, условія пробѣга были подогнаны къ машинамъ и именно заграничнымъ (почему къ заграничнымъ,—мы это еще увидимъ). По крайней мѣрѣ, эта газета, хотя вопросъ для нея былъ очень деликатный, сочла все-таки необходимымъ «попенять составителямъ правилъ за то, что они ...поставили въ конечномъ результатѣ дѣло такъ, что будутъ торжествовать гоночные автомобили». Между тѣмъ, «никакой бѣшеной ѣзды намъ пока не нужно. Мы хотимъ только знать, какой автомобиль должны мы считать наилучшимъ въ смыслѣ выносливости»... Въ результатѣ состязанія, по мнѣнію газеты, получился «совершеннѣйшій non sens» **).

«Биржевыя Вѣдомости», поддерживая указанія названныхъ газетъ, съ своей стороны, прибавляютъ: «Наконецъ, упорно говорятъ о какихъ то нарушеніяхъ и злоупотребленіяхъ, допущенныхъ профессорами черной и бѣлой автомобильной магіи во время пробѣга... Спеціалисты утверждаютъ, что нѣмецкіе шофферы прибѣгали къ особому автомобильному доппингу... Работалъ эфиръ... открывались незамѣтно для непосвященныхъ вентиляторы, прибавлявшіе силы... это еще не все»... ***).

---

*) «Рѣчь», 4 іюля.

**) «Новое Время», 2 іюля.

***) «Биржевыя Вѣдомости», 8 іюля.

Какъ бы то ни было, автомобильные заводчики свое дѣло сдѣлали,—реклама на весь міръ ими пущена. И удивляться ихъ успѣху, конечно, нечего.

Удивляться приходится другому: какимъ образомъ автомобильная гонка оказалась чуть ли не важнѣйшимъ событіемъ за послѣдній мѣсяцъ? Газеты изобразили, вѣдь, ее въ видѣ всенароднаго праздника... Это съ одной стороны, а съ другой... Какимъ образомъ крикливая и, быть можетъ, не вполнѣ добросовѣстная реклама оказалась возведенной на степень государственнаго дѣла?

«Это было тріумфальное шествіе»—говорили участники пробѣга по своемъ возвращеніи.—«Толпы народа, громкое «ура», музыка, флаги, арки—все было на мѣстѣ и радовало спортсменское сердце» [1]). И это на протяженіи трехъ тысячъ верстъ, въ каждомъ городѣ: всюду «добро пожаловать», распростертыя объятія...

«По дорогѣ насъ почему-то встрѣчали хлѣбомъ-солью, выходили съ хоругвями, благословляли иконами, становились на колѣни и въ землю кланялись... [2]). «Особенно хороши были—прибавляетъ другой корреспондентъ—старухи, которыя при видѣ автомобилей опускались на колѣни и набожно крестились»... [3]) Такъ встрѣчали автомобилистовъ въ Бѣлоруссіи.

На Украинѣ и того лучше. Здѣсь «отъ привѣтствій вѣяло южнымъ зноемъ и отъ пріема и пожеланій—широкимъ запорожскимъ размахомъ, чѣмъ-то отеческимъ, трогательно-нѣжнымъ».

> Потомокъ Бульбы съ серпообразными усами, густо нависшими бровями и трубкой въ зубахъ, точно благословляя сынковъ своихъ въ дальній и опасный походъ, ласково махалъ намъ въ слѣдъ руками, а украинскіе дивчата, парубки и хлопцы не успѣвали заплетать цвѣты въ вѣнки. И бѣжали стальные кони подъ проливнымъ дождемъ цвѣтовъ и молодыхъ, алыхъ ягодъ—вѣтка за вѣткой падала въ вагончикъ, а улыбокъ было больше, чѣмъ солнца... [4]).

И въ Великороссіи встрѣчали не дурно. Взять хотя бы Москву. «Безчисленныя толпы народа привѣтствовали автомобилистовъ; до самаго манежа стояли вереницы зрителей» [5]). Здѣсь «участниковъ пробѣга окружаютъ дамы, дамы и дамы»... А потомъ начались банкеты и тосты, тосты, тосты... «И за кого только не пили? не перечислить всѣхъ тостовъ» [6]). «На всѣ тосты вина не хватило, и тутъ чествуемые обратились въ чествующихъ: они съ своей стороны приказали заморозить соотвѣтсвующее количество холоднаго,

---

[1]) «Рѣчь», 1 іюля.
[2]) «Новое Время» 29 іюня.
[3]) «Рѣчь», 28 іюня.
[4]) «Биржевыя Вѣдомости», 26 іюня.
[5]) «Рѣчь», 28 іюня.
[6]) «Биржевыя Вѣдомости», 26 іюня.

чтобы отблагодарить новыми тостами москвичей за ихъ привѣтственныя рѣчи» [1]).

Вообще повсемѣстно «губернаторы, исправники, урядники, стражники, старшины, а тамъ еще инженеры, земскіе начальники, отцы городовъ, купечество,—кто только не привѣтствовалъ машины-молніи и не считалъ пріятнымъ долгомъ засвидѣтельствовать свое уваженіе героямъ пробѣга».

Не только отцы и начальники ихъ чествовали, весь народъ при ихъ проѣздѣ, какъ одинъ человѣкъ, поднялся.

Тысячи, милліоны лицъ, типовъ, этнографическихъ любопытныхъ группъ выстраивались на пути! Точно великой Россіи производился необычайный, фантастическій смотръ!

Горѣловки, Неѣловки и Завирайки были представлены во всемъ своемъ составѣ.

Большіе губернскіе города и уѣзды мобилизировались навстрѣчу бѣгунамъ.

Да! Это была «автомобилизація» Россіи! [2]).

Кое-что—отчасти для слога, а отчасти и отъ души—газетные корреспонденты, вѣроятно, прикрасили. Послѣ того, какъ они неожиданно вмѣстѣ съ другими участниками пробѣга очутились въ роли героевъ и тріумфаторовъ, имъ трудно, конечно, было сдержать нахлынувшія на нихъ чувства. Нѣкоторыхъ изъ нихъ и то, видимо, подмывало, въ какой они компаніи все время находились: флигель-адъютанты, гвардейцы, князья... Я уже не говорю о провинціальной аристократіи: тамъ даже въ губернаторскіе дома имъ, какъ автомобилистамъ, былъ открытъ доступъ. «Такъ, въ домѣ губернатора—сообщаетъ корреспондентъ «Биржевыхъ Вѣдомостей»—я былъ представленъ симпатичнымъ барышнямъ, княжнамъ Трубецкимъ» [3]). И корреспондентъ «Рѣчи», видимо, съ сожалѣніемъ разстался потомъ съ аристократіей и плутократіей, въ средѣ которыхъ онъ вращался. Описавъ «рѣдкостно удачный и веселый, истинно-товарищескій ужинъ», какой участники пробѣга имѣли на послѣдней остановкѣ (въ Новгородѣ), онъ не могъ удержаться отъ вздоха: «на завтра предстояло прибытіе въ Петербургъ, гдѣ сразу выростутъ вновь всѣ соціальныя границы, исчезнувшія на время пробѣга, гдѣ всѣ были равны, всѣ *автомобилисты* и только» [4]).

Вполнѣ понятно, конечно, что воодушевленные столь возвышенными чувствами корреспонденты обнаружили склонность и къ трогательному лиризму, и къ возвышенному пафосу, а вмѣстѣ съ тѣмъ и къ высокому стилю. Тотъ же корреспондентъ «Рѣчи», напримѣръ, писалъ: «небо снова чествовало насъ грозою»... [5]). Ужъ

---

[1]) «Новое Время», 27 іюня.

[2]) «Биржевыя Вѣдомости», 26 іюня.

[3]) Ibid.

[4]) «Рѣчь», 1 іюля.

[5]) «Рѣчь», 28 іюня.

если небо «чествовало», то народъ-то и подавно долженъ былъ ницъ падать...

Газетныя редакціи, съ своей стороны, ничего, повидимому, не имѣли противъ этого излишка краснорѣчія... Надо же имъ чѣмъ нибудь занимать читателей въ эту глухую вообще и вдобавокъ еще лѣтнюю пору. Не порнографіей же, въ самомъ дѣлѣ? Публикѣ она уже пріѣлась, да и не подходитъ этотъ сюжетъ русскимъ газетамъ. Надо что-нибудь возвышенное, общественное... На безрыбьѣ и ракъ рыба; нѣтъ народнаго движенія, и «автомобилизація» годится...

На счетъ же «автомобилизаціи» только и можно было, что фантазировать. Въ самомъ дѣлѣ: несутся «герои» на своихъ «стальныхъ коняхъ» со скоростью 60—80 верстъ въ часъ и видятъ, что на дорогѣ какіе-то люди, цѣлыя толпы людей... Вотъ какой-нибудь г. Регининъ и пишетъ: видѣлъ потомка Бульбы, который, точно благословляя сынковъ своихъ въ дальній и опасный походъ, ласково махалъ намъ руками. Вѣдь это такъ гармонируетъ съ аркой «добро пожаловать», которую губернаторъ приказалъ соорудить на границѣ своей губерніи. Въ дѣйствительности же это, можетъ быть, былъ просто-на-просто одинъ изъ махальныхъ, которые, какъ замѣтилъ другой корреспондентъ, были поставлены заботливою администраціею передъ каждой ямкой, передъ каждымъ камнемъ, передъ каждымъ мостикомъ, передъ каждымъ поворотомъ.

Разсмотрѣть толпу, и тѣмъ болѣе ознакомиться съ ея настроеніемъ автомобилистамъ было, по меньшей мѣрѣ, трудно. Тѣ же изъ нихъ, которые всматривались въ попадавшіяся имъ лица, кромѣ улыбокъ, которыхъ «было больше, чѣмъ солнца», замѣчали на нихъ и «недоумѣніе», и «непониманіе», и «равнодушіе». Порою это равнодушіе оказывалось прямо жуткимъ. Напримѣръ, корреспондентъ «Новаго Времени», г. Бѣляевъ, ѣхавшій вмѣстѣ съ г. Свѣчинымъ на одномъ изъ царскихъ автомобилей, который, какъ извѣстно, потерпѣлъ крушеніе, разсказываетъ о «стоявшихъ на насыпи мужикахъ, весьма равнодушно наблюдавшихъ несчастіе». Г. Бѣляевъ звалъ ихъ на помощь, но вытаскивать г. Свѣчина изъ подъ автомобиля ему пришлось вдвоемъ съ сопровождавшимъ ихъ «мальчишкой», пока не подъѣхали другіе автомобилисты *).

Въ большинствѣ случаевъ толпа была, конечно, самая обыкновенная,—та, которая собирается глазѣть на всякое даровое зрѣлище. По словамъ «Новаго Времени», автомобилистовъ прозвали на югѣ «журавлями»,—ну, вотъ люди и сбѣгались смотрѣть диковинныхъ журавлей, глубоко быть можетъ, равнодушные къ «героямъ» и ихъ подвигамъ...

Порою въ уличной и придорожной толпѣ сказывались и совсѣмъ далекія отъ восторга чувства.

---

*) «Новое Время», 24 іюня.

И, какъ ни быстро мчались автомобилисты, кое-гдѣ они ихъ подмѣтили. Корреспондентъ «Новаго Времени, напримѣръ, проѣзжая въ чертѣ осѣдлости», видѣлъ, какъ «тутъ же, въ переулкахъ бойкаго гешефта сурово посматривали изъ оконъ и съ балконовъ иныя лица—блѣдныя и непривѣтливыя... На курчавыхъ головахъ какое то подобіе студенческой фуражки, черная рабочая блуза, глубоко засунутыя въ карманъ руки». Коротко сказать: «бундистская хмара»... [1]) Корреспондентъ «Биржевыхъ Вѣдомостей» замѣтилъ враждебность въ «московскихъ земляхъ»: тутъ ужъ «коекто изъ толпы пошаливалъ—особенно въ фабричныхъ районахъ». Корреспондентъ утверждаетъ даже, что здѣсь нарочно разсыпали гвозди по дорогѣ передъ проѣздомъ автомобилей. «Цвѣты, и тѣ на этомъ неудачномъ пути — прибавляетъ онъ — съ-играли роковую роль: одинъ изъ букетовъ съ такою силою ударился въ лицо австріяка-автомобилиста, Цетелли, что онъ потомъ увѣрялъ, будто въ этихъ цвѣтахъ былъ камень» [2]). Любопытно, что даже корреспондентъ «Россіи» не столько радостными и привѣтливыми изображаетъ крестьянскія лица, сколько испуганными...

Возможно, конечно, что автомобилисты не столько это видѣли, сколько чувствовали, что тамъ, въ глубинѣ толпы, совсѣмъ не праздничное настроеніе. И пока они не были еще подхвачены волной успѣха, не восчувствовали себя тріумфаторами, между ними можно было слышать и такіе разговоры:

— А замѣтили, какой народъ? Хмурый, изнуренный, темный... Дождь идетъ, а они сбились въ кучу, накрылись веретьемъ и съ тупымъ любопытствомъ разглядываютъ...

— Бѣднота! По деревнямъ словно моръ какой прошелъ... Въ поляхъ скотины не видно, избы валятся, крыши гніютъ... Вокругъ ни деревца... Болото!..

— А у городской заставы съ музыкой встрѣтили... [3]).

Такимъ образомъ на счетъ народнаго воодушевленія, вызваннаго автомобильной гонкой, остаются кое-какія сомнѣнія. Воодушевленіе царило, повидимому, главнымъ образомъ на банкетахъ, куда, обыкновенно, тотчасъ по пріѣздѣ препровождали участниковъ пробѣга.

За то несомнѣнно необычайное вниманіе, оказанное той же гонкѣ государственною властью, и необычайное усердіе, проявленное по этому случаю самыми разнообразными ея органами.

Начать хотя бы съ того, что въ качествѣ контролеровъ для пробѣга были назначены офицеры. Для охраны автомобилей, хотя имъ не угрожалъ ни внѣшній врагъ, ни внутренній, высылались

[1]) „Новое Время“, 2 іюня.
[2]) „Биржевыя Вѣдомости“, 26 іюня.
[3]) „Новое Время“, 29 іюня.

въ нѣкоторыхъ случаяхъ солдаты. Кое-гдѣ солдаты выстраивались даже для встрѣчи.

Дорога, по которой должны были слѣдовать автомобили, заранѣе была осмотрѣна и починена. Правда, починка была россійская, декоративная: поразбросали кое-гдѣ щебенки и засыпали ямы пескомъ, чѣмъ причинили автомобилистамъ только непріятности. Но, какъ бы то ни было, сдѣлано было не меньше, чѣмъ дѣлается въ такихъ случаяхъ передъ проѣздомъ губернатора или архіеерея.

Даже больше. На пути была поставлена охрана. «Всюду—писалъ корреспондентъ «Россіи»—разставлена конная стража и сельская полиція» *). По словамъ одного изъ корреспондентовъ десятскіе были разставлены на четверть версты, по словамъ другого—на 500 шаговъ другъ отъ друга; это, пожалуй, чаще, чѣмъ при проѣздѣ государя.

При въѣздахъ въ села и города были устроены тріумфальныя арки; гдѣ это возможно, были мобилизованы военные и пожарные оркестры; при каждой остановкѣ устраивались пиршества. Вообще власти не жалѣли ни силъ, ни средствъ, чтобы все было честь-честью. Ужъ на что бережно русская администрація относится, напримѣръ, къ учебнымъ заведеніямъ: устроить народное чтеніе или народную читальню въ зданіи, подвѣдомственномъ министру народнаго просвѣщенія, нечего и думать. Но для попойки по случаю проѣзда автомобилистовъ въ Рославлѣ была отведена женская гимназія.

Можно думать, что и хоругви не самовольно выносились крестьянами навстрѣчу автомобилистамъ. Ключи отъ церквей хранятся вѣдь, у священниковъ, а священники въ Бѣлоруссіи, извѣстно, какіе,—все больше Якубовичи, которые даже лисицу самовольно выгнать изъ подъ церкви не позволятъ, на всю Россію шумъ подымутъ и въ каторгу запрячутъ. Неужели же безъ ихъ согласія мужики на встрѣчу еретикамъ, каковыхъ не мало было среди автомобилистовъ, иконы поднимали? Конечно, не безъ вѣдома властей эти крестные ходы были устроены. Вѣроятно, даже подъ ихъ непосредственныхъ воздѣйствіемъ.

Всѣ власти находились, вѣдь, на пути пробѣга; нѣкоторые издалека явились. Могилевскій предводитель дворянства и высшія должностныя лица города за 13 верстъ выѣхали привѣтствовать автомобилистовъ. Смоленскій губернаторъ, резиденція котораго оказалась далеко въ сторонѣ отъ дороги, пріѣхалъ съ этою цѣлью въ Рославль; калужскій губернаторъ явился въ Малоярославецъ. Въ Твери «любезный хозяинъ-губернаторъ г. Бюнтингъ прекрасно встрѣтилъ и принялъ многочисленныхъ гостей. Къ величайшему нашему удивленію,—прибавляетъ корреспондентъ—тотъ же губернаторъ насъ встрѣтилъ на другое утро за завтракомъ въ Вышнемъ-Волочкѣ. Какъ онъ успѣлъ проѣхать туда, просто удивительно» **).

*) «Россія», 24 іюня.

**) «Рѣчь», 1 іюля.

Очевидно, ночь не спалъ, лишь бы проявить свою дѣятельность.

Не только губернаторы, но и министры очень живо отнеслись къ автомобильному пробѣгу. Два изъ нихъ, какъ сообщали газеты, должны были даже войти въ составъ жюри, присуждавшаго призы. Привѣтствіе автомобилистамъ прислалъ и предсѣдатель совѣта министровъ. Не менѣе живой откликъ автомобильный пробѣгъ встрѣтилъ и въ болѣе высокихъ сферахъ.

Словомъ, вся государственная власть—сверху до низу—обнаружила къ автомобильной гонкѣ живѣйшій интересъ и проявила по отношенію къ ней рѣдкостное усердіе. Вотъ это-то и представляется удивительнымъ.

Въ самомъ дѣлѣ: почему такъ старались хотя бы губернаторы? Нельзя же, вѣдь, допустить, что всѣ они вдругъ увлеклись автомобильнымъ спортомъ? Да если и допустить это, то нельзя же думать, что ради своего увлеченія они произвели «автомобилизацію» Россіи? Еще менѣе допустимымъ является предположеніе, что они старались въ интересахъ оживленія автомобильной промышленности,—къ слову сказать, исключительно почти заграничной. Очевидно, они видѣли въ автомобильной гонкѣ государственное дѣло и, служа ей, расчитывали принести своему отечеству пользу.

Эту пользу всячески старались раскрыть и объяснить намъ, профанамъ. «Развитіе автомобильнаго спорта—говорилъ «творецъ пробѣга», г. Свѣчинъ,—заставитъ обратить вниманіе на наши дороги, которыя, какъ извѣстно, не отличаются особой доброкачественностью» *). «Надѣюсь,—писалъ, съ своей стороны, министръ путей сообщенія, привѣтствуя отправляющихся въ путь автомобилистовъ,—что этотъ пробѣгъ окончательно выяснитъ пригодность автомобилей для передвиженія по нашимъ дорогамъ и дастъ толчекъ дальнѣйшему широкому развитію сего способа передвиженія, столь полезнаго и необходимаго на обширной сѣти нашихъ шоссейныхъ и грунтовыхъ путей сообщенія» **). Выходило, стало быть, такъ: съ одной стороны, автомобили для Россіи имѣются, нѣтъ только въ ней дорогъ доброкачественныхъ и развитіе автомобильнаго спорта дастъ толчекъ ихъ улучшенію; съ другой стороны, въ дорогахъ недостатка нѣтъ, имѣются лишь сомнѣнія на счетъ автомобилей и пробѣгъ долженъ дать толчекъ ихъ распространенію...

Для пробѣга имѣлись такимъ образомъ двѣ «идеи»,—не вполнѣ между собою совпадающія. Ихъ не трудно было бы, конечно, совмѣстить: для этого нужно было только пустить автомобили, на которыхъ можно ѣздить, по тѣмъ дорогамъ, на которыхъ нужно ѣздить. Но этого-то какъ разъ и не было сдѣлано. Автомобили были пущены, какъ мы видѣли, не тѣ, которые служатъ для практическихъ надобностей, а спеціально приготовленные, какихъ нѣтъ

---

*) „Новое Время", 13 іюня.

**) „Новое Время", 17 іюня.

даже въ продажѣ, на которыхъ можно было выиграть призы. Съ другой стороны, для пробѣга выбраны дороги, на которыхъ надобности въ автомобиляхъ не имѣется. Неужели ужъ такъ нужно автомобильное сообщеніе между Петербургомъ и Москвою, по шоссе, идущемъ почти все время рядомъ съ желѣзною колеею? Или необходимо такое сообщеніе между Петербургомъ и Кіевомъ, которые соединены между собою нѣсколькими желѣзными путями? Между тѣмъ изъ всей «обширной сѣти» для пробѣга были выбраны эти именно заштатныя дороги (благо онѣ сохранились отъ временъ крѣпостного права), да и тѣ не въ обычномъ ихъ видѣ, а съ махальными, поставленными у каждой ямкп.

Военное вѣдомство имѣло, повидимому, свою «идею»,—по крайней мѣрѣ, теперь, когда все кончилось, эта идея нѣсколько неожиданно выплыла. Оказывается, что офицеры были предоставлены въ качествѣ контролеровъ не изъ любезности только, но и въ интересахъ государственной обороны. По словамъ «Биржевыхъ Вѣдомостей»,—правильнѣе, того лица, которое ихъ информировало,—офицеры различныхъ полковъ, въ большинствѣ «желѣзнодорожники», были командированы съ «косвенною цѣлью» ознакомиться съ конструкціей всевозможныхъ моторовъ. «Какъ извѣстно—пояснило это лицо—сейчасъ автомобили призваны служить военнымъ цѣлямъ. Офицеры получили возможность наблюдать здѣсь, на пробѣгѣ работу машинъ всякихъ системъ и познакомиться съ достоинствомъ ихъ... Кромѣ того, они могли также кое-чему поучиться у спеціалистовъ-моторовожатыхъ. Словомъ, на пробѣгѣ желѣзнодорожные офицеры и саперы практически прошли курсъ автомобилизма» *). А заодно—какъ слѣдуетъ изъ той же бесѣды—и кое-какіе секреты узнали, познакомились съ «продѣлками доппинговыхъ автомобилистовъ», т. е. съ продѣлками, къ какимъ прибѣгали иностранные шофферы, чтобы выиграть призы. Выходитъ даже какъ будто такъ, что и на «продѣлки» эти «контролеры» сквозь пальцы смотрѣли, лишь бы получше все вывѣдать...

Нѣтъ, однако, ничего мудренаго, что и тутъ иностранцы насъ перехитрили... Во всякомъ случаѣ остается вопросъ: если такова была «идея» пробѣга, то зачѣмъ пути для него уравнивали? зачѣмъ махальныхъ ставили? (я уже не говорю: зачѣмъ хоругви выносили?) Въ военное время, вѣдь, безъ махальныхъ ѣздить придется и такой именно ѣздѣ офицерамъ нужно учиться, да и секреты на неровной дорогѣ они полнѣе могли бы повывѣдать.

Получается такое впечатлѣніе, что устроители пробѣга заблудились между тремя идеями. Слишкомъ ужъ они были озабочены тѣмъ, чтобы пробѣгъ удался. Въ результатѣ неизбѣжно долженъ былъ получиться «совершеннѣйшій non sens». Я уже не говорю о наивности самыхъ идей... Ради чего же старались губернаторы?

У пробѣга была, однако, и еще одна идея. Возможно, что именно ею и были воодушевлены носители русской государственной вла-

сти. Читатели «Новаго Времени» были ознакомлены съ этою идеею при помощи интервью, какое сотрудникъ газеты получилъ у флигель-адъютанта Свѣчина дня за три до начала пробѣга.

Мы возлагаемъ—сказалъ, между прочимъ, послѣдній,—большія надежды на предстоящее нынѣ состязаніе... Въ состязаніи принимаютъ участіе 25—30 иностранцевъ: тутъ будутъ и нѣмцы, и французы, и англичане, которые убѣдятся воочію, что многія легенды объ ужасахъ, происходящихъ въ Россіи, сплошныя тенденціозныя выдумки. Такимъ образомъ, всѣ они увидятъ Россію и ознакомятся съ нѣкоторыми провинціальными городами. Среди туристовъ будетъ находиться между прочимъ извѣстный спортивный писатель, редактирующій журналъ „La vie automobile“ (Въ общемъ въ настоящее время записано 55 человѣкъ, изъявившихъ желаніе принять участіе въ состязаніи. Идея состязанія встрѣтила самое высокое покровительство *)...

Мѣстныя власти, какъ можно думать, были ознакомлены съ этою идеею заблаговременно, и ко дню пробѣга онѣ успѣли уже распространить ее среди населенія. Такъ корреспондентъ «Биржевыхъ Вѣдомостей», задержанный на нѣсколько минутъ лопнувшей шиной, успѣлъ перекинуться словечкомъ съ однимъ изъ бѣлоруссовъ.

— А знаешь ли, старикъ, куда мы путь держимъ...

— И, батюшка мой, какъ не знать. Царь нашъ чужеземныхъ гостей по землѣ своей катаетъ,—Россію матушку показываетъ!..

И мужикъ благоговѣйно снимаетъ шапку и отвѣшиваетъ земные поклоны «царскимъ гостямъ...» *)

Упоминаетъ объ этомъ слухѣ и корреспондентъ «Новаго Времени» со ссылкою на урядниковъ, которые его распространяли **).

Если дѣйствительно такова была «идея» пробѣга, то тогда многое становится понятнымъ. Конечно, губернаторы должны были стараться, чтобы все было честь-честью. Пробѣгъ долженъ былъ удаться... Только при этомъ условіи онъ и могъ сыграть роль двусторонней publicité: послужить для рекламы автомобильнымъ заводчикамъ и для реабилитаціи русской государственности...

И дѣйствительно, «пробѣгъ удался на славу»: и автомобили оказались пригодными и дороги сносными. «Старое мнѣніе о непролазности нашихъ дорогъ—пишетъ «Россія»—должно быть измѣнено» ***). «Мы можемъ въ случаѣ необходимости—пишетъ, съ своей стороны, «Рѣчь»—мчаться быстрѣе поѣзда даже при ухабахъ и мостикахъ...» *).

Надо сказать, что идея показать Россію иностранцамъ, воочію убѣдить ихъ, что разсказы объ ужасахъ, происходящихъ въ ней, не больше, какъ тенденціозная выдумка,—недурная идея. Хороша

*) Новое Время, 13 іюня.
*) «Биржевыя Вѣдомости», 26 іюня.
**) «Новое Время», 29 іюня.
***) «Россія», 6 іюля.
*) «Рѣчь», 4 іюля.

она тѣмъ, что успѣхъ заранѣе, можно сказать, обезпеченъ. Русская бюрократія это по опыту знаетъ: сколько разъ русскіе сановники ни выѣзжали для обозрѣнія подвѣдомственныхъ имъ «частей», всегда оказывалось, что все обстоитъ благополучно...

Если трудно наѣзжему человѣку (въ особенности изъ начальствующихъ лицъ) замѣтить непорядки, то еще труднѣе (даже корреспонденту) увидѣть «ужасы». В. Г. Короленко въ «Голодномъ годѣ», между прочимъ, пишетъ:

Я знаю умныхъ людей, пріѣзжавшихъ изъ столицъ и съ удивленіемъ замѣчавшихъ, что, напр., въ Нижнемъ Новгородѣ на улицахъ не замѣтно никакихъ признаковъ, по которымъ можно бы сразу догадаться, что это—центръ голодающихъ губерній. Такіе же умные (безъ всякой ироніи) люди привозили изъ деревень въ Нижній-Новгородъ самыя противорѣчивыя и спутанныя извѣстія... Даже на мѣстѣ, въ волостяхъ, только привычный глазъ отличитъ по первому взгляду голодающую деревню отъ сравнительно благополучной. Ребятишки катаются съ горъ на салазкахъ, курится надъ трубами жидкій дымокъ, въ окна глядятъ на пріѣзжихъ равнодушныя лица... А гдѣ же самый голодъ? *)

Да и что такое голодъ? Тамъ же В. Г. Короленко упоминаетъ о господинѣ, который полагалъ: «голодъ, это—когда матери пожираютъ своихъ дѣтей». Легко понять, что на такой «ужасъ» не сразу наткнешься, да не скоро его и подкараулишь. Чего, казалось бы, ужаснѣе: вѣшаютъ ни въ чемъ неповинныхъ людей... Но сколько бы иностранцевъ ни возили по Россіи, можно съ увѣренностью сказать, этого «ужаса» они не увидятъ. Правда, есть другой ужасъ, уже сплошной: это—жить въ странѣ, гдѣ возможны и даже неизбѣжны такіе факты. Но этотъ ужасъ и вовсе нельзя увидѣть, какъ нельзя видѣть облегающую насъ атмосферу: въ ней пожить нужно...

Тѣмъ болѣе нельзя увидѣть въ кинематографѣ... А именно «въ кинематографѣ» показывали Россію автомобилистамъ,—такъ сами многіе изъ нихъ характеризовали вынесенныя изъ пробѣга впечатлѣнія. Быстро пробѣгали виды и лица передъ ними, лишенными возможности всмотрѣться,—ну точь-въ-точь, какъ изображенія на кинематографической лентѣ...

Можно было, конечно, заранѣе разсчитать, что наиболѣе ужасныхъ ужасовъ на этой узкой лентѣ не окажется. Не окажется, напримѣръ, висѣлицъ. Даже никакого распоряженія на этотъ счетъ не требовалось: автомобилисты ѣхали днемъ, а вѣшаютъ ночью и дѣлаютъ это не публично. Не окажется усмиреній... Не до нихъ было въ эти дни властямъ, занятымъ встрѣчей, чествованіемъ и проводами автомобильныхъ героевъ... Точно такъ же можно было разсчитать, что наиболѣе непріятныя фигуры русской дѣйствительности принарядятся по случаю того, что ихъ фотографировать будутъ. Взять хотя бы полицію,—что только про нее не раз-

*) Владиміръ Короленко. «Въ голодный годъ». Изд. 6-е. Стр. 6.

сказываютъ. Ну, а автомобилисты увидѣли ее въ совсѣмъ иномъ свѣтѣ. Корреспондентъ «Новаго Времени», упоминавшійся уже мною г. Бѣляевъ, рисуетъ слѣдующую, повидимому, типическую сценку, пріуроченную имъ къ городу съ вымышленнымъ названіемъ, Огурцову.

Передъ соборомъ большая толпа, оркестръ пожарныхъ и толстый исправникъ—совершеннѣйшій Донъ-Педро изъ «Птичекъ пѣвчихъ»... Онъ весь—праздникъ, встрѣча, порядокъ... Откозырявъ, вскакиваетъ на подножку командорскаго автомобиля и такъ—на одной ногѣ и съ протянутой къ «собранію» рукой a la Меркурій—ѣдетъ сквозь толпу подвѣдомственныхъ ему огурцовцовъ... Онъ нѣжно мурлычитъ шоферу:

— Осторожно... Здѣсь камушекъ... Здѣсь ямка... Мостикъ...

...Въ голосѣ исправника такъ много заботы и теплоты, и кротости, что поневолѣ мычишь какое-то благодарствіе и сочувственно киваешь головой.

Правда, г. Бѣляевъ, вдумчивѣе другихъ корреспондентовъ относившійся къ появлявшимся въ кинематографѣ сценамъ и видамъ, успѣлъ посмотрѣть на исправника и съ другой стороны. Замѣтилъ онъ, напримѣръ, такую сцену:

Исправникъ бодро несетъ свое препоясанное чрево въ толпу, расчищая дорогу локтями и ласково убѣждая:

— Разступитесь... дайте дорогу... будьте любезны...

Потомъ въ полъ-оборота городовикамъ:

— А ну-ка, подоткните ихъ сзади селедками... да слободскихъ гони въ оврагъ.

Сотрудникъ «Новаго Времени» подслушалъ даже кое-какіе обывательскіе разговоры на счетъ этого самаго исправника.

— Ишь какимъ теленкомъ прикинулся. Съ утра нагайкой, какъ цѣпомъ молотилъ, а давеча сладкій такой сталъ, убѣдительный... Я на мосту стою съ Гришкой-Кузнецомъ, а онъ этакъ подходитъ и говоритъ... «Будьте любезны, голубчики, не скопляйтесь у моста, разойдитесь пожалуйста»... Гришка и говоритъ: «Зачѣмъ расходиться, ваше благородіе, я бы тутъ стоялъ, да ваши рѣчи слушалъ; это вродѣ соловья»... А исправникъ его плечомъ приправилъ этакъ да потихоньку: «Ты, такой-сякой, соловья у меня ужо получишь» *).

Но чтобы подмѣтить и подслушать это, нужны были, конечно, особо зоркій глазъ, особо чуткое ухо и вдобавокъ еще подходящій случай. Между тѣмъ и то, вѣдь, не трудно было расчитать, что если какія непріятныя черточки русской дѣйствительности и попадутъ на кинематографическую ленту, то онѣ не произведутъ особо сильнаго впечатлѣнія на тѣхъ, кто наслышался объ «ужасахъ». Такъ оно и вышло...

— «Конечно,—говорили сотруднику «Рѣчи» участники пробѣга послѣ своего возвращенія,—кое-гдѣ начальство переусердствовало,

*) «Новое Время, 3 іюля.

закрывало всякій проѣздъ по дорогамъ и т. п. Но мужики вѣдь привыкли и не къ такимъ несуразностямъ» *).

Къ тому же и сами «герои» быстро освоились съ положеніемъ «гостей, ѣдущихъ по царскому указу», вошли во вкусъ оказываемыхъ имъ почестей и, если замѣчали, что мужикъ плохо старается, то не прочь были на него и прикрикнуть. «Намъ пришлось въ одномъ мѣстѣ—говоритъ корреспондентъ «Биржевыхъ Вѣдомостей»—остановить машину, подозвать растерявшихся старосту и урядника, чтобы указать имъ на баловство деревенскихъ апашей: они набросали на дорогу большіе камни, среди которыхъ приходилось машинѣ боязливо лавировать»... Возможно, конечно, что «апаши» тутъ было не при чемъ, но «не бѣда, коль потерпитъ мужикъ»... Онъ ужъ привыкъ...

Въ конечномъ счетѣ показанная въ кинематографъ Россія оказалась преблагополучной страной и оставила самое пріятное впечатлѣніе»,—даже въ такихъ частяхъ, какъ «черта осѣдлости». Корреспонденту «Новаго Времени» особенно понравились тамъ «красивыя лица дѣвушекъ, ихъ тихая грація и привѣтливость, свойственная молодымъ еврейкамъ».

Это—восторгался онъ—героини Аша. Это—«дщери Іерусалимли» изъ «Пѣсни пѣсенъ»... переложенной на жаргонъ **)...

И еврейчика, который «бѣжалъ съ полверсты рядомъ съ автомобилемъ, предлагая на ходу запонки, булавки и часовыя цѣпочки изъ новаго золота», онъ не усомнился представить читателямъ въ качествѣ «энтузіаста», воодушевленнаго не то автомобильнымъ спортомъ, не то «царскими гостями». И это на столбцахъ юдофобской газеты!... Корреспондентъ «лѣваго листка», съ своей стороны, не затруднился выдать аттестатъ за «замѣчательный порядокъ» хозяину Тверской губерніи, поразившему его своею подвижностью и обворожившему своимъ гостепріимствомъ ***). А корреспондентъ «Биржевыхъ Вѣдомостей», такъ тотъ прямо какъ-то телеграфировалъ:

Отдохнули въ городѣ, гдѣ не умолкаетъ «Пѣсня Господу за милости его»... («Биржевыя Вѣдомости, 30 іюня).

До автомобильнаго пробѣга мы и не знали, что имѣются такіе города въ счастливой Аркадіи, именуемой Россійской имперіей. Между тѣмъ оказывается, что есть и даже недалеко отъ Петербурга. Телеграмма прислана изъ Новгорода, въ которомъ, какъ мы знаемъ уже, состоялся «рѣдкостно-удачный и веселый ужинъ» автомобильной демократіи.

---

*) «Рѣчь», 1 іюля.
**) «Новое Время», 23 іюня.
***) «Рѣчь», 1 іюля.

Какъ видятъ читатели, publicité русской государственности задумана была недурно и удалась, можно сказать, на славу... Другой, конечно, вопросъ, достигла ли она цѣли. Возможно, что иностранцы не столько русскимъ благополучіемъ интересовались, сколько собственными машинами, и теперь, получивъ царскій кубокъ и другіе высочайшіе призы, ограничатся тѣмъ, что протрубятъ на весь міръ о своей побѣдѣ. Судя по тому, какъ ихъ уже ругаютъ—чуть ли не въ мошенничествѣ обвиняютъ — приходится думать, что молчаливое соглашеніе между русской аристократіей и иностранной плутократіей по части обоюдной рекламы фактически оказалось несостоявшимся. Пожалуй, въ Западной Европѣ такъ и не узнаютъ о русскомъ благополучіи.

Что касается Россіи то... вѣдь, она себя не въ кинематографѣ только видитъ... И то, что «ребятишки катаются съ горъ», здѣсь никого, конечно, не обманетъ.

А. Пѣшехоновъ.

II.

Дѣло Глускера.

(Къ замѣткамъ публициста о смертной казни).

Въ Мглинскомъ уѣздѣ, Черниговской губ. есть небольшое мѣстечко Почепъ, расположенное по линіи Полѣсскихъ желѣзныхъ дорогъ. Въ ночь на 16 августа 1907 года это мѣстечко и весь Мглинскій уѣздъ были взволнованы ужаснымъ преступленіемъ. Ночью въ своемъ домѣ вырѣзана цѣлая семья Быховскихъ: отецъ, сынъ и приказчикъ на утро найдены уже мертвыми, жена, невѣстка и внучка Быховскихъ тяжело ранены. Убійство сопровождалось страшной жестокостью: стѣны, полы, потолки и окна были забрызганы кровью и кусками мозга. Эта жестокость поражала тѣмъ болѣе, что не было замѣтно признаковъ борьбы: семью застали врасплохъ, и никакого сопротивленія убійцамъ никто не оказывалъ.

Въ день этого убійства за сто верстъ отъ Почепа, въ имѣніи г-жи Гусевой работало человѣкъ восемь кровельщиковъ, въ томъ числѣ нѣкто Глускеръ, бывшій приказчикъ убитаго Быховскаго. Кровельщики мирно крыли крышу. Къ вечеру они пошабашили, какъ обыкновенно, и спокойно отправились ночевать тутъ-же, въ имѣніи.

Въ томъ числѣ Глускеръ.

Къ большому несчастію для Глускера и для правосудія, въ Мглинскомъ уѣздѣ расположено имѣніе министра юстиціи г. Щегловитова, и въ роковую ночь, когда негодяи убивали семью Быховскихъ въ Почепѣ, а Глускеръ спокойно спалъ послѣ рабочаго дня

въ экономіи г-жи Гусевой,—въ имѣніи г. министра находилась его семья. Весь уѣздъ былъ взволнованъ ужаснымъ убійствомъ, и семья г. министра, понятно, раздѣляла эти чувства. А полиція и слѣдственныя власти были взволнованы вдвойнѣ: «на дѣло это обратилъ особое вниманіе бывшій въ Почепѣ проѣздомъ въ свое имѣніе министръ юстиціи И. Г. Щегловитовъ» [1]).

«Особенное вниманіе» высшей власти въ дѣлѣ правосудія почти всегда бываетъ зловѣще. Покойный министръ Муравьевъ проявилъ «особенное вниманіе» въ памятномъ дѣлѣ Пальма. Въ Орлѣ была кѣмъ-то убита генеральша Болдырева. Министръ Муравьевъ, проѣзжая на открытіе новыхъ судебныхъ учрежденій въ Томскѣ, вызвалъ къ себѣ прокурора орловскаго суда и захватилъ его съ собой въ поѣздѣ на нѣсколько станцій. При этомъ министръ «обратилъ вниманіе» прокурора на то, что убита генеральша, «лично извѣстная Государю» и что нерѣшительность слѣдствія «производитъ неблагопріятное впечатлѣніе». Говорятъ, прокуроръ изложилъ г. министру какъ нѣкоторыя свои догадки, такъ и свои сомнѣнія въ ихъ правильности, и говорятъ, что министръ изволилъ одобрить г. прокурора: «вы на вѣрномъ пути». Тогда, конечно, подъ лучомъ высокаго одобренія, прокурорскія догадки превратились въ увѣренность, а прокурорскія сомнѣнія разсѣялись, какъ дымъ. Пальмъ былъ привлеченъ, осужденъ, сосланъ на Сахалинъ. Но послѣ этого финала сомнѣнія стали опять обнаруживаться. Заговорила пресса, пошли споры. Пальмъ былъ помилованъ и возвращенъ съ Сахалина. Помилованіе есть формальное уничтоженіе послѣдствій приговора, но не нравственная реабилитація. Въ послѣднемъ отношеніи Пальмъ такъ и остался, говоря старымъ юридически безнравственнымъ терминомъ, въ подозрѣніи. Но никто не могъ, конечно, реабилитировать и судебнаго приговора, который остался «въ сильнѣйшемъ подозрѣніи», вмѣстѣ съ Пальмомъ.

Не менѣе благосклонное вниманіе обратилъ покойный министръ на знаменитое въ свое время «мултанское дѣло», и нужны были экстренныя усилія печати, профессоровъ судебной медицины, защитниковъ, чтобы парализовать усердіе властей и вырвать невинныхъ мултанцевъ изъ крѣпкихъ рукъ поощряемаго свыше обвинителя Раевскаго... Такую же роль съиграло «особое вниманіе» Побѣдоносцева въ дѣлѣ Скитскихъ.

Я, разумѣется, далекъ отъ того, чтобы относить ужасное дѣло, которое теперь волнуетъ русскую печать и русское общество, насчетъ такого-же прямого воздѣйствія нынѣшняго министра юстиціи, г. Щегловитова. Нѣтъ. «Прямого воздѣйствія», навѣрное, не было. Слѣдственныя власти *только* почувствовали на себѣ внимательные взгляды сверху, возбуждавшіе энергію. А ужъ остальное—естественное послѣдствіе особенностей полицейскаго дознанія, пред-

[1]) «Рѣчь». 10 ноября 1909, № 309.

варительнаго слѣдствія, нашей юстиціи вообще, военно-судной юстиціи въ частности: чѣмъ болѣе напрягается служебная энергія, тѣмъ больше вѣроятія, что «возмущенное чувство» начальствующихъ лицъ будетъ удовлетворено въ самомъ непродолжительномъ времени. А за то кто-нибудь изъ обывателей рискуетъ совершенно неожиданно для себя и въ самый кратчайшій срокъ очутиться подъ приговоромъ къ каторгѣ, какъ мултанцы или Скитскіе, къ Сахалину, какъ Пальмъ... Говорятъ, что въ Китаѣ въ такихъ случаяхъ поступаютъ еще проще: убили кого-нибудь, чья смерть требуетъ возмездія. Изъ Пекина пишутъ: *чтобъ были немедленно открыты* виновные. Мѣстныя власти немедленно и удовлетворяютъ требованіе: отправляется отрядъ, который хватаетъ перваго дровосѣка въ лѣсу, перваго жнеца въ полѣ, перваго кровельщика на крышѣ дома. Когда требуемое число укомплектовано, ихъ сводятъ къ одному мѣсту, привязываютъ къ дереву, поставленному на козлахъ, рубятъ головы и счетомъ отправляютъ въ Пекинъ. Высшія власти испытываютъ удовольствіе: преступленіе открыто.

Россія—не Китай. О, конечно! У насъ дѣйствуютъ „судебные уставы, не знающіе смертной казни". Мултанцевъ и Скитскихъ судили съ присяжными, и въ гласномъ судѣ удалось наконецъ разорвать сѣти «предварительнаго слѣдствія». Пальма обвинили, но—оказалось возможнымъ вернуть его съ далекаго Сахалина... Все это было до россійской конституціи... Только въ послѣдне время мы сдѣлали шагъ отъ запада къ востоку: несчастнаго Глускера ускореннымъ порядкомъ отправили туда, откуда уже ничье повелѣніе не въ силахъ вернуть его къ жизни...

Подъ гипнозомъ «особеннаго начальственнаго вниманія», власти быстро открыли виновныхъ. Ими оказались, во-1-хъ, бывшіе приказчики Быховскаго: Глускеръ, Дыскинъ и Кописаровъ, которыхъ онъ обвинялъ въ кражѣ товаровъ и, значитъ, они могли ему мстить. Затѣмъ Толстопятова—прислуга Быховскихъ. Она осталась жива, когда семья была перебита. Въ «оправданіе» этого факта Толстопятова приводила то соображеніе, что жила она совершенно отдѣльно, въ кухнѣ, изолированной отъ остальныхъ помѣщеній... Но ее слушали плохо. Къ ней ходилъ племянникъ, Жмакинъ, который тоже былъ привлеченъ къ дѣлу.

Слѣдствіе закончено скоро и поступило на разсмотрѣніе кіевскаго военно-окружнаго суда. Кописарову и Дыскину удалось доказать свое alibi, и они были оправданы. Толстопятова отсидѣла уже годъ въ тюрьмѣ. Жмакинъ пошелъ на каторгу, гдѣ находится и понынѣ.

Глускеръ повѣшенъ.

Теперь оказывается, что всѣ эти люди потерпѣли невинно. Толстопятова невинно отсидѣла въ тюрьмѣ. Жмакинъ невинно попалъ на каторгу. Глускеръ безъ вины повѣшенъ. Въ день передъ убійствомъ онъ дѣйствительно работалъ на крышѣ за сто

верстъ отъ Почепа. Ночью онъ дѣйствительно и завѣдомо для многихъ людей ночевалъ въ экономіи г-жи Гусевой... Военно-судная юстиція до извѣстной степени, сколько отъ нея зависѣло, поторопилась уже исправить эту свою первоначальную ошибку. 13 мая выѣздная сессія кіевскаго военно-окружнаго суда въ Черниговѣ разсмотрѣла вторично дѣло объ убійствѣ семьи Быховскихъ. На этотъ разъ передъ судомъ были трое мужчинъ: Панковъ, Сидорцевъ и Муравьевъ, и три женщины: Рубеко, Антоновичъ и Караваева. Судъ приговорилъ мужчинъ къ повѣшенію, двухъ женщинъ за недонесеніе къ 15-ти годамъ каторги и одну—къ 2-мъ годамъ крѣпости.

Таковы оказались результаты служебной энергіи, проявленной въ дѣлѣ о раскрытіи убійства семьи Быховскихъ. «Возмущенное чувство» общества и высшей власти были удовлетворены не только стремительно, но и съ очевиднымъ излишествомъ. Въ дѣлѣ Глускера не было никакихъ указаній на участіе Панкова, Сидорцева и Муравьева. Въ дѣлѣ послѣднихъ—никакихъ указаній на виновность Глускера, Толстопятовой и Жмакина. Совершенно наоборотъ: въ томъ сознаніи, которое послужило основаніемъ для второго дѣла, новые обвиняемые заявляли категорически, что *никто изъ осужденныхъ по этому дѣлу раньше не принималъ въ убійствѣ никакого, даже отдаленнаго участія* *).

Обстоятельства, при которыхъ возникло второе дѣло, тоже чрезвычайно характерны для состоянія правосудія въ конституціонной Россіи двадцатаго вѣка. Приговаривая къ казни Глускера, судъ, повидимому, не испытывалъ никакихъ сомнѣній или истолковалъ все сомнительное не въ пользу подсудимаго, а въ пользу висѣлицы. Но сомнѣнія всетаки были и, между прочимъ, нашли себѣ мѣсто въ головѣ «заштатнаго полицейскаго чиновника» Работнева. Кто такой полицейскій чиновникъ Работневъ, почему онъ попалъ «за штатъ», какими побужденіями руководился, продолжая свои розыски по «совершенно законченному» дѣлу,—мы не знаемъ. Но разсуждалъ этотъ заштатный чиновникъ (сколько можно судить по газетнымъ извѣстіямъ), приблизительно такъ:

Семья Быховскихъ избита съ страшной жестокостью, которая едва ли можетъ быть объяснена местью за подозрѣніе въ кражѣ. Кромѣ того Глускеръ средній приказчикъ, простой обыватель, до того никогда не участвовавшій въ убійствахъ или вооруженныхъ кражахъ. Наконецъ, онъ и убитые—евреи. Его месть относилась бы къ бывшему хозяину. Убита вся семья съ такой жестокостью, въ которой чувствовалась рука профессіональнаго убійцы. Такъ убиваютъ бѣглые каторжники, спеціалисты-громилы, жидоненавистники, украшающіе во многихъ городахъ ряды «монархическихъ»

*) „Кіевскія Вѣсти", 24 ноября 1909 года.

организацій... Но едва ли такъ сталъ бы убивать еврей евреевъ... Не очень давно въ газетахъ промелькнуло коротенькое, но въ высшей степени характерное извѣстіе: исправникъ, арестовавшій убійцу, предложилъ ему вопросъ, зачѣмъ онъ убивалъ часто безъ всякой надобности, и получилъ отвѣтъ:

— Не все ли мнѣ равно, повѣсятъ ли меня за одно убійство или за десять!..

Нельзя не видѣть въ этомъ маленькомъ эпизодѣ своеобразнаго результата «военно-суднаго» устрашенія. Правосудіе, считающееся съ оттѣнками преступности, взвѣшивающее каждую долю вины, чтобы на другую чашку положить соотвѣтствующую долю отвѣтственности, заставляетъ хоть до извѣстной степени и преступника соразмѣрять свои дѣйствія. Кто знаетъ тюремный бытъ, тому извѣстно, какіе тамъ есть тонкіе юристы и какъ отлично они различаютъ степени наказанія при взломахъ, напримѣръ, или безъ оныхъ, вторую и третью кражу и т. д. Военные суды, не признающіе разныхъ тонкостей и пускающіе съ такой легкостью смертную казнь въ повседневный обиходъ юстиціи, пустили этимъ самымъ въ обиходъ жизни особый типъ убійцы, тоже не признающаго смягченій, дѣйствующаго съ ужасающей холодной свирѣпостью. За нимъ уже есть одно преступленіе, и онъ чувствуетъ себя заранѣе приговореннымъ. И притомъ приговореннымъ не къ тюрьмѣ, не къ каторгѣ, а къ казни. Приговоръ слѣдуетъ за нимъ по пятамъ. Это—петля и саванъ. Не красть и не грабить ему уже нельзя—жить нечѣмъ. Попасться на простой кражѣ для него та же смерть. Человѣкъ, у котораго онъ крадетъ, грозитъ ему не мировымъ судьей, не судомъ присяжныхъ, а висѣлицей. Ему не дадутъ пощады, и онъ ее не дастъ. И ходятъ среди насъ эти «военно-судные» люди, люди петли и висѣлицы съ смертельнымъ отчаяніемъ затравленнаго звѣря въ душѣ, ходятъ десятками и сотнями... И когда такой человѣкъ станетъ надъ вами ночью съ цѣлью стащить ваши часы и кошелекъ съ тремя рублями, изъ его глазъ глядитъ на васъ смертельная ненависть и призракъ близкой петли. И въ этомъ—часто вашъ приговоръ.

Такую именно руку, привычную и твердую, почувствовалъ заштатный полицейскій чиновникъ въ томъ дѣлѣ, за которое былъ казненъ Глускеръ. Перебирая въ умѣ людей этого профессіональнаго типа, онъ вспомнилъ Бабичева. Бабичевъ былъ уже на примѣтѣ и до преступленія часто появлялся въ Почепѣ съ любовницей. Послѣ убійства оба исчезли. Работневъ былъ «за штатомъ». Очень вѣроятно, что онъ соперничалъ съ кѣмъ-нибудь изъ счастливыхъ открывателей Глускера. Онъ направился въ Брянскъ, гдѣ жилъ Бабичевъ (нѣсколько часовъ ѣзды отъ Почепа), и тамъ, — какъ кратко говорится въ репортерскихъ замѣткахъ,—сталъ «допытывать» сожительницу Бабичева. Какъ онъ ее допытывалъ— это—«профессіональная тайна» нашихъ Шерлоковъ Холмсовъ во-

обще. Какъ бы то ни было, вскорѣ онъ получилъ возможность послать въ соотвѣтствующее учрежденіе телеграмму:

«Нашелъ *настоящихъ виновниковъ* убійства семьи Быховскихъ».

Это и были Бабичевъ, Сидорцевъ, Панковъ и Муравьевъ. Изъ нихъ Сидорцевъ—по наружности очень похожъ на Глускера. А главная улика противъ послѣдняго состояла въ томъ, что оставшаяся въ живыхъ 8-лѣтняя дѣвочка изъ семьи Быховскихъ—признала въ немъ убійцу, нанесшаго ей ударъ, отъ котораго она впала въ безпамятство. Очевидно это сходство и погубило Глускера. Сожительница Бабичева подробно разсказала, какъ Бабичевъ, Сидорцевъ, Панковъ и Муравьевъ, составлявшіе разбойничью шайку, приговоренные уже ранѣе къ каторгѣ и бѣжавшіе сговаривались у нея на квартирѣ. Муравьевъ сначала подтвердилъ все это; на судѣ однако онъ снялъ оговоръ съ товарищей, утверждая, что оговорилъ ихъ ложно, подъ вліяніемъ истязаній, которымъ его подвергалъ черниговскій Шерлокъ Холмсъ. Тогда и другіе подсудимые взяли обратно свои признанія, ссылаясь на тѣже, говоря вообще, довольно вѣроятные мотивы. Тѣмъ не менѣе—судъ вынесъ приговоръ, который мы приводили выше: Сидорцевъ, Панковъ, и Муравьевъ приговорены къ висѣлицѣ. (Бабичевъ умеръ раньше).

Вскорѣ затѣмъ въ газетахъ появилось извѣстіе, что двое изъ приговоренныхъ покончили съ собой до казни. Экспертизой точно не установлено, было-ли въ данномъ случаѣ убійство или самоубійство. Пошли, конечно, разные толки, вызываемые предположеніями о какихъ-то «профессіональныхъ тайнахъ» полицейскихъ застѣнковъ и застѣночной политики, которыя тоже составляютъ въ наше время довольно распространное «бытовое явленіе».

Во всякой другой странѣ, гдѣ вопросы о человѣческой жизни не рѣшаются съ такой стремительной прямолинейностью,—эти два судебныхъ разбирательства вызвали-бы цѣлую бурю и послужили-бы поводомъ для разслѣдованія дѣла во всѣхъ мельчайшихъ подробностяхъ. У насъ—первая ошибка только усугубила вину убійцъ по второму дѣлу. И въ самомъ дѣлѣ: если казнили Глускера, то, конечно, тѣмъ скорѣе слѣдовало казнить настоящихъ убійцъ, изъ за которыхъ погибъ невинный. Но намъ кажется, что это печальная аберація. Весьма вѣроятно, что Быховскихъ убили именно Панковъ, Муравьевъ и Сидорцевъ. Но что касается невинно-осужденнаго Глускера, то его убили не Панковъ, Муравьевъ и Бабичевъ, а военно-судебная юстиція. А такъ какъ тутъ есть и еще заинтересованное лицо—все русское общество, потрясенное этой цѣпью убійствъ, бытовыхъ и судебныхъ, то, конечно, во всякой странѣ, гдѣ не утрачено правовое сознаніе,—предпочли-бы второе дѣло разсматривать не въ томъ-же военно-судебномъ порядкѣ, а въ порядкѣ общемъ, при полной гласности и съ разъясненіемъ всѣхъ обстоятельствъ дѣла. Конечно, тутъ вышла-бы нѣкоторая дисгар-

монія: настоящіе убійцы не были-бы казнены, тогда какъ за ихъ вину уже казненъ невинный. Но казнь невиннаго сама по себѣ есть такая вопіющая дисгармонія, такая незабываемая несообразность, такое неизгладимое общественное преступленіе, что ничѣмъ ее уравновѣсить нельзя и тѣмъ менѣе,—новымъ примѣненіемъ судебнаго аппарата, только что обагреннаго невинною кровью. Тутъ, кромѣ Глускера или Панкова съ товарищами, общественная совѣсть упорно ищетъ и еще виновника. Кого? Составъ кіевскаго военно-окружнаго суда?.. Едва-ли... Конечно, мы не завидуемъ положенію судей, подписавшихъ смертный приговоръ невинному какъ не завидуемъ и г-ну генералъ-губернатору, съ легкимъ сердцемъ его утвердившему. Допускаемъ, что сонъ господъ судей не всегда былъ спокоенъ послѣ того, какъ заштатный полицейскій чиновникъ прислалъ свою телеграмму: «нашелъ *настоящихъ* убійцъ» семьи Быховскихъ. Пишущему эти строки отчасти знакома практика именно кіевскаго военно-окружнаго суда. Защитники, выступающіе по военно-суднымъ дѣламъ въ предѣлахъ кіевскаго военнаго округа, единогласно свидѣтельствуютъ о томъ джентльменскомъ отношеніи и вниманіи, какое всегда въ этомъ судѣ встрѣчали интересы защиты. Но личный составъ суда можетъ гарантировать—и то въ самыхъ узкихъ предѣлахъ—лишь судебное слѣдствіе и свободу защиты въ засѣданіи. Тѣмъ тяжелѣе вина не лицъ, а самаго учрежденія, всего этого аппарата военной юрисдикціи, при которой возможно взять человѣка, работавшаго во время совершенія убійства на виду у десятковъ людей за сто верстъ отъ мѣста дѣйствія, зажать ему ротъ разными формальностями ускоренной процедуры и—повѣсить здорово живешь, «впредь до выясненія его невинности»... Это — настоящая угроза общественной безопасности, Вѣдь и каждый изъ насъ можетъ такъ-же, какъ Глускеръ, сидѣть за самой мирной работой и такъ-же, какъ онъ, быть схваченъ а затѣмъ ускореннымъ порядкомъ отправленъ на висѣлицу. Но и кромѣ этого развѣ мы, всѣ русскіе, не въ правѣ требовать, чтобы насъ не дѣлали свидѣтелями и безмолвными участниками такихъ происшествій въ нашемъ отечествѣ?

Впрочемъ,—мы притерпѣлись. Вотъ напримѣръ г. М. П. Успенскій, защищавшій, хотя и не защитившій, покойнаго Глускера, обратился съ письмомъ въ редакцію «Новаго Времени» по поводу «невѣрныхъ свѣдѣній, помѣщаемыхъ въ газетахъ по извѣстному дѣлу невинно-казненнаго еврея Глускера». Какія именно невѣрныя свѣдѣнія были помѣщены въ газетахъ и какія «невѣрности» могутъ усилить или ослабить значеніе «казни невиннаго» по суду,— г-нъ Успенскій не объясняетъ.

Но въ его ласково баюкающемъ, мягкомъ изложеніи дѣло принимаетъ такой оборотъ, что отъ ужаса самаго факта не остается ничего, кромѣ... «стеченія роковыхъ случайностей, которыя выяснились лишь послѣ его (Глускера) смерти, не могли, очевидно, выясниться ранѣе

и за которыя, значитъ, никто не отвѣтственъ. «Оказалось, во-первыхъ, что одинъ изъ убійцъ... наружностью поразительно былъ похожъ на Глускера, вслѣдствіе чего тяжело раненая, но оставшаяся въ живыхъ десятилѣтняя дѣвочка Быховская, хорошо знавшая въ лицо Глускера, ошибочно, но категорически удостовѣряла, что ударъ по головѣ, отъ котораго она впала въ безпамятство, нанесъ ей именно Глускеръ. Свидѣтельница эта на судѣ подвергнута была самому тщательному и продолжительному перекрестному допросу и, будучи ребенкомъ умнымъ, бойкимъ и смѣлымъ, нѣсколько разъ повторила, что она хорошо знаетъ Глускера»... Во-вторыхъ, «по словамъ нѣкоторыхъ, вполнѣ достовѣрныхъ свидѣтелей, они, въ свою очередь, видѣли Глускера въ Почепѣ *вечеромъ*, за нѣсколько часовъ до убійства, шатающимся безъ всякаго дѣла близъ дома Быховскихъ»...

Итакъ, виновато «роковое стеченіе обстоятельствъ», своего рода личное несчастье Глускера, который навлекъ на себя, сидя на крышѣ, молнію стремительнаго правосудія, какъ при тѣхъ же условіяхъ можно привлечь и электрическую молнію... Правда, дѣвочкѣ Быховской 10 лѣтъ теперь. Въ страшную ночь ей, кажется, было лѣтъ семь или восемь *). Мнимаго Глускера она видѣла въ промежуткѣ между своимъ ужаснымъ пробужденіемъ и безпамятствомъ отъ удара. А другіе, вполнѣ достовѣрные свидѣтели видѣли своего Глускера шатающимся безъ дѣла около дома Быховскихъ *вечеромъ*... Итакъ, сумерки дѣтскаго сознанія и вечеръ въ буквальномъ смыслѣ слова. Можно бы, конечно, спросить: это ли та непререкаемая ясность, которая требуется для рѣшенія вопроса о человѣческой жизни и смерти?.. Неужели не могло возникнуть — ну, хотя бы только *сомнѣнія* въ томъ: не ошиблась ли восьмилѣтняя дѣвочка, тотчасъ же оглушенная ударомъ, и не введены ли другіе свидѣтели въ обманъ темнотой и случайнымъ сходствомъ?

Сомнѣній, очевидно, не возникло: вѣрить или не вѣрить тому или другому показанію, это, конечно, непроизвольно. И если вдобавокъ не было другихъ данныхъ?..

Но тутъ невольно возникаетъ вопросъ: какъ же могло случиться, что у суда не было другихъ данныхъ, если эти данныя такъ изумительно легко давались въ руки: имѣніе Гусевой всего въ ста верстахъ отъ Почепа, а тамъ Глускера видѣла не дѣвочка сквозь туманъ безпамятства и не вечеромъ только, а много людей и днемъ, и вечеромъ, и на слѣдующее утро, на такомъ видномъ мѣстѣ, какъ кровля, на которой онъ работалъ вмѣстѣ съ десяткомъ человѣкъ.

Г-нъ Успенскій и тутъ успокаиваетъ насъ «роковой случайностью»... Опять таки «по *роковой случайности* (*!!*)—говоритъ онъ—

*) См. «Кіевскія Вѣсти», 24 ноября 1909 г.

Глускеръ на показаніе Гусевой не сослался, и она въ то время допрошена не была. Работавшимъ же съ нимъ *евреямъ-кровельщикамъ, допрошеннымъ по его показанію, судъ не далъ вѣры,* и участь подсудимаго была такъ ужасно рѣшена... И лишь послѣ казни Глускера, г-жа Гусева, женщина въ высокой степени почтенная и уважаемая, удостовѣрила, что поздно вечеромъ, въ ночь совершенія убійства, она лично видѣла Глускера въ своемъ имѣніи, а на другой день, въ виду дошедшихъ до нея слуховъ объ убійствѣ семьи Быховскихъ, у себя же въ имѣніи подробно разспрашивала Глускера объ убитой семьѣ» *).

Итакъ, если кто виноватъ въ этой ужасной ошибкѣ—то развѣ самъ Глускеръ. Вольно же ему было ссылаться на десятокъ рабочихъ евреевъ, работавшихъ съ нимъ вмѣстѣ, когда *судъ евреямъ вообще не вѣритъ,* а не указать одну только помѣщицу, которой судъ бы повѣрилъ безъ сомнѣнія. Правда, бѣдняга Глускеръ могъ бы представить въ свое оправданіе нѣкоторыя смягчающія вину обстоятельства: вѣдь, никто его не предупредилъ, что свидѣтельство нѣсколькихъ рабочихъ евреевъ не имѣетъ никакого значенія. Что его недостаточно даже для того, чтобы хоть усомниться и постараться выяснить: ужъ не правдиво ли въ самомъ дѣлѣ ихъ показаніе? Почему же его не предупредили объ этомъ? Зачѣмъ записали его ссылку на этихъ свидѣтелей? Зачѣмъ ихъ вызывали, опрашивали, составляли протоколы, вызывали въ судъ? Развѣ тотъ полицейскій, который производилъ дознаніе, тотъ слѣдователь, который велъ предварительное слѣдствіе, тотъ прокуроръ, который писалъ обвинительный актъ, тотъ судъ, который постановлялъ вести дѣло ускореннымъ путемъ, въ концѣ котораго висѣлица,—развѣ всѣ они не могли догадаться, что, если нѣсколько хотя бы евреевъ указываютъ точно ту кровлю, на которой среди бѣлаго дня работалъ Глускеръ въ людной экономіи, то его должны были видѣть и г-жа Гусева, «женщина вполнѣ почтенная и уважаемая», и ея управляющій, и конторщикъ, платившій деньги за работу, и прислуга, и дворня, и экономическіе рабочіе... Развѣ трудно было дополнить показаніе евреевъ-свидѣтелей опросомъ этихъ свидѣтелей-христіанъ? Или, въ самомъ дѣлѣ, предварительное слѣдствіе считаетъ себя призваннымъ только къ тому, чтобы какъ можно энергичнѣе устилать, не оглядываясь по сторонамъ, прямую дорогу къ висѣлицѣ? И всѣ эти господа въ совокупности не обязаны собрать *всѣ данныя* для всесторонняго освѣщенія дѣла, отъ котораго зависитъ жизнь человѣка, существованіе его семьи, достоинство суда? Или, въ самомъ дѣлѣ, энергія власти должна только устранять отъ взгляда суда все, что служитъ въ пользу оправданія...

Тутъ, очевидно, не одна роковая случайность, какъ говоритъ

---

*) «Новое Время», 22 іюня 1910 г., № 12311.

г. Успенскій,—тутъ цѣлая цѣпь роковыхъ случайностей. Прежде всего такой роковой случайностью является то, что Глускеръ встрѣтился съ правосудіемъ именно въ наши годы, когда, съ одной стороны, происходятъ убійства, съ другой—упраздненіе всякихъ гарантій. Разбой—Сцилла, судебная репрессія—Харибда, и русскій обыватель всюду похожъ на злополучнаго ялтинца, который, избѣгнувъ осколка брошенной террористомъ бомбы, попадаетъ тотчасъ-же подъ выстрѣлы храбраго генерала Думбадзе, которому угодно кинуть не одну бомбу, а цѣлымъ градомъ ядеръ закидать обывательскія дачи... Вторая роковая случайность, что наше время—есть время лицемѣрія и лжи. Князь Урусовъ, въ своихъ извѣстныхъ воспоминаніяхъ губернатора, очень благодушно разсказываетъ, что кишиневскіе судьи установили общее правило: свидѣтелямъ евреямъ не вѣрить. Отъ этого и выходило, что во время погромовъ были на лицо звѣрскія убійства, совершенныя среди бѣлаго дня и всенародно, но звѣрей-убійцъ не оказывалось. При этомъ г. Урусовъ свидѣтельствуетъ, что кишиневскіе судьи лично прекрасные люди. Значитъ,—винить некого? Можно только сожалѣть, что у современнаго настроенія «власти» нѣтъ достаточно прямоты и откровенности, чтобы обнаружить свою сущность. Еслибы эта черносотенная сущность не прикрывалась октябристскими вуалями, мы имѣли-бы не презумпцію, а законъ: «свидѣтелей евреевъ не допрашивать». И это было-бы честнѣе, и Глускеръ-бы тогда не погибъ. Ему-бы прямо сказали: мы не въ правѣ вызвать твоихъ товарищей-рабочихъ. Намъ это воспрещаетъ законъ. Дай намъ кого-нибудь другого. И онъ рѣшился-бы побезпокоить помѣщицу Гусеву. И она пришла-бы въ судъ и сказала-бы просто: «Я—помѣщица. Не казните этого жида: онъ былъ у меня въ экономіи». И Глускеръ остался бы живъ, а г. Успенскому, не успѣвшему защитить Глускера, не зачѣмъ было-бы выступать на защиту судебнаго приговора.

О, г. Успенскій, присяжный повѣренный при Стародубскомъ окружномъ судѣ! Вы защищали несчастнаго Глускера... Спасибо вамъ, но—онъ все таки казненъ. Теперь вы проливаете бальзамъ успокоенія на наши совѣсти, взволнованныя судебнымъ убійствомъ невиннаго... Но и это тоже вамъ не удается... Въ 1904 году во время кишиневскаго погрома, въ присутствіи толпы людей и полиціи на крышѣ дома № 13 громилы гонялись за евреями, которыхъ сбросили на мостовую и убили. Поищите въ судебныхъ отчетахъ: что сказало кишиневское правосудіе по поводу этого «происшествія» на одной кровлѣ? А теперь на другой кровлѣ сидитъ и стучитъ молоткомъ Глускеръ. Его сняли оттуда, повѣсили и только послѣ этого проявленія энергіи догадались, что онъ невиненъ... Вотъ два полюса новѣйшаго россійскаго правосудія. Не слишкомъ ли много роковыхъ случайностей и не называются ли

онѣ точнѣе: общими условіями, въ которыхъ дѣйствуетъ наша судебная машина новаго «конституціоннаго» періода...

«При всемъ сочувствіи къ несчастному Глускеру, — такъ заканчиваетъ г. Успенскій свое успокоительное письмо, —я полагаю, что единстяенно, чѣмъ можно хотя нѣсколько загладить эту ужасную судебную ошибку, это—открыть подписку въ пользу шести малолѣтнихъ дѣтей и жены, оставшихся нищими послѣ казни ихъ несчастнаго кормильца».

Обезпечить семью Глускера, и вернуть невинно-осужденнаго Жмакина есть, конечно, неотложная обязанность прежде всего государства. Въ этомъ не сомнѣвается даже князь Мещерскій: «Есть вѣдь законъ,—пишетъ онъ въ «Гражданинѣ» *), по которому получившій увѣчье можетъ требовать отъ хозяина по суду обезпеченія себя и семьи. Но можно совершенно невиннаго на основаніи доноса посадить въ тюрьму, послать на каторгу, казнить, и законъ никого не обязываетъ вознаградить и обезпечить его семью. Неужели государство въ лицѣ правительства не обязано обезпечить семью Глускера и сдѣлать это всенародно, чтобы вызвать уваженіе къ себѣ всего русскаго народа (sic)!?»

Да, это такъ: когда на фабрикѣ отъ плохого устройства машины рабочій терпитъ увѣчье или теряетъ жизнь, то фабриканта обязываютъ вознаградить его или его семью... Но приэтомъ не обѣщаютъ ему «уваженія всего русскаго народа». Это уваженіе было-бы слишкомъ дешевымъ товаромъ, если-бы его можно было купить нѣсколькими тысячами рублей, выданныхъ семьѣ человѣка, убитаго плохо устроеннымъ судомъ. Государство обязано просто обезпечить семью Глускера, не претендуя по этому поводу на уваженіе. «Загладить» сдѣланное нельзя ни обезпеченіемъ семьи, ни сборомъ, къ которому приглашаетъ г. Успенскій (въ чемъ, конечно мы его горячо поддерживаемъ). Дѣло Глускера это одинъ изъ тѣхъ случаевъ, въ которыхъ, какъ въ фокусѣ, собирается грозовой тучей и сверкаетъ предостерегающей зарницей глубокая ложь и неправда времени. Нужно вознаградить потерпѣвшихъ? Ну, конечно!.. Нужно дать возможность вдовѣ воспитать дѣтей, у которыхъ отняли отца? Разумѣется. Все это нужно сдѣлать. Но кромѣ того,—нужно поднять глаза кверху и вглядѣться, гдѣ въ этихъ мрачныхъ туманахъ свѣтятся затерянные пути общественной правды. Убійство семьи Быховскихъ отвратительно и ужасно. Отвратительна и казнь государствомъ схваченнаго, связаннаго, обезвреженнаго человѣка... Но судебное убійство невиннаго исправляемое новымъ убійствомъ виновныхъ—этому нѣтъ достаточно сильнаго имени на человѣческомъ языкѣ, и загладить это подачками не возможно.

---

*) «Гражд.» Цитирую по «Одесской Почтѣ», 30 іюня 1910 г. № 542.

Наша замѣтка была уже набрана, когда въ газетахъ появились новыя статьи въ защиту кіевскаго военно-окружнаго суда въ связи съ дѣломъ Глускера. Первая изъ нихъ явилась въ томъ же «Нов. Времени», которое помѣстило и письмо г. Успенскаго. Напечатана она въ «Судебной хроникѣ», но снабжена краснорѣчивымъ заглавіемъ: «Можно ли вѣрить на судѣ евреямъ?»—и даетъ на этотъ вопросъ чисто нововременскій отвѣтъ: вѣрить, конечно, нельзя. И вотъ почему: 24 сентября 1907 года три карманныхъ вора (евреи), Шварцкопъ, Лангбортъ и Беръ вытащили у купца Гершмана двѣ тысячи рублей. Первые двое были пойманы, третій, Беръ, ускользнулъ. Чтобы выручить товарищей, Беръ уговорилъ троихъ, *тоже воровъ* евреевъ дать на судѣ показаніе объ ихъ alibi. Тѣмъ не менѣе, присяжные въ виленскомъ окр. судѣ обвинили Шварцкопа и Лангборта, которые впослѣдствіи сами разсказали всю эту воровскую и лжесвидѣтельскую махинацію. Отсюда «Новое Время» (статья безъ подписи) дѣлаетъ выводъ, что «въ нашумѣвшемъ дѣлѣ Глускера судьи, не повѣрившіе свидѣтелямъ-евреямъ, были тоже *совершенно правы!!»* *). Какъ же иначе: такъ какъ *евреи, члены воровской шайки,* готовы лжесвидѣтельствовать въ пользу такихъ же воровъ, то судъ, не повѣрившій *евреямъ рабочимъ* и казнившій невиннаго, можетъ считать свой приговоръ совершенно правдивымъ. Не знаемъ, почувствовали ли судьи какое-нибудь облегченіе отъ этой своеобразной защиты, но намъ она кажется довольно скользкой: такъ какъ есть и русскія воровскія шайки, располагающія и русскими лжесвидѣтелями, то логически «Новому Времени» могъ бы быть поставленъ его вопросъ въ другой національной окраскѣ. Впрочемъ, логика есть, какъ извѣстно, моментъ космополитическій, т. е. для «патріотовъ» не обязательный.

Не менѣе удачно «защищаетъ» судей и «Земщина». «Вполнѣ возможно, — говоритъ эта замѣчательная газета, — что если бы alibi Глускера подтвердили люди, заслуживающіе довѣрія, то судъ... счелъ бы необходимымъ дополнить слѣдствіе. Но, когда противъ обвиняемаго говорили люди, не довѣрять которымъ не было основанія, а за него выступили евреи, которые тысячелѣтіями всегда лгутъ и которымъ ихъ законъ вмѣняетъ въ обязанность лгать,— судъ могъ ошибиться» **).

Итакъ, если бы оказалось, что кіевскій военно-окр. судъ казнилъ невиннаго потому, что дѣйствовалъ на основаніи «неписаннаго закона»: евреямъ-свидѣтелямъ никогда не вѣрить, то въ Россіи, въ XX вѣкѣ находятся газеты,—начиная съ ретрограднаго Левіаоана «Новаго Времени» и кончая мелкой черносотенной амфибіей, — которыя всенародно и открыто признали бы такое явленіе принципіально правильнымъ: частныя ошибки (казнь не-

*) „Новое Время", 7 іюля 1910, № 12326.

**) „Земщина". Цитирую изъ „Рѣчи", № 176 (отъ 30 іюня).

виннаго!) не могли бы помѣшать дальнѣйшему примѣненію правильнаго начала.

Воистину бывали, можетъ быть, времена хуже, но такого циничнаго времени еще не бывало.

Совсѣмъ уже на-дняхъ (11 іюля) въ томъ же «Новомъ Времени» (№ 12330) появилась статья «Къ дѣлу Глускера», подписанная иниціалами Е. К. Статья эта есть возраженіе. Возраженіе не г. Успенскому отъ «Новаго Времени» и не редакціи, ставящей вопросъ: «Слѣдуетъ ли вѣрить на судѣ евреямъ»?—а г. Родичеву, который повѣрилъ тому же «Новому Времени». На основаніи сообщенныхъ защитникомъ Глускера данныхъ, г. Родичевъ призывалъ къ покаянной подпискѣ въ пользу семьи Глускера и обращался прежде всего къ націоналистамъ, считая, что излишній «націонализмъ» судей погубилъ невиннаго человѣка. Г-нъ Е. К. ставитъ этотъ вопросъ совершенно иначе, чѣмъ его нововременскіе сосѣди.

— «Извѣстно,—говоритъ онъ,—что судьи опредѣляютъ вину или невиновность подсудимаго по своему внутреннему убѣжденію, основанному на совокупности всѣхъ обстоятельствъ дѣла, единогласно или большинствомъ голосовъ: совѣщаніе ихъ по вопросамъ вины или невиновности — тайна. Поэтому отвѣчать на вопросъ, почему состоялось то или иное рѣшеніе, для человѣка посторонняго въ высшей степени трудно. Но г. Родичевъ отвѣчаетъ»...

Г-нъ ли Родичевъ отвѣчаетъ, или отвѣчаетъ какъ разъ «Новое Время»? Не оно-ли первое устами *защитника Глускера* «отвѣтило», что судъ не повѣрилъ евреямъ и только потому Глусскеръ казненъ, а отъ себя (въ судебной хроникѣ) прибавило: такъ и надлежало евреямъ не вѣрить... Но это, конечно, не важно. Гораздо важнѣе (и прибавимъ умнѣе) то, что г. Е. К. говоритъ по существу.

«Почему, — спрашиваетъ онъ—былъ осужденъ Жмакинъ? Потому, что вызваннымъ имъ въ свою защиту свидѣтелямъ судъ не повѣрилъ, хотя, всѣ они были *Русскіе*, а повѣрилъ свидѣтелямъ обвиненія—*Евреямъ*. Имъ же повѣрилъ онъ, признавъ виновность Толстопятовой. Отчего были оправданы Кописаровъ и Дыскинъ? Оттого, что судъ не повѣрилъ свидѣтельствовавшимъ противъ нихъ *Евреямъ* и *Русскимъ*, а повѣрилъ свидѣтелямъ защиты, среди которыхъ въ пользу Дыскина свидѣтельствовали *только Евреи*; они же составляли большинство выставленныхъ Кописаровымъ свидѣтелей. Наконецъ, почему былъ осужденъ Глускеръ? Потому, что судъ не повѣрилъ свидѣтелямъ защиты-алибистамъ, хотя въ числѣ ихъ были два крестьянина, такіе же Русскіе, какъ и г-жа Гусева, а повѣрилъ свидѣтелямъ обвиненія,—и не только одной еврейской дѣвочкѣ Ханнѣ Быховской, въ вѣрѣ которой упрекаетъ судей г. Родичевъ, въ противорѣчіе себѣ, но и такимъ мужчинамъ, какъ Мееръ Быховскій, Берко Фельдманъ, Ицка Гуревичъ, Берко Орловъ,—этотъ «вполнѣ достовѣрный», по мнѣнію самого защитника

Успенскаго, свидѣтель. Гдѣ же тутъ недовѣріе суда къ показаніямъ свидѣтелей только потому, что они—Евреи?»

Если всѣ эти свѣдѣнія, приводимыя г-мъ Е. К. точны, то приходится признать, что не г. Родичевъ, который только повторилъ сказанное другими, а «Новое Время» и М. П. Успенскій совершенно напрасно обвинили кіевскій судъ въ національномъ пристрастіи къ свидѣлелямъ. Но... вѣдь г. Успенскій не сторонній этому дѣлу человѣкъ, и выступаетъ не подъ иниціалами, а съ полной фамиліей и даже званіемъ: онъ защитникъ несчастнаго Глускера, и ему-ли не знать, какіе были въ этомъ дѣлѣ свидѣтели за и противъ!

Какъ-бы то ни было, нужно признать, что послѣ этихъ двухъ *защитъ* дѣло Глускера, превратившееся въ дѣло военно-судной юстиціи, стало только еще загадочнѣе и темнѣе. Среди густого тумана, мрачно залегающаго надъ ужасной трагедіей, единственнымъ, ярко освѣщеннымъ островкомъ выдѣляется только экономія г-жи Гусевой, въ которой среди бѣлаго дня сидитъ на кровлѣ несчастный Глускеръ, на виду у множества свидѣтелей. И несомнѣнно то, что онъ казненъ...

Когда на дорогѣ находятъ мертвое тѣло съ раздробленнымъ черепомъ или пулевой раной, то прежде всего констатируется фактъ преступленія, и правосудіе ищетъ того, кто это сдѣлалъ. И уже затѣмъ судъ изслѣдуетъ, вмѣнить ли роковой ударъ тому, кто его нанесъ, или самъ онъ сталъ убійцей случайно по роковому стеченію обстоятельствъ.

На дорогѣ россійскаго (военнаго) правосудія тоже найденъ трупъ невинно-казненнаго человѣка. Кто это сдѣлалъ—извѣстно. Это сдѣлалъ кіевскій военно окружный судъ, учрежденіе государственное. Понятно, что встревоженная общественная совѣсть требуетъ выясненія: какія обстоятельства могутъ оправдать ужасное дѣло?

Составъ суда психологически невиновенъ — мягко говоритъ г. Успенскій. И не потому, что онъ «не вѣрилъ евреямъ», —прибавляетъ г-нъ Е. К.,—а потому, что стихійно, непроизвольно пришелъ къ темному выводу въ ясномъ дѣлѣ... Тѣмъ лучше. Мы первые порадовались-бы такому заключенію, если-бы оно явилось слѣдствіемъ какого-бы то ни было убѣдительнаго изслѣдованія... Всегда отраднѣе думать о ближнихъ лучше, чѣмъ это можно по защитѣ «Новаго Времени» или «Земщины»... Но если такъ, если люди тутъ не причемъ, то что сказать объ учрежденіяхъ, объ этой слѣдственной и военно-судной процедурѣ, которая и добросовѣстныхъ судей приводитъ къ *такимъ* приговорамъ?

А такъ же что сказать о смертной казни, которая дѣлаетъ эти приговоры непоправимыми? *).

В. Короленко.

---

*) Въ послѣдней книжкѣ „В. Европы" появилась замѣчательная статья

Новыя книги.

Собраніе сочиненій Θедора Сологуба. Изд-во «Шиповникъ». Спб. Томы IV и VII. Цѣна тома 1 р. 25 к.

У г. Сологуба былъ коротенькій разсказъ «Перина», написанный въ періодъ экспропріацій и напечатанный въ пору стремительнаго наростанія литературной извѣстности Θедора Сологуба,—быть можетъ, правильнѣе сказать—славы.

Рѣчь шла о наборщикѣ, которому захотѣлось экспропріировать тещины капиталы, зашитые тещей въ перинѣ. Для этого онъ отправился ночью на тещину квартиру, силкомъ запаковалъ тещу въ перину и съ чьей-то (цитируемъ на память) помощью принесъ тещу въ перинѣ къ себѣ домой!

Разсказъ вызывалъ недоумѣніе. Читатель не оспаривалъ самой идеи наборщика—экспропріировать тещино достояніе, такъ надежно, казалось, защищенное отъ похищенія,—въ перинѣ. Но зачѣмъ-же, казалось бы, въ перину задѣлывать еще и тещу? Почему *неизбѣжно* было именно такое цѣлокупное похищеніе и тещи и ея денегъ въ одной и той же перинѣ? Вѣдь трудновато вообще остаться незамѣченнымъ, когда несешь силкомъ по улицѣ тещу въ перинѣ!

Но автора, редакцію журнала и критиковъ прельщала, вѣроятно, эта «отчаянная» дерзость наборщика.

Такъ или иначе, но оригинальный разсказъ былъ напечатанъ въ «Русской Мысли» (1907, окт.) и былъ—безъ прекословій въ печати—прочтенъ.

Это было въ пору перваго любовнаго вниманія къ автору «Мелкаго бѣса».

Теперь въ томъ же журналѣ данъ очень рѣзкій отзывъ по поводу послѣдней вещи Θ. Сологуба («Путь въ Дамаскъ») въ томъ же жанрѣ «Перины».

г-на С., озаглавленная „Смертники". Горячо рекомендуя эту статью вниманію читателей, мы пока приведемъ изъ нея лишь слѣдующее: Г-нъ С., юристъ, имѣвшій случай ознакомиться со „смертниками", говоритъ, что конвойные, сопровождающіе обвиняемыхъ въ судъ, не разъ высказывали убѣжденіе, что среди осужденныхъ на смерть лишь половина дѣйствительно виновныхъ. Г-нъ С. осторожно ослабляетъ это показаніе: онъ думаетъ, что число невинныхъ, подвергаемыхъ казни по большей части составляетъ н е б о л ѣ е $1/4$ и л и $1/5$. Итакъ, на пять казненныхъ—одинъ невинный. При этомъ,—говоритъ авторъ,—прямыя злоупотребленія создаютъ лишь меньшую часть судебныхъ ошибокъ, а большая часть зависитъ отъ того, что слѣдственное производство оказывается извращенныхъ и не ведетъ къ раскрытію истины".

Это самое сильное, что можно сказать и въ защиту суда по дѣлу Глускера.

Сначала новый разсказъ о «Пути въ Дамаскъ» аттестуется, какъ «*чрезвычайно грубый* и обставленный разными *неправдоподобностями* эротическій *анекдотъ*». Затѣмъ приводится его суть и дается резюме: «Если это жизнь—такъ не бываетъ; по крайней мѣрѣ въ томъ видѣ, какъ это разсказано, не бываетъ. Если это—«творимая легенда», она сотворена *на этотъ разъ* плохо, и ничего, кромѣ недоумѣнія, смѣха и досады, не возбуждаетъ» (Русск. Мысль, іюнь).

Спорить не приходится — за исключеніемъ словъ: «на этотъ разъ».

Ибо Ѳ. Сологубъ всегда былъ одинъ и тотъ же: онъ никогда не былъ въ силахъ художественно оправдать свои мысли о людяхъ творческими образами, внутренно правдивыми. Эти образы всегда были грубы и противорѣчивы.

Если къ нему можетъ мѣняться отношеніе, какъ это обнаруживается въ приведенной рецензіи, то причина этого измѣненія отнюдь не въ Ѳ. Сологубѣ, а въ самомъ читателѣ, которому *можетъ* наконецъ стать «досадно».

Прочтите рецензируемые вышедшіе томы сочиненій (въ буквальномъ смыслѣ «сочиненій») Ѳ. Сологуба, и вы придете къ тѣмъ же самымъ двумъ «если». — Если это должно изображать жизнь, «такъ не бываетъ». Если это «сочиненіе», то оно вызываетъ въ однихъ случаяхъ—«недоумѣніе», а въ другихъ—«смѣхъ».

Впрочемъ, вѣдь и не во внутренней правдивости изображенія—сила и значеніе Ѳедора Сологуба.

Это—властитель думъ, «интимный художникъ» извѣстной доли современной читательской массы. Онъ привлекателенъ прежде всего тѣмъ, *что* онъ разсказываетъ. Онъ всегда счастливо попадаетъ въ настроенія минуты. Такъ счастливо попалъ въ настроеніе «Мелкій бѣсъ»; въ началѣ незамѣченный никѣмъ, романъ прославился, когда читатель «нашелъ» въ сумбурномъ Передоновѣ то бюрократическое чудище, которое завладѣло русской жизнью съ 1906 года.

Потомъ въ русскую литературу пришли своего рода герои и пѣвцы спинного мозга. Авторъ «Царицы поцѣлуевъ» и здѣсь оказался «интимнымъ» писателемъ.

Теперь положеніе еще усложнилось. Для современнаго читателя характерно, что онъ жаждетъ одновременно полетовъ на аэропланѣ и душевнаго успокоенія на строѣ мысли сельскихъ матушекъ. Удовлетворяя этой двойной жаждѣ, одни репортеры со слезой въ голосѣ разсказываютъ про Фарманы и про гоночные автомобили, а другіе бѣгутъ и спѣшно интервьюируютъ «маговъ»—въ городѣ Санктъ-Петербургѣ!—относительно роли О'Бріенъ де Ласси въ убійствѣ Бутурлина!—получаютъ въ отвѣтъ и печатаютъ, что это дѣло не обошлось безъ вмѣшательства адскихъ лярвъ и астральныхъ вампировъ!

Ѳ. Сологубъ и тутъ желанный писатель. Таинственность — его

давняя специальность. Онъ можетъ разсказать такія исторіи, которыя стоитъ прочесть даже и послѣ интервью съ магомъ.

Какъ разъ такія исторіи есть въ VII томѣ собраній сочиненій: «Бѣлая собака» и «Душа и тѣло». Первою—VII томъ начинается; второю—кончается.

О первой мы уже упоминали. Прежде этотъ разсказъ о швеѣоборотнѣ назывался просто: «Собака». Теперь онъ имѣетъ болѣе распространенное заглавіе: «Бѣлая собака».

На второмъ разсказѣ («Душа и тѣло») намъ еще не приходилось останавливаться. Это опять позаимствованіе изъ бредовыхъ идей статскаго совѣтника Передонова. Вы помните, что Передоновъ очень боялся, какъ бы его тѣло не подмѣнили другимъ. Оказывается, это вовсе не такъ удивительно. Въ разсказѣ «Тѣло и душа» именно это и происходитъ. Герой завладѣлъ чужимъ тѣломъ и примѣриваетъ его, какъ костюмъ! Тѣло оказалось неинтереснымъ, а потому герой пренебрегъ имъ и оставилъ за собою свое прежнее тѣло.

Хотите—вѣрьте, хотите—не вѣрьте. Дѣло автора разсказать.

Въ заключеніе мы хотимъ подѣлиться одной цѣнной идеей. Почему бы не закончить этого цикла позаимствованій изъ бредовыхъ идей Передонова? Теперь всѣ и всюду ищутъ шпіоновъ... Такъ вотъ—почему бы не сдѣлать героемъ современнаго разсказа Передоновскаго *кота*, который, какъ извѣстно, «намяукивалъ» доносы? Отчего бы не написать разсказа о котѣ, который *на самомъ дѣлѣ* занимался сыскомъ — получая жалованье печенкой — и который только случайно былъ разоблаченъ—хотя бы г. Бакаемъ—послѣ многолѣтняго провокаторства? Въ самомъ дѣлѣ, почему? Вѣдь допускалъ такую возможность Передоновъ!—почему же не повѣритъ мистически настроенный современный читатель? Для «правдоподобія» можно прибавить намеками, какъ въ «Бѣлой собакѣ», что въ котѣ-доносчикѣ жила «душа» какого-нибудь древняго предателя и только одно «тѣло» было современное, кошачье.

Осталось бы дать названіе «Черный котъ» и получилось бы превосходное pendant къ «Бѣлой собакѣ».

Даже жалко уступать такую идею: «Бѣлая собака»—«Черный котъ»!

В. Г. Танъ. „Восемь племенъ“. Романъ изъ древней жизни крайняго сѣверо-востока Азіи. Книга для юношества (съ 16 рисунками въ текстѣ и 8 отд. приложеніями, К. Н. Фридберга). Книгоиздательство Т-во „Просвѣщеніе“. Спб., 1910 г.

Судьба въ молодые годы закинула автора въ тѣ мѣста, которыя служатъ ареной дѣйствія его романа. Впослѣдствіи онъ расширилъ свое знакомство съ жизнью почти первобытныхъ обитателей дальняго сѣверо-востока Азіи участіемъ въ ученыхъ экспедиціяхъ. Первые, если не ошибаемся, чукотскіе очерки его были

напечатаны въ нашемъ журналѣ. Книга разсказовъ, описывавшихъ занесенные снѣгомъ чумы, ярмарки у холоднаго океана, оригинальные нравы обитателей безконечныхъ тундръ и равнинъ, сразу обратила вниманіе критики и создала автору извѣстность. Строгій реализмъ рисунка, непосредственное ощущеніе глубокой правдивости, самая неожиданность изображенія и своеобразный колоритъ, разлитый во всѣхъ деталяхъ, составляютъ особенность этихъ полу-этнографическихъ разсказовъ. Этнографія г. Тана—не погоня за экзотическими эффектами. Это—результатъ точнаго изученія изслѣдователя и чуткаго воспріятія художника. Г. Тану не приходится притягивать ее за волосы. Пожалуй, наоборотъ: этнографическія детали иной разъ въ излишествѣ тѣснятся въ его воображеніи и, какъ ни сильна въ авторѣ струя чисто художественная, она перегружается порой обиліемъ этнографической эрудиціи.

Романъ «Восемь племенъ» печатался недавно въ «Современномъ Мірѣ», и въ немъ мы встрѣчаемъ тѣ-же черты авторскаго дарованія. Въ изданіи для юношества г. Танъ нѣсколько сократилъ этнографическую часть своего романа. Исчезло, правда, коечто цѣнное въ этнографическомъ смыслѣ, за то художественная часть разсказа выступила яснѣе, движеніе стало свободнѣе и легче. Характеристики отдѣльныхъ племенъ, въ которыхъ выдѣляются черты этихъ первобытно-національныхъ характеровъ, отчетливы, изящны и интересны. На почвѣ почти еще зоологической общественности черты глубоко-человѣчныя выступаютъ безъискусственно и правдиво.

Мы увѣрены, что не только юношествомъ, но и вообще читателями, книга г. Тана будетъ встрѣчена съ заслуженнымъ вниманіемъ и прочтется съ большимъ интересомъ.

Ив. Невинскій. „Кирей Телишевичъ" (Поэма провинціальной службы). Спб., 1910 г.

Сто шестьдесятъ девять страницъ... На каждой страницѣ по двѣ строфы... Въ строфѣ по 14-ти риомованныхъ строкъ. Итого: 315 строфъ и свыше четырехъ тысячъ пятисотъ стиховъ! Такова поэма г. Невинскаго. Теперь такихъ поэмъ уже не пишутъ, и появленіе даннаго монументальнаго произведенія можетъ быть объяснено лишь огромностью предмета: г. Невинскій обличаетъ бюрократію, а ея преступленія, какъ извѣстно, неизмѣримы.

Гдѣ-то въ провинціи существуетъ Кирей Телишевичъ, правитель дѣлъ у губернатора. Навѣрное существуетъ. И даже вѣроятно носитъ созвучную фамилію, а одного изъ его «шефовъ» мы знаемъ: это—тотъ самый не по разуму усердный губернаторъ, который выпросилъ какъ-то разрѣшеніе закрыть, яко бы «пустующій»,

костелъ, а, вмѣсто пустующаго, закрылъ костелъ дѣйствующій. Вышла громкая исторія:

Царь узнаетъ изъ-заграницы,
Что не пустой костелъ закрытъ,
Что переполнены больницы,
И не одинъ полякъ убитъ...
...Что шефъ, жандармы и казаки
Буквально выдержали бой,
Что угрожающей волной
Борьбы захвачены поляки... (121)

Это было еще до дней свободы... «И Царь изволилъ повелѣть, костелъ тотчасъ же отпереть», а губернатора перевели куда-то въ Сибирь. Теперь, въ наши счастливые дни, когда принято почаще показывать «національный ликъ», ретивый шефъ, конечно, опять выплылъ. Поэма застаетъ его губернаторомъ города Грязелевска, а Кирей Телишевичъ у него правитъ дѣлами. Этотъ Кирей—человѣкъ недобросовѣстный. Виднаго положенія онъ добился пронырствомъ и держитъ себя настоящимъ подлецомъ по отношенію къ сослуживцамъ:

Стараясь втайнѣ дѣлать зло
(Въ чемъ не всегда ему везло),
Кирей дошелъ до униженья,
Войдя въ довѣріе, какъ тать,
Преступно шефу клеветать.

Понятно, что товарищи ненавидятъ и презираютъ этого пролаза, а одинъ добродушный молодой человѣкъ, кандидатъ въ земскіе начальники, пришелъ въ такое негодованіе, что

... Сердцемъ далеко не грубъ,
Далъ слово Кишѣ выбить зубъ.

Впрочемъ, не выбилъ. Лукавый Кирей обошелъ его притворнымъ покаяніемъ и затѣмъ продолжалъ подличать. На протяженіи 315 строфъ онъ такъ ловко устраиваетъ свои дѣла, что къ концу поэмы попадаетъ въ Государственную Думу. Этого мало. Какъ человѣкъ опытный и осторожный, онъ не очень-то разсчитываетъ на долговѣчность даже третьей Думы, и потому не отказывается отъ прежней должности.

„Въ отъѣздъ,—Кирей сказалъ угрюмо:
А кто ихъ знаетъ, какъ тамъ Дума,
И долго ли останусь тамъ...
Я „мѣста“ своего не дамъ“.

Такъ и загораживаетъ ходъ другимъ сослуживцамъ, прибавивъ къ прежнимъ подлостямъ еще и незаконное совмѣстительство...

Есть такіе господа, дѣйствительно есть. Очень вѣроятно, что

не одинъ этакой Кишенька сидитъ теперь (съ зубомъ или безъ онаго) въ Таврическомъ дворцѣ, упраздняетъ Финляндію и сочиняетъ для насъ, совмѣстно съ Гололобовымъ, законы о прикосновенности. И ничѣмъ его не проймешь, никакими тамъ запросами. Мы очень сочувствуемъ поэтому г. Невинскому, обрушившему на Кирея четыре тысячи пятьсотъ негодующихъ и язвительныхъ строкъ. Четыре тысячи пятьсотъ, и даже слишкомъ! Шутка ли! Иные скажутъ, пожалуй, что это уже превышаетъ мѣру даже Кишиныхъ преступленій. Но мы съ этимъ несогласны. Положительно на этакихъ молодцовъ мало даже четырехъ тысячъ пятисотъ. Вотъ если бы еще столько. Тысячъ этакъ отъ десяти, можетъ, и пріунылъ бы. Да и то—едва ли... Марковъ утѣшитъ, Гололобовъ приласкаетъ, Пуришкевичъ развеселитъ... Глядишь—и отдышется...

Н. Н. Брешко-Брешковскій. „Чухонскій богъ". Романъ изъ жизни борцовъ и атлетовъ. Съ портретомъ автора и предисловіемъ.— Библіотека „Гонгъ".

Роману г. Брешко-Брешковскаго «библіотекой Гонгъ» предпослана статья Г. Ш. Изъ нея мы узнаемъ, между прочимъ, что авторъ романа происходитъ изъ стариннаго малороссійскаго рода, что предки его были запорожцами и что онъ «первый обогатилъ русскую беллетристику описаніями борцовъ и атлетовъ». Послѣднее извѣстіе не точно. Мы помнимъ, напримѣръ, романъ г. Баранцевича, описывавшаго тотъ же бытъ гораздо ранѣе г. Брешко-Брешковскаго. Можно бы привести и другіе примѣры, но это не важно. Гораздо существеннѣе для читателя, что предлагаемый его вниманію романъ, по отзыву критика «Гонга», «написанъ сочными красками большого мастера слова»... «Послѣ прочтенія нѣсколькихъ страницъ, выведенныя въ немъ лица становятся намъ знакомыми... А сцена Тампіо и его обожательницы—это шедевръ».

Къ сожалѣнію, по прочтеніи романа, и эту характеристику тоже приходится признать «неточной». Есть, напримѣръ, въ романѣ борецъ-студентъ. Онъ самъ дѣйствуетъ на аренѣ и, кромѣ того, является чѣмъ-то вродѣ импрессаріо. Намъ, конечно, любопытно познакомиться съ этимъ «студентомъ», выступающимъ въ не совсѣмъ обычной роли... Вотъ какъ изображаетъ его «большой мастеръ» атлетической литературы. «Мѣрными шагами онъ подошелъ къ рампѣ и, *коснувшись рукою фуражки*, зычнымъ голосомъ соборнаго протодіакона произнесъ: «Прошу одну минуту вниманія... Въ виду серьезности предстоящей борьбы... покорнѣйшая просьба воздержаться отъ восклицаній...» *Онъ вновь коснулся фуражки* и отошелъ вглубь сцены». Это на страницѣ 11. На стр. 21 Гусевъ хватаетъ зарвавшихся борцовъ и удерживаетъ ихъ на мѣстѣ. «Публика рукоплескала... Студентъ обычнымъ

жестомъ *приподнялъ фуражку*». «Прошу одну минуту вниманія...— возглашаетъ онъ опять на стр. 38.—«Браво, Гусевъ! Браво, молодецъ Гусевъ...» Студентъ обвелъ публику яснымъ, довѣрчивымъ взглядомъ своихъ голубыхъ глазъ и...» ну, конечно, опять... «*приподнялъ фуражку*». На стр. 71 Гусевъ приподымаетъ фуражку дважды подрядъ. Таково богатство красокъ на палитрѣ г. Брешко-Брешковскаго... Одинъ только разъ мы присутствуемъ при разговорѣ, въ которомъ родной братъ Гусева, профессоръ, спрашиваетъ:—«Какъ тебѣ не стыдно, Владиміръ, какую профессію ты избралъ? Ходишь въ своихъ ботфортахъ со свисткомъ по сценѣ и дрессируешь этихъ дураковъ... Кончилъ бы университетъ, сдалъ бы экзаменъ».—«Ну, а дальше что?—возражаетъ студентъ:— Кандидатомъ на судебныя должности?.. Или судебнымъ слѣдователемъ въ какую-нибудь Оршу? Mersi вамъ. Я уже смѣялся» (51). Нельзя сказать, чтобы все это сдѣлало борца-студента понятнымъ и знакомымъ... Когда Тампіо говоритъ, что Гусевъ «хитрый мужикъ», а г. Брешко-Брешковскій утверждаетъ, наоборотъ, что онъ совсѣмъ не «хитрый мужикъ», то читатель не знаетъ, кому вѣрить. Дѣло въ томъ, что у персонажей г. Брешко-Брешковскаго нѣтъ ни характеровъ, ни физіономій, есть только мускулатура, зычный голосъ и большее или меньшее умѣнье «брать на передній поясъ» и «строить мосты»... Одинъ Тампіо хоть отдаленно напоминаетъ живого человѣка (это и есть «чухонскій богъ)». Но и тутъ многое не слажено. Почему чухонскій богъ? Такъ называютъ его товарищи, хотя онъ не финнъ, а эстонецъ. Для приданія «индивидуальности» этой мускульной маріонеткѣ, авторъ заставляетъ эстонца (учившагося въ гимназіи въ Ревелѣ) говорить *польскимъ* жаргономъ, постоянно, кстати и некстати, вставляя «проше пана». А вотъ и рекомендованный критикомъ *Гонга* шедевръ. Тампіо въ отдѣльномъ кабинетѣ. Прихлебатель Гревсъ приводитъ къ нему довольно безобразную даму, которая Гревсу заплатила за это сто рублей. Послѣ короткаго разговора о только что закончившейся борьбѣ, Тампіо звонитъ и приказываетъ слугѣ: «Дайте намъ чаю съ земляниками». А затѣмъ безъ обиняковъ спрашиваетъ у собесѣдницы:—У васъ, кажется есть домъ?.. ...Почему же вы не дѣлаете мнѣ подарковъ?.. Вотъ у меня золотого хронометра нѣтъ съ цѣпочкой...» Дама обѣщаетъ хронометръ и кольцо съ брилліантами, послѣ чего Тампіо говоритъ, зѣвая: — Спать хочется. Ну, ѣхать, такъ ѣхать..» Гмъ, да!.. Тонкость «шедевра» поистинѣ атлетическая...

— «Что же дѣлать,—скажетъ читатель.—Таковъ этотъ «своеобразный міръ», живущій одними мускулами. Какая ужъ тутъ «тонкость». По Сенькѣ и шапка». Если бы г. Брешко-Брешковскій писалъ только для цирковыхъ героевъ «съ толстыми шеями и маленькими головами», то съ этимъ можно бы согласиться, сказавъ просто: Получите, господа Гревсы и Мартинсоны. Это —

ваша лите-ура. Тутъ вы найдете, навѣрное, много знакомаго, а вопросъ о ъ, дѣйствительно ли Тамаіо въ такомъ-то случаѣ «оттолкнулс огами отъ стола» можетъ пожалуй вызвать оживленный обмѣнъ ѣній. Но съ настоящей литературой у «Чухонскаго бога» ъ ничего общаго. Бѣда, конечно, не въ томъ, что г. Брешко ешковскій описываетъ пошляковъ. Это можно. Плохо только, да пошлостью вѣетъ отъ самаго описанія... А г. Брешко-Брешовскій какъ разъ и не остерегся отъ этого совершенно излишнo «реализма».

Педагогическая Академія въ очеркахъ и монографіяхъ. Подъ ред. А. П. Не за т. II, ч. 1-ая. **Методы первоначальнаго обученія.** Русскій яз. Начальная математика. Новые языки. Исторія. Составили Н. К. Кульма С. И. Шохоръ-Троцкій, В. К. Петрова и С. Ф. Знаменскій. Изд. Польза. 1910.

Вторая книжка *) дагогической Академіи, посвященная методамъ начальнаго обучія, открывается большой, занимающей почти половину всей кни статьей *Н. К. Кульмана* о методахъ элементарнаго преподава русскаго языка. Статья начинается съ разсмотрѣнія методовъ бученія грамотѣ, но центръ тяжести ея лежитъ въ той части, которая разбираетъ вопросъ о преподаваніи грамматики. Вопросъ отъ, вызывающій за послѣдніе годы такое живое вниманіе педаговъ и связываемый иногда чуть ли не съ потрясеніемъ основъ и политической неблагонадежностью, играетъ огромную роль въ жизи нашихъ среднихъ и особенно низшихъ учебныхъ заведеній. реподаваніе теоретической грамматики, крайне сложной и противорѣчивой, а для дѣтей въ высшей степени трудной и скучной, тнимая массу времени и силъ, совершенно не отвѣчаетъ тѣмъ лямъ, какія ставятся ей въ системѣ нашего образованія, и не приводитъ къ сколько нибудь удовлетворительнымъ результатамъ.

Выходъ изъ этого положенія, по мнѣнію автора, возможенъ только при полной реорганизація курс школьной грамматики: отвергая установленную логико-грамматическую точку зрѣнія, отождествляющую логическія и грамматическія категоріи, какъ научно неправильную, а практически безплодную и безцѣльную, г. Кульманъ предлагаетъ пользоваться грамматическимъ матеріаломъ исключительно въ цѣляхъ практическихъ, поскольку это необходимо для усвоенія орѳографіи, пунктуаціи и отчасти стиля. Эту точку зрѣнія онъ называетъ элементарно-практической. При изложеніи своихъ воззрѣній авторъ даетъ историческій очеркъ зарожденія и развитія у насъ грамматическаго преподаванія, разработавъ для этой цѣли совершенно новый матеріалъ. Благодаря этому выясняется,

*) Рецензію на первую кн. см. въ № 2 Р. Б.

почему, въ связи съ какими историческими явленіями славяно-русская грамматика, заимствованная съ греко-латинскихъ образцовъ и искусственно связанная съ формами церковно-славянскаго и живого русскаго языковъ, пріобрѣтаетъ такое значеніе въ школьномъ преподаваніи, начиная съ 16-го вѣка. Авторъ доказываетъ затѣмъ, что, благодаря западно-европейскимъ вліяніямъ 18-го вѣка, русской грамматикѣ были навязаны цѣли логико-грамматическія; а это, главнымъ образомъ, и «положило начало той смутѣ, которая царитъ въ грамматическомъ преподаваніи до нашего времени». Въ критикѣ логико-грамматической точки зрѣнія Г. Кульманъ является сторонникомъ Потебни, хотя и не считаетъ возможнымъ ввести его теорію въ школьное преподаваніе въ виду ея недоступности для дѣтскаго пониманія. Въ заключеніе авторъ предлагаетъ свою программу грамматики, которая уже была принята какъ на педагогическихъ съѣздахъ и курсахъ, такъ и въ различныхъ коммисіяхъ и учрежденіяхъ (разумѣется, не Мин. Нар. Просв.). Къ статьѣ приложены интересные снимки съ различныхъ азбукъ, начиная съ 17-го вѣка. Библіографическій указатель не отличается полнотой.

Статья по методикѣ математики написана *С. И. Шохоръ-Троцкимъ*, авторомъ извѣстныхъ учебниковъ и руководствъ. Г. Шохоръ-Троцкій—представитель новой у насъ въ Россіи теоріи преподаванія математики, имѣющей пока еще немногочисленныхъ сторонниковъ и вызывающей многія возраженія, но всетаки пробившей себѣ дорогу въ жизнь. Статья его касается, съ одной стороны, содержанія элементарнаго курса математики, съ другой—методовъ преподаванія. Авторъ возражаетъ противъ обычно принятаго построенія курса и стоитъ за перестройку его, предлагая свою схему программы; при этомъ нѣкоторые отдѣлы ариѳметики, не имѣющіе, по мнѣнію автора, ни образовательнаго, ни воспитательнаго, ни практическаго значенія, должны быть совсѣмъ устранены. Особеннымъ нападкамъ подвергаются сложныя и запутанныя ариѳметическія задачи, отнимающія у учащихся много времени и совершенно безполезныя во всѣхъ отношеніяхъ. Въ вопросѣ о методахъ преподаванія авторъ, возражая противъ догматическаго обученія, настаиваетъ на необходимости развитія самодѣятельности учащихся. Конкретность, основанная не только на зрительной и слуховой работѣ учащихся, но и на ихъ мускульномъ чувствѣ, «лабораторный методъ» занятій учениковъ и «цѣлесообразныя» задачи—вотъ главнѣйшіе элементы преподаванія, рекомендуемые новой школой.

Переходя къ разбору статьи *С. Ф. Знаменскаго*, «къ постановкѣ исторіи, какъ предмета начальнаго обученія», нельзя не отмѣтить трудности положенія автора: до сихъ не только нѣтъ сколько нибудь удовлетворительной методики исторіи, но даже относительно самыхъ основныхъ вопросовъ преподаванія исторіи почти не существуетъ литературы. Поэтому дать въ небольшой статьѣ отвѣты на цѣлый рядъ естественно возникающихъ по поводу темы

вопросовъ, совершенно не возможно. Этимъ, вѣроятно, и объясняется нѣкоторая, если можно такъ выразиться, недоговоренность статьи. Авторъ, осторожно подходя къ спорному вопросу о томъ, когда надо приступать къ преподаванію исторіи, склоняется къ мнѣнію, что сообщеніе дѣтямъ систематическихъ свѣдѣній не можетъ начаться въ раннiй періодъ обученія; но уже въ младшихъ классахъ средней школы и въ старшихъ—начальной оно возможно.

Г. Знаменскій признаетъ всю трудность преподаванія исторіи небольшимъ дѣтямъ. Онъ, какъ и подобаетъ представителю новыхъ педагогическихъ теченій, не можетъ примириться съ такъ называемымъ эпизодическимъ курсомъ, обычно устанавливаемымъ оффиціальными програмами. «Курсъ исторіи въ начальномъ обученіи, говоритъ онъ, долженъ быть научнымъ, т. е. долженъ отличаться строгимъ выборомъ научно-провѣреннаго матеріала, обработкой и изслѣдованіемъ этого матеріала строго научными методами». А при выполненіи требованія научности необходимъ прежде всего такой подборъ матеріала, чтобы дѣти могли усвоить идею исторической эволюціи, составить себѣ историческое міросозерцаніе. Но возможно ли это? Правда, самъ авторъ не возлагаетъ на такой курсъ большихъ надеждъ: «конечно, мы должны прибавить, говоритъ онъ, что особенно многаго отъ небольшого элементарнаго курса ждать не приходится». «Даже въ послѣдній періодъ начальнаго обученія отводить исторіи много мѣста не приходится»,—замѣчаетъ онъ въ другомъ мѣстѣ. Не лучше ли вмѣсто этого немногаго, мало доступнаго, дать дѣтямъ то, что имъ по силамъ, и отложить изученіе исторіи на болѣе поздній возрастъ, по крайней мѣрѣ въ средней школѣ; относительно низшей приходится пока волей-неволей идти на компромиссъ, такъ какъ соображеніе автора, что тутъ уроки исторіи «надолго для многихъ останутся единственнымъ вкладомъ въ установленіе гражданскихъ и политическихъ понятій»—совершенно справедливо.

Примѣрная программа начальнаго курса исторіи, предложенная г. Знаменскимъ, очень интересна, но едва ли возможно провести ее болѣе или менѣе глубоко, такъ какъ на первыхъ же порахъ дѣти сталкиваются съ цѣлымъ рядомъ трудныхъ понятій, какъ, напр., государство, сословіе, экономическій строй, взаимодѣйствіе различныхъ историческихъ факторовъ и т. п.

По вопросу о методахъ преподаванія г. Знаменскій на перв[illegible] планъ выдвигаетъ конкретность и даетъ въ этомъ направлен[illegible] рядъ цѣнныхъ для начинающихъ преподавателей указаній. Приложенные рисунки хороши. Диссонансомъ къ разобраннымъ интереснымъ статьямъ, отличающимся свѣжестью точекъ зрѣнія и матеріала, является безсодержательная статья г-жи Петровой о преподаваніи новыхъ языковъ. Не давая теоретическаго обоснованія своимъ утвержденіямъ, г-жа Петрова довольствуется чисто догматическими указаніями, какъ надо поступать въ томъ или

номъ случаѣ; ссылки же на свой опытъ, на то, что ея уроки «идутъ успѣшно и быстро», едва ли убѣдительны для педагоговъ, ищущихъ новыхъ путей, тѣмъ болѣе, что въ этомъ личномъ опытѣ автора читатель не находитъ ничего, кромѣ банальныхъ пріемовъ и фразъ. Замѣтимъ, что другіе авторы подчеркиваютъ неубѣдительность ссылокъ на личный опытъ и стремятся тщательно обосновать каждое свое положеніе. Это противорѣчіе надо поставить уже на счетъ редакціи Педаг. Акад., поблагодаривъ ее вмѣстѣ съ тѣмъ за сдѣланный ею цѣнный вкладъ въ педагогическую литературу.

Г. Клейнпетеръ. Теорія познанія современнаго естествознанія. Пер Р. Лемберкъ, подъ ред. и съ предисловіемъ П. Юшкевича. Спб. 1910 г. 189 стр., ц. 1 р. 25 к.

Подъ заголовкомъ своей книги авторъ заявляетъ, что «теорія познанія современнаго естествознанія» будетъ имъ изложена «на основѣ воззрѣній Маха, Сталло, Клиффорда, Кирхгоффа, Гертца, Пирсона и Оствальда». Такимъ образомъ мы имѣемъ здѣсь дѣло не съ вполнѣ оригинальнымъ и самостоятельнымъ изслѣдованіемъ, а, скорѣе, съ попыткой извлечь изъ ряда современныхъ работъ то, что нашъ авторъ считаетъ тамъ наиболѣе цѣннымъ для теоріи познанія. Но такъ какъ авторъ является не простымъ пересказывателемъ чужихъ мыслей, а человѣкомъ, который стремится самостоятельно обработать эти мысли, то наиболѣе интереснымъ вопросомъ, который долженъ быть выясненъ критикой, является вопросъ о томъ, что вноситъ авторъ своего въ обрабатываемый имъ матеріалъ.

Въ основу ученія о познаніи нашъ авторъ кладетъ «принципъ относительности всякаго познанія, значеніе непосредственнаго опыта и экономическій характеръ науки» (стр. 58). Во избѣжаніе недоразумѣній замѣтимъ, что подъ «экономическимъ характеромъ науки» авторъ подразумѣваетъ Махъ-Авенаріусовское ученіе объ экономіи мышленія.

Весь процессъ познанія распадается, по ученію Клейнпетера, на два совершенно несходныхъ элемента. Во-первыхъ, мы устанавливаемъ нѣкоторыя предпосылки, во-вторыхъ, мы дѣлаемъ логическіе выводы изъ этихъ предпосылокъ. «Привести какія-либо научныя доказательства въ пользу этихъ предпосылокъ—не возможно. Если кто-нибудь объявляетъ себя несогласнымъ съ предпосылками, которыя навязываетъ ему другая сторона, то съ этимъ ничего не подѣлаешь... Кто не хочетъ ничего допускать, тому нельзя ничего доказать... *Единственная достижимая цѣль всякой науки—это субъективное убѣжденіе, а не объективная увѣренность*».

Справедливость этого утвержденія едва ли можно оспаривать. Стоитъ только подумать о томъ, въ чемъ состоитъ «доказательство» какого-либо утвержденія, чтобы ясно понять, что всякимъ подоб-

нымъ «доказательствамъ» гдѣ-либо долженъ быть конецъ. И этимъ «концомъ» неизбѣжно является для каждаго изъ насъ нашъ единичный опытъ. Но, соглашаясь вполнѣ съ общимъ положеніемъ нашего автора, мы не можемъ не отмѣтить того обстоятельства, что онъ сейчасъ же даетъ ему совершенно ошибочное толкованіе. Онъ говоритъ: «При своемъ возникновеніи каждое познаніе имѣетъ значеніе лишь для индивида, породившаго его. И, лишь по выполненіи нѣкоторыхъ предпосылокъ, умственная работа одного индивида пріобрѣтаетъ значеніе и для другихъ. Собственно говоря, надо считать случайностью, что вообще нѣчто подобное возможно» (стр. 84). Мы же думаемъ, что не только нѣтъ ни малѣйшей случайности въ томъ, что существа, связанныя единствомъ происхожденія, имѣютъ общія предпосылки, но что, сверхъ того, одна изъ главнѣйшихъ задачъ теоріи познанія именно и заключается въ томъ, чтобы выяснить, какъ и почему основныя предпосылки мышленія *должны быть для всего человѣческаго рода одинаковы*.

Такова основная ошибка автора, ошибка, дающая о себѣ знать почти во всей его книгѣ. Вообще нашему автору случается иногда дѣлать довольно неожиданные выводы изъ усвояемыхъ имъ положеній. Такъ, наприм., на стр. 61 онъ говоритъ: «Психологическій характеръ всѣхъ фактовъ—вотъ фактъ, которымъ намъ приходится прежде всего заняться. Собственно говоря, онъ настолько самоочевиденъ, что не нуждается даже въ особой формулировкѣ». При этомъ, въ подтвержденіе психическаго характера всѣхъ фактовъ, онъ ссылается на Маха и именно на его заявленіе, что «не вещи (тѣла), а цвѣта, звуки, давленія, пространства, времена (то, что обыкновенно мы называемъ ощущеніями) являются, собственно, элементами міра» (стр. 65). Намъ кажется, что въ данномъ случаѣ нашъ авторъ меньше всего могъ бы ссылаться именно на Маха, ибо извѣстно, что Махъ-Авенаріусова точка зрѣнія совершенно иная. И Махъ, и Авенаріусъ стремятся углубить свое міровоззрѣніе до того пункта, когда исчезаетъ самое различіе между физическимъ и психическимъ: и физическое, и психическое является для нихъ чѣмъ-то вторичнымъ, производнымъ... Этотъ эпизодъ показываетъ, что нашъ авторъ крайне ошибочно понимаетъ ученіе нѣкоторыхъ новѣйшихъ представителей научно-философской мысли.

Н. Карѣевъ. История Западной Европы въ новое время. Т. VI. Ч. I.—Спб. 1909. Ч. II.—Спб. 1910.

«Исторія Западной Европы» проф. Н. И. Карѣева, начавшая выходить въ свѣтъ еще въ 90-хъ гг., давно заслужила себѣ лестную репутацію, какъ въ ученой литературѣ, такъ и въ широкихъ кругахъ читающей публики. Громадное большинство многочисленныхъ «всеміpныхъ» исторій, появлявшихся до сихъ поръ на книж-

номъ рынкѣ, страдало всегда страшной односторонностью. Ставя своей задачей въ обобщающемъ трудѣ подвести итоги ученой работѣ изслѣдователей-спеціалистовъ, авторы ихъ сосредоточивали однако свое вниманіе исключительно на одной политической исторіи, какъ бы игнорируя солидные результаты, полученные наукой вслѣдствіе разработки соціальной и экономической исторіи и исторіи духовнаго развитія. Кромѣ того, при изложеніи общаго хода событій, главное мѣсто всегда отводилось, сознательно или безсознательно, исторіи той страны, къ которой по національности принадлежалъ авторъ, и общій ходъ историческаго процесса оцѣнивался скорѣе съ національной, чѣмъ съ всемірно-исторической точки зрѣнія. Проф. Карѣевъ, приступая къ своему обширному труду, съ самаго начала поставилъ свою задачу совершенно иначе. Его цѣлью было, основываясь на послѣднихъ выводахъ исторической науки, дать общую картину всего хода исторіи Западной Европы въ новое время, изобразить историческій процессъ во всей его полнотѣ, на ряду съ ходомъ политическихъ событій и изображеніемъ политической эволюціи западно-европейскихъ государствъ, дать исторію соціально-экономическихъ отношеній и духовной культуры Европы. Вполнѣ справедливо разсматривая современную западно-европейскую культуру, какъ единое цѣлое, авторъ исходитъ изъ всемірноисторической точки зрѣнія и излагаетъ исторію Европы, какъ единый процессъ, какъ исторію единой цивилизаціи, въ созданіе которой всѣ народы Европы дѣлали свои вклады. Широкая эрудиція и строгая научность автора, полная объективность и безпристрастіе построенія и изложенія, умѣнье изъ безконечной массы сырого и полусырого матеріала выбрать наиболѣе характерные моменты, обиліе и полнота библіографическихъ указаній, соединяющихся съ небольшими, но очень содержательными очерками исторіографіи отдѣльныхъ эпохъ, сразу сдѣлали «Исторію Западной Европы» настольной книгой всѣхъ интересующихся исторической наукой и незамѣнимымъ пособіемъ. Первоначально авторъ предполагалъ закончить свой трудъ въ 5 томахъ, доведя изложеніе до франко-прусской войны 1870—1871 гг. Но, выпуская въ свѣтъ V томъ въ 1898 г., онъ пришелъ уже къ заключенію о необходимости продолжать свой трудъ дальше и въ VI томѣ обѣщалъ довести разсказъ до нашихъ дней. Теперь онъ исполнилъ свое обѣщаніе и выпустилъ въ 2 частяхъ VI томъ, излагающій исторію Западной Европы съ 1870 по 1900 г. и достойно завершающій его многолѣтній трудъ. Авторъ давно заслужилъ репутацію объективнаго и безпристрастнаго историка, но по отношенію къ эпохѣ, составляющей содержаніе VI тома, когда авторъ описывалъ событія, современникомъ которыхъ онъ самъ былъ, невольно закрадывалось сомнѣніе, будетъ ли выдержанъ объективный тонъ. Сомнѣнія не оправдались. Съ одинаковымъ безпристрастіемъ и спокойствіемъ сумѣлъ авторъ изобразить кровавую драму парижской коммуны и борьбу француз-

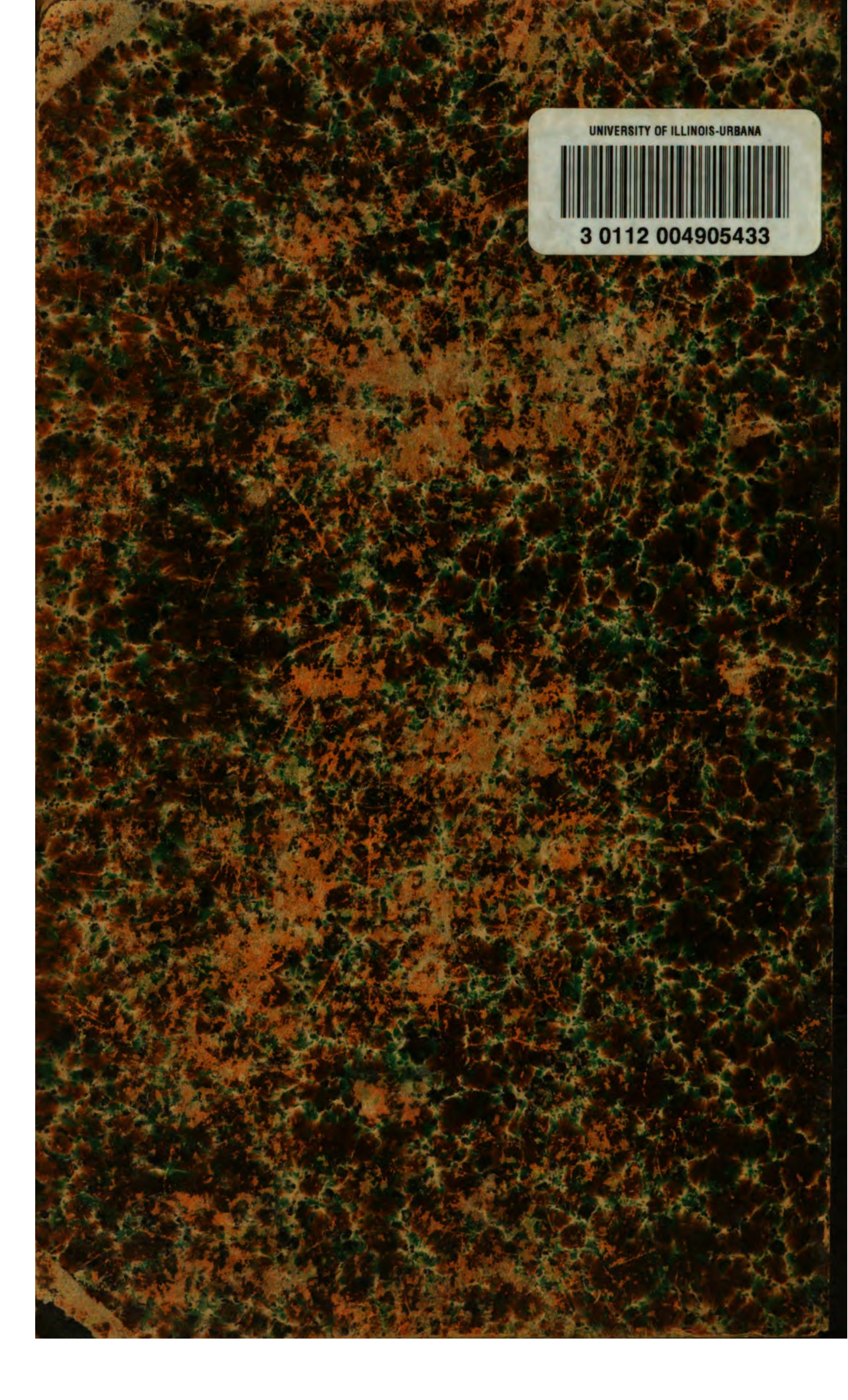
скихъ республиканцевъ за торжество республики, авторитарную политику Бисмарка и Вильгельма II и демократическія реформы Гладстона, успѣхи католицизма при Львѣ XIII и ростъ рабочаго движенія и соціализма. Авторъ не скрываетъ своихъ симпатій къ дѣлу прогресса и демократіи, но это не мѣшаетъ ему быть справедливымъ при оцѣнкѣ различныхъ національныхъ и партійныхъ стремленій. Большую часть книги составляетъ исторія международныхъ отношеній и внутренняя исторія отдѣльныхъ странъ Западной Европы за время съ 1870 по 1900 г. Вопросамъ, не исчерпывающимся этими двумя рубриками и въ то же время имѣющимъ существенно важное значеніе, авторъ посвящаетъ отдѣльные обстоятельные очерки. Таковы главы, посвященныя исторіи католицизма въ концѣ XIX вѣка, развитію милитаризма, рабочему движенію и соціализму, экономической эволюціи Западной Европы въ послѣднія десятилѣтія XIX в., колоніальной политикѣ европейскихъ державъ и общему взгляду на умственныя теченія конца XIX в. Вотъ въ самыхъ краткихъ чертахъ содержаніе этой интересной книги. Въ наше время обостренной національной и партійной борьбы отъ души надо пожелать самаго широкаго распространенія этому безпристрастному и спокойному изображенію жгучихъ вопросовъ современности въ ихъ историческомъ развитіи.

Новыя книги, поступившія въ редакцію.

(Значащіяся въ этомъ спискѣ книги присылаются авторами и издателями въ редакцію въ одномъ экземплярѣ и въ конторѣ журнала *не продаются*. Равнымъ образомъ контора не принимаетъ на себя коммиссіи по пріобрѣтенію этихъ книгъ въ книжныхъ магазинахъ).

Книг-во Т-ва И. Д. Сытина. М. 1910. ***Вас. Немировичъ-Данченко.*** Ранніе огни. Ц. 1 р.—***Петръ Нилусъ.*** Разсказы. Ц. 1 р.—Историко-литер. библіотека. В. IV. А. С. Пушкинъ. Сост. Н. А. Заозерскій. Ц. 1 р. — ***Викторъ Острогорскій.*** Хорошіе люди. Разсказы. Ц. 60 к.— ***А. А. Кауфманъ.*** Формы хозяйства въ ихъ историческомъ развитіи. Ц. 40 к.—***І. Конрадъ.*** Сельское хозяйство и аграрная политика. Ч. I. Пер. подъ ред. А. А. Мануилова, I. М. Гольдштейна и С. О. Загорскаго. Ц. 50 к.—***Н. Морозовъ.*** Что можетъ принести намъ встрѣча съ кометой. Ц. 50 к.—Народная энциклопедія научныхъ и прикладныхъ знаній. Т. X. Народное образованіе въ Россіи. Т. II. Природовѣдѣніе.—Изъ родной литературы. Младш. возрастъ. Ч. II. Ц. 90 к.— ***Дм. Райтманъ.*** Курсъ элементарной геометріи. Ц. 1 р. 40 к.—***К. Н. Рашевскій.*** Краткій курсъ геометріи. Ц. 50 к.—***Н. В. Тулуповъ*** и ***П. М. Шестаковъ.*** Завѣты школы. Ц. 15 к.—***А. Реформатскій.*** Неорганическая химія. Ц. 2 р. 25 к.—Сонъ стараго года. Маленькая опера изъ кантаты. Ц. 1 р. Часы. Мал. опера изъ кантаты для женскихъ голосовъ. Ц. 1 р.—***Л. П. Литошенко.*** Снабженіе Москвы и др. больш. городовъ молокомъ. Ц. 1 р. 25 к.

Книг-во „Матезисъ". Од. 1910. Проф. ***Г. А. Лоренцъ.*** Курсъ физики. Пер. подъ ред. проф. Н. П. Костерина. Т. II. Ц. 3 р. 75 к.—***Гампсонъ Шеферъ.*** Парадоксы природы. Пер. съ нѣм. Ц. 1 р. 20 к.—Проф. ***Г. Кайзеръ.***

UNIVERSITY OF ILLINOIS-URBANA
3 0112 004905433